

ВАЛ. ЗОРИН

**ДОЛЛАРЫ
И ПОЛИТИКА
ВАШИНГТОНА**

Вашингтон от Эйзенхауэра до Джонсона — такова тема этой книги. Читатель заглянет за политические кулисы американской столицы, ознакомится с тайными пружинами, движущими государственный механизм США, узнает о людях, действующих как на политической авансцене, так и вдали от посторонних глаз, в тиши директорских кабинетов крупнейших корпораций, фешенебельных клубов и роскошных вилл и определяющих политику ведущей державы современного капитализма.

ВАМ ЗОРИН

ДОМАРЫ И ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА

ВАЛ. ЗОРИН

ДОЛЛАРЫ
и ПОЛИТИКА
ВАШИНГТОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Москва 1964

Каковы силы, определяющие политику современного Вашингтона, каким образом ведущие монополистические объединения страны вырабатывают нужный им курс и при помощи каких приводных ремней превращают этот курс в государственную политику — на эти и многие другие вопросы найдет ответ читатель книги «Доллары и политика Вашингтона».

Основные группировки монополистического капитала США, хотя и скрытая, но ожесточенная борьба между ними, действия и структура двухпартийной системы — все это рассматривается на фоне острых политических событий последних лет — от появления в Белом доме Эйзенхауэра до гибели Кеннеди и деятельности Джонсона и его окружения.

Используя материал монографии «Монополии и политика США», изданной в 1960 году, автор особое внимание сосредоточивает на событиях последних лет. Перед читателем проходит обширная галерея ведущих американских политических деятелей, дипломатов, публицистов, социологов, а также обычно остающихся в тени хозяев сегодняшнего Вашингтона — воротил большого бизнеса.

ЭЛИТА АМЕРИКАНСКИХ МОНОПОЛИЙ

Конкурентная борьба между отдельными компаниями и фирмами, между монополистическими группами и объединениями накладывает самый существенный отпечаток на всю политическую жизнь США, как на внутреннюю, так и на внешнюю политику американских правящих кругов. «Нигде в мире, — указывал В. И. Ленин, — монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Написать такую систему — это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную»¹.

В свете этого представляется необходимым, прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о политических событиях последнего десятилетия, специально остановиться на вопросе о региональных объединениях американского финансового капитала и конкурентной борьбе, происходящей в его недрах.

Американские монополии ищут выход из своих трудностей в агрессивных империалистических авантюрах, в гонке вооружений, в наступлении на демократические права трудящихся США, в усилении эксплуатации рабочего класса и трудящегося фермерства в целях получения

---

¹ В. И. Ленин, VIII съезд РКП(б), Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 154.

максимальных прибылей. Однако при единстве общих целей между этими группами и объединениями существуют многочисленные расхождения и разногласия, в основе которых лежит конкуренция.

О степени остроты конкурентной борьбы в американской экономике свидетельствуют данные о разорении и ликвидации фирм и компаний, не выдержавших борьбы со своими более сильными конкурентами, и о поглощении более слабых компаний сильнейшими.

Газета «Нью-Йорк таймс», отмечая острую конкурентную борьбу среди монополий США, писала: «В течение последних 40 лет не было ни одного периода, когда ряды крупного бизнеса не подверглись бы изменениям, — как правило, новички продвигались вперед, а некоторые из крупнейших компаний становились сравнительно небольшими. 64 из 100 наиболее крупных промышленных компаний, на 1909 год, к 1948 году были вынуждены уступить свое место новым компаниям»².

Реакционные буржуазные ученые подвели под это «научную базу». Отвечая тем, кто выступает против всевластия монополий, один из таких прислужников монополий, профессор коммерческой школы при Гарвардском университете З. Гловер, в книге «Атака на большой бизнес» «доказывает», что путь к процветанию американцев лежит через усиление монополий. «В будущем, — пишет он, — крупные корпорации могут сделать и сделают значительный вклад в тот длительный период прогресса, которого жаждут американцы... Если в деятельности крупного капитала сейчас и имеются недостатки, то лучше всего дать возможность его представителям исправлять их через руководство всей экономической и общественной жизнью страны»³.

Стремительная концентрация производства ведет к тому, что удельный вес крупнейших предприятий увеличился в США до беспрецедентной степени. В 1955 году 500 крупнейших компаний США дали примерно половину промышленной продукции и сосредоточивали на своих предприятиях около половины всех промышленных рабочих. Эти компании держали в своих руках 59% активов всех промышленных фирм, на их долю приходилось 54%

---

² «New York Times», Dec. 12, 1953.

³ Z. Glover, The Attack on Big Business, Boston, 1954, p. 327.

общей суммы торгового оборота всех промышленных компаний⁴. В 1962 году правительственное бюро переписи опубликовало доклад о концентрации производства в обрабатывающей промышленности США. В этом докладе указывается, что в 1947 году на долю крупнейших компаний этой отрасли приходилось 30% стоимости всей промышленной продукции, а к 1958 году их доля достигла 38%⁵.

Такое же положение имеет место и в банковском деле. Сенатская комиссия по делам мелких предприятий в своем докладе, опубликованном в январе 1956 года, отмечала рост концентрации в банковском деле США.

По ее данным, в 1955 году произошло больше слияний банков, чем когда-либо после 1931 года. В 1954 году таких слияний было 207, в 1955 году — 250. Комиссия отмечала, что слияния ведут «к созданию банковской монополии в стране».

Процесс концентрации капитала продолжается и в последовавший за этим период. Председатель юридической комиссии палаты представителей США Э. Селлер в начале 1962 года опубликовал пространное заявление, в котором отмечал, что банковские операции в Соединенных Штатах сосредоточиваются в руках все более узкого круга лиц⁶.

Заявление этого члена конгресса особенно интересно, поскольку оно сделано в период, когда предпринимается все больше попыток распространить миф о «народном капитализме».

Поводом для этого заявления послужила просьба могущественного «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)» официально разрешить ему присоединить менее крупный банк «Нэшнел бэнк оф Уэстчестер», действующий в пригороде Нью-Йорка. Э. Селлер, который в течение многих лет выступает защитником «мелкого предпринимательства», писал, что, несмотря на пропагандистские высказывания о «конкуренции» и «свободном предпринимательстве», в американской экономике неуклонно происходит процесс концентрации. «Слияния промышленных и финансовых компаний никогда не были так широко рас-

---

⁴ «Fortune», 1956, June.

⁵ «Washington Post and Times Herald», June 26, 1962.

⁶ См. «Congressional Records», 1962, vol. 108, pp. A III-A 115.

пространены, как сейчас. Концентрация экономической мощи стала чрезмерной»⁷.

И нигде эта концентрация не происходит более быстрыми темпами, чем в области банковского дела, имеющей ключевое значение для экономики.

Э. Селлер отмечал, что в результате этого процесса число банков в Соединенных Штатах сократилось с 28 921 в 1929 году до 13 971 в 1960 году. «Гиганты вроде «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)», — отметил он, — были созданы в результате непрерывного процесса слияний и... по-прежнему стремятся к еще большей мощи путем слияний. Во всех крупных городах в банковском деле господствует кучка крупных банков».

В 26 главных районах США пять крупнейших банков района сосредоточили в своих руках свыше 90% всех вкладов. «Таким образом, — писал Э. Селлер, — почти во всех важных экономических центрах несколько главных банков держат в своих руках судьбу промышленности и торговли»⁸.

Ведущее место среди банков-гигантов по-прежнему занимают нью-йоркские банки, однако усиливается мощь банков и других городов — Сан-Франциско, Чикаго, Филадельфии и др.

Происходит концентрация и в других отраслях экономики.

Что означает такая быстрая и широкая концентрация производства и капитала? Она означает ожесточенную конкурентную борьбу между компаниями, банками, борьбу, в ходе которой могут устоять лишь сильнейшие. При этом такая борьба идет не только между мелкими и средними фирмами, но особенно остро между компаниями-гигантами. Только в 1955 году из числа 500 крупнейших монополий США выбыла 41 компания. Эти компании, сдавшие свои позиции, также увеличивали производство, прибыли и оборот, однако другие компании росли более быстрыми темпами⁹.

Эти данные говорят о том, что процесс концентрации производства и капитала отнюдь не исключает, а, наоборот, предопределяет и обуславливает острую борьбу меж-

---

⁷ «Congressional Records», 1962, vol. 108, pp. AIII — A115.

⁸ Ibid.

⁹ «Fortune», 1956, June.

ду монополиями. А это обострение борьбы приводит к еще большей концентрации производства и капитала.

Концентрация производства является неразрывной частью конкурентной борьбы, которую ведут между собой монополисты. В. И. Ленин показал, что в эпоху империализма монополии отнюдь не уничтожают конкурентной борьбы, которую ведут между собой капиталисты. Наоборот, поскольку конкурируют могущественные монополистические объединения, а не множество отдельных компаний и фирм, эта борьба становится еще более ожесточенной и упорной. В. И. Ленин отмечал, что монополии чрезвычайно обостряют конкурентную борьбу отдельных трестов, банков и финансовых групп, что монополии, вырастая из свободной конкуренции, «не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»¹⁰.

Монополии США ведут между собой борьбу за внутренний и внешний рынки, за источники сырья, за контроль над экономикой. Это находит отражение в борьбе как между демократической и республиканской партиями, так и между отдельными группировками внутри каждой из этих партий. Каждая корпорация, трест, всевозможные монополистические объединения стремятся поставить своих людей в аппараты обеих буржуазных партий, в те или иные правительственные учреждения, чтобы использовать их в своих интересах.

Ведущие монополии определяют политику и республиканской, и демократической партий, поэтому, какая бы из этих партий ни победила на выборах, это всегда победа монополистического капитала. Не случайно выборы в США часто сравнивают со скачками, на которых все соревнующиеся лошади принадлежат одному хозяину, — независимо от того, какая лошадь придет к финишу первой, приз достается одному и тому же лицу. Что же касается борьбы, которую ведут монополии, то она идет за то, какие группы монополистического капитала захватят в результате избирательной кампании наиболее выгодные позиции в государственном аппарате и правительственных органах.

---

¹⁰ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 386.

В условиях кризисных явлений в американской экономике особо важную роль для капиталистических объединений приобретают военные заказы правительства, обеспечивающие гарантированный сбыт продукции по самым выгодным ценам, не зависящим от рыночной конъюнктуры. В 1952 году правительство оплатило от 50 до 85% продукции крупных машиностроительных компаний, почти всю продукцию авиационной промышленности, 60% продукции электровакуумной промышленности, около 50% продукции станкостроительной промышленности, 16% — сталелитейной, от 10 до 20% заказов крупных компаний сельскохозяйственного машиностроения и т. д.

Такой информированный в вашингтонских делах человек, как обозреватель У. Липпман, привел следующие данные: власти федеральные, в штатах и на местах, покупают около $\frac{1}{5}$ всех товаров и услуг, создаваемых американской экономикой; в семи штатах занятость в оборонной промышленности составляет 20—30% общей занятости в обрабатывающей промышленности¹¹. Следовательно, делает вывод У. Липпман, экономика США — это уже не система обыкновенного частного предпринимательства. Под воздействием второй мировой войны и производства вооружений в «холодной войне» американская экономика стала органической смесью государственных и частных денежных средств, государственного и частного управления. Поэтому всякое серьезное сокращение государственных затрат означает далеко идущее влияние на всю экономику¹².

Основная доля военных заказов достается крупнейшим монополиям. Так, в июне 1951 года 100 капиталистических объединений получили 61,2% всех военных заказов, в июне 1952 года — 62,4, а в середине 1953 года — 64%; через 11 лет, летом 1962 года, картина выглядела еще более разительно: 15 наикрупнейших из крупнейших военно-промышленных корпораций сосредоточили в своих руках 40% всех военных заказов¹³. Если нужны иллюстрации той сверхконцентрации, которая имеет место на нынешнем этапе общего кризиса капиталисти-

---

¹¹ «New York Herald Tribune», Dec. 19, 1963.

¹² Ibid.

¹³ «U. S. News and World Report», 1963, March 11.

ческой системы, то трудно найти более наглядный пример.

Специфические интересы и особенности различных монополий обуславливают их заинтересованность в различных, подчас прямо противоположных мероприятиях правительственной администрации. Так, одни монополистические группы, не вывозящие на внешние рынки значительного количества своей продукции, а размещающие ее в США, заинтересованы в высоких таможенных тарифах, они настаивают на протекционистской политике, другие, напротив, ратуют за их снижение; одни монополии рассматривают правительственные расходы на социальные нужды исключительно как «разбазаривание средств», другие, наоборот, видят в этом прямую для себя выгоду, так как это способствует расширению рынка сбыта их продукции; одни монополистические группировки всячески стремятся побудить Вашингтон к созданию все новых баз за пределами США, к вовлечению многих стран в руководимые США военные блоки, ибо рассматривают это как средство дальнейшего проникновения в экономику многих стран, другие же группировки, не имеющие возможности широко инвестировать свои капиталы за границей, относятся к этому либо сдержанно, либо более или менее отрицательно.

Таким образом, конкретные мероприятия, осуществляемые правительством, представляют для монополистических группировок непосредственный интерес, и от того, какие группировки в тот или иной момент по тому или иному вопросу оказывают преобладающее влияние на политический курс правительства, зависят, причем в немалой степени, процветание и прибыли конкретных финансовых групп.

В этих условиях не удивительно, что борьба крупнейших монополий за правительственные заказы, за посты в правительственном аппарате, дающие возможность влиять на политику Вашингтона, приобретает чрезвычайную остроту, ибо компании и корпорации используют контроль над правительственными учреждениями для борьбы с конкурентами, для увеличения своих прибылей.

Журнал Коммунистической партии США «Политикл афферс» писал по этому поводу: «Для внутривластного положения США характерен тот факт, что внутренняя борьба в монополистическом лагере — это серьезная

борьба за политическую власть. Это борьба между так называемой уолл-стритской группировкой монополий и монополистическими группами Среднего и Дальнего Запада, то есть молодыми монополиями. Конечно, эти группировки во многих отношениях взаимно переплетены и дополняют друг друга, однако они являются главными соперниками, и соперничество это началось уже давно»¹⁴.

В ходе конкурентной борьбы в американской экономике сложилось несколько крупнейших монополистических групп и региональных объединений, ожесточенно соперничающих друг с другом. Сразу же необходимо оговориться, что деление всего американского финансового капитала на региональные объединения имеет в известной мере условный характер: с одной стороны, финансовые группы, входящие в различные региональные объединения, зачастую тесно связаны между собой, а, с другой стороны, между монополиями одного и того же объединения идет ожесточенная конкуренция.

«Линии разграничения между капиталистическими группами, — отмечает прогрессивный американский экономист В. Перло, — не могут быть столь отчетливыми, как это имеет место в отдельных корпорациях, представляющих собой определенную юридическую единицу. И все же на практике можно провести примерное разграничение между отдельными империями и подчиненными им финансовыми герцогствами. Правящие семьи и клики Рокфеллеров и Морганов, например, прекрасно знают, какие компании являются их компаниями и в каких компаниях они в известной мере делят власть с другой или какой-либо третьей капиталистической группой. Границы не закреплены точно. Непрерывно ведутся какие-то маневры в целях укрепления позиций, замаскированная борьба за контроль в различных корпорациях, которая иногда завершается сменой контроля — открытой или скрытой — в результате мирного соглашения или финансовой войны, путем тяжбы в судах и состязания их представителей. Старые союзы ослабляются, новые возникают. Появляются новые центры мощи, тогда как некоторые старые центры чахнут и возникает тенденция к поглощению их более крупными группами»¹⁵.

---

¹⁴ «Political Affairs», 1951, June.

¹⁵ «Mainstream», 1957, June.

Но, несмотря на все сложности, несмотря на то что группировки и союзы монополистов находятся в движении в процессе изменения, можно разделить монополистический капитал США на ряд региональных объединений и групп, и это в значительной степени отразит реальную картину.

Почему предлагается региональный принцип деления основных объединений американского капитала? Дело не в формальном применении географического, территориального признака, а в том, что в силу ряда исторически сложившихся обстоятельств наиболее тесные связи существуют между монополистами, обосновавшимися в одном районе. Здесь играют роль личная уния, многочисленные родственные связи, складывавшиеся в течение нескольких поколений, и многие другие обстоятельства как субъективного, так и объективного характера. Во всяком случае, многочисленные факты привели к выводу о том, что именно такое деление наиболее полным образом соответствует реальному положению вещей.

Региональный принцип деления основных объединений американского капитала не означает чего-то неизбежного, не отрицает наличия других связей, не является абсолютным. Не означает он и того, что интересы того или иного объединения сосредоточены лишь в том районе, где обосновались заправилы объединения. Сферой интересов монополистов этих объединений являются многие районы, а когда речь идет о таких людях, как, например, заправилы уолл-стритского объединения, то и самые отдаленные уголки земного шара, куда их гонят алчность и ненасытная жажда прибылей.

1. ВОРОТИЛЫ УОЛЛ-СТРИТА

Наиболее могущественными группами американского финансового капитала являются старые, давно сложившиеся финансовые группы Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов и др. В совокупности они составляют то, что принято именовать «Уолл-стритом» или северо-восточным финансово-промышленным региональным объединением. Влияние уолл-стритских финансовых групп отнюдь не ограничивается Северо-Востоком США. Северо-Восток — место возникновения этих групп и рай-

он сосредоточения основных принадлежащих им банковских и промышленных корпораций. Сфера деятельности Уолл-стрита — вся территория США и многие страны за рубежом. Именно финансовые группы Уолл-стрита первенствуют в определении всей внутренней и внешней политики американского империализма.

Господство финансовых воротил Уолл-стрита зиждется на финансовой монополии Уолл-стрита, на контроле ведущих уолл-стритских групп над крупнейшими банками и страховыми компаниями страны. О степени монополизации в этой области достаточно красноречиво говорит тот факт, что Уолл-стрит держит в своих руках около 70% всех операций по выпуску ценных бумаг и не менее 90% операций страховых компаний. На долю нью-йоркских банков приходится свыше $\frac{2}{3}$ всех займов, предоставленных американским компаниям. Шесть банков сосредоточивают в своих руках $\frac{2}{3}$ всех операций американских банков за границей. Контроль над крупнейшими банками дает законам Уолл-стрита возможность контролировать ведущие тресты страны.

Наиболее могущественной в финансовом отношении в США остается «империя Морганов»¹⁶. Она контролирует

---

¹⁶ Компания была создана в 1862 году Джоном Пирпонт Морганом-старшим (1837—1913 гг.). После его смерти и до 1943 года во главе моргановского дела стоял его сын Джон Пирпонт Морган-младший (1867—1943 гг.). В настоящее время во главе группы Морганов стоят его сыновья Джуниус Спенсер Морган (р. 1892 г.) и Генри Старгис Морган (р. 1900 г.), а также несколько представителей этой семьи из боковых ветвей.

Джуниус Спенсер Морган работает в компании «Дж. Пирпонт Морган» с 1915 года, в настоящее время он является ее директором и вице-президентом.

Генри Старгис Морган помимо руководящих постов в «Дж. Пирпонт Морган» является директором «Дженерал электрик», «Коннектикотт копเปอร์ корпорейшн», «Пулман стандарт кар компани» и др.

Джон Пирпонт Морган-третий (р. 1918 г.), сын Джуниуса С. Моргана, — помощник вице-президента «Дж. Пирпонт Морган».

Томас Альфред Морган (р. 1887 г.) — президент «Сперри жирскоп компани», директор «Бэнкерз траст компани», «Райт машинери компани» и др.

Уильям Артур Морган-младший (р. 1903 г.) — вице-президент «Бэнкерз траст компани», директор «Сенчури инвеститорс инкорпорейтед».

Аллен Морган (р. 1908 г.) — вице-президент и директор «Нэшнел бэнк оф Мэморис», вице-президент «Хэрри фид милз инкорпорейтед», директор «Континентэл бейкинг компани».

Руководящие посты в компании занимают также другие пред-

ет активы, составляющие огромную сумму — 91,7 млрд. долл. Активы компаний, входящих в эту группу, составляют $\frac{1}{4}$ всех капиталов корпораций США.

Здесь уместно сделать одно отступление. В последние годы в США большой группой буржуазных ученых и публицистов, в частности представителями историографической так называемой «школы новых консерваторов», предпринимаются попытки заново и с самых апологетических позиций переписать историю большого бизнеса, историю создания крупнейших состояний. Они пытаются вопреки фактам создать вместо галереи грабителей из числа первоначальников нынешних огромных состояний Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов и др. портреты этиких умильно добрых граждан, создавших свои богатства исключительно в силу «трудолюбия» и «таланта».

В этом направлении, например, действуют известные профессора Аллан Невинз и Луис Хэккер. В их работах вся демократическая традиция американского народа, которая развивалась на протяжении многих десятилетий, изображается в лучшем случае как наивная и, в конечном итоге, как неверная. Морганы, Рокфеллеры, Дюпоны и прочие миллиардеры характеризуются в качестве сознательных патриотов страны, будто бы самоотверженно работающих во имя развития американских ресурсов в производственной мощи. Но факты говорят об ином.

Основатель банкирского дома Моргана Джон Пирпонт Морган-старший начинал не с нуля. Его отец Юний С. Морган оставил ему несколько миллионов долларов. Свои миллионы Юний С. Морган добывал далеко не честными путями. Начав с должности приказчика в мануфактурном магазине, он угодничеством и готовностью выполнить любое самое грязное поручение втерся в доверие к банкиру Джорджу Пибоди. Во время гражданской войны банк Пибоди занимался темными махинациями и быстро превратился из мелкого финансового учреждения в крупный банк. Так было положено начало богатствам Моргана. Автор книги «История американских миллиардеров» Густав Майерс, касаясь этого периода деятельности первоначальника из рода Морганов, пишет: «Биографы утверждают, что это накопление произошло

ставители семьи Морганов. Председателем компании является с 1950 года ее бывший адвокат Генри Клей Александер (р. 1903 г.).

путем законных операций, хотя они не говорят, в чем состояли эти операции. Но если верить отзывам, которые высказывались в то время в американских газетах, то указанные операции не только далеко не были законными, но носили характер самой настоящей измены. Операции Пибоди и компании были не просто изменническими, но представляли собой двойную измену, поскольку Пибоди и компания, оказывая неприятелю помощь, одновременно были уполномоченными Соединенных Штатов и очень хорошо оплачивались за то, чтобы действовать в их интересах»¹⁷.

Сколотив путем государственной измены свои первые миллионы, Юний С. Морган завещал их сыну и наследнику Джону Пирпунту. Но, пожалуй, еще более важным наследством было то, что после смерти отца Джон Пирпонт Морган оказался во главе банка, сумевшего взять на себя роль посредника в деловых операциях между США и Англией.

В условиях, когда торговля между Старым и Новым светом приобретала решающее для американской экономики значение, прочные позиции, оказавшиеся в руках Джона П. Моргана, стали тем средством, при помощи которого он сумел направить золотой поток в свои сейфы.

Буржуазные историки пытаются приписать невероятное обогащение Моргана его «необыкновенной деловой проницательности» и «сверхчутью». Ничего общего с действительностью это не имело. Многочисленные факты говорят о том, что Морган сплошь и рядом оказывался в делах профаном и попадал впросак в ситуациях, в которых в состоянии были разобратся даже его мелкие служащие.

Л. Корей приводит такие характерные случаи. Один из самых упорных конкурентов Морганов, банкир Гарриман (дед нынешнего уолл-стритского дельца и одного из руководителей администрации демократической партии), упорно старался вытеснить моргановский капитал из правления Северной тихоокеанской дороги. С этой целью он стал повсюду скупать ее акции. Естественно, что этот усиливавшийся спрос привел к тому, что акции несколько подорожали. И вот «проницательный» Морган, не уви-

---

¹⁷ Г. М а й е р с, История американских миллиардеров, М., 1924—1927, стр. 201.

дев опасности, которая была бы очевидна даже для начинающего дельца, поддавшись самой вульгарной жадности, решил использовать «выгодную», по его мнению, конъюнктуру и стал усиленно продавать свои акции, которые тут же покупали агенты Гарримана.

Еще немного — и Морган лишился бы одного из самых доходных своих предприятий. Он сам лез в весьма незамысловатые сети, расставленные конкурентом. Лишь в самый последний момент один из моргановских сотрудников осмелился намекнуть своему боссу, что он делает ошибку. Только после этого Морган разобрался в ситуации, прекратив спекуляцию, и дорога осталась за ним¹⁸.

А вот еще пример, не менее характерный. В 1908 году Вильям Дюрант, известный биржевой делец, основал автомобильную компанию «Дженерал моторз». Банкиры старой закваски иронически относились к этой затее. Они весьма скептически относились к будущему автомобильной промышленности и считали, что вкладывать в нее деньги — чистый убыток. В то время как более проницательные дельцы уже разглядели большую будущность этой отрасли промышленности, Морган, о «гениальных качествах» которого и «сверхъестественной проницательности» так охотно пишет сейчас буржуазная пресса, рассуждал так же, как самые недаленовидные его коллеги.

Во всяком случае, когда Вильям Дюрант пришел к старому Моргану и предложил ему «Дженерал моторз» всего за 1,5 млн. долл., тот категорически отказался. А 12 лет спустя, в 1920 году, наследникам Моргана, для того чтобы овладеть той же самой «Дженерал моторз», пришлось объединиться с Дюпонами, ибо за контрольный пакет акций надо было заплатить 80 млн. долл.

Таковы прославленные «проницательность» и «способность к предвидению» Джона Пирпонта Моргана-старшего.

Характерно, что первая деловая операция Джона П. Моргана, совершенная им в 20-летнем возрасте, была связана с мошенничеством при продаже правительству США партии устаревшего оружия. В 1960 году в Америке праздновалось столетие гражданской войны, которую вели американцы под руководством Авраама Линкольна против взбесившихся расистов Юга. Если бы сегодняш-

---

¹⁸ См. Л. Корей, Дом Морганов, М.—Л., 1933, стр. 96.

ние редакторы газеты «Нью-Йорк таймс» взяли номер своей газеты, вышедшей сто лет назад, то они прочли бы такие слова: «Спустя полтора месяца после начала войны налицо имеются многочисленные и, к сожалению, достаточно обоснованные жалобы и опасения по поводу злоупотребления и хищений при поставках на наши армию и флот». Главным действующим лицом в этих жульнических махинациях был начинающий предприниматель Джон Пирпонт Морган. Так они начинали!

Группа Морганов осуществляет в настоящее время прямой контроль над 5 крупнейшими банками США, 32 промышленными корпорациями, среди которых такие, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал электрик» и др. Под контролем Морганов находятся 13 крупных железных дорог, 3 гигантские страховые компании, 14 коммунальных предприятий.

Центром «империи Морганов» в течение многих лет является финансовая компания «Морган, Дж. П. энд компани»¹⁹. Под ее контролем находится значительное количество банков, страховых компаний и промышленных фирм, транспортных компаний и компаний коммунального обслуживания. 12 из этих моргановских компаний входят в число компаний, капиталы которых превышают миллиард долларов. Важнейшими среди них являются крупнейший уолл-стритский банк «Бэнкерз траст компани» (2785 млн. долл.), ведущие страховые компании США, сталелитейная монополия «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» (3620 млн. долл.), «Дженерал электрик» (1728 млн. долл.), «Фелпс Додж корпорейшн» (424 млн. долл.) и др.²⁰

Основатель династии Джон Пирпонт Морган-старший умер в 1913 году. Созданная им фирма продолжала существовать сначала как товарищество, а после имевшей место в 1940 году реорганизации — как корпорация, в которой семейство Морганов удерживает в своих руках контроль, лично руководя всеми делами. Однако могущество корпорации основано не на семейных капиталах Морганов, а на том, что это семейство через банки контролирует капиталы своих многочисленных клиентов.

¹⁹ В декабре 1958 года «Морган, Дж. П. энд компани» объединилась с «Гаранти траст компани» в единый банк «Морган гаранти траст компани» с капиталом в 4 млрд. долл.

²⁰ V. Perlo, *The Empire of High Finance*, N. Y., 1957, p. 325.

В отличие от Рокфеллеров и Дюпонов, внутренняя жизнь и деятельность моргановской династии не рекламируется, поэтому о ней известно очень немного. Вообще для Морганов характерна тенденция возможно тщательнее прятать свои дела и богатства от глаз общественности. Если Рокфеллеры открыто выставляют напоказ свое экономическое могущество и политическое влияние, если мощный пропагандистский аппарат, созданный ими в стремлении поразить воображение обывателя, часто даже преувеличивает это могущество и влияние, то Морганов, наоборот, упорно стараются оставаться в тени. Быть может, это в какой-то степени является причиной того, что влияние Морганов некоторые экономисты и историки склонны преуменьшать.

Попытка спрятать свои богатства весьма характерна для многих миллиардеров середины XX века. Морганов в этом отношении не одиноки. Характеризуя этот процесс, один из виднейших современных буржуазных экономистов, Дж. Голбрейт, откровенно пишет: «Американские богачи издавна обладали удивительным чувством страха перед экспроприацией. Этот страх объясняет, почему они рассматривали даже самые слабые реформы как предвестников революции. Депрессия и особенно новый курс еще больше напугали богачей. Одним из последствий было временное самоограничение личных расходов. Расходы на чисто показательные мероприятия, в особенности на дома, яхты и женщин, стали считаться опасными, побуждающими массы к насилию... С уменьшением этой показухи в ее наиболее вульгарных формах богатство и, стало быть, неравенство уже не рекламировались столь скандально, как прежде. Поэтому и богатство и неравенство стали менее заметными и менее вызывающими негодование. В свое время богачи сами помогли сделать неравенство острой проблемой. Теперь они отказались от этого»²¹.

Говоря о «самоограничениях» миллиардеров, Дж. Голбрейт, мягко говоря, заблуждается. И дома, и женщины, и яхты — все это не в меньших, а в значительно больших масштабах существует и ныне. Но сейчас это тщательно прячется от посторонних глаз, не выставляется напоказ.

Применительно к Морганам следует сказать, что их

---

²¹ J. K. Galbraith, *The Affluent Society*, Boston, 1958, p. 93.

особенно старательно проводимый «уход в подполье» не должен никого обманывать.

Попытки представить дело так, будто Морганы в настоящее время отошли на задний план и не играют решающей роли в экономике и политике США, не могут считаться основательными. Семейная группа, контролирующая капиталы в 91,7 млрд. долл., занимает такие позиции, сосредоточивает в своих руках такое могущество, что не может не играть определяющей роли на экономической, а следовательно, и политической арене. Сам факт попыток группы Морганов «уйти в подполье» весьма симптоматичен. Он свидетельствует о том, что наиболее дальновидные и ловкие представители монополистического капитала считают нужным использовать новые методы, маневрировать, считаться с настроениями общест-венности.

Рокфеллеры для маскировки своей истинной роли придают огромное значение рекламной деятельности, считая необходимым всячески рекламировать филантропическую деятельность своих всевозможных фондов, создавать у американской общественности, притом, надо признать, небезуспешно, впечатление, что именно филантропия и благотворительность являются ныне главной сферой их забот и интересов. Морганы прибегают к другой форме камуфляжа. Они пытаются спрятать свое могущество от глаз общественности. Всерьез говорить о том, что Морганы перестали играть решающую роль в экономической и политической жизни США, значит поддаться на эту моргановскую удочку.

Морганы держат в своих руках важнейшие позиции в деле инвестиций капиталов за пределами США. При этом в соответствии с традиционными связями основные их интересы сосредоточены в странах Западной Европы — Англии, Франции, Западной Германии.

В течение десятков лет семейство Морганов поддерживает самые тесные связи с республиканской партией. Многие президенты США были непосредственными их ставленниками (Т. Рузвельт, В. Вильсон и др.). Последним наиболее тесно связанным с Морганями претендентом на президентский пост был У. Уилки.

Среди могущественных монополистических объединений США в результате действия закона неравномерности развития, а также вследствие острейшей конкурентной

борьбы происходит постоянное изменение в соотношении сил. Нельзя отрицать, в частности, что могущество моргановской группы относительно несколько уменьшилось. Если несколько десятилетий назад Морганов являлись не только наиболее могущественной группировкой американского капитала, но и группировкой, царствовавшей практически безраздельно и превосходившей не только всех своих конкурентов, но и любую возможную их комбинацию, то сейчас такого положения не существует. Возникли новые гигантские объединения, а влияние и могущество некоторых из них вплотную приблизилось к моргановскому.

Среди причин, приведших к такому положению, помимо всего прочего, то, что долгие годы основой могущества Морганов в промышленности было их монопольное положение в угольной и сталелитейной промышленности и железнодорожном транспорте. В то же время они не располагают соответствующими позициями в таких ведущих в последние годы отраслях, как химия, алюминий, нефть. Именно за счет этого и происходил стремительный рост их основных конкурентов.

Однако в самое последнее время наметились обстоятельства, которые в ближайшие годы могут привести к новому изменению в расстановке сил среди монополистических групп США. В частности, моргановская группировка захватила важнейшие позиции в атомной промышленности, финансирует работы в области «энергетики будущего».

О том, что Морганов отнюдь не собираются уступать своих позиций, свидетельствует и такой их шаг, как осуществленное в самом конце 1958 года слияние крупнейших моргановских финансовых компаний «Морган, Дж. П. энд компани» и «Гаранти траст компани», событие, которое журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» характеризовал как означающее, что «старая эпоха в жизни финансового мира Соединенных Штатов прошла и он вступил в новую стадию своего развития»²².

Говоря о причинах, побудивших руководителей моргановских компаний предпринять этот шаг, журнал пишет: «Банкирский дом „Морган, Дж. П. энд компани“ стал слишком мал, чтобы сохранять свое влияние и зна-

---

²² «U. S. News and World Report», 1958, Dec. 26.

чение в финансовом мире... Новые интересы банковского дела требуют образования гигантских финансовых монополий. Поэтому на 96-м году своего существования банкирский дом Морганов приступил к преобразованиям, которые дадут ему возможность не отставать от развития экономики... Новая компания „Морган гаранти траст“ передвигается с 22-го места на 4-е после „Бэнк оф Америка“, „Чейз Манхэттэн бэнк (Нью-Йорк)“ и „Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)“»²³.

Следующей по могуществу и влиянию на Уолл-стрите является семейная **«империя Рокфеллеров»**, контролирующая капитал в 81,4 млрд. долл.

Впервые Рокфеллеры появились на американской земле в начале XVIII века. Предприимчивая немецкая семья, покинув свое отечество, искала за океаном удачи и богатства. Основателем династии финансовых магнатов и промышленных воротил была одна из самых мрачных фигур в истории капиталистического бизнеса — Джон Д. Рокфеллер-старший. Если послушать его самого, то окажется, что своим богатством он обязан исключительно собственному рвению и... знакомству с бухгалтером. «Рвение мое было колоссально, — писал Дж. Д. Рокфеллер в своих мемуарах, — и, кроме того, я имел громадное преимущество. Оно заключалось в методе воспитания моего отца: с юных лет он прививал мне вкус к вопросам практического характера. А затем на мою долю выпала счастливая случайность, судьба свела меня с бухгалтером, отлично знавшим свое дело и искренне ко мне расположенным»²⁴.

В действительности начало богатствам Рокфеллеров положили обман, преступления, насилия, бесчетные махинации. Если и были в карьере старого Рокфеллера счастливые случайности, то, конечно, не знакомый бухгалтер, а то, что Рокфеллер, в значительной степени случайно, развил свою активность в отрасли промышленности, в то время мало заметной, а затем приобретшей большое и вот уже сто лет непрерывно возрастающее значение, — в области нефтяного бизнеса.

В 1904 году в США вышла книжка, произведшая впечатление разорвавшейся бомбы. Она называлась «Исто-

²³ «U. S. News and World Report», 1958, Dec. 26.

²⁴ Д. Рокфеллер, Мемуары американского миллиардера, М., 1932, стр. 44.

рия компании „Стандард ойл компани“». Ее автор — Ида Тарбелл, дочь одного из мелких нефтепромышленников, разоренного и уничтоженного старым Рокфеллером, собрала потрясающий по своей силе документальный материал, показавший, какими методами создавали свои богатства люди, которых современная буржуазная пропаганда, захлебываясь от подобострастного восторга, причисляет к «лику святых». «Рокфеллер, — писала Тарбелл, — своим коварством и подлостью повсюду вызывал страх, и он должен был предвидеть, что неминуемо наступит день, когда применяемые им методы станут известны. И тогда имя его будет вызывать такое всеобщее презрение, которое не смогут заглушить никакие доллары и никакие сокровища, извлекаемые из недр земли»²⁵.

Компания Рокфеллеров возникла в 1870 году. Через 20 лет ее ежегодный доход приблизился к 10 млн. долл.; еще через 10 лет, в 1901 году, состояние Рокфеллеров оценивалось уже в 200 млн. долл., а в 1913 году — перевалило за 900 млн. долл.²⁶

К этому времени основатель династии Джон Д. Рокфеллер-старший отходит от дел, передавая бразды правления своему сыну Джону Д. Рокфеллеру-младшему. Новый глава династии оказался достойным сыном своего отца. Он обладал и наглостью, и жестокостью, и полной неразборчивостью в средствах. Но к арсеналу своих средств он добавил еще одно — непревзойденное и ни с чем не сравнимое ханжество. На следующий день после его смерти, в мае 1960 года, американский журнал «Ньюсуик» писал: «Джону Д. Рокфеллеру-младшему не было еще и 30 лет, когда вышла в свет блестящая и ядовитая книга Иды Тарбелл, описавшей — как типично рокфеллеровские методы — обман, насилие и недобросовестные сделки, что значительно снижает уровень американской морали в области деловых отношений. Молодой Рокфеллер, — лицемерно сетует журнал, — был глубоко этим взволнован и обеспокоен. Он пришел к необходимости сделать шаг, который назвал „одним из самых важных решений, которые я принимал в своей жизни“». Он ушел с директорского поста „Стандард ойл компани“». „Я преподавал закон божий, — объяснял он позднее, —

---

²⁵ I. Tarbell, History of the Standard Oil Co, N. Y., 1904, p. 66.

²⁶ S. Alsop, Nixon and Rockefeller, N. Y., 1960, p. 34.

и пытался понять, как человек может привести в соответствие свою собственную жизнь со своими идеалами. Я столкнулся с тем фактом, что должен был остаться с глазу на глаз с моей совестью»²⁷.

Без этого эпизода многого не понять в современной деятельности рокфеллеровского клана. Ибо нынешнее, третье поколение Рокфеллеров соединило, синтезировало в себе и пиратский нахрап своего деда, и бесподобное ханжество своего папаша.

Первая мировая война принесла Рокфеллерам в виде чистой прибыли полмиллиарда долларов. Вторая мировая война, следствием которой был, в частности, огромный рост потребления горючего вооруженными силами, а также широкое использование нефти для производства военно-химических продуктов, принесла Рокфеллерам свыше двух миллиардов чистой прибыли. Если приобретение первого миллиарда заняло у семейства Рокфеллеров около половины столетия, то приобретение двух новых миллиардов — лишь около пяти лет, пяти лет второй мировой войны.

Рокфеллеры контролируют в настоящее время второй по величине банк в США — «Чейз Манхэттэн бэнк» (7 млрд. 509 млн. долл.), шесть крупнейших нефтяных компаний во главе со «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» (7 млрд. 164 млн. долл.), «Сокони мобил ойл компани» (2 млрд. 362 млн. долл.) и «Стандард ойл компани (Индиана)» (2 млрд. 332 млн. долл.), две крупнейшие страховые компании — «Метрополитэн лайф иншуренс» (13 млрд. 936 млн. долл.) и «Эквитэбл лайф иншуренс» (9 млрд. 49 млн. долл.), а также несколько десятков менее значительных компаний горнорудной, химической и обрабатывающей промышленности. Летом 1962 года Рокфеллеры предприняли шаг, который должен иметь далеко идущие последствия. Решив, судя по всему, резко расширить сферу своего влияния, они неожиданно для своих конкурентов приобрели значительную часть акций гигантской автомобильной компании «Крайслер» — третьей по величине после моргановско-дюпоновской «Дженерал моторз» и фордовской компании. Одновременно с приобретением пакета акций президент компании «Рокфеллер бразерз инкорпорейтед» и один из директоров

---

²⁷ «News Week», 1960, May 23.

«Чейз Манхэттэн бэнк» Ричардсон Дилуорт в мае 1962 года стал директором «Крайслер».

Личное состояние семьи Рокфеллеров превышает 3,5 млрд. долл. против примерно 400 млн. долл., которыми они располагали накануне второй мировой войны. Так как за 1956—1960 годы курсы акций в США выросли в среднем приблизительно на 25%, то эта оценка должна быть теперь увеличена по меньшей мере до 4,5 млрд. долл. Стюарт Олсop, известный своей осведомленностью, прямо пишет: «Нельсон Рокфеллер и все другие Рокфеллеры намного богаче, чем обычно считается... Меня никогда не допускали к секретным финансовым архивам Рокфеллера. Но я готов съесть собственные ботинки в приправе из беарнского вина, если эти цифры не являются очень низкими. Разумно предположить, что общее состояние Рокфеллеров в несколько раз превышает общепринятую цифру в 2—3 млрд. долл. Я бы нисколько не удивился, если бы этот капитал... составлял около 10 млрд. долл.»²⁸.

С тех пор как Джон Д. Рокфеллер-первый в 70-х годах прошлого века создал свою нефтяную компанию, она и по нынешний день остается одной из наиболее компактных семейных компаний, полный контроль за деятельностью которой находится в руках узкой группы лиц.

В настоящее время всеми делами компании руководят пять братьев Рокфеллеров, представителей третьего поколения этой семьи, и их дядя Уинтроп Олдрич — шурин Джона Д. Рокфеллера-второго²⁹.

²⁸ S. Alsop, Nixon and Rockefeller, N. Y., 1960, p. 36.

²⁹ Сведения, сообщенные в книге биографа Рокфеллеров Джо Алекса Морриса, дают представление о том, как функционирует этот своеобразный семейный директорат. Лоуренс Рокфеллер (р. 1910 г.) представляет эту семью во всех директоратах компаний, не связанных с нефтью. Это его сфера деятельности, о которой он докладывает братьям на еженедельных совещаниях. Уинтроп Олдрич (р. 1885 г.) руководит финансовой деятельностью Рокфеллеров. Он занимает пост президента их основного банка «Чейз Манхэттэн бэнк». Помимо этого он активно действует в политической сфере и является связующим звеном между «империей Рокфеллеров» и правительственным аппаратом. Дэвид Рокфеллер (р. 1915 г.) — также финансист. Он ближайший помощник Олдрича, вице-президент «Чейз Манхэттэн бэнк». Третий из братьев, Уинтроп (р. 1912 г.), — инженер-нефтяник, руководитель нефтяных компаний. Четвертый брат, Джон Д. Рокфеллер-третий (р. 1906 г.), — также занимается нефтяными делами. Помимо этого он руководитель пророкфеллеровской пропаганды и главный уполномоченный семьи по различного рода «фи-

По словам официального биографа Рокфеллеров, все шестеро собираются регулярно раз в неделю на совещания, во время которых решаются все вопросы, связанные с их финансовой, промышленной и политической деятельностью³⁰.

Кстати, о политической жизни. Рокфеллеры (и это случай в истории крупнейших миллиардерских семей США пока единственный) открыто готовятся к захвату Белого дома. По этому вопросу в последние годы в США появилось множество монографий. К числу таких книг (выходящих явно на средства рокфеллеровского семейства) относится и книга Дж. Полинга «Политический автопортрет (Высказывания Рокфеллера)»³¹.

Помимо тщательно подобранных и рассчитанных на приобретение голосов заявлений, в книге содержатся и прогнозы по поводу его будущего президентства. В качестве президента США Н. Рокфеллер, по мнению Полинга, будет проявлять «твердость и решительность, порой, может быть, даже упрямство», а его правление будет характеризоваться «социальным либерализмом и экономическим консерватизмом»³².

Наряду с Морганами Рокфеллеры имеют значительные капиталовложения за пределами США. Но, в отличие от Морганов, основные их капиталовложения сосредоточены в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Азии. По размеру инвестиций за рубежом в последние годы Рокфеллеры значительно потеснили Морганов. Американские данные свидетельствуют о том, что размеры

лантропической» деятельности («Фонд Рокфеллера» и т. д.). Одновременно много внимания он уделяет расширению позиций компании за границей, прежде всего на Дальнем Востоке и в Азии, принимал в качестве члена американской делегации участие в выработке и заключении мирного договора с Японией.

Одним из руководителей политической деятельности Рокфеллеров является Нельсон Рокфеллер (р. 1908 г.), занимающий сейчас пост губернатора штата Нью-Йорк и называемый в качестве возможного претендента на президентский пост. Он связывает свою семью с аппаратом республиканской партии, одним из руководителей которой он является. Одновременно Н. Рокфеллер — главный уполномоченный своей семьи по делам Латинской Америки, эксплуатация нефтяных запасов которой приносит Рокфеллерам огромные прибыли. Наряду с У. Олдричем Н. Рокфеллер оказывает чрезвычайно большое влияние на определение внешнеполитического курса США.

³⁰ См. J. Morris, *Those Rockfeller Brothers*, N. Y., 1952, p. 152.

³¹ «A Political Self-Portrait (The Rockfeller Record)», N. Y., 1960.

³² *Ibid.*, p. 176.

инвестиций США в Западной Европе относительно уменьшились с 26% общей суммы инвестиций США за границей в 1943 году до 15% в 1954 году³³. Это относительное уменьшение явилось результатом того, что капиталовложения американских монополий в других районах мира росли значительно быстрее, чем капиталовложения в Западной Европе, что отражает относительное ослабление позиций Морганов в этой области и, наоборот, усиление позиций Рокфеллеров.

Последние десятилетия ознаменовались непрерывным ростом влияния Рокфеллеров в Вашингтоне. В настоящее время они, несомненно, являются наиболее влиятельным, с политической точки зрения, монополистическим объединением США.

Стремительный рост экономического и политического влияния Рокфеллеров связан прежде всего с тем, что они обладают решающими позициями в отрасли, играющей ключевую роль в американской экономике. С 1901 по 1953 год производство стали, которая издавна была одним из китов, на котором зиждилось могущество Морганов, возросло в 7,5 раз, тогда как добыча нефти в США, лежащей в основе могущества Рокфеллеров, увеличилась в 34 раза. А иностранные капиталовложения нефтяных компаний увеличились в такой степени, что они сейчас почти равняются капиталовложениям всех обрабатывающих отраслей промышленности США, вместе взятых. Нефтяные интересы оказывают сильное влияние на политический курс Вашингтона, в частности на внешнюю политику. Не случайно говорят, что внешняя политика США «пахнет нефтью».

Следующей в уолл-стритском региональном объединении по размерам контролируемых капиталов является семейная группа **Дюпонов**³⁴. Она распоряжается актива-

---

³³ «U. S. Department of Commerce, Foreign Investments of U. S.», Wash., 1953; «Survey of Current Business», 1955, Aug.

³⁴ Семья Дюпонов насчитывает в настоящее время 117 членов. Не все они принимают активное участие в делах. Часть из членов семьи является рантье и живет на доходы от принадлежащей им части капитала. Всеми делами заправляют несколько членов семьи.

Признанным ее главой является старейший член этой семьи 86-летний Ирене Дюпон (р. 1876 г.), сын Ламота Дюпона. Он занимает пост президента основной компании «Дюпон (Е. И.) де Немур энд компани» и почетного директора совета директоров всех дюпоновских компаний.

ми размером в 20,1 млрд. долл. По размерам личного состояния эта семья является богатейшей в США (4,7 млрд. долл. по сравнению с 574 млн. накануне второй мировой войны).

История Дюпонов мало отличается от истории других разбойников — первооткрывателей нынешних крупнейших американских состояний и не имеет ничего общего с теми сусальными картинами, которые рисуются современной американской буржуазной наукой. Компания «Дюпон (Е. И.) де Немур энд компани» возникла в середине прошлого столетия и много десятков лет специализировалась на производстве пороха. После первой мировой войны компания превратилась в крупнейшего в мире производителя химической продукции.

Нет такого способа, к которому не прибегали бы Дюпоны, для того чтобы приумножить свои богатства. Они безжалостно разоряли конкурентов, выкрадывали патенты у соперничающих фирм, организовывали заговоры, использовали темные махинации. Когда же атака в лоб не удавалась, они прибегали к обходным маневрам. Показателен такой случай. В течение многих лет Дюпоны вели ожесточенную борьбу с компанией «Лафлин энд Рэнд»,

---

Практическим руководителем компании является Кроуфорд Гринуолт (р. 1902 г.). Не принадлежа к фамилии Дюпонов, он вошел в состав этой семьи, женившись в 1926 году на Маргарет Ламот Дюпон. Занимал в компании различные должности, в 1945 году стал ее вице-президентом, а в 1948 году — президентом.

Генри Фрэнсис Дюпон (р. 1880 г.) — директор «Дюпон (Е. И.) де Немур» и один из директоров «Дженерал моторз».

Фрэнсис В. Дюпон (р. 1894 г.) — президент «Эквитэбл траст компани» и одновременно помощник министра торговли в правительстве Эйзенхауэра.

Генри Б. Дюпон (р. 1898 г.) — вице-президент «Дюпон (Е. И.) де Немур», директор «Норт америкен авиэйшен», «Уилмингтон траст компани» и др.

Уильям Дюпон — президент и директор «Делавэр траст компани», один из директоров «Дюпон (Е. И.) де Немур».

Эмиль Фрэнсис Дюпон (р. 1898 г.) — занимает директорские посты в «Дженерал моторз» и «Делавэр траст компани».

Алексис Феликс Дюпон (р. 1905 г.) — вице-президент и директор «Крисчен секьюритис инкорпорейтед».

Эдмунд Дюпон (р. 1906 г.) — директор «Уинтертур корпорейшн» и «Брэнди уайн ассосиэйшн».

Пьер Самуэль Дюпон (р. 1911 г.) — вице-президент и директор «Крисчен секьюритис», член правления «Дюпон (Е. И.) де Немур».

Ламот Дюпон Коупленд — председатель финансового комитета фирмы

которая была их главным конкурентом. Провалилась попытка втихомолку скупить акции «Лафлин энд Рэнд» — там своевременно разгадали маневр Дюпонов. Не помогли и другие испытанные приемы — соперник был искушен во всех и всяческих трюках и хитростях. И тогда было решено прибегнуть к традиционному методу королевских домов — к династическому браку. Сестра одного из главварей концерна Дюпонов — Луиза д'Анбела-Дюпон была предложена в жены руководителю «Лафлин энд Рэнд» Чарльзу Коупленду. В качестве приданого Коупленду был предложен один из руководящих постов в дюпоновской империи. Брак состоялся. Коупленд стал заместителем казначея концерна Дюпонов, а «Лафлин энд Рэнд» была включена в орбиту дюпоновской империи и стала ее составной частью.

Во время второй мировой войны Дюпоны захватили в свои руки контрольный пакет «Дженерал моторз». В настоящее время они делят контроль над этой корпорацией с Морганам, с которыми Дюпоны очень часто выступают совместно в качестве союзников (в частности, в атомной промышленности).

История захвата Дюпонами решающих позиций в «Дженерал моторз» интересна и типична для их методов. Используя свои связи в Вашингтоне во время второй мировой войны, Дюпоны при помощи Морганов сумели добиться передачи в собственность этой компании различных заводов, до тех пор принадлежавших государству. По подсчетам американских экономистов, стоимость государственного имущества, полученного в результате этих махинаций, приблизилась к миллиарду долларов. И уже к концу войны «Дженерал моторз» стала крупнейшей военно-промышленной компанией США.

В последние годы хозяева дюпоновской империи стали проявлять повышенный интерес к авиационной промышленности и производству ракет. Еще до второй мировой войны они приобрели компанию «Норт америкен авиэйшен». В то время эта компания располагала несколькими небольшими заводиками, на которых было занято около 700 человек. В годы войны эта дюпоновская компания быстро выдвинулась в число крупнейших самолетостроительных трестов. Дюпоны сумели обеспечить для себя значительное количество заказов на производство военных самолетов.

В отношении этой компании было проделано то же самое, что и в отношении «Дженерал моторз». В ход были пущены все связи в Вашингтоне. Дюпоны не жалели денег на взятки, и в результате в 1941 году фирме были переданы в собственность два государственных авиационных завода, один в Канзас-сити, а другой — в Далласе (штат Техас). Дюпоны сумели доказать в Вашингтоне (в какую сумму это им обошлось, пока остается тайной, погребенной в семейных архивах), что государство должно за свой счет субсидировать расширение заводов компании «Норт америкен авиэйшен».

Для доказательства своего «патриотизма» Дюпоны выразили готовность принять на себя часть расходов по расширению своих же собственных заводов. В результате, реконструкция авиационных предприятий Дюпонов обошлась американским налогоплательщикам, за счет которых это было сделано, в 63 млн. долл. Что касается Дюпонов, то они уплатили всего 5 млн. долл. К концу второй мировой войны на заводах «Норт америкен авиэйшен» было занято уже около 100 тыс. рабочих и она принесла своим хозяевам свыше 700 млн. долл. прибыли.

В последние годы Дюпоны заработали на военно-авиационном бизнесе еще больше. Только за время авантюры в Корее их авиационная фирма получила от правительства военных заказов почти на 2 млрд. долл.

В настоящее время дюпоновский военно-авиационный концерн выпускает реактивные истребители, бомбардировщики дальнего действия «Б-70» и многое другое. Все большее место в производстве этой компании занимают ракеты. «Норт америкен авиэйшен» производит реактивные двигатели для всех основных военных ракет США — «Атлас», «Тор», «Юпитер», «Редстоун». Возглавляет авиационный концерн Генри Б. Дюпон.

Основными компаниями, находящимися в сфере влияния Дюпонов, являются «Дженерал моторз» (6 млрд. 345 млн. долл.), «Дюпон (Е. И.) де Немур энд компани» (2 млрд. 155 млн. долл.), «Юнайтед Стейтс раббер компани» (576 млн. долл.), «Норт америкен авиэйшен», банки «Дженерал моторз аксептанс корпорейшн» (3 млрд. 800 млн. долл.), «Нэшнел бэнк оф Детройт» (2 млрд. 15 млн. долл.)³⁵. Одной из отличительных особенностей

---

³⁵ См. V. Perlo, *The Empire of High Finance*, pp. 329—330.

дюпоновских компаний является то, что почти все эти компании возглавляются не управляющими, а непосредственно членами этой семьи.

Противоположностью Дюпонам в этом отношении является следующая **семейная группа** северо-восточного регионального объединения — **Меллоны**³⁶. Они никогда не были ни инженерами, ни предпринимателями, но всегда были банкирами-ростовщиками.

Сумма активов, находящихся под контролем Меллонов, равняется 14 млрд. 500 млн. долл.³⁷ Личное состояние этой семьи, по подсчетам В. Перло, — 3 млрд. 769 млн. долл. по сравнению с 391 млн. долл. накануне второй мировой войны³⁸.

История возвеличения Меллонов весьма характерна. Всеми своими богатствами они обязаны двум отраслям промышленности — алюминиевой и нефтяной, хотя можно с уверенностью сказать, что ни один из Меллонов сам не бывает ни на алюминиевом заводе, ни на нефтяном промысле.

Основатель династии Меллонов Томас Меллон, положивший начало богатству этой семьи, по словам своих собственных биографов, «знал все законы, касающиеся прав кредитора на имущество должника, и наживался на безрассудстве других».

Томасу Меллону наследовал его сын Эндрю. Эндрю Меллон все свои силы сосредоточил на создании монопольной власти над алюминиевой промышленностью. Созданная им компания «Алюминум компани оф Америка» (сокращенно «АЛКОА») превратилась в одну из крупнейших американских монополий.

---

³⁶ В настоящее время делами этой семьи руководят Ричард и Поль Меллоны

Ричард Кинг Меллон (р. 1899 г.) занимает посты управляющего и президента «Меллон нэшнел бэнк», «Т. Меллон энд санз», директора «АЛКОА», «Галф ойл корпорейшн», «Копперс компани», он один из директоров «Дженерал моторз».

Поль Меллон (р. 1907 г.) занимает директорские посты в «Меллон нэшнел бэнк», «Фармерс нэшнел бэнк», «Галф ойл корпорейшн», «Питсбург коул компани», «Корборундум компани». П. Меллон руководит «Т. Меллон энд санз» и «Траст Меллон индустриэл индастриал рисерч».

³⁷ V. Perlo, The Empire of High Finance, p. 128.

³⁸ «Moody's Statistical Manual», «Moody's Bank and Finance Manual».

В 1920 году он осуществил тщательно продуманный и весьма хитроумный план. Республиканская партия оказалась в тот период в крайне сложном финансовом положении. Для того чтобы покрыть расходы на избирательную кампанию 1920 года, партийные боссы по уши влезли в долги. Дефицит в партийной кассе превышал 2 млн. долл.

На помощь партийным боссам пришел Меллон. Он покрыл большую часть долгов из собственного кармана. Вскоре стала ясна цена этой «щедрости». Вновь избранный президент республиканец Гардинг назначил питтсбургского миллиардера министром финансов США.

Он просидел в кресле министра финансов больше десяти лет, оставаясь на этом посту и после таинственной смерти запутавшегося в финансовых аферах Гардинга (при президентах Кулидже и Гувере).

Рост могущества Меллонов в настоящее время связан прежде всего с тем, что роль алюминия в современной промышленности возрастает необычайно быстрыми темпами. Этот металл быстро вытесняет и сталь, и медь, занимая все более важное место в современной экономике. За период с 1938 по 1955 год производство алюминия увеличилось в США в 11 раз, при этом значительная часть доходов от выплавки этого металла оказывается в меллоновских карманах. Мощности меллоновских алюминиевых заводов составляют почти половину мощностей всех алюминиевых заводов капиталистического мира.

Еще в начале нынешнего века Меллоны создали нефтяную компанию «Галф ойл корпорейшн». Однако нефтяной бизнес крепко-накрепко держали в своих руках Рокфеллеры, и меллоновская компания занимала второстепенные позиции.

Но, после того как объединенным силам империалистов удалось свергнуть в Иране правительство Моссадыка, Меллоны с помощью своей агентуры в Вашингтоне сумели захватить важные позиции в эксплуатации иранской нефти. Они получили 50% акций бывшей Англо-Иранской нефтяной компании. Кроме того, под их контролем оказались самые богатые в мире нефтяные промыслы в княжестве Кувейт.

Не удивительно, что буквально за два-три года компания «Галф ойл корпорейшн» превратилась в одну из самых крупных нефтяных компаний.

Важную роль играют Меллоны в машиностроении и металлургии. Финансовым центром группировки Меллонов является «Меллон нэшнел бэнк» (1,9 млрд. долл.)³⁹. Меллоны находятся в весьма тесном союзе с Рокфеллерами и по основным вопросам выступают совместно с ними.

Видное место в уолл-стритской группировке занимает **семейная группа Фордов**. Компания Форда находится на третьем месте среди промышленных корпораций Соединенных Штатов после моргановско-дюпоновского гиганта «Дженерал моторз» и рокфеллеровской «Стандард ойл».

Фирма «Форд мотор компани» занимается производством, сборкой и сбытом легковых и грузовых автомобилей, автомобильных частей и принадлежностей, колесных тракторов, различных сельскохозяйственных орудий и авиационных двигателей. Важнейший вид продукции— автомобили. Компания производит несколько десятков моделей различных легковых и грузовых автомашин. Примерно 30% всех автомобилей, выпускаемых в США, приходится на долю фордовской компании.

Все большее место в продукции компании в последние годы занимают различные виды вооружения и военные материалы. Из года в год доля военной продукции, выпускаемой на фордовских заводах, возрастает.

Компания продает правительству двигатели для реактивных истребителей, авиационные поршневые двигатели, части для бомбардировщиков «Б-47», танки «Т-48» и многое другое.

В США Фордам принадлежат 34 производственных предприятия, 21 сборочный завод, 28 крупнейших складов для запасных частей и готовой продукции, 10 конструкторских бюро, десятки административных помещений⁴⁰.

Но рамки Соединенных Штатов Америки тесны для Фордов. Они построили или строят свои заводы и в других странах: в Ирландии, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, в Южно-Африканской Республике, Мексике, Англии, Франции, Италии, Португалии, Японии и многих других странах.

---

³⁹ V. Perlo, *The Empire of High Finance*, p. 330.

⁴⁰ См. «U. S. News World Report», 1960, Dec. 16.

О Генри Форде, о его блистательной карьере, приведшей его от фермы отца к вершинам финансового могущества, написано немало. Этот человек совмещал в себе талант конструктора и волчью хватку матерого капиталистического хищника, удачливость азартного игрока и выдающиеся организаторские способности, полное пренебрежение к моральным нормам и самую утонченную политическую демагогию. Если прибавить ко всему этому стечение обстоятельств, удивительно счастливо сложившихся для старого Генри Форда, то мы найдем ответ на вопрос, почему этого человека не постигла обычная в капиталистическом мире судьба талантливого изобретателя, почему его изобретение обогатило не других, как это обычно бывает там, где царствует денежный мешок, а прежде всего его самого, дав ему возможность создать один из крупнейших в мире капиталистических концернов, известных под названием «империи Форда».

Когда в 1947 году старый Генри Форд умер, то его наследники оказались во главе промышленной «империи», включавшей 150 тыс. рабочих и 48 заводов в 23 странах мира.

В середине 20-х годов их состояние оценивалось в 660 млн. долл. и представляло собой почти исключительно личный капитал Генри Форда, вложенный в «Форд мотор компани».

В настоящее время общее личное состояние Фордов оценивается в 1,1—1,2 млрд. долл., а вместе с активами «Фонда Форда» — 3,7—3,8 млрд.⁴¹

Во главе компании «Форд мотор компани» в ее нынешнем виде стоят три брата: Генри, Бенсон и Вильям Форды — внуки старого Генри Форда, отец которых, Эдзел, был единственным сыном Генри Форда-первого.

Главой фирмы считается старший из братьев — 46-летний Генри Форд-второй⁴².

---

⁴¹ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1963 г., № 4.

⁴² Журнал «Тайм» от 18 мая 1953 г. посвятил братьям обширную статью. Несмотря на все старания, автор статьи, рисуя портрет нынешнего главы династии, не смог сказать ничего, кроме того, что Генри «представляет собой довольно полного мужчину, высокого роста (6 футов)». Как свидетельствует журнал, «Генри Форд не проявил себя в годы учебы блестящим студентом. Он ушел из Йельского университета со старшего курса в 1940 году, и его академические успехи были явно недостаточны для получения

Бизнес братьев Фордов является весьма компактным, и в последние годы влияние их компании возросло как в экономической, так и в политической жизни США. О последнем свидетельствует, в частности, тот факт, что в правительстве демократической партии фордовская группа получила важнейший пост министра обороны, на который был назначен президент компании Форда Роберт Макнамара.

Около ста лет на Уолл-стрите существует фирма «Лимэн бразерз». Свою деятельность братья Лимэны начинали в прошлом веке в качестве спекулянтов хлопком. Они занимались всяческими спекуляциями с облигациями и другими ценными бумагами. В течение десятков лет банк Лимэнов рвался к вершинам могущества. Он сумел в значительной степени захватить в свои руки американскую торговую сеть. Десять лет назад этот банк контролировал около трехсот крупнейших универсальных магазинов Америки, продававших ежегодно товаров на 2,5 млрд. долл., что составляло примерно 30% сбыта всех универсальных магазинов США. Делали Лимэны попытки внедриться и в тяжелую промышленность.

Это им не удавалось до последнего времени. Однако в конце 50-х годов банк Лимэнов овладел компанией, которая находится ныне на одном из первых мест по количеству военных заказов, — «Дженерал дайнэмикс». Наряду с «Дженерал моторз» и «Дженерал электрик» этот гигантский военно-промышленный концерн является в настоящее время основным поставщиком оружия для американской армии. Само название «Дженерал дайнэмикс» стало широко известно во время войны в Корее.

Наследники братьев Лимэнов, нынешние руководите-

диплома об окончании университета». Можно представить себе «академические успехи» Генри-второго, если даже носителю столь громкого имени и обладателю столь многих миллионов руководителю университета не решились выдать диплом!

«Бенсон же более низкого роста и более коренастый, чем Генри. Он является также и в большей степени кабинетным работником, чем его старший брат. Было в его жизни время, когда он предпочитал своему служебному кабинету различные питейные заведения и ночные клубы. Но в настоящее время он является усидчивым работником, руководителем группы, ведающей выпуском автомобилей «Линкольн» и «Меркурий». Свободное время он проводит на своей роскошной яхте, курсируя по озеру Сент-Клэр».

ли этой группировки, предложили пост президента этой компании Фрэнку Пэйсу⁴³.

Первым вице-президентом компании был назначен другой завсегдагой Вашингтона, Гордон Дин, который в течение нескольких лет занимал пост председателя правительственной комиссии по атомной энергии — органа, который руководит всеми работами в этой области от имени правительства Соединенных Штатов. Не удивительно, что заказ на создание атомной подводной лодки «Наутилус», буквально озолотивший компанию, достался именно «Дженерал дайнэмикс». Затем были построены еще две атомные подводные лодки и еще несколько строятся. Корпорация надеется получить заказы на строительство атомных подводных лодок, вооруженных управляемыми ракетами «Поларис».

Большое место в военной продукции «Дженерал дайнэмикс» занимают управляемые ракеты, и прежде всего межконтинентальная баллистическая ракета «Атлас». На ее создание были затрачены миллионы долларов. Заводы и лаборатории компании широко использовали опыт гитлеровских конструкторов «Фау-2». «Дженерал дайнэмикс» получает все новые и новые выгодные заказы. В 1956 году корпорация начала строительство новых заводов для производства ракет. Обладание «Дженерал дайнэмикс» значительно подняло акции лимэновского банка, увеличив как экономическое, так и политическое влияние этой финансовой группы.

Однако в 1961 году Лимэнам пришлось потесниться. В результате ряда закулисных махинаций им пришлось поделить контроль над «Дженерал дайнэмикс» с представителем среднезападного объединения крупным чикагским магнатом Крауном, который, не поладив с Ф. Пэйсом, настоял на устранении последнего.

В начале нынешнего века **Куны** и **Лебы** были могущественнейшими банкирами, на равных началах соперничавшими с самими Морганам. Эта фирма была осно-

---

⁴³ Фрэнк Пэйс — характерная для современного американского делового мира фигура. Отпрыск банкирской семьи и зять крупного банкира из Филадельфии со времен второй мировой войны, он подвизался в Вашингтоне. В правительстве Трумэна он был военным министром. В этот период он завязал в Вашингтоне прочные связи. Именно это обстоятельство и привлекло к нему внимание руководителей «Дженерал дайнэмикс».

вана немецкими банкирами, приехавшими в середине прошлого века из Германии в Америку. С собой Куны и Лебы привезли не только деньги, но и, что оказалось еще более важным, прочные связи в деловом мире Старого света.

И вскоре основанный ими банк «Кун, Леб энд компани» стал одним из самых влиятельных на Уолл-стрите. Через этот банк осуществлялись банкирами Германии и Англии различные финансовые операции в Америке.

Не удовлетворившись банкирской деятельностью в конце прошлого века, они стали искать сферу для приложения капиталов в области промышленности. Свое могущество этот банк использовал для захвата важных позиций в железнодорожном транспорте Соединенных Штатов.

В течение многих десятилетий банкирский дом Кунов и Лебов был одним из самых могущественных на Уолл-стрите. Услугами их банка пользовались многие предприниматели Европы, имевшие деловые интересы в американской промышленности. Железные дороги приносили владельцам банка постоянный и верный доход.

Тем не менее в послевоенный период могущество банкирского дома Кунов и Лебов стало клониться к закату, и в настоящее время они явно потеряли свою прежнюю роль. Это объясняется тем, что пошатнулись оба столпа, на которых Куны и Лебы зиждили свое могущество. Прежде всего оказались подорванными их связи с европейским капиталом. Старинные партнеры этого банка в Германии, в основном богатые банкиры еврейского происхождения, были исключены из экономической жизни страны нацистами. На смену им пришли новые банки, связи с которыми оказались в руках Морганов, Рокфеллеров и других исконных соперников и конкурентов банкирского дома Кунов и Лебов. С другой стороны, резко упала роль железных дорог в экономической жизни США и соответственно сократилась их доходность. В результате этот некогда всемогущий банкирский дом перешел на вторые роли. Тем не менее могущество его еще достаточно велико. Кун-лебовская группа контролирует три компании-миллиардера с общим капиталом в 5,8 млрд. долл.

В известной степени сходная судьба и у другого старинного рода уолл-стритских дельцов — династии Гарри-

манов. Дед Аверелла Гарримана — нынешнего главы этого семейства, наследника многомиллионного состояния и видной фигуры на политической арене Соединенных Штатов — принадлежал к числу наиболее жестоких, агрессивных и удачливых бизнесменов Нью-Йорка. Наряду с Морганом-старшим, Корнелием Вандербильтом, Кунами и Лебами он был хозяином американской железнодорожной сети. Его могущество было настолько велико, что одно время он заставил даже потесниться и Моргана, и Вандербильта, став самым богатым из всех железнодорожных королей Америки. В 1909 году, незадолго до своей смерти, старый Гарриман пытался организовать строительство всемирной железнодорожной магистрали. Он решил опоясать весь земной шар единой железнодорожной лентой, соединив ее с межконтинентальными пароходными линиями. Гарримановская всемирная железнодорожная магистраль должна была начинаться в Маньчжурии. Были проведены все подготовительные работы и строительство уже началось, когда Гарриман умер. Постепенно его группа стала терять свои позиции. Тогда его наследники решили осуществить объединение своих капиталов с капиталами банкиров Браунов. Так, на Уолл-стрите возник банк, названный «Браун бразерз, Гарриман энд компани».

В настоящее время этот банк, хотя и не принадлежит к числу самых крупных на Уолл-стрите, считается весьма влиятельным. Активы банка, превышающие четверть миллиарда долларов, не дают еще полного представления о его действительном влиянии. Банк «Браун бразерз, Гарриман энд компани» иногда в Америке сравнивают с айсбергом, видимая надводная часть которого лишь небольшая часть всей этой ледяной горы.

К видимой части «империи Браунов и Гарриманов» можно отнести ряд крупнейших американских железных дорог, среди которых «Юнион пасифик», «Иллинойс сентрал». Решающее влияние группы Браунов и Гарриманов имеют в таких компаниях, как «Анаконда коппер майнинг компани», являющаяся одной из ведущих промышленных фирм США, основная радио- и телевизионная компания «Коламбия бродкастинг систем» и др.

К числу невидимой части империи банка «Браун бразерз, Гарриман энд компани» следует отнести его обширнейшие связи за рубежом, и прежде всего в Западной

Европе. Через этот банк проходят многие выгодные операции, при помощи которых американские монополисты выкачивают миллионы долларов из западноевропейских стран. Не случайно банк имеет в Лондоне свой филиал «Браун, Шипли энд компани» и представляет в Америке интересы ряда крупных западноевропейских страховых фирм. Сюда же следует отнести и те многочисленные преимущества, которые извлекает банк «Браун бразерз, Гарриман энд компани» из связей Аверелла Гарримана в политических кругах Вашингтона.

В течение последних двух десятков лет А. Гарриман является одной из наиболее заметных фигур в руководстве демократической партии. Правительства этой партии доверяли ему самые ответственные посты. Он был послом США в Москве, занимал один из важнейших и ключевых в США постов губернатора штата Нью-Йорк, а в настоящее время является специальным помощником президента по вопросам внешней политики. Его банк считается одним из наиболее влиятельных. И многие промышленные фирмы, особенно западноевропейские, рассчитывающие выторговать что-то у Вашингтона, стараются прибегнуть к услугам именно этого могущественного банка.

В этом смысле двойником гарримановского банка является еще одна уолл-стритская фирма — «Диллон, Рид энд компани». Основным капиталом этого банка также являются его связи с западноевропейскими банкирами и промышленниками. В 20-х годах нынешнего столетия компания «Диллон, Рид энд компани» по размещению в Соединенных Штатах иностранных ценных бумаг уступала только Моргану. С тех пор объем подобного рода операций сократился.

Но тем не менее и сейчас диллоновский банк часто выступает агентом различных зарубежных банков внутри Соединенных Штатов, получая при этом большие прибыли. Так, например, когда фашистское правительство Малакки решило укрепить экономическое положение Южно-Африканского Союза и разместить для этого в Соединенных Штатах Америки облигации своего займа, то заняться этим делом оно поручило «Диллон, Рид энд компани».

Этот банк в поисках выгодных предприятий использует тайную войну, которую ведут между собой крупней-

шие монополисты США. Так, когда тexasские нефтепромышленники, ожесточенно борющиеся с нефтяной империей Рокфеллеров, оказались в стесненном положении и им потребовалась помощь крупного банка, первым на их призыв откликнулся банк «Диллон, Рид энд компани». Пренебрегши тем, что Рокфеллеры являются его союзниками и находятся в той же самой финансовой группировке, в которой находится и сам банк Диллона, он пришел на помощь тexasцам, взяв на себя защиту их интересов на Уолл-стрите. Завязав таким путем тесные связи с группой тexasских миллиардеров, этот банк значительно упрочил свои позиции.

Одним из секретов влияния диллоновского банка является то обстоятельство, что именно этот банкирский дом вот уже много лет поставляет в Вашингтон высокопоставленных деятелей. Печально знаменитый Д. Форрестол, бывший министр обороны Соединенных Штатов, выбросившийся в 1948 году в припадке антисоветского безумия из окна небоскреба, был одним из директоров этого банка и в качестве такового немало способствовал процветанию этого учреждения. Другой министр обороны, Луис Джонсон, занимавший этот пост вскоре после Форрестола, также был связан с банком Диллона. (Он поддерживал также весьма тесный контакт и с банком Гарримана.) И, наконец, сам глава банкирского дома «Диллон, Рид энд компани» Дуглас Диллон вот уже много лет подвизается в Вашингтоне на самых видных ролях. Он занимал пост посла Соединенных Штатов во Франции, на котором немало сделал для внедрения американского капитала в экономику этой страны. В правительстве Эйзенхауэра он играл видную роль в выработке внешней политики и занимал пост заместителя государственного секретаря, а после прихода к власти в 1960 году администрации демократической партии ему был предложен еще более важный пост — министра финансов. И это несмотря на то, что он считается влиятельным членом республиканской партии.

К уолл-стритскому региональному объединению относятся также группа Гоулдман-Закс, банки Лазаров, Вудвортов, компании Вандербильтов, Пью и некоторые другие банки и корпорации, образующие все вместе могущественнейший экономический и политический блок капиталистического мира.

До недавнего времени самостоятельным региональным объединением американского финансового капитала считалась **бостонская группировка**. Однако в последние годы ее связи с уолл-стритским объединением стали настолько тесными, что нет оснований выделять ее в отдельное объединение. Особенно тесно связаны бостонские финансисты с Рокфеллерами. Бостонская группа состоит из нескольких аристократических семейств, наиболее влиятельными и богатыми из которых являются Кэботы, Лоджи, Кулиджи, Форбсы, Солтонстоны, Кеннеди и Адамсы. Финансисты Бостона контролируют активы размером около 10 млрд. долл.

Хотя бы кратко следует остановиться на двух влиятельных бостонских семьях — Лоджах и Кеннеди, учитывая ту большую роль, которую эти семьи играли, играют ныне и, судя по всему, будут играть в ближайшие годы не только в области экономической, но и на американской политической арене.

Лоджи наряду с Кэботами считаются не только самыми известными фамилиями Бостона, но и одними из наиболее аристократических семейств США. Не случайно в Бостоне говорят: «Лоджи разговаривают только с Кэботами, а Кэботы — только с богом». Эти два семейства несколько десятков лет назад породнились между собой. Результатом такого династического брака был нынешний глава семейства Лоджей Генри Кэбот Лодж, стяжавший себе незавидную известность чрезвычайно консервативного политика на посту сначала сенатора от штата Массачусетс, а после того, как в 1952 году это место было отнято начинавшим тогда свою карьеру Джоном Кеннеди, на предоставленном ему Эйзенхауэром посту постоянного представителя США в ООН.

В 1962 году семейство Лоджей сделало попытку вывести на политическую орбиту своего младшего отпрыска Генри Кэбота Лоджа-младшего. Отец прочил ему место сенатора, которое до 1952 года занимал он сам. Однако семейство Кеннеди вновь нанесло поражение Лоджам — сенатором от Массачусетса был избран самый младший из братьев Кеннеди 30-летний Эдвард. Лоджи не оставляют своих политических амбиций. Лодж-старший рассматривается в кругах республиканской партии как один из ее возможных кандидатов на пост президента, а Лодж-младший готовится к новой попытке попасть в сенат.

О политической роли семейства Кеннеди говорить не приходится. Деятельность Дж. Кеннеди на посту президента будет рассмотрена в последующих главах. Но деятельностью покойного президента политическая активность семейства Кеннеди не ограничивается. После убийства президента американские политические обозреватели внимательно изучают шансы его брата Роберта. Высказываются предположения, что он будет играть заметную роль на американской политической арене в предстоящие годы. Во всяком случае, вашингтонские завсегдатаи считали, что сам Джон Кеннеди вынашивал планы передачи своего поста после истечения срока своих полномочий в 1968 году (в случае переизбрания Дж. Кеннеди на второй срок) своему младшему брату.

Именно этим искушенные в политических хитросплетениях американской столицы политические обозреватели объясняют такой непопулярный и сопряженный с известным политическим ущербом шаг Джона Кеннеди, как назначение на пост министра юстиции в своем правительстве в 1960 году ничем не проявившего себя 34-летнего Роберта Кеннеди. Политические дивиденды, связанные с пребыванием на видном государственном посту в течение ряда лет и превращением, таким образом, в фигуру общенационального масштаба, явно превосходят неудобства, вызванные таким назначением. Трудно в настоящее время судить о реальности такого рода планов. Однако несомненно, что сбрасывать со счетов их не следует.

Семейство Кеннеди наряду с Лоджами играет видную роль в бостонском объединении американского капитала. Глава этого семейства, отец покойного президента, играл и играет заметную роль в экономической и политической жизни США. Нижеследующие сведения о нем приведены в книге Джо Маккарти «Знаменитые Кеннеди», вышедшей в США в 1960 году.

Отец бывшего президента, Джозеф Патрик Кеннеди, — выходец из состоятельной ирландской семьи, владевшей акциями баров, угольной компании и фирмы по оптовой продаже спиртных напитков⁴⁴.

---

⁴⁴ См. J. Mc. Carthy, The Remarkable Kennedys (The Story of an Extraordinary Family and the Man Who May be Our Next President), N. Y., 1960, p. 190.

В 1957 году журнал «Форчун» оценил его личное состояние в 200—400 млн. долл., однако другие источники называют 400—600 млн. долл. Джозеф Кеннеди, пройдя выучку в одном из бостонских инвестиционных банков, в 20-х годах нажил первые миллионы на биржевой игре, перепродаже кинокомпаний и торговле спиртными напитками. Почувяв приближение биржевого краха, Джозеф Кеннеди продал все принадлежавшие ему ценные бумаги и со второй половины 30-х годов занялся крупными операциями с недвижимостью. Только на операциях со зданиями в Нью-Йорке он «заработал» 100 млн. долл. В 1945 году отец Кеннеди купил в Чикаго за 12,5 млн. долл. торговый центр, который теперь стоит 75—100 млн. Считается, что он имеет в своей собственности больше городской недвижимости, чем кто-либо другой из американских богачей. Часть своего состояния Джозеф Кеннеди передал своим детям и внукам.

«На Уолл-стрите Кеннеди стал мастером в искусстве составлять пулы. Обычно вкупе с несколькими другими биржевиками он закупал, скажем, 50 тыс. дешевых акций, на которые никто не обращал внимания. Затем он возбуждал к ним интерес способом, который известен на Уолл-стрите как «украшение витрины», то есть покупал и продавал самому себе эти акции мелкими партиями по всей стране, с тем чтобы их название постоянно мелькало в биржевых новостях. Видя это, простаки полагали, что кто-то скупает эти акции, и сами в панике бросались их покупать, повышая курс на несколько пунктов. Тогда организаторы пула спокойно сбрасывали свои акции, клали в карман прибыль и, весело насвистывая, принимались за другие дела»⁴⁵.

Накануне второй мировой войны отец президента был послан в Англию. «Джо Кеннеди был единственным в окружении Рузвельта, кто осмеливался выступать против участия США в войне в Европе»⁴⁶.

В Лондоне Джозеф Кеннеди был близким другом и постоянным советником Чемберлена.

Весной 1962 года английская «Таймс» опубликовала данные о деятельности Кеннеди-старшего в середине 1940 года. Ссылаясь на журнал «Интеллидженс дайд-

---

⁴⁵ J. M. C. Carthy, The Remarkable Kennedys, p. 36.

⁴⁶ Ibid., p. 16.

жест», газета писала, что в тот период Джозеф Кеннеди совместно с английскими министрами вел переговоры, цель которых заключалась в том, чтобы в самый последний момент повернуть Гитлера на Восток. «План Кеннеди, — утверждалось в статье, — пользовался поддержкой очень влиятельных лиц, вершивших политику Англии»⁴⁷.

В 1940 году во время президентских выборов Джозеф Кеннеди выступил соперником Рузвельта, претендуя на выдвижение своей кандидатуры на пост президента от демократической партии и утверждая, что Рузвельт не имеет права добиваться своего избрания в третий раз. В результате отношения между семействами Кеннеди и Рузвельта резко обострились и Джозефу Кеннеди пришлось отойти от активной политической деятельности.

Несколько слов об остальных членах этой семьи, которая, по утверждениям специалистов, после гибели Джона Кеннеди не отойдет от активной политической деятельности.

Мать братьев Кеннеди Роза Фитцджеральд происходит из аристократической фамилии Бостона. Ее отец в течение многих лет был мэром этого города. В настоящее время в живых остались два брата, Роберт и Эдвард, и четыре сестры. Роберт Кеннеди, один из ближайших советников своего старшего брата, в течение нескольких лет являлся членом пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, возглавлявшейся Маккарти. Ниже скажем о нем подробнее. Эдвард Кеннеди в первый период пребывания в Белом доме своего брата использовался им в качестве личного представителя в различных дипломатических миссиях, а затем, как уже отмечалось, стал членом сената. Старшая (ныне покойная) сестра братьев Кеннеди, Кэтлин, во время войны, находясь в Англии, вышла замуж за маркиза У. Ковендиша, и таким образом семья Кеннеди породнилась с одной из влиятельных английских фамилий, находящейся в родстве с бывшим премьер-министром Макмилланом.

Муж одной из сестер Кеннеди, Юнис, Серджент Шрайвер получил назначение на пост главы так называемого «Корпуса мира» — организации, на которую новое прави-

---

⁴⁷ «Times», May 10, 1962.

тельство возложило важные задачи в связи с проникновением в экономически слабо развитые страны.

Американская печать отмечает большую замкнутость и сплоченность семейного клана Кеннеди. «Когда кто-нибудь со стороны, — пишет об этом семействе газета «Демойн реджистер», — грозит помешать намерениям любого из клана Кеннеди, все семейство смыкается в тесный круг, опустив рога, как стадо бизонов, осажденное волками».

Дабы покончить со связями семейства Кеннеди, следует упомянуть малоизвестное, но весьма немаловажное обстоятельство, связанное с вдовой президента Жаклин Кеннеди. Она родилась в 1930 году в семье крупного биржевого дельца Ж. Бувье, коренного американца французского происхождения. Ж. Бувье является крупным биржевым дельцом, тесно связанным с рядом уолл-стритских банков, входящих в орбиту «империи Морганов».

Характерно, что в состав уолл-стритского объединения входят в подавляющем большинстве старые семейные группы американских миллиардеров. Таблица 1 дает некоторое представление о размерах личных богатств этих групп.

Данные таблицы отражают далеко не в полной мере могущество крупнейших финансовых династий, ибо главную роль в их влиянии играют не личные капиталы, а капиталы, находящиеся под их контролем и намного превосходящие суммы личных богатств.

Таковы основные финансовые группы, составляющие северо-восточное региональное объединение американского финансового капитала и примыкающие к нему.

Следует отметить, что важнейшим источником могущества уолл-стритских магнатов помимо контроля над многими отраслями экономики США является монополизация финансовых операций за рубежом США.

Четыре крупнейших банка Уолл-стрита держат в своих руках контроль над всеми банковскими компаниями США за границей, причем большая доля инвестиций за рубежом приходится на моргановский «Ферст нэшнел сити бэнк» и рокфеллеровский «Чейз Манхэттэн бэнк». Уолл-стритское объединение остается наиболее могущественным в экономическом отношении и наиболее влиятельным политически. Однако если до сравнительно недавнего времени воротилы Уолл-стрита бесконтрольно

Таблица 1

Старое ядро американских монополий

	Размер личного состояния (в млн. долл.)	
	в середине 20-х годов	к началу 60-х годов
Рокфеллеры	250—1 500	3 000—10 000
Дюпоны	100—240	2 000—6 000
Меллоны	100—450	1 600—4 700
Форды	100—660	1 100—3 800
Доррэнсы	. . . . .	100—1 000
Фиппсы	89—600	500—750
Харкнессы	80—450	450—600
Рейнолдсы	117	500—550
Милбэнки	100	400—500
Маккормики — Диринги	260	350—450
Морганы	90	240—400
Уитни	72—322	200—400
Хаугтоны	. . . . .	200—400
Взгонеры	. . . . .	300—400
Лимэны	129	250—350
Дьюки	. . . . .	250—350
Кербби	. . . . .	300—350
Асторы	30—114	150—300
Бейкеры	50—200	210—300
Фишеры	50—194	200—300
Гуггенхаймы — Страусы	190	200—300
Файрстоуны	. . . . .	280—300
Питкерны	100	230—250
Гарриманы	. . . . .	150—200
Пью	. . . . .	100—190
Уэйрхойзеры	. . . . .	150—200
Стилмен — Рокфеллеры	50—102	100—150
Пост-Хаттон	. . . . .	130—150
Шифы	66	75—100
Доджи	. . . . .	75—100
Чэпмены	. . . . .	75—100
Вудрафы	. . . . .	75—100
Дж. Н. Браун	. . . . .	75—100
Гульды	34—40	75—100

Источник: С. Меньшиков, Американская плутократия сегодня, «Мировая экономика и международные отношения», 1963 г., № 4, стр. 18.

хозяйничали в американской экономике, то в последние десятилетия им приходится потесниться. В Соединенных Штатах возник целый ряд новых группировок финансового капитала, и их вес и значение возрастают с каждым годом, причем после второй мировой войны они все чаще и все решительнее вступают в борьбу — и не без успеха — с северо-восточными финансово-промышленными воротилами.

«Равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»⁴⁸, — указывал В. И. Ленин. Постоянное изменение соотношения сил происходит и внутри финансовой олигархии США. В силу действия закона неравномерности развития капитализма в период империализма «молодые» группировки финансового капитала США растут быстрее финансовых групп Уолл-стрита.

2. ЧИКАГО И КЛИВЛЕНД ПРОТИВ УОЛЛ-СТРИТА

Мощь старых, давно сложившихся финансовых групп Уолл-стрита, таких как моргановская, рокфеллеровская и ряд других, по-прежнему остается огромной, но удельный вес более молодых групп северо-западных и юго-западных штатов возрастает в последние 10—15 лет относительно быстрее, и они все более успешно и активно конкурируют с Уолл-стритом, что накладывает серьезный отпечаток как на экономическую, так и на политическую жизнь Соединенных Штатов. «Старые, давнишние центры промышленности, такие как Новая Англия и среднеатлантические штаты, отстают в отношении темпов роста промышленности. В более молодых, менее развитых районах на западе и юге эти темпы значительно выше средних темпов в стране. Район Великих озер становится величайшим промышленным центром США. Калифорния и Техас быстро развиваются. Юг механизмуется»⁴⁹, — пишет орган деловых кругов США журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Весьма любопытные данные по вопросу об экономическом развитии различных районов США в последние годы

---

⁴⁸ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 417.

⁴⁹ «U. S. News and World Report», Dec. 30, 1954.

и о стремительном развитии новых районов, ранее не игравших большой роли в промышленном производстве и бизнесе, содержатся в вышедшей в 1962 году книге «Изменения в размещении промышленности в США с 1929 года»⁵⁰. Ее автор, В. Фукс, в прошлом профессор экономики Нью-Йоркского университета, работает в настоящее время в «Фонде Форда».

За рассматриваемый период промышленность штатов Центрального Севера, по данным В. Фукса, развивалась примерно такими же темпами, как промышленность США в целом, промышленность Северо-Востока — медленнее, промышленность Запада и Юга — более быстро. Особенно быстро развивалась промышленность штатов Техас и Флорида на Юге, Невада, Колорадо и особенно Калифорния на Западе. На более низкие темпы развития штатов Северо-Востока, по мнению В. Фукса, оказало влияние то, что резкое сокращение иммиграции рабочих в США в последние десятилетия лишило этот район дешевой рабочей силы, а это привело к смещению текстильной промышленности на Юг. Сказалось также и то, что резко упала добыча угля в Пенсильвании вследствие вытеснения угля как топлива нефтью и природным газом. Более быстрое развитие Юга шло за счет развития текстильной промышленности, добычи нефти, химической и авиационной промышленности. Благоприятным фактором было также и то, что большая часть гражданских и военных расходов федерального бюджета оседала именно в этой части страны, а также на Западе.

Наиболее быстро росла промышленность Юга, Запада (в особенности Калифорнии), где сосредоточилась авиационная промышленность. По мнению В. Фукса, большую роль в развитии этого района сыграла сравнительно более высокая заработная плата, особенно для неквалифицированных рабочих, а также благоприятные климатические условия.

Можно соглашаться или не соглашаться с анализом В. Фукса, с тем, что он считает причинами тех изменений, которые произошли в размещении американской промышленности, но фактические данные, им приводимые, отражают действительное положение вещей. По-

---

⁵⁰ См. V. Fuchs, Changes in the Location of manufacturing in the United States since 1929, New Hawen, 1962.

следствия этого как в экономике, так и в политике США поистине не поддаются учету.

Быстрое накопление в военные и послевоенные годы «незанятых» или относительно «избыточных» капиталов, ищущих себе максимально прибыльных мест приложения, является одной из причин, обостряющих борьбу «молодых» и «старых» финансово-промышленных объединений США. Каждое из них ведет ожесточенную борьбу не только в области экономической, но и в области политической, стремясь обеспечить себе наиболее выгодные посты в государственном аппарате.

Большие капиталы и значительное политическое влияние приходится на долю **среднезападного регионального объединения финансового капитала США**. Некоторые делят его на чикагскую и кливлендскую группы. Однако по существу чикагские банки и промышленные компании и компании Кливленда настолько тесно связаны между собой и выступают в своей конкурентной борьбе с Уолл-стритом так сплоченно, что, на наш взгляд, нет сколько-нибудь существенных оснований делить среднезападное объединение на две части.

Хотя внутри среднезападного объединения существует конкурентная борьба, такая же как и внутри других региональных объединений американского финансового капитала, однако факторы, которые объединяют компании чикаго-кливлендского района (особенности производства, связанные с географическим положением, враждебное отношение со стороны уолл-стритских групп, отсутствие существенных инвестиций за пределами США и т. п.), явно преобладают, обуславливая общность интересов этого объединения, и дают основание рассматривать его как единое региональное объединение американского финансового капитала.

Влияние финансовых групп Среднего Запада по целому ряду причин ограничивается сферой внутреннего хозяйства страны. Выйдя на арену значительно позже своих уолл-стритских соперников, чикагские банкиры не сумели сколько-нибудь существенно пробиться в выгодную сферу инвестирования капитала за рубежом США или занять видное место во внешней торговле. Это обстоятельство накладывает весьма существенный отпечаток на взгляды политических деятелей, связанных с этой группой.

Ведущую роль в среднезападном региональном объединении играют чикагские банки. Под их контролем находятся капиталы в 35 млрд. 700 млн. долл. Чикаго — третий после Нью-Йорка и Лондона финансовый центр капиталистического мира. 60 из 300 крупнейших американских банков обосновались в Чикаго. Активы, находящиеся под контролем чикагских банков, составляют 22 млрд. 5 млн. долл., что делает группу чикагских финансистов одной из наиболее могущественных в стране. В последние годы активы чикагских банков возрастают значительно быстрее, чем, например, банков Нью-Йорка. В Чикаго расположены крупнейшие банки — «Ферст нэшнел бэнк оф Чикаго» (2,9 млрд. долл.), «Континентэл Иллинойс нэшнел бэнк энд траст компани» (активы 2,7 млрд. долл.), «Нозерн траст компани Чикаго» (776 млн. долл.) и др. В самостоятельную группу чикагская финансовая группировка выделилась после кризиса 1929—1933 годов. Ведущую роль в чикагских банках играют несколько династий финансовых магнатов — Эвери, Маккормики, Дауэсы, Экхарты, Вуды, Филды, Кларки, Крауны и др.

Среди значительных промышленных компаний, находящихся под контролем чикагских банков, выделяются крупнейшая машиностроительная компания «Интернэшнел харвестер» (1 млрд. 18 млн. долл.), производящая сельскохозяйственное и другое оборудование, одна из крупнейших в США торговых фирм «Сиэрс Робёк энд компани» (1 млрд. 596 млн. долл.), стремительно растущая сталелитейная компания «Инлэнд стил компани» (514 млн. долл.), компания «Монтгомери Уорд» (741 млн. долл.). Четыре чикагские компании в течение последнего полувека держат в своих руках контроль над мясной промышленностью США. Эти крупнейшие компании — «Армор энд компани», «Свифт энд компани», «Вильсон энд компани» и «Кадахи пэккинг компани».

Выше уже отмечалось, что в 1961 году в орбиту этой группы вошла в значительной степени и крупнейшая военно-промышленная корпорация США, после того как видный чикагский магнат Краун приобрел крупный пакет акций «Дженерал дайнэмикс». Генри Краун — примечательная фигура среди чикагских миллионеров. Его считают сейчас одним из наиболее напористых чикагских дельцов и прочат ему быстрое усиление влияния и увеличение состояния. В 30-х годах, будучи мелким под-

рядчиком, Краун оказался на краю банкротства. Вторая мировая война и послевоенная строительная горячка внесли оживление в его дела. К 1956 году его состояние, вложенное в семейную фирму «Мэтириэлс сервис», в угольные шахты, недвижимость и акции двух крупных монополий, доходило до 50 млн. долл. Удачные махинации последних лет намного увеличили этот капитал. Краун продал свою фирму военному концерну «Дженерал дайнэмикс», получив взамен пакет ее акций на сумму 120 млн. долл. Перепродажа нью-йоркского небоскреба «Эмпайр стейт билдинг» принесла ему еще 14 млн. долл. Его акции в «Хилтонс хоутелс» стоят 7 млн. долл., а в «Чикаго, Рок Айленд энд пасифик» — около 40 млн. долл. Таким образом, общее состояние Крауна составляет теперь не менее 180 млн. долл.

Рупором чикагских банков и компаний Среднего Запада является группа чикагских газет («Чикаго дейли ньюс», «Чикаго трибюн» и др.). Эти газеты часто выступают против тех мероприятий правительства (в частности, внешнеполитических), которые несут выгоду воротилам с Уолл-стрита.

Важное место среди финансово-промышленных групп Среднего Запада занимают кливлендские машиностроительные, резинотехнические, металлургические и другие промышленные корпорации, а также многочисленные нефтяные компании. Если мощь чикагской «империи» зиждется прежде всего на группе влиятельных банков, то кливлендская группировка, контролирующая капиталы в 14 млрд. долл., возникла на базе богатых железорудных месторождений в районе водных путей Великих озер. В настоящее время кливлендцы контролируют 4 из 10 крупнейших в США сталелитейных компаний и многочисленные предприятия тяжелой индустрии.

Одной из богатейших семей Кливленда является семья Матеров. Начало богатству этой семьи в конце прошлого века положил ловкий и беззастенчивый делец Сэмюэль Матер, который одним из первых воспользовался сравнительной отдаленностью этого района от Нью-Йорка для того, чтобы путем махинаций и жестокого разорения мелких и средних предпринимателей создать независимую от Уолл-стрита стальную империю. Наследники Сэмюэля Матера контролируют так называемую «малую четверку» стальных компаний США, которая занимает

второе место в США после моргановской «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Матеры руководят и крупным банком «Кливленд траст компани», который осуществляет руководство полутора десятками различных компаний и фирм.

Другой влиятельной династией Среднего Запада является финансово-промышленная «империя Ханна». Ее основатель Марк Ханна начинал на заре нынешнего века свою деятельность на политическом поприще. Он оказал важные услуги рокфеллеровской компании «Стандард ойл», настояв на том, чтобы главный прокурор штата Огайо прекратил дело, начатое против этой рокфеллеровской компании в связи с нарушением так называемых антитрестовских законов.

В благодарность за это Рокфеллеры допустили Марка Ханна в свое дело. Ловкий делец не замедлил воспользоваться протекцией всемогущих Рокфеллеров и вскоре начал собственный бизнес, который стал быстро расширяться. В настоящее время эта семья контролирует «Нэшнел сити бэнк (Кливленд)» (750 млн. долл.), железорудную «М. А. Ханна компани» (149 млн. долл.), «Нэшнел стил корпорейшн» (591 млн. долл.).

Делами этой семьи ворочает ныне один из ведущих лидеров среднезападных предпринимателей, видный финансист и делец Джордж Хэмфри. Своей карьерой и богатством Джордж Хэмфри обязан прежде всего удачно для него сложившимся обстоятельствам. Деятельность свою он начинал в качестве мелкого служащего в различных компаниях Кливленда и хитростью и упорством добился положения администратора среднего ранга, большего при всем его напоре и энергии ему достичь не удалось.

И вот, когда казалось, что время упущено, случай сделал то, что Джорджу Хэмфри не удавалось достичь за долгие годы, которые он упорно карабкался по крутой лестнице иерархии бизнеса. Его сын Джильтберт, случайно познакомившись с дочерью Марка Ханна, наследницей всех его капиталов, женился на ней. Этот брак дал Хэмфри-старшему сначала доступ в одну из богатейших семей Америки, а затем помог прибрать к рукам все гигантское предприятие, принадлежащее семье миллиардера Ханна.

В последнее десятилетие роль одного из лидеров сред-

незападного объединения играет крупнейший кливлендский финансист и промышленник Сайрус Итон. Через принадлежащую ему инвестиционную компанию «Отис энд компани» и держательную компанию «Портсмут стил компани» С. Итон контролирует крупную американскую железнодорожную компанию «Чезапик энд Огайо рейлзуэй» (983 млн. долл.). В 1963 году эта крупнейшая компания была соединена С. Итоном с «Балтимор энд Огайо рейлроуд». Во главе нового гиганта стоит сам С. Итон. С. Итон имеет решающее влияние в «Детройт стил корпорейшн» и через посредство компании «Кливленд Клифс айрон» имеет свою долю в сталелитейных компаниях, принадлежащих Матерам. Помимо этого С. Итон является собственником двух канадских компаний, владеющих значительными запасами железной руды в районе Гудзонова залива.

Сайрус Итон является ярким представителем наиболее трезво мыслящих кругов США. В последние годы наряду с деловой деятельностью он активно выступает на политической арене, высказывается за нормализацию отношений с СССР, за расширение торговли, резко критикует политику государственного департамента⁵¹ и пр.

В настоящее время его личное состояние превышает 150 млн. долл., а под контролем С. Итона находятся ка-

---

⁵¹ С. Итон родился 27 декабря 1883 г. Деловую деятельность начал мелким служащим в компании Джона Рокфеллера-старшего. Затем начал действовать самостоятельно, организовал компанию «Канада гэс энд электрик корпорейшн», объединил ряд электро- и газовых компаний на Среднем Западе. С 1925 года начинает деятельность по организации и руководству сталелитейными компаниями. С. Итон создает и руководит сталелитейными компаниями «Рипаблик стил» (764 млн. долл.), «Янгстаун шит энд тьюб» (573 млн.) и др. Тесно сотрудничал с компаниями Инсула. К началу 30-х годов его личное состояние достигло 100 млн. долл. Во время кризиса 1929—1933 годов, так же как Инсул, С. Итон обанкротился и потерял почти все состояние. Однако в результате энергичной деятельности восстановил позиции, а затем и увеличил свое влияние. Итон занимает посты члена банкирского дома «Отис энд компани», председателя правления «Стил рок айрон майнз», «Портсмут стил компани», директора «Кливленд айрон компани», «Шервин Уильям компани», «Канзас-сити пауэр», «Лайт компани Овнер». С. Итон — член американского научного общества, автор ряда книг по финансовым вопросам. Связан с республиканской партией, однако неоднократно вносил крупные денежные суммы в фонд профсоюзов,

питалы, оцениваемые в 5—6 млрд. долл. Главная сфера его деятельности — уголь, железная руда, металлургия, железные дороги.

Следует отметить, что влияние С. Итона превосходит даже те громадные капиталы, которые находятся под его контролем, и продолжает возрастать. Без преувеличения можно сказать, что С. Итон к середине 60-х годов превращается не только в могущественнейшего лидера делового мира Среднего Запада, но и в одного из наиболее влиятельных представителей американского большого бизнеса в целом. О степени влиятельности С. Итона можно судить по таким, казалось бы, второстепенным, но на самом деле весьма показательным деталям. Взгляды, высказываемые С. Итоном в течение мрачных лет «холодной войны», считаются в Америке крамольными. Однако даже самые черносотенные газетенки, в том числе и оплот реакционной прессы чикагский газетный трест Маккормиков, лишь с большой оглядкой решаются критиковать С. Итона. Еще пример. Льюис Страус, человек в Вашингтоне более чем влиятельный, публично сделал резкие замечания по адресу С. Итона. Вскоре ему пришлось расстаться с министерским портфелем.

Рост влияния С. Итона в последние годы далеко не случаен и, думается, связан не только с его финансовым весом. Жизнь, ход событий показали многим, в том числе и наиболее дальновидным представителям большого бизнеса, что авантюристичный внешнеполитический курс США таит в себе большие опасности, что позиция С. Итона является не следствием «идеализма и заблуждений» и даже «чуждачеств миллиардера», как это в течение ряда лет пытались утверждать великосветские политические снобы Вашингтона и Уолл-стрита, а результатом политической дальновидности, делового реализма и трезвого расчета. То, что в 50-х годах рассматривалось в политических и деловых кругах США как экстравагантные выходы богатейшего человека, который может себе позволить быть даже «красным», как называли С. Итона маккартисты, в 60-х годах под напором фактов выглядит уже для многих влиятельных деятелей США как плод большой проницательности незаурядного политика и дельца, который, оставаясь ярым приверженцем и, без преувеличения можно сказать, столпом американской системы частного предпринимательства, оказался выше

многих предрассудков, понял страшную альтернативу ядерного века. А это не может не привлекать к С. Итону пристального внимания самых различных слоев американского общества, в том числе и деловых кругов.

Взгляды и воззрения С. Итона не являются ныне в среде влиятельных деловых кругов случаем феноменальным и из ряда вон выходящим. Из одиночки-оригинала он превращается в одного из лидеров группы деловых людей и связанных с ними политических деятелей, ученых и публицистов, выступающих за конструктивную политику сосуществования двух систем. О том, что в основе такой позиции С. Итона лежат помимо его политического реализма и правильно понимаемые им деловые интересы, речь впереди.

Теснейшим образом с кливлендской группой, в частности с Итоном, связана группа, возглавлявшаяся до 1958 года железнодорожным магнатом Робертом Янгом. Через инвестиционную компанию «Аллегани корпорейшн» эта группа контролирует четыре крупнейшие железные дороги. Это «Нью-Йорк сентрэл», до последнего времени контролировавшаяся Вандербильтами и Гарриманами (активы 18 млрд. долл.), «Чезапик энд Огайо» (817,6 млн. долл.), «Нью-Йорк, Миссури пасифик рейлроуд» (726 млн. долл.) и «Чикаго энд Сан-Луи рейлроуд», до 1941 года находившаяся под контролем Моргана. В последние годы группа Янга захватила контроль над могущественными финансовыми корпорациями США с общими активами в 2 млрд. долл., в том числе над чрезвычайно влиятельным банком «Марин мидлэнд траст компани», компанией «Нэшнел эйркрафт компани» и др., находившимися до этого в сфере влияния Уолл-стрита.

В результате активы этой группы «уже вскоре после войны приблизились к 7 млрд. долл., и эта группа быстро превращается в одну из могущественнейших в США»⁵².

Видное место в среднезападном объединении занимает один из ведущих в США газетно-издательский трест Маккормиков, который является как весьма значительным предприятием с крупными капиталами, так и рупором среднезападного капитала, отстаивающим его интересы.

---

⁵² «Wall Street Journal», Sept. 8, 1951.

Помимо чикагской и кливлендской групп в среднезападное региональное объединение входят некоторые компании Детройта, Миннеаполиса, Сент-Луиса и других промышленных центров Среднего Запада. Яростно конкурируя между собой, они в то же время образуют весьма компактную группу, объединенную многими факторами — экономическими, географическими, а главное — совместной острой борьбой, которую они ведут против уолл-стритской группировки.

Таким образом, можно констатировать, что в США сложилась весьма могущественная среднезападная региональная группа финансового капитала, играющая активную роль в экономике и политике США.

3. «ИМПЕРИЯ ДЖАННИНИ»

Одновременно с ростом могущества и влияния магнатов капитала Среднего Запада быстро возрастают капиталы еще одной «молодой» региональной группировки американского финансового капитала, сосредоточившей основную свою деятельность в юго-западных штатах страны.

Послевоенные годы ознаменовались кардинальным изменением роли, которую играет в американской экономике этот район. «Колонизируемого Запада», игравшего долгие годы в экономике США второстепенную, подсобную роль, больше не существует. В настоящее время — это один из наиболее бурно развивающихся и играющих все возрастающую роль районов страны. Вторая мировая война дала существенный толчок развитию здесь тяжелой индустрии. При этом то обстоятельство, что его бурному развитию дала толчок война, нашло свое отражение в том, что именно на Юго-Западе сосредоточено значительное количество компаний, связанных с военным производством, и особенно с его новейшими отраслями.

В этом районе сосредоточена значительная часть производства самолетов (компании «Дуглас эйркрафт», «Локхид эйркрафт», «Нортроп эйркрафт» и др.) и большие мощности алюминиевой промышленности и т. д.

На базе этой бурно развивающейся промышленности и возникло одно из влиятельных и, возможно, самое активное среди «молодых» в экономическом и политическом

ком отношении финансовых объединений — **юго-западное региональное объединение американского капитала.**

Это объединение распадается на несколько групп, причем связь между этими группами несколько меньшая, а соперничество между ними более острое, чем это имеет место в других региональных объединениях американского капитала. Но тем не менее можно говорить о едином объединении монополий Юго-Запада.

На тихоокеанском побережье существуют две, уже более или менее старые, группировки монополий — сан-францисская и лос-анжелосская. Под контролем старых калифорнийских групп находится 41 млрд. долл. Эти группы больше, чем остальные, связаны с уолл-стритскими банками, и их интересы часто переплетаются. Тем не менее в последние годы им все чаще приходится выступать совместно с наиболее могущественной на Юго-Западе группой «Бэнк оф Америка», против которой они боролись в течение длительного периода. Интересы, которые объединяют эти группы, значительно сильнее и существеннее того, что их разъединяет.

Центром юго-западного регионального объединения является чрезвычайно монолитная финансовая группа Джаннини, созданная Амадео Джаннини⁵³. Финансовая «империя Джаннини» включает в себя свыше 500 банков. Во главе этой империи стоит самый крупный в США «Бэнк оф Америка» (11 млрд. долл.).

Ни один из банков США не пользуется столь монопольным положением, как «Бэнк оф Америка». Используя свою монополию, он получает исключительно высокие проценты и является самым прибыльным из крупнейших банков США. Если в 1961 году вклады «Бэнк оф Америка» превышали депозиты главного рокфеллеров-

---

⁵³ Амадео Джаннини родился в 1870 году в Калифорнии. Умер в 1948 году. Сын итальянских эмигрантов, он рано начал заниматься всевозможными деловыми операциями: сначала в предприятии отца — торговца овощами в Сан-Франциско, а затем на банковском поприще. Отличаясь большим напором и ловкостью, он развил вначале свою деятельность среди итальянских эмигрантов, составлявших значительную прослойку населения тихоокеанских штатов США, и постепенно сконцентрировал в своих руках крупные капиталы. Финансовая «империя Джаннини» отличается большой компактностью и полностью контролируется семьей Джаннини. Наследниками А. Джаннини являются его сын Лоуренс Марио Джаннини и его дочь Клэр Гофман (Джаннини).

ского банка на 21%, то прибыли, полученные «Бэнк оф Америка» за тот год, превосходили прибыли «Чейз Манхэттэн бэнк» на 34%. Доля «Бэнк оф Америка» в непогашенных банковских займах в Калифорнии превышает 50%. Тысячи калифорнийских фермеров и сотни мелких сельскохозяйственных предприятий, данные о которых не публикуются, привязаны задолженностью к «Бэнк оф Америка». В 1961 «Бэнк оф Америка» получил 80 млн. долл. чистой прибыли.

Карьера Амадео Джаннини в значительной степени связана с тем, что он фактически первым в стране стал обслуживать не только компании и фирмы, но и мелких вкладчиков. Именно это дало ему возможность стать во главе самостоятельного дела и, привлекая массы капиталов мелких вкладчиков, превратить свой банк в крупное учреждение⁵⁴.

Джаннини одним из первых в Америке понял, сколь важно захватить ключевые позиции в государственном аппарате. Еще в те времена, когда старый Морган высокомерно третировал даже самого президента Соединенных Штатов, когда Рокфеллер часами держал у себя в приемной министров, а затем отправлял их восвояси, так и не соблаговолив их принять, когда Форд разглагольствовал о том, что государственная власть лишь мешает ему делать бизнес, связывая его инициативу, Амадео Джаннини, не жалея денег, рассаживал на высокие посты своих людей и, посадив их, использовал это в своих корыстных интересах.

В течение многих лет его личным адвокатом был Г. Макаду, зять президента Вильсона и претендент на пост президента от демократической партии. Нужно ли

---

⁵⁴ В 1906 году на Сан-Франциско обрушилось страшное бедствие — землетрясение разрушило значительную часть домов. В городе возник пожар, который продолжался несколько дней. Среди разрушенных или сгоревших домов были все финансовые учреждения города. Уцелел лишь один маленький банк, который к тому времени успел создать молодой итальянец Джаннини. Некоторая часть жителей города получила в этом банке небольшие ссуды для восстановления своих жилищ. Но главный капитал, который на этом деле заработал Джаннини, было безотчетное доверие к его учреждению. Жители Сан-Франциско, известные суеверностью, с тех пор были убеждены, что самым прочным и незыблемым банком является банк Джаннини, который уцелел даже во время пожара и землетрясения.

удивляться тому, что в годы президентства Вильсона банк Джаннини пользовался «режимом наибольшего благоприятствования». Именно этому банку поручались правительством выгодные финансовые операции, именно этот банк пользовался особым доверием государственной казны.

Стало своеобразной традицией, что на посту губернатора штата Калифорния всегда находился человек, выбранный Амадео Джаннини. О том, как это использовалось им, свидетельствует такой пример. В начале 20-х годов Джаннини упорно стремился создать во всех городах американского Запада отделения своего банка. Однако конкуренты, используя различные статьи американского законодательства, препятствовали ему в этом. Тогда Амадео Джаннини прибегнул к испытанному приему. В 1926 году предстояли выборы нового губернатора штата Калифорния. Джаннини энергично вмешался в дело. На предвыборную кампанию были затрачены крупные суммы. Губернатором стал ставленник Джаннини. И в течение первой же недели новый губернатор дал разрешение учредить в различных городах 136 новых отделений банка Джаннини. В результате этого банк Джаннини буквально за одну ночь превратился в третий по величине банк страны.

Имел свою агентуру Джаннини и в руководстве демократической партии, с которой он был связан особенно тесно, и в правительственном аппарате Вашингтона. Характерно, что нынешние руководители «Бэнк оф Америка» С. Кларк Бейз и Д. У. Тэпп ранее занимали высокие посты в вашингтонской администрации: Бейз был государственным инспектором по банкам, в сферу деятельности которого входил и «Бэнк оф Америка», а Тэпп занимал пост, связанный с распределением излишков товаров, в которых «Бэнк оф Америка» был крайне заинтересован. По окончании своей карьеры в Вашингтоне они заняли высокие посты в джанниниевских банках. В 1960 году после прихода к власти правительства Кеннеди калифорнийцы всерьез претендовали на пост министра финансов, проча на него все того же Тэппа. Потерпев в тот момент неудачу, они отнюдь не отказались от этого плана.

Обширные связи в правительственном аппарате дали Джаннини возможность выстоять в ожесточенной войне,

которую вели против него на протяжении двух десятилетий уолл-стритские банки. Эти связи группировка Джаннини сохранила и по сей день, являясь в политическом отношении едва ли не самой активной и располагающей в Вашингтоне мощной агентурой в высших правительственных сферах, о чем речь пойдет дальше.

После смерти Амадео Джаннини, последовавшей в 1948 году, во главе империи Джаннини стал его сын Лоуренс Марио Джаннини⁵⁵, занявший посты президента и председателя административной комиссии «Бэнк оф Америка», директора «Трансамерика корпорейшн» и ряда других финансовых учреждений этой группы. Активное участие в делах принимает и дочь А. Джаннини Клэр Гофман. После смерти брата Клэр Гофман возглавляет всю империю отца, являясь, по-видимому, самой богатой и влиятельной в капиталистическом мире женщиной-предпринимателем. Без всякого преувеличения можно сказать, что Клэр Гофман в настоящее время является наиболее активной и влиятельной фигурой в калифорнийской группе. После смерти ее отца один из его ближайших сподвижников Ф. Н. Белграно, занимавший важные посты в империи «Бэнк оф Америка», попытался противопоставить себя Клэр Джаннини-Гофман и занять руководящее положение. Но госпожа Джаннини показала, что с ней шутики плохи, и Белграно оказался изгнанным со всех постов.

Помимо Клэр Джаннини-Гофман к числу наиболее влиятельных руководителей этого монополистического объединения относятся Генри Кайзер, Джон Алекс Маккоун, Джес Тэпп, С. Бейз, Герберт Гувер-младший, сын бывшего президента. Маккоуна в настоящее время следует рассматривать не только как члена олигархии «Бэнк оф Америка», но и как ее главного эмиссара в правительстве США. Этот бывший судопромышленник тесно сблизился, а впоследствии полностью вошел в верхушку калифорнийской группировки. В 1958—1960 годах он возглавлял комиссию по атомной энергии, а сейчас является директором центрального разведывательного управления и входит в совет национальной безопасности США. Существует мнение, что, по всей вероятности, после окончания срока его полномочий в американском правительстве

---

⁵⁵ Родился в 1894 году, умер в 1952 году.

он снова займет директорские посты в корпорациях группы «Бэнк оф Америка».

Место в системе американского большого бизнеса группа Джаннини завоевала в долголетней и чрезвычайно ожесточенной борьбе с северо-восточными банками, в особенности с Морганам.

Северо-восточные финансисты попытались использовать законодательный путь, чтобы ограничить рост калифорнийской группы. Главным объектом нападения нью-йоркских банкиров стала холдинг-компания «Трансамерика корпорейшн». Используя антитрестовское законодательство, они заставили ее в 1937 году продать большую часть принадлежавших ей акций «Бэнк оф Америка», а в 1952 году — все оставшиеся. В том же году было вынесено судебное решение, вынуждавшее «Бэнк оф Америка» ликвидировать совместные директораты с «Трансамерика корпорейшн», а спустя несколько лет банкиры Уолл-стрита провели через конгресс еще один «антимонополистический» закон, по существу направленный против «Трансамерика корпорейшн».

Обрушившаяся на «Трансамерика корпорейшн» канонада «антимонополистических» законов привела к тому, что связи между отдельными частями калифорнийской группы стали замаскированными.

Ядро этой группы в настоящее время составляют три корпорации-миллиардера: «Бэнк оф Америка», «Уэстерн бэнк корпорейшн» и «Трансамерика корпорейшн».

Хотя образование «Уэстерн бэнк корпорейшн» и датируется 1958 годом, это не новая компания. Дело в том, что под влиянием закона 1956 года, запрещающего банковским холдинг-компаниям владеть акциями промышленных и страховых предприятий, «Трансамерика корпорейшн» провела реорганизацию, сведшуюся к тому, что вновь учрежденной «Уэстерн бэнк корпорейшн» были переданы все банки «Трансамерика корпорейшн», оставшей себе контроль над страховыми и промышленными компаниями. В «новую» компанию перешла часть старого руководства. Организованная в форме холдинг-компании, «Уэстерн бэнк корпорейшн» включает в себя 24 банка с 480 отделениями в 11 западных штатах. Компания не только распространила свое влияние более чем на 1/3 территории США, но и распоряжается пятимиллиардными ресурсами всех ее банков с помощью головной ком-

пании, активы которой в 15 раз меньше вышеуказанной суммы.

В аналогичной организационной форме действует ныне и концерн «Трансамерика корпорейшн», включающий в себя самые разнородные предприятия, начиная от компаний тяжелой промышленности и кончая учреждениями, занимающимися спекуляцией недвижимым имуществом.

Значительные капиталы всех предприятий этого концерна (1,05 млрд. долл.) подчинены головному институту «Трансамерика корпорейшн», активы которого во много раз меньше этой суммы (0,225 млрд. долл.)⁵⁶.

Директором «Бэнк оф Америка» являлся один из ближайших помощников Джаннини известный делец Эрик Джонстон. Этот банк контролируется инвестиционной компанией «Трансамерика корпорейшн», принадлежащей семье Джаннини. Через свои филиалы эта корпорация контролирует банки в пяти штатах Дальнего Запада США — Калифорний, Аризоне, Неваде, Орегоне и Вашингтоне.

Под контролем джанниниевской «Трансамерика корпорейшн» находятся такие крупные банки, как «Ферст нэшнел бэнк оф Лос-Анжелес» (1 млрд. 726 млн. долл.), «Ферст нэшнел бэнк оф Невада» и др.⁵⁷

Американские экономисты считают, что активы финансовых компаний Джаннини превышают 18 млрд. долл. Близкий Моргану финансист Р. Эванс заявил, что группа Джаннини «сконцентрировала большую экономическую мощь в руках небольшой группы людей, возможно, в руках лишь одного человека, что вряд ли когда-либо имело место в экономической жизни США»⁵⁸.

В области промышленности основой влияния группы Джаннини является ее многолетний и теснейший союз с крупнейшим промышленным магнатом на тихоокеанском побережье США Генри Кайзером. Генри Кайзер — весьма своеобразная фигура в деловом мире США. Наряду с А. Джаннини его называют «высочкой». В течение многих лет совместно с Джаннини он вел ожесточенную

---

⁵⁶ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1963 г., № 7, стр. 123.

⁵⁷ «New York Times», June 14, 1951.

⁵⁸ Ibid.

конкурентную борьбу с крупными магнатами Уолл-стрита и сумел в этой борьбе устоять⁵⁹.

Джанниниевская «Трансамерика корпорейшн» владеет крупным пакетом акций главной компании Кайзера «Кайзер компани», которая, в свою очередь, владеет компаниями, действующими в 27 отраслях промышленности (производство стали, алюминия, автомашин, строительных материалов и т. д.). Крупнейшими компаниями Кайзера являются «Кайзер алюминум энд кемикэл корпорейшн» (490 млн. долл.) — производит около 30% американского алюминия, входит в так называемую «большую тройку» этой отрасли; «Кайзер стил корпорейшн» (277 млн. долл.) — ведущая сталелитейная компания на западном побережье с производственной мощностью 2 млн. т; «Кайзер индастриз корпорейшн» (226 млн. долл.). В кайзеровский концерн входит компания «Виллис моторз», которая выпускает известные «джипы». Все акции компании «Виллис моторз» принадлежат «Кайзер индастриз корпорейшн». В то же время сама «Виллис моторз» владеет контрольными пакетами акций двух компаний, одна из которых («Виллис-Оверленд ду Бразил») только в 1960 году продала 38,5 тыс. автомобилей различного типа и получила 7,9 млн. долл. чистой прибыли. Самые разнообразные предприятия входят в кайзеровский концерн. На одних предприятиях идет изготовление оборудования для исследований в области

---

⁵⁹ Генри Кайзер родился в 1882 году. Начал деятельность разработкой нефтяных залежей на Юго-Западе. Затем, так же как и Джаннини, используя связи, которые он установил с представителями правящих кругов, занимал ряд постов в компаниях, действовавших по контрактам с правительством (председатель комиссии по строительству плотины Боулдер Дам, 1931 г.; строительство дамбы на реке Миссури, 1927—1930 гг.). Организовал и возглавляет вместе со своим сыном Эдгаром Кайзером (р. 1908 г.) «Кайзер компани», «Кайзер фрэзер корпорейшн», а также «Перманент цемент компани», «Кайзер мотор корпорейшн» и др. Во время войны занимал пост управляющего на семи крупных судостроительных верфях на Тихом океане. Применив при строительстве судов поточную линию, поставлял 35% торговых судов, строившихся в США в тот период. Во всех своих предприятиях опирался на прочную поддержку «Бэнк оф Америка» и использовал тесные связи, установленные им с видными деятелями демократической партии и вашингтонской администрации. В настоящее время Генри Кайзер, передав ведение дел сыновьям, бизнесом почти не занимается, большую часть года проводя на курортах Гавайских островов.

электроники, другая компания занята строительством гостиниц на Гавайских островах, третья изготавливает твердое топливо для ракет, четвертая занята операциями с недвижимым имуществом и т. д.

В десятках стран капиталистического мира действуют ныне заводы Генри Кайзера. Большая часть предприятий концерна расположена на Дальнем Западе США. Журнал «Форчун» оценивает личный капитал Генри Кайзера в 75—100 млн. долл., но эти цифры явно занижены. Кайзер и его сыновья владеют контрольными пакетами двух компаний, рыночная стоимость которых к началу 1962 года достигла 576 млн. долл. Общий личный капитал Кайзеров приближается, судя по имеющимся данным, к 500 млн. долл. Общие же капиталы компаний, контролируемых этим предпринимателем, превышают 1 млрд. 700 млн. долл., а на его заводах работает около 70 тыс. рабочих.

Тесно связана группа Джаннини и с военным бизнесом. В конце 30-х годов А. Джаннини наложил свою руку на самолетостроительную компанию «Локхид эйркрафт».

Основанная в 1916 году авиаконструкторами братьями Локхид, эта компания в течение многих лет влачила довольно незавидное существование. Деловые таланты ее основателей значительно уступали их способностям в области самолетостроения. В 1932 году фирма Локхидов обанкротилась.

Сначала через подставных лиц, а затем и открыто Джаннини захватил эту компанию. А когда началась вторая мировая война, это приобретение окупило себя с лихвой. Джаннини полностью отказался от работ в области гражданского самолетостроения, чем раньше занималась эта фирма, целиком ориентируя ее на производство военных самолетов. В 1943 году число рабочих и служащих на заводах этой компании приблизилось к 100 тыс. человек (накануне войны число рабочих компании не превышало 6 тыс.). Обороты фирмы возросли с 40 млн. до почти 700 млн. долл.

За период корейской авантюры компания получила от правительства заказы на военные самолеты на огромную сумму — свыше 2 млрд. долл. В 1953 году джанниниевские директора этой авиакомпания приступают к выпуску ракетного оружия, а в 1956 году не без помощи Ричарда

Никсона компания получает от Пентагона заказ на изготовление баллистической ракеты «Поларис». Не удивительно, что годовой оборот этой компании превысил в последние годы 1 млрд. долл., а чистая прибыль банка Джаннини от деятельности этой компании приближается к 20 млн. долл. в год.

Верные своей практике, хозяева джанниниевского банка поставили во главе фирмы «Локхид эйркрафт» людей, имеющих самые прочные связи в Вашингтоне. Директором этой компании является Герберт Гувер-младший (сын бывшего президента Гувера), а в составе ее правления мы видим 24 генералов и адмиралов.

Убедившись в огромной выгодности такого рода бизнеса, группа Джаннини поспешила приобрести и еще одну крупную самолетостроительную компанию «Дуглас эйркрафт». Судьба этой компании напоминает судьбу компании «Локхид эйркрафт». Основная видным авиаконструктором Дугласом, она находилась в ряду заурядных промышленных фирм, пока, не попав в руки представителей большого бизнеса, не переключилась на военное производство.

Своим процветанием компания «Дуглас эйркрафт» обязана хитроумной операции, осуществленной во время войны Джаннини и его агентурой в Вашингтоне. Они добились решения о безвозмездной передаче авиационных заводов в Лонг-Бич, Оклахома-Сити и Чикаго в собственность компании «Дуглас эйркрафт». Это мотивировалось тем, что в момент, когда необходимо срочно наладить выпуск большого количества самолетов, частный капитал в лице Джаннини с этим справится лучше.

Получив многомиллионный подарок, сделанный правительством США за счет американских налогоплательщиков, Джаннини развернул лихорадочную деятельность. Прибыли, полученные им только от этой компании, превысили за годы войны четверть миллиарда долларов. Еще больше обогатился «Бэнк оф Америка» в годы войны в Корее. Обороты компании «Дуглас эйркрафт» поднялись со 130 млн. долл. в 1950 году до почти 900 млн. в 1953 году, увеличившись, таким образом, почти в 7 раз.

В настоящее время большую часть продукции этой компании составляют ракеты и управляемые снаряды.

Тесно связан с Джаннини газетно-издательский трест Херста, который помимо того, что является в значительной степени выразителем экономических и политических интересов юго-западного объединения, представляет собой крупное многомиллионное предприятие, зависящее от этой группы.

К «Бэнк оф Америка» примыкают и некоторые другие промышленные группировки: контролируемая Говардом Хьюзом группа компаний, банки Крокеров, а также весьма влиятельная группа компаний Флойда Одлэма, занимающая заметные позиции в военном бизнесе, в том числе и на восточном побережье. Через компанию «Атлас корпорейшн» Одлэм, в частности, контролирует шесть созданных в последние годы компаний по добыче урана. Растущим влиянием в этом объединении пользуется начавший в роли партнера Г. Кайзера, а после второй мировой войны с ним порвавший и ныне действующий самостоятельно Стефан Бечтел. Он владеет несколькими семейными фирмами, одна из которых входит в число крупнейших компаний мира в области строительства предприятий тяжелой индустрии. Капитал его семьи, составляющий около 200 млн. долл., вложен и в другие отрасли (нефтяная промышленность, электростанции, банки и т. д.). В прежние времена партнером Бетчела был Маккоун, нынешний глава центрального разведывательного управления, состояние которого оценивается в 40—60 млн. долл.

Джаннини принадлежит и крупнейшая в мире сельскохозяйственная монополия «Калифорния лэндс, инкорпорейтед», обрабатывающая 600 тыс. акров земли. Кроме того, эта компания держит в своих руках закладные на 7,4 тыс. ферм с площадью в 1023 тыс. акров. Это фактически дает группе Джаннини контроль над всем сельскохозяйственным производством одного из основных сельскохозяйственных районов США.

Характерная особенность группировки Джаннини состоит в том, что она является единственной в США, помимо уолл-стритской, которая имеет значительные интересы за пределами США. Основные операции за границей Джаннини развернул уже в послевоенный период. Прибыли «Бэнк оф Америка» от инвестиций за рубежом в течение первого послевоенного десятилетия

увеличились в 10 раз⁶⁰. К концу 1955 года «Бэнк оф Америка» имел 12 заграничных отделений и 13 банковских учреждений на территории американских военных баз за границей. Отделение «Бэнк оф Америка» в Италии превратилось сейчас в крупный банк с активами в 230 млн. долл. Вместе с «Чейз Манхэттен бэнк» «Бэнк оф Америка» владеет одним из двух американских банков в ФРГ.

Однако основная часть зарубежных инвестиций группы Джаннини находится не в Европе, а в Азии. Отделения его банка являются ведущими американскими банками в Японии, на Филиппинах, в Таиланде. В 1952 году вложения «Бэнк оф Америка» в Японии составляли 150 млн. долл.⁶¹ Именно через «Бэнк оф Америка» осуществлялась значительная часть операций по финансированию Чан Кай-ши.

Таким образом, юго-западное региональное объединение является в настоящее время одним из крупнейших в США. Оно быстро увеличивает свое влияние и вес.

С группой Джаннини связана, хотя и действует самостоятельно, не очень большая, но влиятельная финансово-промышленная группировка, так называемая **группа горных штатов**, возглавляемая семьей банкиров Экклесов⁶². Через семейную компанию «Экклес инвестимент» и инвестиционную компанию «Ферст секьюрити» эта

---

⁶⁰ «Journal of Commerce», Nov. 24, 1954.

⁶¹ J. Marguis and J. Nessie, Biography of a Bank, N. Y., 1954, p. 33.

⁶² Руководят этой группой в настоящее время братья Марринер Стоддарт Экклес и Джордж Стоддарт Экклес.

Марринер С. Экклес (р. 1890 г.) — организатор и руководитель «Экклес инвестимент», президент этой компании. Занимает также посты президента «Ферст секьюрити корпорейшн», председателя правления «Ферст секьюрити бэнк оф Юта» и ряда других компаний и банков. Активно сотрудничает в различных правительственных органах, связанных с экономикой. В 1934 году был специальным помощником министра финансов, в 1936—1951 годах — председатель федерального резервного управления, в 1942—1946 годах — один из руководителей Бюро экономической стабилизации. В настоящее время М. Экклес является советником Экспортно-Импортного банка США.

Джордж С. Экклес (р. 1900 г.) — президент «Ферст секьюрити бэнк оф Юта», председатель правления и директор «Ферст секьюрити бэнк оф Айдахо» и директор «Ферст секьюрити корпорейшн», федерального резервного банка «Солт-Лейк-Сити», «Юта констракшн компани» и др.

семья контролирует банки и промышленные компании в штатах Юта, Вайоминг, Айдахо и др. Среди промышленных компаний, находящихся в сфере влияния Экклесов, одна из крупнейших строительных компаний в США «Юта констракшн компани».

Капиталы, контролируемые семьей Экклесов, оцениваются в 600 млн. долл. Однако, несмотря на то что по сравнению с капиталами других группировок эта сумма относительно невелика, группировка эта имеет самостоятельное значение и обладает немалым влиянием. Такое положение объясняется, во первых, тем, что она действует в географических районах, удаленных от традиционных центров американской промышленности и финансовой деятельности, районах, лишь в последние годы начавших играть самостоятельную и существенную роль в американской экономике, и, во-вторых, тем, что в этих районах немаловажное значение имеют религиозные элементы, а Экклесы тесно связаны с мормонами, играющими в жизни этих районов большую роль.

К настоящему времени в руках Экклесов сосредоточена значительная часть добычи угля, железной руды, меди и других полезных ископаемых во всех западных штатах страны. Поисковые отряды «Юта констракшн энд майнинг компани», как теперь называется эта фирма, ведут разведку минеральных ресурсов в Канаде и Австралии. Но, пожалуй, одно из самых крупных последних приобретений Экклесов — это богатейшее месторождение высококачественной железной руды в районе местечка Маркона, расположенного на пустынном побережье Перу. Для эксплуатации месторождения Экклесы учредили в 1953 году в качестве филиала «Юта констракшн» фирму «Маркона компани». Новая фирма приносит солидные прибыли. Если в 1953 году, первом году своего существования, она дала 1,7 млн. долл. прибыли, то в 1960 году — уже 6 млн. долл.⁶³ Для транспортировки руды из Перу Экклесы организовали пароходную компанию «Сиа Сан Хуан», зарегистрированную в Панаме. По оценке журнала «Форчун», компании «Сиа Сан Хуан» принадлежит до 10% общего тоннажа судов, проходящих ежегодно через Панамский канал⁶⁴. Вся железная руда,

---

⁶³ «Fortune», 1961, Jan.

⁶⁴ Ibid.

добываемая компаниями Экклесов как в США, так и за пределами страны, идет на металлургические заводы моргановской «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» в штатах Пенсильвания и Юта.

В 1954 году экклесовская «Юта констракшн» приступила к поискам урановой руды, но особенного успеха не добилась. Тогда Экклесы пошли по другому пути. Собрав свои свободные средства, а также получив кредит в размере 10 млн. долл. в банках Нью-Йорка и Сан-Франциско, Экклесы скупили 60% акций прозябавшей в Вайоминге «Лаки Мэк юрэниэм корпорейшн». Эта компания, названная в честь геолога Мэк О'Нейла, открывшего в Вайоминге богатое урановое месторождение, не могла приступить к его эксплуатации из-за недостатка средств. Завладев контрольным пакетом акций компании «Лаки Мэк юрэниэм», Экклесы в 1957 году наладили добычу урановой руды открытым способом и менее чем через четыре года сумели погасить полученные ими кредиты — настолько прибыльным оказалось «новое дело». Журнал «Форчун» называет урановое месторождение в Вайоминге «одним из самых больших золотых яиц во вместительной корзине компании „Юта констракшн“»⁶⁵.

Кстати сказать, Экклесы никогда не приступают к разработке новых месторождений полезных ископаемых до того, как найдут «надежного» потребителя. Например, прежде чем начать добычу урановой руды в Вайоминге, Экклесы в 1957 году заключили сроком на 10 лет 100-миллионный контракт с комиссией по атомной энергии США. Экклесы не забывают и о гражданском строительстве. Они выполняют контракты на сооружение заводов, административных зданий, магазинов, гаражей, а также подряды на строительство железных дорог в африканских республиках Габон и Конго (со столицей Браззавиль), плотин в Таиланде и Пакистане и целый ряд других сооружений.

Тем не менее для группировки, контролируемой Экклесами, так же как и для среднезападного объединения, характерно то, что основные капиталы, находящиеся в их сфере влияния, сосредоточены в США. Этим, очевидно, в немалой степени объясняется то, что М. Экклес, так же как и С. Итон, уже в течение ряда лет выступает с кри-

---

⁶⁵ «Fortune», 1961, Jan.

тикой проуолл-стритской внешней политики государственного департамента.

Большое впечатление на деловой мир США оказало выступление Экклеса с докладом на съезде бизнесменов в Солт-Лейк-Сити 7 января 1959 г. Этот доклад и по сей день является документом, который оказывает значительное влияние на определенные слои американских предпринимателей. Главная мысль, высказанная Экклесом в этом докладе, состояла в критике того положения, что XX век должен быть американским веком. «Вся наша внешняя политика, — подчеркивал Экклес, — включая экономическую и военную помощь другим странам, нереалистична и устарела. С другой стороны, — продолжал он, — я убежден в том, что Россия осознает сложность международных проблем и отдает себе отчет в том, что дружеские отношения с нами в ее же собственных интересах»⁶⁶. Поэтому, как считает Экклес, бремя ответственности за состояние международных отношений лежит на Соединенных Штатах. «Я не вижу путей к улучшению наших взаимоотношений, если мы не отойдем хотя бы от некоторых наших позиций, которым нет места в реалистическом представлении о современном мире». В частности, — и это не редкость среди капиталистов, проживающих на Западе Соединенных Штатов и заинтересованных в торговле, — он настаивал на расширении торговли с социалистическими странами и на прекращении политики поддержки диктаторских режимов.

В заключении интересного доклада, многие положения которого опирались на формулы классической буржуазной экономической науки, Экклес заявил: «Вместе мы — США и СССР — можем покончить с «холодной войной», положить предел дальнейшему распространению ядерного оружия, прекратить испытания такого оружия и эффективно действовать в направлении всеобщего разоружения»⁶⁷.

С экономической точки зрения наибольший интерес представляет следующий абзац его доклада: «Совершенно ясно, что состояние нашей экономики тесно связано с международным положением и во многом зависит от него. Мы попадаем во все большую зависимость от наших

---

⁶⁶ «Public ownership in U. S. A.», N. Y., 1961, p. 18.

⁶⁷ Ibid.

огромных и непрерывно увеличивающихся расходов на вооружение. Именно военные расходы повинны в огромном бюджетном дефиците, который и без того уже чреват опасностью инфляции. И все это несмотря на огромные налоги. В странах с бесплановой экономикой всегда слишком видна — помимо нужд обороны — тяга к расширению военных расходов, ибо считается, что эти расходы сразу же и благоприятным образом влияют на прибыли, занятость рабочих и благосостояние целых районов. Конечно, это иллюзия. В условиях устойчивого мира исчез бы бюджетный дефицит, сократились бы налоги, и, более того, в сотрудничестве с Россией мы и наши союзники смогли бы занять ведущее место в обеспечении средствами наиболее острых нужд слаборазвитых стран вместо растрачивания средств на разжигание уже существующей вражды»⁶⁸.

То, что подобные взгляды высказываются человеком, занимающим видное место на самой вершине Олимпа американского делового мира, то, что эти взгляды он высказывает в кругу своих коллег — крупных предпринимателей, то, наконец, что эти взгляды получают широкую известность и служат примером активного обсуждения деловыми людьми, свидетельствует о существенных сдвигах, происходящих в мышлении даже наиболее консервативной части американского общества. Это, безусловно, отражение важных процессов, происходящих в США в последний период и связанных с кардинальным изменением в расстановке сил в современном мире и тем влиянием, которое эти изменения оказывают на все слои американского населения.

Очевидны те возможности, которые открываются в связи с этими многозначительными процессами 60-х годов, возможности, которые необходимо гибко, по-ленински использовать в идеологической, политической и дипломатической деятельности нашей партии.

4. ТЕХАССКИЕ МИЛЛИАРДЕРЫ

В последние годы, особенно во время и после окончания войны в Корее, стремительно выросло влияние южного, или техасского, регионального объединения, которое

---

⁶⁸ «Public ownership in the U.S.A.», p. 18.

отличается крайней агрессивностью и быстро занимает заметное место как в экономической, так и в политической жизни США. Наиболее видными и агрессивными представителями тexasской финансовой группы являются финансисты-нефтепромышленники Каллены⁶⁹ из Хьюстона и Г. Л. Хант⁷⁰, К. У. Мэрчисон⁷¹ из Далласа, которых сейчас считают одними из богатейших людей Америки. Сохраняет свое влияние и группа, созданная С. Ричардсоном, умершим в 1959 году. По данным американской печати, одним из руководителей этой группы является в настоящее время Джон Коннэли, ближайший помощник бездетного Ричардсона, близкий друг Л. Джонсона, занимавший в начале 60-х годов пост губернатора Техаса. Особую известность Коннэли приобрел в связи с ранением, полученным в момент убийства президента Кеннеди.

Эта группа финансистов уже вышла в своей деятельности за пределы Техаса; члены ее являются, по словам одного журнала, «вполне оперившимися соперниками Уолл-стрита».

---

⁶⁹ Семья Калленов контролирует нефтяную компанию «Кинтана петролеум корпорейшн», крупнейший тexasский банк «Секонд нэшел бэнк оф Хьюстон» и несколько других промышленных компаний и средней величины банков. Связанные с семьей Калленов газеты утверждают, что ее состояние оценивается в 2 млрд. долл., что является, по-видимому, преувеличением. Действительные размеры ее богатств — 800—1000 млн. долл.

⁷⁰ Хант Г. Л. (р. 1891 г.) — основатель и руководитель «Хант ойл компани». Помимо добычи нефти активно занимается политической деятельностью. Редактор-издатель. Организатор и руководитель известной в США радиопрограммы «Фэкте форум», передаваемой 22 радиостанциями и носящей профашистский и расистский характер. Финансировал сенатора Маккарти. Тесно связан с правым крылом демократической партии. В самые последние годы активно поддерживает бэрчистов. Капитал 600—700 млн.

⁷¹ Мэрчисон Клинтон Уильям (р. 1895 г.) имеет значительные капиталовложения более чем в 100 различных предприятиях США и Канады. Помимо нефтедобычи руководит рядом банков и компаний: железнодорожных, пароходных, страховых. В отличие от Калленов всячески старается преуменьшить свое состояние, утверждает, что оно не превышает 30 млн. долл. В действительности 600—700 млн. долл. Пользуется среди воротил Техаса большим весом. «Нажив миллионы долларов на нефти, — писал о нем журнал «Тайм» в мае 1959 года, — он теперь использует свои средства для того, чтобы осуществлять распространенные в Техасе честолюбивые замыслы — скупить всю остальную часть Соединенных Штатов».

Типичными методами, применяемыми техасскими миллиардерами, являются методы Клинтона Мэрчисона. Мэрчисон, не имея денег на «дикое» бурение, спекулировал в 20-х годах арендными правами на нефтяные участки. Распуская ложные слухи о «колоссальных перспективах» того или иного участка, он зарабатывал подчас до 150 тыс. долл. в день. Позже Мэрчисон предпринял собственные поисковые работы. Обычно он продавал свои земли сразу же после того, как они становились прибыльными, срывая с покупателей наивысшую возможную цену. Покупателями были крупные компании, не скупившиеся на деньги. При продаже Мэрчисон ставил условие, что после того, как компания окупит вложенные средства и получит известную прибыль, она должна безвозмездно вернуть ему 50% участия в деле. Так как торговля шла весьма продуктивными землями, то этот «возврат собственности» происходил всего через 6—10 лет. Тогда Мэрчисон вновь продавал свою долю, значительно выросшую в цене, на прежних условиях. После второй мировой войны Мэрчисон распространил свои спекулятивные операции далеко за пределы нефтяной промышленности, реорганизуя и перепродавая фирмы в различных отраслях.

Следует отметить, что техасские финансисты, являющиеся крупными нефтепромышленниками, не находятся под контролем могущественных нефтяных компаний (рокфеллеровской и меллоновской), господствующих не только в нефтяной промышленности США, но и в мировом нефтяном картеле. Интересы этих нефтепромышленников-финансистов резко сталкиваются с интересами рокфеллеровско-меллоновских компаний. Техасские финансисты активно борются со своими могущественными конкурентами с Уолл-стрита.

Стремительный рост богатства и влияния техасских миллиардеров получил начало в 30-х годах, когда в штате Техас были обнаружены большие запасы нефти. Владельцы земельных участков, в недрах которых была обнаружена нефть, стали быстро обогащаться. Рокфеллеровские и меллоновские компании протянули свои щупальца к новым нефтеносным землям, однако группа наиболее предприимчивых техасских дельцов, объединившись, начала оказывать сопротивление уолл-стритским гигантам. В этой борьбе они прибегли к помощи

монополистических групп Среднего Запада, соперничающих с уолл-стритскими монополиями. Именно это породило ту связь между тexasскими и среднезападными предпринимателями, которая сохраняется и по сей день, являясь характерной особенностью межмонополистической борьбы в США.

Другим результатом этой ожесточенной борьбы явилось то обстоятельство, что группа тexasских дельцов является самой сплоченной и монолитной среди всех объединений и группировок американского капитала. Любой раскол среди этих дельцов был бы использован Рокфеллерами и Меллонами для подрыва позиций всей группы.

Активная деятельность тexasской группы, которая, оперившись после того, как сумела удержать в своих руках значительную часть нефтяных богатств штата, начала вторгаться и в другие области предпринимательской и финансовой деятельности, привела к быстрому росту ее влияния. Доля банковских ресурсов Техаса в ресурсах всех штатов Юга возросла с 20% в 1929 году до почти 30% в 1949 году⁷². «Рука об руку с нефтяными корпорациями, — пишет американский экономист Харвей О'Коннор, — высоко вознеслись и процветают нувориши, которые приравнивают Техас в качестве области для своего обогащения к Венесуэле и Аравии»⁷³.

В последнее время все большую роль в тexasской финансовой группе играют представители второго поколения дельцов—основателей этой группы, в частности братья Мерчисоны. Ввиду характерности их деятельности для методов тexasцев о ней следует сказать несколько слов особо.

По роду своей деятельности Джон Мэрчисон и Клинт Мэрчисон-младший не промышленники, не банкиры, а типичные спекулянты. Они вкладывают свои деньги в предприятия в самых различных отраслях бизнеса, которые сулят наибольшие доходы, и без сожаления расстаются с ними, как только доходы уменьшаются. Они извлекают доллары из жилищного строительства, компаний, поставляющих строительные материалы. Им принадлежат два водных пути, несколько страховых обществ и т. д. Одной из крупнейших их операций, осуществлен-

⁷² См. Colvin, B. Hoover, B. Ratchford, *Economic Resources and Policies of the South*, N. Y., 1953, p. 169.

⁷³ Harvey, O'Connor, *The Empire of Oil*, N. Y., 1955, p. 207.

Новые мультимиллионеры

Семья или отдельные лица	Личное состояние (в млн. долл.) к началу 60-х годов	Главная сфера наживы
П. Гетти	700—1000	Нефть
Каллены	800—1000	Нефть
Г. Хант	600—700	Нефть
Мэрчисоны	600—700	Нефть, инвестиционные компании, спекуляция ценными бумагами
С. Ричардсон	200—600	Нефть
Г. Хьюз	500—600	Нефтяное оборудование, военные заказы, авиа- ция
Кеннеди	200—600	Недвижимость
Муди	400—500	Недвижимость
Апджоны	400—500	Медицинские препараты
Кайзеры	350—500	Сталь, алюминий и т. д.
У. Кек	200—400	Нефть
Д. Людвиг	200—400	Судоходство
А. П. Слоун	200—400	Автомобильная промыш- ленность
Уотсоны	150—200	Электроника, военные за- казы
Аберкромби	100—200	Нефть
Блаустейн	100—200	Нефть
Дж. Меком	100—200	Нефть
Смит	100—200	Нефть
Дж. и Г. Брауны	150—200	Электропромышленность спекуляция ценными бумагами
Макнайт	100—200	Машиностроение
С. Бечтел	100—200	Промышленное строи- тельство
Диллоны	100—200	Банковское дело
Блэкли	100—200	Недвижимость
Ленд	150—200	Операции с патентами
Л. Корригэн	100—500	Недвижимость
Г. Краун	100—200	Строительные материалы, недвижимость, военные заказы
Кеттеринги	150—200	Автомобильная промыш- ленность
Прэтт	100—200	Автомобильная промыш- ленность
Медоуз	100—200	Нефть

Семья или отдельные лица	Личное состояние (в млн. долл.) к началу 60-х годов	Главная сфера наживы
С. Итон	100—150	Железная руда, уголь, металлургия, железные дороги
Кэботы	100—150	Химия, нефть
Бакалары	70—150	Электроника
Экклесы	100—150	Промышленное строительство, банковское дело
Ш. Фейрчайлд	100—150	Операция с патентами, спекуляция ценными бумагами

Источник: С Меньшиков, Американская плутократия сегодня, «Мировая экономика и международные отношения», 1963 г., № 4, стр. 23.

ной в начале 60-х годов, является покупка пустующих земель вокруг города Нью-Орлеана. Мэрчисоны скупили 32 тыс. акров по цене 300 долл. за акр. В связи с быстрым ростом города и расширением его площади предполагается, что лет через 10 стоимость этих земель возрастет до 50 тыс. долл. за акр.

Значительная агрессивность делает в настоящее время техасскую группировку, несмотря на то что по своему экономическому весу она слабее и среднезападной, и джанниниевской групп, активной силой, все чаще сталкивающейся с уолл-стритскими гигантами.

«Новая династия богачей вышла на сцену с тем, чтобы взять на себя руководство концентрацией экономической мощи, находящейся в руках Рокфеллеров, Дюпонов, Вандербильдов и Гульдов»⁷⁴, — писала в связи с возросшей ролью техасской группы газета «Кэпитал таймс».

⁷⁴ «Capital Times», March 8, 1954.

Таблица 2 дает представление о размерах личных состояний новых миллионеров, играющих ведущую роль преимущественно в «молодых» объединениях американского капитала.

Личные состояния дают лишь частичное представление о могуществе финансовых династий, контролирующих капиталы, намного превышающие их личные богатства.

Таковы основные региональные объединения и входящие в их состав группировки американского капитала. Их важнейшей особенностью является то, что во всех без исключения случаях мы можем легко проследить открытую В. И. Лениным закономерность — слияние промышленного и банковского капиталов. Вся анатомия экономических групп, рассмотренная выше, полностью подтверждает это положение.

Совершенно очевидна на основании вышеизложенного и полная несостоятельность как тех горе-критиков марксизма, которые пытаются отрицать непрерывно возрастающую степень концентрации и монополизации в капиталистической экономике, так и тех, кто, идя по стопам К. Каутского, пытается варьировать его теории «ультраимпериализма», отрицая или преуменьшая значение борьбы, как экономической, так и политической, которую ведут между собой империалистические объединения.

КОНКУРЕНЦИЯ И ПОЛИТИКА

1. КАЖДЫЙ ПРОТИВ КАЖДОГО

Существование ряда отдельных монополистических объединений, наличие серьезных противоречий между ними, обусловленных различными, нередко противоположными их интересами, ведут к острой, чаще всего скрытой, но иногда прорывающейся на поверхность межмонополистической борьбе. Эта борьба происходит как в сфере экономической, так и в сфере политической, часто переплетаясь и оказывая самое существенное влияние на политику, осуществляемую правящими кругами Соединенных Штатов.

Форма и методы этой борьбы самые различные, так же как и причины, ее вызывающие. Это — чисто конкурентная борьба за источники сырья и рынки сбыта, это драчка за выгодные правительственные заказы, это стремление обрести преобладающее влияние на политику правящих кругов, захватить в свои руки ключевые позиции в правительственном аппарате, для того чтобы использовать это для дальнейшего обогащения, это, наконец, схватки вокруг тех или иных шагов правительства в области внутренней и внешней политики, в которых заинтересованы одни и не заинтересованы другие группировки и объединения американского монополистического капитала.

Такая борьба — а особенно по важным экономическим и политическим вопросам — происходит прежде всего между региональными объединениями американского капитала, противоречия между которыми носят наиболее глубокий характер. Однако этими столкновениями дело не ограничивается. Схватки, и притом весьма жестокие, происходят и внутри каждого из региональных объединений, и внутри отдельных группировок, и даже в недрах семейных империй монополистов. Нередки стычки, в которых враждующими сторонами являются фирмы из одной и той же группировки. Сплошь и рядом в ходе таких сражений стираются обычные грани между компаниями, извечные враги действуют совместно и, наоборот, вчерашние союзники вцепляются друг другу в горло, возникают временные союзы и т. п.

Но тем не менее, несмотря на всю сложность и в известной степени условность деления американского монополистического капитала на региональные объединения и группировки, между группами компаний и фирм, как уже указывалось, существует в целом ряде кардинальных вопросов общность интересов, перевешивающая то, что их разделяет. Эта общность интересов и лежит в основе вышеприведенного деления монополистического капитала США на региональные объединения и группировки.

Однако еще раз необходимо подчеркнуть, что эта общность интересов отнюдь не ослабляет конкурентной борьбы не только между компаниями, входящими в различные региональные объединения, но и внутри этих объединений. Известна, например, история многолетней борьбы Морганов и Рокфеллеров, входящих в одно региональное объединение. Ареной острой борьбы между этими группами являются многие отрасли промышленности и, в частности, в последние годы такая важнейшая отрасль, как атомная. Исходя из того, что контроль над этой отраслью может определить место той или иной монополистической группы в американской экономике на многие годы вперед, и Рокфеллеры, и Морганов прилагают все усилия для того, чтобы захватить с самого начала ключевые позиции в этой отрасли. Группа Морганов сосредоточила в своих руках цикл производства, начиная от урана и плутония и кончая атомными бомбами. Группа Рокфеллеров захватила контроль над многими источни-

ками сырья, в частности источниками в Канаде, а также контролирует производство обогащенного урана. В конкурентной борьбе, происходящей в атомной промышленности, обе группы, стремясь победить соперника, заключили союзы с другими группировками — Морганов с Дюпопами, Рокфеллеры с Меллонами.

Весьма острые формы приобрело соперничество Морганов и Рокфеллеров и в области банковского дела. Так, в конце 1954 года группа Рокфеллеров предприняла шаги, направленные к подрыву позиций Морганов в банковском деле. Основное финансовое учреждение Рокфеллеров — «Чейз нэшнел бэнк» слился с крупным уолл-стритским банком «Бэнк оф Манхэттэн компани» в новый объединенный «Чейз Манхэттэн бэнк». Это крупнейшее в истории США слияние имеет своим следствием то, что новый банк обладает большим капиталом, чем основной моргановский банк «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)», который превышал по размерам «Чейз нэшнел бэнк». Новый рокфеллеровский банк вышел на второе место в США после джанниниевского «Бэнк оф Америка».

Группа Морганов немедленно осуществила ответные меры. «Нэшнел сити бэнк» предпринял шаги к слиянию с несколькими нью-йоркскими банками, чтобы расширить сеть своих филиалов, как это случилось в результате образования «Чейз Манхэттэн бэнк».

«Все против всех» — вот принцип, по которому действуют монополисты. Дюпоны конкурируют с Меллонами, а те, в свою очередь, строят козни против Гарриманов и Вандербильдов. Такая же картина и внутри других региональных объединений.

Больше того, ожесточенные схватки имеют место не только внутри региональных объединений, но даже и внутри семейных групп монополистов. Так, во время первой мировой войны острая схватка за ведущее положение разгорелась в недрах семейства Дюпонов. Результатом этой междоусобной войны было то, что одна из ветвей этого семейства откололась и основала во Флориде свое собственное дело, которое существует и поныне. Эта ветвь семьи Дюпонов, не поддерживающая отношений с остальной частью семьи, контролирует в настоящее время активы размером около 1 млрд. долл.

Аналогичная ситуация имеет место и в группе Рок-

феллеров. Фактически эта семья состоит из двух ветвей, почти не связанных друг с другом. Помимо основной части семьи, о которой говорилось выше, есть и еще одна группа предпринимателей, и притом влиятельных, носящая то же имя. Возникла она после того, как брат Джона Д. Рокфеллера Уильям в начале нынешнего века в результате острой распри откололся от семьи и основал свое дело. После смерти Уильяма Рокфеллера эту ветвь возглавил его сын Перси Рокфеллер, а в настоящее время — внук Уильяма Джеймс Стилмэн Рокфеллер, занимающий ключевое положение в «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)». Эта ветвь рокфеллеровской семьи мало связана с нефтяным бизнесом и действует в основном в банковской сфере. Джеймс и Эвери Рокфеллеры, представляющие ныне эту ветвь, тесно связаны с такими группами, как Доджи, Карнеги¹.

Ярким примером борьбы внутри семейных групп является история того, как к руководству группой Форда пришел ее нынешний глава Генри Форд-второй. К концу жизни основателя этой компании Генри Форда-старшего фактически бесконтрольным ее руководителем был Генри Беннет², доверенное лицо и ближайший к Форду-старшему человек. Формально с 1919 по 1943 год во главе компании стоял сын Генри Форда Эдзел. Однако фактически от имени старшего Форда всеми делами заправ-

---

¹ Любопытно отметить, что покойный Джон Фостер Даллес был связан, а Аллен Даллес и по сей день тесно связан с обеими частями рокфеллеровской семьи; их юридическая фирма «Салливен энд Кромвелл» представляет интересы и той, и другой. Одной из причин многолетнего влияния Даллесов является то, что они фактически выполняли функции связи между двумя частями семьи Рокфеллеров.

² История возвышения Генри Беннета весьма своеобразна. Этот человек могучего телосложения и свирепого нрава, которым он и обязан карьерой, начал свою деятельность сначала моряком, а затем боксером. В 1916 году Беннет попал в охрану Генри Форда, который паталогически боялся гангстеров и похитителей детей. Вскоре он стал личным телохранителем своего патрона, а затем его доверенным лицом, компаньоном и, наконец, администратором, который бесконтрольно хозяйничал в компании, прикрываясь именем Форда и пользуясь его безграничным доверием. О степени близости Беннета к Форду можно судить по тому, что, ненавидимый всей семьей Форда, его сыном Эдзелом, он сумел не только сохранить, но и упрочить свое влияние. Во всех случаях Г. Форд-старший становился на сторону Беннета в ущерб своим наследникам. В настоящее время Беннет, изгнанный Фордом-младшим из компании, живет в одиночестве в своем поместье в Калифорнии.

лял Беннет. После смерти Эдзела Форда в 1943 году Генри Форд-старший официально поставил Беннета во главе компании, назначив его исполнительным директором и президентом компании.

В 1944 году, когда умер Генри Форд-старший, между Беннетом и внуком Форда-старшего Генри Фордом-младшим разгорелась жестокая борьба за руководство делами компании, которая в конце концов закончилась изгнанием из компании Беннета и воцарением Форда-внука. Однако произошло это лишь после острой схватки, в ходе которой были моменты, когда под угрозой находилось само существование компании.

Таким образом, волчьи законы конкуренции действуют не только внутри региональных объединений, не только внутри отдельных монополистических групп, но даже внутри семейных компаний, заставляя ожесточенно вцепляться друг в друга отца с сыном, брата с братом.

Однако, несмотря на это, основными межмонополистическими противоречиями являются противоречия между различными региональными объединениями американского финансового капитала. Когда речь идет о совместной борьбе с монополиями других региональных объединений (особенно с уолл-стритским), внутренние противоречия отходят на задний план и монополии каждого регионального объединения выступают обычно в этой борьбе совместно. Весьма характерным для этой борьбы в последние годы является то, что весьма часто «молодые» региональные группировки блокируются друг с другом в своих атаках на позиции Уолл-стрита.

В ходе борьбы «молодые» группировки американского финансового капитала наступают на позиции уолл-стритского объединения, а уолл-стритское объединение использует свое могущество для того, чтобы подавить конкурентов.

Весьма острой, в частности, была борьба между уолл-стритским объединением, с одной стороны, и среднезападным и юго-западным объединениями — с другой, во время второй мировой войны. Дельцы, связанные с Уолл-стритом, заседавшие в государственных органах, ведавших военными заказами и распределением сырья, всячески стремились оттеснить своих конкурентов. В результате только два штата, в которых господствует уолл-стритский капитал, — Мэриленд и Коннектикут получили больше

военных заказов, чем, например, все южные штаты, вместе взятые.

После второй мировой войны борьба обострилась еще больше. Автор книги «Бунт Юга и Запада» А. Мезерик, экономист, связанный с финансово-промышленными кругами Юго-Запада, пишет о мероприятиях, которые предпринял Уолл-стрит против усилившихся, несмотря на его противодействие, во время войны позиций среднезападного и юго-западного региональных объединений: «Война, окруженная фразеологией о национальном единстве, явилась инструментом, при помощи которого заправили с Востока еще крепче сжали свои тиски вокруг экономики Юга и Запада»³.

Крупнейшие инвестиционные компании Морганов, Рокфеллеров, Кун-Лебов и др. объединили свои действия, для того чтобы обеспечить полную монополию Уолл-стрита на распространение ценных бумаг в США. Ведущие сталелитейные монополии, принадлежащие Морганам и Меллонам, стремясь воспрепятствовать усилению местных независимых компаний в западных и южных штатах, широко практиковали установление в этих районах специальных дискриминационных цен на сталь. Крупнейшие железнодорожные компании США, принадлежащие Морганам, Гарриманам, Вандербильдам, при помощи специальных картельных соглашений установили особую систему завышенных железнодорожных тарифов, направленных на то, чтобы затруднить деятельность не связанных с Уолл-стритом компаний Юга и Запада США.

В послевоенные годы, как пишет Мезерик, наступление Уолл-стрита на региональные объединения Юга и Запада усилилось. В период 1948—1949 годов нью-йоркские банки начали теснить чикагских банкиров. В результате к началу 1949 года два крупных банка Чикаго — «Сити нэшнел бэнк траст компани» и «Чикаго нэшнел бэнк», находившиеся под контролем семьи Дауэсов, перешли под контроль нью-йоркских банкиров.

Одновременно, используя в своих целях антитрестовское законодательство, юристы, представлявшие Морганов и Рокфеллеров, выдвинули против Джаннини обвинение в нарушении антитрестовских законов.

---

³ A. G. Mezerik, *Pevolt of the South and West*, N. Y., 1946, p. 24.

Промышленники и банкиры Среднего Запада и Юго-Запада предприняли ответные меры. В Чикаго в декабре 1949 года создается фондовая биржа, явно в противовес нью-йоркской. Деятельность этой биржи охватывает компании с общими активами в 25—30 млрд. долл. Американский экономист Эдвард Дайс писал, что образование этой биржи представит в будущем серьезную угрозу для Уолл-стрита⁴.

Группировка Джаннини, в свою очередь, в 1951 году подчинила себе находившуюся до того в сфере влияния Уолл-стрита финансовую группу Флойда Олдэма, добившись слияния ее с юго-западной группой Генри Кайзера в одну, зависимую от Джаннини группу. Таким образом, джанниниевская группа нанесла серьезный удар интересам Морганов и Рокфеллеров. Усилилось в значительной степени влияние Джаннини и в группе Виктора Эмануила, занимающей в северо-восточном объединении весьма важное место.

Финансовая группа Виктора Эмануила, явившаяся объектом борьбы между Морганом и Джаннини, окончившейся в пользу последнего, действует в области военной промышленности. Ее влияние особенно усилилось в результате захвата ею после войны акций бывших филиалов германских трестов (таких как «Дженерал энлайн энд филм корпорейшн» — филиал «ИГ Фарбениндустри» и др.). Этот захват был проведен в результате ловкой закулисной деятельности ставленника Виктора Эмануила известного дельца Джорджа Аллена, занимавшего видное место в правительственных органах.

Весьма характерным примером ожесточенной конкурентной борьбы между монополистами из разных региональных объединений является схватка группы среднезападных предпринимателей во главе с весьма агрессивным банкиром и предпринимателем Робертом Янгом и поддерживавшим его Сайрусом Итоном с нью-йоркскими воротилами за обладание одной из крупнейших железных дорог страны «Нью-Йорк сентрэл». Атаку на нью-йоркских китов Янг и Итон начали еще во время второй мировой войны. Уже тогда эта группа в обстановке глубокой тайны организовала заключение между ведущими инвестиционными домами Чикаго и Кливленда строго

---

⁴ См. E. Dies, *Behind the Wall Street*, Wash., 1952, p. 129.

секретного картельного соглашения, целью которого было ликвидировать монополию Уолл-стрита на выпуск ценных бумаг.

После второй мировой войны Янг решил перехватить у Морганов, Рокфеллеров, Меллонов и Вандербильдов одну из их старейших командных высот в экономике — вторую по величине американскую железную дорогу. Отдавая себе отчет в могуществе сил, которым бросался вызов, Янг вступил в сговор с техасскими миллионерами Мэрчисоном и Ричардсоном, которые с готовностью согласились принять участие в коалиции, направленной против уолл-стритских банков. Борьба за эту дорогу привлекла к себе в США большое внимание. Финансовый обозреватель «Нью-Йорк таймс» в разгар этой схватки в 1954 году писал по этому поводу: «В США вспыхнула финансовая война в таких масштабах, какие редко наблюдались в этом столетии... После семилетних маневров Роберт Янг бросил вызов огромным богатствам Морганов, Вандербильдов, Рокфеллеров и Меллонов»⁵.

Летом 1954 года Янгу удалось овладеть «Нью-Йорк центрэл». «Победа Янга, — писала «Нью-Йорк геральд трибюн», — завершила собой крупнейшую финансовую битву в современной истории железных дорог»⁶.

Однако, как показали дальнейшие события, захват контроля над дорогой не был еще завершением этой битвы. Янгу удалось взять под свой контроль еще несколько уолл-стритских компаний («Элегхени Ладлум стил корпорейшн», «Миссури пасифик»). Но попытка захватить руководство одним из крупных банков ему не удалась и оказалась для него роковой. Его соперники, воспользовавшись этим, организовали на компании Янга серьезнейший финансовый нажим. В результате финансовое положение компаний Янга оказалось весьма тяжелым. Янг очутился на грани банкротства и 28 января 1958 г. покончил жизнь самоубийством.

Тем не менее атака Янга на позиции Уолл-стрита не прошла бесследно. Во-первых, значительная часть отвоєванных им позиций осталась в сфере влияния среднезападного объединения. А во-вторых, эта схватка в известной мере знаменовала собой то, что «молодые» группи-

⁵ «New York Times», Febr. 21, 1954.

⁶ «New York Herald Tribune», June 12, 1954.

ровки американского финансового капитала настолько оперились, что не останавливаются ныне перед открытой схваткой со считавшимися прежде всесильными магнатами Уолл-стрита. Не случайно многие органы американской деловой печати расценили схватку Янга — Итона с Морганями — Вандербильдами лишь как «авангардную стычку», являющуюся предвестником еще более крупных схваток между финансистами Среднего Запада и Уолл-стрита.

Еще один пример относится к операции, осуществленной братьями Мэрчисонами, сыновьями техасского миллиардера, о которых говорилось выше, в 1960—1961 годах. В результате этой операции братья Мэрчисоны захватили в свои руки контроль над «Аллегани корпорейшн» — одной из крупнейших компаний, входящих в уолл-стритское объединение. Эта компания распоряжается несколькими большими железными дорогами и могущественной страховой фирмой. Капиталы, находящиеся в сфере влияния «Аллегани корпорейшн», насчитывают несколько миллиардов долларов.

Захват этой компании Мэрчисонами — это не просто расширение их сферы влияния, а событие большого значения в мире американского бизнеса, ибо оно означает, что техасские предприниматели не только активно конкурируют с наиболее могущественными монополистическими объединениями Соединенных Штатов, но и прямо вторгаются в их «святая святых», захватывая позиции на Уолл-стрите.

Эта победа Мэрчисонов стала возможной, во-первых, потому, что они обошли своих конкурентов, действовавших, по словам американской печати, несколько старомодно. А во-вторых, и это главное, потому, что за спиной братьев Мэрчисонов стояло все техасское объединение миллиардеров, которое придавало принципиальное значение этой первой фронтальной атаке техасской группировки против своих могущественных конкурентов.

Главным противником братьев Мэрчисонов в этой схватке был бывший глава «Аллегани корпорейшн» наследник миллиардеров Вулвортов 70-летний Алан П. Кэрби. Капиталы Кэрби значительно превышают богатство и братьев Мэрчисонов, и их отца, однако в этой схватке он боролся в одиночку. На Уолл-стрите не успели еще в тот момент в должной степени оценить опасность конку-

ренции техасцев и сплоченности техасских миллионеров в этой борьбе.

Начали Мэрчисоны с того, что стали потихоньку скупать на бирже акции «Аллегани корпорейшн». «Наша стратегия, — хвастался впоследствии Джон Мэрчисон, — заключалась в том, чтобы путем приобретения достаточного количества акций взять в свои руки контроль»⁷. Узнав об этом, Кэрби, который до того момента ни о чем не подозревал, стал быстро скупать акции компании на бирже, стремясь как можно быстрее заполучить в свои руки контрольный пакет, с тем чтобы таким образом удержать в своих руках контроль над компанией. Тогда братья Мэрчисоны публично объявили, что отказываются от надежды закрепиться в «Аллегани корпорейшн», прекращают покупку ее акций, а те акции, которые уже купили, будут распродавать.

И действительно, некоторое количество своих акций они выбросили на рынок. Усыпив таким образом бдительность Кэрби, они продолжали тайно по всей стране охотиться за мелкими акционерами этой компании, посулами и угрозами заставляя передать в свои руки акции «Аллегани корпорейшн». Когда Кэрби хватился, было уже поздно. Сосредоточив в своих руках контрольный пакет акций, Мэрчисоны прибегли к услугам крупнейших юристов страны и с их помощью обвинили Кэрби в плохом ведении дел корпорации, добившись его смещения с поста ее руководителя.

Таким образом, техасские миллионеры обосновались на Уолл-стрите. Правда, нельзя говорить о том, что борьба закончена. Точнее, она только начинается. Уолл-стритские бизнесмены, почувствовав опасность, сплотили свои ряды и только выжидают момента для нанесения ответного удара. «Мэрчисоны, — заявил Кэрби представителям печати, которые с интересом следили за ходом схватки двух монополистических гигантов, — хотят, чтобы я совершенно вышел из игры. Но я вовсе не собираюсь этого делать. Я не верю в способности этих парней».

Характерная деталь. Проявив ловкость и изворотливость в приобретении «Аллегани корпорейшн», братья Мэрчисоны почувствовали себя менее уверенно, когда стали хозяевами этой компании. Чувствуя себя свободно,

---

⁷ «Time», 1961, June 16.

когда речь идет о спекулятивных сделках, они теряются, когда дело доходит до конкретного руководства теми или иными компаниями. В частности, Джон Мэрчисон откровенно признал, что он не представляет себе, как следует руководить железнодорожными компаниями, входящими в эту корпорацию, для того чтобы они приносили доход. Американская печать вскоре после победы Мэрчисонов над Кэрби сообщила, что Мэрчисоны ищут опытных администраторов, на которых хотят возложить задачу выколачивания для них прибылей из эксплуатации железных дорог и страховых компаний «Аллегани корпорейшн».

Захват Мэрчисонами «Аллегани корпорейшн» говорит о возрастающей силе новых группировок американского капитала, которые не только выдерживают натиск уолл-стритских банков, но и наносят им чувствительные удары.

2. БОРЬБА МОНОПОЛИЙ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Противоречия и борьба, существующие между группировками американского капитала, сказываются не только внутри страны, но и во внешней политике США. Это определяется следующими обстоятельствами.

Как уже говорилось, монополистические группы Среднего Запада, Юго-Запада и Юга в значительной мере ограничивают свою деятельность пределами США. Заграничные капиталовложения этих монополистических объединений сравнительно невелики, да и сосредоточены в основном на американском континенте — в Канаде и Латинской Америке. Основные из них принадлежат кливлендскому предпринимателю С. Итону, контролирующему крупные залежи железной руды в Канаде, кливлендской фирме «М. А. Ханна компани», вложившей капиталы в разработку богатых залежей железной руды в Лабрадоре, чикагским мясоконсервным компаниям «Армур» и «Свифт», имеющим капиталовложения в Латинской Америке, и еще некоторым компаниям.

Исключение составляет группа Джаннини, инвестировавшая после войны, как указывалось выше, значительные капиталы в страны Дальнего Востока, прежде всего в Японию. Через «Бэнк оф Америка» осуществлялась значительная часть операций, связанных с финансировани-

ем Чан Кай-ши, что проливает свет на позицию таких калифорнийских деятелей, как Р. Никсон.

Монополисты Среднего Запада, Юго-Запада и Юга по сравнению с ведущими группами монополистов северо-восточных штатов, в первую очередь Морганам, Рокфеллерами, имеют сравнительно небольшие капиталовложения за границей, особенно в Европе. На их долю приходится лишь небольшая часть американских частных капиталовложений за границей.

Такое положение с капиталовложениями за пределами США объясняется в первую очередь тем, что значительно раньше сложившиеся монополистические объединения Уолл-стрита давно уже прибрали к рукам дело инвестиций капитала за рубежом и стремятся не допускать к этому доходному предприятию своих более молодых конкурентов. Богатый опыт, тесные и давние связи с кругами международного капитала облегчают банкам Уолл-стрита выполнение этой задачи.

Весьма характерным в этом смысле было осуществление «плана Маршалла» — одной из крупнейших послевоенных финансовых операций американских монополий. 93% финансовых операций, связанных с этим планом, принесли немалые барыши монополистам США, пришлось на долю уолл-стритских банков.

Из 18 банков, принимавших участие в операциях, связанных с «планом Маршалла», 12 уолл-стритских банков монополизировали около 95% операций. При этом подавляющая часть из них приходилась на банки Моргана, которые контролировали свыше 70% всех операций по «плану Маршалла»⁸.

Особенно высокая степень монополизации всех операций банками Уолл-стрита была достигнута в отношении Западной Германии. Эти операции осуществляли всего четыре крупнейших банка Нью-Йорка — «Чейз нэшнел бэнк» (Рокфеллер), «Бэнкерз траст компани» (Морган), «Нэшнел сити бэнк» (Морган) и «Бэнк оф Манхэттен компани» (Кун-Леб). Что же касается не нью-йоркских банков, то к ноябрю 1948 года только три таких банка приняли участие в операциях по «плану Маршалла», причем два из них — «Ферст нэшнел бэнк (Бостон)» и «Нэшнел бэнк оф Детройт» тесно связаны с банками Уолл-

⁸ «Political Affairs», 1951, July.

стрита и самостоятельной роли в экономике США не играют.

Чикагские банки получили лишь самую ничтожную долю от операций по «плану Маршалла». Так, например, в течение первого года действия «плана Маршалла» в этих операциях приняло участие только два банка Чикаго — «Континентэл Иллинойс нэшнел бэнк энд траст компани» и «Ферст нэшнел бэнк (Чикаго)», общие активы которых были приблизительно равны активам рокфеллеровского «Чейз нэшнел бэнк» (4 млрд. 601,8 млн. и 4 млрд. 631,5 млн. долл.). В то же время операции рокфеллеровского банка за этот период почти в 1000 раз превысили операции этих чикагских банков. Только одна уолл-стритская компания «Генри Шредер энд компани» оформила в этот период сделки, в 1,5 раза превышавшие сделки всех чикагских банков, вместе взятых. Крупнейший в США «Бэнк оф Америка», контролируемый Джаннини, несмотря на наличие своих отделений в европейских странах и крупных филиалов в Нью-Йорке, занял всего лишь восьмое место в операциях по «плану Маршалла».

Что же касается других банков, связанных с не уолл-стритскими группировками, то они практически остались в стороне от огромных прибылей, полученных нью-йоркскими банками от операций по «плану Маршалла». Не случайно чикагская газета «Чикаго дейли трибюн» весьма откровенно заявила, что «план Маршалла» — это «средство, используемое финансовыми институтами Уолл-стрита для того, чтобы отделаться от своих соперников»⁹.

И в последующие годы положение почти не изменилось. По-прежнему полный контроль над финансовыми операциями за границей сосредоточен в руках кучки наиболее могущественных нью-йоркских банков, по-прежнему банкирским домам Среднего Запада и Калифорнии достаются в этом отношении лишь крохи со стола уолл-стритских банкиров, по-прежнему основные интересы этих групп сосредоточены на американском континенте.

Эти обстоятельства не могут не оказывать влияния на внешнеполитическую ориентировку не уолл-стритских монополий США. Так как среднезападные, юго-западные и южные финансовые группировки вложили в Западную Европу самую незначительную часть своего капитала,

---

⁹ «Chicago Daily Tribune», Nov. 18, 1948.

они, как правило, выступают против «помощи» Западной Европе, приносящей доходы не им, а другим кругам финансового капитала. Поскольку сан-францисские банкиры не ждут выгодных условий для экспорта капитала в Западную Европу, в котором решающая роль принадлежит финансовым группам Уолл-стрита, они настойчиво выдвигают лозунг «Азия прежде всего», выступают за проведение еще более агрессивной политики в экономически слаборазвитых странах Азии, особенно настойчиво рвутся к захвату азиатских рынков. Особую роль в выдвигании лозунга «Азия прежде всего» играет группа Джаннини, которая, как указывалось выше, в послевоенный период усиленно вкладывает капиталы в страны Дальнего Востока. «Наша позиция все время сводится к тому, что Североатлантический пакт не принесет никакой дополнительной безопасности и в то же время вынуждает нас взять на себя оборону огромной части мира»¹⁰, — писала отражающая взгляды чикагских банкиров «Чикаго дейли трибюн».

С критикой «плана Маршалла» и Североатлантического пакта выступили такие деятели республиканской партии, связанные со среднезападным капиталом, как ныне умерший сенатор Тафт, генерал Макартур, бывший президент США Герберт Гувер, усиливший в последние годы свои связи со среднезападным капиталом и с группой Джаннини.

Эти политические деятели требовали и требуют сокращения американской экономической «помощи» Западной Европе (на которой в основном наживается Уолл-стрит), вывода американских войск из западноевропейских стран и т. д. Не имея значительных капиталовложений за пределами США, предприниматели Среднего Запада не склонны одобрять дорогостоящие авантюры на Среднем и Дальнем Востоке, приносящие прибыли не им, а конкурентам. Отсюда приверженность к внешнеполитическому курсу, который сейчас в США именуют, хотя и весьма неточно, «неоизоляционистским». Проповедники этой политики требуют сосредоточить основное внимание на американском континенте, превратив его весь в вотчину империалистов янки. Политика — тоже весьма далекая от подлинного миролюбия.

---

¹⁰ «Chicago Daily Tribune», Febr. 4, 1949.

Юго-западные монополии и южные монополии выступают за активную экспансию в Азии и Африке, где им меньше мешают уолл-стритские банки.

Необходимо подчеркнуть, что разногласия по внешне-политическим вопросам также имеют место не только между различными региональными объединениями, но существуют и внутри них. Это тоже зависит от различных экономических интересов, в том числе от различной степени заинтересованности в заграничных инвестициях.

Статистические данные показывают, что иностранные капиталовложения играют для американских монополий значительно большую роль, чем это принято считать. В действительности же, они наряду с программой производства вооружений являются главным источником прибылей для ведущих монополий. По данным, приводимым В. Перло, иностранные капиталовложения США равны ежегодному национальному доходу Англии, Канады и Голландии, вместе взятых¹¹.

Около половины прибылей могущественнейших американских корпораций поступает от заказов на поставку оружия и иностранных капиталовложений.

Не удивительно, что они выступают за усиленную экспансию американского капитала, настаивая при этом на том, чтобы на охране их иностранных инвестиций стояли дредноуты, и угрожая, что в случае, если их капиталовложения не будут поддерживаться всей мощью американского государства, они не станут «рисковать». Об этом, в частности, совершенно прямо говорится в таком нашумевшем в США документе, как опубликованный в 1958 году так называемый «доклад Рокфеллеров» по вопросу международной экономической политики США. «Политика США должна состоять в том, чтобы поощрять частные заграничные капиталовложения... Однако частные капиталовложения... потекут в зарубежные районы лишь в том случае, если перспектива возмещения будет соответствовать риску, связанному с этим. Если же риск или неопределенность слишком велики, то частное предпринимательство не вступит во многие районы»¹².

---

¹¹ См. «Mainstream», 1957, June.

¹² «Foreign Economic Policy for Twentieth Century», Report of the Rockefeller Brothers fund. Special Studies Project (Special Studies Report III), N. Y., 1958.

Американские наблюдатели обращали не раз свое внимание на такое трудно объяснимое, на первый взгляд, обстоятельство, что видные представители моргановской группировки (в частности, Чарльз Вильсон из «Дженерал моторз», Ральф Кординер из «Дженерал электрик» и некоторые другие) иногда выступают против традиционного курса государственного департамента, критикуют крайности гонки вооружений, высказываются за некоторое сокращение всенных ассигнований, настаивают на бездефицитном бюджетном планировании и сбалансированном бюджете.

Такая позиция дельцов, связанных с Морганам, может показаться нелогичной, если учесть, что кто-кто, а эта наиболее могущественная группа монополистов США имеет возможность получить и получает немалую часть правительственных военных заказов и, следовательно, имеет свою долю, и притом немалую, военных прибылей.

Некоторые американские экономисты, социологи и публицисты либерального толка пытаются объяснить такое, по их мнению, почти парадоксальное явление наибольшим политическим опытом и прозорливостью этой старейшей монополистической династии, тем фактом, что Морганы, дескать, понимают всю опасность (экономическую и политическую) политики безудержной гонки вооружений, чем и объясняется их, стоящая несколько особняком по сравнению с другими ведущими группами монополистов, позиция.

Но такое «объяснение» не имеет ничего общего с действительностью. Не следует ни в коем случае преувеличивать «оппозицию» Морганов официальному курсу Вашингтона, на который они оказывают немалое влияние и имеют надежные рычаги для того, чтобы его корректировать. Но нельзя отрицать и того, что особые оттенки в их позиции имеют место. Этот вопрос достаточно интересен и важен для того, чтобы быть специально исследованным. Не претендуя на решение здесь этой «загадки», можно лишь в качестве одной из возможных версий выдвинуть следующее предположение: интересы моргановской группы в достаточной степени разнообразны — финансы, различные отрасли промышленности (как военной, так и гражданской), страховые компании, научно-исследовательские центры и т. д. Однако основным для Морганов по-прежнему остается финансовая сфера деятельности.

Несмотря на огромную промышленную империю, им принадлежащую, Морганов и сегодня прежде всего банкиры.

А интересы Морганов-банкиров иногда приходят в противоречие с Моргановыми — военными промышленниками. Если последним усиление гонки вооружений выгодно безусловно, то первым это выгодно до известной степени. Чрезмерные военные ассигнования, создавая систематическое перенапряжение бюджета, стимулируют инфляцию. Обесценение доллара в годы «холодной войны» приняло невиданные прежде темпы и размеры. А обесценение доллара, потрясение финансовой системы не могут не беспокоить Морганов-банкиров.

Поскольку же, как уже отмечалось, главным для Морганов остаются их банки, они и пытаются, не выступая против гонки вооружений в целом, ибо она приносит им немалые барыши, ввести ее в какие-то рамки, регулировать дело таким образом, чтобы не нарушались их финансовые интересы.

Еще одной сферой экономических разногласий между различными группировками американского капитала, оказывающей весьма существенное влияние на внешнеполитическую линию государственного департамента, является борьба между сторонниками свободной торговли и низких тарифов с протекционистски настроенными деловыми кругами. Борьба между протекционистами и фритредерами издавна определяла многое во внешней политике капиталистических государств. В зависимости от целого ряда специфических особенностей та или иная страна отстаивала либо принцип «свободной торговли», либо принцип высоких защитительных тарифов.

Соединенные Штаты в течение многих десятилетий были страной, осуществлявшей чаще всего антипротекционистскую политику, что обуславливалось превосходством американской промышленной машины по сравнению с ее торговыми партнерами, ее высокой конкурентоспособностью. В 1930 году, после начала разрушительного кризиса, США, для того чтобы оградить свой внутренний рынок, приняли протекционистский закон. Однако этот закон себя не оправдал. Ответные меры, предпринятые торговыми партнерами США, нанесли американской экономике явный ущерб. В результате закон 1930 года был отменен и в 1934 году конгресс принял так называемый «закон о торговых соглашениях, основанных на

взаимных тарифных уступках». С момента принятия этого закона его действие продлевалось 11 раз. Такая торговая политика соответствовала интересам большинства американских компаний, поэтому пролонгация действия этого закона в конгрессе каждый раз происходила сравнительно легко.

Однако в последние годы в этом вопросе наметились большие изменения. Вокруг закона о тарифных уступках разгорелась острая борьба. Влиятельная группа конгрессменов, и прежде всего конгрессмены, представляющие южные штаты, оказывает ожесточенное сопротивление дальнейшему продлению действия этого закона, решительно настаивает на вводе высоких ограничительных пошлин, направленных на то, чтобы оградить американский рынок от ввоза из-за рубежа целого ряда товаров. В то же время еще более влиятельная группа членов конгресса оказывает яростное сопротивление этим требованиям, всячески стараясь сохранить прежнее положение вещей. Борьба между так называемыми сторонниками либерализации торговли и ее противниками приняла в последнее время невиданно для Соединенных Штатов ожесточенный и напряженный характер и накладывает на внешнюю политику Вашингтона весьма заметный отпечаток.

Еще большую, чем в годы правления республиканской партии, остроту эта борьба приняла после прихода к власти правительства Дж. Кеннеди в связи с линией последнего на более тесную связь с «интегрированной» Европой. Внесение в январе 1962 года в конгресс Соединенных Штатов соответствующего законопроекта в связи с истечением срока действия закона 1934 года вызвало жаркую баталию.

Борьба вокруг проблем, связанных с «общим рынком», вокруг вопроса об отношении к «общему рынку» вообще явилась одним из важнейших событий внутриполитической жизни США в первый период пребывания у власти правительства Кеннеди. Исходя из того, что истоки этой борьбы уходят в дни, когда у власти находилась республиканская администрация, а также из того, что на примере с «общим рынком» особенно наглядно проявились противоречия между ведущими монополистическими объединениями США, здесь целесообразно подробнее остановиться на этом вопросе.

Ожесточенная борьба вокруг проблемы отношения к «общему рынку» разгорелась зимой — летом 1962 года. Борьба эта ведется как в политическом, так и в экономическом плане. Некоторые обозреватели США считают в настоящее время именно этот вопрос одним из труднейших для демократической партии.

То обстоятельство, что правительство демократической партии определенно высказалось за установление в той или иной форме тесных связей со странами «общего рынка», оттолкнет, вне сомнений, от демократов значительные прослойки избирателей, в частности в районах, где преобладает фермерское население, в новых промышленных районах, в округах, где тон задают средние и мелкие предприниматели, и т. д. Планы правительства США чреватые далеко идущими опасными последствиями для самых широких кругов американского народа.

Не удивительно, что борьба вокруг вопроса об отношениях с «общим рынком» приобрела в США в последнее время чрезвычайно острый характер. Так же как и в западноевропейских странах, сторонниками «интеграции» выступают заправилы крупнейших и наиболее могущественных монополистических объединений; так же как и там, против высказываются представители трудящихся, экономисты и политики, выражающие интересы мелкой, средней и нетрестированной крупной буржуазии, которой усиление и обострение конкурентной борьбы не сулит ничего хорошего.

Вместе с тем в борьбе, развернувшейся в США вокруг проблем «общего рынка», имеется и ряд специфически американских обстоятельств и особенностей. Важнейшим из них является то, что борьба эта ведется не только между широкими массами мелкой, средней и нетрестированной крупной буржуазии, с одной стороны, и ведущими монополистическими объединениями — с другой, но и вызвала раскол монополистических групп, находящихся на вершине финансово-промышленной пирамиды. Без преувеличения можно сказать, что давно в наиболее влиятельных кругах США не было такого раскола, такого расхождения в мнениях, столь ярко выраженных противоречивых интересов, как это имеет место в связи с дилеммой: вести ли линию на снижение таможенных тарифов и установление тесных связей с «общим рынком» или вступить в борьбу со сторонами «общего

рынка», оградив американскую промышленность и сельское хозяйство стеной высоких тарифов. За этим столкновением интересов стоит ожесточенная конкурентная борьба, которую ведут между собой ведущие объединения американского монополистического капитала. Выше уже говорилось о том, что львиная доля зарубежных капиталовложений Соединенных Штатов приходится на долю Уолл-стрита.

Полный контроль над финансовыми операциями за границей сосредоточен в руках кучки наиболее могущественных нью-йоркских банков, а банкирским домам Среднего Запада и Калифорнии достаются в этом отношении лишь крохи со стола уолл-стритских банкиров.

А между тем роль иностранных инвестиций для американских монополий быстро возрастает, причем в годы, последовавшие за осуществлением «плана Маршалла», этот процесс развивается особенно стремительно. По данным американского буржуазного экономиста Аллена, капиталовложения американских монополий в одни только страны «общего рынка» составляли в 1960 году 2,6 млрд. долл., а с тех пор увеличились минимум еще на 1 млрд. долл. При этом половина, если не больше, капиталовложений приходится на долю Западной Германии. С 1958 до середины 1961 года, за два с половиной года, прошедших после создания «общего рынка», начали действовать 717 новых американских предприятий в шести странах¹³.

Так же как и во времена осуществления «плана Маршалла», подавляющая часть этих инвестиций приходится на долю уолл-стритских групп, которые по-прежнему блокируют в этом деле своих конкурентов.

Для понимания позиции финансово-промышленных групп Уолл-стрита в отношении проблем «общего рынка» очень существенно одно обстоятельство. Все большее место в их зарубежных инвестициях занимает создание в различных странах крупных филиалов американских промышленных компаний, автосборочных, машиностроительных, химических, нефтеперерабатывающих и других заводов. В поисках более дешевой рабочей силы, сокращения издержек на транспортировку готовой продукции и, что имеет для американских предпринимателей весьма

---

¹³ «Democratie nouvelle», 1962, N° 5.

существенное значение, стремясь укрыть от налогообложения возможно большую часть своих доходов, крупнейшие компании США (в подавляющем большинстве связанные с уолл-стритскими группами) строят за рубежом США многочисленные филиалы своих предприятий. Достаточно характерен в этом отношении пример Фордов, создавших за рубежом США целую сеть своих заводов, доходы от которых играют все большую роль в общей сумме их прибылей.

Более или менее полные данные об объеме производства на заграничных предприятиях корпораций США имеются за 1957 год. Объем производства по ним превысил в этом году 40 млрд. долл., из которых 18,3 млрд. долл. пришлось на предприятия обрабатывающей промышленности, 11 млрд. долл. — на нефтяные корпорации, 2 млрд. долл. — на предприятия добывающей промышленности и остальные — на сферу услуг, торговли, сельскохозяйственные монополии и т. д.¹⁴ Цифра за 1960 год по корпорациям обрабатывающей промышленности, составившая 23,6 млрд. долл., и отдельные данные по другим категориям дали возможность оценить общий объем производства заграничных предприятий корпораций США за 1960 год в сумме 49 млрд. долл.¹⁵

О месте, которое занимают прибыли от заграничных предприятий в общем балансе американских монополий. можно судить по тому разительному факту, что объем продаж заграничных предприятий США превышает объем продаж военной продукции. Официально объявленные прибыли от прямых заграничных инвестиций удвоились в течение 50-х годов, увеличившись с 1 млрд. 769 млн. долл. в 1950 году до 3 млрд. 546 млн. долл. в 1960 году¹⁶.

Роль, которую в последние годы начали играть прибыли от деятельности заграничных филиалов в доходах ряда американских корпораций, все больше «сдвигает» их мышление. Формула «капитал не имеет отечества» преломляется в данном случае таким образом, что кое-кому из американских бизнесменов интересы «интегри-

---

¹⁴ «Survey of Current Business», 1961, July, Tables 23 and 27.

¹⁵ «U. S. Department of Commerce. U. S. Business Investments in Foreign Countries», Wash., 1960, pp. 34—40.

¹⁶ «Survey of Current Business», 1959, Aug.; 1961, July; 1961, Aug.

рованной» Европы становятся ближе, чем все остальное, А отсюда и полная поддержка «общего рынка», и требование безоговорочного присоединения США к нему. Без учета этого обстоятельства, а главное, без развития такого рода тенденций в ближайшем будущем невозможно правильно разобраться в борьбе, происходящей в США вокруг этой проблемы.

Таким образом, можно констатировать, что целый ряд обстоятельств делает для определенной части американских монополий привлекательной идею возможно более тесной ассоциации с «интегрированной» Европой. Опыт с осуществлением «плана Маршалла» показывает, что мероприятия, связанные с ассоциацией с «общим рынком», сулят выгоды прежде всего тем монополистическим группам, которые имеют давние и прочные связи с капиталистической Европой. В максимально тесных связях с «общим рынком» заинтересованы также те группы предпринимателей, которые сумели внедриться в промышленный и торговый механизм стран «общего рынка». За «общий рынок» выступают те монополистические группы, которые держат в своих руках наиболее мощные, устоявшиеся, трестированные и конкурентоспособные отрасли американской промышленности. Преимущества, вытекающие для них из установления более тесных торговых контактов с Западной Европой, возможность получить в свое распоряжение новые рынки значительно превосходят те минусы, которые сопряжены с более свободным доступом иностранных товаров на американский рынок.

Таковыми группами являются прежде всего и в основном монополии Уолл-стрита — группы Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Фордов и некоторые другие. Являясь все еще наиболее могущественными в экономике и располагая преобладающим влиянием в политике, они и определяют линию Вашингтона в вопросе об отношении США к «общему рынку».

Совсем иначе относится к этому большинство представителей «молодых» группировок американского капитала. Не обладая сколько-нибудь существенными интересами за пределами американского континента, не играя значительной роли во внешней торговле, наконец, в условиях, когда промышленность новых экономических районов страны еще недостаточно стала на ноги и потому

особенно чувствительна к конкуренции иностранных товаров, новые группировки американского монополистического капитала категорически возражают против какого-либо снижения таможенных барьеров.

Нельзя, конечно, считать случайным то обстоятельство, что на высоких таможенных тарифах в американском конгрессе настаивают парламентарии, представляющие интересы малоконкурентоспособных отраслей промышленности (таких, например, как текстильная, угольная и некоторые другие), а также новых монополистических групп и тех районов, которые в последнее время стали выступать в роли новых промышленных центров. Так, например, наиболее активную кампанию за высокие тарифы ведет в конгрессе очень влиятельная группа предпринимателей южных штатов.

Нетрудно обнаружить причины, которыми руководствуются конгрессмены от южных штатов. Во время второй мировой войны и особенно в послевоенный период в силу целого ряда причин происходит быстрое развитие промышленности в южных штатах страны, до последнего времени являвшихся в основном сельскохозяйственными районами. Предприниматели из южных штатов, еще не очень прочно вставшие на ноги, весьма чувствительны к иностранной конкуренции. То же самое относится и к некоторым другим районам, а также отраслям промышленности, которые в силу своей специфики не являются особенно конкурентоспособными.

Один из виднейших американских промышленников, занимавший ведущее положение в группе Джаннини, Эрик Джонстон, летом 1958 года в связи с усилившейся борьбой в конгрессе опубликовал статью под названием «Великая тарифная битва»¹⁷, в которой писал: «В Соединенных Штатах есть такие группы, которые очень трудно игнорировать из политических соображений и которые решительно выступают против либерализации торговли... Пока Юг зависел в основном от хлопка, для вывоза которого ему были нужны иностранные рынки, он был откровенным сторонником свободной торговли. Но сейчас южные штаты сделали первые большие шаги на пути индустриализации. Они проявляют ту склонность к протекционизму, которая характерна для всех стран и районов,

---

¹⁷ «Life», 1958, June 9.

желающих оградить свою молодую промышленность от ожесточенной конкуренции высокоразвитых стран»¹⁸.

Далее Джонстон отмечает, что на протекционистских позициях находятся и крупные компании в некоторых отраслях тяжелой индустрии. Американские нефтепромышленники, особенно техасские, требуют установления импортных квот на средневосточную и венесуэльскую нефть. Химическая промышленность добивается ограничения импорта синтетических веществ. Владельцы свинцовых, цинковых и медных рудников, прежде всего из группы горных штатов, встревожены притоком дешевой руды из Латинской Америки, Канады и Австралии. Некоторые поставщики электрооборудования, в частности новые концерны Дальнего Запада, опасаются конкуренции западноевропейской и японской промышленности. Все эти силы оказывают нажим на членов конгресса своих избирательных округов. «Против протекционизма, — пишет Джонстон, — выступают те промышленные корпорации, которые совершают крупные международные операции, а потому прекрасно понимают важность либерализации международной торговли»¹⁹.

Характерно, что эту в достаточной степени откровенную оценку положения дал один из наиболее могущественных и влиятельных в «империи Джаннини» деятелей, который с явным неодобрением относится к позиции кругов, выступающих за высокие тарифы. Дело в данном случае, конечно, не в личных мнениях Эрика Джонстона, а в интересах группы, им представляемой. Эта группа является, пожалуй, единственной из «молодых», которая в данном вопросе более или менее склонна поддерживать своих уолл-стритских конкурентов, проявляя известный интерес к политике установления тесных связей с «общим рынком».

Такая позиция калифорнийцев объясняется прежде всего тем, что, хотя и в меньшей степени, чем воротилы Уолл-стрита, они все же связаны с финансовыми кругами Западной Европы (отделения «Бэнк оф Америка» в Италии и Западной Германии). Приводившиеся выше данные в связи с осуществлением «плана Маршалла» говорят о том, что джанниниевский «Бэнк оф Америка» был един-

---

¹⁸ «Life», 1958, June 9.

¹⁹ Ibid.

ственным не уолл-стритским банком, поживившимся на этом деле.

Можно проследить и некоторые личные связи банка Джаннини с нынешними руководителями ЕЭС. Одним из создателей и руководителей «общего рынка» является, как известно, французский финансист Жан Моннэ. Однако мало кому известно, что еще с 20-х годов Моннэ самым тесным образом связан с банком Джаннини. В середине 20-х годов Моннэ был директором парижского отделения американского инвестиционного банка «Блэр», который в 1928 году был поглощен джанниниевским «Бэнк оф Америка». С тех пор Моннэ добросовестно работал на Джаннини, сохранив с ним связи и по сей день. Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы, главой которого является Моннэ, выступает ревностным пропагандистом теснейших связей между США и «общим рынком», за что Ж. Моннэ удостоивается самых высоких похвал из-за океана. «Комитет Моннэ, — пишет У. Липпман, — высказался за сотрудничество между новой Европой и Северной Америкой, за связь между этими двумя отдельными, но в равной степени могущественными объединениями. Позиция, занятая комитетом Моннэ, встретит горячую поддержку в США»²⁰.

Таким образом, по вопросу торговых тарифов среди американских монополий имеются две основные группы; более могущественная уолл-стритская и примыкающая к ней (с оговорками) калифорнийская, с одной стороны, и ведущая против них борьбу коалиция «молодых» групп американского капитала, наиболее видную роль среди которых играют предприниматели Среднего Запада и Юга страны — с другой.

Схватка между представителями обеих групп вот уже несколько лет заставляет маневрировать вашингтонские власти, накладывая на политику Вашингтона ощутимый отпечаток. Впервые чрезвычайно острый характер эта схватка приобрела летом 1958 года, когда правительство Эйзенхауэра потребовало от конгресса продлить срок действия закона 1934 года еще на пятилетний период. Продление этого закона должно было предоставить президенту право снижать тарифы до 25%, когда он сочтет это необходимым. Позиция правительства в этом

---

²⁰ «New York Herald Tribune», June 28, 1962.

вопросе определилась тем, что все основные монополистические группы, в нем представленные, заинтересованы в международной торговле и опасаются влияния протекционистских мероприятий на свои доходы от этой торговли.

Однако представители горнорудных компаний группы горных штатов, блокируясь с техасскими нефтепромышленниками, владельцами хлопковых плантаций и текстильными фабрикантами, оказали на сей раз ведущим группировкам американского капитала ожесточенное сопротивление. Тесно связанная с уолл-стритскими группами газета «Нью-Йорк таймс», прямо указывая на альянс «молодых» группировок, выступивших единым фронтом против Уолл-стрита и его ставленников в правительстве Эйзенхауэра, писала в те дни: «Сенаторы, представляющие штаты, где преобладает добыча свинца и цинка, — Нью-Мексико, Аризона, Колорадо, Айдахо, Юта, Монтана и в меньшей степени Вайоминг, предупредили правительство, что они не будут голосовать за программу торговых соглашений, основанных на взаимных тарифных уступках... Этот неофициальный «горнорудный блок» работает в тесном сотрудничестве с сенатским «текстильным блоком» и «нефтяным блоком», которые тоже хотят иметь защиту от иностранной конкуренции»²¹.

Для достижения соглашения крупнейшим монополиям Уолл-стрита пришлось пойти тогда на некоторые уступки. «Стремясь добиться продления закона о тарифах, — отмечала газета «Уолл-стрит джорнэл», — правительство предложило группам, выступающим против него, некоторые уступки, в частности предоставления президенту права более быстро повышать тарифы в случае возникновения необходимости защитить американские предприятия, которым угрожает импорт»²².

После острой борьбы с рядом оговорок, вроде тех, о которых писала «Уолл-стрит джорнэл», летом 1958 года закон о тарифных уступках был продлен. Однако борьба, разгоревшаяся вокруг этого закона, наглядно продемонстрировала, во-первых, что противоречивые интересы различных групп американского капитала оказывают существенное влияние на деятельность правительственной

---

²¹ «New York Times», Apr. 15, 1958.

²² «Wall Street Journal», Febr. 17, 1958.

администрации и, во-вторых, что наиболее могущественные монополистические объединения США не могут уже, как прежде, свободно навязывать свою волю, им приходится в какой-то мере считаться с интересами «молодых» группировок, все громче о себе заявляющих и все более активно действующих.

Правительство Эйзенхауэра в течение нескольких лет с трудом лавировало между двумя этими блоками. Поскольку как экономическое, так и политическое влияние экономических групп Уолл-стрита является преобладающим, их требования каждый раз брали верх.

Правительство демократической партии, помимо всего прочего, отличается от своего предшественника, администрации республиканцев и тем, что уолл-стритские группы увеличили в нем свое влияние. Если в правительстве Эйзенхауэра такие важнейшие посты, как посты министра финансов, министра торговли и некоторые другие, занимали представители конкурирующих с Уолл-стритом экономических группировок, то все основные министерские посты в правительстве демократов находятся в руках непосредственных представителей могущественнейших объединений Уолл-стрита. Исключением является только Линдон Джонсон, связанный с техасскими деловыми кругами.

Усиление влияния Уолл-стрита в Вашингтоне одним из своих последствий имеет более решительную политику в вопросе либерализации внешней торговли.

Отнюдь не случайным является то обстоятельство, что среди первых серьезных шагов, имеющих далеко идущие последствия, предпринятых правительством, возглавлявшимся Дж. Кеннеди, была разработка законопроекта, предоставляющего президенту значительную свободу действий для снижения таможенных тарифов.

О том, в чьих интересах действует администрация демократов, разрабатывая планы различного рода ассоциаций со странами «общего рынка», можно судить, в частности, и по тому, кто выступает в поддержку этой политической линии. Можно просмотреть десятки и сотни номеров американских газет и журналов и не найти в них высказываний предпринимателей, связанных с «молодыми» группировками американского капитала, в поддержку более тесных связей с «общим рынком».

Зато заправили Уолл-стрита не скупятся на такого рода заявления. Так, в частности, президент и председатель совета директоров «Форд мотор компани» Генри Форд-второй выступил 17 января 1962 г. в связи с годовщиной совета по вопросам рекламы. В подготовленном заранее тексте речи говорится: «По существу теперь мы должны решить, будем ли мы энергично укреплять наши торговые связи с Европой или же будем держаться за свое статус-кво и смотреть, как остальной мир будет нас обгонять. Фактически у нас нет выбора... Для того чтобы США имели влияние на принятие экономических, политических и военных решений Европы, они должны занять в европейских делах положение близкого партнера, а не отдаленного кузена. Программа «либерализации» торговли должна включать эффективный, честный и простой механизм, который будет разумно защищать американские институты от жестокого влияния импорта, но не будет столь широким или свободным, чтобы подорвать более серьезную цель программы или изолировать американскую экономику от воздействия конкуренции»²³.

А вот заявление другого лидера уолл-стритских воротил, Нельсона Рокфеллера: «Если мы не станем членами «общего рынка», — заявил, выступая в мае 1962 года в городе Денвере, Н. Рокфеллер, — то нас ждет беда. Впервые в истории США сталкиваются с более крупным и более привлекательным рынком, чем их собственный. Если США не присоединятся к этому рынку, то их ожидают трудные времена»²⁴.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что наиболее могущественные монополистические объединения и группы США, и прежде всего объединения Уолл-стрита, а также в известной степени бизнесмены калифорнийского объединения, выступают рьяными поборниками установления тесных связей между США и «общим рынком».

В то же время руководители новых групп монополистов, прежде всего Среднего Запада и Юга, ведут ожесточенную борьбу против этого, не без основания считая, что все преимущества от такого рода мероприятий доста-

---

²³ «New York Times», Jan. 18, 1962.

²⁴ «New York Times», May 13, 1962.

нутя их более могущественным соперникам, а на их долю придутся лишь неприятности и убытки.

Поскольку влияние Морганов, Рокфеллеров и др. остается преобладающим, в политических мероприятиях Вашингтона их интересы явно имеют преимущество. Но было бы неправильным упрощать дело, недооценивая силу и влияние новых групп монополистов, особенно учитывая, что в вопросе об «общем рынке» они используют в своих целях поддержку немонополизированных кругов крупной буржуазии, а также среднюю и мелкую буржуазию, фермерство, все слои общества, которые не без оснований опасаются последствий установления тесных связей между США и «общим рынком».

Нет сомнения в том, что, не будь внутри США ожесточенного сопротивления планам правительства, связанным с вопросом об отношениях между США и «общим рынком», его предложения носили бы значительно более радикальный характер, предусматривали бы более решительные шаги в направлении установления тесных связей между США и «общим рынком». Это признавал и президент Кеннеди. «Это не радикальная мера, — заявил он, касаясь программы либерализации торговли, выступая в Новом Орлеане в мае 1962 года, — и ее самые новые черты лишь укрепляют традиционные американские концепции»²⁵.

О том, что первые шаги Вашингтона в связи с программой либерализации торговли являются лишь компромиссом между различными объединениями американских монополий, свидетельствуют многочисленные высказывания политиков и публицистов, связанных с наиболее могущественными группами Уолл-стрита. Так, один из наиболее приближенных к Рокфеллерам идеологов американского империализма небезызвестный Р. Страус-Хюпе в книге под широковещательным названием «Стратегия будущего для Америки», написанной им совместно с В. Китнером и С. Поссоны, провозглашает «одной из главных задач», стоящих перед США, быстрое достижение более тесного сотрудничества, а в конце концов и союза между ними и «общим рынком»²⁶. Авторы «Страте-

---

²⁵ «New York Times», May 13, 1962.

²⁶ R. Strausz-Hupe, W. R. Kitner and S. T. Possony, A Forward Strategy for America, N. Y., 1961, p. 180.

гии будущего для Америки» требуют «переноса акцента с европейского на атлантическое единство»²⁷.

Поставив перед собой в качестве конечной цели «интеграции» создание некоего «атлантического единства», руководители Уолл-стрита рассчитывают убить сразу нескольких зайцев. Во-первых, они стремятся обеспечить для себя источники получения новых прибылей за счет широких народных масс Европы и Америки, за счет своих конкурентов как в Старом, так и в Новом свете; во-вторых, не допустить превращения «общего рынка» в силу, противостоящую США; в-третьих, подвести единую экономическую базу под политические и военные блоки империалистов, направленные против социалистических стран, экономическое соревнование с которыми США в одиночку вести не рискуют; наконец, намечается объединение ресурсов империалистических держав для осуществления неокониалистической политики, направленной на то, чтобы сковать экономические цепи взамен разорванных колониальными народами политических цепей.

«Атлантическое партнерство», «экономическая взаимозависимость» — термины, не случайно пущенные сейчас в оборот официальным Вашингтоном. О далеко идущих планах тех кругов крупного капитала, которые задают ныне тон в американской столице, с достаточной степенью откровенности сказал президент Кеннеди, выступая 4 июля 1962 г. по случаю Дня независимости США в Филадельфии. «Я заявляю, что Соединенные Штаты будут готовы к декларации взаимозависимости, что мы будем готовы обсудить с объединенной Европой пути и средства создания конкретного атлантического партнерства — взаимовыгодного партнерства между новым союзом, создаваемым сейчас в Европе, и старым американским союзом, созданным здесь 175 лет назад. Все это нельзя завершить за год. Однако пусть мир знает, что такова сейчас наша цель»²⁸.

Не может не броситься в глаза очевидный разрыв, существующий между столь далеко идущими целями, провозглашенными покойным президентом США, и значительно более скромными шагами, предпринимаемыми

---

²⁷ R. Strausz-Hupe, W. R. Kitner and S. T. Possony, *A Forward Strategy for America*, N. Y., 1961, p. 233.

²⁸ «New York Times», July 5, 1962.

в настоящее время американскими правящими кругами. Объяснение причин такого разрыва можно найти только имея в виду борьбу, ведущуюся в США вокруг вопроса об отношениях с «общим рынком».

Таким образом, можно констатировать, что нынешняя программа, выдвигаемая правительством США, является результатом компромисса между различными ведущими монополистическими объединениями США и отражающими их интересы политическими кругами. В том факте, что Вашингтон предпринимает шаги, направленные на создание той или иной формы тесной связи США и «общего рынка», находит свое отражение то обстоятельство, что монополистические группы, заинтересованные именно в таком развитии событий (прежде всего уолл-стритские группы), обладают в настоящее время превосходящим экономическим и политическим влиянием.

В то же время их влияния, в отличие от недавнего прошлого, когда у уолл-стритских групп не было скольконибудь серьезных конкурентов внутри страны, уже явно недостаточно для осуществления такого курса, который исходил бы только из интересов Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов и еще нескольких уолл-стритских династий. Правящие круги США вынуждены теперь считаться с интересами новых, в последние годы набравших силу монополистических групп Среднего Запада, Юга, Дальнего Запада, горных штатов, внося соответствующие коррективы в свою политику.

Борьба, развернувшаяся в последние годы в политических и деловых кругах США вокруг проблемы отношений с «общим рынком», является ярким примером конкурентной борьбы, происходящей между крупнейшими монополистическими объединениями американского капитала, примером тем более интересным и важным, что обычно эта ожесточенная борьба, ведущаяся в тиши деловых кабинетов, носит закулисный характер и тщательно скрывается от посторонних глаз.

Весьма наглядно в сфере внешней политики межмонополистические противоречия, обусловленные противоречивыми интересами различных объединений и группировок американского капитала, проявились в острой политической борьбе, особенно сильно разгоревшейся в Вашингтоне, в годы пребывания у власти правительства Эйзенхауэра. Это объясняется тем, что именно в правительстве

Эйзенхауэра «молодые» группировки по существу впервые получили очень влиятельные позиции. Затем, после 1960 года, как уже отмечалось, им пришлось несколько потесниться, хотя можно с уверенностью сказать, что это было временное отступление. Уже в конце 1963 года, после того как в Белый дом пришел техасец Л. Джонсон, положение вновь изменилось и позиции новых групп, хотя и несколько неожиданно, вполне определенно укрепились.

3. ВАШИНГТОН — АРЕНА СХВАТКИ МОНОПОЛИСТОВ

Однако вернемся к политической борьбе в недрах администрации Эйзенхауэра. Обычно такая борьба тщательно прячется от постороннего глаза, всячески маскируется, ведется бесшумно и закулисно. И лишь изредка, когда страсти достигают особенно большого накала, они вдруг прорываются наружу, принимая форму того или иного скандала, а затем, впредь до нового взрыва, вновь уходят вглубь, незаметные для непосвященного глаза.

Одним из таких «взрывов», потрясших во время пребывания у власти республиканцев официальный Вашингтон, была сенсационная отставка летом 1957 года одного из наиболее могущественных деятелей в правительстве республиканской партии министра финансов Джорджа Хэмфри. Его отставка была связана с разногласиями по вопросу о бюджете на 1957/58 год.

Огромный дефицитный бюджет оказывал отрицательное воздействие на экономику США, способствуя инфляционным тенденциям. В связи с этим монополистические группировки, не имеющие сколько-нибудь значительных интересов за границей, стали требовать уменьшения бюджетных расходов, прежде всего за счет дорогостоящих программ «помощи» иностранным государствам. Бюджетная битва в Вашингтоне разгорелась именно вокруг этого пункта бюджета. Во главе группы, требовавшей такого сокращения, встал Хэмфри.

Это было отнюдь не случайно, ибо Хэмфри — один из наиболее видных деятелей среднезападной группировки, недовольной чрезмерным напряжением бюджета за счет расходов, приносящих прибыли не ей, а ее главным конкурентам. Бунт Хэмфри окончился его уходом из прави-

тельства Эйзенхауэра. Верх одержала линия уолл-стритских банков, но сам факт открытой схватки, в которую вступили среднезападники, с могущественнейшей группой Уолл-стрита произвел в США большое впечатление, ибо он знаменовал собой новую роль, которую начинают играть новые монополистические группы не только в экономике, но и в политике.

Многочисленные неудачи государственного департамента во главе с Д. Ф. Даллесом на внешнеполитической арене, тупик, в который зашла даллесовская политика «с позиции силы», также привели к обострению межмонополистической борьбы. Наиболее сильные позиции во внешнеполитическом ведомстве при республиканцах имели Рокфеллеры. (Это положение сохранилось и в правительстве Кеннеди — Джонсона, государственным секретарем при которых является Дин Раск, пришедший в государственный департамент непосредственно с поста президента «Фонда Рокфеллеров».) Не удивительно, что к провалам на международной арене правительства Эйзенхауэра конкурирующие с Рокфеллерами монополистические группы отнеслись, помимо всего прочего, как к провалу «курса Рокфеллеров». И хотя многие финансовые группы не имели принципиальных возражений против такого курса, они не преминули воспользоваться этими неудачами для того, чтобы попытаться отнять руководство внешней политикой у рокфеллеровской группы. Такую попытку, в частности, предприняли политики, связанные с Морганам.

В конце 1957 — начале 1958 года в Вашингтоне началась активная кампания, направленная против Даллеса и его политики. Кампанию против Даллеса возглавил один из виднейших деятелей республиканской партии Гарольд Стассен. Стассен известен своими давними и очень тесными связями с моргановской группой, и его можно считать одним из ее главных представителей в администрации Эйзенхауэра.

Стассена поддерживала группа видных дельцов во главе с бывшим администратором по осуществлению «плана Маршалла» Гофманом. Крупный представитель делового мира, тесно связанный с Морганам и Фордами, Гофман открыто вмешался в схватку, опубликовав в журнале «Лук» статью, резко критикующую даллесовский внешнеполитический курс Соединенных Штатов.

Конечно, коренные интересы группы Морганов немногим отличаются от интересов Рокфеллеров. Имея огромные вложения за пределами Соединенных Штатов, обе группы равно заинтересованы в гегемонии США на мировой арене. Но провалы курса, связанного прежде всего с именем Рокфеллеров, были использованы моргановской и некоторыми другими группами для того, чтобы попытаться усилить свое собственное влияние в правительстве за счет ставленников Рокфеллеров.

Об этом говорит, в частности, внезапный «поворот» в поведении небезызвестного Чарльза Вильсона — доверенного лица Морганов и Дюпонов, бывшего президента «Дженерал моторз».

Вильсон в течение ряда лет был министром обороны в правительстве Эйзенхауэра и на своем посту проводил ту же самую внешнеполитическую линию гонки вооружений, «холодной войны» (выгодную, кстати, в первую очередь самой «Дженерал моторз»), которую проводил Даллес и др. С некоторых же пор Вильсон стал выступать за «умеренную» гонку вооружений, против раздувания военных расходов и даже, рассорившись на этой почве с другими членами правительства, вышел из него. Вряд ли можно объяснить эту метаморфозу только тем, что Вильсон внезапно переосмыслил международную ситуацию, хотя это и могло иметь место.

Главное, по-видимому, заключалось в том, что, принадлежа не к рокфеллеровской, а к иной монополистической группировке, Вильсон предпринял действия, направленные на то, чтобы склонить чашу весов влияния на правительство в пользу Морганов. Все эти схватки, хотя и не привели к серьезным изменениям, тем не менее, бесспорно, ослабили до некоторой степени позиции Рокфеллеров, принудив их несколько потесниться.

С межмонополистической борьбой вокруг проблем «общего рынка» тесно связаны борьба и противоречия ведущих монополистических групп по вопросу о так называемой «помощи» иностранным государствам. Те группы предпринимателей, которые располагают существенными позициями во внешнеэкономической сфере, категорически настаивают на продолжении оказания в широких масштабах «помощи» иностранным государствам, рассматривая ее прежде всего под углом зрения укрепления позиций американского капитала за рубежами США.

Так же как и в отношении «общего рынка», активную поддержку в программе «помощи» иностранным государствам оказывают монополии, связанные главным образом с банками Уолл-стрита. Правда, следует отметить, что в последние годы разногласия по этим вопросам имеют место не только между уолл-стритским и «молодыми» объединениями, но и внутри уолл-стритского объединения.

Наиболее агрессивный внешнеэкономический курс навязывает Вашингтону рокфеллеровская группа, на долю которой приходится около половины всех иностранных капиталовложений американских монополий за рубежом, что и определяет наиболее оголтелые программы, отстаиваемые агентурой Рокфеллеров в американской столице.

При этом экспансионистские устремления рокфеллеровской группы направлены прежде всего в экономически слаборазвитые страны, в частности в Латинскую Америку. Не случаен повышенный интерес рокфеллеровской группы к программе «Союз ради прогресса». Выступая весной 1963 года на заседании Чикагского экономического клуба, президент «Чейз Манхэттэн бэнк» Дэвид Рокфеллер открыто потребовал, чтобы деловому миру (читай: Рокфеллерам) был предоставлен контроль над всей программой деятельности «Союза ради прогресса». Рокфеллер предложил создать «комитет деловых людей Западного полушария», чтобы давать правительству рекомендации по вопросам широкой политики в деле осуществления данной программы.

Рокфеллер заявил также, что в целях привлечения иностранного капитала латиноамериканские страны должны создать «благоприятную атмосферу» для капиталовложений. По его мнению, это должно предусматривать, в частности, «политическую стабильность» и экономические меры, благоприятные для ввоза иностранного капитала.

Рокфеллеры одобрили предложение об использовании государственных средств для гарантирования безопасности капиталовложений в Латинскую Америку.

Рокфеллеры не ограничиваются словесными заявлениями. Они создали так называемый коммерческий комитет «Союза ради прогресса», который, можно сказать без преувеличения, играет основную роль в разработке программ этого союза и их проведении. Председа-

телем комитета является Питер Грейс, президент правления крупного рокфеллеровского нефтяного концерна «Грейс энд компани», а его членами — президент «Чейз Манхэттэн бэнк» Дэвид Рокфеллер, вице-президент «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» Эмилио Колло라도, вице-президент «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)» Уолтер Ристон и др.

В направленном американскому правительству докладе председатель комитета Грейс выразил крайнюю озабоченность по поводу «неблагоприятного климата» для американского бизнеса в странах Латинской Америки и предложил, чтобы правительство «поощряло» правительства стран Латинской Америки принимать меры законодательного порядка, гарантирующие безопасность американских капиталовложений. Грейс потребовал также 30% налоговых скидок для американских вкладчиков капитала в Латинской Америке и увеличения американской «помощи» этим странам до 2,5 млрд. долл. в год.

Рокфеллеровская группа в комитете потребовала «радикального изменения» политики США в Латинской Америке и перенесения центра тяжести этой политики на стимулирование в Латинской Америке частного предпринимательства и частных иностранных капиталовложений. Что касается правительственной «помощи», то она, как подчеркивается в докладе рокфеллеровской группы, должна главным образом «поощрять проведение такой политики, которая бы улучшила климат для бизнеса».

Первым условием «улучшения климата для бизнеса» в Латинской Америке рокфеллеровская группировка считает удушение революционной Кубы. Именно поэтому главной пружиной антикубинской кампании США является группировка Рокфеллеров и связанные с ней политические деятели и органы печати.

Как известно, политики, связанные с группой Рокфеллеров, отличаются особенно резко антисоветскими настроениями. Далеко не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что рокфеллеровская группировка, чувствующая себя до недавних пор монополистом на мировом рынке нефти, в последнее время крайне встревожена повышающимся интересом во многих странах мира к поставкам советской нефти, грозящим подорвать рокфеллеровскую монополию. Усилиями Рокфеллеров организована кампания против закупки нефти у Советского Союза.

Те же самые интересы стоят за клеветническими материалами, опубликованными в 1962 и 1963 годах американским конгрессом, утверждающими, что экспорт советской нефти таит в себе угрозу для всего «свободного мира».

Американский конгресс, не без влияния Рокфеллеров, прямо высказался за использование механизма НАТО, СЕАТО и СЕНТО для того, чтобы всячески торпедировать идею расширения торговли между Востоком и Западом. Нетрудно разглядеть все ту же руку, руководившую действиями правительства США, протащившими через совет НАТО рекомендацию о прекращении экспорта стальных труб большого диаметра в Советский Союз и осуществившими прямой нажим на правительства и компании ФРГ и Японии. Строительство советских нефтепроводов — кошмар для Рокфеллеров, и именно в угоду им Вашингтон неразумно пытается воспрепятствовать этому делу, не считаясь с той очевидной истиной, что осуществлению программ строительства нефтепроводов в Советском Союзе не может помешать прекращение поставок стальных труб из-за границы.

Характерно, что эти действия Вашингтона, продиктованные интересами Рокфеллеров, мягко выражаясь, не вызывают восторга других могущественных монополистических групп. Взять, к примеру, сталелитейные компании, контролируемые преимущественно группой Морганов, а также монополистами Среднего Запада. Руководители сталелитейной промышленности США, объем производства которой топчется на одном месте вот уже полтора десятка лет, высказывают явное недовольство действиями властей.

Органы печати, связанные с этими группами, прямо критикуют действия Вашингтона, указывая, что послевоенная политика «помощи» иностранным государствам не только не привела к расширению внешних рынков для американской черной металлургии, но, наоборот, способствовала по сути дела тому, что конкуренты американских сталелитейных компаний из ФРГ и Японии явно потеснили их на мировом рынке. В результате этого за последние четыре года США превратились из экспортеров стали в ее импортеров. В 1957 году экспорт американской металлургической продукции превышал ее импорт примерно на 4 млн. т; в 1962 году США импортировали ме-

таллургических изделий уже на 2 млн. т больше, чем экспортировали²⁹.

Естественно, что металлургические компании Кливленда и Чикаго или компании крупнейшего калифорнийского предпринимателя Кайзера, производящие стальные трубы, высказывают очевидное недовольство политикой, выгодной Рокфеллерам, но наносящей прямой ущерб им. Имеются признаки растущего недовольства такого рода политикой и со стороны Морганов и Меллонов.

Именно в этом ключ к пониманию характерного для последнего времени усиления оппозиции крупных американских компаний, причем входящих в состав не только «молодых» группировок, но и связанных с уолл-стритскими банками, ряду внешнеэкономических программ правительственных органов. Именно этим предопределено предложение, с которым весной 1963 года выступила одна из ведущих организаций большого бизнеса — Торговая палата, предложившая урезать на 2 млрд. 300 млн. долл. запрошенные правительством ассигнования на программу «помощи» иностранным государствам. Влиятельные группы монополистов не желают оплачивать из своего кармана программы, доходы от которых достаются не им, а их конкурентам.

В связи с вышесказанным нельзя не отметить некоторого изменения тенденций и в таком вопросе, как торговля между Соединенными Штатами и социалистическими странами. Совершенно ясно, что руководящие деятели делового мира США проявляют сугубую осторожность в публичных высказываниях на эту тему. Чрезвычайно редко можно встретить в американской печати, в отчетах о встречах и заседаниях организаций деловых людей прямые высказывания на этот счет. Однако можно считать фактом изменение тона высказываний по этим вопросам в последнее время. Еще до того как осенью 1963 года Вашингтоном были предприняты реальные шаги по отмене некоторых законодательных препятствий, мешающих нормальным торговым связям США с социалистическими странами, обратило на себя внимание опубликование доклада министра внутренних дел США С. Юдолла по возвращении из поездки по Советскому Союзу. В этом докладе член правительства весьма поло-

---

²⁹ «New Republic», 1963, Jan. 5.

жительно расценил расширение Советским Союзом торговли нефтью с западноевропейскими странами и высказал соображение о том, что такая торговля является стабилизирующим фактором в отношениях между Востоком и Западом.

Очевидно, не последнюю роль в данном случае сыграло и то обстоятельство, что Юдолл представляет в правительстве демократической партии группировку горных штатов, не связанную с зарубежными инвестициями и военными программами. Характерно, что доклад Юдолла вызвал самые злобные комментарии в печати, связанной с Рокфеллерами и примыкающими к ним монополистическими группами. Очевидно, что появление такого доклада не могло быть случайным. Оно отражало определенные тенденции и процессы, связанные с переоценкой взглядов в ряде влиятельных кругов.

За несколько месяцев до того, как Вашингтоном были предприняты первые шаги по пересмотру своей замшелой позиции, раздалась публичная и прямая критика политики разрыва экономических отношений с социалистическими государствами со стороны влиятельных органов американской печати. Так, «Нью-Йорк таймс» в передовой статье заявила: «Настало время для серьезного пересмотра политики эмбарго, которая резко отличается от позиции, занимаемой многими союзниками Америки»³⁰.

Нельзя пройти и мимо весьма примечательного документа, составленного группой сенаторов во главе с весьма влиятельным в столице США сенатором Мэнсфилдом. В январе 1963 года, подводя итоги проведенному этой группой изучению американской политики в Западной Европе, доклад, вызвавший оживленные отклики в официальных кругах Вашингтона, отмечал: «Поскольку существует мало вероятности, что Западная Европа примет ограничения на торговлю, которые можно сравнивать с нашими, мы должны рассмотреть вопрос о том, как выравнять наши коммерческие возможности в Восточной Европе, особенно в отношении сельскохозяйственных товаров, и в каком направлении пересмотреть деятельность правительства и соответствующего законодательства»³¹.

³⁰ «New York Times», Febr. 8, 1963.

³¹ «Berlin in a Changing Europe», Report to the Committee on Foreign Relations U. S. Senate, Wash., 1963, p. 16.

Вряд ли нужно доказывать, что речь идет не о случайных заявлениях, не о мимолетно оброненных фразах, а о показателе глубинных процессов, происходящих в недрах ведущих группировок американского монополистического капитала. Имеются все основания для вывода о том, что одна из явственно и наглядно выявившихся линий раскола между ведущими группировками американского монополистического капитала идет сейчас по вопросу об отношении к торговле между Востоком и Западом. И если техасцы, Меллоны и ряд других групп занимают в этом вопросе сугубо негативную позицию, то ряд конкурирующих с ними группировок под напором реальных фактов, под воздействием деловых интересов склонны к пересмотру позиций, ставших для послевоенного Вашингтона традиционными.

Именно в этой связи следует рассматривать борьбу, происходящую в Вашингтоне по вопросам расширения торговли с социалистическими странами. Всем памятно, каких усилий стоило президенту Кеннеди в последние недели его жизни (а после его гибели — президенту Джонсону) проведение через конгресс законопроекта, облегчавшего установление таких связей. Монополистические группы, настроенные против такой политики, мобилизовав силы, едва не пустили все это дело под откос.

И только вмешательство президента, собравшего накануне рождественских праздников 1963 года чрезвычайное заседание конгресса в 7 часов утра, и серьезный нажим, оказанный на конгрессменов, дали правительству возможность держать руки не связанными для будущих переговоров о расширении торговых связей.

Острая политическая борьба, происходящая в Вашингтоне по этому вопросу, отражает не менее острую борьбу в деловых кругах. И как бы ни складывалась обстановка в тот или иной момент, как бы ни выглядело положение дел, ни в коем случае нельзя забывать об этой борьбе в стане большого бизнеса, в частности недооценивать растущего влияния тех его кругов, которые выступают за более реалистический подход к этой проблеме.

Было бы неправильным говорить о том, что влиятельные группировки американских монополий готовы к кардинальному пересмотру своей политики. Около полови-

ны прибылей мощнейших американских корпораций поступает от заказов на оружие и иностранных капиталовложений. «Все крупные группировки финансовой олигархии, — отмечает В. Перло, — получают свою долю этих экстраспециальных прибылей. Но распределение этих прибылей является не одинаковым. Место нефти в иностранных инвестициях поразительно увеличилось. К 1955 году свыше половины всего дохода от иностранных капиталовложений, о котором сообщили корпорации, падало на долю нефтяных компаний. Поэтому группы Рокфеллеров и Меллонов играют решающую роль в современном американском колониализме, так же как и в некоторых политических кризисах, в которых столь сильно была в последние годы замешана нефть (Иран, Венесуэла, Ближний и Средний Восток и т. д.)».

Позиция таких групп, как рокфеллеровская или меллоновская, по целому ряду вопросов внешней политики настолько авантюристична, что против этой позиции иногда выступают даже наиболее близкие к ним группы монополистов. Время от времени такие предприниматели, как Генри Форд, руководители моргановской «Дженерал электрик», некоторые члены кабинета Эйзенхауэра (Вильсон, Хэмфри), выступали за расширение торговли между Западом и Востоком. Конечно, они отнюдь не возражали против основ внешнеполитического курса США, но в отдельных вопросах высказывали здравые суждения.

Говоря о причинах такого рода противоречий, В. Перло отмечал: «Дело, возможно, заключается в соотношении между иностранными капиталовложениями и внешней политикой. Можно искать и не найти высказываний Рокфеллера или какого-нибудь представителя «Стандард ойл» в защиту торговли между Востоком и Западом, в защиту мира и разоружения; можно найти обилие противоположных заявлений и действий, и не последней в этом отношении является деятельность «Стандард ойл», руководящей радиостанцией «Свободная Европа». Я не хочу провести разграничения между агрессивными и неагрессивными группировками финансового капитала... Но факты показывают, что общую агрессивную кампанию американского финансового капитала возглавляет определенная группа»³².

---

³² «Mainstream», 1957, June.

Одним из важнейших критериев, определяющих как во внешней, так и во внутренней политике позиции той или иной группы монополистов, того или иного объединения финансового капитала США, является отношение этих групп и объединений к военному бизнесу. Те из них, кто сумел взять в свои руки значительное количество военных заказов, как правило, занимают по вопросам внешней политики весьма воинственные и агрессивные позиции. Эти группы монополистов явно заинтересованы в поддержании международной напряженности, в продолжении «холодной войны». Они крайне нервно реагируют на любые возможности потепления международного климата и ослабления международной напряженности. Позиции таких группировок, как, например, рокфеллеровская, дюпоновская, меллоновская и ряд других, предопределяются в первую очередь их теснейшей связью с «бизнесом смерти», а также, как отмечалось выше, заинтересованностью в крупных капиталах, вложенных за пределами Соединенных Штатов Америки в различных странах.

Те же группы предпринимателей, которые оказались оттесненными от военных заказов, как правило, занимают более умеренные позиции в вопросах внешней политики. А в последние годы влиятельная группа американских предпринимателей выступает с более или менее разумных позиций, высказываясь за улучшение отношений между Востоком и Западом, за расширение торговли и других контактов.

Бытующее иногда представление о том, что все монополии США в одинаковой степени связаны с военным бизнесом, является явным упрощением. По подсчетам американских экономистов, из 500 крупнейших промышленных корпораций, по положению дел в которых определяется деловая активность в США, лишь 50 крупнейших самым тесным и непосредственным образом связаны с военным производством, концентрируя в своих руках львиную долю военных заказов правительства. Что же касается остальных 450 корпораций, то они либо располагают небольшим портфелем военных заказов, либо не располагают им вовсе. Нечего говорить о том, что компании и фирмы, не входящие в число 500 крупнейших, в еще большей степени оказываются отстраненными от дела жирного пирога военных прибылей.

В условиях экономических трудностей военные заказы правительства представляют особый интерес для предпринимателей. Военное производство не зависит от колебаний экономической конъюнктуры; правительство за счет налогоплательщиков обеспечивает самые выгодные условия оплаты выполнения этих заказов. Не удивительно в этих условиях, что вокруг распределения военных заказов ведется ожесточенная борьба, в ходе которой успеха добиваются лишь крупнейшие из крупных и могущественнейшие из могущественных компаний и корпораций, оттесняющих своих более слабых конкурентов.

Нижеследующие данные дают представление о степени остроты этой борьбы.

С 1951 по 1956 год 10 крупнейших фирм США получили $\frac{1}{3}$ всех военных заказов на сумму 38,5 млрд. долл. 100 крупнейших компаний получили $\frac{3}{4}$ военных заказов правительства. Список этих фирм возглавила «Дженерал моторз», получившая за этот период заказов на 6 млрд. 874 млн. долл., то есть больше, чем все фермеры страны получили за свою продукцию за те же пять лет. В «большую десятку» вошли также «Боинг эйрплейн компани», получившая заказы на 4 млрд. 538 млн. долл., «Юнайтед эйркрафт корпорейшн» — 4 млрд. 199 млн. долл., «Дженерал электрик» — 4 млрд. 3 млн. долл., «Дуглас эйркрафт компани» — 3 млрд. 907 млн. долл., «Норт америкен авиэйшен» — 3 млрд. 486 млн., «Дженерал дайнэмикс» — 3 млрд. 110 млн., «Локхид эйркрафт корпорейшн» — 209 млн. долл.

В феврале 1958 года в Вашингтоне был опубликован официальный доклад министерства обороны США о размещении им за предыдущие 30 месяцев военных заказов. В течение этого периода 100 крупных фирм получили заказы на сумму в 30,3 млрд. долл., что составило почти 68% всех военных заказов, размещенных правительством за это время.

Период пребывания у власти администрации демократической партии ознаменовался дальнейшим обострением борьбы крупнейших корпораций за военные заказы правительства. О степени остроты этой борьбы можно судить хотя бы по тому факту, что «Дженерал моторз», занимавшая, как сказано выше, в течение ряда лет первое место по портфелю военных заказов, оказалась к 1963 году оттесненной на двадцать первое место.

Если период эйзенхауэровского правления ознаменовался рядом громких скандалов в связи с борьбой корпораций за военные подряды, то не меньше острых схваток происходит и в 60-е годы. Не успело еще улечься в Вашингтоне возбуждение, вызванное передачей авиационной компании «Норт америкен авиэйшен» «самого большого в истории спекулятивного военного заказа» на бомбардировщик «Б-70», еще не заглохла схватка между представителями компаний «Макдонелл эйркрафт» и «Рипаблик авиэйшен» вокруг заказа на истребители «Е-110», как весной 1963 года в Вашингтоне разразился новый скандал в связи с заказом на многоцелевой истребитель «ТЕХ».

В борьбу за этот заказ, который оценивается без малого в 7 млрд. долл., оказался втянутым целый ряд видных политических фигур США, вроде конгрессмена Отиса Пайка, представлявшего интересы «Дженерал дайнэмикс», сенаторов Уоррена Магнусона и Генри Джексона, отстаивавших интересы компании «Боинг эйрплейн». Как стало ясно из просочившихся в печать сведений, исход дела в пользу «Дженерал дайнэмикс» решил заместитель министра обороны Р. Гилпатрик, давно связанный с этой фирмой и получавший от нее до своего назначения в правительство значительные вознаграждения.

Летом 1963 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в статье «Политика в оборонном бизнесе» писал, что специальные исследования показывают, «как за истекшее десятилетие изменилась картина размещения оборонных заказов. Доля штатов Иллинойс, Огайо, Мичиган, Индиана и Висконсин, которые во время корейской войны получили 27% крупных военных контрактов, ныне сократилась примерно до 12%». По данным журнала, это сокращение произошло за счет роста военных заказов, полученных промышленниками Калифорнии, Нью-Йорка и Техаса. Те, кто знают, что дело здесь не в географии, что за словами «Нью-Йорк, Техас, Калифорния» стоят могущественные монополистические объединения, а за названиями штатов Среднего Запада — их конкуренты, поймут, что статья констатирует наличие ожесточенной конкурентной борьбы.

Таким образом, есть все основания констатировать, что не все компании, фирмы, группировки и даже региональные объединения американского капитала в одина-

ковой степени связаны с военным бизнесом, в одинаковой степени заинтересованы во всемерном расширении военного производства, которому, как известно, сопутствуют весьма отрицательные явления, сказывающиеся как на экономике в целом, так и на гражданских отраслях промышленности в особенности.

А отсюда можно сделать важный вывод о том, что отнюдь не все группы американских предпринимателей в одинаковой степени заинтересованы в сомнительных внешнеполитических авантюрах, сторонниками которых выступают те круги, благополучие которых зависит от военных прибылей и, следовательно, от степени накала «холодной войны».

Было бы глубоко ошибочным доводить эту мысль до абсурда, втискивая ее в рамки жесткой схемы и объявляя такие-то монополии и группировки монополистов агрессивными, а такие-то «миролюбивыми». Невозможно абстрагироваться от природы империализма, нельзя не учитывать сложного переплетения интересов не только в рамках региональных объединений, но и внутри отдельных корпораций. Нельзя, наконец, не учитывать изменений, происходящих в положении тех или иных групп монополистов, — сегодня группа располагает крупным портфелем военных заказов, завтра она оказалась оттесненной, и наоборот.

Но при всем этом имеются все основания констатировать далеко не одинаковую заинтересованность различных групп монополистов в военных программах и вытекающие из такого положения политические последствия.

Если взять список крупнейших военных концернов США, держащих в настоящее время в своих руках львиную долю военных заказов, контролирующих военное производство, таких как «Дженерал дайнэмикс», «Боинг», «Локхид эйркрафт», «Дженерал моторз» и несколько десятков других, и проследить, куда ведут нити контроля над этими военно-промышленными концернами, то мы обнаружим узкую касту ведущих монополистических групп, среди которых наиболее видное место занимают все те же Рокфеллеры, Морганы, Дюпоны, Меллоны, Лимэны, Мэрчисоны, Джаннини.

Своеобразной «программой», определяющей политику этих кругов большого бизнеса, является опубликованный в 1958 году доклад специального комитета, созданного

«Фондом Рокфеллера», посвященный проблемам национальной безопасности США. Перед ним была поставлена задача проанализировать «основные проблемы и возможности, с которыми, вероятно, столкнется Америка в ближайшие 10—15 лет». Комитет «Фонда Рокфеллера» рассматривал и предложил свои выводы по целому ряду важнейших вопросов военной политики и стратегии США.

В группе, составлявшей этот документ, были широко представлены крупнейшие монополии — постоянные поставщики военной продукции. Помимо братьев Рокфеллеров — Лоуренса и Нельсона в ней участвовали небезызвестный пропагандист политики «с позиции силы» Д. Сарнов — председатель правления «Рэдио корпорейшн оф Америка», Д. Фиск — вице-президент компании «Белл телефон лабораториз», К. Вильсон — президент компании «Металз энд контролз», Т. Б. Маккейб — президент «Скотт пейпер компани». В комитет вошли и такие деятели, как Л. Клей — бывший командующий вооруженными силами США в Западной Германии, ныне председатель правления компании «Континентэл кэн» и ряд других.

Представители этих монополий и военных кругов США пришли к выводу: продолжать политику «с позиции силы» и не соглашаться ни на какие мероприятия, которые могли бы привести к ослаблению международной напряженности. Они по существу отвергли принцип сосуществования капиталистической и социалистической систем. Все мероприятия, рекомендованные комитетом, исходили из предпосылки, что США должны на длительный период усиливать гонку вооружений. Военная политика должна базироваться на принципе максимальной боеготовности всей военной машины США.

Такова платформа, с которой и ныне пытается действовать ряд могущественных монополистов.

Эта платформа оказывает самое существенное влияние не только на экономику и внутреннюю политику США. Совершенно очевидно, что гигантские военные программы можно протаскивать через конгресс, навязывать налогоплательщику и проводить в жизнь только в условиях международной напряженности, отказа от мирного решения спорных проблем, непрерывного обострения обстановки в различных районах земного шара.

Не удивительно в связи с этим, что американское военное ведомство, в руках которого находится распределение военных заказов и руководство всей программой гонки вооружений, является сейчас органом, оказывающим самое существенное воздействие на направление внешней политики США. В статье под красноречивым заголовком «Пентагон как глашатай внешней политики» ведущая буржуазная газета США «Нью-Йорк таймс» признает: «Пентагон сейчас играет более значительную роль в заявлениях о внешней политике и в проведении внешней политики нашего правительства, чем когда-либо раньше»³³. И действительно, трудно бывает подчас установить, где определяются различные важнейшие аспекты внешнеполитического курса Вашингтона — в государственном департаменте или в Пентагоне.

Во всяком случае можно считать бесспорным то обстоятельство, что военно-промышленный комплекс, монополистические группы, держащие в руках военное производство, оказывают самое серьезное, непрекращающееся и самое отрицательное, с точки зрения мира, влияние на весь внешнеполитический курс США.

Вместе с тем, как уже отмечалось, многие предприниматели США оказались оттесненными от военного производства. Это отнюдь не значит, что все они являются сторонниками международного сотрудничества. Но в то же время нельзя не учитывать того факта, что, не получая тех выгод от огромных военных программ, которые достаются военно-промышленным концернам, они ощущают на себе, и чем дальше, тем больше, все отрицательные последствия гонки вооружений — растущую инфляцию, уродливое, однобокое развитие экономики, непомерный рост налогового бремени, нарушение международных торговых связей и т. п.

Не удивительно, что в последние годы голоса критики официального курса внешней политики звучат все громче не только со стороны широкой общественности, но и в узких кругах бизнесменов, не связанных с военным бизнесом, что в ряде случаев предопределяет их значительно более разумную и реалистическую позицию, нежели позиция кругов, связавших себя с «пушечным бизнесом». Такое явление, как позиция одного из виднейших и могущественных деятелей большого бизнеса Сайруса

³³ «New York Times», July 23, 1963.

Итона, последовательно выступающего за ослабление международной напряженности и улучшение отношений между Востоком и Западом, невозможно правильно понять и оценить в отрыве от всей ситуации, без учета вышесказанного.

Выше уже говорилось о лидере чрезвычайно влиятельной группировки горных штатов Маринере Экклесе. Взгляды этого предпринимателя и финансиста оказывают большое влияние как на широкие круги американской общественности, так и на американских предпринимателей.

Весьма показательным является опубликование в июне 1963 года документа в поддержку договора о запрещении испытаний ядерного оружия, подписанного 21 крупным американским бизнесменом. Этот документ был опубликован в момент острой полемики в США по поводу того, следует ли подписывать договор. Предприниматели, связанные с гонкой вооружений, используя печать и таких политических деятелей, как Голдуотер, Никсон и им подобных, развернули активную кампанию, направленную против договора. В этот период и было опубликовано заявление, в котором указывалось, что «соглашение о запрещении испытаний необходимо, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия. Если соглашение не будет заключено, говорится в заявлении, к 1970 году может появиться от 15 до 20 новых ядерных держав»³⁴.

Указывая, что договор о запрещении испытаний может в конечном счете привести к разоружению «тщательно продуманными этапами», авторы заявления указывают: «Как для русского, так и для американского народа даже незначительное сокращение военных расходов означало бы существенное повышение экономического уровня». И далее: «Эффективный договор о запрещении испытаний прогнал бы нависшую мрачную тучу, открыл бы дорогу для здравого смысла и тем самым породил бы надежду на конструктивный мир».

Не следует преувеличивать опасности, связанные с договором о запрещении испытаний. Выгоды, которые будут обеспечены благодаря такому договору, намного превышают опасности»³⁵.

³⁴ «Wall Street Journal», June 24, 1963.

³⁵ Ibid.

Весьма поучителен анализ деловых связей лиц, подписавших этот примечательный документ. Под ним, конечно, нет фамилий ни Рокфеллеров, ни Дюпонов. Но зато мы видим здесь имя Маринера Экклеса. Документ подписан и председателем одной из крупнейших компаний Среднего Запада «Инлэнд стил компани» Д. Блоком, председателем «Иллинойс сентрэл рейлроуд», одной из крупнейших железных дорог, принадлежащей этому же объединению предпринимателей, У. Джонстоном, вице-председателем «Нэшнел эйрлайн» Дж. Бэйкером (компания действует в штатах Дальнего Запада), бывшим заместителем государственного секретаря, главой крупнейшей торговой фирмы и видным деятелем среднезападной группировки Клейтоном, бывшим председателем американской торговой палаты, кливлендским промышленником Г. Стейнкраусом и рядом других. Нетрудно заметить, что среди авторов документа в поддержку договора о запрещении ядерных испытаний мы видим прежде всего представителей тех кругов большого бизнеса, которые не связаны непосредственно с военным производством и с крупными инвестициями за рубежом США.

Не следует, разумеется, преувеличивать влияние и возможности тех деловых кругов США, которые склонны прислушиваться к голосу разума, которые выступают за более реалистическую внешнюю политику. Решающие рычаги как в области экономики, так и в области политики находятся в руках тех представителей американских монополий, которые прочно связали себя с гонкой вооружений. Однако было бы непозволительно не учитывать то влияние, которое оказывают и менее агрессивные группы предпринимателей.

* * *

Бесперспективность внешнеполитического курса Вашингтона последних лет, отсутствие у ряда «молодых» группировок монополистов серьезных экономических позиций за рубежом США, сравнительно малая заинтересованность некоторой части американских предпринимателей в военных прибылях, от которых они оказались оттесненными их более могущественными конкурента-

ми,—все это привело к тому, что представители этих кругов начинают высказываться за изменение политического курса. Они, в частности, проявляют нескрываемый интерес к расширению взаимовыгодных торговых связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Если военно-промышленные концерны, наживающиеся на гонке вооружений, опасаются ослабления международной напряженности, то круги делового мира, которые справедливо считают выгодным всемерное расширение международных торговых связей, склонны к изменению политики. В Соединенных Штатах растет число бизнесменов и политиков, понимающих, что дальнейшее продолжение гонки вооружений, разрыв нормальных торговых связей и т. д. сопряжены не только с военно-политической опасностью, но и чреваты серьезными неприятностями для американской экономики. Именно поэтому за океаном множатся высказывания в пользу развития торговли с социалистическими странами. «Определенные консервативные круги крупных дельцов,—отмечал один из руководителей американской Коммунистической партии Ю. Деннис,—так же как и миллионы простых американцев, пришли к выводу, что явный военный тупик, в который зашли великие державы, плюс роковые потенциальные последствия глобальной атомной войны и национальные интересы Америки требуют пересмотра американской внешней политики»³⁶.

Сам факт появления в кругах крупных предпринимателей США сил, заинтересованных в изменениях послевоенного курса внешней политики США, говорит о серьезности противоречий между различными группами американских монополий, оказывающих на деятельность американских правящих кругов весьма существенное влияние.

Приведенные примеры отнюдь не исчерпывают всех случаев разногласий в вопросах политики между объединениями и группировками американского капитала. Противоречия эти весьма многообразны. Они оказывали и оказывают самое существенное влияние на политику Вашингтона, обуславливая свойственные ей нередко двойственность и непоследовательность.

---

³⁶ «Political Affairs», 1958, Jan.

Эти противоречия тесно связаны с империалистической конкуренцией, отражают различные экономические интересы каждой из групп монополистов. Они не являются чем-то случайным или преходящим, и поэтому невозможно понять многих линий и нюансов внешнеполитического курса США, не учитывая всех этих обстоятельств.

Таким образом, в основе разногласий внутри монополистического капитала США по вопросам внешней политики лежат прежде всего экономические интересы тех или иных групп предпринимателей, конкурентная борьба между ними. Банки, вложившие свои капиталы в западноевропейские страны, отстаивают политический курс, девизом которого является «Европа прежде всего». Монополии, наиболее тесно связанные с Азией, настаивают на линии «Азия прежде всего». Группировки монополистов, не имеющие существенных интересов за океаном, ратуют за активизацию на континенте. И, наконец, монополистические группы, вроде рокфеллеровской, рыщущие в поисках нефти по всему миру и получающие от своих разбросанных повсюду капиталовложений баснословные прибыли, тянутся наложить свою руку на весь мир, требуют «глобальной» политики «мирового руководства» для США.

Степень заинтересованности той или иной группы монополистов во внешней торговле и ее конкурентоспособность определяют отношение к тарифной политике и порождают ряд острых противоречий внутри монополистического капитала США. Борьба за влияние на определение внешнеполитического курса, за позиции во внешнеполитическом ведомстве и аппарате госдепартамента и посты за границей, от которых в немалой степени зависят прибыли компаний, активно действующих за рубежами США, порождает острейшие стычки между группировками, экономические интересы которых принципиально не отличаются.

Считать, что какой-либо поворот в политическом курсе правящих кругов, особенно в области внешней политики, может быть исключительно делом рук тех или иных политических деятелей и не отражать интересов определенных влиятельных кругов делового мира США,— значит недооценивать влияние этих кругов на функционирование государственного механизма Соединенных Штатов.

Весьма знаменательным фактом самого последнего времени является то, что под воздействием отрезвляющих фактов международной обстановки, роста могущества социалистических стран, и прежде всего СССР, в среде видных предпринимателей Уолл-стрита, в том числе даже так или иначе связанных с военным производством, возникают настроения, которые можно характеризовать как стремление уйти с колеи «холодной войны».

Опасности всеобщей ядерной катастрофы настолько очевидны и страшны, что начинают задумываться, проявляя проблески благоразумия, представители даже тех кругов, которые испокон веков и до самого последнего времени не были способны воспринимать что-либо помимо цифр своих дивидендов. До этих деятелей понемногу начинает доходить, что атомная бомба не разбирает между миллиардером и бедняком и в пламени ядерного взрыва дворцы будут гореть так же, как и хижины. Спору нет, трезвые мысли посещают еще далеко не всех и даже не большинство воротил большого бизнеса, а те, кто наживаются на гонке вооружений, отличаются особой твердолобостью и глухотой к голосу времени, но то обстоятельство, что сомнения проникают и в эту среду, нельзя не считать весьма симптоматичным.

Таким образом, можно констатировать, что разница в интересах между различными группировками делового мира США, наличие кругов, и притом влиятельных, заинтересованных в расширении международных связей, оказывают заметное влияние на появление и развитие новых тенденций, характерных для американской столицы в конце 50 — начале 60-х годов. Наиболее могущественные экономические и политические группы монополистов тесно связаны с гонкой вооружений, с так называемым «глобальным» внешнеполитическим курсом, поскольку имеют крупные капиталовложения за пределами США. Именно эти группы оказывают решающее влияние на правящие круги, чем и объясняется линия, являющаяся и по сей день преобладающей в политическом курсе Вашингтона. Но вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и интересы и деятельность других групп, в том числе и в деловых кругах. Без этого невозможно понять такие события, как заключение Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, соглашение о невыводе на орбиту космических объектов

с ядерным оружием на борту, а также ряд других шагов, хотя не всегда последовательных, предпринимавшихся Вашингтоном в последние годы, особенно после прихода в Белый дом Джона Фитцджеральда Кеннеди.

Убийство в ноябре 1963 года президента Дж. Кеннеди, на котором мы подробнее остановимся в главе X, показывает всю степень остроты той борьбы, которая происходит в США между теми влиятельными кругами, в том числе и в деловом мире, которые начинают понимать необходимость перемен, поиска *modus vivendi* с социалистической системой,— интересы этих кругов и выражал Дж. Кеннеди — и теми твердолобыми деятелями и наиболее оголтелыми кругами, «пушечными королями», которые не в состоянии что-либо понять и чему-либо научиться. Но от хода истории, от выявления объективных закономерностей исторического процесса еще никому и никогда не удавалось отстреляться.

Сам факт появления в кругах крупных предпринимателей США сил, заинтересованных в изменении послевоенного курса внешней политики США, говорит о серьезности противоречий между различными группами американских монополий, о важности конкретного изучения этих расхождений, оказывающих на деятельность американских правящих кругов весьма существенное влияние.

ОСНОВНЫЕ ПАРТИИ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА

1. ПАРТИИ ИЛИ НЕ ПАРТИИ?

При всем том, что за спиной руководства обеих основных буржуазных партий США — и демократической, и республиканской — стоит один и тот же хозяин — монополистический капитал США, при полном единстве, существующем между обеими партиями по основным вопросам внутренней и внешней политики США, отражающем единство по этим вопросам американского монополистического капитала, между обеими буржуазными партиями существуют известные различия. Не затрагивая область стратегических задач, которые ставят перед собой обе партии, — задачи эти едины — такие различия проявляются в области политической тактики этих партий, в приемах и методах, к которым они прибегают в повседневной политической деятельности. Именно в этом и заключается для империалистов США удобство двухпартийной системы, возможность маневрировать, обманывая народные массы.

Буржуазная пропаганда изображает двухпартийную систему в США как «воплощение демократии». Но эта система ничего общего не имеет с действительной демократией.

Профессор социологии университета Северной Каролины Флloyd Хантер в книге «Руководство США», напи-

санной с позиций буржуазного либерала, в целом стоящего за поддержку существующей в США социально-экономической системы, тем не менее приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что все разговоры о демократической системе США не стоят многого. На всех уровнях, начиная от местных властей и кончая правительством, политику определяют представители большого бизнеса — таков вывод Хантера. «В любом населенном пункте выдвигается и становится известной в качестве его лидеров небольшая группа. Чаще всего это главы местных промышленных предприятий, банков, адвокатских фирм, торговых домов и газет. Эта создающая местную политику группа никем не назначается и никем не контролируется»¹. «В состав лидеров общенационального масштаба входят крупные капиталисты, политические деятели, верхушка военного командования»².

Решающая роль монополистических союзов в политической жизни страны подтверждается и самими представителями крупных корпораций. «В настоящее время, — признает видный американский автопромышленник и восходящая звезда в республиканской партии Д. Ромни, — сильные группы быстро распространяют свой контроль над народом, политическими партиями и государством»³.

Сходство обеих партий американского крупного капитала засвидетельствовал один из руководителей демократической партии Эдлай Стивенсон, который в своей книге, озаглавленной «Что я думаю», прямо заявил: «...У нас гораздо больше общего с нашими друзьями-республиканцами, чем того, в чем мы не сходимся»⁴.

В вышедшем накануне выборов 1960 года сборнике речей Дж. Кеннеди, целью которого было информировать американцев о взглядах претендента на пост в Белом доме по различным вопросам, Кеннеди заявлял: «Главные разногласия имеют место не столько в области общеполитических целей, сколько в области конкретного отношения к тем или иным возникающим проблемам»⁵.

---

¹ F. Hunter, Top Leadership U. S. A., Chapel Hill, 1959, pp. 5—6.

² Ibid., p. 166.

³ «Congressional Records», 1960, vol. 106, p. 289.

⁴ A. Stevenson, That I think, N. Y., 1956, p. 73.

⁵ J. Kennedy, The Strategy of Peace, N. Y., 1960, p. 266.

Исходя, очевидно, именно из этого, став президентом, Кеннеди в состав своего кабинета, сформированного после выборов 1960 года, включил несколько республиканцев, предоставив им такие ключевые посты, как пост министра финансов и министра обороны. В течение длительного времени у власти в США находилась большей частью республиканская партия.

Каждый раз демократы приходили к власти в момент обострения внутривластной обстановки в стране, когда открыто промонополистический курс республиканцев вызывал растущий протест широких масс. Вот тогда-то американская буржуазия пожинала плоды созданной ею двухпартийной системы, которая представляет для капиталистов исключительную ценность как средство политического контроля над массами. «После освобождения негров, — указывал В. И. Ленин, — разница между той или другой партией становилась все меньше... Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий»⁶.

В то время как одна партия, находясь у власти, осуществляет политику, диктуемую крупнейшими монополиями, другая находится в оппозиции и тщательно дозированной критикой политики правящей партии старается отвлечь трудящихся от борьбы. Находясь в оппозиции, или, точнее, играя в оппозицию, одна из двух буржуазных партий спекулирует на недовольстве избирателей действиями правящей партии, стремясь нажить себе политический капитал, который пускается в оборот на ближайших же выборах. Не случайно один из крупнейших американских специалистов, видный буржуазный юрист профессор политических наук Клинтон Росситер в выпущенной им в 1960 году книге «Партии и политика в Америке» констатирует, что «американские партии добиваются гораздо большего успеха в то время, когда они являются оппозиционными, а не правящими»⁷.

«Разница между двумя партиями состоит в том, что обычно республиканцам предоставляется больше денег. В фонд этой партии в основном жертвуют наиболее бо-

⁶ В. И. Ленин, Итоги и значение президентских выборов в Америке, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 193.

⁷ С. Rossiter, Parties and Politics in America, Ithaca, 1960, p. 47.

гатые люди, а демократов поддерживают капиталисты средней величины»⁸.

Борьба за теплые местечки, за власть, а не борьба различных политических течений и идей — вот что определяет соперничество между республиканцами и демократами. «Борьба между двумя партиями все больше превращается в драку за президентское кресло», — признает проф. К. Росситер.

Обе буржуазные партии служат главной цели американских монополистов: добиваться результатов, нужных владельцам трестов и банков. Наличие двух партий и попеременное их пребывание у власти дают правящим кругам возможность создавать видимость выборов и демократии.

Собственно говоря, и республиканская, и демократическая партии США не являются партиями в общепринятом смысле этого слова. В этих партиях не существует того, что является обычно основными признаками политической партии, — постоянного членства и твердой программы. Принадлежащим к партиям считается всякий, голосующий за нее на выборах. Обе партии «не требуют от своих приверженцев ничего, кроме голоса и нескольких долларов»⁹, — пишет К. Росситер. «Только один из десяти голосующих за партию работает на нее в течение всех четырех лет, разделяющих президентские выборы»¹⁰.

Нет у республиканской и демократической партий и какой-либо постоянной программы и устава. Программу заменяет предвыборная «платформа». Однако считать этот документ программой невозможно — настолько неопределенны его формулировки. Единственная цель «платформы» — привлечь избирателей. Не приходится удивляться поэтому, что немедленно после выборов о «платформе» все забывают и она покрывается архивной пылью вплоть до следующих выборов, когда ее, подлатав и приспособив к моменту, вновь подсовывают избирателям.

Итак, партия — без постоянных членов и без ясно сформулированной программы, определяющей перед общественностью как ее ближайшие, так и конечные цели.

⁸ V. Perlo, *The Empire of High Finance*, p. 278.

⁹ C. Rossiter, *Parties and Politics in America*, Ithaca, 1960, p. 154.

¹⁰ *Ibid.*, p. 25.

Но что же тогда есть? Есть постоянный аппарат профессиональных политиков различных рангов. Усилия значительной части этих деятелей направлены на организацию избирательных кампаний, в ходе которых в высшие органы государственной власти США, а также в различные местные органы проводятся ставленники крупнейших монополистических объединений, призванные осуществлять свою деятельность единственно в интересах этих монополий. «Партия живет силой своего аппарата, и поэтому аппарат — это главное, а программа — вопрос второстепенный»¹¹, — так весьма откровенно сформулировал отношение к этому вопросу видный американский юрист доктор Дж. Фридрих.

Еще более красноречиво по этому поводу высказывается профессор Тенессийского университета Уильям Гудман в книге «Двухпартийная система в Соединенных Штатах»: «Политическая партия — это организация, члены которой достаточно однородны, для того чтобы вместе выступить за открытую цель победы на выборах, которая дает им право осуществлять правительственную власть, а тем самым пользоваться влиянием, доходами и выгодами власти»¹². Гудман признает, что двухпартийная система чрезвычайно выгодна правящим классам США, ибо смена партий у власти не грозит правящему классу какими-либо неприятностями или ущербом. «Эффективность этой системы с особой очевидностью проявляется в том факте, что обе партии отнюдь не заняты ожесточенной борьбой друг с другом. По окончании выборов в США нет опасности, что побежденные взберутся на баррикады или что победители уничтожат побежденных»¹³. «Имеется тенденция обеих партий и их лидеров становиться все более и более похожими друг на друга. Основная разница между обеими партиями заключается в том, что в один период у власти стоит одна партия, в другой — другая»¹⁴, — пишет проф. У. Гудман.

При всем желании показать различие между двумя партиями проф. К. Росситер в уже цитированной рабо-

---

¹¹ G. J. Eriederich, *Constitutional Government and Democracy*, Boston, 1960, p. 417.

¹² W. Goodman, *The Two-Party System in the United States*, N. Y., 1956, p. 6.

¹³ *Ibid.*, p. 29.

¹⁴ *Ibid.*, p. 52.

те не смог придумать ничего, кроме нижеследующих глубокомысленных определений: «Республиканцы выступают за большую свободу предпринимательской инициативы, против вмешательства государства в экономику, в защиту прав штатов, против социализма»¹⁵. И далее: «Демократы с большей готовностью тратят деньги и поэтому более склонны увеличивать налоги»¹⁶.

По данным научно-исследовательского центра при университете штата Мичиган, 29% взрослых американцев считают себя республиканцами, 44 — демократами, 4 — беспартийными и 23% — независимыми.

Говоря о том, что и республиканская, и демократическая партии США служат одному хозяину, необходимо в то же время со всей определенностью подчеркнуть, что нельзя отрицать вообще существования между этими двумя партиями американского капитала какой-либо разницы, что было бы, безусловно, неправильным и явилось бы вульгарным упрощением.

Различия проявляются в области политической тактики партий, в приемах и методах, к которым прибегают республиканцы и демократы в повседневной политической деятельности.

Защищая интересы одного и того же хозяина, обе партии апеллируют к разным группам населения, опираются на различные социальные слои. Если руководство республиканской партии не считает нужным особенно маскировать свои теснейшие связи с крупным капиталом, то руководство демократической партии тщательно прячет эти связи, всячески использует социальную демагогию, выдает себя за защитницу интересов «маленького человека», прибегает к демагогическим наскокам на крупный капитал, выдвигает лозунги «защиты гражданских прав», сотрудничает с реакционной верхушкой профсоюзов. Именно это дает возможность заправилам американского большого бизнеса в трудные для себя моменты, во время подъема рабочего движения и обострения классово-борьбы, ставить у кормила власти демократическую партию, которая своей социальной демагогией сбивает с толку трудящихся, отвлекает их от борьбы против действительных врагов.

---

¹⁵ C. Rossiter, *Parties and Politics in America*, p. 114.

¹⁶ *Ibid.*, p. 131.

Американский журнал «Нэйшн» следующим образом характеризует слои, на которые опираются республиканская и демократическая партии: «Костяк сторонников республиканской партии состоит из большинства людей высшего класса и верхнего слоя среднего класса на Севере страны, деловых групп, занятых производственными вопросами, из групп предпринимателей (как крупных, так и мелких), непосредственно связанных с производством, и из миллионов традиционных республиканцев, проживающих главным образом в небольших городках Северо-Востока и в районах западнее Аллеганских гор, Республиканская партия не пользуется поддержкой рабочих, городских жителей, групп, получающих низкие доходы, и людей, относящихся к признанным национальным меньшинствам, и не предпринимает достаточных попыток, чтобы добиться их поддержки. И, конечно, она не пользуется поддержкой Юга, который имеет собственные особые отношения с обеими партиями»¹⁷.

Журнал, близкий к так называемому либеральному крылу демократической партии, пытается представить дело таким образом, будто бы демократическая партия является прежде всего партией трудящихся. Такая пропаганда, следует признать, в течение многих лет давала определенный эффект, сбивая с толку наиболее неискушенных в политическом отношении представителей трудящихся.

Однако в последние годы социальная демагогия демократов все чаще дает осечку, все большее количество трудящихся, начиная разбираться в подлинном характере демократической партии, лишает ее на выборах своих голосов. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» произвел любопытный подсчет. По его данным, американские квалифицированные рабочие следующим образом во время избирательной кампании голосовали за демократическую партию: в 1948 году—73%, в 1952 году—53, в 1956 году—44%¹⁸.

Сокращение голосов квалифицированных рабочих, подаваемых за кандидатов демократической партии, отнюдь не свидетельствует о том, что эти голоса переходят к их политическим конкурентам; за исключе-

---

¹⁷ «Nation», 1962, May.

¹⁸ «U. S. News and World Report», 1957, March 29.

нием, быть может, выборов 1952 года, когда известная часть рабочих, обманутых обещаниями Эйзенхауэра, отдала ему свои голоса, за счет сокращения числа голосов, получаемых кандидатами обеих буржуазных партий, резко увеличилось число так называемых абсентеистов, людей, одинаково безразличных к прелестям обеих партий американских монополий.

Весьма знаменательным является тот факт, что в последние годы от выборов к выборам растет число американцев, которые, разуверившись в двухпартийной системе, вообще предпочитают отказываться от участия в голосовании. По данным переписи, во время президентских выборов 1956 года от голосования уклонилось около 40% американских избирателей¹⁹. Проф. Уильям Гудман в своей уже цитированной книге пишет, что в США «наибольший по сравнению с любой другой страной процент людей, имеющих право голоса, не голосует»²⁰.

Уклонение от участия в голосовании приняло в США такие размеры, что власти оказались вынужденными забить тревогу. В конце 1963 года специальная правительственная комиссия, изучавшая вопрос об уклонении американских избирателей от участия в выборах, опубликовала доклад на эту тему. «Более 35 млн. американцев,— констатировал этот доклад,— не воспользовались своим правом голоса на президентских выборах 1960 года»²¹. В докладе приводятся многочисленные соображения о причинах такого явления. Авторы этого документа вынуждены признавать наличие многочисленных барьеров на пути избирателя к урнам. Тут и сложные условия регистрации, и различные открытые и скрытые ограничительные цензы.

В большинстве штатов, констатирует доклад, процедура регистрации избирателей в списках для голосования весьма сложна и неудобна для населения. Так, например, для того чтобы зарегистрироваться, надо поехать в местный суд и выстоять чуть не целый день в очереди. Во многих штатах регистрация избирателей прекращается за месяц до начала выборов, а то и раньше.

Серьезным препятствием, мешающим многим американцам осуществить свое право участия в выборах, явля-

¹⁹ «New York Times», 1956, Dec. 21.

²⁰ W. Goodman, The Two-Party System in the United States, p. 544.

²¹ «New York Times», 1963, Dec. 20.

ется ценз оседлости — требование проживания избирателя постоянно в данной местности в течение определенного срока. Подсчитано, что в 1950 году как не удовлетворяющие этому правилу в выборах не смогли принять участие 4 млн. американцев, в 1954 году — 5 млн. и в 1960 году — 8 млн. американцев.

Каждый год более 20 млн. американцев меняют местожительства, и многие из них, говорится в докладе, теряют право участия в голосовании даже в том случае, если они переехали из одной части города в другую, а иногда с одной стороны улицы на другую.

В американской избирательной практике допускается исключение избирателей из списка, если они не приняли участия в предыдущих выборах. Кроме того, местные власти используют списки избирателей для проведения выборов присяжных заседателей, для налогообложения и в других целях, что очень часто отбивает у многих граждан желание регистрироваться в списках избирателей. В ряде штатов, для того чтобы зарегистрироваться, надо пройти проверку грамотности. Только те, кто умеет читать и писать и имеет образование не ниже шести классов, могут быть внесены в списки. Это требование, которое к тому же толкуется весьма произвольно местными властями, направлено главным образом против негров.

Как правило, выборы в США проводятся в рабочий день и избирательные участки закрываются почти одновременно с окончанием рабочего дня. Это обстоятельство не позволяет многим избирателям, занятым на работе, участвовать в голосовании.

Все это признается в официальном докладе комиссии, назначенной президентом США, и в достаточной степени красноречиво говорит о методах, применяемых буржуазией для отстранения трудящихся от участия в выборах. Но самый важный и знаменательный вывод комиссии заключается в другом. Перечислив все препоны на пути избирателя, комиссия все же вынуждена признать, что главной причиной неучастия избирателей в выборах является то, что «широкие слои американского населения считают, что их голоса не могут оказать влияния на исход выборов, и поэтому проявляют апатию, незаинтересованность и безразличие».

Признание, безусловно, знаменательное и подтверж-

даемое выводами многих специалистов. Так, по мнению проф. У. Гудмана, причины уклонения миллионов американцев от участия в выборах, заключаются в том, что «избиратели не видят принципиальной разницы между двумя партиями. Двухпартийная система, для которой характерны согласие по большинству основных вопросов и споры по мелочам, часто лишает избирателя побудительных причин к голосованию, ибо многие граждане не видят никакой связи между своими интересами и исходом выборов»²².

«Для политической жизни США характерны инертность, апатия, безразличие»²³, — констатирует и проф. Клинтон Росситер.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

Монополистическому капиталу США все труднее удерживать трудящихся в тенетах двухпартийной системы, которая дискредитирует себя все больше. «Хотя демократическая партия,— отмечал орган Коммунистической партии США журнал «Политикл афферс», — действует на социальной базе, которая охватывает широкие слои народных масс, ее классовая сущность тождественна классовой сущности республиканской партии, которая лишь более открыто выражает в политике интересы монополий»²⁴.

Говоря о двухпартийной системе США — о республиканской и демократической партиях, необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство, определяющееся в последние годы: о республиканцах, равно как и о демократах, как о единых партиях ныне можно говорить лишь весьма условно. Различные группировки в этих партиях бывали всегда, но в настоящее время в обеих партиях существуют группы, противоречия между которыми настолько остры, а расхождения настолько глубоки, что они фактически не могут рассматриваться как фракции одной и той же партии. «Блоки, группы, двухпартийные коалиции и непартийная элита представляют в настоящее

²² W. Goodman, The Two-Party System in the United States, p. 552.

²³ C. Rossiter, Parties and Politics in America, p. 24.

²⁴ «Political Affairs», 1952, Aug.

время серьезный вызов партиям»²⁵,— отмечает К. Росситер.

«В настоящее время,— писала газета «Нью-Йорк геральд трибюн»,— в США имеется по крайней мере четыре политических блока — по два в каждой из крупнейших партий. Не считаться с таким положением или скрывать его значило бы уменьшать, а не увеличивать сплоченность... К несчастью, самообманом нельзя сгладить коренных разногласий в каждой из двух главных политических партий»²⁶.

Это было написано в 1953 году. Но по прошествии нескольких лет положение в обеих партиях не только не стабилизировалось, но, наоборот, раскол в них усугубился еще больше. В конце 1957 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» констатировал: «По мере того как обе партии приближаются к президентским выборам 1960 года, раскол в них углубляется. Сенатор-демократ Турмонд на Юге выдвигает план создания независимой от демократов новой партии южан, которая должна самостоятельно участвовать в выборах. В республиканской партии многие консервативно настроенные деятели активно выступают против Эйзенхауэра. Создается такое положение, которое может привести к созданию четырех партий на развалинах двух старых»²⁷.

Журнал «Лук» в январе 1963 года сокрушался: «Беда в том, что на самом деле у нас четыре политических партии, а не две»²⁸. Таким образом, можно констатировать, что речь идет не о каком-то временном, преходящем явлении, а о более или менее стабильной ситуации, наличие которой информированные органы американской печати констатируют на протяжении 1953—1963 годов. Вышеприведенные высказывания американской печати свидетельствуют о существовании двух группировок как в республиканской, так и в демократической партии. Буржуазные обозреватели говорят о «консервативных» и «либеральных» республиканцах, а также о «консервативных» и «либеральных» демократах. Помимо того, что эти ярлыки ровно ничего не выражают и ни о чем не говорят,

---

²⁵ C. Rossiter, *Parties and Politics in America*, p. 51.

²⁶ «New York Herald Tribune», 1953, March 14.

²⁷ «U. S. News and World Report», 1957, Oct. 25.

²⁸ «Look», 1963, Jan. 29.

думается, что они не вполне точно отражают и реально существующее размежевание в обеих партиях, не говоря уже об ориентации основных групп.

Если говорить о демократической партии, то в партии легко различимы по крайней мере три большие группы, причем различий между ними столько, а связи подчас настолько непрочны, что только американская политическая система, с ее более чем произвольным понятием партии, может считать все эти группы принадлежащими к одной и той же партии. В республиканской партии существуют две ярко выраженные группы, но в последние годы в результате развития процесса дальнейшей политической дифференциации и здесь произошли дальнейшие передвижки и наметились уже не две, а три группировки.

Сплошь и рядом бывает так, что различные группировки партии по важнейшим вопросам занимают совершенно различные позиции, выступая совместно с одной из групп другой партии. При этом такое явление стало настолько постоянным, перегруппировка политических сил настолько ярко выраженной и блокирование определенных групп республиканцев с группами демократической партии настолько прочным, что не будет преувеличением сказать, что в настоящее время межпартийный водораздел на американской политической арене идет не столько между республиканской и демократической партиями, сколько внутри них. Не случайно, скажем, правительство Кеннеди — Джонсона в своей законодательной деятельности в конгрессе опиралось и опирается не на голоса конгрессменов — членов демократической партии, а на блок голосующих, представляющих определенную часть демократической партии, поддержанную группой так называемых «новых республиканцев». И наоборот, постоянная оппозиция правительству демократической партии в конгрессе состоит не из конгрессменов-республиканцев, как, казалось бы, должно быть, а из блока так называемых «твердолобых республиканцев» и демократов-южан, именуемых в партии «диксикратами».

Каковы же основные группировки в обеих главных партиях американской буржуазии, каковы их позиции, различия между ними, кто их возглавляет?

В демократической партии, как уже отмечалось, существуют три большие группы. Наиболее влиятельной и

многочисленной в партии является та ее часть, которую иногда именуют традиционной, или центристской. Это типично буржуазная партия, подчас гибкая, стремящаяся искать выхода из многих трудностей американского капитализма на путях усиления государственно-монополистических тенденций, склонная использовать некоторые из тех методов, к которым прибегал Франклин Рузвельт, в своих попытках врачевать американский капитализм, но без присущих Рузвельту широты взглядов и смелости, особенно в вопросах внешней политики. Учитывая те группы населения, к которым партия апеллирует в борьбе за голоса, руководители этого крыла особенно изощрены в социальной демагогии, щедры на различные обещания, они стремятся тщательно прятать связи партии с крупным капиталом. На эту часть партии решающее влияние оказывают северо-восточные группы американского капитала, то есть именно те группы, которые являются наиболее могущественными как в экономическом, так и в политическом отношении. Не в последней степени именно с этим обстоятельством связано то, что традиционное крыло демократической партии является наиболее влиятельной ее частью.

Руководителем этого традиционного крыла демократической партии был в последние годы вплоть до дня гибели Дж. Кеннеди. Среди видных представителей этого крыла партии находятся сенаторы У. Фулбрайт, М. Мэнсфилд, Р. Кеннеди, бывший президент Трумэн, А. Гарриман, С. Саймингтон и др. Президент Л. Джонсон, представляющий много лет в сенате южный штат Техас, ассоциировался многими политическими наблюдателями с группой южан. Однако сам Л. Джонсон в течение последних лет чаще всего действовал совместно с представителями традиционного крыла партии.

Стремясь сохранить на выборах голоса членов профсоюзов, негритянских и фермерских организаций, руководство демократической партии время от времени делает демагогические жесты, вроде провозглашения «программы гражданских прав», обещаний отмены антирабочего закона Тафта — Хартли и т. д. Представители наиболее реакционных монополистических кругов, недовольные подобными обещаниями, образовали в демократической партии реакционную группу так называемых диксикратов. Эта группа, состоящая из «боссов» демократи-

ческой партии в южных штатах страны, отстаивает расистскую теорию в самой примитивной и грубой форме, стоит на позициях крайней реакции.

Впервые диксикраты выступили во время президентских выборов 1948 года, когда они выставили даже собственного кандидата на пост президента. Во время выборов 1952 года диксикраты вновь выступили против кандидата своей партии Стивенсона и отдали голоса выборщиков южных штатов кандидату республиканской партии, чем в немалой степени содействовали ее победе.

Во главе диксикратов стоят бывший государственный секретарь США, а затем губернатор штата Южная Каролина Бирнс, губернатор штата Джорджия Толмедж, бывший губернатор Техаса Шиверс, губернатор штата Луизиана Кенон, губернатор штата Арканзас Фобус, губернатор штата Алабама Уолес, сенаторы Истлэнд, Турмонд и Бэрд. Эта группа активно выступает против предоставления каких бы то ни было прав неграм, что в демагогических целях для привлечения голосов избирателей-негров вот уже много лет туманно обещает руководство демократической партии.

Однако было бы неправильно сводить всю программу диксикратов, как это часто делает американская печать, только к негрофобству представителей южных штатов, где особенно сильны расистские предрассудки. Подобная версия выдвигается для того, чтобы замаскировать те силы, которые стоят за спиной этой группировки демократической партии. Диксикраты выступают не только против предоставления каких-либо прав неграм, но и вообще против каких бы то ни было уступок трудящимся. Они активно поддерживают драконовский антирабочий закон Тафта — Хартли и другие антирабочие мероприятия.

Такая позиция этой группировки объясняется тем, что за ее спиной стоят монополистические круги, в частности монополисты южных штатов, а также Рокфеллеры, Меллоны и др., которые поддерживают самых махровых реакционеров на политической арене США. Не случайно именно Хант, Мэрчисон, Ричардсон и другие техасские магнаты обеспечили карьеру Маккарти, а после его смерти пестуют деятелей типа обермракобеса Истлэнда, не случайно и то, что именно диксикраты и их действия связываются большинством беспристрастных обозревателей

с трагическими событиями, разыгравшимися в одной из их цитаделей — Далласе в ноябре 1963 года.

Следует отметить, что влияние диксикратов в целом ряде учреждений Вашингтона, в частности в сенате, чрезвычайно велико. Американский автор У. Уайт, написавший работу о сенате США, отмечает ведущую роль, которую играют в этом органе политические деятели, связанные с диксикратами. «Засилье южан в сенате настолько ярко выражено и настолько постоянно — иной раз фактически, иной раз по духу, что сенат можно назвать, не впадая в противоречие с фактами, реваншем Юга за поражение в гражданской войне»²⁹. Сказано, конечно, сильно, но, безусловно, не без оснований.

И, наконец, третья группировка в партии — так называемое либеральное крыло. Его базой являются многие круги состоятельной интеллигенции, что, несмотря на незначительность этой части партии, делает ее в достаточной степени влиятельной, своеобразной фабрикой идей. Руководители этого крыла, поддерживая общую политику партии, тем не менее расходятся с ее лидерами по ряду вопросов. Это крыло находится под известным влиянием профсоюзных, фермерских и негритянских организаций, голосующих за кандидатов этой партии. Деятели его близки по своим взглядам к рузвельтовскому «новому курсу» и склонны сотрудничать с консервативной профсоюзной верхушкой АФТ — КПП. Руководителями этой части партии являлись Элеонора Рузвельт, до своей смерти в 1963 году сенатор Лимэн, Э. Стивенсон, Франклин Рузвельт-младший, Губерт Хэмфри, сенатор У. Морзе и др., а также некоторые руководители АФТ — КПП, такие как Рейтер, Дубинский.

Журнал «Форчун», отражающий взгляды крупномонополистических кругов, явно сгущая краски, даже приписал профсоюзным лидерам руководство этой группой. «Новое крыло демократической партии, — писал журнал, запугивая своих читателей, — которое быстро формируется, возглавляет профлидер Рейтер. В эту группу входят губернаторы: Рибиков из Коннектикута, Фуркало из Массачусетса, Мейнер из Нью-Джерси, Маски из Мэна, Лидер из Пенсильвании, Уильямс из Мичигана, Фримэн

---

²⁹ W. White, Citadel (The Story of the U. S. Senate), N. Y., 1957, p. 68.

из Минесоты, Роселлини из Вашингтона, а также сенаторы Губерт Хэмфри, Ричард Нейбергер, Джозеф Кларк и некоторые другие»³⁰.

Эта группа демократической партии в большей степени, чем другие, реагирует на давление масс, учитывая, что партия не сможет сохранить в дальнейшем за собой голоса многих избирателей, особенно членов профсоюзов и избирателей-негров, если не будет хотя бы на словах выступать за реформы и улучшение положения народных масс. Представители либерального крыла считают, что растущую тревогу среди рабочего класса нельзя игнорировать, что необходимо пойти на некоторые уступки для того, чтобы сохранить голоса рабочих и фермеров.

Было бы неправильно не видеть расхождений, существующих между этой группой партии и остальной ее частью. «Эти различные группировки,— писал орган Коммунистической партии США журнал «Политикл афферс»,—имеют общие точки зрения, основанные на поддержке общих целей американского империализма, но игнорировать реальные расхождения, существующие между ними по целому ряду важных вопросов, это значит не считаться с действительностью. Это значит упустить величайшую возможность расширения массовой базы сопротивления реакции»³¹.

Значение этой части партии для демократической партии в целом очень велико. Именно эта часть создает тот «образ партии», который помогает ей удерживать до поры до времени голоса трудящихся, создавать видимость серьезного отличия от «этих реакционных республиканцев», именно здесь рождаются многие хитроумные политические проекты, позволяющие демократам сохранять свое влияние на массы. Именно это крыло дает основание для части буржуазных пропагандистов проводить параллель между английскими лейбористами и другими социал-демократическими партиями Западной Европы и американской демократической партией.

Эту роль либерального крыла отлично осознают руководители партии. Именно поэтому традиционное и либеральное крыло партии, несмотря на частые перебранки

---

³⁰ «Fortune», 1957, Dec.

³¹ «Political Affairs», 1954, Jan.

и размолвки, прочно и постоянно сотрудничают, сохраняя не показное, а действительное единство, в отличие от диксикратов, которые лишь формально могут считаться входящими в демократическую партию.

Основное крыло республиканской партии, представители которого в годы правления Эйзенхауэра сплотились под лозунгом «нового республиканизма», мало чем отличается от традиционной части демократов. Термин «новый республиканизм» в свое время использовался еще Теодором Рузвельтом. Точного определения нынешнего «нового республиканизма» и его отличия от старого ни Эйзенхауэр, ни его ближайшие сподвижники не дают, хотя оперируют им направо и налево. Единственным указанием в этом отношении можно считать книгу одного из членов республиканской администрации, составителя многих речей Эйзенхауэра, заместителя министра труда в его правительстве Ларсена. Эта книга, носящая название «Взгляд республиканца на свою партию»³², была одобрена Эйзенхауэром как «правильное выражение» его взглядов.

В основе всей социальной демагогии Ларсена, изложенной в его книге, лежит уже потрепанная идея гармонии между трудом и капиталом. По его словам, в середине 90-х годов XIX в. государство действовало против труда; в середине 30-х годов, то есть в период «нового курса» Франклина Рузвельта, — против бизнеса. И только правительство Эйзенхауэра, якобы найдя некую точку равновесия сил, стало действовать на благо и труда, и капитала. Идея «гармонии» далеко не оригинальна. Сравнительно новым для теоретика республиканской партии является открытое признание необходимости сохранить основные социальные реформы Рузвельта, которые до недавнего прошлого республиканцы поносили как «вподзание в социализм». Демократическая партия, по Ларсену, безнадежно расколота на две части — на либералов и консерваторов и не может обеспечить упомянутой гармонии между трудом и капиталом. Поэтому республиканская партия, если только она будет выдвигать своими кандидатами на выборах людей, разделяющих новореспубликанскую философию Эйзенхауэра — Ларсена, будет правящей партией США многие десятилетия.

---

³² См. A. L a r s o n, A Republican Looks at His Party, N. Y., 1956.

Таким образом, «новый республиканизм» — это попытка некоторой модернизации американского консерватизма, попытка несколько подкрасить его фасад, не меняя сколько-нибудь серьезно традиционного характера этой ультрареакционной партии. Даже такой консервативный орган, как журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», констатировал, что «новый республиканизм» Эйзенхауэра созрел, по меньшей мере частично, не только в овальном кабинете президента в Белом доме, но и в ущельях «делового Манхэттена»³³. Не случайно после ухода Эйзенхауэра знамя «нового республиканизма» подхватил не кто иной, как Нельсон Рокфеллер.

За этим крылом республиканской партии стоят те же промышленно-финансовые круги, которые поддерживают традиционное крыло демократов. Именно этим и объясняется значительная идентичность многих позиций этих двух частей республиканской и демократической партий. Интересы банков и корпораций Уолл-стрита лежат в основе многих программ и мероприятий этих партийных групп.

Видную роль в этом крыле республиканской партии играет известная своей продажностью и коррупцией политическая машина Томаса Дьюи, в течение нескольких лет занимавшего пост губернатора штата Нью-Йорк и являющегося политической марионеткой Рокфеллеров. В последние годы руководство этой машиной взял на себя сам Н. Рокфеллер. Став губернатором штата Нью-Йорк, Нельсон Рокфеллер всемерно использует машину Дьюи и политические способности его самого. Влияние машины Дьюи выходит далеко за пределы штата Нью-Йорк и распространяется на всю страну. Выдвинутый на американскую политическую арену банком Лимэна, Дьюи вскоре стал важным политическим орудием группы Рокфеллеров. В течение многих лет зять Джона Рокфеллера Олдрич является главным патроном Дьюи и источником тех огромных средств, которые сделали политическую машину Дьюи серьезным рычагом влияния Уолл-стрита на республиканскую партию.

Виднейшими представителями этого крыла республиканской партии являются в настоящее время бывший президент Д. Эйзенхауэр, а также такие нынешние претен-

---

³³ «New York Times Magazine», 1957, Febr. 3.

денты на этот пост, как Н. Рокфеллер, Г. Стассен, Д. Ромни, Г. Лодж и ряд других. Такой деятель, как бывший вице-президент Р. Никсон, занимает промежуточную позицию между этой частью партии и ее крайне правым крылом.

«Новый республиканизм» в республиканской партии — явление действительно в известной степени новое и знаменательное. Не так уж давно, в довоенный период, наибольшим влиянием в этой партии — фаворите большого бизнеса пользовалась группа, и по сей день именуемая «старой гвардией», — откровенные и крайние реакционеры, не скрывавшие своей ненависти к трудящимся. Однако ныне, в условиях растущей активности масс, открытое демонстрация своей реакционности и бравирование ею стали опасными.

Поэтому даже республиканская партия, хотя и в меньшей степени, чем демократическая, стала прибегать к политической мимикрии, к маскировке своих наиболее реакционных групп. Другая причина появления «нового республиканизма» — изменение обстановки, сложившейся в мире, от чего не в состоянии отмахнуться даже твердолобые представители американской буржуазии. Речь идет не о смене целей, а о некоторой модернизации методов.

Ход этого процесса своеобразного приспособления республиканской партии к новой ситуации привел к тому, что некоторая небольшая и не очень четко определившаяся ее часть в начале 60-х годов проявила тенденцию продвинуться несколько дальше «нового республиканизма». В партийной верхушке республиканцев появились деятели, которых называют «либералами-республиканцами». К их числу относят, в частности, председателя Верховного суда США Э. Уоррена, сенатора Д. Джавитса, губернатора штата Пенсильвания У. Скрэнтонна.

«Либерализм» этой группы — понятие более чем относительное и не имеющее ничего общего не только с подлинным либерализмом, но и с тем, что имеет место в демократической партии. Именно наличие такого крыла в демократической партии и его отсутствие у республиканцев является одним из наиболее существенных отличий между этими двумя партиями большого бизнеса. Эта группа достойна особого упоминания лишь как показательная тенденция вынужденного приспособления к

новой ситуации даже такой организации, как республиканская партия США.

«Старая гвардия» — крайне правая часть республиканцев. Об ориентации этой части республиканцев достаточно красноречиво говорят названия, которые ей дают даже в американской буржуазной прессе — «неандертальцы», «троглодиты» — определения достаточно красноречивые. Правые республиканцы — это фактически легальная агентура нынешнего фашиствующего движения американских «ультра» на политической арене США.

За этим крылом республиканской партии стоят реакционные монополистические группы, особенно из числа «молодых». Это объясняется рядом причин, не последнее место среди которых играет, во-первых, то, что «молодые» группы, не имеющие или почти не имеющие капиталовложений за рубежами США, заинтересованы в особенно безжалостной эксплуатации американского рабочего класса, в особенно жестоком подавлении его борьбы, орудием чего они и считают организации «ультра», и, во-вторых, то, что новые группы монополистов, учитывая, что Уолл-стрит прибрал к рукам наиболее влиятельные группы в обеих буржуазных партиях, стремятся сделать своим политическим орудием организации «ультра» и их политических представителей в республиканской партии.

Правое крыло республиканской партии уже несколько десятилетий тесно связано со среднезападным объединением финансового капитала, издавна бывшим опорой «изоляционизма» и питающим после второй мировой войны так называемые «неоизоляционистские тенденции» в партии. При помощи деятелей этого крыла республиканцев часто действуют также юго-западные и тexasские монополисты.

Многие американские политические деятели считают, что именно это крыло оказывает определяющее влияние на внешнеполитический курс республиканской партии. Автор книги «Новый изоляционизм (исследование политической борьбы и внешней политики США с 1950 г.)» проф. Н. Грэнбер пишет: «В целях обеспечения единства республиканской партии крыло республиканцев, возглавляемое Эйзенхауэром, было вынуждено пойти на прямые уступки неоизоляционистам во главе с Тафтом и Ноулэндом, захватившим к тому же на выборах 1952 года большинство в республиканской фракции конгресса. Ре-

зультатом этого компромисса была, в частности, политика развязывания рук гоминдановцам на Тайване и др»³⁴.

Силой правого крыла партии является в значительной степени то, что оно опирается на многолетние традиции «республиканской твердолобости», а также на то, что многие виднейшие представители этого крыла, как хранители этих традиций, держат в своих руках важные позиции в партийном аппарате. Говоря о влиятельности этой группировки, журнал «Нью рипаблик» писал: «Чем больше изучаешь республиканскую партию сегодня, тем яснее представляешь, что ее больше нет. Кажется, что она владеет постом президента, но президент не является человеком, проникнутым традиционным духом этой партии. Она имеет лишь ясно выраженное правое крыло, но в остальном ее структура не ясна»³⁵.

На протяжении многих лет наиболее видным представителем и руководителем этого крыла республиканской партии был сенатор от штата Огайо Роберт Тафт, пытавшийся добиться выдвижения своей кандидатуры на пост президента в 1952 году. После его смерти виднейшими представителями этого крыла являлись бывший президент Г. Гувер, сенатор Бриджес, бывший сенатор Ноулэнд. Одним из главных действующих лиц среди правых республиканцев в 50-х годах был Маккарти. Некоторое время к этому крылу причисляли и Р. Никсона. Немалую роль среди правых республиканцев играл генерал Д. Маккартур, газетные магнаты полковник Маккормик и Херст. В последние годы роль руководителя правых республиканцев все больше играет один из наиболее реакционных политических деятелей США сенатор от штата Аризона Барри Голдуотер.

Следует сказать, что в последние годы вместе с активизацией движения американских «ультра» и в связи с теми же процессами, которые лежат в основе этой активизации, активизировалось и правое крыло республиканской партии. Нельзя считать случайным то обстоятельство, что его лидер Голдуотер был выдвинут кандидатом на пост президента.

О том, насколько серьезно усиление позиции крайне правого крыла в республиканской партии, можно судить

³⁴ N. Graebner, *The New Isolationism (A Study in Politic and Foreign Policy since 1950)*, N. Y., 1956, p. 221.

³⁵ «New Republic», 1955, Jan. 10.

по весьма характерной статье влиятельного деятеля этой партии сенатора Джекоба Джавитса, озаглавленной «Сохранить двухпартийную систему», с которой он выступил осенью 1963 года в «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Подзаголовок статьи содержит ее главную мысль: «Рост влияния крайне правых угрожает привести к таким изменениям в характере республиканской партии, которые могут преобразить американскую политику в целом»³⁶. Говоря об усилении группы Голдуотера, Джавитс бьет тревогу по поводу того, что «мы можем преобразовать нашу партию таким образом, который радикально изменит сложившуюся двухпартийную систему и в равной степени всю американскую политику»³⁷. Не вдаваясь в выяснение вопроса, каким образом раскол республиканской партии изменит «всю американскую политику», констатируем лишь то, что один из руководителей партии считает, что сила крайне правых возросла настолько, что угрожает существованию республиканской партии как единого целого.

Как видим, вывод о том, что политический водораздел идет ныне не между двумя буржуазными партиями, а внутри них, подтверждается видными представителями этих партий.

О том же и не менее резко заявил и другой руководящий деятель республиканской партии, Нельсон Рокфеллер. Явно метя в Голдуотера, своего политического конкурента и лидера «троглодитов», Н. Рокфеллер писал: «Сейчас стало совершенно очевидным, что горластые и вымуштрованные экстремистские элементы, пробивающие себе путь в республиканскую партию, фактически исполнены решимости, не считаясь со средствами, одержать верх над партией, ее платформой и ее кандидатами, выдвигая свои собственные условия.... Не могут не вызвать глубокого беспокойства результаты работы недавнего национального съезда федерации молодых республиканцев в Сан-Франциско. Все объективные наблюдатели на съезде в Сан-Франциско сообщали, что на заседаниях господствовала группа экстремистов, тщательно организованная и действующая с помощью тактики безжалостного и грубого запугивания. Это тактика тоталитарная».

---

³⁶ «New York Times Magazine», 1963, Oct. 27.

³⁷ *Ibid.*

литаризма»³⁸. Можно представить себе методы правых, если даже Н. Рокфеллер квалифицирует их как «тоталитаризм».

Н. Рокфеллер, правда, пытается утешить республиканцев тем, что и у демократов дела, дескать, обстоят не лучше. «Демократическая партия, — по его свидетельству, — не является единой партией в принципе, а в действительности представляет собой две оппортунистические партии, действующие в противоположных направлениях»³⁹. О том, насколько далеко у республиканцев зашел процесс размежевания, свидетельствуют результаты съезда партии в Сан-Франциско летом 1964 года и переход руководства партии в руки правого крыла. Но об этом речь впереди.

Таким образом, противоречия между монополистическими объединениями США сказываются внутри обеих основных буржуазных политических партий США, находя свое конкретное выражение в существовании в них соперничающих между собой политических фракций.

---

³⁸ «New York Times», 1963, Aug. 15.

³⁹ *Ibid.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ НА СЛУЖБЕ МОНОПОЛИЙ

1. МОНОПОЛИИ И КОНЦЕНТРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Приход к власти в конце 1952 года республиканской партии не следует рассматривать как простую смену правительства. Значительное усиление трудностей для американского монополистического капитализма как внутри страны, так и за ее пределами привело к тому, что крупный капитал США счел необходимым в еще более значительной, чем прежде, степени усилить подчинение себе государственного аппарата. Одним из серьезных последствий прихода к власти республиканской партии было резкое усиление сращивания американского государственного аппарата с крупнейшими монополиями страны, процесса, получившего особенно яркое выражение в 1953 году и характерного для всего последующего периода вплоть до настоящего момента. «На стадии империализма широкое развитие получает государственно-монополистический капитализм,— подчеркивает Программа КПСС.— Образование и рост монополий приводят к непосредственному вмешательству государства в процесс капиталистического воспроизводства в интересах финансовой олигархии. В ее интересах буржуазное государство проводит разного рода регулирующие мероприятия,

использует огосударствление отдельных отраслей экономики. Мировые войны и экономические кризисы, милитаризм и политические потрясения ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический»¹.

Следует подчеркнуть, что характерной чертой официального Вашингтона последних лет, непосредственно связанной с таким подчинением, является быстрый рост бюрократического государственного аппарата. Как сообщают авторы книги «Американская система управления», в Вашингтоне имеется около 70 федеральных департаментов и агентств, насчитывающих свыше двух тысяч бюро, отделов, подотделов и пр. Впрочем, авторы книги отнюдь не осуждают разбухания бюрократического аппарата. «XX век,— пишут они,— научил нас, что для достижения многообразных целей нашего общества необходим большой аппарат. Это верно как в отношении бизнеса, труда и сельского хозяйства, так и в отношении правления»².

О том, каков этот аппарат, в каком направлении действует и каким целям служит, с большой степенью откровенности говорит профессор Северо-Каролинского университета Флloyd Хантер в книге «Руководство США». «Функции политических центров в большинстве общин,— пишет он,— и в национальном масштабе перешли к крупнейшим боссам-дельцам, которые соответственно их материальным интересам продвигают те или иные предложения»³.

Программа КПСС, принятая XXII съездом, особо подчеркивает процесс государственно-монополистической бюрократизации в капиталистических странах. «Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. Резко усиливается бюрократизация всей хозяйственной жизни. Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-ос-

---

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 26.

² S. Bailey, H. Samuel, S. Baldwin, Government in America, N. Y., 1957, p. 390.

³ F. Hunter, Top Leadership, p. 213.

вободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»⁴.

Подчинение американского государственного аппарата монополиям, неприкрытое хозяйничанье монополистов в правительственных органах уже давно приобрели в США особенно значительные размеры, превосходящие подобные процессы, имеющие место в других капиталистических странах. Причины этого заключаются в особенно высокой степени монополизации и концентрации производства, имеющей место в Соединенных Штатах Америки. «Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни...»⁵, — указывал В. И. Ленин.

Стремительно растущая концентрация привела к появлению специальной литературы, которая старается доказать, что высокая степень монополизации, дескать, выгодна американцам. К такой литературе относится, в частности, книга видного буржуазного экономиста и предпринимателя Дэвида Лилиентала «Большой бизнес: новая эра». «Нам необходимо понять, — пишет Лилиенталь, — каким огромным социальным плюсом являются крупные масштабы». «Огромные масштабы являются основной и выдающейся чертой нашего бизнеса». Приводя всевозможные «доводы», долженствующие доказать пользу монополизации для американцев, Лилиенталь, забывшись, приводит и такой довод: «Производительность при производстве громадного количества вооружений является важным критерием полезности крупных предприятий»⁶.

Другая часть буржуазных пропагандистов прибегает к иному приему, утверждая, что хотя размеры концентрации действительно велики, но монополия, дескать, коренным образом изменила свой характер. Один из таких апологетов монополий М. Лернер в книге «Американская цивилизация» пишет: «Раньше были «титаны», столь хорошо описанные Драйзером. Теперь великих капиталистов сменили акционерные компании. Корпорации распы-

---

⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 26—27.

⁵ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 355.

⁶ D. Lilienthal, Big Business: a New Era, N. Y., 1953, pp. 33, 99.

лили капиталистическую собственность среди миллионов мелких акционеров»⁷. И далее: в результате «произошла революция в области собственности. Частная собственность осталась частной в том смысле, что она не стала государственной, но она перестала быть собственностью отдельных лиц и стала собственностью корпораций»⁸.

То же пытается доказать и видный американский историк и социолог А. Берль, эксперт по правовому положению корпораций, занимавший в правительстве Эйзенхауэра пост помощника государственного секретаря. Свою книгу, вышедшую в 1959 году, Берль назвал «Власть без собственности (Новое развитие американской политической экономии)».

Берль пишет, что в XX веке США претерпели «капиталистическую революцию», сущность которой сводится к концентрации экономического могущества в руках небольшой группы крупнейших корпораций, построенных на акционерных началах. В силу этого экономика США приобрела якобы «коллективистский характер» и ее можно называть «народным капитализмом», «индустриальным обществом», «коллективистским обществом» или даже «негосударственным социализмом»⁹.

Несостоятельность и фальшь всех этих ухищрений буржуазных ученых очевидны. Всем известно, что в корпорациях царит все та же группа монополистов, а сказки о «народном капитализме» и миллионах акционеров, контролирующих корпорации, не обманывают никого.

В. И. Ленин в своих работах до конца вскрыл сущность влияния монополий на жизнь капиталистического общества. «Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии (монополии, вырастающей на базе создания финансового капитала. — В. З.)»¹⁰. Усиление монополизации своим неперенным следствием имеет подчинение государственного аппарата монополиям, образова-

---

⁷ M. Lerner, *America as a Civilization*, N. Y., 1957, p. 291.

⁸ *Ibid.*, p. 302.

⁹ A. Berle, *Power without property (A New Development of American Political Economy)*, N. Y., 1959, p. 76.

¹⁰ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 421.

ние государственно-монополистического капитализма. Империализм, по указанию В. И. Ленина, есть и «эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм»¹¹.

Сущность государственно-монополистического капитализма заключается в непосредственном подчинении буржуазной государственной машины монополистическому капиталу, использующему империалистическое государство в качестве важнейшего орудия обеспечения максимальных прибылей крупнейшим капиталистическим монополиям и укрепления господства монополистического капитала.

«Государственно-монополистический капитализм не меняет природы империализма. Он не только не изменяет положения основных классов в системе общественного производства, но и углубляет пропасть между трудом и капиталом, между большинством нации и монополиями. Попытки государственного регулирования капиталистического хозяйства не способны устранить конкуренцию и анархию производства, не могут обеспечить планомерного развития хозяйства в масштабе общества, ибо основой производства остаются капиталистическая собственность и эксплуатация наемного труда. Буржуазные теории о «бескризисном» и «планируемом» капитализме развеяны в прах всем ходом развития современной капиталистической экономики. Диалектика государственно-монополистического капитализма такова, что вместо укрепления капиталистической системы, на что рассчитывает буржуазия, он еще больше обостряет противоречия капитализма, расшатывает его до основания. Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма»¹².

Прибирая к рукам государственный аппарат, капиталистические монополии все шире используют содействие капиталистического государства в деле увеличения максимальных прибылей крупнейших монополий. Это содействие выражается в том, что государство, подчиненное капиталистическим монополиям и отражающее их интересы, становится мощным дополнительным фактором

¹¹ В. И. Ленин, Государство и революция, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 33.

¹² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 27.

усиления эксплуатации трудящихся масс и большинства населения капиталистических стран монополистическим капиталом, обнищания и разорения путем грабительских налогов — прямых и косвенных, тяжелым бременем ложащихся на народные массы, путем безудержной инфляции и хищнического расходования средств государственного бюджета, путем так называемого вмешательства в экономическую жизнь.

2. ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВАШИНГТОН

Для подчинения государственного аппарата, для навязывания ему своей воли, для проведения через государственные органы необходимых мероприятий американский капитал использует различные средства и методы, облакает их в различные формы. Большую роль в проведении через государственные органы воли монополий играют организации американского крупного капитала, и в первую очередь Национальная ассоциация промышленников и Американская торговая палата.

Центральным звеном предпринимательских организаций является **Национальная ассоциация промышленников (НАП)**. Она была учреждена в 1895 году представителями почти трехсот ведущих промышленных компаний, а сейчас насчитывает 21 801 члена. Среди ее членов — самые крупные промышленные фирмы и корпорации (за исключением Фордов), производящие свыше 75% всей промышленной продукции США, а также менее мощные торгово-промышленные организации. Руководящим ядром ассоциации является небольшая группа представителей большого бизнеса, в частности дюпоновские, моргановские, рокфеллеровские компании.

Всю деятельность Национальной ассоциации промышленников направляют крупнейшие монополисты, использующие с этой целью своих явных и тайных представителей в органах НАП.

Действовавшая в 30-х годах комиссия сенатора Лафоллета отмечала в своих документах, что еще в 1918 году в недрах НАП появился особый так называемый специальный совещательный комитет, деятельность которого всегда держалась в глубокой тайне. В комитете были

представлены моргановские «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал электрик» и «Америкен телефон энд телеграф компани», рокфеллеровская «Стандард ойл компани (Нью Джерси)», дюпоновские «Дженерал моторз», «Дюпон (Е. И.) де Немур энд компани» и «Юнайтед Стейтс раббер компани», меллоновская «Вестингауз электрик корпорейшн», принадлежащая чикаго-кливлендской группе монополистов «Интернэшнел харвестер компани» и «Гудйир тайр энд раббер компани». Комитет разрабатывал основные решения в области внутренней и внешней политики, которые проводились в жизнь через органы НАП и агентов этих монополий в правительстве.

Руководство Национальной ассоциацией промышленников осуществляется преимущественно представителями очень небольшой группы крупных промышленных фирм. Действительное положение таково, что с 1933 по 1946 год 125 корпораций занимали 63% мест в правлении, 88% мест в финансовом комитете и 52% главных административных должностей. Эта группа составляет примерно 0,8% нынешнего состава членов и никогда не превышает 4%. Как видно, роли в самой Национальной ассоциации промышленников распределены по силе, по капиталу входящих в нее монополий.

Длительное время в руководстве НАП находятся представители атомно-химической империи Дюпонов. Один из них в течение ряда лет был почетным вице-председателем НАП. Его сменил Джон Макговерн, который в 1961 году занимал пост президента НАП, а сейчас является председателем совета директоров этой организации. Важную роль в руководящих органах НАП играет моргановская группировка, представитель которой Ральф Кординер известен как один из творцов политики Ассоциации.

Решения НАП по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики страны в течение ряда лет принимались на неофициальных заседаниях так называемого особого совещательного комитета, существовавшего по крайней мере до 1947 года. В последние годы появилась новая форма, с помощью которой крупнейшие монополии совместно вырабатывают свои политические требования. Место особого совещательного комитета заняли тайные совещания крупнейших монополистов. Эти совещания

приобрели регулярный характер и проводятся 2—3 раза в год.

Монополии превратили НАП в свой главный штаб, активно влияющий на политику государства. Национальная ассоциация промышленников известна как организация «консервативная, интерпретирующая свои интересы крайне узко, а интересы государства — с точки зрения своих собственных»¹³, — пишет американский буржуазный социолог проф. Д. Бродан, как «наиболее воинственная в защите своих позиций и наиболее агрессивная в своей тактике»¹⁴, — по характеристике другого социолога, Х. Цанка.

В докладе правления НАП, опубликованном в 1950 году, говорится, что «Национальная ассоциация промышленников стремится поощрять наибольшее единство среди американских промышленников в разработке общих проблем... Ассоциация, — подчеркивается в этом документе, — является общенациональной организацией, в которой промышленники всех отраслей экономики, кристаллизируя свои взгляды, вырабатывают политику и программы по текущим проблемам»¹⁵.

НАП — весьма влиятельная политическая сила в стране. Государственные деятели США часто консультируются с руководством НАП. На ее съездах обычно присутствуют члены правительства, в частности на 66-м съезде НАП, в декабре 1961 года, присутствовал и выступал президент США Дж. Кеннеди. В связи с этим американская пресса писала, что после выступления президента США Маккинли на съезде НАП в 1897 году никто из других глав государства не решался на такой шаг.

Формально высшим органом НАП является общее ежегодное собрание (съезд) ее членов. Собрание заслушивает отчеты руководящих органов НАП и определяет дальнейший курс ассоциации в основных вопросах. Но фактически все нити управления организацией сосредоточены в избираемом на один год правлении НАП или совете директоров и в исполнительном комитете. Правление НАП определяет ее позицию по конкретным вопросам и утверждает рекомендации ее постоянных комитетов.

¹³ D. W. Brogan, *Politics in America*, N. Y., 1960, p. 316.

¹⁴ H. Zunk, *Government and Politics in the United States*, N. Y., 1961, p. 236.

¹⁵ «NAM News», 1950, May 6.

Исполнение решений и текущая работа лежат на исполнительном комитете (17 членов), возглавляемом президентом организации.

Важными звеньями в структуре НАП являются ее постоянные комитеты. В связи с тем, что в последние годы НАП, маскируя свои цели, отказалась от принятия официальных резолюций на съездах, значительная часть работы по выработке политики этой организации в конкретных вопросах перенесена в комитеты. Это превратило их в важные рычаги контроля монополий над внутренней и внешней политикой страны.

В комитетах и подкомитетах НАП работают 3600 представителей промышленных компаний. Комитет НАП по вопросам национальной обороны готовит предложения правительству по милитаризации экономики, содействует получению монополиями военных заказов. Как отмечает орган ассоциации бюллетень «НАМ ньюс», в обязанности комитета входят «изучение и действия», касающиеся «организации обороны и связанных с ней мероприятий». Комитет по ядерной энергии занимается вопросами законодательства и регулирования в области ядерной энергии. Комитет по международным экономическим отношениям направляет внешнеэкономическую экспансию США и ведает «помощью» развивающимся странам, которая стала составной частью империалистической политики.

Комитет НАП по промышленным проблемам, по свидетельству бюллетеня «НАМ ньюс», «рассматривает широкий круг экономических проблем государства, касающихся правительственного регулирования и контроля над промышленностью». Одна из сторон деятельности этого комитета состоит в изучении способов обхода так называемого «антитрестовского» законодательства, которое, впрочем, и без того служит лишь средством обмана трудящихся и мелкой буржуазии.

Комитет по правительственной экономике, как говорится в положении о нем, «имеет своей первоочередной задачей контроль над федеральными расходами и наблюдение за тем, чтобы операции федеральных учреждений не выходили за пределы их компетенции». Он готовит также свои рекомендации относительно проектов бюджета федерального правительства. Комитет по налогам «изучает систему и детали налогового законодательства государства». Цель комитета: взвалить как можно боль-

шую часть налогового бремени на трудящихся и мелких собственников. Характеризуя деятельность этого органа, руководители ассоциации указывают, что налоговый комитет координирует свою работу с другими органами деловых кругов и «стремится обеспечить руководство в деле обеспечения единого мнения бизнеса относительно «регулирования налогообложения». В каком направлении идет это «регулирование», известно. Накануне прихода к власти правительства республиканской партии промышленник Х. Руффин, занимавший в ту пору пост президента НАП, выступил с предложением снизить налоги на корпорации, поскольку они якобы не могут платить налоги за счет своих прибылей, так как это отрицательно сказывается на деятельности промышленности. В то же время президент НАП предложил провести дальнейшее расширение базы федеральной налоговой системы, иными словами, новое повышение налогов на трудящихся. «Группы нажима, — пишет профессор северо-западного университета Генри Реус, — действуют активно и эффективно, постоянно изменяя налоговые законы США... Эту борьбу ведет мощный капитал, пытающийся отделаться от налогового бремени... Конгресс реагирует на такой нажим путем предоставления льгот отдельным лицам, отраслям промышленности и экономическим группам»¹⁶.

Комитет по вопросам рынка определяет рамки государственного регулирования торговли. Комитет по естественным ресурсам оберегает интересы монополий в использовании вод, земли, леса и минеральных богатств страны. Комитет по вопросам отношений в промышленности определяет политику монополий в области организованного рабочего движения и является инициатором антирабочего законодательства. Комитет здравоохранения и обеспечения служащих занимается лишь административным и инженерно-техническим персоналом корпораций. Комитету по исследованиям отведена роль координатора (разумеется, в пределах, допускаемых условиями конкуренции) научно-исследовательской деятельности монополий и обмена научно-технической информацией. Комитет по патентам также является координирующим органом в своей области.

---

¹⁶ «Congressional Records», 1955, May 24, p. A 3612.

Национальная ассоциация промышленников имеет свои органы, держащие постоянную связь с правительством и передающие ему «рекомендации» НАП. Такие функции выполняют имеющие в системе НАП особое значение специальный консультативный комитет НАП по связи с правительством и филиал центрального аппарата НАП в столице США.

Этот последний орган координирует и направляет деятельность так называемых лоббистов, агентов крупнейших монополистических объединений, проталкивающих через конгресс и правительственные органы те или иные законопроекты и сделки, и осуществляет нажим на государственных служащих и конгрессменов. О направлении, в котором действует этот орган, можно судить по меморандуму, представленному им в конце 1959 года экономической комиссии конгресса. «Непрерывные требования повышения расходов на рабочую силу,— говорится в этом документе,— являются результатом чрезмерной власти в руках организованных рабочих, и с этим положением нужно решительно бороться»¹⁷. Что имелось в виду под этим предложением, заправила НАП разъяснили на состоявшемся в декабре 1959 года 64-м съезде этой организации, с трибуны которого было прямо заявлено о «недостаточности закона Тафта — Хартли» и о необходимости принятия новых законов, направленных на борьбу против стачечного движения американских трудящихся.

Проф. Д. Блейсделл, автор труда, названного им «Американская демократия под давлением»¹⁸, пишет о том, что НАП тратит на «давление на конгрессменов» огромные суммы. Даже приводимые им официальные, конечно преуменьшенные, данные показывают, что на такого рода деятельность НАП ежегодно тратит около 150 млн. долл. При этом, по словам Блейсделла, используются самые разнообразные формы — организация пропагандистских кампаний, имеющих целью обработку общественного мнения в пользу принятия тех или иных законопроектов, сбор необходимой информации и воздействие на должностных лиц во время встреч и банкетов, подготовка законопроектов и проведение их через кон-

¹⁷ «New York Times», 1959, Nov. 2.

¹⁸ D. Blaisdell, *American Democracy under pressure*, N. Y., 1957.

гресс с помощью «обработанных» конгрессменов и т. д.

Деятельность НАП распространяется на всю страну, на всю внутреннюю и внешнюю политику США.

Другой ведущей организацией американских предпринимателей является **Американская торговая палата (АТП)**. Она объединяет 25,4 тыс. местных торговых организаций, промышленных корпораций и отдельных предпринимателей.

Торговая палата тесно связана с Национальной ассоциацией промышленников. Многие члены НАП одновременно состоят и ее членами. Своими функциями она дополняет НАП. Американская торговая палата и ее местные отделения часто выполняют посредническую роль во взаимоотношениях отдельных предпринимателей и их организаций с государственными органами. Ее особая сфера деятельности — анализ положения в торговле и промышленности, изыскание рынков сбыта, осведомление своих членов об экономической конъюнктуре, а также деятельность по подготовке общественного мнения к принятию решений, угодных монополиям.

Верховным органом Американской торговой палаты, как и НАП, является ежегодное собрание ее членов. Они выбирают правление, или совет директоров, его председателя, а также президента, который является главой исполнительного аппарата организации. В руководящих органах АТП представлены те же главные группировки американского капитала, что и в НАП. Представители мелких предпринимателей в органах палаты не имеют влияния в решении важных вопросов.

Штаб-квартира АТП находится в Вашингтоне. Она состоит из отделов внешней торговли, сбыта внутри страны, трудовых отношений, строительства, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, национальных ресурсов, транспорта, связи, страхования, образования и экономических исследований. На положении специальных комитетов при АТП действуют отделы информации, законодательства и отдел местных торговых палат.

Характерным для Американской торговой палаты является большое значение, придаваемое ее руководителями пропагандистской деятельности, направленной на то, чтобы сбить с толку среднего американца, «обработать» общественное мнение, подготовить его к принятию реше-

ний, выгодных крупному капиталу. Не доверяя в этом деле официальной пропагандистской машине, АТП пользуется и собственным довольно мощным и тщательно организованным пропагандистским аппаратом. Местные торговые палаты имеются почти во всех крупных и средних городах США.

Среди объединений американских предпринимателей видное место занимают **отраслевые торгово-промышленные ассоциации**. Их насчитывается 12 200, из них около 1700 организаций объединяют предпринимателей в общенациональном масштабе и 10 500 — в масштабе районов и штатов. К организациям общенационального масштаба относятся такие, как Американский нефтяной институт, Национальная ассоциация угольной промышленности, Американский институт железа и стали, Национальная ассоциация электропромышленников, Ассоциация электронной промышленности. Большим влиянием пользуются крупные объединения военных фирм: Ассоциация авиационной промышленности, Ассоциация ракетной промышленности и Ассоциация оборонной промышленности. Последняя связана со многими видами военной промышленности, особенно с судостроительной.

Наряду с организациями промышленников активно действует **Американская ассоциация банкиров**. Ее членами являются 17 417 банкиров, страховых компаний и частных лиц. Она имеет представительства во всех штатах.

Отраслевые предпринимательские объединения, пишут американские экономисты Р. Ленхарт и К. Шрифтигиссер, «формулируют или помогают формулировать позицию промышленников определенной отрасли, позицию, которая должна быть изложена законодательным или административным органом. Отраслевые ассоциации являются одним из главных средств, с помощью которых руководители бизнеса доводят свою политику до сведения правительства». Их политика, как указывают упомянутые авторы, «часто бывает чрезвычайно пристрастной в отношении интересов той отрасли промышленности, которая ее выработала»¹⁹.

НАП и АТП выступают в роли инициаторов важнейших политических мероприятий, занимая при этом крайне реакционную позицию. В области внутренней поли-

---

¹⁹ «The Annals...» 1958, Sept., p. 37.

тики на счете НАП и АТП наиболее антидемократическое законодательство, принятое в послевоенные годы. В частности, НАП явилась подлинным инициатором реакционного закона Тафта—Хартли, в котором отразилось стремление монополий свести на нет права профсоюзов и подавить забастовочное движение. Он был, по выражению члена палаты представителей О. Тула, «фраза за фразой, пункт за пунктом, страница за страницей написан в стенах Национальной ассоциации промышленников», а конгресс лишь покорно проштамповал этот проект.

Действующая в настоящее время программа Национальной ассоциации промышленников в области внутренней политики была в основных своих чертах разработана в 1942 году Ламмотом Дюпоном, главой концерна Дюпонов, бывшим тогда почетным вице-президентом НАП. На закрытом совещании специальной комиссии НАП он выступил с требованием «сократить налоги на корпорации и группы с высокими доходами и увеличить налоги на лиц с меньшим доходом., лишить профсоюзы какого-либо права указывать промышленности, как производить, как вести отношения с рабочими или что-либо еще., ликвидировать всякие правительственные учреждения, стоящие на пути свободного предпринимательства»²⁰.

Следует подчеркнуть, что именно эта программа, сформулированная в стенах Национальной ассоциации промышленников одним из главарей американского монополистического капитала, легла в основу последующей деятельности правительства Эйзенхауэра, которое тщательно с первых же дней своего существования проводило эту программу в жизнь. В стенах Торговой палаты были сформулированы основные положения печально знаменитой программы «проверки лояльности» и других подобных мероприятий.

В вопросах внешней политики главные предпринимательские организации также реакционны. На своих съездах они поддерживают мероприятия, направленные на обострение международной обстановки, и являются инициаторами многих из них. Все новейшие военно-стратегические концепции американского милитаризма, про-

---

²⁰ «Корпорации-миллиардеры», М., 1957, стр. 29—30.

поведующие идею установления мирового господства США, рождены или одобрены НАП, АТП и в конторах их главных членов. Касаясь роли монополистической буржуазии в выработке военных доктрин американского империализма, профессора Ф. Бак и М. Трэвис, главные редакторы сборника «Контроль над внешней политикой в современных государствах», пишут: «Недавние изменения в стратегическом мышлении (в США — В. З.) обусловлены экономически мыслящими бизнесменами в такой же степени, как и положением за границей»²¹.

На съездах Национальной ассоциации промышленников, Американской торговой палаты и других организаций большого бизнеса из года в год раздаются призывы к политике «с позиции силы», к усилению гонки вооружений. Но призывами они являются лишь в той мере, в какой они обращены к общественности, к рядовым американцам. Для правительства же — это директивы. Ведь и ораторами на этих съездах часто выступали такие ярые поборники «холодной войны» и разжигания вражды между народами, как бывший государственный секретарь Джон Фостер Даллес, его брат Аллен Даллес, руководивший центральным разведывательным управлением, адмирал Бэрк, сенатор Голдуотер и др.

Предпринимательские организации занимают резко враждебную позицию в отношении социалистических стран. На съезде НАП в декабре 1961 года главное место в повестке дня занимал «план американской стратегии», обсуждение которого велось в духе разнузданного антикоммунизма. Ораторы говорили о «тотальной угрозе международного коммунизма», о «вызове международного коммунизма западной цивилизации», призывали к «усилению экономической войны против социалистического мира» и т. п. Эти выступления достаточно ясно отражают суть «стратегии», разработанной в верхах НАП, — стратегии усиления гонки вооружений и дальнейшего разжигания «холодной войны».

На этом съезде НАП генерал-лейтенант Трудо проповедовал «великую концепцию сотрудничества между армией и промышленностью», умолчав, разумеется, о том, что это сотрудничество приносит корпорациям миллион-

---

²¹ «Control of Foreign Relations in Modern Nations», N. Y., 1957, pp. 60—61.

ные прибыли и обеспечивает руководителям Пентагона доходные места в бизнесе после их выхода в запас или отставку.

Важное место на последних съездах Национальной ассоциации промышленников и Американской торговой палаты занимали вопросы внешнеэкономической экспансии американского капитала. Многие из выступавших высказывались за увеличение американских частных капиталовложений за границей, особенно в неприсоединившихся странах. «По мере роста мощи и силы неприсоединившихся стран,— заявил на съезде НАП президент ведущей компании по производству счетных машин и электронного оборудования «Интернэшнел бизнес мэшин» Уотсон,— их вес станет достаточным, чтобы изменить мировой баланс сил»²². Борьба за эти страны рассматривается монополиями как одна из главных задач внешней политики США.

Другой важной формой, при помощи которой крупнейшие монополии США непосредственно осуществляют руководство как внутренней, так и внешней политикой, проводимой американским правительством, являются специальные конференции, на которых собираются промышленно-финансовые воротилы, а также происходящие систематически съезды ведущих организаций американского монополистического капитала. Известно, например, что первые основы агрессивной послевоенной внешней политики США были определены на тайной конференции 66 виднейших промышленников и банкиров, состоявшейся в октябре 1945 года в небольшом городке Абсеконе.

Важное совещание представителей ведущих монополий состоялось и после прихода к власти республиканской партии. Это совещание открылось 23 сентября 1953 г. На нем помимо Эйзенхауэра и министров его кабинета присутствовали председатель «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» Фрэнк Абрамс, президент «Американ телефон энд телеграф компани» Клео Крейг, президент «Дженерал моторз» Харлоу Кэртис, президент «Юнион карбид энд карбон корпорейшн» Морзе Дайал, председатель «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Бэнджамин Фейрлесс, президент «Форд мотор компани» Генри Форд-младший, президент «Интернэшнел харвестер

---

²² «Christian Scienes Monitor», Dec. 3, 1959.

компани» Джон Маккэфри, председатель правления «Меллон нэшнел бэнк энд траст компани» Ричард Меллон, председатель правления «Чейз нэшнел бэнк» Джон Макклой и другие заправили американского большого бизнеса²³.

Уже один состав этого совещания говорит сам за себя. Авторы книги «Корпорации-миллиардеры» писали об этом сборище: «Недавно бизнесмены провели тайные совещания, как сообщили из конфиденциальных источников, чтобы выработать план действий. Совещания эти не рекламировались, ибо бизнесмены хотели говорить свободно, без ограничений. Среди тех, кто встречался секретным образом, были представители двух самых могущественных организаций бизнеса — Национальной ассоциации промышленников и Американской торговой палаты. Такие же секретные совещания состоялись и в январе 1954 года»²⁴.

В период правления республиканской партии эти совещания монополистов приобрели особое значение. Они стали проводиться не эпизодически, как прежде, а регулярно — два-три раза в год. Кроме того, по инициативе американских монополий они стали носить международный характер. В этих встречах принимают участие представители крупнейших концернов и трестов Англии, Франции, ФРГ, Италии, которые совместно с американскими монополистами обсуждают и выносят по целому ряду проблем решения, лежащие затем в основу деятельности соответствующих правительств.

Эти совещания монополистов, явившиеся одной из примечательных особенностей деятельности международных монополий в последние годы, проводятся, по вполне понятным соображениям, в обстановке сугубой секретности и глубокой тайны. Однако, несмотря на все меры предосторожности, некоторые сведения об этих совещаниях все-таки просачиваются на страницы печати.

Регулярные сборища монополистов начались с мая 1954 года, когда они встретились в городе Остербэке, в Голландии, в отеле «Бильдерберг». По названию этого отеля вся эта группа крупнейших воротил Запада во главе с американскими магнатами получила название «биль-

---

²³ См. «New York Times», Sept. 23, 1953.

²⁴ «Корпорации-миллиардеры», стр. 28.

дербергской группы». В следующем, 1955 году состоялись две встречи «бильдербергской группы»: первая — в марте, недалеко от Парижа, в Барбизоне; вторая — в сентябре, в Гармиш-Партенкирхене (Западная Германия).

В феврале 1957 года крупнейшие промышленники и финансисты собрались в американском штате Джорджия, на острове Сен-Саймонс. В совещании приняло участие 70 человек, составляющих основное ядро «бильдербергской группы». Среди участников совещания были: от группы Рокфеллеров — вице-президент «Чейз Манхэттэн бэнк» Дэвид Рокфеллер, а также Раск и Киссингер²⁵, от дюпоновско-моргановской «Дженерал моторз» — вице-президент этой корпорации Лоуренс Хафстэд, от компании Форда — вице-президент «Фонда Форда» Дон Прайск, от группы Меллонов — директор «Меллон нэшнел бэнк энд траст компани» Генри Дж. Гейнц, от ведущей военно-промышленной компаний «Дженерал дайнэмикс» — Нэш и Паттерсон, а также Томас Дьюи и партнер Даллесов по их юридической фирме Артур Дин.

Западногерманский капитал был представлен на этом совещании председателем Союза немецких промышленников Ф. Бергом, председателем Союза химической промышленности А. Менне, главой крупного металлургического концерна Отто Вольф фон Амеронгеном.

Британские монополии представляли: крупный промышленник Пауль Райкенс, Дж. Стилл — директор «Импириэл кемикэл индастриз», Дэвид Астор — отпрыск известной монополистической династии, редактор газеты «Обсервер» и некоторые другие²⁶. Таково ядро этой группы монополистов, руководимой американскими воротилами и оказывающей весьма серьезное влияние на политический курс Вашингтона, Лондона, Бонна и других западноевропейских столиц.

Эта группа продолжала свои совещания и после встречи в Сен-Саймонсе. В том же, 1957 году (май) она собралась в Фреденсборге (Дания). В сентябре 1958 года состоялось совещание в Бакстоне (Англия), в котором приняли участие представители всех крупнейших моно-

²⁵ Оба впоследствии в правительстве Дж. Кеннеди получили важнейшие посты, первый — государственного секретаря, второй — советника президента.

²⁶ «Congressional Records», 1957, vol. 103, pp. A. 1199—A 1200.

полистических объединений, вошедших в «бильдербергскую группу».

Это совещание происходило в разгар провокаций американской военщины против КНР. Печать сообщила о том, что с 13 по 15 сентября в Бакстоне (Англия) состоялось «секретное совещание» частных американских и западноевропейских представителей по вопросам, связанным с политикой американского правительства в «тайваньском кризисе». Через участника совещания председателя правления банка «Чейз Манхэттен» Макклоя рекомендации, принятые в Бакстоне, как подчеркивает газета, были доведены до сведения правительства США и буквально через несколько дней — 30 сентября — стали официальной политикой Вашингтона. Их суть была изложена на пресс-конференции государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом. Любопытно, что правительство крупнейшего капиталистического государства немедленно выразило свое согласие с предложениями совещания частных лиц.

Затем совещания группы происходили весной 1962 года в Стокгольме и весной 1963 года на юге Франции. Это двенадцатое по счету заседание «бильдербергской группы» происходило с 29 по 31 марта 1963 г. в отеле «Мартинес» в Канне, на Французской Ривьере. Как всегда, работа совещания была окружена атмосферой сугубой секретности. Вот как описывал обстановку каннской встречи корреспондент французской газеты «Пари пресс энтрансижан»: Отель «Мартинес», где будет проходить совещание, находится под строжайшим наблюдением. Полицейские, одетые в гражданское платье, разыгрывают из себя туристов. Они уселись в креслах холла после того, как с оружием в руках выдворили оттуда журналистов и фотографов. Коридоры и двери, ведущие в зал заседания, «замурованы». Для участников совещания приготовлена специальная столовая. Об этих переговорах, происходящих в атмосфере конклава, ничего не должно быть известно. При выходе из самолета один американский деятель не захотел даже назвать своего имени, заявив, что это также является частью тайны, которая должна окружать совещание.

Однако на страницы печати просочились некоторые сведения как о составе участников совещания, так и о вопросах, стоявших на повестке дня. Что касается со-

става, то в совещании принял участие 91 представитель крупнейших монополистических объединений Запада, представители правительств, видные военные. Среди ведущих американских предпринимателей в каннском совещании участвовали президент «Чейз Манхэттэн бэнк» Дэвид Рокфеллер, Пьер Дюпон, видный уолл-стритский делец и заметная фигура в официальном Вашингтоне Поль Нитце и ряд других.

Среди государственных деятелей, вызванных на совещание, были заместитель государственного секретаря США Джордж Болл, Поль Анри Спаак, французские политические деятели Пинэ, Морис Фор, Плевен, англичанин лорд Хит, главнокомандующий войсками НАТО Лемнитцер и др.

Говоря о повестке дня совещания, агентство Рейтер сообщало, что оно обсуждало последствия провала переговоров о вступлении Англии в «общий рынок», вопросы мировой и европейской торговли.

В марте 1964 года состоялась еще одна встреча «Бильдербергской группы». Показательно само место, где происходило это, и на сей раз окруженное обстановкой сугубой секретности, совещание могущественнейших воротил большого бизнеса. Оно состоялось в родовой вотчине Рокфеллеров Уильямсберге в штате Вирджиния (США).

Американский монополистический капитал был представлен на этой встрече Дэвидом Рокфеллером — главой «Чейз Манхэттэн бэнк», Эмилио Коллорадо — вице-президентом рокфеллеровской «Стандард ойл компани (Нью Джерси)», Генри Дж. Гейнцем-вторым — директором «Мэллон бэнк энд траст компани», Уолтером Ристонном — вице-президентом другого ведущего уолл-стритского банка, «Ферст нэшнел сити бэнк», Лунсом Кэботом — одним из главарей бостонской монополистической группировки, и другими крупными дельцами.

Финансовая олигархия Западной Германии направила сюда председателя Союза немецкой промышленности Ф. Берга и стального магната Отто Вольфа фон Америкона.

Внушительная делегация отстаивала интересы британского капитала. В ее состав входили один из руководителей англо-голландского концерна «Юнилевер» Виктор Кавендиш Бентинк, президент «Ройял-датч петролеум

компани» и директор 24 нефтяных компаний Джон Х. Лаудон, директор Английского банка Джон Стивенс, бывший президент Британской федерации угля и стали Чарльз Уиллер.

В работе конференции приняли участие финансовые и промышленные тузы и из других капиталистических стран: Вильфрид Баумгартнер (крупнейший банкир Франции, бывший министр финансов и почетный президент «Банк де Франс»), Пьер Дрейфус — руководитель фирмы «Рено», Джанни Аньели — вице-президент итальянского концерна ФИАТ, Макс Птипьер — бывший президент Швейцарской конфедерации, а ныне глава международного концерна «Нестле», Маркус Валленберг — шведский банкир, и т. д.

О повестке дня совещания просочились в прессу сведения крайне скудные.

Агентство «Юнайтед пресс интернэшнел» телеграфировало из Уильямсберга, что «мозговой трест, состоящий почти из 100 ведущих представителей Соединенных Штатов, Канады и Западной Европы, закончил 22 марта трехдневную встречу по текущим международным делам». Агентство далее сообщило, что участники встречи обсуждали «новые события в Советском Союзе и других коммунистических странах, вопросы торговли между Востоком и Западом, а также политические, военные и экономические отношения в Атлантическом союзе, включая предстоящие торговые переговоры в Женеве».

Без всякого преувеличения можно сказать, что эти регулярные встречи монополистов, на которых первую скрипку играют монополисты США, являются в последние годы одной из важных форм, с помощью которых монополии разрабатывают политический курс, навязываемый ими правящим кругам.

Еще одной организационной формой, к которой прибегают американские монополисты для осуществления руководства государственным аппаратом, является создание при правительственных учреждениях и ведомствах специальных органов, состоящих из представителей наиболее влиятельных корпораций и трестов. Именно здесь определяются средства для осуществления практических мероприятий в соответствии с курсом, вырабатываемым монополиями.

Официально эти органы, как правило, именуются

«консультативными советами» или «комитетами» при различных министерствах и правительственных учреждениях, но в действительности именно они определяют практическую деятельность правительственных учреждений, при которых они состоят. К числу таких органов относятся, например, Консультативный совет по внешней торговле, Комитет по финансированию международного восстановления, Комитет по осуществлению программы развития слаборазвитых районов, Промышленный консультативный комитет комиссии по атомной энергии и многие другие.

В 1959 году в Нью-Йорке вышла книга известного журналиста О. Эллиота, много лет представлявшего в Вашингтоне влиятельный журнал «Ньюсуик» и поэтому хорошо знающего те стороны жизни американской столицы, которые обычно скрыты от посторонних глаз. «Люди наверху», — так называется эта книга, привлекающая к себе большое внимание, что объясняется тем, что в ней содержались доселе неизвестные сведения о методах, при помощи которых представители большого бизнеса влияют на политический курс правительства.

О. Эллиот сообщает, что с 1933 года в США существует совещательный совет деловых кругов, в который входят крупнейшие банкиры и промышленники и который созывается шесть раз в год для обмена мнениями с правительственными чиновниками «об экономическом положении в стране и во всем мире». Этот совет «неоценим в качестве средства поддержания контакта с промышленностью как при демократическом, так и при республиканском правительстве». Он также является «подготовительным центром» будущих членов американского правительства. Из состава членов этого совета в состав правительства входили в разное время Хэмфри, Макэлрой, два Чарльза Вильсона (один из «Дженерал электрик», другой из «Дженерал моторз») и другие дельцы.

Но и этого уже казалось недостаточным заправилам большого бизнеса. Эллиот сообщает об одном проекте, который вынашивается в недрах НАП. Некоторые собирались учредить пост вице-президента США по политическим вопросам, который бы специально ведал делами защиты интересов компаний на выборах.

РЕСПУБЛИКАНЦЫ В ВАШИНГТОНЕ

1. МОНОПОЛИИ НАСТУПАЮТ

Стремление поставить в ходе выборов 1952 года у власти республиканскую партию диктовалось общими интересами монополистического капитала США в целом, всех его основных групп и объединений. В этом единодушном решении, выражавшем общие интересы американских монополий, чрезвычайно наглядно воплощалось единство американского монополистического капитала в борьбе за свои основные цели.

С другой стороны, в ходе выборов 1952 года ярко проявилась борьба отдельных монополистических объединений и группировок американского капитала за захват ключевых позиций в государственном аппарате, борьба, которая чрезвычайно усилилась в условиях ухудшающегося экономического положения и обострения в связи с этим конкурентной борьбы монополий. Однако эта борьба проходила преимущественно внутри республиканской партии и вылилась в схватку между Эйзенхауэром, представляющим прежде всего наиболее могущественные династии Уолл-стрита, и Тафтом, за спиной которого стояли среднезападные монополии и который пользовался также известной поддержкой на Юго-Западе и Юге.

Главными причинами того, что представители ведущих монополий США остановились на кандидатуре Эйзенхауэра, являлись, во-первых, то, что его взгляды как на внутреннюю, так и на внешнюю политику вполне устраивали магнатов Уолл-стрита, во-вторых, то, что Эйзенхауэр не был связан, как, например, Дьюи, особенно тесно ни с одной из монополистических групп, следовательно, устраивал все ведущие группы Уолл-стрита. И, наконец, третьим важным обстоятельством, в силу которого организаторы предвыборной кампании остановили свой выбор на кандидатуре Эйзенхауэра, было то, что заправила республиканской партии рассчитывали использовать в ходе избирательной кампании ореол героя войны, который американская пропаганда создавала Эйзенхауэру.

Американские политические обозреватели Дрю Пирсон и Джек Андерсон в своей нашумевшей книге «США—второразрядная держава», говоря об «удобстве» Эйзенхауэра в качестве фигуры, вокруг которой можно было бы сплотить наибольшее число избирателей в период предвыборной кампании 1952 года, откровенно и не без яда пишут: «Все политические ингредиенты были налицо. Прессе оставалось лишь соткать из них миф. Со страниц дружественной печати возник образ под именем Айк, не любить которого могли лишь немногие. Его теплота, подобно весенней оттепели, изливалась на избирателей, в течение 20 лет холодно настроенных по отношению к республиканцам. Его знаменитая усмешка стала привычной картиной на первых страницах газет. Его достоинства были раздуты до героических размеров. Его недостатки преподносились в сочувственном духе, как свидетельство его человечности. Свет, испускаемый им, который и без того никогда не удерживался в тени, печать раздула до яркого сияния»¹.

Немаловажную роль в выдвижении Эйзенхауэра сыграли видные уолл-стритские дельцы Бернард Барух и Джордж Аллен, связанный с крупным финансистом Виктором Эммануилом. Активно поддерживал идею выдвижения Эйзенхауэра и крупный уолл-стрит-

---

¹ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A.—Second-class power? N. Y., 1958, p. 118.

ский предприниматель Томас Дж. Уотсон² — президент моргановской «Интернэшнел бизнес мэшин корпорейшн».

Кандидатура Эйзенхауэра получила поддержку всех ведущих монополий Уолл-стрита³.

Крыло республиканской партии, отражающее интересы среднезападного капитала, развернуло активную деятельность за выдвижение на пост президента кандидатуры одного из виднейших деятелей республиканской партии, махрового реакционера, лидера этого крыла партии, сенатора от штата Огайо Роберта Тафта.

Тафтистское крыло партии опиралось на финансовые группы Чикаго и Кливленда, на директоров промышленных корпораций Среднего Запада, не входящих в сферу влияния Морганов, Рокфеллеров, Меллонов и Дюпонов, на «независимые» нефтяные компании, не подпавшие под контроль Рокфеллеров и конкурирующие со «Стандард ойл», такие как нефтяная компания Пью, на автомобильную компанию «Крайслер корпорейшн», одну из участниц так называемой «большой тройки» автомобильной промышленности, ведущую ожесточенную борьбу с двумя другими участницами «тройки» — уолл-стритскими компаниями «Дженерал моторз» и «Форд мотор компани»⁴.

Ареной борьбы между двумя группировками в рес-

---

² Прогрессивный журнал «Уоркер мэгэзин» раскрыл небезыңтересные подробности об этом первом крупном американском капиталисте, который поддержал кандидатуру Эйзенхауэра на пост президента. Журнал рассказал, что Уотсон, который был избран председателем Международной торговой палаты на сессии, происходившей в Берлине в 1937 году, был дружески принят Гитлером и приветствовал его нацистским салютом. После беседы Уотсон публично восхвалял «простоту и искренность» этого кровавого маньяка. Два дня спустя Ялмар Шахт по приказу Гитлера вручил Уотсону — первому из американцев — «Орден германского орла со звездой» и свастику «за оказание больших услуг германскому рейху». Вскоре Уотсон получил орден от Муссолини.

³ Любопытно, что одним из формальных препятствий для занятия Эйзенхауэром поста президента являлось то, что он официально не принадлежал ни к одной церкви. Это обстоятельство было обойдено весьма просто: 1 февраля 1953 г. в одной из церквей Вашингтона в возрасте 63 лет он крестился.

⁴ Летом 1962 года важные позиции в компании «Крайслер корпорейшн» захватили Рокфеллеры, купившие крупный пакет акций и, таким образом вовлекшие эту гигантскую корпорацию в орбиту Уолл-стрита.

публиканской партии, где решался вопрос о том, кто будет выдвинут в качестве ее кандидата на президентских выборах, был съезд республиканской партии, состоявшийся в Чикаго с 7 по 11 июля 1952 г. За кулисами съезда несколько представителей ведущих монополий вели напряженный торг. Газета «Нью-Йорк таймс» в день открытия съезда республиканской партии писала: «Менее десятка политических лидеров взялось за разрешение действительно жизненно важных вопросов. Сотни делегатов, увешанных кокардами, разгуливающих с флажками и т. д., ошибочно думают, что они имеют какое-то значение. То, что происходит, происходит без их участия — во многих случаях даже без того, чтобы они об этом знали»⁵.

Помимо кандидатур Эйзенхауэра и Тафта на съезде фигурировали имена Г. Стассена и губернатора Калифорнии Э. Уоррена. Однако это были, как выражались комментаторы, «запасные кандидатуры», и основная борьба велась между Эйзенхауэром и Тафтом. Тафт — ловкий и опытный политик, имевший в своем распоряжении сильный аппарат, сумел взять в свои руки контроль над Национальным комитетом республиканской партии, в результате чего получил возможность на первом этапе держать в руках аппарат съезда. Тафт прибыл на съезд, имея поддержку 530 делегатов (для выдвижения необходимо было 600 голосов). Эйзенхауэр имел поддержку со стороны 427 делегатов. Остальные делегаты либо не высказали еще своего отношения к кандидатам, либо поддерживали Стассена или Уоррена.

Впервые в американской политической истории многих десятилетий выдвижение на съезд кандидатуры, единодушно одобренной Уолл-стритом, было под вопросом. Как заявил губернатор Калифорнии Уоррен, он «не помнит подобной ожесточенной борьбы внутри республиканской партии когда-либо раньше»⁶.

В этих условиях представители уолл-стритских монополий мобилизовали все резервы, чтобы добиться на съезде выдвижения кандидатуры Эйзенхауэра. В Чикаго на своей яхте прибыл самолично Генри Форд-второй, непосредственно вмешавшийся в работу съезда.

---

⁵ «New York Times», July 7, 1952.

⁶ «New York Times», July 9, 1952.

Руководство предвыборной кампанией Эйзенхауэра взял на себя один из главарей «империи» Рокфеллеров Олдрич. Газета «Чикаго трибюн», поддерживавшая Тафта, сообщала в эти дни, что Олдрич, «поместившийся в частном доме, недалеко от здания, где происходит съезд, действуя через Дьюи, использует огромное влияние рокфеллеровских компаний, чтобы заставить делегатов голосовать за Эйзенхауэра»⁷.

За день до голосования в работу съезда вмешался и другой магнат Уолл-стрита, Чарльз Вильсон, директор «Дженерал моторз», также специально прибывший в Чикаго.

Однако даже всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы обеспечить уолл-стритскому крылу выдвижение кандидатуры Эйзенхауэра. Тогда заправилами этого крыла пришлось пойти на компромисс с делегацией штата Калифорния, за спиной которой стояла прежде всего финансовая группа Джаннини. Компромисс этот заключался в том, что один из видных представителей этой группы молодой сенатор Ричард Никсон выдвигался кандидатом на пост вице-президента, а взамен этого делегация штата Калифорния должна была отказываться в своей поддержке Тафту и поддерживать кандидатуру Эйзенхауэра. Только этот компромисс между уолл-стритским и юго-западными объединениями и обеспечил выдвижение Эйзенхауэра в качестве кандидата республиканской партии на выборах 1952 года.

Открывшийся там же, в Чикаго, 21 июля 1952 г. съезд демократической партии остановил свой выбор на сравнительно мало известном в тот период Эдлае Стивенсоне — губернаторе штата Иллинойс. Американские политические обозреватели подчеркивали, что сам выбор Стивенсона — деятеля, не игравшего до той поры сколько-нибудь заметной роли на американской политической арене, в качестве противника генерала Эйзенхауэра, симптоматичен.

Следует отметить, что сам выбор Эдлая Стивенсона в качестве кандидата на пост президента свидетельствовал о компромиссе, достигнутом внутри демократической партии между представителями различных монополистических группировок, ибо Стивенсон тесно связан и

---

⁷ «Chicago Daily News», July 7, 1952.

с уолл-стритской, и со среднезападной, и с юго-западной группировками американского финансового капитала.

Стивенсон — состоятельный человек. Состояние его оценивается примерно в миллион долларов. Ему принадлежат акции многих крупнейших компаний США. Он тесно связан как с Морганам, Рокфеллерами, Дюпонами и Меллонами, так и со среднезападным капиталом. К этому следует добавить, что, во-первых, Стивенсон являлся в момент своего выдвижения кандидатом от демократической партии на пост президента губернатором ведущего среднезападного штата Иллинойс и, во-вторых, семья Стивенсона уже много лет теснейшим образом связана с Херстами и, следовательно, с группой Джаннини.

Несмотря на то что Эдлай Стивенсон дважды терпел поражение на президентских выборах (1952 и 1956 гг.), что по американским политическим традициям лишает политического деятеля перспектив на дальнейшую борьбу за место в Белом доме, он продолжает оставаться очень влиятельной фигурой на политической арене страны⁸. В конце 1963 года он заявил о том, что в случае, если Л. Джонсон предложит ему баллотироваться в 1964 году на пост вице-президента, он примет это предложение. За период с 1952 года, когда он вышел на политическую авансцену, до начала 60-х годов Э. Стивенсон проделал известную эволюцию. Если в период своей первой предвыборной кампании он был типичным представителем традиционного крыла партии, сумевшим без особого труда добиться поддержки таких ее деятелей, как Г. Трумэн, Д. Ачесон и др., то затем он превратился в одного из ведущих лидеров либерального крыла партии, выступая совместно с такими деятелями, как Ч. Боулс и другие либералы.

---

⁸ Стивенсон родился в 1900 году в Лос-Анжелесе, в состоятельной семье. По образованию он юрист. Свою карьеру начинал в херстовской печати. В этом качестве впервые посетил СССР в 1926 году. Затем занимался юридической практикой в Чикаго. В 1941—1944 годах занимал должность помощника морского министра. В 1945 году назначен специальным помощником государственного секретаря Бирнса. С 1948 по 1953 год занимал пост губернатора штата Иллинойс. Принимал активное участие в предвыборной кампании Дж. Кеннеди; рассчитывал на пост государственного секретаря в его правительстве, но этого поста не получил и удовольствовался ролью представителя США в ООН, которую исполняет с начала 1961 года.

Весьма гибкий политик, умеющий раньше многих своих коллег по партии видеть изменения, происходящие в мире, и в какой-то степени делать из этого политические выводы, Стивенсон стал за эти годы одним из ведущих политических деятелей Вашингтона и остается им по сей день. Вместе с тем Стивенсон лишен сколько-нибудь прочного контакта с массовыми организациями, представляет собой тип кабинетного работника, чувствующего себя значительно увереннее за письменным столом своего кабинета, чем в массовой аудитории.

После нескольких месяцев шумной предвыборной кампании, на которую монополии истратили свыше 85 млн. долл., 4 ноября 1952 г. состоялись президентские выборы. Прогрессивные силы США были поставлены в ходе предвыборной кампании в крайне тяжелое положение: против них были использованы все средства — от клеветнической пропаганды до прямого террора. Трудящиеся США были лишены возможности подлинного выбора.

Огромные средства, брошенные монополистами на избирательную кампанию с целью оглушить и запугать американских избирателей, рост недовольства широких масс трудящихся политикой правительства Трумэна, откровенная демагогия и, наконец, сыгравшее чрезвычайно большую роль и оказавшее серьезное влияние на итоги выборов обещание прекратить войну в Корее, которое накануне выборов дал Эйзенхауэр, — обещание, бывшее чрезвычайно ловким ходом стратегов из республиканской партии, так как тупик, в который зашли в этой войне США, был очевиден и прекращать войну все равно так или иначе было необходимо, — все это привело к поражению демократической партии на выборах 1952 года.

В этой связи уместно привести весьма любопытные признания, которые сделал одиннадцать лет спустя уже экс-президент Эйзенхауэр в своих мемуарах, вышедших в Нью-Йорке в самом конце 1963 года. «Мне часто говорили, — признает Эйзенхауэр, — что многих людей заставила голосовать за меня озабоченность возможностью ядерной войны»⁹. Используя именно эти настроения

---

⁹ Dwight D. Eisenhower, *The White House Years' Mandate for Change, 1953—1956*, N. Y., 1963, p. 445.

простых американцев, Эйзенхауэр во время предвыборной кампании обещал заключить мир в Корее.

Однако, как видно из его мемуаров, Эйзенхауэр, вопреки обещаниям, данным американским избирателям, после своего прихода к власти явно взвешивал возможности не окончания войны в Корее, а ее расширения с применением ядерного оружия. Правда, в мемуарах задним числом бывший президент стремится доказать недоказуемое, а именно, что эту «угрозу» он якобы хотел лишь использовать в качестве... средства для достижения мира в Корее. Он даже утверждает, что будто бы эта, с позволения сказать, «миролюбивая угрса» была действительно высказана Соединенными Штатами и что это будто бы и привело к перемирию в Корее.

В отношении того, что у агрессивных кругов США действительно чесались руки и что им хотелось разжечь большой пожар вокруг Кореи, сомневаться не приходится. Однако одного желания развязать «большую войну» даже для них было недостаточно, ибо не считаться с последствиями подобного шага для самих США было нельзя. Не удивительно, что когда, уже после выхода мемуаров, осенью 1963 года американские корреспонденты, удивленные «храбростью», проявленной Эйзенхауэром в его мемуарах, бросились за разъяснениями, то оказалось, как писала газета «Нью-Йорк таймс», что «другие высшие чиновники в администрации Эйзенхауэра не припомнили, что принималось какое-либо твердое решение использовать атомное оружие» в корейской войне. Более того, продолжает газета, «один высокопоставленный чиновник сказал, что на единственном заседании, которое, как он помнит, было созвано по этому вопросу, было принято решение против применения атомного оружия»¹⁰.

Подлинные причины того, почему правительство Эйзенхауэра было вынуждено отказаться от своих планов применения ядерного оружия в корейской войне и от расширения масштабов этой войны, видны из мемуаров самого Эйзенхауэра. Он прямо признает, что вынужден был учитывать в случае подобного шага «возможность вступления в войну Советского Союза»¹¹. Кроме того,

¹⁰ «New York Times», Oct. 19, 1963

¹¹ Dwight D. Eisenhower, *The White House Years: Mandate for Change, 1953—1956*, p. 180.

пишет он, США не могли не считаться и с тем, что эта их акция не встретит поддержки даже у их союзников по военным блокам¹².

Приведя к власти республиканскую партию, монополии рассчитывали на крупные политические, да и не только политические, дивиденды.

В результате всех этих усилий, активной деятельности самих монополий президентом США стал Д. Эйзенхауэр.

Следует сказать, что в последующие годы расходы на предвыборные кампании продолжали возрастать. Так, в кампании 1960 года эти расходы составили, даже по официальным оценкам, 165—175 млн. долл. Огромные средства, затрачиваемые обеими буржуазными партиями на организацию выборов, приобрели настолько скандальный характер, что власти оказались вынужденными предпринять какие-то шаги для оправдания перед общественностью. В начале 1962 года президентом была создана специальная комиссия «для изучения практики финансирования избирательных кампаний». В апреле того же года в Вашингтоне был опубликован доклад этой комиссии.

Авторы доклада были вынуждены признать, что существующая система финансирования президентской избирательной кампании создает серьезные проблемы и вызывает подозрения. «Нежелательно,— заявляют они,— чтобы кандидаты на такие высокие посты, как президент и вице-президент, зависели от отдельных лиц и организаций, имеющих особые интересы и желающих сделать большой вклад в виде денежных взносов или услуг в ходе избирательной кампании»¹³.

В докладе отмечается, что «сильная зависимость политических партий при проведении президентских избирательных кампаний от значительных пожертвований и расходов относительно небольшого числа отдельных лиц и организаций дает повод для широко распространенных неверных толкований»¹⁴.

Многие из существующих законов, регулирующих финансирование избирательных кампаний, говорится в

---

¹² Dwight D. Eisenhower, *The White House Years: Mon-
date for Change, 1953—1956*, p. 180.

¹³ «Congressional Records», 1962, Apr. 18.

¹⁴ *Ibid.*

докладе, превратились в посмешище. Существует масса уловок, позволяющих успешно обходить многие статьи этих законов.

Можно представить себе истинное положение вещей, коррупцию, беззаконие, подкуп, систему фаворитизма, пронизывающие американскую политическую систему, если даже такой орган, как президентская комиссия, вынужден делать такого рода признания!

Авторы доклада рекомендуют поощрять корпорации и другие общественные организации и группы к активному участию в финансировании деятельности партий путем сокращения налогообложения средств, направляемых на политические цели.

В настоящее время существует закон, формально ограничивающий максимальный размер пожертвований в фонды политических партий. Однако, как отмечают авторы доклада, этот закон настолько свободно и широко обходят, что дальнейшее его существование не вызывается необходимостью. Они предлагают отменить всякие ограничения в отношении размеров пожертвований на политическую деятельность партий.

2. МИЛЛИАРДЕРЫ В МИНИСТЕРСКИХ КРЕСЛАХ

Важнейшим способом, при помощи которого монополисты осуществляют непосредственное руководство политикой и которому в последние годы крупный капитал придает особенно большое значение, является непосредственный захват монополистами государственного аппарата, проникновение ставленников ведущих банков и промышленных компаний во все его звенья, на все ключевые позиции, и в первую очередь непосредственно в правительство.

В правительстве демократической партии, возглавлявшемся сначала Ф. Рузвельтом, а затем Г. Трумэном, многие важные посты занимались представителями крупного капитала. Так, членами кабинета Рузвельта в разное время были Эдвард Стеттиниус — сын партнера Моргана, бывшего президентом «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», Генри Моргентау — владелец огромного состояния, миллионеры Форрестол, Эдисон, Стимсон, Нокс и др.

Важнейшие посты в кабинете Трумэна занимали

Д. Форрестол — президент «Диллон, Рид энд компани», Ч. Вильсон — президент «Дженерал электрик», Р. Ловет и А. Гарриман — видные дельцы с Уолл-стрита, П. Нитце — вице-президент «Диллон, Рид энд компани», С. Саймингтон — крупный делец и др.

Однако в условиях увеличения трудностей для монополистического капитала США как внутри страны, так и за ее пределами заправили большого бизнеса сочли это уже недостаточным. После прихода к власти республиканской партии захват непосредственными представителями ведущих компаний ключевых постов в государственном аппарате возрос в чрезвычайно большой, беспрецедентной в истории США степени. Можно сказать, что начался качественно новый этап непосредственного захвата ключевых позиций государственного аппарата непосредственными представителями большого бизнеса, процесс, получивший в последующие годы закрепление и развитие.

Речь на сей раз шла уже не о нескольких десятках постов, а о сотнях прямых представителей ведущих групп монополистического капитала, решившего заменить в важнейших звеньях государственного аппарата профессиональных политиканов (хотя и служивших им верой и правдой) большой группой дельцов, банкиров и предпринимателей. Эти дельцы направлялись во все звенья государственного аппарата — начиная от кабинета министров и кончая многочисленными ведомствами.

Указывая на разницу между правительством, сформированным республиканцами, и предыдущим правительством, авторы книги «Корпорации-миллиардеры» пишут: «Лица, назначавшиеся Трумэном, были в большинстве случаев представителями второстепенных или промежуточных групп и не были сами, за некоторым исключением, экономическими магнатами, стоявшими во главе большого бизнеса. Но в ходе дальнейшего усиления контроля над правительством финансовых групп руководители главных монополистических групп сами заняли министерские кресла в правительстве США. Правительство Эйзенхауэра представляет самое открытое правление монополистов в истории США»¹⁵. Члены правительства, сформированного Эйзенхауэром после вы-

---

¹⁵ «Корпорации-миллиардеры», стр. 18.

боров 1952 года, занимали посты и имели официальные связи в 86 крупнейших корпорациях США с общими активами, превышающими 20 млрд. долл.

Весьма откровенную и исчерпывающую характеристику того, что монополии ожидали от нового правительства и как они представляли себе его роль, дал председатель правления «Дженерал моторз» А. Слоун, который, выступая в Нью-Йорке в начале января 1953 года, заявил: «Наша страна — это преимущественно общество бизнеса — как идут дела в мире бизнеса, так и у всех нас. Наше правительство отчасти является генеральным штабом нашего общества, а потому и бизнеса»¹⁶.

Исходя именно из этого определения задач нового правительства — быть генеральным штабом американского бизнеса, вновь избранный президент и сформировал правительство республиканской партии.

На следующий же день после выборов Эйзенхауэр начал совещание с представителями крупного капитала по вопросу о составе кабинета. Как сообщала газета «Вашингтон пост» в номере от 28 ноября 1952 г., выехав после выборов на отдых в Огасту, он установил тесный контакт с крупными промышленниками, собравшимися, по «странному совпадению», в это же время на совещание недалеко от Огасты. Связным между президентом и участниками этого совещания выступал генерал Клей.

В эти же дни Эйзенхауэр провел особые совещания с руководителями «империи Рокфеллеров» — Нельсоном Рокфеллером и его дядей Уинтропом Олдричем, председателем совета директоров «Морган Дж. П. энд компани, инкорпорейтед (Нью-Йорк)» Джорджем Уитни, председателем Американской торговой палаты. Уже сам по себе факт этих совещаний, а также то, что на них только что избранный президент счел необходимым держать совет с крупнейшими воротилами делового мира, в достаточной степени красноречивы. Но еще более красноречивым был тот состав правительства, который был оглашен вскоре после этих совещаний. Список его членов «больше всего похож на справочник фамилий руководителей крупнейших корпораций»¹⁷, — писала в те дни газета «Нью-Йорк пост».

---

¹⁶ «New York Times», Jan. 20, 1953.

¹⁷ «New York Post», Dec. 22, 1952.

Даже орган американских финансовых кругов журнал «Форчун» назвал состав правительства, объявленный Эйзенхауэром, — «политической дерзостью». Как свидетельствует один из сотрудников республиканской администрации Эммет Хьюз, Эйзенхауэр прямо заявил на заседании кабинета через несколько недель после занятия им поста президента: «Мы все должны помнить, что нас называют администрацией бизнеса. Фактически мы сами дали повод к такому названию, и это хорошо»¹⁸.

Каждое из региональных объединений американского финансового капитала, все основные монополистические группы оказались представленными в правительстве Эйзенхауэра, выражавшем интересы всего американского монополистического капитала в целом.

Наиболее сильные позиции в правительстве, как и следовало ожидать, заняло уолл-стритское региональное объединение.

А среди уолл-стритских групп особенно важные позиции оказались в руках Рокфеллеров. Главными представителями Рокфеллеров в республиканской администрации стали один из пяти братьев Рокфеллеров — Нельсон Рокфеллер и Джон Фостер Даллес, получивший пост государственного секретаря и на протяжении большей части правления Эйзенхауэра являвшийся одним из наиболее влиятельных деятелей его правительства.

Что касается Нельсона Рокфеллера, то ему на первых порах был предоставлен более или менее скромный пост заместителя министра здравоохранения, просвещения и общественного благосостояния. Это, очевидно, объяснялось опасениями перед реакцией общественного мнения. К моменту формирования правительства Эйзенхауэра Н. Рокфеллер уже имел опыт административной деятельности — начиная с 1942 года он работал в государственном департаменте в качестве главы так называемого «центра координации межамериканских дел», руководя на этом посту проникновением «Стандард ойл» к нефтяным богатствам южноамериканского континента. Сам Н. Рокфеллер, характеризуя в меморандуме правительству США свою деятельность в этой области в годы войны, писал, что он стремится «воспользоваться воз-

---

¹⁸ E. J. Hughes, *The Ordeal of Power, A political memoir of the Eisenhower Years*, N. Y., 1962, Atheneus, p. 74.

можностями, возникшими в связи с закрытием европейских рынков, чтобы глубже втянуть латиноамериканские страны в нашу орбиту»¹⁹. Н. Рокфеллер имел и непосредственное отношение к разработке так называемого «4-го пункта» программы Трумэна.

После того как страсти по поводу вхождения в правительство Эйзенхауэра большой группы непосредственных представителей крупных монополий несколько улеглись, Нельсон Рокфеллер возглавил так называемый консультативный комитет по вопросам реорганизации государственного аппарата — пост, предоставлявший большие возможности дальнейшего приспособления американского государственного аппарата к нуждам монополий. Затем последовало новое перемещение. В конце 1954 года Н. Рокфеллер получил назначение на пост специального помощника президента по вопросам внешней политики, причем ему надлежало ведать вопросами так называемой «психологической войны».

Для того чтобы подчеркнуть особую роль, которую предстояло в этом качестве играть Н. Рокфеллеру, в приказ о его назначении был включен нижеследующий необычный параграф: «Вам надлежит посещать заседания кабинета, Совета национальной безопасности, Совета по внешней экономической политике и Совета по координации операций»²⁰. Иными словами, Н. Рокфеллер получил назначение во все основные стратегические и оперативные органы управления государством, в том числе и в «узкий кабинет» — Совет национальной безопасности, куда были лишены доступа многие министры — члены правительства Эйзенхауэра.

Уход Н. Рокфеллера с его постов в правительстве в 1956 году был подан американской пропагандой с большой рекламной шумихой и трактовался как следствие его «разногласий» с правительством. Несостоятельность такого рода утверждений и подлинные причины отставки Рокфеллера прояснились, когда несколько месяцев спустя стали известны его планы баллотироваться на пост губернатора штата Нью-Йорк. Избрание его на этот пост в ноябре 1958 года было шагом по пути в Белый дом, предоставив в руки Н. Рокфеллера руководящее поло-

---

¹⁹ J. Morris, *Those Rockefeller Brothers*, N. Y., 1952, p. 85.

²⁰ «New York Times», Dec. 17, 1954.

жение в республиканской партии. Таким образом, Рокфеллеры открыто признали свои претензии как на руководство республиканской партией США, так и на захват высшего государственного поста в стране.

До 1952 года в государственном департаменте весьма отчетливо преобладало влияние финансовой группы Морганов. Почти все государственные секретари при Трумэне — отчасти и в последние годы президентства Рузвельта — были теснейшим образом связаны с Морганом.

Эдвард Стеттиниус, ушедший из государственного департамента в 1945 году, был ближайшим другом семьи Морганов и компаньоном гигантской сталелитейной компании Моргана «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн».

Стеттиниуса сменил Джеймс Бирнс, один из заправил тесно связанной с Уолл-стритом «Ньюмонт майнинг компани». После Бирнса в государственный департамент пришел генерал Джордж Маршалл — фигура, на первый взгляд мало связанная с миром финансовой олигархии. Однако именно он провозгласил план экономического вторжения США в Западную Европу — «план Маршалла», принесший колоссальные доходы прежде всего моргановской группе — традиционному банкиру европейского империализма.

В 1947 году в государственном департаменте вновь появляется руководитель, непосредственно связанный с Морганом, — Дин Ачесон. На протяжении многих лет он работал юрисконсультантом в моргановской юридической фирме «Кэвинтон энд Берлинг».

С приходом к власти в США в 1952 году республиканцев и назначением на пост государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса эта позиция прочно перешла в руки Рокфеллеров. Начиная с Даллеса и кончая Раском, все государственные секретари последнего десятилетия тесно связаны именно с этой «империей».

Джон Фостер Даллес, хотя имел весьма тесные связи с целым рядом крупнейших нью-йоркских банков, все же с полным основанием считался прежде всего представителем группы Рокфеллеров. Он являлся главой крупнейшей уолл-стритской юридической фирмы «Салливен энд Кромвелл», представляющей интересы Рокфеллеров. Кроме этого, Даллес занимал посты члена правления «Стандард ойл компани (Нью Джерси)», директора возглавля-

емой Лоуренсом Рокфеллером «Интернэшнел никель компани», играющей немаловажную роль в атомном бизнесе американских монополий, и др.

До своего назначения на пост государственного секретаря Дж. Ф. Даллес возглавлял «Фонд Рокфеллеров», что, если учесть значение, которое придается ими этому фонду, красноречиво характеризует доверие, которым Дж. Ф. Даллес пользовался в семье Рокфеллеров. Как выше уже указывалось, Дж. Ф. Даллес был связан с двумя ветвями семьи Рокфеллеров, что в значительной степени увеличивало его влияние внутри этой семьи, давая ему возможность играть роль некоего «связующего звена».

О влиянии, которое оказывал Дж. Ф. Даллес на внешнеполитический курс США, достаточно красноречиво сказал в книге «Внутренняя история администрации Эйзенхауэра» Ш. Адамс, человек, в течение ряда лет бывший наиболее могущественным в его правительстве. «Даллеса, — пишет он, — Эйзенхауэр считал самым талантливым и опытным дипломатом. Даллес пользовался всей полнотой власти, президент консультировался с ним больше, чем с кем-либо другим из членов кабинета. Эти два человека работали в самом тесном контакте друг с другом»²¹.

Сам Эйзенхауэр в своих мемуарах так объясняет назначение Дж. Ф. Даллеса на пост государственного секретаря. «Даллес устроил меня потому, что развивал теории, подобные тем, которые я сам долго обдумывал, относительно сохранения нашей национальной военной мощи и оказания воздействия путем политики, которую все стали потом называть „массированным возмездием“»²².

Младший брат Джона Фостера Даллеса Аллен Даллес представлял в правительстве Эйзенхауэра те же монополистические круги, что и старший брат. Будучи его партнером по юридической фирме «Салливен энд Кромвелл», он связан прежде всего с группировкой Рокфеллеров. Своей карьерой Аллен Даллес помимо значитель-

---

²¹ S h. A d a m s, First Hand Report. The Inside Story of Eisenhower Administration, L., 1962, p. 82.

²² D w i g h t D. E i s e n h o w e r, The White House Years: Mandate for Change, 1953—1956, p. 23.

ных связей и поддержки Рокфеллеров обязан незаурядной ловкости, в результате чего именно ему во время второй мировой войны были доверены не слишком чистоплотные переговоры с германскими монополиями, которые он вел за спиной союзников, находясь в Швейцарии.

Пост директора центрального разведывательного управления, занятый Алленом Даллесом, сделал его членом Совета национальной безопасности, то есть одним из наиболее влиятельных лиц в администрации Эйзенхауэра. Сила влияния даллесовского семейства была продемонстрирована и после прихода к власти правительства Кеннеди. Несмотря на поражение на выборах, которое потерпели в 1960 году республиканцы, поражение, непосредственно связанное с политикой, важнейшую роль в формировании и осуществлении которой играли Даллесы, президент Кеннеди не удалил Аллена Даллеса из правительства, оставив его на ключевой позиции, на которой он находился при республиканцах. И лишь оглушительный провал правящих кругов Вашингтона в связи с крахом авантюры на Кубе в апреле 1961 года положил конец карьере А. Даллеса. Вашингтону пришлось освободиться от него, для того чтобы успокоить общественное мнение.

Двумя братьями не ограничилось представительство семейства Даллесов в республиканской администрации. Еще один член этой семьи — Элеонора Даллес, сестра Джона и Аллена, стала видной фигурой в государственном департаменте. Под ее начало был поставлен один из важнейших его отделов. Она стала руководителем управления государственного департамента по делам Германии.

«Человеком Рокфеллеров» в правительстве был и получивший пост министра юстиции Герберт Браунелл. О важности этого поста говорит то, что министерство юстиции, помимо всего прочего, наблюдает за проведением в жизнь так называемого «антитрестовского законодательства», законов о налогообложении и других законов, имеющих большое значение для монополий. Браунелл — одно из довереннейших лиц семьи Рокфеллеров. Сам он обладает довольно крупным состоянием, которое нажил, будучи совладельцем нью-йоркской юридической фирмы «Лорд Дэй энд Лорд», а также принимая участие

в управлении крупнейшими ресторанами и отелями Нью-Йорка²³.

Помимо перечисленных лиц интересы Рокфеллеров в республиканской администрации представляли следующие члены могущественнейшего Совета национальной безопасности, представлявшего собой своеобразный «узкий кабинет»²⁴: Перси Вэл Брандэйдж — директор бюджетного управления, Льюис Страус — председатель комиссии по атомной энергии; Уильям Джексон — советник по делам «холодной войны» (после ухода с этого поста Н. Рокфеллера).

Важнейший пост министра обороны, в ведении которого находится, в частности, руководство гонкой вооружений и распределение военных заказов, был в 1952 году предоставлен руководителю крупнейшей промышленной дюпоновско-моргановской компании «Дженерал моторз» Чарльзу Вильсону²⁵. Только оклад, который Вильсон получал в качестве президента «Дженерал моторз», превышал 600 тыс. долл. ежегодно. Кроме того, по данным на 1950 год, Вильсону принадлежало 18,7 тыс. акций компании «Дженерал моторз».

Следует отметить, что в отношении поста министра обороны в Вашингтоне сложилась своеобразная «традиция». За единственным исключением, назначение на этот пост в послевоенные годы получают лишь видные бизнесмены, представляющие крупные промышленные компании. Исключением был генерал Джордж Маршалл, хотя и он занимал пост директора компании «Пан-Америкен уорлд айруэйз».

Пост министра обороны США занимали Джеймс Форрестол — глава крупного банка «Диллон Рид энд компани», Луис Джонсон — поверенный в делах «Пенсильвания рейлроуд компани» и «Пан-Америкен уорлд айруэйз»,

---

²³ После ухода в отставку Г. Браунелла в октябре 1957 года на пост министра юстиции был назначен другой представитель уолл-стритских компаний — Уильям Пирс Роджерс, бывший до того времени заместителем Браунелла. В течение многих лет он работал в различных юридических фирмах, обслуживавших уолл-стритские банки, и прямо из этих компаний перешел на руководящие посты в республиканской администрации.

²⁴ В правление Кеннеди значение этого органа резко упало в связи со стремлением Кеннеди сосредоточить всю полноту власти в своих руках.

²⁵ Умер в 1961 году.

Роберт А. Ловет — глава «Браун бразерз, Гарриман энд компани».

Не захотел нарушать эти традиции и Эйзенхауэр²⁶. При этом он далеко «переплюнул» своих предшественников. Назначенная им на пост министра обороны фигура Ч. Вильсона была настолько одиозна, что даже выдавший виды американский сенат не сразу решился утвердить его назначение на пост министра обороны. В процессе обсуждения этого вопроса на заседании сенатской комиссии по делам вооруженных сил 16 января 1953 г. в ответ на вопрос одного из членов комиссии, чьи интересы Вильсон будет защищать на посту министра обороны — интересы страны или интересы «Дженерал моторз», он ответил фразой, ставшей впоследствии знаменитой: «Что хорошо для «Дженерал моторз» — хорошо и для страны».

Помимо Вильсона интересы военно-промышленного концерна Дюпоны и Морганов в правительстве Эйзенхауэра были представлены министром внутренних дел Дугласом Маккеем и министром почт Артуром Саммерфилдом. Четвертым непосредственным представителем «Дженерал моторз» в республиканской администрации был Роджер Кейс, занимавший в этой компании пост заместителя Вильсона и перешедший на то же ампула в министерство обороны. Четыре представителя одной компании в кабинете — случай беспрецедентный, особенно если учесть, что в руках ставленников «Дженерал моторз» оказались посты первостепенной важности.

Интересы Морганов в правительстве Эйзенхауэра были представлены помимо Вильсона военным министром Стивенсом, министром авиации Тэлботом, заместителем министра финансов Барджесом и др.

Печать монополий с восторгом встретила назначение крупных дельцов типа Вильсона, Тэлбота и Стивенса на руководящие посты в органы, ведающие гонкой вооружения. Автор вышедшей в 1953 году книги «Республиканцы на Потомаке» консервативный публицист Дж. Франклин, говоря, что «в правительстве Эйзенхауэра ведущая роль принадлежит «команде Вильсона», взявшей в свои руки

---

²⁶ Верность этой своеобразной «традиции» демократы сохранили и после выборов 1960 года. Министром обороны в начале 1961 года стал одним из крупнейших бизнесменов страны — главный управляющий «империи» Фордов Роберт Макнамара, бывший до прихода в Пентагон президентом «Форд мотор компани».

посты, связанные с военным производством», писал, что «это вполне естественно, так как оборона является крупнейшим бизнесом в Соединенных Штатах»²⁷. После того как в 1957 году Вильсон вышел в отставку, его место занял миллионер Н. Макелрой. До своего назначения на пост министра обороны Макелрой занимал пост президента «Проктер энд Гэмбл компани», годовой оборот которой превышает миллиард долларов. Эта компания помимо многочисленных предприятий в США владеет заводами и фабриками в Англии, Италии, Бельгии, Мексике, Колумбии, Венесуэле, Южно-Африканской Республике и других странах. Кроме того, Макелрой, являясь одним из директоров таких гигантских компаний, как «Дженерал электрик» и «Крайслер», владеет значительным количеством их акций.

В декабре 1959 года Макелрой ушел в отставку, вернувшись к предпринимательской деятельности. Его сменил Томас Гейтс-младший.

Т. Гейтс-младший родился в 1906 году в Филадельфии в семье банкира-миллионера. Предпринимательскую деятельность начал в компании своего отца — крупнейшей инвестиционной фирме «Дрексел энд компани». Эта фирма считается основным представителем банкирского дома Морганов среди деловых кругов Филадельфии. С начала 60-х годов Гейтс становится видной фигурой в «империи» Морганов, заметным деятелем Уолл-стрита. В кругах моргановских корпораций утверждают, что Г. Александер готовит Гейтса себе на смену, когда он решит отойти от дел по руководству моргановской «империей».

На первый взгляд, среди уолл-стритских групп в наилучшем положении оказались Рокфеллеры, в то время как на долю Морганов в правительстве Эйзенхауэра достались значительно более скромные позиции.

Однако в действительности представительство Морганов в правительстве Эйзенхауэра было значительно более основательно, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Верные своей тактике действовать скрытно, не выставляя, в отличие от Рокфеллеров, напоказ своего могущества, они не посадили в министерские кресла ни-

---

²⁷ J. Franklin, *Republicans on the Potomac (The New Republicans in Action)*, N. Y., 1953, p. 143.

кого из непосредственных руководителей своих банков. Тем не менее в их руках оказался пост, при помощи которого дом Морганов мог осуществлять контроль над всей деятельностью правительства Эйзенхауэра.

Этот пост не является конституционным, но человек, занимавший его в течение 1953—1957 годов, фактически располагал большей властью, чем любой из членов кабинета. Речь идет о Шермане Адамсе, назначенном Эйзенхауэром начальником канцелярии Белого дома. Характеризуя роль, которую играл Адамс, весьма информированный в вашингтонских закулисных делах «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» отмечал: «Начальник канцелярии Белого дома — влиятельный Адамс, который фактически является вице-президентом по вопросам исполнительной власти... Адамс является вторым после самого президента, кто несет наибольшую личную ответственность за политику Белого дома.

Шерман Адамс может говорить от имени президента с членами кабинета точно так же, как и с другими членами исполнительной власти и представителями законодательной власти. Когда Адамс говорит по какому-либо конкретному вопросу, то предполагается, что его мнение является результатом тщательного изучения точки зрения президента и было бы именно таковым, если бы президент присутствовал сам»²⁸.

Журнал в данном случае несколько не преувеличивал роли, которую играл Адамс в течение пяти лет своего пребывания в Вашингтоне. Все источники, как официальные, так и неофициальные, подтверждают, что степень влияния Адамса на государственные дела превосходила влияние любого другого представителя вашингтонской администрации, включая и вице-президента Никсона.

Более того, именно Адамс встал на пути Никсона, когда тот во время тяжелого заболевания Эйзенхауэра в 1955 году пытался взять на себя руководство деятельностью правительства. Это относится ко всем вопросам внутренней политики США. Единственным из министров, не подотчетных Адамсу, являлся Дж. Ф. Даллес, который держал в своих руках все руководство внешней политикой не только формально, но и фактически.

Таким образом, если во внешней политике действи-

---

²⁸ «U. S. News and World Report», 1957, Nov. 22.

тельно важнейшие позиции находились в руках Рокфеллеров, чьим ставленником являлся Дж. Ф. Даллес, то в области политики внутренней Моргану, стоявшие за спиной Адамса, располагали достаточно надежным рычагом.

Помимо Адамса важную роль в качестве ставленника Морганов в официальном Вашингтоне играл Гарольд Стассен. Значение и влияние Стассена в республиканской партии и ближайшем окружении Эйзенхауэра выходило далеко за пределы тех официальных функций, которые ему поручались за время пребывания у власти республиканской администрации (руководство так называемым управлением заграничных операций, различные дипломатические функции и пр.). Фактически Стассен входит в узкую группу лиц, играющих определенную роль в руководстве республиканцев. Стассен в политических кругах Вашингтона расценивается как фигура, которая при соответствующих обстоятельствах в любой момент может рассматриваться в качестве кандидата на пост президента или вице-президента.

Политическими кампаниями Стассена руководит обычно Бернард Мичел-Шенли — директор ряда моргановских компаний. Стассен непосредственно связан с Джоном В. Хэйзом, руководителем моргановской «Бэнкерз траст компани».

Весьма важные позиции в правительстве Эйзенхауэра заняло тесно связанное с уолл-стритским бостонское региональное объединение. Имеющий большое значение пост министра торговли был предоставлен бостонскому миллиардеру Синклеру Уиксу. В момент назначения Уикс был директором «Ферст нэшнел бэнк (Бостон)» — одной из американских компаний-миллиардеров. В течение нескольких лет Уикс занимал пост одного из директоров Национальной ассоциации промышленников.

Другой видный представитель бостонской финансовой группировки, Генри Кэбот Лодж, получил пост главы американской делегации в Организации Объединенных Наций.

Таким образом, уолл-стритское и близкое к нему бостонское региональные объединения американского финансового капитала, сыгравшие решающую роль в выдвижении кандидатуры Эйзенхауэра на пост президента, заняли в его правительстве наиболее прочное положение.

Немаловажные позиции в правительстве заняли и ставленники остальных региональных объединений американского капитала. Один из руководителей среднезападного объединения Джордж Хэмфри получил пост министра финансов. Хэмфри — человек, располагающий огромным личным состоянием (236 млн. долл.). К моменту своего назначения на пост министра финансов Джордж Хэмфри был президентом трех крупнейших корпораций и занимал директорские посты еще в 34 корпорациях и промышленных фирмах. Общие активы этих компаний превышали 2,6 млрд. долл. Огромные богатства, находившиеся за спиной Хэмфри, сделали его одним из наиболее влиятельных членов кабинета Эйзенхауэра. Хорошо информированные вашингтонские журналисты Д. Пирсон и Дж. Андерсон в книге, посвященной деятельности правительства Эйзенхауэра, пишут по поводу Хэмфри: «Его влияние чувствовалось повсюду. Его кабинет стал неофициальным проверочным пунктом правительственной политики. Главы других министерств поняли, что прежде, чем являться с предложениями в Белый дом, следует заручиться поддержкой Хэмфри. Сам Эйзенхауэр однажды сказал о министре финансов: «Когда выступает Джордж, мы все слушаем». Эйзенхауэр даже пригласил Хэмфри участвовать в заседаниях Совета национальной безопасности, который решает вопросы военной и внешней политики, хотя это и не предусмотрено статутом совета. И несмотря на то что Хэмфри в совете не голосовал, его сильная личность и большое влияние на президента имели тенденцию доминировать в совете, так же как и в кабинете министров»²⁹.

Влияние Хэмфри на президента было настолько велико, что и после его ухода с поста министра он продолжал направлять многие действия вашингтонской администрации, систематически встречаясь с Эйзенхауэром в неофициальной обстановке. «Трагедия состоит в том, — заявил профсоюзный лидер У. Рейтер, выступая перед безработными весной 1959 года, — что политику правительства Эйзенхауэра определяют не министры, а Джордж Хэмфри во время их совместной охоты на перепелов в имении Хэмфри»³⁰.

²⁹ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-class power? p. 104.

³⁰ «New York Times», Apr. 8, 1959.

Назначение деятелей типа Хэмфри на министерские посты рассматривалось в США как умышленный отказ от политических традиций, заключавшихся в том, что сами миллиардеры оставались за кулисами. «В течение 60 лет, — писал в дни формирования правительства Эйзенхауэра весьма консервативный журнал «Форчун», — фактически было только одно назначение, которое можно было бы сравнить с политической дерзостью, неожиданно проявленной Эйзенхауэром при назначении Вильсона и Хэмфри. Это было назначение Эндрю Меллона, который, следует напомнить, сразу же стал объектом жестоких нападок. Эйзенхауэр вряд ли мог выбрать двух человек, которые бы в большей степени представляли интересы крупного капитала середины XX века, его методы, его философию и его гонор»³¹.

Позже интересы среднезападной группировки в правительстве представлял также Артур Флемминг, занявший пост министра здравоохранения. До назначения на пост министра здравоохранения Флемминг занимал ряд других постов в правительственном аппарате, в том числе в комиссии по атомной энергии и управлении мобилизации для обороны.

Интересы юго-западного регионального объединения в правительстве республиканской партии представлял прежде всего вице-президент Р. Никсон. От имени калифорнийских банкиров выступали также председатель Верховного суда страны, бывший губернатор штата Калифорния Уоррен и сменивший умершего Тафта на посту лидера республиканцев в сенате сенатор от штата Калифорния Ноулэнд.

Эйзенхауэр недолюбливал Никсона, навязанного ему в партнеры. «Эйзенхауэр, — пишет Адамс, — высоко ценил ораторские способности Никсона, однако считал, что ему не следовало бы находиться на посту вице-президента. Во время президентских выборов в 1956 году он сказал Никсону, что пост министра обороны, например, больше бы ему импонировал»³².

Вместе с тем в своих мемуарах Эйзенхауэр говорит, что он ценил Никсона, который «приобрел хорошую репутацию как один из поборников борьбы с коммунисти-

³¹ «Fortune», 1953, Jan.

³² S h. A d a m s, The Inside Story of Eisenhower Administration, L., 1962, p. 80.

ческим проникновением»³³. Однако об отсутствии настоящей близости между этими двумя деятелями республиканской партии свидетельствует хотя бы тот знаменательный факт, что в ходе предвыборной кампании 1964 года бывший президент не высказал никакого желания поддержать в руководстве партии политические амбиции Р. Никсона.

Вернемся, однако, к началу 50-х годов. Имеются данные, свидетельствующие о том, что началом своей политической карьеры Никсон обязан джанниниевскому «Бэнк оф Америка». Человеком, впервые выдвинувшим Никсона, был один из ближайших помощников А. Джаннини директор «Бэнк оф Америка» Г. Перри. Весьма тесно с первых шагов на политической арене Никсон сотрудничал и с видным на юго-западе предпринимателем Чендлером, являющимся партнером промышленника Кайзера.

В последующие годы в американской печати появились сведения о том, что Никсон стал устанавливать связи и с другими монополистическими кругами США. Это нашло свое подтверждение во время предвыборных кампаний 1956 и 1960 годов. Атаку против Никсона в качестве кандидата на пост вице-президента на второй срок возглавил в 1956 году ставленник Морганов Г. Стассен. Однако против него выступили те силы в республиканской партии, которые обычно отражают взгляды Рокфеллеров, — машина Дьюи — Браунелла. Они поддержали кандидатуру Никсона. Это свидетельствует о том, что Никсон, серьезно готовившийся к выдвижению своей кандидатуры на пост президента, расширял свои связи, понимая, что в качестве ставленника только юго-западных монополий серьезно рассчитывать на успех он не может³⁴. Особенно наглядно это подтвердилось в избира-

³³ Dwight D. Eisenhower, *The White House Years: Mandate for Change*, p. 46.

³⁴ Для Никсона является характерным весьма большая гибкость и подвижность его политических симпатий. Нижеследующие выдержки из книги Д. Пирсона и Д. Андерсона «США — второразрядная держава?» так рисуют политическое лицо Р. Никсона: «Ричард Милхоус Никсон — это молодой человек, который держит нос по ветру. Его курс меняется в зависимости от перемены ветра. Он побывал по обеим сторонам многих политических заборов. Он был либералом, крайним реакционером, умеренным и, наконец, снова либералом...».

«Изучение сравнительно молодой еще жизни Ричарда Никсона показывает, что, голосуя в первый раз в своей жизни, он отдал свой

тельной кампании 1960 года, когда Никсону удалось добиться выдвижения своей кандидатуры, опираясь на поддержку основных монополистических групп. Не случайно журнал «Америкен соушиэлист», комментируя положение внутри республиканской партии, писал: «Ни в каком законе не говорится, что Никсон должен остаться врагом «нового республиканизма». В конце концов «Чейз нэшнел бэнк» и «Дженерал моторз» могут собрать больше средств для ведения кампании, чем какая-либо группа калифорнийских предпринимателей, а Никсон — ловкий малый»³⁵.

«Основу политической деятельности Никсона составляют не глубокое убеждение и вера в те или иные идеи и идеалы, а умелая тактика, маневрирование, расчетливость; при этом недостаток таланта он возмещает упорством»³⁶. Так в книге о Никсоне говорит У. Костелло, многие годы освещающий в американской печати закулисную жизнь Вашингтона.

Потерпев поражение на президентских выборах 1960 года, Никсон не оставил планов стать президентом, тщательно готовясь к предвыборной кампании 1964 года.

голос Франклину Д. Рузвельту. Свою политическую жизнь он начал в качестве молодого адвоката в одном из наиболее либеральных учреждений «нового курса» — Управлении по вопросам цен. Однако, попав в конгресс, он голосовал против профсоюзов, против контроля над ценами и всех других мероприятий, от которых отдавало «новым курсом». Он был упорным изоляционистом тафтовского толка; голосовал против иностранной помощи, против поставок вооружения Корею, однако позднее он стал самым энергичным пропагандистом идей иностранной помощи и вооруженной интервенции даже в Индокитае».

«Первая избирательная кампания, которую вел Никсон, была кампания 1946 года по выборам в конгресс. Немногие из принимавших участие в этой кампании поняли, что ей предстояло положить начало политической кампании нового типа, названной впоследствии «маккартизмом», и что она положила начало карьере молодого лейтенанта военно-морского флота, ведущей в Белый дом. Этот лейтенант по имени Ричард М. Никсон приклеил ярлык коммуниста своему конкуренту, члену конгресса Джерри Вурхису, одному из самых богатых и молодых членов конгресса».

«Было нанято множество телефонисток, которые звонили избирателям и тайно спрашивали: «А вы не знали, что конгрессмен Вурхис был коммунистом?». В результате такой тактики Никсон победил. На следующих выборах он применил такую же тактику против демократа Эллена Г. Дуглас».

³⁵ «American Socialist», 1956, Oct.

³⁶ W. Costello, The Facts about Nixon, N. Y., 1960, p. 8.

Большую роль среди вашингтонских ставленников юго-западного объединения играет и бывший губернатор штата Калифорния Э. Уоррен. Его кандидатура дважды выдвигалась на пост вице-президента, и в каждой предвыборной кампании он рассматривается как один из возможных кандидатов республиканцев. Его назначение на важный пост председателя Верховного суда не означает, что перспективы его выдвижения в Белый дом больше не существует. Он по-прежнему наряду с Никсоном, Н. Рокфеллером, Г. Лоджем, Г. Стассеном и набирающими силу Д. Ромни и У. Скрэнтоном остается весьма влиятельной в республиканской партии фигурой. Кандидатура его при соответствующих обстоятельствах может быть сочтена наиболее подходящей, особенно если учесть, что в последние годы происходит заметное сближение внешнеполитических интересов банков Уолл-стрита и Юго-Запада.

Значительно повысило политические акции Э. Уоррена то, что именно ему в ноябре 1963 года президент Л. Джонсон поручил возглавить специальную комиссию, которой было поручено расследовать все обстоятельства убийства Дж. Кеннеди. Это поручение предоставило в руки Уоррена большие политические возможности.

Не желая отставать от своих уолл-стритских и среднезападных коллег, банкиры Юго-Запада не только послали в Вашингтон своих политических ставленников, но направили туда и непосредственных руководителей «Бэнк оф Америка». Так, один из ближайших помощников Джаннини член директората «Бэнк оф Америка» Эрик Джонстон занял пост руководителя комитета международного развития. Он стал в Вашингтоне фигурой очень влиятельной, весьма близкой к президенту Эйзенхауэру, неоднократно выполнял его ответственные задания, осуществлял по поручению президента важные миссии за границей.

Другой директор «Бэнк оф Америка», Гордон Грэй, в начале президентства Эйзенхауэра занимал руководящее положение в министерстве обороны, а затем стал руководителем управления производства для обороны, и в этом качестве вошел в так называемый «узкий кабинет», стал членом Совета национальной безопасности.

Летом 1958 года важный пост в республиканской администрации был предоставлен еще одному представителю юго-западного капитала. На место получившего

повышение Льюиса Страуса руководителем комиссии по атомной энергии был назначен Джон Маккоун — видный предприниматель, тесно связанный с Джаннини.

Таким образом, джанниниевская группа осталась верна себе. Будучи первой среди монополистических групп США, поставивших захват ключевых позиций в государственном аппарате и их использование в своих корыстных интересах на широкую ногу, эта группа в администрации Эйзенхауэра овладела целым рядом важнейших постов, что дало ей возможность в период нахождения у власти правительства республиканской партии в значительной степени увеличить свое политическое влияние.

Интересы южного (техасского) объединения в правительстве республиканской партии было поручено защищать Андерсону и г-же О. Хобби. В 1952 году Андерсон занял пост морского министра. Затем в связи с его передвижением на новую должность морским министром стал крупный делец, возглавлявший обширную торговую сеть на западном побережье страны, связанный с банком Джаннини Ч. Томас. О. Хобби, занявшая в 1952 году пост министра здравоохранения и социального обеспечения, так же как и Андерсон, тесно связана с техасскими нефтяными компаниями. Вместе со своим мужем она располагает значительным состоянием, владея крупной издательской фирмой.

Впоследствии южное объединение еще больше укрепило свои позиции в республиканской администрации. После того как Д. Хэмфри в силу ряда причин вышел в отставку, его место перешло к Р. Андерсону. Таким образом, в руках южных миллиардеров оказался важнейший пост министра финансов³⁷.

Р. Андерсон — обладатель крупного состояния, техасский промышленник и финансист. В течение нескольких лет он являлся президентом чрезвычайно могущественной компании «Венчурс лимитед».

«Венчурс лимитед» имеет капиталовложения на всех пяти континентах. Ей принадлежат десятки предприятий по добыче урана, меди, нефти, свинца, золотые прииски, заводы по переработке урана, никеля. Эта компания непосредственно связана с производством атомного оружия.

---

³⁷ С приходом в Белый дом техасца Л. Джонсона акции Андерсона поднялись еще выше.

«Министр финансов Андерсон, — писал американский прогрессивный экономист А. Шилдс, — связан с атомной бомбой тремя путями. Во-первых, атомная руда — одно из лучших владений в его горнорудной империи; во-вторых, компания Андерсона производит горючее для адской бомбы... В-третьих, никель, производимый компанией Андерсона, используется на атомных предприятиях, а также в реактивных самолетах и управляемых снарядах»³⁸.

Интересы тexasских миллиардеров в правительстве Эйзенхауэра представлял еще один деятель, однофамилец министра финансов, тexasский делец Д. Андерсон, входивший в состав Совета национальной безопасности в качестве помощника президента по делам этого совета. Д. Андерсон — совладелец юридической фирмы «Бэйкер, Ботс, Эндрис энд Шэперд» в Хьюстоне, которая представляет интересы тexasских нефтяных королей; он занимает также ряд директорских постов в тexasских компаниях.

Таким образом, монополистический капитал США после выборов 1952 года непосредственно взял в свои руки весь правительственный аппарат Соединенных Штатов.

3. КЛЮЧЕВЫЕ ПОСТЫ В ВАШИНГТОНЕ В РУКАХ МОНОПОЛИЙ

Однако одними министерскими постами дело не ограничилось. Одна из отличительных особенностей смены руководства правительственного аппарата в связи с приходом к власти республиканской партии заключалась в том, что крупные дельцы сели не только в министерские кресла, но также взяли в свои руки буквально все ключевые посты в государственном аппарате Соединенных Штатов. «Масштабы участия представителей бизнеса в правительстве, — писала в те дни близкая к демократической партии газета «Нью-Йорк пост», — можно ясно представить себе только при ознакомлении с лицами, назначенными на должности ниже министерских постов, то есть с лицами, которые будут нести ответственность за определение важнейших деталей политики»³⁹.

³⁸ «Daily Worker», Febr. 9, 1953.

³⁹ «New York Post», Dec. 27, 1952.

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в дни формирования нового руководства правительственными учреждениями писала, что нью-йоркские деловые круги, близкие к Браунеллу, составили список кандидатов на 900 высших правительственных постов. По словам газеты, этот список состоял только из дельцов и в него не был включен ни один профессиональный политический деятель. Только должности, стоящие ниже этих 900, считались доступными для профессиональных политиков республиканской партии⁴⁰.

Весьма характерным для методов формирования республиканской администрации являлось то, что вскоре после выборов Эйзенхауэр создал так называемый комитет по упрощению структуры правительственных органов, призванный внести предложения по реорганизации правительства. Во главе этого комитета был поставлен не кто иной, как Нельсон Рокфеллер.

Подбор кадров Белого дома Эйзенхауэр поручил вице-президенту входящего в так называемую «большую тройку банков» «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)» Роджеру Стефану. Уже сами эти факты говорили о характере реорганизации правительственных органов, затеянной руководством республиканской партии. В результате этой «реорганизации» десятки и сотни важных постов в государственном аппарате оказались, так же как и министерские посты, в руках представителей ведущих монополий США. Из 274 человек, занявших решающие политические и руководящие должности в правительстве, сформированном Эйзенхауэром в 1952 году⁴¹, 150 человек были крупными капиталистами и лишь 12 — профессиональными политиками.»

«В 1958 году из 99 лидеров общенационального значения 17 делали карьеру на политической деятельности; 46 лидеров-бизнесменов одновременно занимали видные посты в федеральном правительстве; остальные 36 крупных дельцов не избирались и не назначались на государственные должности, однако пользуются огромной властью в масштабах всей страны»⁴², — отмечал известный буржуазный социолог Ф. Хантер. «Большая часть наиболее влиятельных лидеров этой высшей группы представляет

⁴⁰ «New York Herald Tribune», Dec. 26, 1952.

⁴¹ V. Perlo, The Empire of High Finance, N. Y., 1957, p. 280.

⁴² F. Hunter, Top Leadership, pp. 179—180.

крупнейшие монополистические корпорации — 23 человека. Именно эта сотня людей является ядром власти в стране»⁴³.

Говоря о проникновении монополистов в Вашингтон, о резко возросшем влиянии, которое они оказывали на мероприятия правительства, необходимо остановиться также на изменениях в функционировании аппарата Белого дома, на целой системе официальных, полуофициальных и неофициальных помощников президента, которая возникла и расцвела в период нахождения в Белом доме Дуайта Эйзенхауэра.

Возникновение этой системы различные американские политические специалисты объясняют по-разному. Одни утверждают, что она явилась следствием неспособности Эйзенхауэра заниматься конкретными и многообразными делами государственного управления, другие — что это следствие его военных привычек и желаний создать в Белом доме своеобразный «штаб по руководству государственным аппаратом». Справедливо, очевидно, и то, и другое. Но так или иначе с приходом Эйзенхауэра в Белый дом там был создан обширный аппарат, роль которого от года к году возрастала и который к исходу первого срока пребывания Эйзенхауэра на посту президента превратился в важнейшее звено государственного управления.

Следует отметить, что эта система, введенная Эйзенхауэром, была оставлена в силе и еще больше расширена и усовершенствована Кеннеди, что свидетельствует о попытках правящих кругов все больше централизовать власть и убрать политическую кухню Вашингтона подальше от глаз общественности, в тишь укромных кабинетов. Правда, здесь следует сказать и о разнице в функциях, которые возлагали на свой «подсобный аппарат» Эйзенхауэр и Кеннеди. Если первый старался переложить на своих помощников и советников немалую часть своей работы и ответственности, то Кеннеди, наоборот, использовал этот аппарат для уменьшения роли своих министров и для еще большей концентрации власти в своих руках.

Выше уже говорилось об огромном влиянии, которым пользовался помощник президента Эйзенхауэра Шерман

---

⁴³ F. Hunter, *Top Leadership*, p. 173.

Адамс. Значительную власть сосредоточили в своих руках и другие сотрудники штата Белого дома. Хотя все эти должности и не предусмотрены конституцией, влияние людей, их занимающих, весьма велико.

В этом звене монополисты имели не менее прочные позиции, чем в министерствах и ведомствах. Но и этим дело не ограничивалось. Американские политические наблюдатели подчеркивали, что огромное влияние на президента Эйзенхауэра и все решения, им принимавшиеся, и зачастую определяющее непосредственное влияние на важнейшие государственные мероприятия оказывало неофициальное окружение президента, известное как «кабинет гольфовского клуба в Огасте».

«Самое значительное влияние на Дуайта Эйзенхауэра во время его пребывания в Белом доме, — пишут Д. Пирсон и Д. Андерсон, — оказывает не кабинет, не лидеры сената или палаты представителей, а небольшая группа его интимных друзей, известных как „гольфовский клуб в Огасте“...»⁴⁴. Эта группа собиралась в коттедже, который называется по имени жены Айка «Хижина Мэйми». «Хижина представляет собой коттедж из 18 комнат с семью ваннами и является примером того, что можно сделать за хорошие деньги у подножья холмов Джорджии. Это был подарок Айку от его друзей с Уолл-стрита, который стоил, включая расположенный неподалеку пруд с рыбой, 200 тыс. долл. Помещение было оборудовано установкой для кондиционирования воздуха, радиальным отоплением, непрямым освещением, двумя электрическими печами из нержавеющей стали, холодильником, внутренней системой связи, двумя гигантскими, вделанными в стену телевизорами и дорогой мебелью»⁴⁵.

Кто же входил в состав этой группы, собиравшейся в «скромной хижине» в Джорджии? Ядром группы, ее главным организатором и лицом, имевшим на президента Эйзенхауэра огромное влияние, называли крупного воротилу Сиднея Вайнберга. Пирсон и Андерсон характеризуют его кратко и выразительно: «Человек, который поставил на должности в кабинете Эйзенхауэра больше своих друзей, чем кто-либо другой во всей стране, и ко-

⁴⁴ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-Class Power? N. Y., 1958, p. 95.

⁴⁵ Ibid., p. 97.

торый является директором большого числа корпораций, чем кто-либо другой в стране»⁴⁶.

Коллегами Вайнберга по клубу в Огасте являлись президент «Дженерал электрик» Ральф Кординер, председатель нефтяной компании «Сити сервис ойл компани» Олтон Джонс, видный деятель джанниниевской группы Джон Макклой, председатель компании-миллиардера «Мьючуэл лайф иншуренс компани оф Нью-Йорк» Люис Дуглас, президент знаменитой компании «Кока-кола» Уильям Робинсон, другой руководитель этой же фирмы— Роберт Вудрафф, крупный банкир Клиффорд Робертс, председатель правления основной компании нефтяной «империи Рокфеллеров» «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» Юджин Холмен и президент крупнейшей американской сталелитейной компании-миллиардера «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Бэнджамин Фэйрлесс.

Помимо этой группы дельцов в ближайшее окружение президента входили брат президента Мильтон Эйзенхауэр, генералы Альфред Грюнтер и Беделл Смит. Специальным помощником президента по делам, связанным с Советом национальной безопасности, являлся бостонский банкир Роберт Катлер.

Интересные подробности в связи с этим сообщил как-то «Нью-Йорк таймс мэгэзин» в статье, озаглавленной «Ближайшее окружение Эйзенхауэра», напечатанной в номере от 3 февраля 1957 г. В статье рассказывалось о чрезвычайно большом влиянии, которое оказывала на деятельность правящих кругов США эта группа людей, в состав которой, по данным журнала, входило около 50 человек.

Как подчеркивал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», это «частные лица, которые, лишь за немногими исключениями, являются магнатами крупной промышленности, видными банкирами и знаменитыми юристами»⁴⁷. «Таковы богатые и преуспевающие крупные дельцы,— признавал «Нью-Йорк таймс мэгэзин»,— на которых Эйзенхауэр с искренним восхищением начал ориентироваться в последние годы в общественном и интеллектуальном смысле... Президент интересуется их личными взглядами на законодательство, на программы правительства, на положе-

⁴⁶ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-class-power? p. 97.

⁴⁷ «New York Times Magazine», 1957, Febr. 3.

ние страны и всего мира... Было бы трудно переоценить влияние этой группы на образ мыслей Эйзенхауэра или на формирование тех взглядов, на фоне которых он взвешивает многие из вопросов и проблем, которые ему приходится решать как президенту»⁴⁸.

Надо сказать, что такая форма влияния на главу исполнительной власти США чрезвычайно удобна, ибо эта группа была совершенно бесконтрольна и действовала обычно за кулисами.

И в этом вопросе традиция, принесенная в Вашингтон Эйзенхауэром, закрепилась в политическом обиходе Белого дома и при его преемниках, ибо Л. Джонсон пока без особых изменений сохранил как структуру, так и в немалой степени персональный состав помощников и советников, работавших при Кеннеди. Президентом Кеннеди и Джонсона окружили другие люди, но, так же как и при Эйзенхауэре, это окружение играет в политической жизни большую и все возрастающую роль.

Список ближайших советников Эйзенхауэра был мало похож на список политических деятелей. Он скорее напоминал перечень руководителей крупнейших корпораций и банков Соединенных Штатов Америки. Именно эти люди определяли деятельность правительства республиканской партии.

Конкретная степень воздействия группы людей, находившихся в ближайшем окружении президента, конечно, трудно установима. Однако, учитывая, во-первых, то, что, по свидетельству всех близко его знающих, Эйзенхауэр был подвержен в значительной степени воздействию влияния окружающих его людей, и, во-вторых, огромную власть, которой облечен президент США, можно предполагать, что эта группа действительно в значительной степени влияла на политику республиканской администрации. А о том, в каком направлении шло это влияние, нетрудно догадаться, зная персональный состав группы советников президента Эйзенхауэра.

4. ВАШИНГТОН И НОВАЯ РОЛЬ ВОЕНЩИНЫ

После прихода к власти республиканской партии в Вашингтоне еще больше усилилось влияние военных.

---

⁴⁸ «New York Times Magazine», 1957, Febr. 3.

Правительство США возглавил профессиональный военный — факт, в американской истории встречающийся исключительно редко.

Бывший верховный комиссар США в Германии Джон Макклой в выпущенной им книге пишет, что этот процесс «усиления влияния военных на политику естествен в мире, где сила стала решающим фактором»⁴⁹. В книге «Американская военная политика» проф. Е. Фернисс по этому поводу пишет: «Трудно найти в Вашингтоне политическую проблему, в решении которой не участвовали бы военные руководители. Конгресс США только штампует рекомендации военных даже по таким вопросам, как бюджетные расходы. Ответственность за начало войны несут не конгресс или президент, а военные, которые обязаны отчитаться в своих действиях.., если будут иметь на это время»⁵⁰. Резко возросшая роль военщины — характерная черта американской столицы последних лет. Но усиление роли военных не сводится к проникновению военных в передние и кабинеты Белого дома. Речь идет о процессе более широком, о сращивании и переплетении кругов военщины, верхушки корпораций и руководящих политических сфер.

Еще в январе 1944 года президент моргановского концерна «Дженерал электрик» Ч. Вильсон (тезка и однофамилец Вильсона из «Дженерал моторз») выступил на заседании Американской артиллерийской ассоциации — влиятельной организации реакционных офицерских кругов с целой программой организованного проникновения монополий в систему Пентагона. При этом подчеркивалось, что это делается в целях создания «постоянной военной экономики», то есть обеспечения непрерывной гонки вооружений и в мирное время, для чего необходимо укрепить сотрудничество между крупным капиталом и военными. Вильсон предложил, чтобы каждая корпорация выделила для связи с вооруженными силами специального уполномоченного в чине полковника запаса. Высшая государственная власть должна гарантировать эту практику, потребовал президент «Дженерал электрик».

К тому времени Морганы, Рокфеллеры, Дюпоны, Меллоны и другие магнаты Уолл-стрита готовились вложить

⁴⁹ J. McCloy, *The Challenge to American Foreign Policy*, N. Y., 1953, p. 39.

⁵⁰ E. Furniss, *American Military Policy*, N. Y., 1957, p. 43.

миллиарды долларов в производство атомного оружия, реактивных самолетов и электронного оборудования. Требуя перехода Пентагона под непосредственный контроль корпораций, президент «Дженерал электрик» выступал от имени самой верхушки монополистического капитала.

Представители правительства не проронили ни слова относительно того, принята ли эта «программа»; она не обсуждалась и в конгрессе США. Как оказалось, однако, в негласном порядке, без всякого шума реформа Пентагона была проведена в жизнь. В Вашингтоне пошли гораздо дальше, чем вначале предложил представитель Моргана. Вместо того чтобы закрепить за монополиями право постоянного представительства при Пентагоне, был фактически установлен порядок, при котором все руководители Пентагона, в любом из его ведомств, назначаются из числа монополистов, так или иначе связанных с торговлей оружием.

Выше уже отмечалось, что почти все министры обороны Соединенных Штатов Америки, их заместители, военные министры, морские министры и министры авиации за 15 послевоенных лет были избраны из кругов монополистов. Правящие буржуазные партии сменялись у кормила власти. В Вашингтоне либо громко бряцали оружием, либо говорили красивые слова о мире. Но в Пентагоне у руля бессменно стояли лица, представляющие одни и те же силы.

Военные монополии свили гнезда не только в министерских кабинетах, но и во всех отделах Пентагона. Директора и юрисконсульты корпораций занимают посты советников, «специальных» помощников, экспертов при министрах и их заместителях.

Сопоставление обширных данных приводит к определенному выводу. Представители шести ведущих монополий и олигархических групп в области электроники и ракетостроения — моргановские «Дженерал электрик», «Америкен телефон энд телеграф компани», «Дженерал моторз», «Дженерал дайнэмикс», группа Рокфеллеров, группа Меллонов — чередовались все это время при назначениях на ведущие посты в Пентагоне. В круг избранных входили также группа Дюпонов, такие корпорации, как «Крайслер», «Локхид эйркрафт» и т. д. Участники этого круга в то же время занимали командные посты в обеих правящих партиях — республиканцев и демокра-

тов. Контроль монополий над Пентагоном, таким образом, был застрахован вдвойне — изнутри государственного аппарата и со стороны руководства буржуазных партий.

Вместе с тем с неменьшей интенсивностью происходит и обратный процесс, не менее важный и выгодный монополиям. Если дельцы спешно напяливают генеральские мундиры, то генералы и адмиралы пачками направляются в правления крупных банков и корпораций. Вот перечень лишь некоторых высокопоставленных военных, занявших видное положение в мире американского бизнеса. Бывший главнокомандующий вооруженными силами США в Европе и председатель организационного комитета министерства обороны генерал Джозеф Маккарни — ныне вице-президент крупнейшей из военно-промышленных корпораций США «Дженерал дайнэмикс». Генерал Маккарни возглавляет в корпорации отдел, выпускающий по заказам Пентагона реактивные самолеты и ракеты. Бывший главнокомандующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке и руководитель интервенции в Корее генерал Д. Маккартур, умерший весной 1964 года, был главой концерна «Сперри рэнд корпорейшн». Концерн продает министерству обороны ракеты, аппаратуру для подводных лодок, радарное оборудование.

Бывший заместитель Эйзенхауэра на посту командующего вооруженными силами США в Западной Германии генерал Л. Клей — председатель правления концерна «Континентэл кэн компани», доходы которого в связи с участием в военном, в частности ракетном, производстве составили в 1959 году 1 млрд. 147 млн. долл. Ближайший сотрудник Клея в Германии бывший помощник военного министра и особоуполномоченный США в штабе НАТО генерал Дрэйпер — компаньон банкирского дома «Диллон, Рид энд компани», еще до второй мировой войны финансировавшего германскую военную промышленность.

Бывший начальник штаба американской армии и председатель объединенной группы начальников штабов в 1949—1953 годах генерал Омар Брэдли — глава компании «Булова уоч компани». Бывший главнокомандующий тихоокеанским флотом США и преемник Брэдли на посту председателя объединенной группы начальни-

ков штабов адмирал А. Рэдфорд, известный как лидер группы сторонников «превентивной войны», после отставки стал консультантом моргановского банка «Бэнкерз траст компани», связанного с «Дженерал электрик». Бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе и начальник штаба американской армии генерал М. Риджуэй — руководитель промышленного института миллиардеров Меллонов, контролирующего группу военных монополий.

Его преемник на этом посту Л. Норстэд, отслуживший свой срок на посту главнокомандующего вооруженными силами НАТО, в декабре 1963 года был избран директором компании «Оуэнс-Корнинг фиброглас» и президентом «Оуэнс-Корнинг интернэшнел» (филиала «Оуэнс-Корнинг фиброглас»).

На этой военной бирже представлена и разведка. Генерал У. Доновэн, глава разведывательного управления «ООС» во время второй мировой войны, вернулся в свою адвокатскую контору, обслуживающую нефтяной трест «Стандард ойл компани (Нью Джерси)». Генерал У. Б. Смит, ранее начальник разведки при президенте Трумэне, а затем посол США в Москве, стал вице-президентом правления электронного концерна «АМФ атомикс». Адмирал Алан Кирк, бывший начальник морской разведки, председательствует в другой фирме — электронной корпорации «Меркаст», поставляющей оборудование для производства ракет и реактивных самолетов.

Мы назвали лишь наиболее известные имена. Каждый из этих генералов и адмиралов оставил свой след в политике американского империализма в последние два десятилетия, каждый из них считался в свое время «звездой» Пентагона. Теперь все они перешли на амплу адъютантов при торговцах оружием.

Так, среди руководящих деятелей одной из наиболее удачливых в смысле получения военных заказов правительств компании «Дженерал дайнэмикс» находится 27 генералов и адмиралов. В составе руководителей другого крупнейшего военного концерна — джанниниевского «Локхид эйркрафт» — 24 генерала. Среди руководителей моргановской «Дженерал электрик» генералов также больше, чем в иной армии, — 6. По пять генералов в руководстве таких компаний, как «Боинг эйрплейн», «Дуглас эйркрафт», «Норт америкен авиэйшен».

Правительство Кеннеди продолжило линию своих предшественников и в этом вопросе. Вот один из примеров. В мае 1962 года в Вашингтоне было объявлено о создании при министерстве обороны так называемого комитета советников оборонной промышленности, в состав которого вошло 25 крупных предпринимателей, действующих в сфере военного бизнеса. Во главе комитета встал заместитель министра обороны уолл-стритский делец Р. Гилпатрик. Как заявило правительство, «комитет будет выполнять роль форума, в котором руководители Пентагона получают возможность разъяснять свои проблемы и задачи в области закупки вооружений, а представители промышленности смогут высказывать свои критические замечания и вносить предложения о тех или иных изменениях»⁵¹. Таким образом, администрация Кеннеди по примеру администрации Эйзенхауэра пошла на создание специальных органов, связывающих Пентагон и большой бизнес при очевидной руководящей роли последнего.

В целом этот двуединый процесс, результатом которого явилась явная милитаризация экономики и политики США, привел к новому для Соединенных Штатов явлению — заметному увеличению роли военщины во всех областях жизни, в том числе и в политике. При этом особое внимание военщины, естественно, обращено на внешнюю политику.

Назначение военных на дипломатические посты не означает, разумеется, простую механическую замену одного чиновника другим. Смена генеральского и офицерского мундира на фрак дипломата не меняет образа мышления военных, отличающихся особой реакционностью и враждебностью к странам социализма и демократии. Этот образ мышления вчерашние генералы и офицеры переносят в сферу дипломатии и международных отношений, лишая тем самым внешнеполитический курс Соединенных Штатов остатков гибкости и конструктивности.

Военные не только принимают широкое участие в разработке внешнеполитических акций в Вашингтоне. В их руках сосредоточены большие возможности и каналы, используя которые Пентагон участвует в непосредст-

---

⁵¹ «Washington Post and Times Herald», May 25, 1962.

венной реализации американских внешнеполитических планов за границей.

«Нравится нам это или нет, но применение силы и готовность применить силу лежат в основе внешней политики, и поэтому вырабатывают и осуществляют внешнюю политику США в значительной степени военные»⁵², — так откровенно формулирует свою мысль, подводя «теоретическую базу» под засилье военщины в Вашингтоне, известный американский профессор Джеймс Макками.

«Военное, некогда мизерное ведомство, вызывавшее к себе недоверие невоенных, — пишет американский социолог Р. Миллз в книге «Причины третьей мировой войны», — стало крупнейшей и наиболее дорогостоящей областью правительственной деятельности. Кажущаяся постоянная военная опасность ставит высшее офицерство в привилегированное положение; фактически все мероприятия в области политики и экономики сейчас рассматриваются с точки зрения военных оценок реальной обстановки. Впервые в истории США в состав власти... входят и военные заправилы Вашингтона... Короче говоря, высшие военные заняли твердое положение среди властвующей элиты нашего времени, и вскоре, по мнению многих сведущих наблюдателей, они вполне могут стать старшими братьями»⁵³.

«Политика силы» в значительной степени явилась причиной того, что военные соображения стали определять внешнеполитический курс Соединенных Штатов, а генералы стали ведущей силой в Вашингтоне. Военное руководство стало приветствоваться во всех звеньях правительственного аппарата.

В этой связи следует считать совершенно естественным то положение, что через восемь лет после окончания второй мировой войны на высшем государственном посту президента Соединенных Штатов оказался армейский генерал Дуайт Эйзенхауэр. Правящие круги США не скрывали, что с кандидатурой Эйзенхауэра они связывали большие надежды. Они рассчитывали, что президент с пятью звездами полного генерала сумеет лучше, чем гражданский деятель, подчинить внутреннюю и внеш-

---

⁵² J. M c C a m y, American Government, N. Y., 1957, p. 248.

⁵³ R. Mills, The Causes of World War Three, N. Y., 1960, p. 53.

нюю политику США интересам захватнического внешне-политического курса, направленного на установление мирового господства американского империализма. Крупная буржуазия Соединенных Штатов рассчитывала, что с помощью военных, занявших ключевые посты в Вашингтоне, ей удастся усилить наступление на права и свободы американского народа.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть всю важность изменений, происходивших в Вашингтоне по приходе к власти республиканской партии. Значительное усиление проникновения непосредственных представителей большого бизнеса на ключевые позиции в государственном аппарате явилось для монополий необходимой подготовкой того нового наступления на жизненный уровень и права американского народа, которое они начали в 1953—1954 годах. «Представитель американского бизнеса, — пишет американский буржуазный исследователь О. Эллиот, — призван ныне самой жизнью сыграть важнейшую роль. Он должен не только руководить экономикой, но и быть философом, государственным деятелем, политическим лидером, законодателем морали»⁵⁴.

Выделив большую группу видных предпринимателей и направив их в Вашингтон, монополистический капитал США недвусмысленно продемонстрировал этим, что намеревался использовать государственный аппарат в качестве рычага для увеличения своих прибылей и расправы со всеми недовольными. Как показали последующие события, именно такую политику и стали проводить все учреждения республиканского правительства. Факты говорят о том, что несколько тысяч крупных дельцов и военных, прибывших в конце 1952 — начале 1953 года в Вашингтон, намеревались прочно обосноваться в правительственных учреждениях, связывая с этим серьезные и далеко идущие надежды.

---

⁵⁴ O. Elliot, *Men at the Top*, N. Y., 1959, p. 202.

ПОЛИТИКА МИЛЛИАРДЕРОВ И ДЛЯ МИЛЛИАРДЕРОВ

1. ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ И РЕСПУБЛИКАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Усилив подчинение себе аппарата государственной власти, монополии США использовали все рычаги государственной машины, чтобы переложить тяготы развивавшегося в США экономического кризиса на плечи трудящихся, сохранив и приумножив свои прибыли. Буквально с первых же дней существования правительства республиканской партии были предприняты шаги, направленные на усиление позиций монополий в условиях быстро ухудшавшегося экономического положения страны.

2 февраля 1953 г. президент Эйзенхауэр прибыл в Капитолий, чтобы лично зачитать перед конгрессом свое первое послание «О положении страны», намечавшее программу деятельности нового правительства. В области внешнеполитической суть этой программы сводилась к продолжению и дальнейшему усилению «холодной войны», к проведению на международной арене политики «с позиции силы», к пресловутой даллесовской доктрине «массированного удара». В области внутренней политики президентское послание наметило широкую программу

наступления на трудящихся США, проведение целого ряда мероприятий, на осуществлении которых настаивали монополии. Послание показало, что новое правительство отнюдь не намеревается выполнять свои щедрые предвыборные посулы. Характерно, что десять лет спустя в своих мемуарах Эйзенхауэр, чувствуя, очевидно, необходимость сказать что-то в свое оправдание, попытался валить все на своих коллег, изобразить себя этакой политической наивностью. В этих мемуарах он рассказывает о таком инциденте. Когда через несколько дней после своего вступления в должность президента он созвал лидеров республиканской партии в конгрессе США на совещание по вопросу об обещаниях, данных республиканцами американским избирателям в ходе предвыборной кампании, то «некоторые» из этих лидеров, по его словам, «казалось, не могли понять», как это вообще можно выполнять предвыборные обещания. И в дальнейшем, признает Эйзенхауэр, ему неоднократно приходилось сталкиваться с этой позицией «практических политиков», которые «высмеивали предвыборные платформы как уловку для заполучения голосов избирателей»¹.

К этому можно добавить, что сам Эйзенхауэр относился к предвыборным обещаниям так же, как и его коллеги. Первое послание свидетельствовало об этом достаточно убедительно. Из него было ясно, что гонка вооружений будет продолжаться и что на нее будет по-прежнему уходить большая часть бюджета США.

В ходе предвыборной кампании 1952 года руководители республиканской партии неоднократно критиковали правительство демократов за «несбалансированный бюджет», давая обещания после прихода к власти сократить правительственные расходы, сбалансировать бюджет. Первые же действия правительства показали, что его политика направлена на охрану интересов кучки наиболее влиятельных объединений американского монополистического капитала. Программа, разработанная министром финансов Хэмфри и директором бюджетного бюро Доджем, не имела ничего общего с интересами трудящихся. На первый взгляд, эта программа действительно предусматривала некоторое (весьма незначительное) сокра-

---

¹ Dwight D. Eisenhower, *The White House Years: Mandate for Change*, pp. 194—195.

щение военных ассигнований в 1952/53 году и еще некоторое сокращение в следующем году. Однако на самом деле речь шла не о сокращении программы гонки вооружений, а фактически как раз об обратном — о ее дальнейшем расширении.

Суть этой «новой политики» заключалась в том, чтобы, несколько снизив уровень ежегодных военных расходов, введение которых правительство Трумэна в целях обмана трудящихся объявило временной мерой, рассчитанной всего на два-три года, сохранить эти расходы тем не менее на очень высоком уровне и сделать постоянными в течение всех последующих лет. Иными словами, превратить чрезвычайную военную программу, провозглашенную Трумэном, в постоянный фактор американской экономики, растянуть выполнение этой программы на целый ряд лет, сделав военные ассигнования правительства не временной, а постоянной подпоркой для поддержания на высоком уровне прибылей монополий.

Раскрывая суть этого плана правительства, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» летом 1953 года писал: «Уменьшение военных расходов будет не резким, а умеренным. Даже с учетом максимальных предусматриваемых сейчас на ближайшие два года сокращений расходы на вооружение по-прежнему будут всего лишь на 10% меньше расходов в последний год корейской войны. В результате этого американские дельцы в течение длительного периода будут иметь существенную поддержку от ассигнований на вооружения. Миллиарды долларов потекут в промышленность на оплату военных заказов... Все это означает, что почва не будет внезапно выбита из-под ног американских дельцов. Расходы на вооружение будут по-прежнему оставаться большими в течение многих лет»².

Первый же бюджет республиканского правительства показал, что оно не только не собирается покончить с политикой гонки вооружений и грабежа трудящихся США при помощи непомерных налогов, но, наоборот, выполняя требование монополий, взяло курс на дальнейшее расширение гонки вооружений.

Дальнейшие события показали, что ассигнования на военные цели в первом бюджете правительства Эйзен-

---

² «U. S. News and World Report», 1953, Aug. 28, p. 26.

хауэра не были случайными, а отражали надолго рассчитанную политику этого правительства. Каждый из последующих годов приносил подавляющее преобладание военных статей бюджета над всем остальным, новые и новые увеличения ассигнований на военные цели, которые в конце концов свели на нет то широко разрекламированное американской пропагандой в качестве «миролюбивого шага» Вашингтона некоторое сокращение военных ассигнований, которое по вышеуказанным соображениям было на первых порах осуществлено республиканской администрацией.

Прямые и косвенные военные расходы американского бюджета составляют его львиную долю. Даже члены американского конгресса вынуждены признавать, что с каждого доллара, изымаемого у налогоплательщика в виде налога, 90 центов прямо или косвенно расходуются на военные цели; в том числе 60 центов — на вооружение, 12 центов — на военную «помощь» союзникам, 7 центов — на платежи процентов по государственному долгу, 5 центов — на пенсии ветеранам, 3 цента — на финансирование программы накопления стратегических материалов, 3 цента — на полицию. В то же время на финансирование мероприятий, связанных с социальными нуждами трудящихся, приходится всего лишь около 3 центов с доллара³.

Правительство республиканской партии не только превратило военный характер государственного бюджета в нечто постоянное, но и осуществило планирование и подготовку того, чтобы и в дальнейшем сохранить такое положение вещей. В связи с этим большой интерес представляет документ, ставший известным американской общественности в 1957 году. Речь идет о так называемом «докладе комитета Гейтера». Этот секретный доклад был подготовлен для правительства группой виднейших американских дельцов, которую возглавлял бывший президент «Фонда Форда» Х. Гейтер. В составе группы были бывшие заместители министра обороны предприниматели Фостер и Ловетт, президент «Спрейг электрик компани» Спрейг и др. Суть их доклада сводилась к требованию неуклонного увеличения военных ассигнований бюджета в течение ближайших 12 лет (до 1970 г.), причем

---

³ «Congressional Records», 1952, vol. 98, part 9, p. 2088.

по сравнению с уровнем 1957 года военные ассигнования США должны возрасти за этот период на 20 млрд. долл.⁴

Как явствует из сообщений американской печати, власти чрезвычайно серьезно отнеслись к этим предложениям. Причину такого положения раскрыл журнал «Нэйшн», который весной 1959 года без всяких обвиняков заявил: «Экономика Соединенных Штатов в значительной степени зависит от военной программы, поглощающей примерно 50 млрд. долл. в год... Корпорации, занимающиеся производством самолетов, ракетных снарядов и других вооружений, представляют сейчас, возможно впервые в американской истории, могущественный и открыто действующий блок, существование которого зависит от сохранения программы вооружения»⁵. Впрочем, и сами руководители большого бизнеса, не стеснясь, подтверждали это. Так, бывший в тот период руководителем крупнейшей военно-промышленной корпорации США «Дженерал дайнэмикс», стоящей в последние годы на первом месте в стране по количеству выполняемых военных заказов, Фрэнк Пэйс, выступая в сентябре 1957 года на съезде Ассоциации американских банкиров, высказался с предельной откровенностью. Он заявил: «Если существует, а я думаю, что существует, прямая связь между стимулирующим влиянием больших расходов на оборону и значительным увеличением темпов роста валового продукта, то из этого, естественно, следует, что расходы на вооружение сами по себе можно рассматривать только с экономической точки зрения как средство, стимулирующее жизнедеятельность страны»⁶.

Сказано предельно ясно. И это заявление тем более весомо, что принадлежит оно человеку, имеющему большой вес в Вашингтоне. Таким образом, доклад комитета Гейтера отражал мнение большой группы влиятельнейших представителей большого бизнеса. Об этом говорит и нижеследующее обстоятельство.

Одновременно с группой Гейтера над аналогичным документом работала и еще более авторитетная в мире большого бизнеса группа деятелей. В начале 1958 года в США был опубликован доклад второго комитета группы

⁴ «New York Times», Nov. 27, 1957.

⁵ «Nation», 1959, March 28.

⁶ К. Марзани, В. Перло, Доллары и проблема разоружения, М., 1961, стр. 80—81.

«Фонда Рокфеллера», посвященный проблемам национальной безопасности США. Перед этой исследовательской группой была поставлена задача проанализировать «основные проблемы и возможности, с которыми, вероятно, столкнется Америка в ближайшие 10—15 лет...». Второй комитет «Фонда Рокфеллера» рассматривал и предложил свои выводы по целому ряду важнейших вопросов военной политики и стратегии США. К ним относятся тенденции в развитии сил, виды войны, ядерное оружие, организация обороны, военно-политические союзы и ООН, положение в НАТО, состояние «гражданской обороны», военный бюджет.

Представители монополий и военных кругов США пришли к единодушному выводу: продолжать политику «с позиции силы» и не соглашаться на те мероприятия, которые могли бы привести к ослаблению международной напряженности. Они по существу отвергли принцип сосуществования капиталистической и социалистической систем. Все мероприятия, рекомендованные комитетом, исходили из предпосылки, что США должны на длительный период усиливать гонку вооружений. По мнению комитета, военная политика должна базироваться на принципе максимальной боевой готовности всей военной машины США.

Но стремление добиться более крупных ассигнований на военные цели было не главной, а, так сказать, подчиненной задачей комитета «Фонда Рокфеллера» и комитета Гейтера. Замыслы монополистов, руководивших работой комитетов, значительно шире. Стратегию пропагандистского маневра с докладами этих комитетов довольно откровенно раскрыл редактор журнала «Бизнес уик» и директор рокфеллеровского банка «Чейз Манхэттен бэнк (Нью-Йорк)» Эллиот Белл. Он настаивал на скорейшей реализации мероприятий, намеченных в рекомендациях комитетов. «Если этим программам, — заявил Белл, — когда-либо вообще суждено быть выполненными, то время экономического спада представляет ниспосланный богом случай взяться за это дело»⁷. Реальная возможность повторения серьезного кризиса тревожила американских капиталистов. Они прекрасно понимали, что новый глубокий экономический кризис в

---

⁷ «Economist», March 15, 1958.

США стал бы для них непоправимой политической катастрофой. Орган деловых кругов «Джорнэл оф коммерс» в редакционной статье отмечал: «Несомненно, что утрата нами престижа в результате промышленного спада была бы по своей значимости еще более серьезной, чем утрата престижа в результате того, что Советский Союз опередил нас в запуске в космическое пространство своих спутников»⁸. Авторы докладов, видимо, лелеяли надежду, что реализация их рекомендаций создаст новый военный бум и позволит США избежать кризиса.

Итак, от демагогических посулов республиканской администрации, от их обещания провести хотя бы небольшое сокращение военных ассигнований не осталось и следа. Руководители республиканской партии сделали все для того, чтобы подготовка к войне давала крупнейшим монополиям доходов не меньше, чем, например, последняя война.

Всемерное расширение гонки вооружений стало одной из основных линий во внутренней политике, проводимой Вашингтоном.

2. НАЛОГОВЫЕ РЕФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЭЙЗЕНХАУЭРА

На невиданную никогда прежде по своим масштабам гонку вооружений, поставленную во главе угла деятельности правительства Эйзенхауэра, требовались поистине астрономические денежные средства. Изыскать эти средства — такова была одна из важнейших задач нового правительства.

Гонка вооружений — испытанный путь увеличения прибылей кучки крупнейших монополий. Следовательно, с точки зрения Вашингтона было бы нелогично заставлять монополии субсидировать самих себя. Поэтому власти вознамерились осуществить цикл таких мероприятий, которые дали бы возможность получить огромные средства для финансирования гонки вооружений из карманов трудящихся.

В результате одним из наиболее важных аспектов во всей деятельности правительства республиканской партии США после его прихода к власти в 1952 году стала

---

⁸ «Journal of Commerce», March 31, 1958.

широко задуманная, тщательно подготовленная и последовательно осуществленная реформа системы налогообложения. В течение последних десятилетий ни одно правительство США, предшествовавшее администрации Эйзенхауэра, не осуществляло столь далеко идущих налоговых реформ в пользу монополий, как это сделала последняя. Налоги в капиталистическом государстве являются важнейшим финансовым методом перераспределения национального дохода и общественного богатства в пользу эксплуататоров и в ущерб трудящимся. Яркой иллюстрацией этой истины является деятельность администрации Эйзенхауэра с самого начала ее существования.

Следует подчеркнуть, что завинчивание налогового пресса, причем прежде всего за счет трудящихся, характерно для всего послевоенного периода в США. Налоги являются в США основным средством финансирования государственных расходов. В послевоенный период за счет налогов покрывается около 90% расходной части американского бюджета⁹.

Американская организация «Тэкс фаундейшн», финансируемая крупным капиталом, констатировала, что налоги в Соединенных Штатах растут быстрее, чем национальный доход. В результате этого доля национального дохода, изымаемого у населения в виде налогов, все время увеличивается. В 1958 году общее налоговое бремя составило примерно одну треть национального дохода.

Основное бремя налогов ложится на группы населения с низкими доходами. Американская налоговая система всячески ограждает интересы групп населения с наиболее высокими доходами.

Основная тяжесть налогообложения падает на трудящихся. Этого положения не изменил и введенный в 1950 году так называемый «налог на сверхприбыли». Уже тогда известный американский специалист по финансовым вопросам Сильвия Портер заявила, что закон о налогах на сверхприбыли «содержит столько исключений, поблажек и лазеек, что даже не оправдывается его название»¹⁰.

---

⁹ Н у м е n L u m e r, *Economy and Crisis*, N. Y., 1955, p. 20.

¹⁰ «New York Post», March, 1951.

Однако даже и этот закон не устраивал американский крупный капитал. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», отражающий его точку зрения, весьма категорически заявил: «Для того чтобы частный капитал в Соединенных Штатах мог свободно действовать, требуется решительное снижение налогов и пересмотр всей налоговой системы... Налогообложение, направленное против корпораций и частных капиталистов, с доходами, превышающими средние, отбивало у частных лиц охоту к предпринимательской деятельности»¹¹. Поэтому правительство Эйзенхауэра предприняло ряд шагов, направленных на отмену закона о налоге на сверхприбыль.

Американские буржуазные экономисты У. Адамс и Х. Грей в работе «Монополии в Америке», анализируя налоговую политику правительства, пишут, что она была объективно направлена на «стимулирование господства монополий и на ослабление или подрыв свободной конкуренции»¹².

С 1 января 1954 г. налог на сверхприбыль был отменен. Это означало, что монополисты получили возможность ежегодно класть в свой карман дополнительно около 2 млрд. долл. Затем на рассмотрение конгресса был внесен законопроект о дальнейшей реформе налоговой системы. Газета «Нью-Йорк таймс» писала весьма откровенно по поводу этого законопроекта: «За этим проектом кроются установки, которые в течение долгого времени вынашивались в кругах бизнесменов... Реформа налоговой системы, предложенная конгрессу, служит., по-видимому, лучшим доказательством того, что нынешнее правительство является правительством предпринимателей. По существу и прежде всего этот проект будет помогать бизнесу... Многим отдельным лицам осуществление некоторых предложений также принесет непосредственную выгоду. Но наибольшую выгоду получают деловые круги»¹³.

В августе 1954 года этот закон был принят. Он представлял собой новую крупную подачку корпорациям. Главные положения этого закона предусматривали:

¹¹ «U. S. News and World Repord», 1953, Aug. 14, p. 18.

¹² W. Adams and H. Gray, Monopoly in America — the Government as Promoter, N. Y., 1955, p. 74.

¹³ «New York Times», Jun. 24, 1954.

а) более быстрое списание амортизационных отчислений; б) предоставление налоговых льгот для получателей дивидендов; в) продление периода, за который разрешается списывать чистый убыток от производственной деятельности, с одного года до двух лет; г) разрешение списывать все расходы на научно-исследовательские цели с текущего дохода; д) ослабление условий, касающихся необоснованного накопления излишков у корпораций.

В «Книге фактов о труде» по этому поводу говорится: «Вместо того чтобы устранить существующие несправедливости, новый закон усилил их и даже ввел новые. Такое золотое дно, как ускоренное списывание на амортизацию, которое раньше предоставлялось только строителям военных предприятий, распространено на все корпорации... Когда это положение полностью войдет в силу, то, по некоторым данным, корпорации получат за счет сокращения налогов около 2 млрд. долл. в год».

Тесно связано с вышеизложенными мероприятиями и установление так называемых «скидок на истощение недр».

Термин «истощение», который должен означать постепенное истощение естественных ресурсов, не имеет ничего общего с огромными налоговыми скидками на амортизацию, предоставляемыми нефтяным и горнорудным компаниям США. Первоначально это правило было установлено для нефтедобывающих компаний. В то время как амортизация исчисляется в качестве определенного ежегодного процента износа, основанного на ожидаемой продолжительности существования основных средств, истощение недр определяется в качестве процента к валовому доходу, достигающему 27,5% для нефтяных месторождений. Такой огромный процент был произвольно установлен чиновниками республиканской администрации.

Не удивительно, что покупку акций нефтяных компаний в США называют капиталовложениями, «защищенными от налогов».

«Сокращение скидок на истощение недр на 50% дало бы федеральному бюджету не менее 1 млрд. долл. дополнительного дохода в виде налогов с богатых нефтяных и других компаний, эксплуатирующих естественные ресурсы США. Если бы эти специальные привилегии бы-

ли упразднены целиком, федеральный бюджет получил бы дополнительно 1,5 млрд. долл.»¹⁴.

Однако такой шаг противоречил бы всей промонопалистической линии правительства. Меры, осуществлявшиеся им, шли как раз в противоположном направлении. С 1 июля 1954 г. вступил в силу новый закон, который в дополнение к ускоренной амортизации предусматривал усиленную амортизацию заводов и оборудования, построенных и установленных после издания этого закона. Новый закон разрешал корпорациям производить амортизационные отчисления до $\frac{2}{3}$ стоимости новых заводов и оборудования в течение первой половины их полезной эксплуатации.

Законом 1954 года дело, однако, не ограничилось. Важной формой покровительства властей крупным монополистическим объединениям является существующая практика ограждения от федерального налогового обложения заграничных инвестиций американских компаний, вплоть до возвращения этих капиталов в США. Пользуясь этой узаконенной лазейкой (одной из многих), американские монополии обычно длительное время не перечисляют прибылей из-за границы и таким путем резко сокращают сумму налога, которую им надлежит вносить в государственную казну.

Правительство и конгресс осуществили целый ряд шагов, направленных на предоставление налоговых льгот компаниям, инвестирующим свои капиталы за пределами США, стимулируя, таким образом, экономическую экспансию американских монополий. Например, летом 1959 года конгресс США одобрил новую программу мероприятий, направленных на снижение налогов с доходов, полученных американскими фирмами за пределами Соединенных Штатов. В соответствии с этой программой, до тех пор пока средства той или иной компании, полученные в виде доходов от ее заграничных капиталовложений, не переведены в США, они не подлежат обложению налогами.

Это был крайне щедрый подарок американским монополиям. Ведь они усиленно, особенно в последние годы, строят свои предприятия за пределами США. Пользуясь дешевым трудом иностранных рабочих, американ-

---

¹⁴ «The Burden of Taxes», N. Y., 1956, p. 49.

ские монополии, таким образом, имеют возможность класть себе в карман немалый куш. О его размерах достаточно ярко говорит то обстоятельство, что основная рокфеллеровская компания «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» свыше 70% прибылей получает от своих капиталов, вложенных за пределами США. И вот в дополнение к этому кушу американские законодатели еще освобождают эти прибыли от какого-либо налогообложения.

Надо сказать, что в первый же год пребывания у власти правительства демократической партии оно, так же как и по многим другим вопросам, подхватило эстафету промонополистического курса республиканцев, занявшись разработкой дальнейших мер по стимулированию капиталовложений США за рубежом при помощи политики налогового фаворитизма в отношении крупнейших компаний.

Так, Вашингтон стимулирует экономическую экспансию американских монополий за границей. А для того чтобы замаскировать ее подлинные империалистические цели, в ход пускается избитое оружие антисоветской клеветы. Стремясь убедить конгресс в необходимости принятия закона о новых налоговых льготах, сторонники этого закона заявили в Капитолии, что такой шаг необходим «для борьбы с наступлением России в области торговли» (?!).

Все выгоды от снижения налогов получили лишь самые крупные предприниматели: ведь ни мелкие, ни средние капиталисты не имеют предприятий за пределами США, и все выгоды от этих мероприятий получают те же Рокфеллеры и Дюпоны, Морганы и Меллоны.

Следует сказать и еще об одной форме содействия властей крупнейшим монополистическим объединениям в деле облегчения их налогового бремени. Речь идет об обширнейшей и хитроумнейшей системе лазеек внутри страны, при помощи которой монополистам удается избежать уплаты значительной части причитающихся с них налогов.

Одним из средств, позволяющих властям обманывать в этом вопросе трудящихся, является чрезвычайная громоздкость американского налогового законодательства. Еще до войны свод налоговых законов США составлял 51 том; с тех пор он значительно разбух. Для того что-

бы ориентироваться в этом запутанном лабиринте параграфов и подпараграфов, пунктов и подпунктов, нужно иметь в своем распоряжении очень опытных финансистов-юристов, а такая роскошь по карману лишь крупным компаниям.

Не случайно даже Эйзенхауэру пришлось признать, что действующие налоговые законы «позволяют меньшинству налогоплательщиков избегать уплаты справедливой доли налогов». Однако дальше этого признания республиканская администрация не пошла. Напротив, за годы ее пребывания у власти налоговые законы США еще больше усложнились, а число льгот, предоставленных монополиям, и выгодных для них лазеек значительно возросло.

Сама система взимания налогов в США составлена так, что служит дополнительным, и притом немаловажным, средством эксплуатации трудящихся монополистическим капиталом, использующим для этой цели государственный аппарат.

О результатах такой системы говорит то, что, по подсчетам американских профсоюзов, монополисты США, используя налоговые льготы, предоставленные им властями, а также при помощи лазеек и просто мошеннических проделок, как правило, остающихся безнаказанными, ежегодно экономят в течение последних лет 7,5—8 млрд. долл. Это без учета тех сотен миллиардов долларов, которые остались в их карманах в результате предоставленного им права ускоренного списывания на амортизацию¹⁵.

Еще несколько слов о лазейках, с помощью которых монополисты обходят налоговые законы. Одной из таких лазеек, использованию которой правительственная администрация отнюдь не препятствует, является разделение доходов. Если, например, богатая супружеская чета имеет подлежащий обложению доход в 100 тыс. долл., то формально ставка налога равняется 87%. Но стоит супругам разделить доход на две части, как приходящаяся на долю каждого из них сумма в 50 тыс. долл. будет уже облагаться по значительно меньшей ставке, а именно 27%.

Монополисты широко пользуются этим способом ук-

---

¹⁵ «Labor Fact Book», 12, p. 21.

лонения от уплаты налогов. Так, например, известно, что акции концерна Дюпонов разделены между всеми членами этой семьи, в том числе и не принимающими никакого участия в делах, — среди стариков, женщин и даже маленьких детей. Одной из причин «ухода Морганов в подполье», о котором говорилось выше, является стремление, раздробив капитал, закрепить его за различными дочерними компаниями, существенным образом уменьшить сумму, отдаваемую в казну в виде налога.

Американские профсоюзы считают, что общая годовая экономия монополистов только благодаря этому ухищрению достигает не менее 3,5 млрд. долл.¹⁶

Если Морганы считают целесообразным уходить в «подполье», а Дюпоны, пользуясь многочисленностью своей семьи, делят акции между всеми ее членами, то Рокфеллеры и Форды используют другую не менее эффективный трюк. Он заключается в создании «семейного фонда», дающего возможность, с одной стороны, сохранять контроль над капиталом, а с другой — избегать уплаты налогов с доходов или наследства.

«Созданные якобы для благотворительных и филантропических целей, эти фонды создаются богачами как идеальное средство не только для сохранения своего богатства, но и для популяризации своего имени, прикрываясь патриотическими и гуманными целями, которые нередко направлены против кровных интересов народа»¹⁷, — отмечали американские социологи.

В соответствии с действующим законодательством капиталы, внесенные в благотворительный фонд, пользуются огромными налоговыми льготами, в частности освобождаются от уплаты налога на наследство. К чему это ведет, можно видеть на примере известного «Фонда Форда». Американский публицист Дуайт Макдональд написал книгу, посвященную этому фонду, — «Фонд Форда». Он пишет, что этот фонд был учрежден сыном Генри Форда-первого Эдзелом Фордом в 1936 году. А между тем ни старый Генри Форд, ни его сын Эдзел при жизни и не помышляли о филантропии. «Дайте среднему человеку что-нибудь, — любил говорить Генри Форд-первый, — и вы сделаете из него врага»¹⁸.

¹⁶ «The Burden of Taxes», p. 37.

¹⁷ Ibid., p. 41.

¹⁸ D. Macdonald. The Ford Foundation, N. Y., 1956, p. 132.

Почти все паи компании Форда принадлежали Генри и его сыну; если бы это огромное состояние было оставлено наследникам — вдове самого Генри и вдове и четверым детям Эдзела, то им пришлось бы уплатить налог на наследство в размере 77% всех капиталов. Форды сумели обойти закон. Своим наследникам они завещали только 10% основного капитала, а остальные 90% передали фонду, избежав таким образом уплаты налога.

Однако наследники Фордов от такой махинации несколько не пострадали. При помощи юридических хитроуплетений все было сделано так, что 10% акций компании, перешедших к наследникам, обладают 100% голосов в делах компании, а 90% акций, переданных в фонд, голосами не обладают.

«В течение многих лет, — пишет об этом В. Перло, — семья Фордов, полностью распоряжающаяся акциями «Форд мотор компани», платила налог только с 10% этих акций, ибо 90% акций принадлежат «Фонду Форда», который в соответствии с действующим законодательством освобожден от уплаты налогов как благотворительное учреждение»¹⁹.

Таким образом, семья Фордов полностью сохранила контроль над своими предприятиями, а если учесть, что нынешний глава этой семьи — Генри Форд-второй является одновременно и главой «Фонда Форда», то станет ясна вся ловкость, с которой эта семья полностью и безнаказанно обошла налоговое законодательство США.

Так же обстоит дело и с «Фондом Рокфеллера». Помимо значительных материальных выгод, извлекаемых этим семейством из существования такого фонда, он приносит им и серьезную пользу в политическом отношении. То, что в глазах многих средних американцев, не искушенных в политике, братья Рокфеллеры выглядят не как братья-разбойники, а как благотворители и филантропы, посвящающие все свое время и деньги заботам о ближних, то, что это семейство имеет возможность, не прячась за кулисами, само играть активную политическую роль, то, наконец, что отпрыск этой семьи осмеливается претендовать на выборные должности, и не только претендовать, но и выигрывать избирательные кампании, не смотря на одиозность носимой им фамилии, — все это

---

¹⁹ V. Perlo, The Income «Revolution», N. Y., 1954, p. 29.

нельзя понять, не учитывая роли и значения «Фонда Рокфеллера» и политических дивидендов, приносимых им своим хозяевам.

«Сладки плоды филантропии»²⁰, — пишет Д. Макдональд. К этому выводу, по-видимому, уже давно пришли представители финансовой олигархии США. Из 13 богатейших семейств США (Форды, Рокфеллеры, Дюпони, Меллоны, Маккормики, Хартфорды, Харкнессы и др.), контролировавших, согласно докладу Временного национального экономического комитета, 200 ведущих нефинансовых корпораций, 12 создали свои семейные «филантропические» фонды²¹.

По данным журнала «Форчун», в США к концу 1955 года существовало 7,3 тыс. «филантропических» фондов. Их общие капиталы, согласно официальным источникам, составляли 4,5 млрд. долл. Из этой суммы три «филантропических» фонда — «Фонд Форда», «Фонд Рокфеллера» и «Карнеги корпорейшн» — сосредоточивали в своих руках, по официальным данным, 1,2 млрд. долл.²² Но даже эта огромная цифра является значительно заниженной. По подсчетам различных органов американской печати, одни лишь капиталы «Фонда Форда» в конце 1955 года превышали 2,5 млрд. долл.

Концентрация громадных средств в руках нескольких «филантропических» организаций вполне закономерна, поскольку сами эти организации неотделимы от крупнейших монополий. Они были созданы богатейшими семьями США прежде всего для того, чтобы избежать уплаты высоких налогов на наследство и таким образом сохранить контроль над принадлежащими им корпорациями.

Естественно, что в этих условиях «филантропические» фонды оказались тесно сросшимися с крупнейшими монополиями страны. «Фонду Форда», например, до последнего времени принадлежало около 90% обыкновенных акций «Форд мотор компани». В последнее время часть этих акций была фондом выброшена на рынок с тем, однако, расчетом, чтобы полностью сохранить контроль над компанией в руках Фордов. «Фонду Рокфеллера»

---

²⁰ D. MacDonald, The Ford Foundation, p. 133.

²¹ Ibid., p. 20.

²² «Fortune», 1955. Oct.

принадлежит свыше 10 млн. акций крупнейшей нефтяной монополии США «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» (рыночная стоимость этих акций составляет 743 млн. долл.). «Карнеги корпорейшн» владеет значительным числом акций «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Доходы с этих акций и составляют основу для субсидий подобных фондов.

В прошлом организаторы «филантропических» фондов США не скрывали, что они считают их лишь придатком своих финансовых империй. «Наш штат служащих, — говорил Джон Рокфеллер о «Фонде Рокфеллера», — является семейным делом... Мы не проводим разграничения между интересами бизнеса и филантропии». Однако резкая критика столь утилитарного подхода к филантропической деятельности, с которой выступили различные общественные круги США, заставила руководителей фондов прийти к выводу, что откровенные признания связей бизнеса и филантропии по меньшей мере неудобны. В настоящее время широко поставленная реклама делает все для того, чтобы представить «филантропические» фонды «общественными» организациями, управляемыми «независимыми» советами директоров и опекунов.

Нетрудно доказать, насколько подобные утверждения далеки от действительности. Уже при первом взгляде на состав этих «независимых» советов бросается в глаза, что в них доминирует узкая клика богатейших финансистов — «финансовая элита» США.

В состав совета опекунов «Фонда Форда» входят два члена семьи Фордов — Генри Форд-второй и его брат Бенсон, бывший председатель правления «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» Фрэнк Абрамс и другие ведущие финансисты США. Они же возглавляют советы опекунов и различных дочерних организаций, созданных «Фондом Форда». Так, например, опекуном фордовского «Восточноевропейского фонда» является вице-президент компании «Морган, Дж. П. энд компани» Гордон Уэссон. Председатель правления компании «Дженерал электрик» Филипп Рид — один из директоров финансируемой «Фондом Форда» организации «Фонд помощи просвещению». В числе директоров этой организации также богатейший питсбургский банкир, алюминиевый и нефтяной магнат Поль Меллон.

Среди руководящей верхушки «филантропических» организаций много также правительственных деятелей, работников государственного департамента, сотрудников американской разведки.

Таким образом, то, что выдается американской пропагандой за филантропию, отнюдь таковой не является, и организаторы фондов весьма далеки от бескорыстия. Ведь финансируя учебные и научные учреждения, американские «филантропы» добиваются вполне определенной цели — направлять и контролировать их работу.

Что же касается «свободы», «мира» и «благополучия человечества», то, как свидетельствуют многочисленные факты, американские «филантропические» организации не только не стремятся к их достижению, а, напротив, действуют в прямо противоположном направлении.

В 1951 году «Фонд Форда» создал так называемый «Фонд республики», выделив в его распоряжение 15 млн. долл. Эта организация специализировалась на подготовке «исследований» по «истории и идеологии коммунизма», иными словами, на разжигании антикоммунистической истерии. Значительные суммы «Фонд Форда» предоставил также «Фонду американского наследия», слившемуся, как известно, с архиреакционной организацией «Крестовый поход за свободу».

Нельзя также не обратить внимание на то, как щедро «филантропические» фонды США финансируют различного рода внешнеполитические и исследовательские учреждения, участвующие в «политической» и «психологической» войне против стран демократического лагеря. К числу подобных учреждений принадлежат Нью-Йоркский совет по вопросам внешних сношений, выпускающий известный журнал «Форин афферс», Институт международных отношений, Ассоциация внешней политики «Брукингс институтьюшн» и т. д.

Большинство этих организаций непосредственно связано с американской военной и политической разведкой. Так, получившая от «Фонда Форда» свыше одного миллиона долларов «Рэнд корпорейшн» проводит для военно-воздушных сил США специальные исследования, в которых особое внимание обращается на Советский Союз. «Русский центр» при Гарвардском университете занимается подготовкой американских дип-

ломатов и разведчиков для работы в СССР и странах народной демократии²³.

Финансируемый «Фондом Рокфеллера» Русский институт при Колумбийском университете готовит экспертов и советников по «русскому вопросу» для дипломатической службы США и американской разведки. В течение 5 лет своей деятельности этот институт получил от Рокфеллеров 500 тыс. долл.²⁴

Ряд «исследовательских» организаций, созданных фондами Форда и Рокфеллера, осуществляет «научную» подготовку экспансии американских монополий в другие страны. В этом отношении характерно выделение «Фондом Форда» нескольких миллионов долларов на создание организации «Ресурсы для будущего», которая под руководством президента «Юнайтед Стейтс поташ компани» Олбрайта исследует минеральные ресурсы зарубежных стран²⁵.

Большое внимание «филантропические» учреждения США уделяют различного рода «международным проектам», осуществляемым под руководством государственного департамента в тех областях, где американская дипломатия предпочитает оставаться в тени. Официально целью подобных проектов провозглашается содействие «экономическому и культурному прогрессу» «отсталых стран», в частности стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. На практике реализация «международных проектов» означает проникновение капитала США в экономику молодых и слаборазвитых государств, насаждение в них американского «образа жизни», преследование прогрессивных деятелей под избитым предлогом «борьбы против коммунизма». Нередко при этом деятельность «филантропических» фондов используется для прикрытия подрывной работы. Индонезийская пресса сообщила об аресте американского «студента», который, получая субсидии от «Фонда Форда», занимался шпионажем в Индонезии.

Аналогичная картина наблюдается в странах Западной Европы, где миллионы долларов ассигнуются американскими «филантропическими» фондами на содержание «Международного комитета помощи и спасения», «Меж-

²³ «Department of State Bulletin», 1957, Apr.

²⁴ J. Morris, *Those Rockefeller Brothers*, N. Y., 1953, p. 150.

²⁵ D. MacDonald, *The Ford Foundation*, N. Y., 1956, p. 85.

дународного института печати», «Свободного университета Берлина», «Конгресса культурной свободы» — организаций, ставящих своей целью получение неофициальной информации о Советском Союзе и странах народной демократии и распространение антикоммунистической пропаганды.

Особое место в деятельности «филантропических» фондов занимает финансирование эмигрантских организаций, ведущих активную подрывную работу против СССР и других социалистических стран.

Одной из первых организаций, созданных в этих целях «Фондом Форда» в 1951 году, был так называемый «Фонд свободной России», который предоставлял средства в распоряжение различных антисоветских организаций в США, вроде пресловутого «Толстовского фонда» и «Фонда святого Серафима». Вскоре «Фонд Форда» расширил сферу деятельности «Фонда свободной России», преобразовав его в «Восточноевропейский фонд».

Подобной «филантропической» деятельностью активно занимается и «Фонд Рокфеллера». Соответствующие данные обычно держатся в секрете. Но тем не менее известно, что только до 1953 года фонд истратил на содержание всяческого эмигрантского отребья свыше 25 млн. долл. Характеризуя деятельность «Фонда Рокфеллера», американский специалист по вопросам разведки Скотт признал, что «она является значительным вкладом в проводимую Америкой политическую войну»²⁶.

Об умении крупных магнатов американского капитала достигать при помощи учреждаемых ими фондов сразу нескольких целей — избегать налогообложения и извлекать политическую пользу — говорит и такой пример. Техасский мультимиллионер, нефтяной делец Хант также учредил фонд, названный им «Фэктс форум». Фонд этот помимо чисто финансовых выгод принес Ханту выгоды и политические. Именно при помощи этого фонда Хант финансировал Маккарти и его деятельность, а в настоящее время финансирует пресловутое «общество Джона Бэрча» и другие фашистские организации.

Таким образом, монополисты стремятся убить при помощи фондов, выдаваемых за филантропические, даже

---

²⁶ J. Scott, Political Warfare, N. Y., 1955, pp. 219—220.

не двух, а трех зайцев: во-первых, избежать своей доли налогов; во-вторых, добиться всевозможных политических выгод и, в-третьих, заработать славу филантропов и человеколюбцев. Впрочем сами они над этим последним открыто иронизируют. Так, глава семейства Дюпона 86-летний Ирэнэ Дюпон, время от времени направляющий чеки различным медицинским учреждениям, признал как-то, что делает это не из любви к ближнему, а для собственного развлечения.

«Это стоит дороже, чем яхта, — с неподражаемым цинизмом сказал он как-то интервьюировавшему его репортеру журнала «Лайф», — но зато это больше меня завлекает».

Однако можно констатировать, что, несмотря на важность побочной выгоды, извлекаемой монополистами из организации фондов, главной задачей этих фондов остается то, что они являются одним из важнейших средств, при помощи которых наиболее крупные из монополистических объединений США уклоняются от налогов.

Помимо перечисленных способов уклонения от справедливой доли налогов монополистический капитал США, поощряемый молчаливым покровительством властей, использует и многие другие, что дает ему возможность «экономить» за счет трудящихся ежегодно многомиллиардные суммы.

Расплачиваться за это, конечно, приходится трудящимся, налоговое бремя для которых год от года становится тяжелее. Согласно данным министерства финансов США, только за пятилетие — с 1950 по 1954 год — поступления от подоходного налога с населения составили в целом 137 млрд. долл. и превысили размеры налогов (127 млрд. долл.) за два предыдущих пятилетия — с 1940 по 1949 год, — вместе взятых, несмотря на то, что на этот период пришлась вторая мировая война.

В последующие годы налоговое бремя трудящихся США продолжало возрастать. Даже власти вынуждены признать, что рабочие США платят 60% всех налогов, фермеры — 30%, а монополисты — лишь 10%²⁷. Американская пропаганда утверждает, что государство в США стоит над классами и справедливо распределяет налого-

---

²⁷ «Congressional Records», 1951, vol. 97, part. 5, p. 6983; 1950, vol. 96, part. 13, p. A 62.

вые тяготы между различными группами населения. Однако это не более чем жонглирование фактами. А если заняться анализированием этих фактов, то картина будет совсем иная. Согласно данным, опубликованным в американской печати, за 1947—1955 годы сумма собранных государством налогов составила 482 млрд. долл., из которых лишь 30% было изъято у корпораций в виде налогов на прибыль, а остальные 70% выплатили трудящиеся.

Политика правительства республиканской партии привела к тому, что налоговый пресс, давящий на трудящихся США, оказался завинченным до уровня, беспрецедентного за всю историю страны. Даже такой деятель, как председатель финансовой комиссии палаты представителей Рид вынужден был признать, что федеральные, местные и штатные налоги забирали почти 40% из каждого доллара, заработанного американцем.

В федеральных бюджетах 1959 и 1960 годов подоходный налог на отдельных лиц впервые превысил половину всех поступлений и составил соответственно 54 и 53%. В противоположность этому падает удельный вес налоговых поступлений от корпораций. Достигнув 21,1 млн. долл. в 1954 году, они составили 33% всех поступлений, а в 1960 году, будучи на уровне 21,4 млрд. долл., — лишь 28% всех поступлений. Не случайно орган американских деловых кругов еженедельник «Бизнес уик» с достаточной откровенностью писал, что правительство стремится к такому снижению налогов, которое «помогло бы крупным налогоплательщикам и способствовало бы деловой активности»²⁸.

Как будет показано ниже, правительство демократов и в этом вопросе обеспечило полнейшую преемственность, не только не сочтя нужным выполнить свои щедрые обещания, данные в ходе предвыборной кампании 1960 года, но, наоборот, приступив к осуществлению дальнейших широких и далеко идущих налоговых реформ, являющихся прямым продолжением и углублением программ, разработанных республиканской администрацией.

Таким образом, одна из основных задач, поставленных монополистическим капиталом США перед правительством республиканской партии, — осуществление на-

---

²⁸ «Business Week», 1959, Febr. 7.

логовых реформ, целью которых было увеличение сумм, взимаемых в виде налогов для финансирования гонки вооружений при одновременном и существенном уменьшении налогообложения крупных компаний и увеличении налогового бремени трудящихся, — выполнялась неукоснительно и с большим рвением.

Однако монополисты отнюдь не сочли это пределом. В недрах НАП и Торговой палаты разрабатывались дальнейшие планы налоговых реформ, выгодных монополиям. Уже в конце 1954 года, после осуществления ряда промонополистических мероприятий, на очередном ежегодном съезде НАП было выдвинуто требование дальнейшего снижения налогов на корпорации за счет увеличения налогового бремени трудящихся. Выступая на съезде, руководитель комитета НАП по вопросам налогов Фред Мейтаг предложил «пятилетний план» снижения налогов на доходы крупнейших концернов и отдельных промышленников. Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что принятие предложения Мейтага уменьшит налоги на доходы концернов и отдельных промышленников в общей сложности на 8 млрд. 400 млн. долл.²⁹

Этот план был развит и конкретизирован на следующих съездах НАП — в 1956, 1957 и 1958 годах. Все последующие шаги правительственной администрации свидетельствовали о том, что, хотя официально представители правительства не заявляли о своем согласии с этим планом, фактически он лег в основу всей деятельности республиканского правительства в этой важнейшей области.

3. МОНОПОЛИИ И «ПЛАН ВИЛЬСОНА»

Поставив гонку вооружений во главу угла своей деятельности и заставив трудящихся оплачивать эту приносящую монополистам огромные прибыли программу, правительство республиканской партии приступило к осуществлению еще одной серии мероприятий. Львиную долю военных прибылей должны были получить лишь наиболее крупные концерны и, таким образом, содейст-

---

²⁹ «New York Times», Nov. 4, 1954.

водить усилению не всех капиталистических предприятий, а лишь наиболее крупных монополистических объединений.

Важным мероприятием правительства Эйзенхауэра, направленным на обеспечение новых прибылей узкому кругу наиболее крупных монополистических объединений США, были изменения, внесенные в систему распределения военных заказов между промышленными компаниями министерством обороны. Эти изменения были направлены на то, чтобы еще больше сконцентрировать правительственные военные заказы на предприятиях небольшого количества могущественных промышленных компаний.

И в предыдущие годы ведущие монополии захватывали в свои руки большую часть правительственных военных заказов. В условиях кризисных явлений в американской экономике военные заказы правительства, обеспечивающие гарантированный сбыт продукции по самым выгодным, продиктованным самими монополиями и не зависящим от рыночной конъюнктуры ценам, приобрели для американских монополий особо важное значение.

Ухудшение экономического положения США и вызванное этим обострение конкурентной борьбы между американскими монополиями привело к тому, что ставленники ведущих финансовых групп в правительстве США, используя свое положение в правительстве, взяли курс на дальнейшее сужение круга компаний, получающих военные заказы от правительства. Следует отметить, что к подобным методам ведущие монополии США прибегали не впервые. Всякий раз, когда ухудшается экономическое положение, наиболее могущественные монополии стремятся улучшить свое положение за счет захвата наибольшего количества правительственных заказов. Так произошло и на этот раз.

В апреле 1953 года близкий к Уолл-стриту журнал «Бизнес уик» поместил статью, озаглавленную «Перемены в стратегии производства вооружений», вызвавшую подлинную сенсацию. «После двух месяцев пребывания на своем посту, — говорилось в статье, — министр обороны Чарльз Вильсон, по-видимому, составил некоторые наброски для фундаментальных перемен в программе производства вооружения, что весь Вашингтон охарактеризовал как полный переворот в теперешней системе произ-

водства вооружений на широкой основе... Суть программы, приписываемой Вильсону, в следующем: центр тяжести производства должен переместиться от многих заводов к немногим, причем должны быть сохранены лишь основные военные предприятия и небольшое число второстепенных. Предприятия с высокими издержками производства должны быть закрыты... Производство оружия, которое необходимо выпускать теперь, должно ограничиваться лишь крупными опытными компаниями»³⁰.

Нельзя не отметить, что министр обороны в правительстве Кеннеди Р. Макнамара несколько лет спустя, продолжая и развивая эту линию, использовал ту же аргументацию для тех же целей.

«План Вильсона» вызвал серьезное недовольство средних и мелких промышленников США. Администратор по делам мелких оборонных предприятий Бринилдсен заявил, что «„план Вильсона“ вытеснит мелкие предприятия»³¹; в печати стали появляться статьи с критикой этого плана. Не желая поднимать шума вокруг «плана Вильсона», представители правящих кругов перестали выступать с публичными заявлениями на эту тему. Однако, как показали последующие события, в той или иной степени этот план начал проводиться в жизнь.

Данные, опубликованные летом 1953 года, свидетельствовали о том, что доля крупных предприятий в получении правительственных заказов увеличилась на 2%.

С 1951 по 1956 год 10 крупнейших фирм США получили $\frac{1}{3}$ всех военных заказов на огромную сумму 38,5 млрд. долл. Сто крупнейших компаний получили $\frac{3}{4}$ военных заказов правительства. Список этих фирм возглавила «Дженерал моторз», получившая за этот период заказов на 6,9 млрд. В «большую десятку» вошли также «Боинг эйркрафт», получившая заказов на 4 млрд. 538 млн. долл.; «Юнайтед эйркрафт» — 4 млрд. 199 млн.; «Дженерал электрик» — 4 млрд. 3 млн. долл.; «Дуглас эйркрафт» — 3 млрд. 907 млн.; «Норт америкен авиэйшен» — 3 млрд. 486 млн.; «Дженерал дайнэмикс» — 3 млрд. 110 млн.; «Локхид эйркрафт» — 209 млн. долл.³²

---

³⁰ «Business Week», 1953, Apr. 18.

³¹ Ibid.

³² D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-Class Power? p. 166.

В феврале 1958 года в Вашингтоне был опубликован официальный доклад министерства обороны о размещении военных заказов за предыдущие 30 месяцев. В течение этого периода 100 крупных фирм получили заказы на сумму в 30 млрд. 321 млн. 100 тыс. долл., что составило почти 68% всех военных заказов, размещенных правительством за это время.

В то же время положение мелких и средних предпринимателей в связи с проведением «плана Вильсона», плана крупнейших и могущественных корпораций, резко ухудшилось. Американские публицисты Пирсон и Андерсон, касаясь мероприятий этого плана, писали: «Система поставок на оборону превратила крупные корпорации в еще более крупные, а мелкие — в еще более мелкие... Из 30 млрд. долл., расходуемых ежегодно министерством обороны на новые закупки, мелкие фирмы получают мизерные суммы. Но и эти суммы постоянно уменьшаются»³³.

Одним из основных принципов, положенных в основу инструкции министерства обороны США о закупках правительством продукции у частных фирм, являлся принцип размещения контрактов с использованием разных форм соперничества компаний за получение соответствующего заказа. Это означало поощрение свободных конкурентных предложений в качестве основы для размещения заказов. Такая система предполагала заключение контракта с компанией, предложившей правительству наиболее выгодные условия. В этом порядке, однако, существовала одна оговорка. В период войны или «чрезвычайного положения разрешается размещение военных заказов на основе переговоров», то есть заключать контракты с так называемыми «зарекомендовавшими себя фирмами».

Эту-то «оговорку» и использовала «команда Вильсона». Несмотря на прекращение летом 1953 года войны в Корее, в первом же году пребывания у власти республиканской администрации около 93% всех сделок правительства с частными фирмами было осуществлено без широкого оповещения, что открыло дорогу многочисленным махинациям в пользу кучки крупнейших компаний.

---

³³ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-Class Power? p. 166.

Для одних только военно-воздушных сил закупки, проведенные таким порядком, составили 97%³⁴.

Такое же положение сохранялось и в последующие годы. Комментируя эту практику концентрации заказов у группы избранных компаний, даже правительственное ревизионное управление вынуждено было характеризовать ее как «полную передачу контроля в области поставок конгрессом в руки руководителей министерства обороны»³⁵.

В первый же год пребывания у власти правительства республиканской партии на долю некрупных компаний пришлось всего лишь около 25% военных заказов правительства. В 1955 году эта доля сократилась до 21%, а в 1956 году упала до 19,6%³⁶. «Так как Пентагон является крупнейшим покупателем страны, его политика является главной причиной того, что при Эйзенхаузере число обанкротившихся и находившихся на грани банкротства фирм было больше, чем в любое другое время после великой депрессии 30-х годов»³⁷, — отмечали прогрессивные американские экономисты.

В то время как мощные военно-промышленные тресты сказочно обогащаются на гонке вооружений, множество мелких, средних, а иногда и крупных компаний в сфере гражданского производства и даже крупных концернов, не сумевших получить сколько-нибудь существенных позиций в государственном аппарате, разоряется или же значительно ослабевает. В 1955 году, например, в стране произошло 10 969 банкротств промышленных и коммерческих фирм, с общей суммой пассивов в 449,4 млн. долл., что превысило уровень 1945 года по количеству банкротств почти в 13,5 раза, а по сумме пассивов — почти в 15 раз³⁸.

Так, сужение круга избранных, концентрация правительственных военных заказов в руках наиболее узкой группы монополий-сверхгигантов привели к резкому уси-

---

³⁴ «Labor Research Association, Economic Notes», Based on reports of House and Senate Committees on Small Business, Wash., 1955, p. 33.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ «Statistical Abstract of the U. S.», 1956, p. 501.

лению концентрации в экономике США, способствовали еще большему усилению всевластия монополий.

Проведение в жизнь «плана Вильсона» явилось наиболее наглядной формой фаворитизма, расцветшего в Вашингтоне после того, как непосредственные ставленники монополий захватили в аппарате республиканской администрации все сколько-нибудь значительные посты. Монополии, получившие в свои руки эти позиции, использовали их не только для наступления на трудящихся, но и для ожесточенной борьбы против своих конкурентов, ярким примером чего явились мероприятия «плана Вильсона».

Характерной в этом отношении была деятельность американского министерства обороны, руководящие посты в котором взяли в свои руки заправилы дюпоновско-моргановской компании «Дженерал моторз» и прежде всего сам автор этого пресловутого плана.

В результате подобной политики прибыли «Дженерал моторз» превысили прибыли любой компании за всю историю капитализма. В 1955 году доходы «Дженерал моторз» составили 1,2 млрд. долл. За пять лет прибыли «Дженерал моторз» составили около 4 млрд. долл., что превосходит годовой бюджет многих западноевропейских государств. Президент компании Кертис заявил, что рост прибылей «Дженерал моторз» является «отражением здоровой политики нынешнего правительства США». Как писала газета «Дейли уоркер», ярчайшим проявлением этой «здоровой политики» было предоставление компании государственных военных заказов на 1400 млн. долл.

Министры правительства Эйзенхауэра занимались и собственным обогащением. Нечистым на руку, как выяснилось вскоре после его ухода из Белого дома, оказался и сам Эйзенхауэр. Весьма информированный в вашингтонских делах Дрю Пирсон опубликовал сведения, изобличившие главу правительства республиканской партии в весьма неблагоприятных действиях.

Одним из последних официальных актов Эйзенхауэра, пишет Пирсон в статье, опубликованной в газете «Вашингтон пост энд Таймс геральд» и в других газетах, явилось подписание приказа, меняющего правила, касающиеся импорта в Соединенные Штаты остаточной нефти.

Эйзенхауэр издал этот приказ всего лишь за три дня до своего ухода из Белого дома, и, добавляет Пирсон, у министра внутренних дел «едва хватило времени на то, чтобы успеть издать процедурные инструкции 19 января, как раз в тот момент, когда Эйзенхауэр готовился перейти на положение частного гражданина».

Среди способов, которыми монополисты с помощью правительственного аппарата грядят трудящихся, немаловажное место, особенно в последние годы, заняли махинации с ценами на продукцию, поставляемую государству. Монополии произвольно устанавливают цены, значительно превышающие цены, существующие на рынке. В американскую печать, естественно, не часто проникают данные, показывающие, как таким способом власти субсидируют монополии. Но то, что становится известным, говорит само за себя.

Так, подкомиссия палаты представителей, расследовавшая злоупотребления при заключении военных контрактов, установила, что за период 1949—1951 годов военное ведомство переплатило фирмам, поставлявшим лишь такую незначительную часть военных поставок, как запасные части к автомобилям, 305 млн. долл. Обыкновенная осветительная лампочка сбывается армии компаниями-поставщиками по цене, в четыре раза (!) превышающей рыночную цену. Можно представить себе, в какие воистину астрономические суммы обходились и обходятся в настоящее время американским налогоплательщикам подобные «операции» соответствующих правительственных органов.

Чем же можно объяснить такую анекдотическую расточительность этих органов? Ведь в них сидят десятки бизнесменов, отлично умеющих считать деньги. Только одним: монополии превратили правительственные военные заказы в важнейший источник получения и увеличения своих барышей, а органы, распределяющие эти заказы, являются орудием, при помощи которого корпорации, прикрываясь авторитетом государственной власти, грабят трудящихся. «Люди, занятые в правительстве закупками военных материалов, большей частью сами являются выходцами из рядов фабрикантов оружия. Рано или поздно правдивая история потрясающего переплачивания по нынешним военным контрактам станет достоянием гласности, подобно тому, как это было после

второй мировой войны. Однако уже сейчас имеется достаточно информации, показывающей бесстыдное ограбление налогоплательщиков жадными до прибылей поставщиками военной техники»³⁹, — так пишут прогрессивные американские экономисты в работе «Налоговое бремя в США».

Необходимо отметить, что демократическая партия, сменившая в 1960 году в Вашингтоне республиканцев, оставила в неприкосновенности подобного рода порядки. В 1962 году все эти махинации приобрели настолько скандальный характер, что для того, чтобы хоть как-нибудь успокоить общественное мнение, конгресс США провел расследование некоторых сделок в области военных заказов. Сенатская постоянная подкомиссия под руководством сенатора Маклеллана начала расследование прибылей монополий, выполняющих заказы, связанные с производством ракетного оружия. С первых же шагов расследования стало ясно, что ряд компаний, в частности «Уэстерн электрик» — главный подрядчик, выполняющий заказы по производству ракет «Ника», и его субподрядчики — «Дуглас эйркрафт», «Консолидейтед уэстерн стил», глубоко запустили руку в военный бюджет Соединенных Штатов.

Прибыль «Консолидейтед уэстерн стил», как показало расследование, составляет около 20% стоимости выполненных ею заказов. Компания «Дуглас эйркрафт» получила от Пентагона в период с 1952 по 1961 год 17 контрактов, связанных с производством ракетного оружия, на общую сумму 598,9 млн. долл. В результате расследования было выявлено, что прибыли этой компании по отдельным контрактам составили от 18,3 до 20% стоимости выполненных ею работ.

Говоря о первых результатах расследования сделок, принесших огромные прибыли монополиям, выполняющим военные заказы, даже такой ультраправый деятель, как сенатор К. Мундт, вынужден был признать, что оно вскрыло «непатриотическое проявление жадности и алчности».

Параллельно с сенатской комиссией расследованием сделок, принесших чрезмерно высокие военные прибыли, занимается подкомиссия по военным ассигнованиям па-

---

³⁹ «The Burden of Taxes», p. 15.

латы представителей под председательством конгрессмена Д. Мэхони. На 1963 год в бюджете Соединенных Штатов было выделено 600 млн. долл. на военные научно-исследовательские работы. В ходе расследования выяснилось, что ряд частных компаний, объявивших себя для отвода глаз «бесприбыльными научно-исследовательскими институтами», получают от Пентагона крупные многомиллионные ассигнования и используют эти средства в своих частных целях.

Большие злоупотребления с целью наживы были вскрыты также в связи с накоплением запасов стратегических материалов. Как заявил на одной из своих пресс-конференций президент Кеннеди, на создание этих запасов истрачено 7,7 млрд. долл., или на 3,4 млрд. долл. больше, чем было необходимо. По некоторым видам материалов запасы превышали установленные нормы в семь раз.

Многие металлы и сырье закупались в течение ряда лет не только в излишних количествах, но и по более высоким, чем рыночные, ценам.

В процессе проверки существующих запасов было обнаружено, что среди них есть такие, которые не имеют никакого стратегического значения. А на их закупку было затрачено 304 млн. долл.

Председатель подкомиссии сенатор Саймингтон заявил, что некоторые поставщики стратегических металлов, в частности компании, поставлявшие олово, получили прибыли от 700 до 1000% от стоимости поставленного ими металла.

Важное место в деятельности республиканской администрации, направленной на непосредственное увеличение прибылей монополий, занимало и прямое субсидирование правительственными органами трестов и корпораций. В сводном балансе промышленных предприятий США на 1 января 1953 г. правительственные кредиты и ссуды компаниям, выполнявшим военные заказы, превысили 1,5 млрд. долл. В 1953/54 году монополии получили от правительства различной помощи и субсидий на сумму свыше миллиарда долларов⁴⁰ и т. д.

Одним из распространенных видов такой помощи является покупка у компаний продукции, не находящей

---

⁴⁰ «Economic Notes» 1954, Apr.

сбыта на обычном рынке, хотя такое приобретение не вызывается никакой государственной необходимостью. Примером подобного рода действий является, в частности, осуществленная в марте 1954 года закупка крупных партий цинка и свинца на общую сумму в 120 млн. долл. под вывеской «создания дополнительных стратегических запасов»⁴¹. Американская печать отмечала, что такое решение продиктовано отнюдь не военно-промышленными соображениями, ибо государственные запасы этих металлов были более чем достаточны, а стремлением определенных органов республиканской администрации поднять прибыли компаний Морганов, занимающихся добычей цинка и свинца. Результаты подобного благодеяния не замедлили сказаться: уже к середине 1954 года по сравнению с началом того же года цены на свинец увеличились на 14%, а на цинк — на 19% и изрядные суммы перекочевали из карманов налогоплательщиков в моргановские сейфы. В подобного рода «деятельности» немалую роль играло руководство министерства обороны.

Вильсон и его подручные были отнюдь не единственными, кто свое пребывание на правительственных постах превратил в средство для беззастенчивого ограбления американских налогоплательщиков, для всемерного увеличения прибылей компаний, с которыми они прямо или косвенно были связаны, для борьбы со своими капиталистическими конкурентами. Так или иначе в подобного рода деятельности замешано подавляющее большинство деятелей республиканской администрации.

В цитировавшейся книге Пирсона и Андерсона приводятся факты, показывающие, как грел руки, используя свое положение министра финансов, и Джордж Хэмфри. Первый раз он запустил руку в государственную казну, еще ни разу не побывав в своем служебном кабинете. Получив назначение на пост министра финансов, официально занять который он должен был 20 января 1953 г., Хэмфри через своего сына Джильберта 16 января подписал с правительством контракт, который принес фирме, возглавлявшейся Хэмфри, прибыль примерно в 20 млн. долл.⁴²

---

⁴¹ «Economic Notes» 1954, Nov.

⁴² D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-Class Power? p. 108.

Дальше Д. Хэмфри стал действовать еще более смело. Так, например, он предоставил весьма щедрую налоговую льготу размером около 27 млн. долл. нефтяной компании «АРАМКО», нимало не стесняясь тем обстоятельством, что его собственная компания «М. А. Ханна» владела значительными количествами акций «АРАМКО»⁴³.

О размахе и методах подобного рода операций Хэмфри достаточно красноречиво говорит то, что за время пребывания его на посту министра финансов в связи с этими махинациями стоимость акций руководимой им компании «М. А. Ханна» повысилась на 119 млн. долл.; стоимость акций другой его компании, «Нэшнел стил корпорейшн», увеличилась на 110 тыс. долл. За период пребывания Хэмфри на посту министра финансов стоимость акций возглавляемой им компании «Ханна коул энд айрон» поднялась с 46 млн. долл. до 441,5 млн.⁴⁴

Уже в период пребывания в Вашингтоне правительства Кеннеди властям под напором общественного мнения пришлось заняться расследованием махинаций, осуществленных Хэмфри в период с 1952 по 1954 год. Кеннеди в январе 1962 года создал комиссию для расследования этого дела, несмотря на публичное заявление, сделанное бывшим президентом Эйзенхауэром, сказавшим: «Если министр Хэмфри совершил бесчестный поступок, то вы можете распять меня на кресте и втыкать в меня гвозди».

Однако последующие события показали явную опрометчивость такого заявления. Когда стало известно, что комиссия приступает к работе, администраторы фирмы «М. А. Ханна» сожгли все документы за 1952—1954 годы, о чем сообщила американская печать в августе 1962 года.

Федеральный правительственный ревизор заявил 14 августа, что кто-то уничтожил документы, свидетельствующие о том, что фирма «М. А. Ханна», которую некогда возглавлял бывший министр финансов Джордж Хэмфри, нажила громадные прибыли на сделках, связанных с запасами стратегических материалов.

Правительство не смогло выяснить, кто приказал уничтожить документацию этой компании. Было решено

⁴³ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A. — Second-Class Power? p. 112.

⁴⁴ Ibid, p. 176.

«допросить» Джорджа Хэмфри и его сына Джилльберта.

Такой «допрос» действительно состоялся. Летом 1962 года Хэмфри по просьбе сенатской комиссии по делам вооруженных сил явился в Вашингтон. По сообщениям американской печати, вел он себя на заседании по меньшей мере нагло. Он знал, с кем имеет дело. «Ребята», — так обращался он к членам комиссии, часто давая сенаторам закончить довольно робкие вопросы. Хэмфри перебывал их и подчас не очень-то вежливо спорил с ними. Заседание ничего не дало. Развязное поведение Хэмфри объяснялось тем, что сами сенаторы были замешаны в темных махинациях.

Осуществление мероприятий, связанных с «планом Вильсона», привело к значительным изменениям в деле распределения правительственных военных заказов между компаниями. Значительно сузился круг этих компаний, и резко возросли их прибыли. Согласно официальным американским данным, за период с 1954 по 1957 год на предпрятиях 100 крупнейших промышленных корпораций США министерство обороны разместило военные заказы на общую сумму 30,3 млрд. долл., что составило около 68% всех заказов, полученных за этот период указанными 100 корпорациями.

Наибольшее количество военных заказов в этот период получила компания «Дженерал дайнэмикс». Ей было выдано военных заказов на сумму в 2,4 млрд. долл. Затем шли «Дженерал моторз», «Дженерал электрик», «Юнайтед эйркрафт корпорейшн», «Боинг эйрплейн компани», «Норт америкен авиэйшен», «Америкен телефон энд телеграф компани».

Весьма знаменательно, что именно эти компании в последние годы систематически возглавляют список компаний, получающих в США наивысшие прибыли. При этом прибыли этих компаний возрастают даже в периоды экономических спадов, когда доходы других фирм идут на убыль.

Фаворитизм в отношении узкой группы крупнейших монополий США, ставший одной из основных линий в политике правительственной администрации, беззастенчивое использование виднейшими деятелями Вашингтона государственного аппарата в интересах этих монополий привели к значительному росту могущества и влияния ведущих групп монополистического капитала США.

Крупный капитал использовал свои позиции в правительстве для того, чтобы увеличить прибыли за счет максимальной эксплуатации военной программы американского правительства, производимой им гонки вооружений и налогового ограбления трудящихся в интересах узкой группы ведущих монополистических объединений США.

4. ПРОГРАММА РАЗБАЗРИВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ РЕСУРСОВ

Одной из целей, к достижению которой стремились в течение нескольких десятилетий американские монополии, было получение в свои руки тех природных ресурсов, запасов полезных ископаемых, лесов и т. д., которые принадлежат государству.

По данным министерства внутренних дел США, на 30 июня 1958 г. государству принадлежало 774 млн. акров земли, находящихся под юрисдикцией различных правительственных учреждений. Из них 270 млн. акров приходится на Аляску. По другим данным, — 409 млн. акров, то есть почти $\frac{1}{4}$ всей земельной площади Соединенных Штатов (включая водные пространства).

Запасы нефти на континентальных отмелях побережья Соединенных Штатов Америки оцениваются в 15 млрд. баррелей, а на отмелях Аляски — в 23,6 млрд. баррелей. По существующим ныне ценам, это означает более чем 100 млрд. долл. Значительная часть этих несметных сокровищ дана на откуп нефтяным и другим монополиям.

Государству принадлежит около 230 млн. акров пастбищ на Западе страны. Часть этих пастбищ расположена в заповедниках, обслуживаемых управлением заповедников США, часть находится под управлением министерства внутренних дел. Предметом особого внимания со стороны деревообрабатывающих и бумажно-целлюлозных компаний являются 160 млн. акров национальных лесов.

Важным объектом государственной собственности являются гидро- и теплоэлектростанции, управляемые муниципалитетами, округами, штатами и федеральным правительством. Федеральная собственность включает 160 плотин и каналов, 79 крупных гидроэлектростанций

и энергетических предприятий, 80 огромных водохранилищ. Государственные электростанции дают 15% всего производства электроэнергии в год. Государственная энергетическая корпорация «Теннесси вэлей аусорити» обслуживает семь штатов. В настоящее время в собственности муниципалитетов находятся 2 тыс. энергетических предприятий, часть из которых представляет собой гидростанции, а остальные — небольшие электростанции, производящие электроэнергию посредством паровых машин или двигателей внутреннего сгорания. Почти $\frac{1}{4}$ всей потребности Соединенных Штатов в энергии в 1957 году удовлетворяли государственные предприятия⁴⁵.

Основной капитал почти 20 тыс. государственных предприятий составляет менее 5% от основного капитала 81 корпорации миллиардеров, владеющих активами в 242 млрд. долл. Общая стоимость всего федерального имущества (включая земельную собственность, промышленные предприятия, государственные здания и сооружения, запасы военных материалов, сельскохозяйственных продуктов, материальную часть армии, военные базы и т. д.), по данным правительственной инвентаризации, на 30 июня 1957 г. составила 250 млрд. долл.⁴⁶

Появление государственно-капиталистического сектора в экономике США не идет вразрез с интересами трестов, как пытаются утверждать платные прислужники монополий, а, наоборот, диктуется их интересами. В определенные моменты (например, кризис, война) государство выступает как официальный представитель всего буржуазного общества, берет на себя управление производительными силами. В то же время, как только чрезвычайные обстоятельства исчезают, монополии стремятся в большинстве случаев снова взять в свои руки отрасли, попавшие в руки государства.

В течение многих лет крупнейшие монополии делали все, чтобы завладеть этими богатствами. В частности, уже давно внимание нефтяных компаний привлекают богатые нефтью отмели, расположенные вдоль побережья страны. Стремясь получить в свои руки нефтеносные

---

⁴⁵ «Public ownership in the USA. Goals and Priorities». A Symposium of Essays. Edited by Hellen Alfred, N. Y., 1961.

⁴⁶ «New York Herald Tribune», Febr. 12, 1957.

земли, принадлежащие государству, нефтяные магнаты не останавливались ни перед чем.

Известно, что в начале 20-х годов в США произошел грандиозный скандал в связи с попытками монополий заполучить при помощи темных махинаций государственные нефтяные месторождения в Типот Доум. В этом скандале были замешаны высокопоставленные должностные лица страны, и закончился он смертью президента Гардинга, происшедшей при весьма таинственных обстоятельствах.

На протяжении последних 20 лет Верховный суд страны под давлением общественного мнения неоднократно отклонял притязания монополий на природные ресурсы, принадлежащие государству. Однако монополии не прекращали своей деятельности в этом направлении. Сразу же после прихода к власти республиканской партии председатель Торговой палаты США Лоуренс Ли выступил за «свободное владение землей», потребовав «передачи всех федеральных земель частным владельцам». Ли призвал Национальную ассоциацию промышленников повлиять на конгресс, заставив его принять соответствующее законодательство.

Немедленно после прихода к власти республиканское правительство рьяно принялось за осуществление этой программы. В конгресс был внесен законопроект о передаче прибрежным штатам прав собственности на нефтеносные отмели, что фактически отдавало их в руки частных владельцев. Уже 13 мая 1953 г. соответствующий законопроект был принят палатой представителей. 22 мая законопроект был подписан президентом и стал законом.

Одновременно правительство проводило мероприятия по осуществлению других частей этой обширной программы. В апреле 1953 года в американской печати появилось сообщение о том, что президент направил конгрессу специальное послание, в котором рекомендовал принять закон о передаче в руки частных предпринимателей принадлежащие государству 28 заводов синтетического каучука общей мощностью около 700 тыс. т в год. Эти заводы были построены во время второй мировой войны и обошлись американским налогоплательщикам примерно в 550 млн. долл.

В своем послании президент указывал, что «если принадлежащие правительству заводы по производству кау-

чука будут проданы, как это рекомендуется, то частная промышленность, основывающаяся на принципе конкуренции, сможет в достаточно полной мере и экономично удовлетворять наши потребности в синтетическом каучуке⁴⁷. 25 июня 1953 г. соответствующий закон был одобрен палатой представителей, а 7 августа был подписан президентом и вступил в силу.

Государственные заводы по производству синтетического каучука были переданы нескольким крупнейшим монополиям — «большой четверке» резиновой промышленности: «Юнайтед Стейтс раббер компани», «Файерстон тайр энд раббер компани», «Гудийр тайр раббер компани», «Гудрич (Б. Ф.) компани» и двум крупнейшим корпорациям по производству химических продуктов из нефти — «Шелл ойл компани» и «Эссо стандарт».

Авторы исследования «Монополии в Америке» У. Адамс и Х. Грэй приводят следующие данные: за период второй мировой войны производственные мощности в США выросли за счет строительства новых предприятий на 26 млрд. долл. Из этой суммы 12 млрд. 200 млн. долл. было вложено правительством. Предприятия стоимостью в 11 млрд. долл. к 1955 году были переданы правительством за бесценок 250 частным компаниям⁴⁸.

Адамс и Грэй приводят многочисленные примеры таких продаж. Так, алюминиевые заводы стоимостью в 120 млн. долл. были проданы компании Кайзера за 43,5 млн. долл.; заводы стоимостью 170 млн. долл. — фирме «Рейнолдс металз компани» за 57,6 млн. и т. д.⁴⁹ То же самое, по словам авторов, происходило в сталелитейной и многих других отраслях промышленности.

Характерным для деятельности эйзенхауэровской администрации в этом направлении является серьезно обеспокоивший американскую общественность так называемый «закон Фулбрайта — Гарриса», принятый конгрессом США в феврале 1956 года. Этот закон предусматривал отмену контроля над ценами на природный газ. Контроль над ценами на природный газ был принят американским конгрессом еще в 1939 году и предусматривал, что компании, добывающие и поставляющие потребителям при-

---

⁴⁷ «New York Times», Apr. 14, 1953.

⁴⁸ W. Adams and H. Gray, *Monopoly in America*, p. 117.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 131.

родный газ, не имеют права по собственному усмотрению повышать цены, так как это больно ударит по интересам десятков миллионов людей, пользующихся этим наиболее распространенным видом топлива.

Подобное положение не устраивало гигантские нефтяные компании, сосредоточившие в своих руках контроль над добычей природного газа. И они стали организовывать планомерные атаки на систему контроля над ценами на газ.

В 1950 году сенатор Керр внес в конгресс законопроект об отмене контроля над ценами на газ. Однако в последний момент этот законопроект был провален. Выяснилось, что сам автор этого законопроекта является владельцем «Таскоуз гэс компани» и имеет 100 млн. долл., вложенных в добычу нефти и газа. Это вызвало бурю негодования американской общественности, и нефтяным компаниям пришлось отступить.

В начале 1956 года, используя чрезвычайно благоприятную обстановку, сложившуюся в Вашингтоне, и общую линию республиканской администрации, направленную на передачу контроля над естественными ресурсами страны в руки частного капитала, нефтяные компании вновь подняли вопрос об отмене контроля над ценами на природный газ.

Что давало это мероприятие, можно судить по тому, что, по подсчетам американских экономистов, такая отмена контроля увеличила бы прибыли нефтяных компаний на 958 млн. долл. в год. А это означает, говорилось в заявлении американских профсоюзов, в связи с этим законопроектом, что «почти миллиард долларов будет похищен из карманов потребителей и переложен в кассы сказочно богатых нефтяных предприятий».

Важнейшей частью программы передачи монополиям естественных ресурсов и государственных предприятий был план допуска частного капитала США в атомную промышленность страны. Дело в том, что на первом этапе создания и возникновения этой промышленности монополистическому капиталу США было выгодно установить такую систему, при которой юридически эта отрасль принадлежала бы государству, а крупнейшие частные компании выступали бы в роли подрядчиков. На этом этапе подобная система не только не ущемляла прав частного капитала, но, наоборот, была для него исключительно

выгодной. Для создания атомной промышленности требовались огромные расходы, которые в силу ее специфики могли окупаться лишь в течение длительного времени. Все эти расходы и взяло на себя государство, вложившее за счет американских налогоплательщиков в атомную промышленность огромные суммы.

Подобная практика типична для крупных американских корпораций, беззастенчиво перекладывающих расходы по работам, не приносящим им немедленно прибылей, на плечи американских налогоплательщиков. Значительная часть научно-исследовательской работы корпораций, на которую тратятся миллиарды долларов и которая в конце концов оборачивается для корпораций многомиллиардными прибылями, как правило, финансируется правительством, то есть налогоплательщиками.

Когда же компании находят это для себя выгодным, они, пользуясь благосклонностью властей, полностью берут дело в свои руки. Так произошло и с атомной промышленностью. С развитием атомной промышленности, превратившейся в настоящее время в одну из ведущих отраслей военной промышленности США, по мере успехов науки, которые чрезвычайно приблизили время, когда атомная энергия будет иметь особенно большое значение в экономике, прежнее положение уже перестало устраивать американские монополии.

Во-первых, группа наиболее могущественных американских монополистических объединений, сочтя, что она уже извлекла для себя все выгоды из государственной собственности на атомную промышленность, решила, что настало время взять эту важнейшую и прибыльную отрасль военного производства в свои руки.

Во-вторых, заправили ведущих групп американского монополистического капитала строили свои расчеты исходя из того, что те из них, кому удастся в самом начале захватить ключевые позиции в зарождающейся атомной энергетике, получат в свои руки командные позиции в экономике ближайших лет, захватят источник огромных монопольных прибылей за счет ограбления народа и получат мощное средство давления на конкурентов.

Именно поэтому атомная промышленность США превратилась в арену ожесточеннейшей конкурентной борьбы между наиболее могущественными группировками американского капитала, именно поэтому монополисти-

ческий капитал США счел, что государственная собственность на атомную промышленность не соответствует больше его интересам.

15 апреля 1954 г. объединенная комиссия американского конгресса по вопросам атомной энергии внесла в обе палаты законопроект, предлагавший пересмотреть действовавшее законодательство об атомной энергии и передать атомную промышленность в руки частной компании. Обсуждение этого законопроекта в конгрессе носило чрезвычайно острый характер. Группа конгрессменов, представляющая интересы мелких и средних промышленных кругов и сельскохозяйственных компаний, выступила с резкой критикой этого законопроекта. Так, видный деятель так называемого «либерального крыла» демократической партии Лимэн заявил, выступая в сенате, что «законопроект представляет собой крупнейшее разбазаривание народных прав и средств, превосходит позорное разбазаривание нефтяных залежей на отмелях»⁵⁰. Сенатор Морзе заявил, что «законопроект окажет катастрофическое влияние на экономическое благосостояние американского народа на протяжении жизни ряда поколений в будущем»⁵¹.

Американские профсоюзы опубликовали специальное заявление, в котором говорилось: «Атомная энергия сама по себе и техника, созданная в связи с расщеплением ядра, должны принадлежать государству. Частная монополия в какой-либо фазе или области атомной промышленности недопустима... Никакой частной корпорации не следует разрешать накапливать материалы и оборудование или приобретать новое для собственного исключительного пользования, или присваивать себе власть, вытекающую из этой монопольной собственности»⁵².

Однако, несмотря на все протесты, законопроект, передавший частным компаниям работы по использованию атомной энергии, 17 августа 1954 г. был принят конгрессом и затем 30 августа подписан президентом Эйзенхауэром. Американский монополистический капитал при помощи правительства получил в свои руки богатство,

---

⁵⁰ «Congressional Records», 1954, vol. 100, part 8, p. 10746.

⁵¹ «Congressional Records», 1954, vol. 10, part 9, p. 10871.

⁵² «Daily Worker», 15 Aug., 1952.

размеры которого в настоящее время даже трудно себе представить. Весьма характерным в этой связи является то, что американская печать, обычно весьма падкая на всевозможные сенсации, на сей раз проявила крайнюю сдержанность. Несмотря на то что речь шла о чрезвычайно важном решении — о колоссальных денежных суммах, печать почти не комментировала принятия этого закона, явно не желая привлекать к нему внимания.

Следует отметить, что закон 1954 года, укрепив позиции частного капитала в атомной промышленности, отнюдь не способствовал, как на это надеялись некоторые, прогрессу в области мирного использования атомной энергии. В этой области США отстают не только от Советского Союза, но и от Англии. Причина такого положения заключается в том, что компании, держащие в своих руках ключевые позиции в атомной промышленности (в частности, моргановская «Дженерал электрик»), являясь одновременно ведущими и в сфере старой энергетики и отнюдь не заинтересованы в обесценении своих капиталов, вложенных в тепловые и гидроэлектростанции.

В конце 1958 года на страницы американской печати просочились сообщения о том, что в отношении важнейшей области, где государство играло существенную роль, — программы исследований и производства космических ракет — разгорелась острейшая борьба, связанная с претензиями крупнейших монополий взять этот выгоднейший для них бизнес полностью в свои руки.

Дальнейшие события показали, что монополии знали, что делали, когда предъявляли свои претензии. Республиканское правительство всячески шло им в этом вопросе навстречу, и решающие позиции в «ракетном бизнесе» захватила группа крупных компаний, извлекающих из него огромнейшие прибыли.

Осуществление широкой программы мероприятий по передаче в руки монополистического капитала принадлежащих государству предприятий велось под лозунгом: «Правительство не должно вмешиваться в деятельность бизнеса» и явилось одной из наиболее важных частей экономической политики республиканцев, направленной на всемерное увеличение прибылей монополий.

5. РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ФЕРМЕРЫ

Одной из острейших проблем все годы президентства Эйзенхауэра являлась фермерская проблема, имеющая при этом не только экономический, но и политический характер. Политические наблюдатели США считают, что недовольство фермерского населения США политикой правительства республиканской партии было источником многих трудностей республиканцев и явилось одной из главных причин серьезных неудач и потери десятков мест в палате представителей и сенате, постигших республиканскую партию в ходе выборов 1956, 1958 годов и особенно поражения республиканской партии на президентских выборах 1960 года.

В чем же заключались причины недовольства фермерского населения США?

Даже официальная американская статистика признает, что сельское хозяйство США находится после войны в состоянии хронического кризиса.

Журнал «Политикл афферс», анализируя положение в сельском хозяйстве США, пишет: «Сельскому хозяйству Соединенных Штатов свойственны три наиболее характерные черты: постоянное и быстрое уменьшение численности фермеров; хронический кризис «перепроизводства»; многие миллионы сельских жителей, находящихся на самой низкой ступени экономической и социальной лестницы»⁵³.

Общее количество ферм сократилось с 6,8 млн. в 1934 году до 4,8 млн. в 1954 году. Самое резкое сокращение было на Юге, поскольку система издольщиков открыла путь к таким технологическим изменениям, как механическая уборка хлопка. В 1935 году южных арендаторов, включая издольщиков, имелось 1,8 млн.; в 1954 году их число упало до 681 тыс.⁵⁴

До прихода к власти республиканской партии в течение 20 лет политика американского правительства в области сельского хозяйства заключалась в том, что, стремясь ослабить аграрный кризис, из которого американское фермерство почти не выбиралось, правительство проводило так называемую «политику поддержания цен

---

⁵³ «Political Affairs», 1958, May.

⁵⁴ *Ibid.*

на сельскохозяйственные продукты». Сельскохозяйственные излишки скупались государством. «Со времени депрессии правительство ежегодно закупало излишки, чтобы сократить предложение на открытом рынке и не допустить стремительного падения цен... Цель этого состоит в том, чтобы поддерживать постоянное соотношение между ценами тех товаров, которые фермер покупает, и тех, которые он продает»⁵⁵.

О том, что подобная политика в отношении мелкого и среднего фермерства не приносила должного эффекта и не была в состоянии поддерживать это «постоянное соотношение между ценами», свидетельствуют данные американского правительства. В соответствии с этими данными отношение индекса цен на сельскохозяйственные продукты к индексу цен на промышленные товары упало со 100 в 1952 году до 84 в июле 1955 г.⁵⁶

Уже через несколько дней после начала деятельности республиканской администрации министр земледелия Бенсон сделал нашумевшее заявление о том, что «правительство не будет поощрять нерентабельное производство и намеревается отменить систему поддержания цен на сельскохозяйственные продукты»⁵⁷. Выступая перед фермерами штата Алабама, Бенсон весьма недвусмысленно показал, в чьих интересах проводит свою политику министерство земледелия правительства Эйзенхауэра.

«Было бы реалистично с нашей стороны признать, — заявил он, — что мы, возможно, будем не в состоянии помочь всем способным и подающим надежды мелким фермерам найти себе надлежащее место в сельском хозяйстве. Многие уже оставили свое хозяйство и нашли работу в городе. Еще тысячи, несомненно, будут искать работу в промышленности»⁵⁸. Характеризуя политику правительства республиканской партии в области сельского хозяйства, бюллетень «Фэктс фор фармерз» писал в феврале 1954 года: «Эта программа, разработанная крупным капиталом и в его интересах, открыла путь к установлению более низких цен на сельскохозяйственные

---

⁵⁵ «Statist», 1953, Jan. 24.

⁵⁶ «Agricultural Situation», 1955, Aug.

⁵⁷ «New York Times», Sept. 13, 1953.

⁵⁸ «Facts for Farmers», 1954, Febr.

продукты, к углублению аграрного кризиса и к усилению голода в городах и сельских районах»⁵⁹.

В апреле 1953 года министр земледелия конкретизировал свои планы реформ в области программы поддержания цен. Он заявил, что правительство будет поддерживать цены на основные сельскохозяйственные товары на 60—90% паритета. При таком уровне цен не возмещаются даже издержки производства на мелких фермах.

Президент Эйзенхауэр направил конгрессу в январе 1954 года специальное послание по вопросам сельского хозяйства, в котором предложил одобрить разработанную Бенсоном гибкую программу поддержания цен, согласно которой уровень гарантируемых правительством цен после урожая 1954 года должен быть приведен в соответствие с уровнем рыночных цен.

Гибкая, или скользящая, шкала поддерживаемых правительством цен на сельскохозяйственные продукты должна была заменить прежнюю, жесткую систему поддержания цен.

Обосновывая программу республиканцев в области сельского хозяйства, министр земледелия Бенсон утверждал, что стоит только урезать программу поддержания цен, как прекратится падение цен на сельскохозяйственные продукты, начнут рассасываться массы запасов сельскохозяйственной продукции, забивавшей государственные склады. Однако действительность опровергла эти прожекты.

За годы пребывания у власти республиканская администрация, декларировавшая крупные реформы в сельскохозяйственной политике, которые должны были вывести американское сельское хозяйство из кризисного состояния, имела возможность осуществить эти реформы на практике. Но за эти годы общее состояние сельского хозяйства США (не говоря уже о положении трудящихся фермеров, о чем говорится ниже) ухудшилось еще больше, сельскохозяйственный кризис углубился и стал хроническим.

На 1 января 1959 г. излишки сельскохозяйственных товаров, принадлежавших товарно-кредитной корпорации министерства земледелия, исчислялись в 8,7 млрд. долл. Это на 5,2 млрд. долл. больше, чем в конце 1952 го-

---

⁵⁹ «Facts for Farmers», 1954, Febr.

да. Сведя в значительной степени систему поддержания цен на нет, республиканская администрация заменила ее так называемой «программой Земельного банка». В основе этой политики лежала идея о том, что выходом из сельскохозяйственного кризиса является значительное сокращение производства сельскохозяйственной продукции. При этом мероприятия этой программы были составлены таким образом, чтобы, сохраняя и увеличивая прибыли крупнейших сельскохозяйственных компаний, возложить тяготы на плечи среднего и мелкого фермерства.

Суть «программы Земельного банка» состояла в значительном сокращении посевных площадей под основными сельскохозяйственными культурами и соответственном сокращении производства продукции в сельском хозяйстве. Фермер, который сокращал свою посевную площадь и консервировал часть своей земли, получал в порядке компенсации определенную сумму от специально созданного Земельного банка. На эти цели конгресс США (конечно, за счет американских налогоплательщиков) ассигновал Земельному банку 1200 млн. долл.

Кому была выгодна такая система?

Мелкие фермеры от нее лишь теряли, их положение ухудшилось еще больше. В одном из своих выступлений сенатор Л. Джонсон⁶⁰ привел такой пример: гарантированная правительством цена на хлопок позволила фермеру получить от его продажи около 102 долл. на акр. Между тем за каждый акр законсервированной земли он получает лишь 51 долл., причем уплата этой суммы производится в рассрочку в течение двух лет. Иными словами, Земельный банк фактически предоставил фермеру-хлопководу за каждый законсервированный акр земли сумму, в четыре раза меньшую, чем та, которую он может получить за хлопок, выращенный на одном акре. Так же обстояло дело и с фермерами, производящими пшеницу, кукурузу и другие культуры.

Что касается крупных сельскохозяйственных компаний, то им такая система несла двойную выгоду. Во-первых, компании, земля которой исчисляется тысячами и десятками тысяч акров, нетрудно было провести сокращение посевных площадей, получив за это от Земельного

---

⁶⁰ Теперешний президент.

банка круглую сумму, и, одновременно приложив дополнительные средства к оставшимся посевным площадям, сохранить производство продукции на прежнем уровне. А, во-вторых, воспользовавшись разорением миллионов фермеров, «облагодетельствованных» Земельным банком, они прибирали к рукам новые земельные площади, которые незамедлительно пускали в оборот.

За один лишь год крупная сельскохозяйственная компания «Дельта энд пайн лэнд» получила от Земельного банка 1900 тыс. долларов, компания «Юнайтед Стейтс уит» — 348 тыс. долл.⁶¹

В то же время правительство повело планомерное наступление на рядовых фермеров, заставляя их с каждым сезоном все больше и больше сокращать посевные площади. В 1954 году министерство земледелия принудило фермеров сократить посевы кукурузы по сравнению с предыдущим годом на 17%⁶², под хлопчатником — на 26%, под пшеницей — на 22%⁶³ и т. д.

Сокращение посевных площадей и уменьшение производства сельскохозяйственной продукции, однако, не привели к ликвидации аграрного кризиса. Это вынужден был признать в мае 1959 года в своем послании конгрессу и сам Эйзенхауэр. Касаясь одной из важнейших сторон программы Земельного банка — сокращения излишков пшеницы, — он прямо заявил, что это дело «полностью провалилось».

В последующие годы положение фермеров продолжало ухудшаться.

Уже после поражения республиканцев на выборах 1960 года в печати были опубликованы данные (и, в частности, итоги сельскохозяйственной переписи 1959 г.), которые наглядно показали результаты хозяйничанья республиканцев и в этой области. В соответствии с данными этой переписи, начиная с 1951 года цены на продукты, продаваемые фермерами, упали на 21%. В то же время издержки сельскохозяйственного производства выросли на 26%. Чистый доход фермеров сократился с 16,3 млрд.

---

⁶¹ Э. Шифрин, М. Меньшикова, Еще одна попытка преодоления аграрного кризиса, «Мировая экономика и международные отношения», 1957 г., № 3, стр. 107.

⁶² «Agricultural Situation», 1954, March.

⁶³ «U. S. News and World Report», 1955, May 20.

долл. в 1951 году до 11,6 млрд. долл. в 1960 году, то есть в 1,4 раза.

Эти данные относятся к американскому сельскому хозяйству в целом. Положение мелких и средних фермеров оказывается еще более тяжелым.

По официальным данным, за пятилетие — с 1954 по 1959 год количество ферм сократилось больше, чем за любое предыдущее пятилетие. Следовало бы также сказать, что это сокращение почти в два раза больше, чем с 1950 по 1954 год, и примерно равно сокращению за четверть века — с 1925 по 1950 год, то есть за период, включающий экономический кризис 1929—1933 годов.

Когда в 1945 году Торговая палата Соединенных Штатов, представляющая интересы монополистического капитала, выступала с программой вытеснения из сельского хозяйства по крайней мере половины фермеров (в то время в Соединенных Штатах насчитывалось около 6 млн. ферм), трудно было предположить, что уже в 1960 году эту истребительную операцию удастся осуществить в столь грандиозных масштабах.

Изменения, происшедшие в сельском хозяйстве Соединенных Штатов за годы правления правительства Эйзенхауэра, имели своим результатом, с одной стороны, огромное снижение фермерских доходов и разорение большого числа фермерских хозяйств и, с другой — небывалый рост так называемых излишков, то есть запасов сельскохозяйственных товаров, сосредоточенных в руках правительства и не находящих сбыта.

Вместе с тем нельзя сказать, что республиканцам не удалось достигнуть ни одной из целей, которые они ставили перед собой в области сельского хозяйства. Массовое разорение и вытеснение из сельского хозяйства миллионов мелких производителей и переход их хозяйств в руки крупных сельскохозяйственных компаний, вес и богатство которых за годы правления республиканцев значительно возросли, — эту задачу республиканцы выполнили с успехом.

Удельный вес крупных и крупнейших ферм серьезно возрос, значение и удельный вес мелких ферм резко упали, а сотни тысяч разорившихся мелких фермеров вместе со своими семьями оказались вытесненными из американского сельского хозяйства. Огромное количество мелких ферм оказалось поглощенным капиталистическими

хозяйствами, играющими решающую роль в американском сельскохозяйственном производстве.

О массовом разорении мелких фермеров свидетельствуют официальные данные американского министерства земледелия. Только за период с 1953 по 1955 год общая задолженность трудящихся фермеров банкам возросла на весьма внушительную сумму — 2 млрд. долл. В результате, если накануне прихода к власти республиканской партии в 1952 году фермерское население США составляло 24,3 млн. человек, то уже в 1955 году оно сократилось более чем на 2 млн. человек, а к концу восьмилетнего президентства Эйзенхауэра эта цифра почти удвоилась.

Около 4 млн. разорившихся мелких фермеров и значительное увеличение доходов крупных капиталистических сельскохозяйственных объединений — таков один из итогов деятельности республиканской администрации в сельском хозяйстве.

Не удивительно, что американское фермерство в отличие от крупных сельскохозяйственных монополий было крайне недовольно деятельностью республиканской администрации. Фермеры являются одной из наиболее пострадавших от политики республиканцев категорий населения. Именно поэтому массовое недовольство фермерства и создало для руководителей республиканской партии сложную политическую проблему.

Результаты президентских выборов 1960 года недвусмысленно продемонстрировали отношение американских фермеров к сельскохозяйственной политике Эйзенхауэра — Бенсона. По данным газеты «Фармерс юнион геральд», даже в твердыне республиканцев Северной Дакоте процент голосовавших за кандидата в президенты от демократической партии повысился с 28 в 1952 году до 45 в 1960 году. Значительный рост числа голосов демократов отмечался в Висконсине, Миннесоте, Небраске, Канзасе, Южной Дакоте, Айове и других сельскохозяйственных штатах⁶⁴. Разумеется, дело было не в симпатиях к демократам, а в остром недовольстве политикой республиканской администрации.

Так же как и во всех других областях, в области сельского хозяйства правительство республиканцев взяло и

---

⁶⁴ «Farmers Union Herald», Nov. 27, 1960.

неукоснительно проводило курс на укрепление положения крупного капитала, на увеличение его прибылей ценой ухудшения положения миллионов трудящихся, ценой обнищания и разорения миллионов американских фермерских семей.

Практика Соединенных Штатов Америки с огромной степенью наглядности демонстрирует всю обоснованность и неопровержимую правильность вывода, сделанного в Программе КПСС, принятой историческим XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза, вывода о том, что «развитие капитализма окончательно развеяло легенду об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Монополии заняли господствующие позиции и в сельском хозяйстве. Миллионы фермеров и крестьян сгоняются с земли, а их хозяйство продается с молотка. Мелкое хозяйство держится ценой невероятных лишений, недопотребления и чрезмерного труда крестьян. Крестьянство стонет под бременем растущих налогов и задолженности. Аграрные кризисы все более разоряют деревню»⁶⁵.

---

⁶⁵ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 30.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ

1. МАККАРТИЗМ

Агрессивный курс республиканской администрации на внешнеполитической арене, наступление на жизненный уровень трудящихся США сопровождались наступлением и на права американского народа.

В послевоенные годы в США была разработана целая система антидемократического законодательства, направленная на подавление борьбы трудящихся США за свои права. Это — драконовский антирабочий закон Тафта — Хартли; так называемый «закон о внутренней безопасности 1950 года», известный под названием закона Маккарэна, названного по имени его автора, сенатора Маккарэна, одного из махровых мракобесов, умершего в 1954 году; иммиграционный закон Маккарэна — Уолтера 1952 года; система «проверок лояльности» и т. д.

Сюда относится и печально известный закон Смита, принятый до войны и приспособленный в послевоенный период американской реакцией для преследования коммунистов по лживому обвинению их в «заговоре». На основании этого законодательства, а также без всякого законодательства американская реакция развернула в послевоенный период наступление на все, что есть прогрессивного в американском народе.

«Политической надстройкой над новой экономикой,— указывал В. И. Ленин,— над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹.

Развертывая наступление по всему фронту, американская реакция поставила перед собой задачи: во-первых, запугать и дезорганизовать американских трудящихся, подорвать их отпор наступлению монополий и, во-вторых, принять превентивные меры для того, чтобы не допустить усиления американского рабочего движения в будущем, подорвать базу под активизацией борьбы трудящихся в ближайшие годы.

Если в годы пребывания у власти правительства Эйзенхауэра рабочее движение США в силу ряда причин, о которых будет говориться ниже, было слабее, чем этого можно было бы ожидать, то целый ряд факторов ставил монополистический капитал США перед весьма реальной возможностью серьезных сдвигов в этой области в близком будущем.

Заправили американского монополистического капитала помнили, как кризис 1929—1933 годов привел к стремительному и мощному подъему рабочего движения в США, созданию прогрессивных профсоюзных организаций, усилению Коммунистической партии, активизации борьбы рабочего класса и трудящегося фермерства, в результате которой им удалось добиться серьезных успехов. Потребовался самый короткий срок для того, чтобы обстановка в американском рабочем движении изменилась коренным образом. В условиях, когда в течение всех послевоенных лет экономика США испытывает серьезные затруднения, когда постоянная армия безработных достигает 4—5 млн. человек, когда призрак разрушительного кризиса систематически витает над экономикой страны, монополисты отдают себе отчет в том, что в один отнюдь не прекрасный для них день им придется иметь дело с резкой активизацией борьбы трудящихся.

Этот страх американских монополистов усугубляется их беспокойством по поводу того влияния, которое ока-

---

¹ В. И. Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 93.

зывают на трудящихся капиталистических стран, в том числе и на американцев, величественные успехи Советского Союза, всего социалистического лагеря.

Выступая на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин», один из влиятельных деятелей Вашингтона, сенатор Фулбрайт, писал: «В последнее время мне все чаще приходит в голову историческая параллель, внушающая страх. 15 или 16 веков назад Римская империя была всемогущей, богатой, преуспевающей и тоже самодовольной... Когда кто-либо оказывался столь опрометчивым, что призывал обратить внимание на тучи, сгущающиеся на горизонте, его осуждали как пророка мрака и судили за антиримскую деятельность. В 1958 году подобного же критика обвиняют в том, что он «продает Америку». Гибель великих цивилизаций, — продолжает Фулбрайт, — идет по предначертанному пути. С внешней стороны цивилизация выглядит прочной и сверкающей, полной блеска и поверхностного лоска. Однако внутри скорлупы идет невидимый процесс распада. И когда цивилизация сталкивается с вызовом, на который она не в состоянии ответить, потому что относилась к нему слишком долго безразлично, твердая скорлупа лопается, обнажая пустую сердцевину»².

Понимание того факта, что преобладающие преимущества в соревновании на стороне более передовой социальной системы, пугает американские монополии.

Газета «Нью-Йорк таймс» без всяких обиняков заявила, что «резкое повышение уровня жизни в Советском Союзе, если таковое будет осуществлено, увеличит политическую привлекательность коммунистической системы не только для слаборазвитых стран, но и для стран Запада... Сокращающийся разрыв между американским и советским производством тревожит многих правительственных наблюдателей в Соединенных Штатах потому, что улучшение положения Советского Союза оказывает огромное политическое влияние»³.

Не без оснований опасаясь, что успехи лагеря мира, убедительно показав преимущества социалистической системы, заставят американцев многое передумать и оценить заново, американские монополии заранее готовятся

---

² «New York Times Magazine», 1958, Sept. 14.

³ «New York Times», Nov. 15, 1958.

к борьбе с собственным народом. Именно такого рода деятельность, имеющая своеобразный «дальний прицел», заняла большое место и стала весьма характерной как для практики Вашингтона, так и для всех составов конгресса этого периода, независимо от того, какая партия — республиканская или демократическая — в тот или иной момент в конгрессе преобладала.

Знаменательно, что правительство демократической партии, унаследовав заботы администрации Эйзенхауэра, мучительно бьется над тем, что можно противопоставить документам исторического XXII съезда КПСС, Программе КПСС. Ход событий показывает, что буржуазия не только не в состоянии решить эту «проблему», но, наоборот, с каждым годом проблема возрастающего воздействия на народы примера СССР, всего лагеря социализма становится для империалистов все более фатальной.

Естественно, что особенно тяжкие удары реакция обрушила на коммунистов — наиболее стойких и последовательных борцов за дело трудящихся. «Фашизм везде и всегда начинает с оголтелого антикоммунизма, чтобы, изолировав и разгромив партии рабочего класса, раздробить силы пролетариата и бить их по частям, а затем покончить со всеми другими демократическими партиями и организациями, сделать народ слепым орудием политики капиталистических монополий. Фашизм направляет свой удар прежде всего против коммунистических партий, как наиболее последовательных, стойких и неподкупных защитников интересов рабочего класса и всех трудящихся»⁴.

Деятельность правительства республиканской партии началась в обстановке, когда антидемократическая истерия в США приняла небывалые масштабы. Характерной особенностью внутривнутриполитического положения США в момент прихода к власти республиканской партии был разгул маккартизма — одного из наиболее отвратительных и уродливых явлений в политической истории США. Маккартизм расцвел и вошел в силу еще в годы пребывания у власти правительства демократической партии, и трумэнговская администрация в немалой степени спо-

---

⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 53.

собствовала тому, что волна маккартистских бесчинств захлестнула страну, а маккартисты превратились в серьезную силу на американской политической арене. Однако маккартизм, хотя его и нельзя ограничить рамками одной только партии, ибо он имел корни в обеих главных партиях американского капитала, наиболее тесно все-таки связан именно с республиканской партией.

И не только потому, что сам Джозеф Маккарти, по имени которого получило свое название это явление, состоял в ее рядах и был в последние годы одной из наиболее влиятельных фигур в ее руководстве, но и потому, что политический штаб маккартистов находился в республиканской партии, а основные силы, за ним стоявшие, наиболее тесным образом связаны с республиканцами.

Можно даже сказать, что маккартисты были политическим авангардом республиканской партии и их проникновение во все важнейшие звенья государственного аппарата послужило непосредственной подготовкой прихода к власти республиканцев.

Маккартизм в своем первоначальном виде как политическое явление наиболее характерен для первого периода пребывания у власти республиканской партии. В последующие годы он претерпел серьезные изменения, вынужден был избрать другие методы, действовать более осторожно. В начале 60-х годов в США явственно обозначилась новая волна маккартизма, или, точнее, неомаккартизма, поэтому сейчас имеет особый смысл рассмотреть историю зарождения этого позорного явления. Его значение столь серьезно, роль, которую он сыграл, так значительна, а живучесть настолько велика, что без анализа этого явления нельзя дать сколько-нибудь законченную политическую оценку правления республиканской партии.

Маккартисты — прямые ставленники наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов американского финансового капитала.

Сенатор Джозеф Маккарти (от штата Висконсин), давший имя квазиреакционному движению фашистского типа, вплоть до своей смерти в 1957 году являлся одной из наиболее мрачных фигур на американской политической арене. Он взял на себя задачу объединить все силы

американского фашизма. Американская печать писала о том, что мечтой этого политического проходимца и авантюриста был пост президента Соединенных Штатов. «Почти все согласны, — писали американские журналисты братья Олсон, — что Маккарти ставит своей целью стать президентом»⁵. Сам Маккарти как-то сказал о себе: «Я кончу Белым домом или тюрьмой».

Головокружительная карьера Маккарти, вынырнувшего из политической безвестности и за короткий срок превратившегося из просто «верзилы Джо» в «звезду первой величины» на политическом небосклоне американской реакции, весьма типична для США. Американский журнал «Нэйшн» писал: «Важно не то, что сенатор Маккарти является в психическом отношении злобным и ненормальным субъектом, важны условия, допускающие, чтобы психически неполноценный человек процветал в цивилизованном обществе, внося расстройство в ряды психически нормальных людей»⁶.

Крикливо и беззастенчиво создавая себе популярность, Маккарти выдавал себя за ветерана войны, раненного в боях с японцами. Однако этот вымысел не имеет с действительностью ничего общего. Как пишут американские журналисты Д. Андерсон и Р. Мэй в своей книге о Маккарти, он во время войны был писарем.

После второй мировой войны Маккарти подвизается на политической арене. Он пролезает на пост судьи, занимается грязными финансовыми махинациями, которые приобретают особенно большие размеры, когда ему удалось, заручившись поддержкой финансовых тузов в Висконсине, оценивших его «многообещающие данные», стать членом сената. Состоя членом сенатского банковского комитета, который контролирует выдачу ссуд частным фирмам, Маккарти за соответствующую мзду содействовал этим фирмам в получении правительственных субсидий.

Некоторый свет на причины безнаказанности Маккарти, а также на причины той «осторожности», с которой с ним обращались многие представители правящих кругов, проливают опубликованные газетой «Нью-Йорк пост»

---

⁵ «Nation», June 6, 1953.

⁶ «Nation», Apr. 17, 1953.

сведения о том, что Маккарти располагал обширными материалами, компрометирующими многих высокопоставленных деятелей в обеих партиях, а также конгрессменов, чиновников, генералов и т. д.

Главные причины головокружительной карьеры Маккарти кроются в том, что та крайняя степень антикоммунистической и антидемократической истерии, трубадуром которой он являлся, полностью соответствовала интересам монополистического капитала, инспирировалась и направлялась этим капиталом. Маккартизм выходит далеко за пределы деятельности лично Маккарти. Деятельность Маккарти лишь в какой-то определенный момент оказалась фокусом, в котором собрались и наиболее ярко воплотились все стороны наступления крайней реакции. Дело не в самом Маккарти, а в маккартизме, ибо маккартизм может существовать и без Маккарти, что и произошло в действительности. То отступление, к которому оказался вынужденным прибегнуть маккартизм, имело место еще при жизни Маккарти. И после его смерти маккартисты продолжали действовать так же, как и тогда, когда он находился среди них.

Основным методом, который использовали маккартисты для создания атмосферы истерии и всеобщего ссыска, является лживая пропаганда о «коммунистической опасности». Видный американский журналист и радиокomentатор Элмер Дэвис, выпустивший в 1954 году в Нью-Йорке книгу, направленную против маккартизма, пишет, что борьба с коммунизмом является только ширмой для широкого наступления маккартистов на права американского народа. «По мнению Маккарти, — пишет Дэвис, — коммунистом является всякий, кто критикует Маккарти»⁷.

Всячески раздувая в стране антидемократическую истерию, маккартисты использовали при этом гитлеровскую тактику, обрушиваясь на всех неугодных им лиц с самыми неправдоподобными обвинениями, нимало не смущаясь, когда выяснялось, что все эти обвинения являются вздорными.

Впервые маккартистами этот метод был применен 9 февраля 1950 г. во время выступления Маккарти в городе Уилинге (штат Западная Виргиния). Именно с

---

⁷ E. Davis, *But We Were Born Free*, N. Y., 1954, p. 23.

этого выступления и началась скандальная известность Маккарти. «У меня здесь, — заявил тогда Маккарти, — имеется в руках список из 205 фамилий, которые были сообщены государственному секретарю как фамилии членов Коммунистической партии, которые, несмотря на это, до сих пор работают и разрабатывают политику в государственном департаменте»⁸. Это заявление было вымышленным от начала до конца. «До сегодняшнего дня, — писала в конце 1952 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — остается фактом, что Маккарти ни разу не удалось доказать наличие хотя бы одного коммуниста, который работал бы в государственном департаменте»⁹.

Однако это не повредило деятельности маккартистов. В то же время, как пишут в своей книге «Маккарти и его враги» ярые маккартисты, реакционные юристы У. Бакли и Б. Бозелл, к началу 1953 года из государственного департамента под давлением Маккарти было уволено 18 человек¹⁰. Всячески оправдывая маккартизм, авторы этой погромной книги прославляют его как лучшее «оружие в американском арсенале»¹¹, яростно нападая не только на коммунистов, но и вообще на всех демократически настроенных людей.

Излюбленным оружием маккартистов и по сей день являются «расследования подрывной деятельности», проводимые комиссиями конгресса, а также созданными по их образцу комиссиями на местах, в штатах. Сам Маккарти возглавлял постоянную сенатскую комиссию расследования. Действуя совместно с американской охранкой — федеральным бюро расследования (ФБР), — эти комиссии стали в руках правящих кругов США орудием травли прогрессивных деятелей и организаций трудящихся. Известный американский юрист-государствовед Ален Барт в работе «Управление путем расследования» при всем своем желании доказать пользу расследовательской деятельности комиссий конгресса вынужден был прийти к выводу о том, что эти комиссии «захватили власть, превышающую полномочия, предоставленные

---

⁸ W. Buckley and B. Bozell, *McCathy and His Enemies*, Chic., 1954, p. 58.

⁹ «New York Herald Tribune», Nov. 2, 1952.

¹⁰ W. Buckley and B. Bozell, *op. cit.*, p. 166.

¹¹ *Ibid.*, p. 334.

им сенатом или палатой представителей, и стали рыщущими сатрапами, не контролируемые породившими их органами, палачами, вмешивающимися под видом расследования во все сферы общественной и личной жизни»¹².

Объектом преследований маккартистов явились отнюдь не только коммунисты. Подобно гитлеровцам, прикрываясь ширмой антикоммунизма, маккартисты повели широкое наступление на все прогрессивные организации американских трудящихся, на права, завоеванные американским народом.

Одной из главных целей маккартизма и тех, кто стоит за их спиной, стал разгром организаций американского рабочего класса, лишение его тех социальных завоеваний, которых он добился в результате долгой и упорной борьбы. Маккартисты выступили инициаторами нового антирабочего и антидемократического законодательства, стремясь путем ожесточенных преследований прогрессивных руководителей пролетариата подорвать организованное рабочее движение, обезглавить его, запугать широкие массы членов профсоюзов.

Деятельность маккартистов создала в США атмосферу страха и всеобщей подозрительности. Буржуазный публицист Э. Дэвис, характеризуя политическую обстановку в США 50-х годов, писал: «Боязнь преследований, боязнь мысли, боязнь высказать свое собственное мнение — вот, что характеризует сегодня США»¹³.

Причина усиления маккартистского движения заключалась в мощной поддержке, которую оказали ему могущественные группы американского финансового капитала.

Будучи заинтересованными в маккартизме и явно недооценивая факторы, неблагоприятные для открытого движения фашистского типа в США 50-х годов, эти группы решили оказать маккартистам щедрую финансовую поддержку, что сразу же превратило их из клики крикунов и демагогов, хотя и занимавших высокие посты, в организованный клан погромщиков и мракобесов. Среди покровителей маккартистов были могущественные миллионеры — нефтепромышленники Техаса Хант, Мэрчисон, Каллен.

---

¹² A. Barth, *Government by Investigation*, N. Y., 1955, p. 11.

¹³ E. Davis, *But We Were Born Free*, N. Y., 1954, p. 24.

Поддержка крупного капитала, обилие денежных средств дали возможность маккартистам вести широко поставленную погромную пропаганду, использовать печать, радио, кино, книги. Газета «Дейли уоркер» опубликовала в 1954 году серию статей, в которых описывает деятельность пропагандистской организации «Фэктс форум ньюс», существующей на деньги тexasского миллиардера Ханта. Контора этой организации, расположенная в городе Далласе (штат Техас), руководила широко разветвленной организацией, финансирующей радио и телепередачи по всей стране. В этих передачах велась яростная промаккартистская пропаганда. «Издательство «Фэктс форум ньюс», — писала «Дейли уоркер», — является фактически политическим центром, принадлежащим Ханту, и представляет собой штаб-квартиру маккартистских клубов, которые Хант создает по всей стране»¹⁴.

Весьма консервативный журнал «Тайм», связанный с уолл-стритскими банками, в характеристике которого такой деятельности Ханта, очевидно, сказывается не недовольство его политическими воззрениями, а раздражение по адресу представителей конкурирующей монополистической группы, по этому поводу писал: «Гарольдсон Лафает Хант, начало богатств которого положено за игорным столом, использует свое состояние, полученное от нефти, для распространения по радио и телевидению своих крайне правых взглядов через „Фэктс форум ньюс“».

Значительную финансовую поддержку Маккарти оказывал и другой тexasский воротила — Мэрчисон. Он неоднократно принимал Маккарти в своем доме и публично заявлял: «Мне нравится Джо Маккарти. Он оказывает своей стране самую большую услугу, какую только можно оказать»¹⁵.

Значительная финансовая поддержка, подчеркивал американский журнал «Мансли ревью», «делает маккартистское движение гораздо более прочным и мощным — как фактически, так и потенциально, — чем прежние американские фашистские движения под руководством

---

¹⁴ «Daily Worker», Jan. 17, 1954.

¹⁵ «Time», 1954, May 24.

¹⁶ Ibid.

таких фигур, как Хью Лонг, Кофлин, Джеральд Смит и т. д. В отличие от них маккартисты могут фактически рассчитывать на неограниченную финансовую поддержку, им обеспечена реклама и пропаганда, то есть бесценное оружие ведения политической войны большого масштаба; впервые в Соединенных Штатах фашистское движение хорошо обеспечено этим оружием. Никто не должен недооценивать зловещее значение этого факта»¹⁷.

Превратившись в организованную политическую силу, маккартисты выделили руководящее ядро, ставшее во главе движения. Помимо самого Маккарти, в эту группу вошел ряд деятелей, игравших весьма видную роль. В конце 1953 года журнал «Лук», очень информированный в силу тесных связей как с крупнейшими монополистическими группами, и прежде всего моргановской, так и с самыми высокими кругами республиканской партии, опубликовал статью, в которой приводились фамилии 70 деятелей, руководивших маккартистами¹⁸. Этот список открывался фамилией вице-президента США Ричарда Никсона. В нем значились также тогдашний руководитель республиканцев в сенате, один из главных лидеров республиканцев и один из их претендентов на пост президента Уильям Ноулэнд, а также сенаторы-республиканцы Дженнер, Кейпхарт, Уэлкер, сенаторы-демократы Истлэнд, Холлэнд и др.

Приступив к действиям в общенациональном масштабе, маккартисты прежде всего попытались собрать во едино все наиболее реакционные силы в США. Они заручились полной поддержкой такой погромной организации, как «Ку-клукс-клан». Один из руководителей этой организации Хэнкок в начале 1954 года прямо заявил о полной поддержке маккартистов и о том, что «Ку-клукс-клан» приступил по всей стране к сбору средств в пользу маккартистов и широкой пропагандистской деятельности в их пользу.

К числу реакционных сил, поддержавших маккартистов, относится и американская католическая церковь.

Полную поддержку маккартистам оказали и другие реакционные организации, такие как «Американский легион», «Американское действие», «Рыцари Колумба» и

---

¹⁷ «Monthly Review», 1954, Jan.

¹⁸ «Look», 1953, Dec.

др. В 1953—1954 годах в США стали раздаваться голоса, требовавшие организационного объединения всех фашистских сил в фашистскую партию маккартистского толка, и были даже сделаны некоторые шаги в этом направлении.

Маккартизм отражал усиление реакционности всей американской буржуазии в целом.

Вместе с тем нельзя понять некоторые особенности маккартистского движения, не учитывая влияния, оказываемого на него конкурентной борьбой, которую ведут между собой различные объединения американского финансового капитала.

Поскольку основные позиции и в республиканской, и в демократической партии находятся в настоящее время в руках Уолл-стрита, ряд влиятельных представителей среднезападного, юго-западного и южного финансовых объединений систематически и упорно предпринимает попытки использовать крайних деятелей типа Маккарти — Голдуотера для усиления своих позиций в партиях, и прежде всего в республиканской.

Эти попытки заходят настолько далеко, что уже не раз за последние годы монополистические группировки, считающие себя обделенными и недовольные засильем восточных банков в обеих основных партиях, заводили разговор и даже предпринимали некоторые шаги для того, чтобы при наличии благоприятных обстоятельств попытаться создать новую реакционную партию. Так, немедленно после окончания съезда республиканской партии, выдвинувшего кандидатуру Эйзенхауэра, которого отстаивал Уолл-стрит, один из виднейших представителей и заправил среднезападного регионального объединения американского капитала полковник Маккормик выступил с заявлением о том, что «настало время организовать новую политическую партию»¹⁹.

Предлагая организовать новую партию, Маккормик заявил, что эта партия во внешней политике должна отказаться от выгодного Уолл-стриту «проевропейского» курса. Возникновение маккартистского движения эти круги сочли подходящим моментом для зондажа в таком направлении. Не случайно в том же выступлении Маккормик дал высокую оценку деятельности маккартистов,

---

¹⁹ «New York Times», Aug. 24, 1952.

призывая американцев голосовать на выборах за деятелей типа Маккарти.

Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что разговоры о «новой партии» и даже шаги, предпринимавшиеся некоторыми кругами в этом направлении, вовсе не означали того, что «молодые группировки» американского капитала не удовлетворены двухпартийной системой. Политические маневры, ими предпринимавшиеся, были направлены прежде всего на то, чтобы заставить считаться с собой, получить в свои руки более серьезные позиции в двух главных партиях американского капитала.

Тем не менее попытки использовать маккартизм в подобных целях имели место.

Спустя некоторое время, в мае 1954 года в Чикаго была создана новая организация, названная «За Америку». Во главе этой организации встали Роберт Маккормик и бывший председатель известной реакционной организации «Америка прежде всего» Роберт Вуд. Руководство новой организации объявило, что она на том этапе не являлась «третьей партией», но что она будет «бороться в рядах обеих партий за тех сенаторов и членов палаты представителей, которые придерживаются тех же принципов, что и организация „За Америку“»²⁰.

В этом же направлении действовали и заправили южной финансовой группировки «техасские миллиардеры». Их основные усилия были направлены на разложение демократической партии, являющейся на Юге единственной. В двух южных штатах — Техасе и соседней с ним Оклахоме — летом и осенью 1954 года были созданы организации так называемой «конституционной партии», руководство которых заявило, что оно «намерено выдвинуть на выборах кандидатов на промаккартистской и антиинтернационалистской основе»²¹.

Однако необходимо подчеркнуть, что маккартизм, несмотря на тесные связи некоторых его главарей с различными соперничающими с Уолл-стритом группировками американского капитала, несмотря на попытки этих группировок использовать отдельных деятелей-маккар-

²⁰ «Интернационалистским» представители среднезападного и южного капитала называют курс внешней политики США, в проведении которого больше всего заинтересован Уолл-стрит.

²¹ «New York Times», Nov. 24, 1954.

тистов в политической борьбе с уолл-стритским объединением, ни в коем случае не является движением, представляющим интересы одной или нескольких групп американского финансового капитала.

Маккартизм являлся порождением политики американского капитализма. С Маккарти или без него, под этим названием или под каким-либо новым, это движение отражало сползание американского капитализма к крайней реакции, что является результатом его глубокого кризиса.

Именно поэтому маккартизм был теснейшим образом связан со всей политикой правящих кругов США, с политикой, проводимой правительством Эйзенхауэра, занимая в этой политике весьма заметное место. Не случайно руководство правящей республиканской партии неоднократно провозглашало Маккарти «ценнейшим капиталом партии», «кладом для республиканской партии»²².

Видный американский бизнесмен и юрист Мартин Мерсон, занимавший в республиканской администрации видное место, выпустил сенсационную книгу «Личный дневник общественного деятеля», привлекая в США немалое внимание тем, что в ней впервые были вскрыты некоторые факты, касающиеся отношения руководства республиканцев к личности Маккарти. В своей книге Мерсон доказывает, что безнаказанность и наглость, с которой действовал Маккарти, в немалой степени объясняется тем, что он пользовался особым покровительством у самых высокопоставленных деятелей правительства республиканцев, в том числе президента и государственного секретаря. Когда кто-либо из деятелей партии или государственного аппарата пытался обратить внимание Эйзенхауэра на то, что бесчинства маккартистов переходят все границы, то президент, по словам Мерсона, каждый раз оказывался «занят» и «перегружен».

В главе, иронически названной «Не задевайте Маккарти!», автор, ссылаясь на слова приближенных Эйзенхауэра, пишет, что президент был весьма озабочен тем, чтобы как-либо не обидеть Маккарти. Что касается Даллеса, говорит Мерсон, то он лично одобрял и поддерживал наиболее реакционные мероприятия Маккарти. «Ру-

---

²² «New York Herald Tribune», Febr. 9, 1954.

ководящее ядро республиканской партии всячески оберегало Маккарти, превратило его в своего идола»²³. Правительство Эйзенхауэра, заявляет Мерсон, «не желало противостоять этому антихристианскому и аморальному явлению»²⁴.

Между правительством республиканской партии и маккартистами существовало известное «разделение труда». Выступая в качестве авангарда реакции, маккартисты в значительной степени служили громоотводом, давая возможность правительству, проводя крайне реакционные мероприятия, сохранять в то же время видимость «умеренности» по сравнению с маккартистами. Раздувая антидемократическую истерию, маккартисты прокладывали дорогу реакционной политике правительства — то, что сегодня являлось крайними требованиями маккартистов, завтра становилось «респектабельной» политикой правительства США.

Однако, несмотря на активную поддержку, которую оказали маккартистскому движению многие ведущие группы американского финансового капитала, несмотря на заинтересованность в нем влиятельных кругов руководства республиканской партии, несмотря на чрезмерную активность и безнаказанность лидеров маккартизма, несмотря, наконец, на столь многообещающее начало, ему не суждено было стать определяющим политическим движением в период правления республиканцев.

В 1955—1956 годах маккартизму были нанесены столь серьезные удары, что маккартистам пришлось отступить по всему фронту, срочно перестраивать свои ряды, изменять методы, избегать шумной рекламы своей деятельности, перенеся ее с ярко освещенной авансцены за кулисы официального Вашингтона.

Главной причиной ударов, нанесенных по маккартизму, явилось изменение соотношения сил на международной арене в пользу лагеря мира, усилившийся отпор наступлению реакции со стороны самых широких масс во всем мире, в том числе и в самих Соединенных Штатах. Настоятельная борьба народов, серьезные поражения «жесткой политики» Даллеса на международной арене вынудили правящие круги США, хотя и с большой неохотой

²³ M. Merson, *The Private Diary of a Public Servant*, N. Y., 1955, p. 150.

²⁴ *Ibid.*, p. 166.

той, пойти на мероприятия, результатом которых было некоторое ослабление международной напряженности.

Настроения общественности были таковы, что правящим кругам и руководству республиканской партии приходилось отступить. Не желая отказываться полностью от маккартизма, но будучи вынужденной считаться со сложившейся обстановкой, особенно учитывая приближение очередных президентских выборов, верхушка республиканцев решила пожертвовать личностью Маккарти для того, чтобы успокоить общественное мнение, сохранив в то же время основу маккартизма. В связи с этим, воспользовавшись одной из очередных выходов бесноватого сенатора из Висконсина, сенат официально вынес ему порицание. Практически это означало, что Маккарти убирается с авансены.

Таким образом, отпор демократических сил нанес маккартизму сильнейший удар, заставив реакцию явно отступить. Однако это вовсе не означало того, что маккартизм вообще исчез с американской политической арены. Несколько видоизменив свои методы, он продолжал действовать.

Сам Маккарти не надолго пережил свою политическую смерть. В 1957 году он умер в результате внезапного заболевания. Р. Роувер, посвятивший Маккарти специальную книгу, утверждает, что неожиданная смерть бесноватого сенатора «была связана с злоупотреблением спиртными напитками».

2. НЕОМАККАРТИЗМ. «УЛЬТРА» 60-х годов

Как показали события, последовавшие за уходом Маккарти с политической авансены, и особенно события первой половины 60-х годов, и в частности захват Голдуотером руководства республиканской партии, маккартисты и не думали сдавать своих позиций. Речь шла только о перемене тактики, об изменении методов.

Когда в начале 1957 года американские газеты сообщили о внезапной смерти мрачно знаменитого сенатора-погромщика, малоискушенные американцы с облегчением произнесли: «Наконец-то одна из позорнейших страниц истории Соединенных Штатов перевернута». Имя Маккарти, прежде не сходившее с первых полос газет, пере-

стало упоминаться, маккартистские «комиссии по расследованию» прекратили широкое афиширование своей деятельности, и официальная пропаганда поспешила объявить, что маккартизм умер вместе с Маккарти.

Но вот во второй половине декабря 1961 года влиятельная газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд» опубликовала серию статей известного американского журналиста Ч. Робертса, в которых рассказывалось о широком и тщательно организованном фашистском движении в США. На страницы американской печати в последнее время проникает все больше сведений, говорящих о явной активизации фашистского подполья в США, происходящей в начале 60-х годов. Речь идет о новом этапе в деятельности американских фашистов, об ускоренном процессе их консолидации в масштабе всей страны и подготовке такого наступления на трудящихся, по сравнению с которыми бесчинства Маккарти покажутся детскими игрушками. Президент Кеннеди вынужден был обратить внимание на разнузданную демагогию американских «ультра», осудив их крайние высказывания.

Мы употребили термин «фашистское подполье в США». Об этом подполье можно говорить в том смысле, что в 60-х годах американская реакция явно изменила тактику по сравнению с временами Маккарти. Маккартисты действовали открыто. Их главными методами были провокационная шумиха в печати, скандальные выступления в конгрессе, на пресс-конференциях, публичные расследования подрывной деятельности, в которой обвиняли всех инакомыслящих. Поскольку эта фронтальная атака на права трудящихся захлебнулась, американский фашизм изменил методы.

В то самое время, когда кокетничающие с либерализмом газеты высокопарно разглагольствовали о «победе американской демократии», о том, что маккартизм навсегда отошел в прошлое, неомаккартисты, вдали от посторонних глаз, избегая до поры до времени огласки, приступили к перестройке своих рядов, повели планомерную организационную деятельность, целью которой было создание разветвленной сети фашистских организаций, действующих сообща, согласованно и в одном направлении.

Целью этой деятельности, осуществлявшейся с большим размахом, было подведение под фашистское движе-

ние организационной базы и придания ему общенационального масштаба. Маккартисты и не помышляли о том, чтобы покинуть политическую арену. Они готовились вернуться во всеоружии, используя поддержку могущественных сил, для того чтобы попытаться сыграть решающую роль в политической жизни страны. Именно с этим и связано то «второе пришествие» маккартистов, о котором заговорила американская печать в 1961—1964 годах.

В период с 1957 по 1964 год в США, подобно ядовитым грибам, возникли и продолжают развиваться сотни реакционных организаций, под выспренними или урапатриотическими названиями которых скрывается одно и то же — откровенно фашистские взгляды и погромная программа.

В 1962 году в США вышла книга И. Сьюэла «Американские ультра», содержащая интересные данные о деятельности фашистских организаций и их связях. Говоря об отличиях «ультра» 60-х годов от маккартистов, этот буржуазный исследователь пишет: «Маккарти имел последователей, но не имел организации, которая мобилизовала бы его последователей на активные действия. Отличительной особенностью движения крайне правых в настоящее время является создание ими разветвленных и выполняющих широкие функции организаций, имеющих тесные связи с военно-промышленными и политическими кругами»²⁵.

В печати много говорится о погромной организации откровенно фашистского толка, именуемой «обществом Джона Бэрча», этого своеобразного Хорста Весселя американских фашистов. Состав и численность этого общества строго засекречены, но, по сообщениям американской печати, в бандах «общества Джона Бэрча» собрано 50—100 тыс. человек. Свою цель бэрчисты видят в максимальном расширении численности общества, в создании «ударных групп», которые можно было бы использовать «в операциях по уничтожению измены». Ради достижения этих целей бэрчисты развертывают активную деятельность легальными и тайными средствами во всех штатах страны. Руководителем общества является кондитер из Массачусетса Р. Уэлч.

---

²⁵ J. Sullivan, *The American Ultras*, N. Y., 1962, p. 18.

В «ударные группы» Р. Уэлча по существу превращаются некоторые, до последнего времени самостоятельные организации «ультра». Прежде всего к ним относятся так называемые «минитмены», лидер которых Депью заявляет, что в его организацию входят 25 тыс. членов. «Минитмены» — это откровенно террористическая организация, участники которой регулярно проводят военные маневры. «Надо прекратить раздумывать, — заявляет Депью, — начнется ли третья мировая война и когда. Она уже началась, мы завязли в ней по уши». Такой же характер носит сборище, называющее себя «Христианский крестовый поход против коммунизма». Его глава, некий Фред Шварц, например, объявил гастроль в Америке Большого театра «опасным актом холодной войны». Имеется и просто «христианский поход». Какое «христианство» он проповедует, видно из того, что его руководитель преподобный Дж. Харгис из Оклахомы заявляет, что концепция братства людей — «пойло для свиней».

Имеется также и ничего не маскирующая «Американская нацистская партия», малюющая на своем знамени паучью свастику и устами своего атамана некоего Джорджа Рокуэлла прославляющая Гитлера и Муссолини. Тысячи членов в 90 городах страны на вербовала банда, именующая себя «Конвенция национального негодования». Предметом ее негодования являются негры, требующие человеческих прав, безработные, настаивающие на своем праве трудиться, рабочие, ведущие забастовочную борьбу, и, конечно же, коммунисты, против которых в настоящее время направляется главный удар американской реакции.

Как уже отмечалось, количество возникших в период после ухода Маккарти с политической арены фашистских и полуфашистских организаций исчисляется сотнями. Некоторые из них невелики, другие крупнее и объединяют в своих рядах тысячи деклассированных элементов и всякого сбора. Они находятся в тесном контакте и с такими старыми отрядами американской реакции, как «Ку-клукс-клан», «Дочери американской революции» и т. д. Трудно сказать, в какой степени в настоящее время координируется деятельность всех этих погромных банд, — сие от посторонних глаз тщательно прячется, но призывы к максимальной консолидации действий и созданию единого руководства американским фашистским

движением на страницах реакционной печати звучат все громче.

В марте 1962 года представители 75 ультраправых организаций, включая «общество Джона Бэрча», создали комитет по координации действий правых, который каждые три месяца собирается на тайные заседания в Вашингтоне. В состав комитета вошло пять человек: Харгис, конгрессмен Руссело, генералы Уиллоби Феллер и известный провокатор Гитлоу. Делаются попытки расширить международные связи. Американские «ультра», французские оасовцы, западногерманские неонацисты — все это плоды одного корня, и в настоящее время они предпринимают шаги для координации своих действий.

Из кого рекрутируют заправилы американского фашизма свои ряды? Массовую базу партий Гитлера и Муссолини составляла, как известно, прежде всего обманулая фашистской демагогией мелкая буржуазия. В современных Соединенных Штатах общая численность мелких буржуа, включая определенную часть фермеров, превышает в настоящее время 30 миллионов человек²⁶. Процессы, происходящие в капиталистическом хозяйстве США, выбивают почву из-под ног этой части общества. Как уже отмечалось выше, происходит стремительный процесс разорения мелких и средних предпринимателей, предприятия которых захватывают крупные монополии. В последние годы этот процесс значительно ускорился. Не менее остро, как было показано выше, стоит вопрос и с массовым разорением фермеров.

Видный американский социолог Райт Миллс говорил о том, что в США возникла своеобразная «люмпен-буржуазия». Многие представители мелкой буржуазии, лишившись своего маленького бизнеса, теряют место в обществе и превращаются в отчаявшихся, озлобленных, на все готовых субъектов. Не будучи в состоянии увидеть истинные причины своего жалкого положения и подлинных виновников его, они легко становятся слепым орудием именно виновников своего разорения — крупных монополий, стоящих за спиной фашистского движения и являющихся его направляющей силой.

Для того чтобы убедиться в том, что за спиной не-

---

²⁶ «Мировая экономика и международные отношения», 1961 г., № 10, стр. 116.

омаккартистов, рекрутируемых из слоев мелкой буржуазии, стоит крупный капитал, достаточно посмотреть на программу, выдвигаемую ударными отрядами американской реакции. Главным своим лозунгом американские фашисты, используя «классические образцы», сделали антикоммунизм. Именно оголтелый, звериный антикоммунизм привлекает к ним благосклонное внимание со стороны кругов, которые могут предоставить им неограниченные средства, покровительство и защиту перед лицом закона.

Вообще надо сказать, что под ядовитой завесой антикоммунизма в последнее время вырисовывается довольно стройная программа американских «ультра», носящая явно выраженный фашистский характер. Если систематизировать отдельные высказывания заправил фашистских организаций 60-х годов, то получится следующая картина.

В области политической американские «ультра» нацеливают свою программу на установление фашистской диктатуры финансового капитала.

Правые видят причину всех неудач США в том, что правительство ведет страну «по ложному пути». «Предательство», «измена» — это основной пропагандистский лозунг «ультра». Р. Уэлч даже Эйзенхауэра обвиняет в том, что тот был «сознательным агентом коммунизма».

Над подобными утверждениями американских «ультра» можно, конечно, иронизировать, как это и делает часть буржуазной печати США. Но эти утверждения — нечто большее, чем просто стремление к громкой фразе. За антикоммунистическими заявлениями, за обвинениями в измене кроется приговор всей системе буржуазной демократии. Коль скоро нынешняя система правления не может уберечь Соединенные Штаты от непрерывной цепи провалов на международной арене и внутри страны, ее следует заменить другой, «более действенной» формой правления — такова логика бэрчистов.

«Ультра» не упускают случая, чтобы показать негодность государственной власти, базирующейся даже на чрезвычайно урезанных принципах буржуазной демократии.

К. Кортин, руководитель «Консервативного общества Америки», заявил, что в «конгрессе США — масса скрытых коммунистов, которые на 100% голосуют за то, что

нужно коммунистам». Бэрчисты и их единомышленники без устали твердят о проникновении коммунистов в руководство университетов, благотворительных обществ и даже в редакции буржуазных газет. Один из самых ярких правых К. Эндрюс, комиссар по вопросам внутренних доходов в правительстве Эйзенхауэра, назвал газету «Нью-Йорк таймс» «„Дейли уоркером“ аристократических районов города», добавив, что столица США тоже имеет свою «Дейли уоркер» — «Вашингтон пост».

Расовая ненависть всегда была одним из краеугольных камней фашизма. Развертывая атаку на демократию, фашисты ставят во главу своей программы расизм. Борьба негров за свободу рассматривается крайне правыми как одно из проявлений коммунистического заговора. Расистский дух настолько пропитал программы правых, что от него не смог избавиться, хотя бы в целях маскировки, Голдуотер в книге «Совесть консерватора», предназначенной для широкого распространения по всей стране. Внешне признавая решение Верховного суда о совместном обучении белых и черных, что связано с его планами предстать перед избирателями в качестве кандидата в Белый дом, сенатор в то же время заявляет, что он не видит, как возможно в Миссисипи или Южной Каролине реализовать это решение. «Я,— добавляет он,— убежден, что проблему расовых отношений лучше всего оставить людям, которых она непосредственно касается»²⁷, то есть белым расистам, которым в южных штатах принадлежат все ключевые позиции.

При этом острое расовой политики американских правых направлено сегодня не только против негритянского населения США, но и против народов Азии, Африки, Латинской Америки.

Буржуазная демократия, даже в том урезанном виде, в каком она существует в настоящее время в США, служит главным препятствием на пути осуществления программы правых в политической области. У правых готов рецепт новой формы правления, которая, по их мнению, должна заменить устаревшую концепцию выборного правительства. Это — диктатура «сильного человека», диктатура финансового капитала. Поборником такой дикта-

---

²⁷ В. Goldwater, *The Conscience of a Conservative*, N. Y., 1961, p. 38.

туры является «общество Джона Бэрча». Его лидер Р. Уэлч не терпит никаких выборов, никакой отчетности. «„Общество Джона Бэрча“, — заявляет он, — должно быть монолитной организацией. Оно будет действовать под авторитетным контролем на всех уровнях. Демократия — только лживая фраза, оружие демагогии и один обман».

Убийство президента Кеннеди в гнезде американских «ультра», техасском городе Далласе, вотчине финансового благодетеля бэрчистов Ханта и их апостола генерала Уокера, показало, к чему ведут проповеди «ультра», их методы и безнаказанность. Показательно заявление, сделанное лидером бэрчистов Р. Уэлчем вскоре после выступлений в Далласе. Не сказав ни слова осуждения этого убийства (хотя бы в целях маскировки), этот откровенный фашист сокрушается по поводу того, что впредь будет труднее убеждать американцев в том, что Кеннеди был не кем иным, как... агентом Москвы. «Пуля убийцы сразу же положила начало процессу прославления Кеннеди, — заявил Уэлч. — Проведение параллели между тем, что делало его правительство, и тем, что хотела Москва, стало совершенно невыносимым. Чем более безудержным будет превозношение покойного президента, чем старательнее все будут изображать его как величайшего героя нашего времени, тем более тщетными и более пагубными для всякого критика будут его попытки напомнить народу о том, как были рады Москва и все те, кто у нас в стране сочувствует коммунистам, общему успеху их планов и росту престижа их агентов и союзников при правлении Кеннеди. Это чуть ли не обожествление покойного президента и заглушение критики в адрес его правления содействуют также тому, что политика, которую проводило его правительство и которая благоприятствовала коммунистам, одержит еще более конкретный успех»²⁸. И это было написано всего через несколько недель после убийства президента. Нужны ли иные доказательства того, на ком лежит моральная ответственность за далласское преступление!

В экономической области программа современного американского ультраправого движения сводится к ревностной охране устоев капитализма и защите интересов

---

²⁸ «New York Times», Dec. 25, 1963.

финансово-промышленных монополий США. Политическая диктатура «сильной личности», о которой мечтают бэрчисты, на все 100% мыслится как диктатура финансовой олигархии. Здесь все подчинено задаче обеспечения максимальных прибылей капиталистическим корпорациям за счет усиления эксплуатации рабочих, лишаемых всяких прав, за счет разорения мелких и средних фермеров.

Б. Голдуотер и в еще более резкой форме лидеры правых обществ выступают против всего, что хотя бы в какой-то мере затрагивает основы «чистого» капитализма. Их страшат нынешние трудности и провалы США в политике и экономике. Они понимают, что в будущем развитие мировых событий поставит американский капитализм перед еще большими трудностями. Поэтому «ультра» обращают свои взоры к прошлому, когда положение политической и экономической системы США было более или менее стабильным. Советник президента по странам Азии, Африки и Латинской Америки Ч. Боулс метко заметил как-то, что эти люди все время порываются сказать: «Остановите мир, мы хотим сойти». Отсюда их сопротивление мероприятиям правящих кругов США, направленным на приспособление американской экономики к требованиям сегодняшнего дня.

Лидеры правого движения выступают против любого вмешательства правительства в дела монополий. Идеологи правых намерены оградить бизнес не только от вмешательства правительственных властей, но и от всякого вмешательства профсоюзов. Они отрицают право рабочих объединяться для организованной борьбы, поскольку это, мол, ущемляет «свободу личности». В действительности же речь идет о беспрепятственном праве капиталистов эксплуатировать рабочих, не опасаясь при этом возможной реакции со стороны профсоюзов, даже таких реформистских, каким является нынешнее объединение АФТ—КПП.

Основной огонь своих выступлений по экономическим вопросам руководители правых, как выше уже сказано, направляют против подоходного налога. Один из лидеров «ультра», некто Ф. Чодороф, назвал федеральный подоходный налог «корнем всех зол, взятым прямо из „Коммунистического манифеста“». По словам американского журнала «Ньюсуик», общим для подавляющего

большинства крайне правых организаций является требование отмены подоходного налога на крупный капитал²⁹. В городе Далласе на сборище «Конвенции национального негодования» один из главарей этой шайки Рональд Риган заявил, что прогрессивный подоходный налог был изобретен Карлом Марксом еще сто лет назад и посему должен быть немедленно изничтожен³⁰.

Программными требованиями американских фашистов являются также отмена государственных ассигнований на нужды социального обеспечения, медицинского обслуживания и образования, отмена пособий по безработице, введение еще более жесткого репрессивного антирабочего законодательства и т. д. Цель этих нападок совершенно очевидна. План «ультра» состоит в том, чтобы, ликвидировав подоходный налог, дать возможность промышленным концернам получать огромные прибыли, из которых в настоящее время выделяется определенная сумма на нужды федеральных властей.

Соответствуют всему этому и внешнеполитические установки фашистских клик. Они настаивают на немедленном выходе США из ООН, разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами и прекращении с ними всяких деловых связей. Любые переговоры с СССР «ультра» объявляют «национальным предательством»³¹.

Вот образчик их внешнеполитических устремлений, открыто сформулированный фашиствующим полковником Блуфордом Батлером. «Надо разбомбить Россию,— заявляет этот взбесившийся людоед.— Зачем божественный отец... дал нам атомную бомбу?.. Чтобы сознательно использовать ее для уничтожения коммунизма. Надо сбросить бомбу на Москву и Ленинград».

Опасные идеи проповедует и Б. Голдуотер в уже цитированной книге: «Победа над коммунизмом должна произойти раньше, чем будет установлен прочный мир»³².

«Мы,— заявляет Б. Голдуотер,— должны отказаться от дипломатического признания всех коммунистических правительств, включая правительство Советского Сою-

²⁹ «News Week», 1961, Dec. 4.

³⁰ Ibid.

³¹ «News Week», 1961, Dec. 4.

³² B. Goldwater, *The Conscience of a Conservative*, p. 66.

за, оповестив тем самым мир о том, что мы не считаем такие правительства ни законными, ни постоянными»³³.

Совершенно очевидно, что речь идет о системе требований, о политической программе наиболее реакционных и агрессивных группировок американского крупного капитала. В этом-то и кроется секрет такого быстрого расширения в США сети фашистских организаций, какое имеет место в последнее время, их полной безнаказанности и беспримерной наглости. Обилие денежных средств, всевозможные средства пропаганды, влиятельные связи — все это предоставлено заправилам американских «ультра», давая им возможность действовать с размахом, без опаски и в общенациональном масштабе.

По понятным соображениям воротилы делового мира не рекламируют своих связей с фашистским движением. Однако сведения, просачивающиеся в печать, позволяют судить о том, откуда черпают денежные средства фашистские организации. К числу их благодетелей и ныне принадлежат в первую очередь миллиардеры Калифорнии (промышленного района, находящегося сейчас на первом месте в США по производству военной продукции) и Техаса (являющегося центром самого разнузданного расизма). Техасских миллиардеров Ханта, Мэрчисона и Каллена считают наиболее богатыми людьми в Америке. Их карманы всегда открыты для погромных организаций фашистского толка. Активную поддержку фашистским бандам они оказывают уже не один год. Как уже отмечалось, именно они являлись главными покровителями и казначеями Маккарти. Щедро финансируют они и его последышей.

Выше уже говорилось о причинах, по которым особенно активную поддержку крайне правым организациям оказывают «молодые» группировки финансового капитала, рассчитывающие использовать их в борьбе со своими конкурентами с Уолл-стрита. Это обстоятельство носит настолько очевидный характер, что о нем стали говорить даже органы печати, связанные с уолл-стритскими банками. «Правое движение,— подчеркивает в этой связи журнал «Тайм»,— носит определенный антивосточный оттенок, что отражает старое и существенное соперничество районов»³⁴.

³³ B. Goldwater, The Conscience of a Conservative, p. 123.

³⁴ «Time», 1961, July 8.

Списки пожертвований на нужды «общества Джона Бэрча» и других комитетов «ультра» представляют нечто вроде перечня крупнейших корпораций Юго-Запада и Юга. Недаром, по свидетельству газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд», президент Кеннеди «был поражен той внушительной финансовой поддержкой, которая, как он обнаружил, оказывается в Южной Калифорнии делу борьбы правых элементов с „угрозой внутреннего коммунизма”»³⁵. Третья по величине в США страховая компания — «Коуст федерал» из Лос-Анжелеса постоянно субсидирует правых. А. Джоунс, глава нефтяной корпорации «Ричфилд ойл корпорейшн», погасивший недавно задолженность своего друга Д. Эйзенхауэра по расходам на ферму в Геттисберге, считается лучшим другом бэрчистов Калифорнии. Комитеты «ультра» активно поддерживаются «Текникалор компани», «Мик сейфти рейзор компани» и другими фирмами. Семейство Миллеканов, владеющее на Юге 30 текстильными фабриками, не только финансирует многочисленные издания бэрчистов, но и обеспечивает правых автомобилями и помещениями по всей стране.

Прогрессивный американский журнал «Мейнстрим» пишет: «В США никто не удивляется, обнаружив имена техасского нефтяного магната Г. Л. Ханта и членов семьи Пью в списках крайне правых. Эти люди содействовали экстремистской деятельности и экстремистским организациям в стране в течение многих лет. Менее известны как сторонники правых групп такие имена, как Уильям Дж. Грид — президент «Грид фаундрис»; Ф. Гано Чанс — президент «А. Б. Чанс» (электрооборудование); А. Г. Хейнсон — президент «Чероки миллз энд опиндл миллз» (текстильная промышленность); Фред С. Кох — президент «Рок Айленд ойл энд рифайнинг компани». За шумными кампаниями крайне правых элементов стоят представители некоторых крупнейших промышленных фирм страны (например, «Дженерал электрик», «Ситиз сервис компани», «Шик сейфти рейзор», «Текникалор компани», «Консолидейтед Эдисон компани оф Нью-Йорк»³⁶.

Американский исследователь Сьюэл подчеркивает

---

³⁵ «Washington Post and Times Herald», July 21, 1961.

³⁶ «Mainstream», 1963, Dec.

что особенно активно поддерживают «ультра» военно-промышленные корпорации, причем не ограничиваясь только лишь финансовой стороной.

Администрация многих компаний непосредственно участвует в распространении пропагандистских материалов «ультра». Так, компания «Боинг эйрплейн» активно пропагандировала крайне реакционный фильм «Коммунизм на карте» среди своих рабочих и служащих, а также среди населения районов, где расположены ее предприятия. Один из руководящих деятелей компании является председателем местного антикоммунистического комитета в городе Сиэтле. Сьюил сообщает об активной поддержке правых такими крупнейшими корпорациями, как «Дженерал электрик», «Монсанто кемикэл компани», «Свифт энд компани» и др.

Крупнейшие финансисты США, как уже отмечено, не ограничиваются лишь денежной поддержкой, они активно включаются в движение «ультра» в качестве руководителей или консультантов. В штабе «общества Джона Бэрча» состоят по крайней мере четыре бывших президента Национальной ассоциации промышленников США. Д. Армстронг-младший, президент «Техас стил корпорейшн», Д. Барр, директор Новоорлеанского банка, М. Коннор, председатель Промышленного комитета южных штатов и другие финансисты сотрудничают в бэрчистском «Америкен опиньэн» и прочих изданиях. Эти люди используют движение правых для того, чтобы непосредственно руководить борьбой за реализацию корыстных замыслов монополистических группировок.

Получая постоянную поддержку в виде банковских чеков, американские «ультра» ставят свой бизнес на широкую ногу. «Общество Джона Бэрча», правда, отказывается публиковать данные о размере получаемых доходов.

Однако Ф. Шварц, руководитель «Христианского крестового похода», разъезжающий по стране в автобусе с кондиционными установками, двумя спальными комнатами и двумя ваннами, более откровенен. Он заявил, что его «крестовый поход» получает свыше миллиона долларов поступлений.

На эти средства издаются десятки черносотенных газет, журналов и прочих изданий, сеющих плевелы фашизма на американской земле. Выступления лидеров

американских «ультра» разносятся по всей стране радио и телевидением.

В списке компаний, открыто финансирующих фашистов, мы не встречаем непосредственных представителей наиболее могущественных династий Уолл-стрита. Значит ли это, что они не поддерживают фашистские организации или держатся от них в стороне? Отнюдь не значит. Определяющее влияние на политическую жизнь США по-прежнему оказывают группы Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов и еще десяток некоронованных королей. Без их благословения фашистская зараза не могла бы получить в США столь широкое распространение. Да и лозунги фашистских организаций — это лозунги, отражающие интересы крупнейших промышленно-финансовых воротил США.

Вместе с тем еще раз следует подчеркнуть, что наиболее активную роль за кулисами крайне правых играют новые, так называемые «молодые» группировки американских монополистов, в первую очередь техасская и калифорнийская группы предпринимателей. Это, как мы уже подчеркивали, связано с целым рядом специфических обстоятельств. Ведущие объединения Уолл-стрита, судя по всему, считают несвоевременным делать главную ставку на фашистов. Они предпочитают держать их в качестве резерва на случай дальнейшего ухудшения внешне- и внутривнутриполитических позиций американских монополий, на случай мощного подъема борьбы американских трудящихся.

Что же касается конкурирующих с Уолл-стритом новых групп капиталистов, то, имея основные капиталовложения внутри страны, они особенно заинтересованы в сверхэксплуатации трудящихся, в жестоком подавлении их борьбы. Снова необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, которое подчас недооценивается и которое заключается в том, что, как отмечалось выше, одной из политических целей представителей новых монополистических групп является использование создаваемых ими организаций для захвата более важных позиций на политической арене США, учитывая то обстоятельство, что аппараты обеих буржуазных партий США — и демократической, и до сан-францисского съезда республиканской — в значительной степени контролируются их соперниками — старыми уолл-стритскими династиями.

Новые финансовые группы отнюдь не выступают против двухпартийной системы. Напротив, они одновременно наряду с использованием организаций «ультра» стремятся укрепить свои позиции как в республиканской, так и в демократической партии. И в той, и в другой все явственнее обозначается крыло, которое по существу смыкается с фашистскими организациями. Если по отношению к широким народным массам фашисты пока что используют тактику полуподполья, то в Вашингтоне они действуют все более открыто.

Отмечая рост влияния крайне правых в республиканской и демократической партиях, американские исследователи Элсуорт и Гаррис, работа которых финансировалась «Фондом Форда», подчеркивают «тот факт, что по основным экономическим вопросам крайне правые придерживаются таких же убеждений, как и консерваторы в обеих главных партиях. Они отличаются только своей манерой выступлений». Признание чрезвычайно знаменательно.

Ввиду того что в настоящее время Голдуотер, доселе деятель малоизвестный, стал видной фигурой на американской политической арене, целесообразно дать здесь некоторые сведения о нем. Барри Моррис Голдуотер родился в 1909 году в городе Феникс (штат Аризона). Он происходит из состоятельной семьи, принадлежащей к новым группам американской буржуазии. Отец Голдуотера — Бэррон Голдуотер — был одним из создателей и ведущих акционеров крупного аризонского банка «Уэлли нэшнел бэнк», связанного ныне с группой горных штатов. Капиталы этого банка — около 800 млн. долл., и он занимает 38-е место среди крупнейших коммерческих банков США. После смерти Бэррона Голдуотера его пакет акций перешел к матери Барри Голдуотера Жозефине Голдуотер, которая и является сейчас крупнейшим акционером этого банка. Ее второй сын, Роберт Голдуотер, — директор этого банка.

Помимо финансовой деятельности родители и брат Барри Голдуотера, а затем после окончания второй мировой войны и нынешний глава республиканской партии активно занимались бизнесом в области торговли, являясь собственниками обширной сети универсальных магазинов в штате Аризона и прилегающих к нему районов.

Этим не исчерпываются деловые связи семейства Гол-

дуотеров. Жена Голдуотера, девичья фамилия которой по иронии судьбы — Джонсон, — происходит из семьи богатейших чикагских промышленников. Ее отец — основатель и руководитель крупной чикагской фирмы «Борг Уорнер» (электромашиностроение) с активом в 400 млн. долл. Ее брат в настоящее время занимает пост вице-президента и директора этой фирмы³⁷.

В сфере большого бизнеса действуют и сыновья Голдуотера — Барри (1938 г. рождения) и Майкл (1940 г. рождения), подвигающиеся в банке своей бабки в качестве начинающих банкиров.

С 1941 года Голдуотер служил летчиком в авиатранспортной части. После окончания второй мировой войны стал президентом семейной торговой кампании «Голдуотер инкорпорейтед». В ноябре 1952 года был избран в сенат от штата Аризона как деятель республиканской партии.

По его словам, «не мир, а победа» должна быть целью политики США, «терпимый мир должен последовать за победой над коммунизмом».

Для позиции Голдуотера характерна фраза, сказанная им после инцидента с «У-2», приведшего к провалу парижского совещания в верхах. «Единственным успешным совещанием в верхах можно считать такое совещание, которое не состоится».

Обозреватели американской печати называют его руководителем крайне правого «неандертальского» крыла республиканской партии.

В 1961 году Голдуотер вместе со своими единомышленниками опубликовал новый политический манифест. Манифест призывает усилить «антикоммунистический крестовый поход», не боясь при этом разрыва с союзниками: «Нам давно пора перестать бояться нанести обиду так называемым нейтралстам — ненадежным друзьям и союзникам, на которых нельзя положиться...». «Что касается оказания помощи — экономической или военной, — самая щедрая помощь должна быть оказана тем нашим друзьям и союзникам, которые продемонстрировали постоянную готовность сопротивляться врагу и на которых можно полагаться...».

---

³⁷ С. Меньшиков, «Крупный капитал в борьбе за власть», «Экономическая газета», 29 августа 1964 г.

Голдуотер призывал США порвать отношения с СССР. Такой шаг, по его словам, показал бы нейтралистским странам, что США обладают твердостью и полны решимости победить в «холодной войне».

В апреле 1961 года Б. Голдуотер выступал за использование военной и экономической силы для свержения революционного правительства Ф. Кастро. Он призывал американское правительство действовать так же, как при захвате Кубы в конце XIX века.

«Соединенным Штатам давно уже пора перестать мыслить категориями сдерживания и мирного сосуществования. Такой вещи, как мирное сосуществование, вообще не существует»³⁸, — утверждал Голдуотер.

Ненависть ко всему прогрессивному, ярый антикоммунизм, позиция крайнего реакционера делают Голдуотера политическим знаменем самой махровой реакции в США. Отсюда и те планы, которые связываются с именем Голдуотера. Правда, сокрушительное поражение, которое он потерпел на выборах 1964 года, ударило по этим планам, но списывать его со счетов преждевременно. Он, несомненно, попытается удержаться на поверхности.

Так или иначе, но очевидно, что Голдуотер не только занял место Маккарти, но и является более могущественной фигурой, действуя хитрее, опираясь на большую поддержку и будучи бесспорным лидером правого «неандертальского» крыла республиканской партии.

Все более усиливается влияние в рядах американских «ультра» реакционных кругов военщины. В руководстве ряда крупнейших фашистских организаций США мы сплошь и рядом встречаем имена генералов, руководящих деятелей Пентагона. Это важный и зловещий признак американского фашизма конца 50 — начала 60-х годов.

Фашизм всегда идет рука об руку с милитаризмом. Это общее правило особенно верно для США, где фашизм в значительной мере вырастает из милитаризма.

В Соединенных Штатах в общей своей массе офице-

---

³⁸ Небезынтересные факты о Б. Голдуотере приводятся в книге Рида и Демарка «Дебри столов с зеленым сукном». Голдуотер долгое время был связан с владельцами игорных притонов Лас-Вегаса и много лет поддерживал отношения с представителем преступного мира Лас-Вегаса — хозяином казино на Ривьере Гринбаумом, убитым в 1958 году, и гангстером Биофом, убитым в 1955 году.

ры выходят из средних слоев и не обладают сколько-нибудь существенной финансовой властью. Военная служба, «холодная война» обеспечивают им привилегированное положение. Не удивительно поэтому, что в офицерском корпусе США в настоящее время усиливается тяготение к правым идеям, в которых американское офицерство видит гарантию своих привилегий.

Люди с генеральскими погонами занимают в неомарксистском движении важные посты. В «обществе Джона Бэрча» их так много, что из них можно создать целый генеральный штаб. Здесь можно встретить генералов А. Ведемейера, П. Кэмпбелла, А. Уиллоуби, Ч. Стоуна и многих других военных различных званий.

Переплетение деятельности военных и правых достигло таких размеров, что это вызвало беспокойство в высших политических кругах США.

Американская действительность подтверждает вывод Программы КПСС о том, что «финансовая олигархия прибегает к установлению фашистского режима, делает ставку на армию, полицию, жандармерию, как на последний якорь спасения от гнева народа, особенно когда трудящиеся массы пытаются использовать даже урезанные демократические права, отстаивать свои интересы и положить конец всевластию монополий»³⁹.

* * *

В чем же причины того, что начало 60-х годов ознаменовалось в США заметным подъемом мутной волны фашизма?

Главная причина — огромные и все увеличивающиеся трудности, с которыми сталкивается капитализм во всех областях — экономической, политической, идеологической. Третий этап общего кризиса капитализма, наступивший в условиях мирного времени, чувство исторической обреченности заставляют в страхе метаться лидеры капиталистического мира.

Один из столпов современного американского фашиз-

---

³⁹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 34.

ма генерал-мракобес Э. Уокер откровенно заявил: «На нас, экстремистов, в основном производит впечатление что-либо, могущее нам помочь выйти из наших затруднений». Выйти из затруднений, выкарабкаться любой ценой — о большем современная буржуазия и не мечтает. Она теряет голову, в панике пытается найти спасение на путях подготовки к войне и фашизации внутренней жизни.

Американские публицисты, пытающиеся сейчас дать ответ на вопрос: почему некоторая часть населения США склонна поддаваться на фашистскую демагогию, говорят о чувстве разочарования, связанном со все яснее обнаруживающимся бессилием и обреченностью капиталистической системы. Влиятельный американский журналист Ч. Робертс пишет: «В сегодняшнем весьма сложном мире для основных американских проблем не может быть найдено простого решения, лестного и утешительного для национального «я». В такой обстановке «решения», предлагаемые правыми, обладают привлекательностью... Силы, предлагающие простое объяснение и простое решение, привлекают к себе многих из тех, кого угнетает неразрешимость нынешних проблем. Простота подменяет собой размышления, а слово «коммунист» становится оскорбительным словом, которым клеймят всех, чьи взгляды отличаются от ваших».

Лидеры американских «ультра» выставили авантюристическую по содержанию, но «решительную» по форме программу действий.

Неискушенные люди, воспитанные на слепом поклонении перед силой денежного мешка, перед системой «свободного предпринимательства», увидев, что то, чему они поклонялись, оказалось «колоссом на глиняных ногах», теряют почву, и часть из этих растерявшихся и отчаявшихся становится жертвой фашистских демагогов и их «простых рецептов», целиком почерпнутых из гитлеровских арсеналов и сводящихся к проповеди войны, разнузданному расизму и бешеному антикоммунизму.

Активизация фашистского отребья имеет место сейчас не только в США, но, как по команде, происходит во всех крупных странах капитала. Французские «ультра» и японские фашиствующие террористы, развертывающие свою деятельность, открыто фашистские организации в Италии и угрожающий рост неонацистских организа-

ций в Западной Германии — все это говорит о том, что мы имеем дело с единым процессом — фашистской гангреной, захватившей основные твердыни капитализма.

Ч. Робертс в уже цитированных статьях, пытаясь разобраться в причинах активизации крайне правых, вынужден прийти к грустному для него выводу о том, что «все определяет чувство разочарования в мире, охватившее нас., чувство уверенности — вот что нужно стране, чувство продвижения куда-то». Но какую цель для продвижения куда-либо может предложить буржуазия?

Обреченные историей прибегают к крайним мерам. Попытки вновь выдвинуть на политическую авансцену такое полностью скомпрометировавшее себя явление, как фашизм, свидетельствует о растерянности и нескрываемом страхе перед будущим, испытываемом монополистической буржуазией. Но так или иначе, а маккартизм оказался на американской политической арене не просто отвратительным эпизодом, а политическим явлением, захватывающим значительный отрезок времени и оказывающим на политическую жизнь страны заметное влияние.

Иначе и не могло быть, ибо маккартизм — неомаккартизм, одно из характернейших явлений политической жизни США последних лет, неразрывно связан со всем политическим курсом, осуществляемым правящими кругами.

8. РЕСПУБЛИКАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Первые же недели пребывания у власти правительства Эйзенхауэра ознаменовались дальнейшим усилением антикоммунистической истерии, целой серией правительственных мероприятий, направленных против передового отряда трудящихся Соединенных Штатов, Коммунистической партии США. Правительство всячески подчеркивало свой антикоммунизм. Министр юстиции Г. Браунелл прямо заявил: «Правительство ставит своей целью ликвидацию Коммунистической партии США и ее деятельности»⁴⁰.

---

⁴⁰ «New York Times», Sept. 12, 1954.

3 февраля 1953 г. в том же здании суда на Фоли-сквер, где происходила судебная расправа над лидерами американской Коммунистической партии во главе с ее генеральным секретарем Юджином Деннисом, закончился столь же гнусный, сплошь фальсифицированный «судебный процесс» над второй большой группой руководителей американской Коммунистической партии. Основой для обвинения послужили лживые показания, сфабрикованные лжесвидетелем Матусоу, который впоследствии сам признал их полностью вымышленными. Однако, несмотря на очевидную вздорность обвинений, федеральный судья Димок приговорил новую группу руководителей компартии к тюремному заключению на сроки от одного до трех лет по обвинению в нарушении пресловутого «закона Смита».

В ходе суда обвиняемые коммунисты полностью разоблачили всю несостоятельность лживых обвинений, выдвинутых против них. Они сумели использовать этот суд для разоблачения антинародной политики американских правящих кругов. «Я спокойно пойду в тюрьму,— заявила Элизабет Флинн, — ибо, хотя меня можно упрятать за решетку, этого нельзя сделать с идеями мира, социализма и свободы... Война не является неизбежной. Я горжусь той ролью, которую мы, коммунисты нашей страны, вместе с коммунистами всего мира играем в борьбе за мир... Я спокойно смотрю в лицо будущему, ибо я знаю, что мы победим. Мы знаем, что миллионы американцев разделяют нашу ненависть к фашизму и войне и хотят мира»⁴¹.

Мужественные выступления обвиняемых вызвали смятение суда. Прокурор Лейн растерянно заявил: «Слушая их заявления, я не видел никаких признаков раскаяния, угрызания совести, сожаления о своих поступках... Они говорили вызывающим, воинственным тоном.... Они использовали этот процесс, чтобы презрительно критиковать суд и обвинение»⁴².

После утверждения приговора Верховным судом в январе 1955 года все обвиняемые были взяты под стражу и отправлены в тюрьму.

Вслед за этим правительство так называемое «Уп-

---

⁴¹ «Daily Worker», Febr. 3, 1953.

⁴² *Ibid.*

равление по контролю над подрывной деятельностью» приняло провокационное решение, объявившее американскую Коммунистическую партию «агентом иностранной державы», обязав ее членов зарегистрироваться в министерстве юстиции в качестве «иностранцев».

О том, как собиралась реакция использовать решение о регистрации коммунистов, рассказал в сенате сенатор Кефвер. «Совсем недавно,—заявил он,—я беседовал с высокопоставленным представителем Федерального бюро расследований, и он сообщил мне, что положение о регистрации является одним из самых эффективных методов выявления коммунистов в нашей стране. Он считает, что такое положение позволит избежать обвинения в том, что коммунистов преследуют за их идеи... Коммунистическая партия уже объявила о том, что она не собирается регистрироваться. Отказавшись сделать это, они сами себя поставят вне закона. Тогда их можно будет преследовать не за то, что они думают, а за уклонение от регистрации»⁴³.

Ведя ожесточенное наступление на американскую Коммунистическую партию — наиболее последовательного и стойкого борца за права и интересы американских трудящихся, американские власти в лице Федерального бюро расследований и министерства юстиции осуществили массовые аресты руководителей организаций Коммунистической партии США.

Однако наступление реакции было направлено отнюдь не только против коммунистов. Стремясь обезглавить рабочее движение, ожесточенно преследуя Коммунистическую партию, реакционеры, прикрываясь ширмой всячески разжигаемой антикоммунистической истерии, вели широкое наступление на права американских трудящихся.

Одной из важнейших задач, поставленных монополиями перед правительством Эйзенхауэра, была задача серьезного наступления на организованное рабочее движение США, задача подрыва профсоюзов.

Республиканская партия не обманула ожиданий монополий. С первых же дней пребывания у власти правительство Эйзенхауэра еще больше усугубило антинародную направленность политики, проводившейся правя-

---

⁴³ «Congressional Records», 1954, vol. 100, part. 11, p. 14398.

щими кругами США. Отбросив в значительной степени демагогию, к которой систематически прибегало правительство Трумэна (что, впрочем, ничуть не мешало ему проводить антирабочую политику, опираясь, в частности, на принятый в годы его правления закон Тафта — Хартли), демагогию, которая уже не давала должного эффекта, республиканская партия открыто повела наступление на американское рабочее движение.

Через несколько дней после начала работы нового состава конгресса руководитель республиканцев в сенате Тафт внес 16 поправок к закону Тафта—Хартли. Эти поправки показали, что республиканцы свои предвыборные обещания внести изменения в закон Тафта—Хартли толкуют как обещание сделать этот закон еще более жестким.

Вскоре конгресс приступил к рассмотрению целой серии законопроектов, направленных на подрыв и серьезное ослабление американских профсоюзов.

Одним из таких законопроектов, ставивших под угрозу само существование американского профсоюзного движения, был законопроект, внесенный на рассмотрение все тем же сенатором Б. Голдуотером и членом палаты представителей Д. Роудсом. Законопроект Голдуотера — Роудса ставил своей целью подчинить американские профсоюзы «Управлению по контролю над подрывной деятельностью», созданному на основании ультрареакционного закона Маккарэна. Это управление в соответствии с законопроектом Голдуотера — Роудса могло потребовать у любого профсоюза все данные, касающиеся его деятельности, в том числе данные о числе членов, денежных средствах и т. д. По этому законопроекту министр юстиции США мог потребовать, чтобы маккарэновское «Управление по контролю над подрывной деятельностью» немедленно приняло меры против любого профсоюза, который объявляет забастовку на предприятии, выполняющем правительственные заказы, если, по мнению министра, подобная забастовка «может нанести ущерб безопасности или обороне США».

Во время обсуждения в комиссиях конгресса предполагаемых поправок к закону Тафта — Хартли и других законопроектов Голдуотер признал, что при подготовке своего законопроекта он консультировался с юристами таких крупных монополий, как «Дженерал электрик» и

«Фелпс Додж корпорейшн». Советник компании «Дженерал электрик» по трудовым отношениям У. Бэррон впоследствии подтвердил, что такой законопроект предложила его компания.

Подготавливая законодательную основу для дальнейшего наступления на американские профсоюзы, реакция одновременно вела это наступление, используя уже существующее законодательство. В частности, значительно возросло число случаев подавления правительством и властями штатов забастовок на основании закона Тафта — Хартли. Закон Тафта — Хартли был применен против бастовавших рабочих автомобильной и авиационной промышленности, шахтеров, рабочих атомных заводов, железнодорожников, рабочих, входящих в профсоюз металлургической промышленности, против рабочих химической промышленности и во многих других случаях. Используя драконовские положения закона Тафта — Хартли, правительство многократно вмешивалось в забастовки на стороне предпринимателей, принуждая рабочих вернуться на работу. Одновременно власти усилили и судебные репрессии против прогрессивных руководителей профсоюзов.

Одним из средств усиления в стране антидемократической истерии и расправы со всеми неудобными для крайних реакционеров людьми, является система «проверок лояльности». Эти проверки проводятся в США на основании специальных приказов президента страны. Начало изданию таких приказов положил глава правительства демократической партии президент Трумэн, издав в 1947 году пресловутый приказ «о проверке лояльности». В силу того, что не существует каких-либо точных определений как «лояльности», так и «нелояльности», эта система создает для реакции широкие возможности расправы со всеми неудобными ей лицами.

После прихода к власти правительства республиканской партии было издано несколько президентских приказов, сделавших систему «проверки лояльности» еще более жесткой.

Ожесточенным преследованиям подвергает американская реакция всех американцев, входящих в организации, которые реакционеры объявляют «подрывными». Система составления списков так называемых «подрывных» организаций была также введена правительством

демократической партии и также расширена и использована республиканской партией для усиления наступления на права американского народа.

О том, какие организации американская реакция объявляет «подрывными», подвергая злобным преследованиям их членов, можно судить хотя бы по организациям, зачисленным в разряд подрывных еще правительством Трумэна.

В официальном издании конгресса 82-го созыва — «Справочнике подрывных организаций и периодических изданий» (документ палаты представителей № 137) фигурируют различные массовые организации американского народа, объединяющие борцов за мир, против поджигателей войны. Достаточно назвать такие организации, как Информационный центр сторонников мира, Постоянный комитет Всемирного конгресса мира, Профсоюзная конференция сторонников мира Сан-Франциско, «Американские ветераны войны — борцы за мир», «Женщины — солдаты мира» и другие организации движения сторонников мира.

В этом же списке фигурируют различные организации, ведущие борьбу против расового террора и угнетения, например Объединенный молодежный комитет борьбы с линчеванием, Комитет защиты узников Скоттсборо, многочисленные прогрессивные организации культурных связей американского народа с народами социалистических стран⁴⁴.

Правительство Эйзенхауэра, усилив репрессии против участников организаций, объявленных «подрывными» его предшественником, одновременно значительно расширило список так называемых «подрывных» организаций. Министр юстиции Браунелл потребовал занесения в список «подрывных» и регистрации их в «Управлении по контролю над подрывной деятельностью» 12 организаций. К числу этих организаций относятся Национальный совет американо-советской дружбы, Конгресс борьбы за гражданские права, Лига рабочей молодежи, Объединенный комитет помощи антифашистам-эмигрантам, Американский всеславянский конгресс и др. Затем министерство юстиции объявило о включении в число «подрывных»

---

⁴⁴ 82 nd Congress. House Document No 137. Guide to Subversive Organisations and Publications (and Appendix) Revised. Prepared and Released by the Committee in un-American Activities, Wash., May, 1951.

еще 62 организаций. С опубликованием этого списка число организаций, объявленных американскими властями «подрывными», составило 254.

Организовывая широкое наступление на права американских трудящихся, наступление, рассчитанное на большой срок, американская реакция в 1953—1954 годах стремилась подвести под это наступление законодательную базу. Этим объясняется то обилие реакционных законопроектов, которые поступили на рассмотрение конгресса 82-го созыва.

Попытка подвести «законодательную основу» под наступление на права американских трудящихся на длительный период, целью которого является ликвидация всех прав, завоеванных рабочим классом в результате длительной и упорной борьбы, явилась одной из важных сторон деятельности республиканской администрации, заложившей, по ее мнению, фундамент для антирабочих репрессий для любого буржуазного правительства, которое окажется в Вашингтоне, на много лет вперед.

Все эти законопроекты так или иначе сыграли свою роль. Прежде всего уже сам факт их внесения на обсуждение конгресса содействовал созданию в стране обстановки истерии. Значительная часть всех этих реакционных законопроектов была принята либо конгрессом 83-го созыва, либо одним из последующих его составов. Другая часть этих законопроектов была объединена и вошла составными частями в «Закон 1954 года о контроле над Коммунистической партией», о котором говорится ниже. И, наконец, еще часть законопроектов осталась в делах конгресса, находясь «на рассмотрении», будучи в портфеле тех или иных комиссий конгресса, — форма, которая дает возможность, не принимая законопроекта, до поры до времени иметь его наготове для того, чтобы в нужный момент провести его через голосование и, придав ему силу закона, обрушить на головы трудящихся.

Следует отметить также, что некоторые из принятых законов отнюдь не всегда немедленно используются. Американская политическая история знает немало случаев, когда законы принимались «впрок». Будучи принятыми, они лежали без движения, дожидаясь своего часа, а в нужный момент реакция пускала их в ход. Так было, например, с пресловутым «законом Смита», принятым до

второй мировой войны и практически тогда не использовавшимся, а затем в послевоенные годы превратившимся в одно из основных орудий реакции.

Совершенно очевидно, что среди обширного реакционного законодательства, принятого в годы нахождения у власти партии республиканцев, имеются и такого рода законы, применение которых в настоящее время затруднено обстановкой, но которые уже заготовлены реакцией на будущее.

Особое место в антидемократической законодательной деятельности занимает реакционнейший закон, пытавшийся поставить фактически вне закона Коммунистическую партию США и предусматривающий мероприятия, направленные против профсоюзов. «Закон 1954 года о контроле над Коммунистической партией» вобрал в себя многие реакционнейшие и профашистские законопроекты, внесенные на рассмотрение конгресса.

«Закон 1954 года о контроле над Коммунистической партией», направленный против всех прогрессивных сил США, против всего американского рабочего движения, явился важным мероприятием американской реакции в области законодательства, подготовительным мероприятием к дальнейшему наступлению на права трудящихся США.

* * *

Важнейшим орудием монополистического капитала США в государственном аппарате в деле наступления на рабочий класс явился правительственный орган, именуемый управлением по трудовым отношениям. Созданное в период «нового курса» президента Рузвельта, это управление превратилось в 50-е годы в рычаг, при помощи которого монополисты осуществляют свою антирабочую политику. Официальной целью управления является посредничество между трудом и капиталом, между рабочими и предпринимателями. Юридической основой деятельности управления является после второй мировой войны антирабочий закон Тафта — Хартли. Но реакционный курс, осуществляемый управлением, настолько ярко выражен, что даже этот драконовский закон его не уstraивает, и при каждом конфликте между рабочими и

предпринимателями управление дает такое «толкование закона, которое не снилось даже его авторам». Один из руководящих деятелей управления Мюрдок как-то в порыве откровенности признал, что управление по трудовым отношениям часто даже нарушает закон Тафта—Хартли, придавая ему еще более антирабочий оттенок и «поощряя вмешательство предпринимателей в дела профсоюзов, способствуя давлению предпринимателей на рабочих. Управление открыто поддерживает точку зрения предпринимателей в конфликтах с рабочими»⁴⁵.

Управление по трудовым отношениям в соответствии с законом Тафта—Хартли располагает большими возможностями для борьбы с организованным рабочим движением. Вопрос о «законности» или «незаконности» забастовки решается управлением. В случае возникновения так называемой «незаконной» забастовки управление может при помощи суда и полиции отдать приказ о ее прекращении. Управление для борьбы с забастовками может привлекать ФБР и министерство юстиции, играя при этом роль координирующего органа.

Приход к власти республиканской партии ознаменовался активизацией антирабочей деятельности управления. В его состав вошли люди, известные своими крайне реакционными воззрениями. О взглядах этих деятелей достаточно красноречиво говорит заявление Бисона, назначенного республиканцами одним из руководителей управления по трудовым отношениям. «Если вам нравится,—нагло заявил он представителям печати,—можно сказать, что я за разгром профсоюзов»⁴⁶.

О том, в каком направлении стало действовать управление после того, как основные позиции перешли в нем к республиканцам, можно судить по такому факту. Одним из первых мероприятий управления было странное на первый взгляд решение о самоограничении юрисдикции управления. Целый ряд дел, подлежавших прежде рассмотрению в Вашингтоне, был передан в ведение властей штатов. Однако странным такое решение было только для непосвященных. Смысл его заключался в том, что, во-первых, во многих штатах действуют законы «о праве на работу», в соответствии с которыми пред-

---

⁴⁵ «Labor Law Journal», 1956, Nov.

⁴⁶ «March of Labor», 1956, May.

принимателям легче вести наступление на рабочих, и, во-вторых, местные власти США меньше зависят от общественного мнения, и предпринимателям так легче обделывать свои дела.

Это шаг в значительной степени развязал руки предпринимателям, вызвав у них откровенное ликование. Торговая палата США опубликовала в связи с этим специальное заявление, в котором высказывала надежду, что администрация штатов не преминет воспользоваться созданными условиями для «установления мира в промышленности путем ослабления силы профсоюзов и их влияния на массы рабочих»⁴⁷.

Летом 1959 года в конгрессе был принят так называемый законопроект Лэндрама — Гриффина. Этот закон содержит положения, которые под видом борьбы против коррупции фактически направлены на существенное ограничение деятельности профсоюзов.

Хотя реакционную направленность всего этого законодательного ажиотажа реакция пыталась замаскировать лозунгами антикоммунизма, каждому здравомыслящему человеку было ясно, что все эти меры направлены не только против передового отряда рабочего класса США — его Коммунистической партии, но и против всех американских трудящихся. Даже такой крайне консервативный и антикоммунистически настроенный деятель, как правый профлидер Мини, вынужден был осудить эти законопроекты как направленные против всего профсоюзного движения США в целом.

Но этого показалось реакционерам недостаточно. Они требовали дальнейших мер, направленных против американского рабочего класса. Свое наступление против профсоюзов монополисты стали прикрывать рассуждениями о том, что крупные профсоюзы являются... монополией, а потому с ними надо бороться. Характерной в этом отношении является книга американского буржуазного юриста Д. Ричберга, выступающего в качестве юрисконсульта ряда крупнейших концернов США, названная «Монополия профсоюзов». Развивая в ней идею о том, что «профсоюзная монополия» является «ущемлением прав каждого рабочего в отдельности», этот новоявленный печальник трудящихся разрабатывает целую про-

---

⁴⁷ «Labor Law Journal», 1956, May.

грамму антипрофсоюзного законодательства, которую, по его мнению, следует принять.

Эта программа реакции предусматривает не только запрещение профсоюзного цеха, но и распространение, а вернее перенесение, на профсоюзы антитрестовского законодательства, запрещение забастовок и коллективных договоров. Аргументируя и обосновывая эту программу, Ричберг заявляет, что процесс усиления профсоюзов «зашел в США настолько далеко, что возникла угроза создания социалистического рабочего правительства»⁴⁸.

В 1956 году в связи с рядом крупных забастовок в американской промышленности, и в частности длительной забастовкой на заводах компании «Вестингауз электрик корпорейшн», министерство труда США публично пригрозило, что, если профсоюзы будут продолжать забастовочную борьбу, будут приняты новые антипрофсоюзные законы. Приведение этой угрозы в исполнение не заставило себя долго ждать.

Следует отметить, что на сей раз реакция, памятуя об отпоре, который встретило ее наступление на права рабочего класса в период 1953—1954 годов, прибегла к весьма хитроумному приему. Известно, что в руководство отдельных американских профсоюзов пробрались люди, не имеющие ничего общего ни с рабочим классом, ни с его борьбой,— темные дельцы, авантюристы, связанные с различными гангстерскими бандами. Используя антидемократические порядки, существующие во многих профсоюзных организациях США, в частности практическую несменяемость руководства, полную бесконтрольность и независимость от масс рядовых членов профсоюзов, эти деятели занимались самыми грязными делами. Они глубоко запускали руки в кассу профсоюза, не делая никакой разницы между средствами рабочих и своими собственными средствами, занимались различными махинациями, за спиной рабочих сговаривались с предпринимателями, нагло предавая интересы тех, кого представляли возглавляемые ими организации.

Несмотря на то, что деятели такого типа сплошь и рядом преступали закон, совершая всевозможные, в том числе и уголовные, преступления, власти смотрели на все

---

⁴⁸ D. Richberg. Labor Union Monopoly, N. Y., 1957, p. 149.

это сквозь пальцы. Будучи кладом для предпринимателей, подобные профлидеры находились под особым покровительством властей.

Но внезапно весной 1957 года один из таких деятелей, руководитель крупного профсоюза шоферов грузовых машин и складских рабочих Дэвид Бэк, до сих пор охраняемый представителями властей, был привлечен к суду по обвинению в растратах и прочих незаконных действиях. Цель этого хода властей вскоре стала ясна. Было решено принести в жертву нескольких деятелей типа Бэка для того, чтобы под предлогом очищения профсоюзов от преступников и «защиты интересов» рядовых членов профсоюзов повести наступление на все профсоюзное движение в целом.

Была создана специальная сенатская комиссия «по расследованию нечестной практики в профсоюзах». Эту комиссию возглавил известный реакционер сенатор Макклелан. Небезынтересно отметить, что среди работников этой комиссии был молодой юрист Роберт Кеннеди, младший брат будущего президента и будущий министр юстиции в его правительстве.

Прогрессивная общественность охарактеризовала эту комиссию как орудие Национальной ассоциации промышленников. Даже «Нью-Йорк таймс» отмечала, что шумиха, поднятая вокруг комиссии Макклелана, имеет целью очернить и дискредитировать профсоюзы в глазах трудящихся. Вся эта затея была хитро задуманным трюком, который имел целью подготовить почву для новой антипрофсоюзной кампании, которую власти надеялись представить общественности как «защиту интересов широких масс от профсоюзной монополии».

Впоследствии Роберт Кеннеди написал книгу о работе комиссии Макклелана, которую назвал достаточно красноречиво — «Внутренний враг». Уже само название выражает тенденцию как автора, так и всей комиссии в целом. Хотя в книге «внутренним врагом» называются коррумпированные элементы профсоюзов, вся ее направленность такова, что фактически речь идет обо всем рабочем движении в целом.

В процессе работы комиссии Макклелана были выявлены многочисленные факты коррупции и всевозможных злоупотреблений, широко распространенных в сфере коммерческой и промышленной деятельности США. Од-

нако, как утверждает Р. Кеннеди, «в связи с тем, что комиссия имела ограниченные права, она не могла вмешиваться в неправильные действия в сфере бизнеса»⁴⁹. Совершенно очевиден надуманный, формальный, квази-юридический характер подобного рода «аргументации». Когда дело идет о профсоюзах, комиссия располагает всеми полномочиями, а когда она не может отмахнуться от вопиющих фактов, связанных с беззакониями, творимыми монополистами, комиссия объявляет себя «некомпетентной».

И еще один способ вывода из-под удара тех, против кого не направлялось острие этой антипрофсоюзной комиссии, был ею применен. В случаях, когда было невозможно избежать вызова и допроса бизнесменов, нарушающих законы, а также гангстеров, связанных с различного рода махинациями разложившихся правых профсоюзных лидеров, комиссия ограничивалась лишь разговорами, не предпринимая против нарушителей закона никаких действенных мер.

Р. Кеннеди в уже цитированной книге признает: «Большинство людей, вовлеченных в эти махинации и прошедших через нашу комиссию, продолжают свою деятельность и до сих пор»⁵⁰.

Возвращаясь к комиссии Макклелана, следует отметить, что ее деятельность была связана с важной отличительной особенностью второго периода правления республиканской партии по сравнению с начальным периодом. Отпор, оказанный трудящимися США маккартистским бесчинствам, попыткам маккартистов взять права, завоеванные трудящимися, атакой в лоб, заставил реакцию прибегнуть к маневрированию, к обходным маневрам, маскировке антирабочего ядовитого жала своей политики, покровом пропаганды о заботе республиканского правительства Эйзенхауэра о благе трудящихся.

Однако изменились только методы. Суть антинародной политической линии республиканского правительства осталась прежней.

Еще одной формой законодательного наступления на права американских трудящихся, примененной реакцией в последние годы, явились законы, демагогически назван-

---

⁴⁹ R. Kennedy, *The Enemy Within*, N. Y., 1960, p. 216.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 263.

ные «законами о праве на работу». Такое название, ни в какой степени не отвечающее действительному содержанию этих законов, продиктовано все тем же характерным для последних лет деятельности республиканцев желанием ввести в заблуждение американских трудящихся. Автором этой идеи является Уильям Ноулэнд, один из руководителей республиканцев в сенате с 1953 года до своего поражения на выборах в ноябре 1958 года. После поражения Ноулэнд, отойдя на задний план, действует за кулисами правого крыла республиканцев. Так, именно Ноулэнд является руководителем политических кампаний Голдуотера, именно он в 1964 году взял на себя руководство предвыборной кампанией Голдуотера. Небезынтересным является то обстоятельство, что одной из основных причин поражения Ноулэнда на выборах является закон о праве на работу для штата Калифорния, который он отстаивал в ходе выборов 1958 года.

Одна из уловок, примененных руководством республиканцев в связи с этими законами, заключается в том, что они не носят общенационального характера, а принимаются отдельно в каждом штате. Таким образом, вашингтонская администрация пытается как бы снять с себя ответственность за это законодательство и переложить ее на местные власти.

Само название этих законов — о праве на работу — является насквозь лживым и направлено к обману широких масс. Не давая трудящимся равным счетом никаких прав, эти законы самым существенным образом ущемляют их интересы. Основным положением этих законов является отрицание права профсоюзов представлять всех рабочих, а следовательно, и защищать их интересы. Законы эти предполагают, что предприниматели должны иметь дело с каждым рабочим в отдельности, заключать с ними индивидуальные договоры и т. д. Принцип «закрытого цеха», «профсоюзного цеха» (когда профсоюз имеет право требовать, чтобы на работу принимались или держались на работе впоследствии исключительно члены профсоюза) объявлялся запрещенным.

При этом реакционная пропаганда пытается представить дело таким образом, что законы о праве на работу преследуют цель оградить интересы рабочих от посягательств со стороны... профсоюзов. Ведя к ослаблению организованности рабочих, их разобщению, эти законы

делают рабочих беззащитными перед лицом предпринимателей, лишают их главного козыря в борьбе — организованности.

Не случайно в качестве «защитников рабочих» — авторов законов о праве на работу — выступили такие организации, как Национальная ассоциация промышленников и Американская торговая палата. Эти организации создали специальный «национальный комитет» для руководства деятельностью по принятию в каждом из штатов страны законов о праве на работу. Сразу же по созданию этот комитет заявил, что его целью является «добиться запрещения забастовок в промышленности и аннулирования коллективных договоров между предпринимателями и профсоюзами»⁵¹.

Законы о праве на работу в каждом из штатов направлены на «отделение» рабочих от профсоюзов и противопоставление их друг другу. Профсоюзам в законодательном порядке воспрещается защита прав рабочих. Рабочие лишаются права коллективно противостоять эксплуататорам, обладающим помимо экономической мощи правом распоряжаться карательными органами штатов и возможностью направлять всю деятельность административных и законодательных органов штатов на подавление сопротивления трудящихся.

Объявляя недействительными права профсоюзов, законы о праве на работу лишают профсоюзы таких важнейших их прерогатив, как право заключения коллективных договоров. Они запрещают забастовки и пикетирование под тем предлогом, что эти действия носят незаконный характер или являются следствием «нечестной трудовой политики профсоюзов».

* * *

Таким образом, широкое наступление на права трудящихся, предпринятое монополиями при содействии и при самом непосредственном участии республиканской администрации во всех ее звеньях сверху донизу, осуществлялось на протяжении всех лет их пребывания у власти. Правительство и конгресс в эти годы не только

---

⁵¹ «Daily Worker», Apr. 10, 1956.

вели непосредственное наступление на права американских трудящихся, но и заложили «солидную законодательную основу» на будущее. Эта явная и неприкрытая направленность правления республиканцев наложила самый существенный отпечаток на весь период их пребывания у власти и в то же время подготовила почву для дальнейшего наступления реакции на права, завоеванные трудящимися в результате долголетней и тяжелой борьбы.

Хотя на протяжении правления республиканской партии были моменты, когда реакция считала возможным действовать неприкрыто и нагло, что характерно для маккартизма, и моменты, когда в ход пускались различные средства для того, чтобы прикрыть антинародную направленность правительственных мероприятий, суть этой политики оставалась неизменной — крайняя реакционность, явно антинародная направленность, открытая защита интересов монополий.

И нет сомнения в том, что этот период войдет в политическую историю Соединенных Штатов как время, когда наступление реакции, захватившей прочные позиции в государственном аппарате, наступление, направленное против жизненных интересов и прав трудящихся США, достигло весьма широкого размаха.

ПРОВАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКАНЦЕВ И УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ США

1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ

Правительство республиканской партии пришло к власти, выдвинув в ходе избирательной кампании 1952 года лозунги мира и экономического процветания. Однако вся деятельность республиканской администрации показала со всей очевидностью, что оба лозунга были лживыми и понадобились заправилам партии для обмана американских избирателей.

Вместо обещанного мира усилия правительства республиканской партии на международной арене были направлены на дальнейшее разжигание «холодной войны». Вместо курса на процветание американского народа был взят курс на процветание миллиардеров и миллионеров за счет дальнейшего ухудшения положения трудящихся.

Будучи вынужденным под влиянием серьезных поражений и роста протестов прекратить войну в Корее, что сыграло важнейшую роль в исходе выборов 1952 года, правительство республиканской партии тем не менее не только не отказалось от послевоенного агрессивного курса американских монополий, но, наоборот, в значительной

степени усугубило его авантюристический, агрессивный характер, провозгласив в качестве основного тезиса американской внешней политики тезис «освобождения» народов стран социалистического лагеря, тезис «отбрасывания коммунизма».

В первые послевоенные годы американские монополии выдвинули политику так называемого «сдерживания коммунизма». К 1952 году в свете успехов социалистических стран несостоятельность такого курса стала очевидной для всех. В связи с этим приход к власти республиканской партии ознаменовался новым лозунгом — «отбрасывания», или «освобождения».

С заменой курса на «сдерживание» курсом на «освобождение» империалистические круги США перешли к еще более агрессивной политике, открыто направленной против СССР и других социалистических стран. Они поставили своей целью «освобождение» народов социалистических государств от свободно избранного ими общественного строя и реставрацию капитализма в этих государствах.

Даллес, Бернхэм, авторы политики «освобождения», во всеуслышание заявляли, что США должны перейти к таким методам и средствам борьбы против мирового социализма, которые позволили бы низвести, выражаясь словами Бернхэма, «коммунистический район» до границ 1939 года, а затем нанести решающее поражение Советскому Союзу. В целях так называемого «отбрасывания коммунизма» апологеты доктрины «освобождения» призывали к неограниченной политической, идеологической и дипломатической борьбе против социалистических государств.

Именно об этом твердил в своих «трудах» маститый идеолог американского империализма, оголтелый реакционер Д. Бернхэм.

Перед Соединенными Штатами и их союзниками, заявлял Бернхэм, «есть только два пути... — либо капитулировать перед Москвой и оказаться поглощенными советской империей, либо положить конец этой империи, освободив страны и народы, подчиняющиеся в настоящее время тирании Москвы»¹.

---

¹ J. Burnham, *Containment or Liberation? An Inquiry into the Aims of United States Foreign Policy*, N. Y., 1953, p. 98.

Апологеты доктрины «освобождения» считали, что ее практическое осуществление должно идти по двум тесно связанным друг с другом линиям борьбы против Советского Союза и всех социалистических государств: а) «ведение всесторонней политической войны» и б) возможно более эффективная подготовка к «открытой стадии третьей мировой войны»².

Доктрине «освобождения» был придан характер официальной правительственной доктрины. В начале 1953 года конгресс США принял предложенную Эйзенхауэром резолюцию, в которой содержались злобные выпады против Советского Союза. Под видом «соблюдения принципов Атлантической хартии» и обеспечения права народов «самим избрать форму правления» высший законодательный орган Соединенных Штатов официально солидаризировался с кругами, требовавшими усиления подрывной деятельности против социалистических государств.

В рождественских посланиях Эйзенхауэра в 1957 году, хотя и в сравнительно более сдержанных тонах, тоже говорилось о стремлении «освободить» страны Восточной Европы.

Меры, принятые республиканским правительством, должны были, по расчетам американских правящих кругов, обеспечить военное превосходство США над Советским Союзом, привести к «атомному изобилию» в их руках и дать империализму США «абсолютную силу». Подобные расчеты легли в основу доктрины «массированного возмездия», или доктрины «устрашения», как ее иногда называют.

В послании о положении в стране, направленном конгрессу 7 января 1954 г., президент Эйзенхауэр заявил, что Соединенные Штаты и их союзники обладают «массированной возможностью ответного удара» в случае, если «свободный мир» подвергнется «агрессии». Фальшивый, лицемерный характер разговоров об «агрессии» и «ответном характере» атомного удара, некоем «возмездии» очевиден, как очевидна и цель такого камуфляжа — замаскировать агрессивный характер доктрины «массированного удара».

---

² J. Burnham, *Containment or Liberation? An Inquiry into the Aims of United States Foreign Policy*, pp. 119, 223.

12 января 1954 г. в речи в Совете по вопросам внешней политики Дж. Ф. Даллес официально раскрыл существование «массированного возмездия»: если США будут продолжать свою политику, основываясь на «готовности воевать в любом месте.., то это не может долго продолжаться без того, чтобы не привести к серьезным бюджетным, экономическим и социальным последствиям»³. Выход для США заключается в том, чтобы выдвинуть на первую линию огня своих союзников, а за Вашингтоном останется ничем не ограниченная свобода принятия решений. «США,— говорил Дж. Ф. Даллес,— не должны постоянно держать в Азии большие наземные силы, ибо в таком случае мы останемся без стратегических резервов... Основное решение заключается в том, что мы должны полагаться главным образом на способность массированного возмездия средствами и в местах, которые мы сами выберем. Теперь министерство обороны и комитет начальников штабов могут вести новую подготовку в соответствии с целями нашей политики, вместо того чтобы быть готовыми встретить врага во многих пунктах по его выбору»⁴. Даллес утверждал, что в результате проведения этой стратегии «время и основные принципы» системы Соединенных Штатов будут работать на них⁵.

Однако ни «сдерживание», ни «освобождение» не привели к таким результатам, на которые рассчитывали империалистические круги США. За время осуществления этих агрессивных внешнеполитических доктрин силы мирового социализма не только не были подорваны, но, напротив, выросли в огромной степени. Социализм стал мировой системой, охватившей свыше трети населения земного шара, а социалистические государства превратились в могучую растущую силу, оказывающую решающее воздействие на весь процесс исторического развития. Что же касается коммунистической идеологии, то она, как признал бывший государственный секретарь Ачесон в книге «Сила и дипломатия», вселяет народам «несокрушимую уверенность в своем превосходстве и неуклонном движении к окончательной победе»⁶.

---

³ «Department of State Bulletin», 1954, Jan. 25.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ D. Acheson, *Power and Diplomacy*, N. Y., 1958, p. 9.

Наиболее откровенные идеологи американского империализма высмеивали лицемерную болтовню Даллеса и его преемников, прямо провозглашая агрессию инструментом американской национальной политики. К числу такого рода «теоретиков агрессии» относится, в частности, Д. Грабер, видный американский социолог, выпустивший в конце 1959 года монографию «Кризисная дипломатия», снабженную красноречивым подзаголовком: «История интервенционистской политики и практики США». Грабер взялся за перо не для того, чтобы осудить интервенцию, а для того, чтобы ее воспеть, подвести под нее базу. «Несмотря на значительные масштабы и многочисленные проявления интервенционистской политики Америки во всех частях света, государственный департамент, как правило, отрицает, что интервенция имела или имеет место, вместо того чтобы признать этот факт и сослаться на соображения политического и правового характера, оправдывающие американскую политику»⁷, — утверждал Грабер. «Сейчас выбор, перед которым стоят США, заключается не в том, прибегать или нет к интервенции, а в том, какую форму интервенции избрать»⁸, — говорил он далее.

Нет ничего удивительного в том, что политика Вашингтона, основанная на атомной стратегии, оказалась полностью несостоятельной. Эта политика базировалась на совершенно неверных предпосылках—переоценке американским империализмом его собственных сил и недооценке сил, противодействующих его агрессивным устремлениям. Американские правящие круги оказались поставленными перед фактом, что не они, а Советский Союз добился решающих успехов в важнейших отраслях науки и техники. Ярчайшим свидетельством этого явился успешный запуск искусственных спутников Земли.

Запуск Советским Союзом искусственных спутников был не только великолепным техническим достижением, но и привел к глубоким изменениям в международных отношениях. Навсегда отошли в прошлое те времена, когда агрессивные круги США, подготавливая и развязывая войну в той или иной части земного шара, могли расчи-

---

⁷ D. Graber, *Crisis Diplomacy (A history of U. S. Intervention Policies and Practices)*, Wash., 1959, p. X.

⁸ *Ibid.*, p. 34.

тывать на собственную неуязвимость, на преимущества географического положения Соединенных Штатов. «Традиционные бастионы нашей безопасности,— признает известный американский политический деятель и дипломат Джордж Кеннан,— наша географическая удаленность, защита нас океанами, размеры нашей территории, сила нашей экономики — все эти факторы, один за другим, перестали играть свою роль»⁹.

Иначе предстала проблема применения тех видов оружия, на которые ведущие американские политические и военные круги делали особый упор в своей политике «с позиции силы». Ставка на стратегическую авиацию, крупные авианосцы, линии раннего предупреждения противовоздушной обороны оказалась несостоятельной.

По-новому встала проблема американских военных баз на чужих территориях и возглавляемых Соединенными Штатами военно-политических блоков. Ценность таких баз сразу резко уменьшилась. Советский Союз оставил позади Соединенные Штаты в области наиболее эффективного оружия — баллистических ракет дальнего действия. В результате преимущества, связанные с возможностью нанесения ответного удара, оказались на стороне СССР, что лишило практического смысла американскую доктрину «массированного возмездия».

Таким образом, внешнеполитический курс, осуществлявшийся с 1952 года республиканской партией и явившийся естественным продолжением всего послевоенного агрессивного курса американских монополий, оказался несостоятельным, полностью провалился, поставив руководителей американской внешней политики перед рядом сложнейших проблем.

Еще до своего выхода в отставку, в апреле 1959 года, Даллес фактически признал факт краха внешней политики Вашингтона. Американская печать указывала, что вынужденное согласие американской дипломатии на созыв весной 1959 года совещания министров иностранных дел великих держав, заметное изменение позиции государственного департамента в отношении совещания на высшем уровне и целый ряд других фактов свидетельствовали о том, что уже к середине 1958 года Джону Фосте-

---

⁹ G. Kennan, *Realities of American Foreign Policy*, N. Y., 1958, p. 28.

ру Даллесу и его ближайшему окружению пришлось считаться как со свершившимся фактом с тупиком, в который зашла американская дипломатия.

Был ли этот тупик случайным, объяснялся ли он отдельными неудачами американской дипломатии и дипломатов? Отнюдь нет. Он был неизбежным итогом того курса, которым следовала американская внешняя политика в послевоенный период.

Провозгласив устами Эйзенхауэра, Даллеса и других ведущих деятелей правительства республиканской партии тезис «отбрасывания коммунизма» в качестве основы своей внешней политики «с позиции силы», правители США продемонстрировали, таким образом, свое нежелание считаться с реальными фактами, признать сложившееся после второй мировой войны новое соотношение сил в мире, признать, что ныне действуют мощные социальные силы, которые не подчиняются диктату американских монополий.

В наше время треть человечества освобождена от империалистического угнетения и капиталистической эксплуатации и вступила на путь социализма, в результате чего коренным образом изменилась международная обстановка. Значительная часть государств Азии и Африки сбросила иго колониализма и встала на путь самостоятельного развития. Миролюбивые несоциалистические страны вместе со странами социализма образуют сейчас обширную «зону мира» с населением около полутора миллиардов человек. Попытки игнорировать эти факты не могли пройти безнаказанно, не могли не поставить американскую дипломатию, сделавшую «холодную войну» своим методом отношений с лагерем миролюбивых народов, перед кризисом.

Мало-помалу неприятные для Вашингтона факты стали доходить до некоторых американских экспертов. В печати США начинали появляться документы, которые свидетельствовали о том, что их авторы приблизились к пресловутой «мучительной переоценке» американской внешней политики.

Авторы документа «Идеология и внешняя политика», подготовленного исследовательским центром по международным отношениям при Гарвардском университете, исходят из того, что достижение социалистическим миром экономического перевеса над капиталистическим будет

означать «поворотный пункт в современной истории»¹⁰. В другом документе, «Оперативные аспекты внешней политики США», подготовленном в Сиракузском университете (штат Нью-Йорк), говорится: «Если СССР сможет показать, что коммунизм обеспечивает не только больше тяжелой индустрии, но и больше предметов потребления, чем свободные экономические системы, притягательная сила коммунизма получит преобладание не только в слаборазвитых странах, но и в Западной Европе»¹¹.

Все в большей степени государственные и политические деятели США и так называемые «планирующие» органы американского правительства, рассматривая вопрос об экономическом развитии Соединенных Штатов и его перспективах, подходят к этому вопросу прежде всего под углом зрения сопоставления советских и американских темпов развития, соревнования двух систем. «На протяжении шести лет, во время которых правительство Эйзенхауэра находилось у власти, — говорится в программном документе консультативного совета Национального комитета демократической партии, опубликованном в декабре 1958 года, — среднегодовой прирост объема производства составлял всего 1,3%. Такое положение является нетерпимым... На протяжении последних нескольких лет ежегодный прирост объема производства в России был в среднем от 7 до 10%. Они уже догоняют нас и планируют перегнать. Никто не должен недооценивать эти планы».

«Мы сознательно введем себя в заблуждение, — заявлял Липпман, — если не осознаем того, что главная сила коммунистических государств заключается не в их скрытой деятельности, а в силе их примера»¹².

«Наиболее угрожающим аспектом коммунистической угрозы, — признал Дж. Кеннан в своих лекциях «Россия,

---

¹⁰ «United States Foreign Policy. Ideology and Foreign Affairs. A. Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, by Centre for International Affairs Harvard University», Wash., 1960, p. 15.

¹¹ «United States Foreign Policy. The Operational Aspects of United States Foreign Policy. A. Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, by Maxwell Graduate School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University», Wash., 1959, p. 21.

¹² W. Lippman, The Communist World and Ours, Boston—Toronto, 1958, pp. 36—37.

атом и Запад», прочитанных в 1958 году,— является ее „внутренний аспект”, проистекающий из характера „западного общества”, из „слабостей западной цивилизации как таковой”¹³.

Мысль о необходимости «мучительного пересмотра» политики США, о поисках такого урегулирования наиболее острых международных проблем, которое дало бы возможность избежать новой большой войны, сквозит и в некоторых из докладов, подготовленных ведущими научно-исследовательскими центрами США по заданию внешнеполитической комиссии сената. «По существу нет иного разумного выхода, кроме переговоров. Мы не можем быть удовлетворены сохранением на неопределенное время нынешнего положения. Мы не можем хладнокровно смотреть на всеобщую гонку вооружений, простирающуюся даже на беспредельные области космоса. Американский народ отклоняет, как он и должен, всякое решение при помощи так называемой „превентивной атаки”»,— говорилось в докладе «Основные цели внешней политики США».

Таким образом, в кругах, формирующих внешнеполитический курс, по прошествии пяти-шести лет бесславной деятельности республиканской администрации стали звучать новые голоса. Правда, звучали они еще робко, не делали погоды, но сам этот факт был в достаточной степени знаменательным.

Оказавшись в тупике, руководители американской внешней политики тем не менее продолжали искать выход на путях авантюры.

Одним из средств такой политики явилась пресловутая «программа обеспечения взаимной безопасности». В подготовленном государственным департаментом и министерством обороны США официальном издании этой программы необходимость ее принятия мотивируется следующим образом: 1) мир живет в эпоху больших социально-политических изменений, о чем свидетельствует тот факт, что «на протяжении немногим более 10 лет 21 нация с 750-миллионным населением, составляющим четвертую часть всего населения земного шара, сменила колониальное положение на независимость, и народы дру-

---

¹³ G. Kennan, *Russia, the Atom and the West*, L., 1958, p. 93.

гих стран также стремятся к этому»¹⁴; 2) существование «международного коммунизма, лидеры которого на протяжении двух десятилетий поставили под свой контроль, полностью или частично, 17 стран»¹⁵; 3) взаимозависимость Соединенных Штатов и других стран «свободного мира в военном и экономическом отношении»¹⁶. Аргументация, как видим, не оригинальная. Но даже в официальном документе его авторы не могут скрыть страха перед ходом истории, перед тем, что сотни миллионов людей «сменили колониальное положение на независимость». Ничего, кроме угроз, противопоставить этому империалисты не в состоянии.

Будучи вынужденной сбавить тон, американская дипломатия по-прежнему не желала отказываться от своей агрессивной, экспансионистской политики. В период 1957—1958 годов большое распространение в американской столице получила теория так называемой «ограниченной войны». В наиболее полном виде она была изложена тесно связанным с Рокфеллером публицистом и социологом проф. Генри Киссингером в его нашумевшей книге «Ядерное оружие и внешняя политика»¹⁷. «Угроза тотальной войны, — пишет Киссингер, — это такая плата за сдерживание (имеется в виду пресловутая политика «сдерживания». — В. З.), которая связана с чрезмерным риском... Важно разработать такую стратегию, которая оставляла бы место для возможности ограниченной войны. Создание готовности к ограниченной войне следует считать не проблемой выбора, а вопросом необходимости»¹⁸.

Ограниченная война, по мысли авторов этой доктрины, — это война, которая будет происходить в определенном районе с ограниченными целями и использованием ограниченных средств, хотя обязательно с употреблением ядерного оружия. Ограниченная война должна, как хотелось бы Вашингтону, помочь американскому империа-

---

¹⁴ «The Mutual Security Program (Fiscal Year 1959)», Wash., 1959, p. VI.

¹⁵ Ibid., p. VII.

¹⁶ Ibid., p. VIII.

¹⁷ H. A. Kissinger, Nuclear Weapons and Foreign Policy, N. Y., 1957.

¹⁸ Ibid., p. 62.

лизму в борьбе с народами, вступившими на путь национального освобождения.

Абсурдность этого очевидна. Опыт минувших войн нынешнего столетия убедительно показывает, что ограничить войну было очень трудно даже в условиях, когда еще не существовало атомного оружия. Ныне же это стало задачей еще более сложной.

Однако само по себе выдвижение концепций «ограниченной войны» взамен политики «отбрасывания» и «массированного возмездия»—весьма симптоматично. Оно свидетельствует о том, что в период пребывания у власти правительства республиканской партии в мире произошли изменения, что американскому империализму явно пришлось поумерить свой пыл.

Значит ли это, что американский империализм отказался от своей агрессивной программы? Отнюдь нет. Показательной в этом смысле является книга, вышедшая в 1961 году в Нью-Йорке и написанная группой социологов, сотрудников научно-исследовательского института внешней политики Пенсильванского университета во главе с одним из виднейших идеологов американского империализма небезызвестным Р. Страус-Хюпе, «Передовая стратегия для Америки».

Обосновывая необходимость борьбы с СССР, Р. Страус-Хюпе и его коллеги не скрывают своего страха перед мирным соревнованием двух систем. «Если Советы,— пишут они,— сумеют убедить большинство населения земного шара в том, что советско-американское столкновение является главным образом борьбой между экономическими системами— между социалистическим сотрудничеством и капиталистической эксплуатацией,— то наши задачи в идеологическом конфликте будет труднее разрешить. Дело в том, что в слаборазвитых районах, как правило, признается определенная степень социализма и государственного планирования. В большинстве случаев общее представление об обществе свободного предпринимательства, которое во многих местах земного шара связывают с Соединенными Штатами, не находит большого числа сторонников в Азии, Африке и в значительной части Латинской Америки»¹⁹.

---

¹⁹ R. Straus-Hupe, W. Kitner and S. Possony, *Forward Strategy for America*, N. Y., 1961, p. 267.

После столь откровенного заявления идеологи термоядерной войны развертывают свою программу. «Мы считаем,— пишут Р. Страус-Хюпе и его коллеги,— что постоянное сосуществование между столь коренным образом противоположными системами... невозможно»²⁰. «Мы не можем позволить выжить политической системе, которая обладает как все возрастающими возможностями, так и непреклонной волей уничтожить нас»²¹. «Соединенные Штаты не могут отказаться от того, чтобы первыми использовать атомное оружие. Такое самоограничение чревато катастрофой»²². Р. Страус-Хюпе и его коллеги объявляют химерой план всеобщего и полного разоружения. Более того, по их мнению, именно соревнование в области вооружений «может привести к удивительно устойчивой стратегической ситуации»²³.

Программа, развернутая в книге «Передовая стратегия для Америки», в особых комментариях не нуждается. Это программа оголтелых агрессоров, готовых со страху перед неодолимым ходом истории ввергнуть мир в пучину ядерной катастрофы.

Появление подобного «труда», та высокая оценка, которую он получил на страницах прессы монополий, то очевидное влияние, которое оказывают концепции его авторов на вашингтонских руководителей, свидетельствуют о том, что правящие круги США с большим трудом усваивают уроки истории.

Тем не менее к концу пребывания у власти некоторые руководящие деятели республиканской партии, набив на своих лбах множество шишек, начали доходить до той истины, что прошибать стену лбом — не есть доказательство политической мудрости.

Ход событий чрезвычайно убедительно показал, что разговаривать с Советским Союзом языком ультиматумов — вещь по меньшей мере бесполезная. «Жесткая» политика, политика «сдерживания», политика «освобождения», доктрина «массированного возмездия» — все эти изобретения вашингтонских умников лопнули, как мыльные пузыри. Империалисты не только не смогли

---

²⁰ R. Straus-Hupe, W. Kitner and S. Possony, A. Forward Strategy for America, p. 142.

²¹ Ibid., pp. 4—5.

²² Ibid., p. 35.

²³ Ibid., p. 406.

«сдержать» и даже «отбросить» назад социалистическую систему, как они того хотели, но им не удалось (и не могло удасться) хотя бы в какой-то степени предотвратить бурное развитие и замечательные успехи социалистических стран.

В результате «позиция силы», с которой империалисты хотели бы проводить свою политику в отношении социалистических стран, оказалась не более чем иллюзией. Успехи Советского Союза в ракетостроении, являющиеся следствием замечательных достижений советской промышленности и науки, всего советского социалистического строя, навсегда отбросили в прошлое те времена, когда американские агрессивные круги, подготавливая и развязывая войну в той или иной части земного шара, могли рассчитывать на собственную неуязвимость, на преимущества географического положения или атомную монополию Соединенных Штатов.

О выводах, которые делают из этого американские круги, красноречиво говорит журнал «Прогрессив». «Вести себя в международных делах так, будто за последнее десятилетие не произошло никаких изменений в мировом соотношении сил,— пишет он,— значит строить американскую внешнюю политику на опасных фантазиях, которые наносят вред нам самим. Настойчивые утверждения, что мира можно достигнуть, только добившись принятия Советским Союзом всех наших требований,— один из основных просчетов американской внешней политики... Мы сделали бы большой шаг вперед, если бы стали развивать не фантастические панацеи, а терпимые отношения со страной, с которой мы будем либо вместе жить, либо вместе погибнем»²⁴.

Говорят, что политика — это искусство считаться с реальностью. Это искусство, очевидно, дается далеко не всем вашингтонским деятелям. Однако реалистически мыслящие политики начали понимать необходимость перемен во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов. «Мы очутились в новом положении, которое в корне отличается от прежнего, когда были приняты некоторые из самых важных принципов нашей внешней политики»²⁵, — пишет Уолтер Липпман. А его коллеги Пирсон и

---

²⁴ «Progressive», March, 1958.

²⁵ «New York Times», Oct. 19, 1958.

Андерсон расставляют все точки над «и», заявляя, что Соединенные Штаты должны менять свою внешнюю политику, так как она «не может больше основываться на «позиции силы», поскольку такой позиции, учитывая растущую экономическую, научную, техническую и военную мощь Советского Союза, не существует»²⁶.

В результате изменений в соотношении сил на международной арене и вызванных этим сдвигов, происходящих в самых различных слоях американского общества, в том числе и среди влиятельных кругов делового мира, в конце 1958 и особенно в 1959 году республиканская администрация попыталась внести коррективы в концепции, которыми она руководствовалась в осуществлении внешней политики на протяжении первых шести лет своей деятельности, концепций, на которых основывалась внешняя политика США весь послевоенный период.

Именно в этот период в Вашингтоне стали иногда прислушиваться к тем голосам, которые рекомендовали более разумный подход к внешнеполитическим доктринам. Истерические выкрики времен Даллеса сменились попытками перейти к нормальной дипломатии. Усилились американо-советские контакты. Вашингтон пошел на такой важный шаг, как приглашение главы Советского правительства. Планировалась поездка президента США в Советский Союз.

Реакционные круги США, крайне напуганные перспективой улучшения советско-американских отношений, ослабления международной напряженности, что ставило под угрозу их военные барыши, немедленно мобилизовали свои силы и сделали все для того, чтобы вновь вернуть правителей США на прежние позиции, что, как известно, им в немалой степени удалось.

Но тем не менее нельзя пройти мимо того факта, что правительство Эйзенхауэра в последний период своего пребывания у власти пыталось осуществить некоторую корректировку своего внешнеполитического курса. Это было вызвано отнюдь не благими намерениями руководящих деятелей Вашингтона, а тем, что даже этим не слишком дальновидным деятелям после нескольких лет систематических неудач и провалов стало ясно, что внешне-

---

²⁶ D. Pearson and J. Anderson, U. S. A.—Secord-Class Power? N. Y., 1958, p. 153.

политический багаж, с которым республиканцы пришли к власти и действовали с первого дня пребывания в Вашингтоне, оказался нереалистическим и несостоятельным.

2. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ ЭЙЗЕНХАУЭРА

Точно так же, как правительство республиканской партии не выполнило предвыборное обещание о проведении мирной внешней политики, оно не выполнило обещания и об экономическом процветании США.

«Главная страна капитализма — США — за пять лет испытала два кризисных падения производства, а всего за послевоенный период там было отмечено четыре таких спада. В 1957—1958 годах кризис захватил страны, на долю которых приходится почти две трети промышленной продукции капиталистического мира. При баснословном увеличении доходов монополий реальная заработная плата трудящихся росла крайне незначительно, гораздо медленнее, чем производительность труда. Социальные завоевания рабочего класса, достигнутые в прошлом, постепенно сводятся на нет»²⁷.

Единственной заботой правительства Эйзенхауэра было обеспечение процветания ведущих монополистических групп американского капитала.

Подобный курс правящих кругов не замедлил сказаться. Первые же мероприятия республиканской администрации привели к быстрому росту прибылей монополистов. Увеличились барыши крупнейших концернов.

За период с 1951 по 1956 год среднегодовой процент прибыли для корпораций с активами свыше 100 млн. долл. составлял 12,8%, в то время как для компаний, активы которых не превышали 250 тыс. долл., он был не более 6,9%²⁸.

1957 год ознаменовался в американской экономике началом спада, наиболее существенного за весь послевоенный период. Это сказалось на уровне прибылей моно-

---

²⁷ Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС, «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», I, Госполитиздат, 1962, стр. 25—26.

²⁸ «Economic Notes», 1957, Apr.

полистов, которые несколько уменьшились, составив 43,4 млрд. долл.²⁹ Однако необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, сокращение это было отнюдь не столь существенным, как падение производства. Прибыли монополистов в кризисном 1957 году превосходили их прибыли в характеризующихся высокой конъюнктурой 1950 (40,6 млрд.) и 1951 годах (42,2 млрд.)³⁰. А, во-вторых, при некотором сокращении общей суммы прибылей монополий США доходы крупнейших концернов, так же как и во время спада 1953—1954 годов, не только не упали, но, наоборот, увеличились. Так, 50 крупнейших промышленных корпораций США в 1957 году увеличили свои прибыли на 6%, в то время как доходы остальных 450 компаний, входящих в число основных, сократились на 4,4%³¹.

Особенно возросли прибыли компаний, работающих на Пентагон. Так, среди 50 концернов, чьи доходы в 1957 году увеличились, на первом месте стоят компании «Дженерал дайнэмикс», «Боинг эйрплейн компани», «Норт америкен авиэйшен» и «Юнайтед эйркрафт корпорейшн», захватившие в свои руки основную часть заказов в области ракетостроения, самолетостроения, электроники и т. п. Доходы этих компаний, несмотря на кризисный спад, увеличились на 20%³².

К этому следует добавить, что если в ряде, особенно не связанных с военным производством, компаний имело место некоторое сокращение прибылей, то на дивидендах, получаемых владельцами военных корпораций, это не отразилось или почти не отразилось.

Такое же положение имело место и в области финансовой. Если большинство банков страны испытывало в 1957—1958 годах серьезные затруднения, то 50 крупнейших банков США, концентрирующих в своих руках 38% активов и депозитов всех американских коммерческих банков, увеличили в 1957 году свои активы на 2,4%, депозиты—на 1,5%, а прибыли (после вычета налогов) — на 7,4%³³. 1958 год, несмотря на то что он весь прошел

---

²⁹ «Survey of Current Business», 1958, July.

³⁰ Ibid.

³¹ «Мировая экономика и международные отношения», 1959 г., № 2, стр. 127.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 128.

под знаком серьезного спада, принес крупнейшим компаниям немалые барыши.

Такое положение, когда даже в условиях экономических затруднений прибыли ведущих корпораций США продолжают оставаться на чрезвычайно высоком уровне, в значительной степени объясняется системой промонополистических мероприятий, осуществленных республиканской администрацией. Проведение в жизнь одного только «плана Вильсона», результатом которого была концентрация львиной доли военных заказов в руках узкой группы крупнейших компаний, дало возможность этим компаниям положить в свой карман десятки миллиардов долларов.

О том, что принесла монополиям налоговая реформа, осуществленная правительством Эйзенхауэра, проводившего настойчиво и последовательно курс на всеобщее снижение налогообложения корпораций, в достаточной степени красноречиво свидетельствует следующая таблица.

Таблица 3

**Динамика подоходного налога,
выплачиваемого крупнейшими монополиями США
(в % к обороту по реализации)**

Наименование монополий	1955 г.	1960 г.
«Дженерал моторз корпорейшн»	10,9	8,5
«Форд мотор компани»	9,5	6,6
«Крайслер корпорейшн»	3,6	1,1
«Юнайтед Стейтс стил корпорейшн»	8,9	7,3
«Бетлехем стил корпорейшн»	8,6	6,0
«Дженерал электрик компани»	5,9	4,6
«Вестингауз электрик корпорейшн»	2,9	3,4
«Дюпон (Е. И.) де Немур энд компани»	15,5	10,6
«Юнион карбид энд карбон корпорейшн»	11,9	8,4
«Стандард ойл компани (Нью Джерси)»	6,6	4,8
«Техас компани»	3,8	2,0
«Галф ойл корпорейшн»	5,7	4,2
«Гудйир тайр энд раббер компани»	4,9	4,3
«Алюминум компани оф Америка»	4,1	0,9
«Анаконда компани»	13,8	6,4

Источник: Н. Р. Вейцман, *Балансы железной пяты сегодня*, М., 1962, стр. 22.

«Крупный капитал,— отмечал орган американской Коммунистической партии журнал «Политикл афферс»,— никогда не считал экономический кризис абсолютным злом. В действительности монополистический капитал постоянно использовал периоды экономического спада, чтобы, разоряя мелких предпринимателей, усилить свое господство в экономике и увеличить свои прибыли, используя то влияние, которое оказывает массовая безработица на заработную плату и условия труда»³⁴.

Итак, как убедительно свидетельствуют все эти данные, руководителям крупнейших монополистических объединений США не приходилось сетовать на республиканскую администрацию. Их прибыли в 50-е годы, несмотря на то что за это время экономика США не раз испытывала серьезные затруднения, приводившие к сокращению производства, достигли рекордного за всю историю США уровня. И нет никакого сомнения в том, что немалую роль в этом сыграла продуманная и широкая система мероприятий, осуществлявшаяся правящей республиканской партией при явной и недвусмысленной поддержке другой партии американского крупного капитала — демократической, державшей в своих руках в течение значительного периода пребывания у власти республиканцев, контроль над конгрессом и потому имевшей при желании все возможности противодействовать промонополистическому курсу республиканцев. Однако, как показывают факты, такого желания демократы не проявляли, хотя в ходе избирательной кампании 1960 года не было недостатка в их различного рода демагогических заявлениях на сей счет.

Сделав страдания и лишения миллионов людей источником увеличения своих прибылей, американские монополисты вновь подтвердили слова, приведенные К. Марксом в «Капитале»: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 про-

---

³⁴ «Political Affairs», 1954, March.

центах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»³⁵.

* * *

Ну, а что же принесла политика республиканской партии трудящимся США?

Даже специальная комиссия американского конгресса вынуждена была в 1956 году признать, что в США насчитывается «3,7 млн. семей (включающих от 8 до 9 млн. человек), живущих на доход, не превышающий 1 тыс. долл. в год». И это в то время, когда, даже по официально установленному тогда прожиточному минимуму, для того чтобы свести концы с концами, средней семье, состоящей из четырех человек, необходимо было иметь 5465 долл. в год³⁶.

Можно себе представить, как жили миллионы людей, доход которых был в несколько раз меньше официального прожиточного минимума!

Так называемый «бюджет Геллера», исчисляемый американскими экономистами, из которого исходят приведенные выше цифры, отнюдь не предполагает каких-либо излишеств и рассчитан на весьма скромный образ жизни одной семьи, состоящей из четырех человек.

Таблица 4

Бюджет Геллера в 1954 году

(в долл.)

Налоги	484,73	Медицинская помощь	401,19
Питание	1 578,95	Страховые платежи .	326,62
Жилище	624,00	Развлечения	200,33
Содержание жилища	208,54	Книги и образование	37,76
Мебель	213,72	Профсоюзные взносы	44,40
Одежда	456,11	Другие расходы . . .	237,10
Транспорт	521,74		

Источник: «Economic Notes», 1955, Apr.

³⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, К. Маркс и Ф. Энгельс, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 770.

³⁶ «Economic Notes», 1956, March.

Одна из серьезнейших проблем для трудящихся США в годы республиканского правления заключалась в недостатке, а также в крайней дороговизне жилища.

Общее положение с жильем, констатируют авторы 14-го выпуска «Книги фактов о труде», характеризовалось двумя связанными друг с другом тенденциями: сокращением числа начатых строительством домов и ростом трущоб. Число начатых строительством домов, финансируемых частным капиталом, сократилось до 992 тыс. в 1957 году, то есть до самого низкого уровня после 1949 года. Хотя это число увеличилось в 1958 году до 1,1 млн., оно все еще оставалось на 6% ниже среднего уровня 1950—1956 годов, который составлял 1,2 млн., считавшегося специалистами по жилищному строительству минимально необходимым для замены негодных домов и обеспечения жильем растущего населения.

Значительную роль в этом уменьшении активности в строительстве домов сыграл непрекращающийся рост цен на дома. Национальная конференция по вопросам жилищного строительства указывала, что менее 30% американских семейств могли позволить себе купить и эксплуатировать новый дом по ценам того времени.

Неспособность республиканской администрации строить достаточное число домов приводила к быстрому росту трущоб. В статье, опубликованной в журнале «Форчун», говорилось, что, «поскольку старые дома приходят в негодность быстрее, чем их заменяют новыми, уровень жилищных условий в США по отношению к американскому доходу в настоящее время ниже, чем он был в 1929 году»³⁷.

Ухудшение жилищных условий американских трудящихся происходило не только потому, что жилищ строилось меньше, чем это необходимо в связи с увеличением численности населения и естественным износом жилого фонда, но и потому, что вновь строящиеся дома продавались по ценам, недоступным для подавляющего большинства (примерно для 75%) американских семей, а также потому, что в США очень высока квартирная плата как во вновь построенных, так и в давно используемых домах.

Так, за период с 1948 по 1960 год индекс квартирной

---

³⁷ См. «Fortune», 1957, Apr.

платы повысился на 41 пункт, в то время как общий индекс стоимости жизни возрос на 25 пунктов. Следовательно, квартирная плата за указанный период поднялась на 60% выше по сравнению с ростом цен на все виды товаров и услуг.

Расходуя огромные средства на военные цели, правительство Эйзенхауэра не предпринимало необходимых мер для строительства в нужном количестве жилых зданий, особенно в рабочих кварталах, не проявило никакой заботы об улучшении жилищных условий рабочих и их семей.

Во время правления Эйзенхауэра производственный травматизм принял огромные размеры. Согласно данным американских профсоюзов, в США каждые 16 секунд ранило американца на работе, каждые 4 минуты убивало или серьезно калечило рабочего, в результате чего ежегодно более двух миллионов американских рабочих оказывались ранеными, изувеченными или убитыми.

Республиканские власти не предпринимали ничего для того, чтобы справиться с этим бедствием. Почему? Да потому, что законы о технике безопасности заставили бы предпринимателей раскошелиться. Именно поэтому они не принимали никаких мер в этом направлении, а в промышленности ежегодно происходит 1,5—2 млн. несчастных случаев.

В то же время стоимость медицинского обслуживания в США неуклонно возрастала, и квалифицированная медицинская помощь превратилась для американских тружеников в серьезную проблему. С 1946 по 1956 год общая стоимость пребывания в больнице возросла на 132%. Плата за пребывание в больницах, услуги врачей и медикаменты также значительно вздорожали.

В годы правления республиканской партии особое беспокойство в США вызывает значительный рост безработицы. Практически весь период пребывания у власти правительства республиканской партии можно считать периодом весьма острой безработицы. Весной 1958 года число полностью безработных превысило 5 млн. человек. В последующий период безработица продолжала оставаться чрезвычайно острой проблемой, а резервная армия безработных находилась на наиболее высоком в послевоенный период уровне.

Характерной особенностью периода, последовавшего за кризисным спадом 1957—1958 годов, является то, что восстановление активности промышленности не сопровождалось, как это обычно имеет место, рассасыванием армии безработных. Массовая безработица продолжала сохраняться на протяжении всего последующего периода.

Это явление, будучи порождением и неотъемлемым свойством капиталистической системы хозяйства, было связано вместе с тем в немалой степени с серьезными, чреватými самыми существенными последствиями, процессами технического перевооружения американской промышленности. «Технический прогресс,— подчеркивает Программа КПСС,— в условиях господства монополистического капитала оборачивается против рабочего класса. Применяя новые формы, монополии усиливают эксплуатацию рабочего класса. Капиталистическая автоматизация вырывает кусок хлеба у рабочего — растет безработица и снижается жизненный уровень»³⁸.

Проблема автоматизации в США являлась и является сейчас не только одной из наиболее острых экономических проблем, но и проблемой, имеющей огромное политическое и социальное значение. На автоматическое оборудование перед второй мировой войной приходилось около 2% всех расходов предприятий, в 1954 году на эти цели было израсходовано около 2,5 млрд. долл., или 10% всех расходов предприятий, а в 1955 году—5,6 млрд долл.³⁹

Кризисные спады ведущие корпорации использовали для того, чтобы осуществить техническую реконструкцию своих предприятий, внедрив значительное количество автоматики и заменяя везде, где это возможно, рабочих автоматизированным оборудованием. Монополисты многих отраслей считают немалые капиталовложения на автоматику целесообразными. Сравнительно высокий уровень заработной платы американских рабочих делает рабочую силу в США дорогостоящей, в результате предприниматели полагают, что затраты на автоматизацию окупятся за счет значительного сокращения рабочей

³⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., Госполитиздат, 1961, стр. 28.

³⁹ «Производительность против рабочего класса в странах капитала», М., 1956, стр. 200.

силы. Не упускается из виду и политический аспект вопроса — предприниматели предпочитают лучше иметь дело с роботами, не ропшущими на эксплуатацию, чем с живыми людьми.

Что же касается судьбы миллионов людей, теряющих работу, то этим капитализм не интересуется. Прибыль, соображения бизнеса, а не благополучие тех, чьими руками и талантами создаются все ценности, в том числе и новейшие автоматические линии, определяют все в капиталистическом обществе. Вопиющие противоречия и несправедливость капиталистического способа производства предстают в этом, острейшем для сегодняшних США, конфликте с огромной наглядностью.

Монополисты, поддержанные правительством Эйзенхауэра, пытались успокоить трудящиеся массы при помощи самой дешевой демагогии. Национальная ассоциация промышленников (НАП) призывала рабочих взирать в будущее «с надеждой в своем сердце». «Автоматизация,— говорится в одном из памфлетов НАП,— волшебный ключ к созиданию... Талант и искусство рабочего будут по-прежнему заслуживать вознаграждения в сказочной стране грядущего мира»⁴⁰. Однако этот фальшивый оптимизм не мог заглушить растущую тревогу и неуверенность в завтрашнем дне среди американских рабочих и служащих, наблюдавших быстрые темпы замещения рабочей силы автоматическим оборудованием.

Выборочный анализ 12 различных случаев автоматизации показал сокращение занятости от 13 до 92% и в среднем на 63,4% при росте производительности от 14 до 1320% и в среднем на 382%. На заводе-автомате по производству моторов компании Форда в Кливленде 10% прежнего количества рабочих производили в два раза больше продукции, чем все рабочие до введения автоматизации. На одном из радиозаводов в результате автоматизации сборки двое рабочих монтировали 1 тыс. приемников вместо 200⁴¹.

Перед лицом таких фактов американские рабочие и

---

⁴⁰ W. Bloombery, *The Age of Automation. Its Effects in Human Welfare*, N. Y., 1956, p. 10.

⁴¹ «Automation and Technological Change (A. T. C.). Hearings before the Subcommittee on the Economic Stabilization of the Joint Committee on the Economic Report. Congress of the U. S.», Wash., 1955, pp. 367—368.

служащие не могли разделять оптимизм НАП по поводу последствий автоматизации.

Лицемерие этих заявлений особенно разительно, если учесть, что монополисты хладнокровно использовали автоматизацию для экономического и политического давления на рабочий класс. Не случайно один из апологетов монополий Пауль Эйнзиг писал в книге «Экономические последствия автоматизации»: «Смягчая последствия полной занятости, автоматизация ведет к восстановлению промышленной дисциплины и препятствует возникновению безответственных забастовок»⁴².

Присваивая себе все выгоды автоматизации, монополии стремились взвалить на рабочий класс издержки, связанные с переобучением и миграцией рабочей силы, а также бремя безработицы. Один из исследователей автоматизации предостерегал, что «вызываемая ею безработица будет, исходя из современных представлений, очень велика, устойчива и совершенно беспрецедентна по масштабам своего воздействия»⁴³.

Капитализм не в состоянии поставить технический прогресс на службу человеку. Капиталист не мыслит использовать его для сокращения рабочего дня, облегчения труда рабочих при сохранении и улучшении жизненного уровня трудящихся — это доступно только обществу социалистическому, обществу, целью которого является не максимальная прибыль, а максимальное удовлетворение нужд людей. Поэтому стремительная и все убыстряющаяся автоматизация производственных процессов, возникновение цехов и целых заводов, обслуживаемых минимальным количеством людей, создает одну из самых острых проблем капиталистического мира, проблему, острота которой будет возрастать с каждым годом.

Соединенные Штаты Америки — самая развитая страна капиталистического мира — столкнулись с этим раньше других капиталистических стран. Кризис 1957—1958 годов перевел этот вопрос из сферы теоретической в область практическую, создав проблему, которой, судя по всему, суждено в ближайшие годы стать едва ли не важнейшей для экономической и политической жизни США.

⁴² P. Einzig, *The Economic Consequences of Automation*, L., 1956, p. 24.

⁴³ W. Bloomery, *The Age of Automation. Its Effects in Human Welfare*, p. 9.

Во всяком случае, в США возникла многомиллионная постоянная армия безработных, существование которой не находится в прямой связи с той или иной конъюнктурой, имеющей место в экономике США.

Несомненно, что влияние автоматизации на занятость в США будет в течение 60-х годов значительно более сильным по своим масштабам, чем в течение 50-х годов. Официальный орган АФТ — КПП писал: «Уроки развития автоматизации в течение 50-х годов — это лишь первые буквы в алфавите намного более сложной проблемы 60-х годов. Опасность теперь имеет больший размер, сфера ее деятельности шире и темпы ее развития быстрее, чем в течение последних десяти лет... То, что в течение 50-х годов поражало в основном шахтеров, железнодорожников и фабричных рабочих, начало распространяться на конторских работников, служащих государственных учреждений, лаборантов, продавцов. Даже юрист и картограф, медицинская сестра и рабочий дорожного строительства, страховой и банковский служащий будут чувствовать влияние автоматизации»⁴⁴.

В первые годы развития автоматизации предприниматели в восторге предсказывали, что автоматизация — это «магический ключ» к «наступающему сказочному земному раю».

Жизнь показала всю несостоятельность этих убаюкивающих разглагольствований. Автоматизация и связанные с ней последствия становятся для современного капитализма одной из фатальнейших проблем.

Положение миллионов безработных в США поистине трагично. Они вынуждены влачить жалкое существование, перебиваясь случайными заработками и пособиями по безработице. При этом такие пособия не покрывают даже самых необходимых нужд и составляют не более 30% заработка рабочего. Но даже и это небольшое пособие получает лишь часть американских безработных. А по мере развития в американской экономике очередного кризисного спада в ряды этой трагической армии обездоленных вливаются все новые и новые сотни тысяч людей.

Официальная статистика США всегда преуменьшала численность безработных, не учитывая, как правило, давно потерявших работу и отчаявшихся найти вновь

---

⁴⁴ «The American Federationist», 1961, Aug.

постоянный заработок. Так, по официальным данным, в 1959 году в США было 3,8 млн. безработных. Кроме того, приведенные данные не включают полубезработных, а их в середине 1959 года официально насчитывалось свыше 9,7 млн. человек. Таким образом, результаты деятельности республиканской администрации в области решения проблемы занятости были более чем плачевными, безработица не только не уменьшилась, но достигла еще более внушительных размеров.

Официально страхование по безработице распространялось на 75% общего количества работающих по найму в США. Согласно закону, страхование не распространяется на сельскохозяйственных рабочих и ряд других многочисленных категорий трудящихся. Но и для тех групп, которые охвачены страхованием, установлены многие ограничения и изъятия. Пособия не выдаются работавшим до увольнения неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, а также имеющим случайный заработок. Вследствие этого число лиц, на которых распространяется закон по страхованию от безработицы, сокращается примерно до 30—33 млн. человек, что составляет лишь 55—60% рабочих и служащих США.

Но на этом ограничения не заканчиваются. В ряде штатов денежная помощь не оказывается безработным, если они не прожили в данном штате определенное время до потери работы. А таких насчитываются многие тысячи, поскольку в послевоенное время наблюдались крупные перемещения рабочей силы между штатами. Существенным препятствием для получения пособия является обязательность определенного непрерывного производственного стажа до потери работы.

Чтобы иметь право на получение пенсии или пособия, американские рабочие регулярно отчисляют в фонд социального страхования 2,5% заработной платы, причем эти взносы из года в год увеличиваются.

В последние годы доля рабочих и служащих в возмещении расходов на социальное страхование еще более увеличилась. Налог на нужды социального обеспечения стал взывкаться с предпринимателей по ставкам, которые в два раза ниже, чем ставки для трудящихся.

Приход к власти в 1960 году демократической партии ничего не изменил. Щедрые обещания, данные демократами в пылу предвыборной борьбы с республиканцами,

так и остались обещаниями. В последующий период безработица в США продолжала расти.

Определенные круги предпринимателей не скрывали, что безработица рассматривается ими как средство для нажима на трудящихся, как своеобразный кнут, при помощи которого можно заставлять трудящихся повышать производительность, безропотно встречать наступление монополистов. Один из деятелей американской торговой палаты Уолтер Фэклер, выступая в конце 1959 года в сенате США, прямо заявил, что «безработица в некотором объеме может быть явно выгодной для экономики страны»⁴⁵. И, быть может, именно это заявление во многом объясняет ту неторопливость, которая была характерна для республиканской администрации в деле осуществления мероприятий, направленных на облегчение положения миллионов безработных.

Огромный рост прибылей монополий США связан прежде всего со все усиливающейся эксплуатацией широких масс трудящихся. Одной из форм этого усиления эксплуатации явилось введение все более изощренных потогонных систем труда. Потогонные системы труда, хорошо известные в Соединенных Штатах под названием «системы поторапливания» и системы «предельного напряжения», — это поистине бич американских рабочих. Предприниматели настолько ускоряли темпы труда, что это требовало невероятного напряжения всех сил рабочего.

Используя угрозу увольнения, капиталисты заставляли рабочих трудиться с предельным напряжением сил.

Результаты потогонной системы эксплуатации были поистине трагичны. Помимо огромного производственного травматизма имело место опасное ухудшение здоровья миллионов американских трудящихся.

Неблагоприятные условия труда, высокая степень его интенсивности являлись важнейшей причиной огромного количества нервных заболеваний. Из общего числа больных, поступавших в больницы США, 54% госпитализировались в психиатрических лечебницах. Число психически больных ежегодно увеличивалось как абсолютно, так и относительно.

---

⁴⁵ «New York Times», Oct. 6, 1959.

Все, что сказано выше, свидетельствует о явно пассивном балансе деятельности администрации республиканской партии США на всем протяжении ее пребывания у власти. Имеется немало признаков того, что и сами заправилы республиканцев не смогли уйти от сознания своего полного банкротства, банкротства своей политики.

Один из показателей этого — появление в самом конце пребывания у власти правительства республиканской партии документа, который нельзя расценить иначе, как признание по существу банкротства как внешней, так и внутренней политики, осуществлявшейся правительством Эйзенхауэра. При этом характерно, что составление этого документа было предпринято по прямому указанию Эйзенхауэра, а авторов документа, о котором идет речь, даже самый пристрастный человек не может заподозрить в желании осуждать теоретические концепции и практику Вашингтона. Речь идет о документе, известном под названием доклада о национальных целях США. История появления этого документа связана с тем, что к концу пребывания у власти правительства Эйзенхауэра идеологи Вашингтона заговорили о том, что все неудачи американской политики внутри США и на международной арене связаны с тем, что у США нет ясно сформулированных национальных целей. В связи с этим в феврале 1960 года Эйзенхауэр создал специальную комиссию, перед которой поставил задачу «сформулировать цель американской нации», определить, за что США должны бороться в предстоящее десятилетие.

Характерно, кому было поручено составить доклад о национальных целях Америки. В состав комиссии вошли преимущественно представители крупнейших монополий и военщины. Так, вице-председателем комиссии был Ф. Пэйс — в то время глава совета директоров «Дженерал дайнэмикс». В состав комиссии также вошли Кроуфорд Х. Гринуолт — президент компании «Дюпон де Немур»; Э. Д. Кэнхэм — президент Американской торговой палаты; бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО отставной генерал А. Грюнтер, а также глава профсоюзного объединения АФТ—КПП Дж. Мини.

Как указывается в предисловии к докладу, работа

его составителей финансировалась фондами Форда и Рокфеллера, стальной монополией США «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», а также фондом компании «Дженерал моторз».

Все это и определило характер доклада специальной президентской комиссии, которая, по мысли американских монополий, должна была найти такие пути к прекращению упадка и загнивания капиталистической системы, которые дали бы возможность капитализму успешно противостоять крепнущему день ото дня миру социализма.

Успехи социализма и растущая широкая популярность его идей вызвали страх и тревогу у авторов доклада и по сути дела явились основной причиной для их «теоретических исследований». Уже в предисловии к докладу авторы прямо признают, что успешному развитию мира социализма способствуют «огромная и быстро растущая мощь Советского Союза, его колоссальная способность к политической организации и пропаганде, а также широкая привлекательность коммунистической доктрины для народов, жаждущих быстро избавиться от нищеты»⁴⁶.

Отметив, что с 1946 года более миллиарда человек в странах Азии и Африки освободились от колониального господства, авторы доклада пишут: «Исторически сложившаяся предвзятость к западным нациям, несовершенная экономика, неопытность в самоуправлении и чрезмерные надежды создают в этих странах благоприятную почву для восприятия коммунистических идей и их торжества. Этот тревожный поток событий определяет важность стоящих перед нами проблем»⁴⁷.

Какие же цели стоят, по мнению авторов доклада, перед Соединенными Штатами в 60-х годах?

Собственно говоря, все «теоретические упражнения» авторов доклада кончаются на том, что они провозглашают основными целями нации принципы, изложенные в американской декларации независимости, и, игнорируя сегодняшнюю американскую действительность, в обычном для американской пропаганды духе утверждают, что США — страна «равных возможностей для всех», «страна самой справедливой демократии».

---

⁴⁶ «New York Times», Nov. 27, 1960.

⁴⁷ Ibid.

Новым является лишь то, что авторы доклада взялись всерьез утверждать, будто бы США «ближе, чем когда-либо, подошли к бесклассовому обществу»⁴⁸.

Однако вся эта пропагандистская шелуха большей частью опровергается многими примерами из сегодняшней американской практики, которые содержатся в самом докладе. Фактически громкое название «цели нации» не оправдывается содержанием доклада, который скорее представляет собой смесь демагогических фраз и рекомендаций для решения ряда текущих политических и экономических проблем, стоящих перед США.

Доклад интересен содержащимися в нем признаниями, и прежде всего тем, что он является изложением взглядов американских монополистов на то, каким путем должно идти будущее развитие политики и экономики США.

Так, в первой части доклада, озаглавленной «Цели внутри страны», говоря о проблеме безработицы, авторы предлагали: «Мы должны добиваться того, чтобы безработица была постоянно на уровне около 4% от общего количества рабочей силы»⁴⁹, то есть около 2,6 млн. человек.

Что касается вопроса об улучшении состояния американской экономики, авторы доклада по сути дела вообще не предлагали никаких новых серьезных мер, за исключением общих фраз о необходимости поддержания «уравновешенной экономики». Любопытно, что глава концерна Дюпонов Гринуолт в специальном примечании к экономическому разделу доклада открыто требовал снижения налогов на монополии под предлогом того, что высокие налоги «ослабляют инициативу тех мужчин и женщин, которые отвечают за прогресс наших деловых предприятий», и «угрожают процветанию американской экономики»⁵⁰.

В разделе доклада, посвященном сельскому хозяйству США, признавалось, что свыше 1,5 млн. фермеров получало ежегодный доход от своих ферм в сумме, меньшей, чем 1,5 тыс. долл., и влачило жалкое существование в «стране всеобщего процветания». «Мелкие фермеры бросают заниматься сельским хозяйством. Сейчас по сравнению с 1950 годом в стране на 1 млн. меньше фер-

⁴⁸ «New York Times», Nov. 27, 1960.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

мерских хозяйств»⁵¹. По мнению авторов, процесс разорения мелких фермеров, сгоняемых с земли крупными сельскохозяйственными монополиями, «является вкладом в рост нашей экономики и в конечном счете ведет к более здоровому сельскому хозяйству»⁵². Поэтому в докладе предлагалось, чтобы правительство в будущем поощряло процесс сгона с земли мелких фермеров. «Для них, — рекомендовал доклад, — должны быть найдены новые возможности с помощью размещения промышленных предприятий в сельскохозяйственных районах страны»⁵³.

В разделе, посвященном состоянию науки и технологического прогресса в США, доклад выражал беспокойство отставанием американской науки от советской и рекомендовал «приложить новые усилия для ликвидации этого отставания». При этом авторы доклада подчеркивали: «Мы должны отдавать главное предпочтение тем аспектам науки и технологии, которые увеличат нашу военную мощь... Этими целями должны руководствоваться также наши гражданские программы и политика в отношении космических полетов»⁵⁴.

Таковы были «соображения» теоретиков американских монополий в области внутренней политики.

Вторая половина доклада была посвящена изложению рекомендаций в области внешней политики США. Несмотря на то что американский избиратель на президентских выборах 1960 года довольно ясно показал, что он ждет от правительства реалистической политики, направленной на прекращение «холодной войны», достижения разоружения и общей разрядки международной напряженности, авторы доклада, который был опубликован через несколько дней после выборов, излагали совершенно противоположную стремлениям американского народа программу. «Любой ценой, — указывалось в докладе, — мы должны содержать стратегические и тактические вооруженные силы достаточной мощности... Мы должны быть готовы приносить жертвы, необходимые для оплаты растущей стоимости таких военных возможностей»⁵⁵. Доклад призывал США бороться за усиление

---

⁵¹ «New York Times», Nov. 27, 1960.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

«интеграции европейских членов НАТО. Наши другие военные блоки и союзы на Ближнем и Среднем Востоке и в Азии должны также постоянно укрепляться»⁵⁶.

В качестве целей американской политики на Дальнем Востоке доклад рекомендовал продолжать поддерживать чанкайшистскую марионетку, южнокорейский режим, а также программу военной и экономической «помощи» странам Юго-Восточной Азии. Авторы доклада призывали к усилению враждебной политики против КНР.

Касаясь положения в Организации Объединенных Наций, доклад выражал серьезное беспокойство по поводу того, что «растущий блок голосов, принадлежащих новым и нейтральным членам этой Организации, может привести к тому, что ООН начнет принимать решения, противоречащие нашим интересам»⁵⁷.

Сам факт попытки сформулировать хотя бы в последний момент свои «национальные цели» свидетельствует о растерянности, царившей в Вашингтоне в последние месяцы пребывания у власти правительства республиканской партии, страхе, который испытывали и испытывают правители крупнейшего государства капиталистического мира в связи с явным отставанием в мирном соревновании с социалистическими странами.

Таковы итоги деятельности республиканской администрации по отношению к подавляющему большинству американских избирателей, чье доверие оказалось жестоко обманутым.

Осуществляя целую систему мероприятий, последовательно проводя в жизнь программу, выгодную ведущим группам американского монополистического капитала, правительство республиканской партии при содействии и полном сотрудничестве заправил демократической партии в сенате и палате представителей всячески ограждало интересы этих групп, перекладывая все тяготы на плечи широких народных масс. Именно такая политика и позволила крупнейшим американским корпорациям за счет усиления гонки вооружений, за счет дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся, за счет наступления на их жизненный уровень, разорения и обнищания мил-

---

⁵⁶ «New York Times», Nov. 27, 1960.

⁵⁷ Ibid.

лионов трудящихся в условиях ухудшения экономического положения США не только сохранить, но и приумножить свои прибыли.

3. ТРУДЯЩИЕСЯ США УСИЛИВАЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Авантюристическая политика правительства республиканской партии на международной арене, приведшая к серьезным провалам и падению престижа США во всем мире, антинародный курс во внутренней политике, стремление переложить тяготы экономических неурядиц на плечи трудящихся, урезать права американского народа, всемерно раздувая антидемократическую истерию, значительное ухудшение положения трудящихся — все это вызвало серьезное недовольство широких масс политической правящих кругов страны.

«По мере того, как растут и развиваются противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы капиталистическим строем, растет число и сплоченность пролетариев, обостряется их борьба с эксплуататорами»⁵⁸.

Провалы внешней политики, вдохновляемой наиболее агрессивными кругами монополий, рост могущества и авторитета Советского Союза значительно активизировали борьбу самых широких масс американского народа против политики «холодной войны». Если под влиянием огромной, тщательно организованной и широко финансируемой пропагандистской кампании рядовой американец верил в мнимую «агрессивность» Советского Союза и в его слабость по сравнению с США, то ход событий взорвал это здание лжи, построенное реакционной пропагандой. Величественные успехи Советского Союза, блестящая плеяда спутников и ракет открыли американцам глаза на подлинное могущество СССР.

Шок, вызванный запуском первых спутников, сменился у американской общественности острым и непрерывно растущим интересом к жизни и успехам советского на-

---

⁵⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 9.

рода. За время, прошедшее после запуска первых спутников, рядовой американец узнал о Советском Союзе больше, чем за долгие годы перед тем. Реакции стало намного труднее сбывать свою клеветническую мешанину.

Трудно переоценить все значение этого сдвига в сознании миллионов американцев. Речь идет о серьезной психологической ломке, разрушении глубоко въевшихся представлений о «национальной исключительности» американцев, представлений, тщательно и активно культивировавшихся, имевших широкое распространение и оказывавших определенное влияние на американские политические доктрины и практику.

Без понимания всей глубины происшедших изменений, прежде всего обусловленных ставшими для американцев очевидными величественных успехов СССР, невозможно проследить корни тех далеко идущих политических процессов, которые несколько лет спустя привели Дж. Кеннеди к мысли о необходимости осуществления «мучительной переоценки» внешнеполитического курса.

В условиях, когда американская общественность пребывала в плену созданных буржуазной пропагандой иллюзий, могли действовать, получая поддержку немалого числа избирателей, политики, провозглашавшие необходимость «жесткого курса» по отношению к Советскому Союзу, ко всем социалистическим странам, объявлявших самую мысль о мирном сосуществовании двух систем — «национальным предательством». После того как иллюзии об американском превосходстве оказались развеянными и правда об успехах советского народа стала доходить до широких масс американского населения, почва для политического курса «бешеных» становилась все более зыбкой, все отчетливее пробивало себе дорогу более трезвое направление во внешнеполитическом курсе.

До поры до времени огромной пропагандистской машине американского империализма удавалось держать американцев в мире нереальных, искусственно созданных представлений о «слабости» СССР, «непрочности» социалистического лагеря, превосходящей военной, политической и экономической мощи США в послевоенном мире. Огромные успехи Советского Союза и других социалистических стран замалчивались, возможности США неимоверно преувеличивались, теории «американской исключительности» получили невиданное распростране-

ние. Нежелание верить, а желание знать—вот что характерно для американской общественности в последний период, знать правду о Советском Союзе и его политике, столько лет скрывавшуюся и извращавшуюся буржуазной пропагандой.

Результаты и последствия этого были явными и осязаемыми. Если сравнить обстановку, существовавшую в США в первые годы деятельности правительства республиканской партии, с обстановкой, сложившейся к концу второго четырехлетия ее пребывания у власти, то следует констатировать, что борьба народных масс против политики «холодной войны», против внешнеполитических авантюр монополий заставила барабанщиков «холодной войны» самым серьезным образом поумерить свой пыл, заставила их, выступая на американской политической арене, действовать значительно осторожнее.

Активизация борьбы трудящихся США за свои права, против реакционной политики правящих кругов США происходила в чрезвычайно сложных условиях. Разгул реакции, обстановка террора и преследования всех поднимающих голос протеста против бесчинств реакционеров, «черные списки», всеобщий сыск и взаимная подозрительность в значительной степени затрудняли деятельность прогрессивных организаций. В условиях, когда не только участие в какой-либо прогрессивной организации, но даже просто чтение прогрессивной литературы, посещение митинга, «нежелательные», с точки зрения маккартистов, знакомства могли привести к тому, что человек подвергался травле и преследованиям и, что особенно страшно в условиях возрастающей безработицы, увольнению с работы и лишался средств к существованию, в этих условиях, характерных для политической атмосферы США последних лет, требуются особые настойчивость и мужество для того, чтобы принимать участие в прогрессивной деятельности.

Необходимо иметь в виду и те огромные пропагандистские усилия американских монополий, которые они приложили для того, чтобы ввести в заблуждение трудящихся США, сбить их с толку, представить монополии не как врага, а как друга трудящихся, а наиболее стойких борцов за дело трудящихся — коммунистов — в качестве их врагов.

Следует сказать, что иллюзии в отношении американского капитализма давали себя знать и в послевоенный период.

Живучесть подобного рода иллюзий среди американского рабочего класса и то, что буржуазная пропаганда находит в его среде для себя почву, объясняется известной отсталостью американского рабочего движения, его сравнительно с численностью рабочего класса США слабостью, отставанием его политического самосознания.

Одной из важнейших причин отставания рабочего движения в США является то, что награбившая больше любой другой буржуазии американская буржуазия в состоянии подкупить большую, чем где бы то ни было, часть рабочего класса, его верхушку.

Эта «рабочая аристократия» многочисленнее в США, чем в какой-либо другой капиталистической стране, является базой для оппортунистов, социал-предателей, реакционных американских профбюрократов, стоящих на пути американского рабочего класса. Значительные слои американских рабочих не освободились еще от буржуазной идеологии, от веры в «исключительность» американского капитализма.

Еще одной причиной отставания американского рабочего движения является пестрота национального состава рабочего класса США, наличие в американском рабочем классе большого количества эмигрантов из многих стран, чем искусно пользуется американская буржуазия. Еще Ф. Энгельс, указывая на это обстоятельство как на препятствие для быстрого развития американского рабочего движения, писал: «...Эти пришлые рабочие разделены на бесчисленное множество национальностей и не понимают ни друг друга, ни в большинстве случаев местного языка. А... буржуазия умеет... натравливать одну национальность на другую... так что, думается мне, в Нью-Йорке встречается такая разница в жизненном уровне рабочих, о которой в других местах и не услышишь»⁵⁹.

С того времени, когда были написаны эти строки, положение с национальным составом американского рабочего класса в немалой степени изменилось, однако его

---

⁵⁹ Ф. Энгельс, Письмо Герману Шлютеру, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 44.

национальная разнородность и по сей день остается весьма значительной, чем беззастенчиво пользуется монополистический капитал США. На один из способов использования этого обстоятельства указывал, в частности, В. И. Ленин, писавший: «В Соединенных Штатах иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы»⁶⁰.

Одно из наиболее наглядных проявлений слабости американского рабочего движения — то, что в стране, где один из крупнейших по численности рабочий класс, до сих пор нет массовой рабочей партии и трудящиеся находятся в тенетах буржуазной двухпартийной системы. «Особенность американского рабочего движения, — отмечал У. Фостер в статье «Работа при двухпартийной системе», — заключается в том, что профсоюзы не имеют массовой рабочей или другой партии. В течение многих лет — по существу значительно более половины столетия — они в основном сосредоточивали свою политическую работу на голосовании за политические курсы и кандидатов двух традиционных буржуазных партий — демократической и республиканской — при упоре на первую»⁶¹.

Коммунистическая партия США — наиболее стойкий и последовательный борец за права американских трудящихся — находится все эти годы в исключительно трудных условиях. Она подвергается особенно ожесточенным преследованиям властей, местных и федеральных. На нее обрушили массовые аресты лидеров партии, заключение в тюрьмы и высылки ее активных деятелей, массовую засылку в ее ряды провокаторов и агентов ФБР, невиданную по своей интенсивности и бесстыдству клеветническую и пропагандистскую кампанию и, в довершение всего, объявление партии вне закона.

Все это применялось не только против членов партии, но и против всех ей сочувствующих, притом в условиях военной истерии и разнузданного маккартизма.

Политическая жизнь Соединенных Штатов сложна и противоречива. В силу исторических причин жизненный

⁶⁰ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 404.

⁶¹ «Political Affairs», 1959, Jan.

уровень в США оказался выше, чем в других капиталистических странах. Это позволило буржуазии спекулировать на «процветании», укрепило мелкобуржуазную идеологию в широких массах трудящихся. Прямым следствием всего этого явился «тот опасный факт, что позиции всемирного движения народов за гуманность и права человека, за демократию и мир слабее всего здесь, в США»⁶².

У. Фостер указывал также в качестве важнейшей причины трудностей, испытывавшихся Коммунистической партией США, характерные для всего американского рабочего движения в целом иллюзии «процветания» американского империализма. «С 1940 года Соединенные Штаты, главным образом в результате второй мировой войны и последующей реконструкции, переживали беспрецедентный промышленный бум... Кроме того, буржуазии пришлось пойти на улучшение экономических условий значительной части рабочего класса. Такая ситуация вызвала среди рабочих сильные иллюзии «процветания» (что проявилось в политическом благодушии, идеях «государства всеобщего благосостояния», «народного капитализма» и т. д.); в целом эти иллюзии порождали надежду, что не будет больше экономических кризисов, что массовая безработица ушла в прошлое, что капитализм автоматически становится прогрессивным режимом с «добрым правительством», что нет необходимости в социализме и т. д...

Такие пагубные иллюзии «процветания», хотя и недостаточные для пресечения роста профсоюзного движения, тем не менее вели к ослаблению боевого духа и социалистических устремлений трудящихся»⁶³.

Пройдя через многие трудности, компартия США укрепила ряды. «60-е годы, — отмечал состоявшийся в конце 1959 года XVII партийный съезд, — это период, в который американский народ делает огромный шаг вперед, ... во время которого наша партия и ее влияние могут возрасти во много раз, партия может стать массовой партией американского рабочего класса, авангардом в борьбе американского народа за мир и прогресс, осве-

---

⁶² Ю. Денис, Письма из тюрьмы, М., 1957, стр. 108.

⁶³ «Коммунист», 1958, № 4, стр. 77.

щающий путь к Америке братства и мирного труда, — социалистической Америке»⁶⁴.

«Коммунистическая партия в Соединенных Штатах Америки, — констатирует резолюция съезда, — вела успешную борьбу и разгромила ревизионистов, а также группу сектантских антипартийных догматиков. Несмотря на трудности, с которыми сталкивается партия, съезд выражает мнение, что он состоялся в новой атмосфере, которая обещает благоприятные возможности донести учение о социализме до американского народа»⁶⁵.

Верные своей борьбе за мир, отражая самые сокровенные чаяния трудящихся США, американские коммунисты наметили для себя программу дальнейшей борьбы за ослабление международной напряженности, борьбы с теми еще весьма влиятельными в Соединенных Штатах кругами, которые упорно сопротивляются всем попыткам покончить с «холодной войной», цепляются за обнаруживший свою несостоятельность даллесовский курс внешней политики.

Пропагандируя великие идеи марксизма-ленинизма, американские коммунисты, этот авангард рабочего класса Соединенных Штатов, выступают активными борцами за мир, поборниками мирного сосуществования двух систем. «Судьба мира во всем мире, — подчеркивается в резолюции, единодушно принятой съездом, — зависит сейчас прежде всего от улучшения отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, двумя самыми могущественными странами, обладающими огромным экономическим, техническим и военным потенциалом. Если отношения между нашей страной и Советским Союзом будут нормализованы, если они будут сотрудничать в поддержании мира, тогда мир во всем мире может оставаться нерушимым»⁶⁶.

Рост могущества и авторитета СССР и всего лагеря социализма, активизация борьбы американского рабочего класса против наступления монополий — все это создало новые возможности для успешной деятельности американских коммунистов, выражающих интересы и чаяния американского рабочего класса, действующих в интересах американского народа, руководствуясь исклю-

⁶⁴ «Political Affairs», 1960, Jan.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

чительно этими интересами и великими идеями марксизма-ленинизма. В этих условиях XVII съезд Коммунистической партии США наметил важные перспективы борьбы, в чем заключается большое значение этого съезда для рабочего движения США. Знаменательно, что в этот период имел место рост рядов Коммунистической партии США.

Итак, ставка реакции, не сумевшей уничтожить Коммунистическую партию лобовой атакой и пытавшейся взорвать ее изнутри, оказалась битой. В этом нашли свое отражение боевой дух лучших людей американского рабочего класса, их преданность марксизму-ленинизму, решимость до конца отстаивать права трудящихся.

В Отчетном докладе XXII съезду КПСС дана чрезвычайно высокая оценка героической борьбе американской Коммунистической партии. «Правда, в некоторых крупных капиталистических странах коммунистические партии пока еще малочисленны, — подчеркивает доклад, — Но разве это может умалить их историческую роль? Сильные сознанием правоты своего дела, коммунисты при всех условиях выступают как авангард рабочего класса. Известно, например, что в США число коммунистов невелико. Но эта крупнейшая капиталистическая держава со всем ее громадным военным и полицейским аппаратом боится партии коммунистов, чинит всяческие препятствия ее деятельности. Стало быть, небольшой отряд коммунистов США действует, как подобает марксистам-ленинцам! Тут можно сказать словами народной пословицы: „Мал золотник, да дорог“»⁶⁷.

Несмотря на разгул реакции, несмотря на то, что, стремясь не допустить роста рабочего движения, монополисты США использовали и «кнут», и «пряник», несмотря на то что на страже интересов монополистического капитала стоит вся американская государственная машина, борьба трудящихся за свои права, против наступления монополий на жизненный уровень народа приняла в годы пребывания у власти республиканской партии широкие масштабы.

---

⁶⁷ Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС, «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», I, стр. 34.

Одной из важных форм сопротивления рабочего класса антинародной политике монополий и их вашингтонских опекунов была стачечная борьба трудящихся, не затихавшая ни на один день, несмотря на то что на период 1953—1958 годов пришелся целый ряд особых трудностей, осложнивших стачечную борьбу.

С первых же дней существования республиканской администрации ей пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением трудящихся попыткам монополистов переложить тяжесть гонки вооружений и экономических неурядиц на плечи рядовых американцев.

Уже в январе 1953 года было отмечено существенное увеличение числа забастовок в США. Выдвигая требования повышения заработной платы, улучшения условий труда, ликвидации потогонной системы, рабочие одновременно ставили и политические требования, стремясь прекратить нападки на профсоюзы, восстановить несправедливо уволенных рабочих и т. д.

Усиление забастовочной борьбы встревожило монополию. «В настоящее время забастовки снова приводят к замедлению темпов производства, а иногда и вовсе к его прекращению»⁶⁸, — констатировал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала о причинах роста забастовочного движения в США: «Считают, что забастовки являются результатом стремления предпринимателей ввести более жесткие нормы. Некоторые официальные лица высказывают мнение, что страх предпринимателей перед снижением деловой активности усиливает их сопротивление требованиям профсоюзов и таким образом вызывает забастовки, которые в противном случае не возникали бы»⁶⁹.

Весьма знаменательным для этого периода фактом, свидетельствующим о росте политического самосознания американского рабочего класса, является заметный рост числа забастовок, участники которых выдвигают не только экономические, но и политические требования.

⁶⁸ «U. S. News and World Report», 1953, May 29.

⁶⁹ «Wall Street Journal», June 23, 1953.

Таблица 5

Забастовочная борьба в США в 1938—1959 годах

	1938 г.	1953 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.
Число забастовок (в тыс.)	2,3	5,0	4,3	3,7	3,7
Число участников (в млн.)	0,6	2,4	2,7	1,4	1,9
Количество потерянных дней (в млн.)	9,2	28,3	28,2	16,5	69,0

Источник: «Monthly Labor Review», 1955, May; 1956, May; 1957, May; 1959, March.

Немаловажным обстоятельством, связанным с забастовочной борьбой американских трудящихся, являлось то, что активное участие в этой борьбе приняли трудящиеся фермеры. Протестуя против грабительской практики крупных сельскохозяйственных компаний и оптовых торговых фирм, которые скупали продукцию фермеров за бесценок, а затем, пользуясь своим монопольным положением на рынке, продавали ее городским потребителям втридорога, фермеры организованно отказывались сдавать свою продукцию компаниям, требуя установления справедливых цен.

В 1957—1958 годах отмечалось некоторое сокращение числа забастовок: в 1957 году было объявлено 3,7 тыс. забастовки, в которых участвовало около 1,4 млн. человек; в 1958 году состоялось 3400 стачек, охвативших 2,2 млн. рабочих. Однако следует учесть, что 1957—1958 годы ознаменовались наиболее глубоким в послевоенный период экономическим спадом. В течение всего этого периода число полностью безработных находилось в пределах 5—7 млн. человек. Предприниматели рассчитывали, что такая массовая безработица, страх работающих очутиться за воротами предприятий, возможность в любую минуту найти рабочие руки, готовые на всякие условия, гарантируют их от сколько-нибудь серьезного сопротивления трудящихся. Но этим расчетам не суждено было сбыться.

Учитывая сложившуюся обстановку, можно говорить не об отливе забастовочной волны, а, наоборот, о стойко-

сти американских рабочих, которые в условиях массовой безработицы продолжали борьбу за свои права.

Показательным с этой точки зрения можно считать 1959 год. Безработица в этом году продолжала оставаться на весьма высоком уровне (около 4 млн. полностью безработных). Рост производства наряду с огромной армией безработных (что в значительной степени было связано с автоматизацией производства) — это было сочтено предпринимателями за выгодный момент для наступления на жизненный уровень и права рабочего класса. Однако трудящиеся дали отпор монополистам.

Как указывается в резолюции XVII съезда Коммунистической партии США: «Никогда еще со времени забастовочного движения в середине 30-х годов американский рабочий класс не знал такого усиления борьбы. Этот подъем забастовочного движения представляет собой борьбу с наступлением монополистов, которые хотят подорвать профсоюзное движение с помощью ограничительного законодательства и других средств. В то же время эта забастовочная борьба ярко опровергает утверждения руководителей АФТ—КПП, будто в США труд и капитал могут и должны гармонично сотрудничать»⁷⁰.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на наличие массовой безработицы, несмотря на то, что предприниматели попытались использовать созданную ими обстановку в интересах наступления на трудящихся, активная борьба рабочего класса США спутала карты реакции. Ее расчет на ослабление сопротивления трудящихся, на спад забастовочной борьбы не оправдался.

Последние годы также связаны с упорной стачечной борьбой американского рабочего класса. Постоянная армия безработных ни разу в 60-х годах не снижалась ниже уровня 4—4,5 млн. человек. Искусная социальная демагогия демократической партии, в которой в эти годы Вашингтон особенно изощрялся, в известной степени затрудняла забастовочное движение. Тем не менее и в эти годы данные о забастовках в американской промышленности выглядят в достаточной степени внушительно.

Так, по официальным данным министерства труда, в 1961 году имело место 3,3 тыс. стачек, в которых приня-

---

⁷⁰ «Political Affairs», 1960, Febr.

ло участие около 1,5 млн. человек, то есть на 130 тыс. человек больше, чем в предыдущем, 1960 году.

В 1962 году в США произошло около 3,5 тыс. забастовок, охвативших 1 млн. 250 тыс. рабочих. Простои в результате этих стачек составили 0,16% общего рабочего времени. В 16 стачках участие приняло 10 и более тысяч человек в каждой.

Стачечная борьба американского рабочего класса не оставляет камня на камне от проповеди реакционной верхушки правых профлидеров о «классовом мире» в Соединенных Штатах. О каком классовом мире можно говорить, когда, несмотря на самые неблагоприятные условия, рабочие организованно выступают против наступления монополий. В этих выступлениях залог дальнейшего усиления борьбы американского рабочего класса. Любая стачка, указывал В. И. Ленин, является маленьким кризисом капиталистического общества. «Каждый «небольшой» кризис, переживаемый таким государством, показывает нам в миниатюре элементы и зародыши боев, которые в период большого кризиса должны повториться в большом масштабе»⁷¹.

Активизация борьбы трудящихся США против наступления монополий, сотни забастовок, возникавших сплошь и рядом не только помимо, но и вопреки воле реакционного профсоюзного руководства, не могли не отразиться на позиции профсоюзной верхушки. Ввиду возникновения для реакционных профсоюзных лидеров реальной опасности потери влияния в массах в случае продолжения проводившейся ими в течение последних десятилетий политики полной и безоговорочной поддержки правительства и в связи с этим очутиться в положении генералов без армии, верхушка американского профсоюзного движения оказалась вынужденной предпринять ряд маневров и в конце концов под напором масс официально объявить о своей оппозиции внутренней политике правительства республиканской партии. Что же касается внешней политики, то здесь реакционные профлидеры остались на прежних позициях поддержки антисоветского агрессивного курса американских монополий.

---

⁷¹ В. И. Ленин, Доклад о революции 1905 года, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 319.

После прихода к власти правительства республиканской партии как руководители АФТ, так и руководители КПП пытались добиться благосклонности правительства и пойти с ним на сговор. Один из видных деятелей АФТ, председатель профсоюза водопроводчиков Мартин Даркин, стал членом кабинета в качестве министра труда. Реакционная профсоюзная верхушка подняла по поводу этого назначения шумную кампанию, назвав это назначение «обнадеживающим признаком» и напоминая, что во время правительства Гувера ни один профсоюзный деятель не занимал поста министра труда. Профсоюзные лидеры объявили, что это назначение является гарантией того, что новое правительство не пойдет по линии борьбы с профсоюзами.

Однако из этого сговора между реакционной профсоюзной верхушкой и правительством республиканской партии ничего не получилось. Основными причинами неудач являлись, во-первых, нежелание правительства идти на какие-либо, даже самые минимальные, уступки профсоюзам, без чего реакционное профсоюзное руководство не могло создавать даже видимости сотрудничества с правительством. Во-вторых, с самого начала своего пребывания у власти правительство Эйзенхауэра взяло такой откровенно антирабочий курс, что даже реакционные профлидеры, поскольку они не хотели разоблачать себя в глазах масс, не могли больше продолжать разговоры о «сотрудничестве».

И, наконец, третьей, и важнейшей, причиной, приведшей к тому, что руководство американского профдвижения заявило о своей оппозиции внутренней политике правительства, была значительная активизация борьбы широких масс рядовых членов профсоюзов, которые, не дожидаясь, когда профсоюзная верхушка определит свое отношение к правительству Эйзенхауэра, активно начали выступать против наступления реакции.

Одним из важнейших показателей увеличения активности и сознательности трудящихся США было усиление движения за профсоюзное единство среди самых широких слоев трудящихся. Раскол, существовавший в американском рабочем движении в течение многих лет, и наличие целого ряда профсоюзных объединений рабочего класса, действовавших независимо друг от друга и часто конкурировавших друг с другом, весьма затрудня-

ли борьбу американского рабочего класса, что помогало реакции.

Перед лицом усилившегося наступления реакции трудящиеся стали все более настойчиво требовать единства действий и приступили к организации такого единства снизу по своей инициативе.

К 1955 году борьба за единство профсоюзного движения приобрела большой размах, причем развивалась она вопреки воле реакционных профлидеров. При явном противодействии исполкома АФТ объединились профсоюз мясников и рабочих скотобоев (АФТ) и профсоюз рабочих меховой и кожевенной промышленности (КПП), произошло объединение и других профсоюзов.

В этих условиях профсоюзной верхушке под сильнейшим нажимом снизу пришлось предпринять шаги, направленные на объединение двух основных профцентров США. Даже буржуазная печать вынуждена была признать, что «общее стремление подавляющей части членов профсоюзов явилось главной причиной, заставившей лидеров АФТ и КПП решиться на объединение»⁷².

«Стремление к единству, — отмечал орган Коммунистической партии газета «Дейли уоркер», — должно прежде всего рассматриваться как результат опыта, полученного профсоюзами со времени прихода к власти правительства Эйзенхауэра. Растущая интенсивность нападков на профсоюзы и единодушное желание членов профсоюзов бороться против антирабочей политики правительства явились основным фактором, заставившим лидеров профсоюзов пойти на переговоры о слиянии»⁷³. Однако реакционные профсоюзные бонзы сделали все от них зависящее, чтобы это объединение не привело к усилению борьбы трудящихся против предпринимателей, чтобы не допустить представителей трудящихся к руководству новой организацией, чтобы факт объединения ничего не изменил в положении дел в американских профсоюзах.

В декабре 1955 года в Нью-Йорке состоялся объединительный съезд Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов. На этом съезде было провозглашено создание новой федерации, назван-

---

⁷² «New York Times», Dec. 21, 1955.

⁷³ «Daily Worker», Jan. 21, 1956.

ной Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов. Эта новая организация объединила 109 профсоюзов, входивших ранее в АФТ, и 32 профсоюза, являвшихся членами КПП. Членами АФТ—КПП стало около 15 млн. американских рабочих.

В принятом на объединительном съезде АФТ и КПП уставе по предложению Мини, которого активно поддержал Рейтер, было записано, что «федерация должна бороться против попыток коммунистических агентов подорвать ее». В уставе далее говорилось, что в АФТ—КПП не будет разрешено существование «любой организации, управляемой или контролируемой коммунистами или лицами, чья политика и деятельность направлены на осуществление программы или целей Коммунистической партии». Нетрудно догадаться, что под этот пункт устава может быть подведен любой профсоюз, выступающий против политической и тактической линии руководства АФТ—КПП. Тогда же, на съезде, по настоянию Мини, Рейтера и их приближенных была принята резолюция, одобряющая агрессивную политику «с позиции силы» и запрещающая обмен профсоюзными делегациями с СССР и другими социалистическими странами.

В руководстве новой федерации окопались все те же лидеры, которые возглавляли АФТ и КПП. Председателем ее стал бывший руководитель АФТ Джордж Мини. О том, что представляет собой этот «рабочий руководитель», можно судить по той характеристике, которую дал он себе сам. Выступая в декабре 1956 года перед членами Национальной ассоциации промышленников, Мини говорил: «Я никогда в жизни не участвовал в забастовке, никогда не организовывал забастовки, никогда не давал другим приказа организовать забастовку, никогда в жизни не пикетировал предприятия...»⁷⁴.

В соответствии с взглядами председателя АФТ—КПП были подобраны и его ближайшие помощники.

«Политическим советником» Мини является ренегат Ловстон, 30 лет назад исключенный из Коммунистической партии США за проповеди оппортунистических теорий классового сотрудничества.

На аналогичных позициях стоит и Рейтер: он весьма энергично «очистил» профсоюз рабочих автомобильной

---

⁷⁴ «American Socialist», 1958, Apr.

и авиационной промышленности от прогрессивных элементов и так же не устает проповедовать теории «классового мира», доказывать «общность» интересов пролетария и капиталиста. Именно Рейтер явился одним из соавторов предложенного папой Пием XII плана создания национальных отраслевых и заводских «промышленных советов» из представителей профсоюзов, предпринимателей и правительства. Эти советы должны были добиваться повышения производительности труда рабочих и, главное, «полубовно» урегулировать конфликты между трудом и капиталом.

В 1946 году, захватив власть в профсоюзе, Рейтер сразу же решил зарекомендовать себя перед монополиями «с лучшей стороны» и с этой целью выдвинул теорию «полной бочки», немедленно подхваченную всей буржуазной прессой. В чем суть этой теории? Профсоюзный босс объявил, что заработная плата трудящихся отнюдь не является составной частью всей стоимости, создаваемой трудом рабочего, как это неопровержимо доказал еще К. Маркс, а представляет собой лишь вычет из прибыли предпринимателя. Следовательно, чем выше прибыли капиталиста, тем выше и заработки рабочих.

Рабочий и капиталист — оба в равной степени — заинтересованы в процветании производства и повышении производительности труда. Задача рабочих — трудиться как можно более напряженно, дабы капиталист мог выколотить возможно большие прибыли; задача же профсоюзов — ратовать за увеличение производительности труда и доходов дельцов и следить за тем, чтобы из «полной бочки» перепадала рабочим причитающаяся им часть. «Я твердо убежден в том, что предприниматели должны получать прибыли, иначе они не смогут платить рабочим. Из пустой бочки нечего и взять», — откровенно высказывался по поводу этой теории один из сподвижников Рейтера, лидер профсоюза шоферов Дэйв Бэк.

«Теоретические изыскания» Мини и Рейтера широко пропагандируются буржуазной печатью США. Немало делает в этом отношении и сама АФТ — КПП, располагающая собственными газетами и журналами. Миллионы американцев ежедневно читают в газетах и журналах статьи, цель которых — убедить их в том, что эра «старого» капитализма в США закончилась, что наступила эра «нового», «народного» капитализма и ныне ра-

бочие и предприниматели являются уже не врагами, а «товарищами в общем деле».

Задача подобной пропаганды ясна: разоружить рабочий класс, ослабить его волю к борьбе, обмануть его лживыми посулами. Характерно, что теории «сотрудничества классов» с особым шумом выгаскиваются лидерами АФТ—КПП на свет всякий раз, как только в стране обостряется классовая борьба. Так, У. Рейтер широко использовал эти теории в 1955 году, когда на крупнейших американских автозаводах, принадлежащих «Форд мотор компани», «Дженерал моторз» и «Крайслер», началось обсуждение новых коллективных договоров.

Руководители американских профсоюзов все дальше отходят от широких масс трудящихся. По своим связям, психологии, образу жизни, они ближе к предпринимателям, чем к рабочим. Штаб-квартира Рейтера на Джефферсон-авеню в Детройте напоминает крепость: высокий, в два человеческих роста, забор, из-за которого доносится лай собак, два дюжих привратника у ворот... Рядовые члены профсоюза могут увидеть Рейтера в лучшем случае лишь на какой-нибудь официальной конференции или конгрессе. Карабкаясь все выше по ступенькам иерархической профсоюзной лестницы, Рейтер все более обогащался, беззастенчиво присваивал под теми или иными предлогами часть взносов, поступавших в кассу профсоюза. «Фонд профсоюза стал как бы его личным фондом, — сказал как-то о Рейтере Боноски. — Это старый трюк — заставить рабочих оплачивать собственную карьеру»⁷⁵. Эти слова в полной мере относятся к Мини и к другим заправилам АФТ—КПП.

Своеобразный рекорд в финансовых операциях вице-председатель АФТ—КПП установил в 1957 году. На очередном конгрессе профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности низовые профсоюзные организации, заинтересованные в том, чтобы помочь коллективам бастующих предприятий, предложили увеличить взносы в стачечный фонд. Рейтер немедленно выдвинул контрпредложение: надо, заявил он, увеличивать не стачечный фонд, а профсоюзные взносы, чтобы пла-

---

⁷⁵ Цит. по Ю. Корнилов, Мини и Рейтер — прислужники монополий, М., 1960.

тить более высокие оклады штатным работникам исполкома профсоюза. Тогда, мол, эти работники будут лучше защищать интересы трудящихся.

На съезде АФТ — КПП в 1959 году Джордж Мини настоял на повышении жалования самому себе с 35 тыс. до 50 тыс. долл.

Открытая погоня за высокими окладами вообще не считается в верхушке АФТ — КПП чем-то предосудительным. Напротив, американские профсоюзные боссы используют все и всяческие возможности, чтобы урвать из профсоюзных фондов кусок пожирнее. Доходы представителей профсоюзной бюрократии непрерывно растут. Так, Дубинский, лидер союза дамских портных, получает 26 тыс. долл. в год, Гаррисон, из союза железнодорожных служащих, — 60 тыс., Льюис, из союза горняков, — 50 тыс. долл.

Существуют и другие источники обогащения, используемые правыми профлидерами. Журнал «Форчун» весьма откровенно писал о доходах председателя АФТ — КПП: «Мини вырос в той среде Нью-Йорка, где взяточничество было обычным явлением, а уличная мораль состояла в признании того факта, что политический деятель получал свою долю, подрядчик получал хорошо оплачиваемый подряд от муниципалитета; таким образом, и профсоюзный руководитель также имеет право на свою долю. Тогда Мини закрывал глаза на это; почему бы ему не делать этого и теперь?»⁷⁶

Погоня за наживой толкает многих профбоссов на путь большого бизнеса, они стремятся стать совладельцами предприятий, и это приводит их на биржу, в кабинеты заправил различных компаний. Характерно, например, что А. Уитни, один из лидеров профсоюзов железнодорожников, оставил семье солидный капитал из акций железнодорожных фирм; бывший председатель КПП Ф. Мэррей был акционером многих предприятий; глава профсоюза шахтеров Д. Льюис имеет пакет акций угольных компаний. В американской печати несколько раз сообщалось о том, что Мини и Рейтер также владеют солидными пакетами акций, правда, не сами, а через подставных лиц.

---

⁷⁶ «Fortune», 1957, Dec.

Для того чтобы оправдать в глазах трудящихся безудержную погоню за высокими окладами, лидеры АФТ—КПП разработали даже целую теорию, получившую название теории «деловых профсоюзов». Суть ее сводится к следующему: профсоюзные руководители должны быть «на равной ноге» с руководителями корпораций, с которыми им приходится вести переговоры: это, мол, позволяет им чувствовать себя независимыми и лучше отстаивать интересы рабочих.

Лидеры АФТ—КПП действительно оказываются по своим доходам «на равной ноге» с руководителями корпораций; они отрываются от рядовых членов профсоюза, приобретают вкусы, привычки и взгляды буржуазии, ведут образ жизни, свойственный преуспевающим бизнесменам. И это вызывает восторг буржуазной печати. «Нью-Йорк таймс» и другие подобные ей газеты с одобрением пишут о том, как «широко» живет Джордж Мини, какая у него роскошная вилла, какие дорогие костюмы и вина выписывает он из-за границы. Рейтера в некоторых американских изданиях называют не иначе, как «этот богач Уолтер».

Будучи полностью оторванными от рабочего класса, эти лидеры не замечают того, что очутились в нелепом до абсурдности положении, когда по имеющим для рабочего класса США жизненно важное значение вопросам занимают самые реакционные позиции. В то время как даже часть крупных предпринимателей поняла необходимость ослабления международной напряженности, улучшения советско-американских отношений, расширения торговли, эти «рабочие» лидеры выступают в роли рыцарей «холодной войны», проповедниками политики «с позиции силы».

К чему ведет подобного рода «деятельность» реакционных профлидеров, можно судить по таким малорадостным данным: двухгодичный доклад бюро трудовой статистики министерства труда США, опубликованный в декабре 1963 года, не без злорадства констатирует, что американские национальные и «международные» профсоюзы насчитывали в 1962 году 17,6 млн. членов. По сравнению с 1960 годом число членов профсоюзов сократилось на 487 тыс. человек.

В 1962 году АФТ—КПП объединяло 14,8 млн. членов (по сравнению с 15,1 млн. членов в 1960 г.).

С каждым годом сокращается как общее число членов профсоюзов, так и процент членов профсоюзов от общего числа рабочих США. В 1956 году члены профсоюзов составляли 24,8% общего числа рабочих США, в 1960 году — 23,3% и в 1962 году — 22,2%.

Только антидемократическая система, царящая в профсоюзах США, делающая дорвавшихся до власти боссов практически неподотчетными массам, дает им возможность плавать на поверхности. Но нет никакого сомнения в том, что новые тенденции на американской политической арене и в рабочем движении США определяют политическую смерть деятелей типа Мини, Рейтера, лишая их почвы.

Возвращаясь к объединительному съезду в декабре 1955 года, следует отметить, что верные себе «профсоюзные бароны», принимая устав новой организации, постарались выхолостить из него любое упоминание о классовый борьбе. Даже фраза из прежнего устава АФТ о том, что «целью федерации является защита интересов рабочих как класса», показалась им «крамольной» и была заменена туманным рассуждением о борьбе за улучшение экономического положения рабочих путем «частных переговоров о коллективных договорах». Мини в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», заявил, что экономическая политика американских профсоюзов будет строиться на базе «общности интересов труда и капитала» и заключения «пактов о ненападении» с монополиями, исходя из принципа «живи и давай жить другим»⁷⁷.

Однако, несмотря на все попытки монополий и их агентуры в рядах американского рабочего движения направить борьбу трудящихся за единство своих рядов в русло чисто формальных шагов и верхушечных комбинаций, факт создания единого профсоюзного центра, возникшего под напором снизу, объективно имел большое прогрессивное значение. Ликвидация раскола в профсоюзах создала предпосылки для дальнейшего усиления борьбы трудящихся, независимо от того, хотят этого реакционные профлидеры или не хотят.

Оценивая это событие, Коммунистическая партия США подчеркивала, что оно «имеет исключительное значение для рабочего движения»⁷⁸.

⁷⁷ «New York Times Magazine», 1955, Nov. 17.

⁷⁸ «Political Affairs», 1955, March.

Ликвидация раскола в американском профсоюзном движении явилась большим достижением трудящихся и убедительным показателем значительно возросшей активности и сознательности трудящихся масс. То, что у руководства единой организации находится камарилья ренегатов и предателей рабочего класса, тормозит выявление прогрессивного значения объединения. Однако этот фактор не главный, а имеющий временный характер. Главное в том, что консолидация закладывает основу для будущей активизации борьбы трудящихся.

В американском профсоюзном движении имеются здоровые силы. Массы рядовых членов профсоюзов все серьезнее задумываются о положении дел в своих организациях. Растет влияние таких профсоюзных деятелей, как Гарри Бриджес и ряд других, стойко борющихся за права трудящихся, появилась большая группа молодых профсоюзных руководителей, преисполненных решимости изменить положение, парализующее сейчас деятельность руководства профсоюзного движения США.

Именно поэтому создание единой организации американских профсоюзов, несмотря на все попытки реакции ставить палки в колеса борьбе трудящихся, стало одним из важных событий в борьбе рабочего класса США, явилось наглядным показателем подъема и усиления этой борьбы.

4. НЕГРИТЯНСКИЙ НАРОД В НАСТУПЛЕНИИ

Одним из важнейших и наиболее характерных факторов, оказывающим самое серьезное влияние на всю внутривнутриполитическую обстановку в США, является значительное усиление и активизация борьбы 18-миллионного негритянского населения США за свои права, человеческое достоинство и сносный жизненный уровень. Невозможно переоценить все воздействие, которое оказывает этот качественно новый этап борьбы американских негров на политическую ситуацию в стране и на ход политических событий в Соединенных Штатах в будущем.

«Борьба за полное социальное, политическое и экономическое равенство негритянского народа, — указывает руководство американской Коммунистической партии, — сейчас достигла наивысшей точки после эпохи граждан-

ской войны и реконструкции. Она ознаменовалась невиданным подъемом среди негритянского народа в южных штатах, являющихся главным районом национального, расового и классового угнетения негров»⁷⁹.

О том, что влиятельные круги США отдают себе ясный отчет, какое значение имеет активизация борьбы негритянского населения, можно судить по тому, что весьма авторитетный американский публицист Уолтер Липпман, тесно связанный с правительственными кругами, заявляет, что борьба негров «создает самую фатальную дилемму из всех вопросов внутренней американской политики в течение жизни нескольких поколений»⁸⁰.

Серьезнейшим обстоятельством, характерным для борьбы негритянского народа за свои права, является то, что ее центром в последние годы стал так называемый «черный пояс» — южные районы США, где сосредоточена основная часть негритянского населения, до последнего времени почти не принимавшая активного участия в борьбе за равноправие негров. Это обстоятельство является в современных условиях важнейшей причиной, обусловившей в значительной степени как невиданный размах этого движения, так и его остроту.

Речь идет уже о том, что в борьбе участвуют не только передовые элементы негритянского народа, в основном на Севере страны, как это было до последнего времени, а массы негров по всей стране, и прежде всего на Юге, в районах, являющихся оплотом расизма, вся жизнь в которых была в течение многих десятилетий основана на рабском труде негров.

Борьба негритянского населения южных штатов наносит удар по всей системе расовой дискриминации в США, ибо, по меткому выражению прогрессивной американской печати, дискриминация негров в США подобна дереву, корни которого в южных штатах, а ветви раскинулись по всей стране. Время от времени на Севере отрубались отдельные ветви, но дерево продолжало расти, так как корни его сохранились в неприкосновенности. Сельские местности и городские районы «черного пояса» представляют собой район самого страшного и жестокого угнетения негров. Это источник ядовитой заразы теорий

---

⁷⁹ «Коммунист», 1957 г., № 3, стр. 93.

⁸⁰ «New York Herald Tribune», Febr. 14, 1956.

о «превосходстве белой расы», распространяемой на все США.

Прогрессивные силы в США считают, что, если эту заразу локализовать и уничтожить там, от этого выиграет не только Юг, но и трудящиеся негры на Севере, рабочее движение и вся страна. Вот почему развернувшаяся борьба негритянских масс США, и прежде всего в южных штатах страны, наносящая удары по системе расового угнетения в его цитадели, приобретает такое значение.

В чем же заключаются основные причины того подъема национально-освободительной борьбы негров, который имеет место в США?

Прежде всего необходимо подчеркнуть то огромное влияние, которое оказывает на борьбу негров в США гигантский подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Усиление освободительной, антиимпериалистической борьбы народов колоний и зависимых стран в послевоенный период и ее успехи не могут не оказывать воздействия на борьбу национальных меньшинств, угнетаемых империализмом внутри капиталистических стран, в частности на борьбу негритянского народа в США. Как подчеркивал У. Фостер, «сильное влияние великих национально-освободительных революций в колониальных странах нашло отражение в усиливающейся борьбе угнетенного негритянского народа в Соединенных Штатах»⁸¹.

Один из руководителей негритянских организаций М. Кинг, выступая перед журналистами, подчеркнул, что борьба его сограждан является «частью того, что происходит во всем мире. Угнетаемые народы мира поднимаются. Они восстают против колониализма и империализма»⁸².

О том же пишет этот негритянский лидер и в книге «Шаг к свободе»: «Решимость американских негров освободиться от всех форм угнетения порождается тем же глубоким стремлением, которым руководствуются угнетенные люди во всем мире. Ропот недовольства в Азии и Африке служит выражением стремления к свободе и к человеческому достоинству людей, которые в течение длительного времени были жертвами колониализма и

⁸¹ W. Z. Foster, History of the Communist Party of the U.S.A., N. Y., 1952, p. 444.

⁸² «New York Post», Nov. 14, 1956.

империализма. Таким образом, в действительности расовый кризис в Америке составляет лишь часть более широкого мирового кризиса». Нынешнее движение американских негров за полную ликвидацию сегрегации, по мнению Кинга, «стало необходимостью в силу исторических обстоятельств такого времени, когда народы во всем мире стремятся к освобождению от империализма».

На движение негритянского народа оказывает большое влияние борьба социалистических стран против колониализма в Азии и Африке. Ему способствует и позиция нейтральных стран.

Активизация борьбы негров США против системы национального угнетения связана также с усилением движения широких масс американских трудящихся против наступления реакции, движения, неразрывной частью которого является борьба негритянского народа.

Важной причиной активизации борьбы американских негров являются их особенно тяжелое материальное положение и усиленная эксплуатация, которой они подвергаются. Пользуясь неравноправным положением негров, используя как различные расистские законоположения (особенно в местном законодательстве отдельных штатов), политическое бесправие негров, так и позорную практику расовой дискриминации, американская буржуазия подвергает негритянское население США особенно зверской эксплуатации.

По стране в целом, по данным Бюро переписи, половина негритянских семей в 1957 году получила менее 2,764 долл. дохода. Эта сумма составляла немногим более половины (53%) среднего дохода белых семей.

В сельских районах разница была еще более разительной. Доход половины негритянских семей был менее $\frac{1}{3}$ среднего дохода белых фермеров.

Хотя негры составляли около 11% всей гражданской рабочей силы, в апреле 1959 года, когда спад достиг своей низшей точки, по оценке Бюро переписи, было 1024 тыс. безработных негров, что составляло $\frac{1}{5}$ (20%) от общего числа полностью безработных в США в том году.

Уровень безработицы среди негритянских рабочих в то время составлял 13,9% от общего числа гражданской рабочей силы, несколько более чем вдвое превышая уровень безработицы среди белых рабочих, составлявший 6,8%.

Около $\frac{1}{5}$ общего числа полностью безработных в США составляют негры. Уровень безработицы среди рабочих-негров вдвое выше уровня безработицы среди белых рабочих. В июне 1963 года это вынужден был признать президент Кеннеди. Он, в частности, привел в своем выступлении в качестве типичного примера такие данные: «В Чикаго в первой половине 1963 года среди негритянского населения безработные составляли 17%. Среди белых этого города показатель равнялся 5%. Почти в каждом городе наиболее тяжелое бремя спада легло на негров... Причина заключается в том, что негры составляют значительную часть неквалифицированных рабочих и их увольняют в первую очередь»⁸³. Это был вынужден признать даже орган монополий журнал «Форчун», весьма далекий от симпатий к угнетенным, и в частности к неграм.

Официальный статистический доклад «Наем белых и цветных в 1955 году» показывает, что негры исполняют наименее квалифицированную работу, их первыми увольняют при свертывании производства и последними принимают при расширении его. Процент безработных среди негров вдвое выше, чем среди белых.

Негритянские рабочие в еще большей степени, чем их белые собратья, страдают от усиления потогонной системы на американских предприятиях. Подсчеты прогрессивных американских экономистов показывают, что интенсификация труда особенно заметно возросла в послевоенный период в тех отраслях американской промышленности, где негры составляют значительную прослойку рабочих.

Одним из факторов дополнительной эксплуатации и разорения негритянских трудящихся является ограбление их путем установления монополистами США особо высоких розничных цен на товары, продаваемые негритянскому населению. В негритянских кварталах городов и в сельских местностях, населенных неграми, обычно устанавливаются цены еще более высокие, чем в других местностях.

«С негритянского народа в США, — отмечает В. Перло, — как и с населения зависимых стран, берут еще более высокие цены, чем обычные монопольные цены, существ-

---

⁸³ «Fortune», 1958, July.

вующие в данной стране. В сельских местностях на Юге негритянское население должно платить дорожке за товары, покупаемые на плантациях и в сельских магазинах. В городах неграм отведены особые районы, как, например, Гарлем в Нью-Йорке. Товары худшего качества продаются здесь по более высоким ценам, чем в соседних районах»⁸⁴.

Повышенная квартирная плата в гетто — негритянских районах американских городов — также одна из форм усиленной эксплуатации негритянского населения США. Каждая четвертая негритянская семья живет в домах, состоящих в списках домов, «непригодных для жилья». Для белых этот процент в пять раз ниже⁸⁵. При этом негр платит дорожке за худшее жилье, так как у него нет выбора — он не может покинуть «черный пояс». В результате бедности, скверных жилищных условий и худшего медицинского обслуживания детская смертность среди негров на 77% больше, чем среди белых, а средняя продолжительность жизни — на восемь лет короче. «Самая страшная болезнь негров, — признает журнал «Мансли лейбор ревью», — это нищета. Этой болезнью страдает вся негритянская нация. Правда, бедны и миллионы белых, но нищета негров — это особого рода нищета, так сказать, предумышленно созданная расовой дискриминацией и сегрегацией»⁸⁶.

Ко всему сказанному следует добавить вопиющее политическое бесправие негритянского населения Соединенных Штатов, лишенного элементарных демократических прав, и изуверскую систему надругательства над неграми.

Гнусные цели, которые преследует реакция, всячески раздувая рознь между белыми и черными, очевидны даже для людей, весьма далеких от коммунистических взглядов. В 1959 году в США вышла книга, автором которой является профессор богословия Луиза Смит. «Цель реакционных кругов США, — пишет Смит, — стремление использовать искусственно созданные национальные антагонизмы между американцами для увековече-

---

⁸⁴ В. Перло, Американский империализм, М., 1961, стр. 110.

⁸⁵ «Fortune», 1956, Aug. 22.

⁸⁶ «Monthly Labor Review», 1956, June.

ния политической и экономической эксплуатации рабочей силы»⁸⁷.

Л. Смит указывает, что выходцы из других стран используются только в некоторых, отличающихся наиболее тяжелыми условиями труда отраслях промышленности и цехах предприятий.

Все это не может не толкать негритянский народ на борьбу за свои права.

И, наконец, важнейшей причиной активизации борьбы негритянского населения и перемещения центра этой борьбы в южные штаты страны, где негры составляют значительную часть населения, явились серьезные изменения в экономике некогда отсталого рабовладельческого Юга, превращение его в развитый промышленный район, что привело к быстрому росту здесь негритянского рабочего класса.

В период второй мировой войны и особенно в послевоенный период в США явственно обозначился процесс чрезвычайно быстрого, ускоренного экономического развития Юга. В. И. Ленин около пятидесяти лет назад поразительно точно предугадал те процессы, свидетелями которых мы сейчас являемся. В своей работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» он, указывая на наличность не раздробленных еще рабовладельческих плантаций Юга, где имеется забитое и приниженное население негров, и незаселенность Запада, писал: «Ясно, что оба эти обстоятельства служат вместе расширением завтрашней базы для капитализма, подготовкой условий для еще более быстрого и еще более широкого его развития... Капиталистический пожар как бы «замедляется» — ценой подготовки для него нового, громадного, еще более горючего материала»⁸⁸.

Пожар, предсказанный Лениным, вспыхнул в послевоенный период со всей силой. Производственные мощности южных штатов, до недавнего времени сравнительно отсталых в промышленном отношении, выросли вдвое по сравнению с довоенным периодом. «Происходящее теперь большое перемещение промышленности Америки, — констатирует журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд ри-

⁸⁷ L. Smith, Force of Liberty. Twenty-Fine Years in the Life of the Foreign Born in U. S. A., N. Y., 1959, p. 31.

⁸⁸ В. И. Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 212.

порт», — предвещает еще более важные экономические сдвиги в предстоящие годы. Промышленность в Соединенных Штатах с возрастающей быстротой перемещается в западном и южном направлениях. Фермерские районы становятся центрами обрабатывающей промышленности и торговли. Восток, который обычно производил почти все промышленные товары, выпускаемые в стране, и контролировал финансы страны, видимо, постепенно лишается своего господствующего положения. Тенденция определена и сильна. Центры концентрации промышленности перемещаются на Юг и Запад»⁸⁹.

Видный общественный деятель и ученый профессор У. Дюбуа писал: «В 1919 году Юг давал менее $\frac{1}{5}$ продукции горнорудной промышленности; к 1946 году его доля достигла почти 50%. Стоимость промышленной продукции Юга увеличилась за 30 лет настолько, что вместо $\frac{1}{10}$ составила почти пятую часть национальной продукции. Центр тяжести многих новых и успешно развивающихся предприятий перемещается на Юг; со времени второй мировой войны не менее 11 млрд. долл. были вложены там в новое промышленное строительство»⁹⁰. Бывший когда-то центром скотоводства южный штат Техас превратился в развитый промышленный район, занимающий второе место в Соединенных Штатах по добывающей промышленности, четвертое место в области строительства, пятое место в области транспорта, финансов и страхового дела.

Основной причиной столь бурного в последние годы промышленного развития южных штатов страны помимо естественных ресурсов, имеющихся там, является наличие забитого и приниженого населения негров. Рассматривая это население в качестве своего рода внутренней колонии, американские монополисты стремятся использовать дешевый труд негров для увеличения своих прибылей. Поэтому значительная часть новых предприятий в послевоенный период строится именно на Юге. Орган предпринимателей газета «Уолл-стрит джорнэл» без всяких обиняков по этому поводу пишет: «Новые предприятия строятся главным образом в южных штатах, в штатах Скалистых гор и в западных штатах, где профсо-

---

⁸⁹ «U. S. News and World Report», 1954, July 30.

⁹⁰ «Коммунист», 1954 г., № 8, стр. 91.

юзы относительно слабы и где существуют направленные против профсоюзов законы о „праве на работу”»⁹¹.

Больше того, многие американские предприниматели находят целесообразным закрывать свои заводы на Севере страны и переводить их в южные штаты. Например, в штатах Новой Англии в последние годы закрыты сотни текстильных предприятий, большинство из которых переброшено на Юг в расчете на дешевые рабочие руки.

По подсчетам американских экономистов, заработная плата белых рабочих на Юге на 20% ниже, чем на Севере, а заработная плата негров — еще на 20% ниже, чем у белых. Эта разница в оплате труда приносит монополиям, переводящим свои предприятия на Юг, по самым скромным подсчетам, 4—5 млн. долл. дополнительных прибылей ежегодно.

К этому следует добавить, что немаловажным в глазах американской буржуазии обстоятельством, стимулировавшим перевод многих предприятий на Юг, было бесправное положение негритянских рабочих, которое, по мнению предпринимателей, должно было дать им гарантию от забастовок и обеспечить безнаказанную эксплуатацию негритянских рабочих. Как показали дальнейшие события, надеждам этим сбыться не было суждено.

Форсированное развитие промышленности в районе «черного пояса» оказалось для американских монополий палкой о двух концах. Если в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы переброска промышленности на Юг и усиленная эксплуатация дешевой рабочей силы этих районов обеспечивали монополиям значительные дополнительные прибыли, то в последние годы им пришлось столкнуться с другой стороной дела, с такими последствиями этой политики, которые серьезно их встревожили, угрожая не только свести на нет все преимущества перебазирования промышленности на Юг, но и поставить перед монополистическим капиталом США новые, весьма серьезные проблемы.

Речь идет прежде всего о быстром росте и развитии негритянского пролетариата. Стремительное развитие промышленности на Юге, до последних лет бывшем почти исключительно аграрным районом, привело к значи-

---

⁹¹ «Wall Street Journal», Apr. 8, 1959.

тельному перемещению сельского населения в города. Уже в 1947 году по сравнению с довоенным периодом процент негритянского населения городов в южных штатах увеличился, согласно официальным американским данным, на 8%. Если в 1940 году в сельском хозяйстве было занято 41,7% негритянского населения, то в 1950 году эта цифра упала до 25,2%.

В 1890 году в городах жило 20% всего негритянского населения США, в 1950 году — уже 65%. Негры в настоящее время составляют 11% всех рабочих страны. Значительную роль они играют в важнейших отраслях промышленности. В каменноугольной промышленности — 25% негритянских рабочих, в мясоконсервной — 30%, на сталелитейных и автомобильных заводах — 15% и т. д. В то время как несколько десятилетий назад $\frac{1}{5}$ негритянского населения США было занято в сельском хозяйстве, а другие классы этого населения были малочисленны и слабы, сейчас возник мощный рабочий класс, появилась негритянская буржуазия, собственная интеллигенция.

Это привело к серьезным сдвигам в негритянском движении, способствовало росту классового самосознания негритянских трудящихся, изменило их экономические и политические требования, программу борьбы. Раньше центральным и по существу единственным требованием негров, сосредоточенных в основном в районе «черного пояса», было требование аграрной реформы. В настоящее время наряду с сохранением этого требования значительно усилились требования, касающиеся отмены дискриминации и сегрегации, уровня заработной платы, гражданских прав.

Большое значение для негритянского движения в США на современном этапе имеет то обстоятельство, что негритянский рабочий класс растет значительно быстрее, чем все другие классы негритянского населения. Негритянская буржуазия слаба потому, что ей приходится довольствоваться крохами со стола сильнейшей в мире буржуазии, с которой она, конечно, не в состоянии конкурировать. Результатом этого является то, что рабочий класс оказывает большое и все возрастающее влияние на борьбу негритянского народа. В то же время негритянская буржуазия, испытывающая на себе как национальный гнет, так и экономическое давление со стороны крупного капитала, склонна в известной мере поддерживать эту

борьбу и играть в ней определенную роль. В целом, подчеркивал Фостер, «негритянская буржуазия, хотя и не является революционной, но на известном этапе может оказать поддержку народному движению»⁹².

Все эти изменения в освободительном движении негритянского народа США не могли не наложить самого глубокого отпечатка на политическое положение как на Юге США, так и по всей стране. Образование в районе «черного пояса» мощного негритянского промышленного пролетариата подняло борьбу негритянского народа на качественно новую ступень, придало ей чрезвычайно острый характер и способствовало превращению негритянской проблемы в одну из наиболее важных и острых проблем внутривнутриполитической жизни США.

Негры на юге США считают свое движение за освобождение частью всемирной борьбы колониальных народов за независимость, достоинство и самоуправление. Но в американских условиях эта борьба приобрела прежде всего форму борьбы за отмену сегрегации. Подъем национально-освободительной борьбы, имеющей место на Юге, носит различные формы. В зависимости от условий в разных штатах негры используют различные методы борьбы. Но общей чертой для всего Юга является борьба за отмену сегрегации, за право голоса, борьба против расовой дискриминации, за расширение демократических прав как гарантии достоинства и равноправного гражданства негров.

Важнейшим следствием новой обстановки, сложившейся в южных штатах США, является то, что этот район, бывший в недавнем прошлом с точки зрения социальных конфликтов самым спокойным в стране, сейчас является одним из центров борьбы трудящихся против монополий, в том числе и забастовочной борьбы. При этом немалую роль в стачечном движении играет негритянский рабочий класс. Стачки, происходившие в последние годы на Юге, отличаются особым упорством и остротой. Самой продолжительной забастовкой на американском железнодорожном транспорте за последние 35 лет была продолжавшаяся 57 дней забастовка рабочих дороги Луисвилл — Нашвил, серьезно нарушившая в середине 1955 года экономическую жизнь на Юге США.

---

⁹² См. «Political Affairs», 1955, March.

Большой отклик вызвала в стране крупнейшая 72-дневная забастовка работников связи девяти южных штатов.

«Бастующие рабочие железных дорог совместно с телефонистами, рабочими автобусных линий и металлургами, — писала газета «Дейли уоркер», — похоронили легенду о том, что на Юге нет боевого рабочего класса»⁹³.

Весьма своеобразной и очень эффективной формой борьбы, впервые в массовом порядке примененной в последние годы, является бойкот негритянским населением торговых и других предприятий, принадлежащих расистам. Не приходится поэтому удивляться той нервозности, с которой деловые круги Америки реагируют на эту эффективную форму борьбы негритянского народа, нащупавшего больное место реакции.

В течение нескольких месяцев 1956 года экономический бойкот превратился в острое оружие борьбы негритянского народа за свои права. «Некоторые районы на Юге США, — писала газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — где негры составляют большинство населения, начинают понимать, каким эффективным оружием является экономический бойкот»⁹⁴. «Негры, — констатирует газета «Нью-Йорк пост», — наносят, наконец, дискриминации удар там, где он причиняет наибольший ущерб, — по финансовому нерву. Они эффективно используют экономическое оружие своей покупательной способности»⁹⁵.

Весьма эффективно использовали бойкот американские негры и в последующий период, в частности во время острых событий весной — летом 1963 года.

В течение нескольких месяцев негры многих городов Юга бойкотировали магазины тех белых торговцев, которые отказывались принимать на работу негров и не разрешали им пользоваться закулочными.

Значение массового бойкота расистов на Юге США выходит далеко за пределы того факта, что найдена новая, весьма эффективная форма борьбы. Эти события прежде всего свидетельствовали о глубоких сдвигах, происшедших и происходящих в негритянских массах США, о том, что эти массы пришли в движение, встают на борьбу за свои права. «Это — больше, чем бойкот, — заявил один из руководителей негритянского движения — Мар-

⁹³ «Daily Worker», Apr. 29, 1955.

⁹⁴ «New York Herald Tribune», Febr. 12, 1956.

⁹⁵ «New York Post», Febr. 12, 1956.

тин Лютер Кинг. — Это — массовый протест народа, которому надоели условия, в которых он живет в течение столь многих лет. Это — не конфликт между белой расой и негритянской расой. Это — конфликт между справедливостью и несправедливостью»⁹⁶.

Следует подчеркнуть, что, хотя движение бойкота возглавляют буржуазные и мелкобуржуазные лидеры и представители негритянской интеллигенции, основной опорой бойкота являются рабочие. Использование экономической силы широких масс для достижения демократических и миролюбивых целей — эта характерная особенность рабочего движения. Видный деятель Коммунистической партии США Бэнджамин Дэвис подчеркивал, что экономическая форма борьбы негров «разоблачает подлинных поборников силы и насилия. Она подчеркивает мирный, демократический характер борьбы, возлагая ответственность за беззакония и беспорядки на белых расистов».

Американские коммунисты считают, что хотя не следует идеализировать такую форму негритянского движения, как бойкот, не решающий всех сложных проблем этого движения, однако бойкот представляет собой вполне боевое средство.

Используются негритянским народом США и другие формы борьбы за свои права. Так, большой размах в последние годы получило переселение негров, живущих в городских гетто, в «белые кварталы». Несмотря на широкую кампанию запугивания, несмотря на расправы, учиняемые расистами, и преследования, которым подвергаются «нарушители общественного порядка», сотни мужественных людей расшатывают складывавшуюся десятилетиями позорную систему гетто.

В последнее время большое значение приобрела такая форма борьбы, как требования негров вносить их имена в избирательные списки. Эта форма сопряжена с особенно яростным сопротивлением реакции, приходящей в бешенство при мысли, что голоса негров-избирателей будут оказывать большое влияние на политическую обстановку в стране.

Важный рубеж, на который была нацелена регистрационная кампания, — президентские выборы 1964 года и

---

⁹⁶ «Christian Science Monitor», Febr. 29, 1958.

совпадающие с ним выборы в конгресс. К этому времени лидеры негров поставили целью довести число избирателей-негров, составляющее ныне немногим более полумиллиона, до 2 млн. человек. Принципиальное значение кампании определяется тем, что она открывает реальную перспективу изменений в политической системе Юга, подрыва политического господства диксикратов в южных штатах и блокирующихся с ними правых республиканцев в других штатах страны. По оценке журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», в случае успеха кампании голоса негров могут перевесить ту или иную чашу политических весов, что уже имеет место в некоторых штатах. Этой перспективой объясняется беспокойство и федерального правительства, и отдельных политических деятелей обеих крупных партий.

Коммунистическая партия США, подчеркивая, что не следует абсолютизировать и эту форму борьбы, указывает, что она помогает сплачивать широкие массы против засилья двухпартийной машины американских монополий.

Многие из перечисленных выше методов борьбы негров за свои права связаны с идеями, высказываемыми Мартином Лютером Кингом, который в последние годы стал одним из наиболее видных негритянских лидеров в США. После президентских выборов 1960 года, анализируя их итоги, обозреватели американской прессы отмечали, что на исход борьбы двух претендентов в известной степени повлиял телефонный звонок Дж. Кеннеди жене Кинга, находившегося в то время в тюрьме. Популярность Кинга среди негритянского населения США столь велика, что его молчаливая поддержка обеспечила Кеннеди значительное количество голосов избирателей-негров⁹⁷.

---

⁹⁷ Мартин Лютер Кинг родился в городе Атланте (штат Джорджия) 15 января 1929 г. в семье священника. Окончил колледж, духовную семинарию Крозера и Бостонский университет. Имеет степень бакалавра искусств, доктора философии и доктора богословия. В 1955 году после окончания Бостонского университета Кинг стал священником баптистской церкви в Монтгомери (штат Алабама) и активно включился в борьбу против расовой дискриминации негров. Его избрали членом исполнительного комитета местного отделения Национальной ассоциации — организации, ведущей борьбу за предоставление неграм гражданских прав. Впервые широкую известность Кинг приобрел в связи с бойкотом автобусного транспорта в

Большую роль сыграл Кинг и в событиях 1963 года. Он явился одним из организаторов гражданского неповиновения весной 1963 года в Бирмингеме. Однако в последнее время в негритянских организациях стали все громче звучать голоса критики в адрес Кинга и его методов. Кинг призывает негров не прибегать к силе. Он убеждает их молча сносить побои и издевательства, не применяя силу. Идеалом политических действий для Кинга является ненасильственная «кампания неповиновения».

Зверские расправы расистов над мирными шествиями негров, действующих по совету Кинга, приводят многих негров к выводу, что только демонстрациями и бойкотами с расистами не справиться. Выступая 2 июня 1963 г. на митинге в Гарлеме, известный американский адвокат негр Конрад Линн заявил: «Мы устали от призывов к непротивлению злу. Если неграм придется умирать в Миссисипи, то пусть по крайней мере каждый из них захватит на тот свет по паре фашиствующих молодчиков. По отношению к неграм не существует законности ни на Юге, ни на Севере этой так называемой свободной страны»⁹⁸.

Американская буржуазия начинает отдавать себе отчет в том, что продолжение расистских бесчинств может привести к тому, что негры откажутся от ненасильственных действий. Не случайно У. Липпман заявил: «Мятеж негров возглавляют сейчас такие люди, как Мартин Лютер Кинг, который проповедует и применяет на практике доктрину ненасильственных действий, созданную

Монтгомери. С его именем связано возникновение и ряда других форм негритянского движения. Например, кампания по проведению сидячих демонстраций, которая преследовала цель обеспечить равное обслуживание негров и белых в закусочных и магазинах. За руководство этим движением Кинг был вторично заключен в тюрьму. В мае 1957 года Кинг стал одним из руководителей движения, поставившего целью совершить поход из южных штатов в Вашингтон, с тем чтобы «пробудить сознание страны» и довести до сведения конгресса и правительства проблему негров, «поскольку руководители правительства, в том числе и президент, хранят молчание относительно усиливающегося террора на Юге, а также привлечь внимание к необходимости принять действенное законодательство о гражданских правах». В 1957 году Кинг возглавил кампанию за регистрацию 5 млн. негров-избирателей в южных штатах, с тем чтобы они могли участвовать в выборах 1960 года. Он был инициатором проведения такой же кампании в 1961 году в связи с предстоящими выборами в конгресс 1962 года.

⁹⁸ «New York Times», June 1, 1963.

Ганди. Эту доктрину трудно применять в любой стране, а наша страна отличается некоторым неистовством. Мы не можем рассчитывать на то, что эти действия будут и впредь неуклонно носить ненасильственный характер перед лицом жестокого сопротивления. Если у негров будет утеряна вера в то, что существуют законные пути удовлетворения действительных обид, то вместе с этим будет утеряно и доверие к доктрине ненасильственных действий. О том, что произойдет после этого, неприятно даже подумать»⁹⁹.

Мы уже несколько раз упоминали события 1963 года. Эти события знаменовали собой новый этап борьбы негритянского народа.

Характерным для событий, начавшихся в Бирмингеме весной 1963 года, а затем перекинувшихся во многие районы страны, явилось то, что их инициаторами выступили негры, не желающие больше мириться со своим униженным, неравноправным положением.

Ход событий показал, что выбор лидерами негритянского движения именно Бирмингема в качестве поля, на котором расистам был дан решительный бой, положивший начало новому этапу борьбы американских негров, был удачным. Во-первых, удар наносился в цитадели расизма. А, во-вторых, Бирмингем — город, в котором сосредоточен крупный отряд негритянского рабочего класса, являющегося наиболее стойким и последовательным борцом против расизма и эксплуатации.

Прогрессивные деятели США чрезвычайно высоко оценили значение бирмингемской битвы. Вот что заявил об этом один из руководителей американских коммунистов Гэс Холл: «Прорыв фронта в Бирмингеме является историческим, социальным, политическим и экономическим достижением. Отступление невозможно. Движение, которое началось, остановить нельзя. Это революционный качественный скачок, взрыв, который отныне станет неотъемлемой частью нашего существования как народа»¹⁰⁰.

Террор, к которому весной и летом 1963 года прибегла в южных штатах реакция, был не только взрывом ярости и злобы плантаторов и мракобесов. Это был обду-

---

⁹⁹ «New York Herald Tribune», May 12, 1963.

¹⁰⁰ «Political Affairs», 1963, June.

манный план, за которым крылись определенные политические расчеты влиятельных кругов США. Не случайно во главе расистов и в Алабаме, и в Миссисипи, и в других районах страны находятся губернаторы этих штатов, мэры городов, начальники полицейских округов и другие высокопоставленные руководители местных властей.

Все строилось на надежде запугать негров кровавыми расправами, привести их к смирению при помощи железного кулака, задавить нарастающее движение в зародыше, надолго отбить охоту у негритянских масс к активной борьбе за свободу и равноправие. Расправы с мирными демонстрантами приняли столь кровавый характер, что некоторые обозреватели американской печати с деланным недоумением задавали вопрос: «Зачем власти на Юге прибегают к столь крайним мерам, зачем выпускают на мирные шествия женщин разъяренных псов, зачем калечат юношей и девушек ледяными струями воды, нагнетаемой под огромным давлением, зачем бросают в сырые, мрачные камеры детей? Ведь было бы вполне достаточно для пресечения мирных демонстраций, с которых начались события на Юге, значительно более мягких и спокойных мер».

Авторы подобных рассуждений хорошо понимают, что жестокие удары, которые реакция обрушила на негров, выступивших в защиту своих конституционных прав, своего человеческого достоинства, рассчитаны на создание своеобразного шока ужаса, на то, чтобы отбить у негров охоту к активной борьбе за свободу. Расисты исходили из того, что в прежние времена такие методы оказывались эффективными. Террор куклуксклановцев, «суды Линча», безнаказанность убийц и насильников — все это в прежние времена наводило ужас на негритянское население, давало возможность держать его в железной узде. Напуганные невиданным подъемом борьбы негров за свободу, расисты решили покончить с этим одним ударом.

Тем большим оказался просчет реакции. Зверства расистов обернулись против них самих. Террор не испугал негров, а, наоборот, сплотил их, поднял на активную борьбу новые десятки и сотни тысяч людей.

Борьба негритянского населения США не только приняла общенациональный характер, но и появились при-

знаки того, что предпринимаются попытки организованно координировать эти действия. Так, в начале июня 1963 года американские агентства сообщили, что в Вашингтоне в течение двух дней происходило заседание, в котором приняло участие свыше ста представителей всех негритянских организаций США. Американская печать оценила это событие как важный шаг на пути боевого объединения негров, борющихся за свое достоинство, конституционное равенство и гражданскую свободу.

Несмотря на жестокие репрессии, предпринятые реакцией по отношению к неграм весной и летом 1963 года, в Соединенных Штатах Америки возникла острая политическая ситуация. Широкая и активная борьба 18-миллионного негритянского населения достигла невиданных прежде масштабов и размаха, охватив как массы негров на Юге страны, в районе так называемого «черного пояса», где издавна была сосредоточена основная часть негритянского населения, так и миллионы негров в промышленных центрах Севера, поддержанных передовыми людьми всех США.

Оценивая эти события, «Нью-Йорк геральд трибюн» вынуждена была признать: «Как это ни неприятно, но истины ради приходится констатировать, что этот процесс все более напоминает конец колониального периода»¹⁰¹. Заявление, красноречивое и примечательное тем, что в нем содержится признание, во-первых, того, что негры США рассматривались американской буржуазией как колониальные рабы, а негритянские районы как своего рода внутренние колонии, и, во-вторых, что усиление борьбы негров означает начало конца этого положения. Американская буржуазия отдает себе отчет в том, что события 1963 года — это не отдельные столкновения, а движение, результатом которого будут серьезные и глубокие социальные сдвиги в стране, движение, имеющее большое международное значение. Именно поэтому ведущий орган «большой прессы» США заговорил о «конце колониального периода».

Говоря о новом этапе освободительной борьбы американских негров, необходимо прежде всего отметить изменившуюся, и притом самым кардинальным образом, роль негритянских масс. На сей раз негры выступают не пас-

---

¹⁰¹ «New York Herald Tribune», Juni 9, 1963.

сивным объектом бесчинств расистов, а активной силой, поднявшейся на борьбу за человеческие права, находятся не в обороне, а в наступлении. Это, конечно, не означает, что расисты разоружились. Однако их нынешние бесчинства свидетельствуют не о силе, а, наоборот, о бессилой ярости реакции, которой, кроме репрессий, нечего противопоставить нарастающей борьбе негритянских масс, взявших инициативу в свои руки.

Другой характерной особенностью этих событий является то, что речь идет не о возмущении отдельными выходками или преступлениями расистов, а о нежелании негров терпеть свое несправное положение, об усилении борьбы негритянского народа, поддерживаемого прогрессивными людьми США. Цель этого движения — покончить со всей позорной системой расовой дискриминации, составляющей неотъемлемую часть «американского образа жизни».

Освободительное движение негритянского народа наталкивается на бешеное сопротивление американской реакции. Успехи негритянского движения можно понять, только представив, какие невероятные трудности приходится преодолевать неграм Соединенных Штатов в этой борьбе, какие силы им противостоят.

Одной из направляющих сил в расистской политике является весьма влиятельная так называемая южная олигархия, играющая в американской политической системе весьма заметную роль. Базой всей промонополистической законодательной деятельности американского конгресса является существующий в конгрессе уже более двух десятилетий устойчивый политический блок между правым крылом республиканцев, так называемой «старой гвардией», и многочисленной группой членов южной олигархии, представляющих в конгрессе южные штаты¹⁰². Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал, что эта коалиция, «начиная с 1938 года, проявляла свою власть в критические моменты в защиту интересов консерваторов. Сейчас эта коалиция еще по-прежнему сильна»¹⁰³. Можно добавить — не «еще сильна», а стала в последние годы намного сильнее.

---

¹⁰² По существующей традиции члены олигархии входят в демократическую партию, образуя там группировку диксикратов.

¹⁰³ «U. S. News and World Report», 1956, Dec. 29.

Выше уже говорилось о том, что можно констатировать формирование ультраконсервативной партии американской буржуазии, составными частями которой являются правые крылья республиканской и демократической партий, действующие в тесном согласии между собой. Именно эта коалиция навязала пресловутые законы Смита и Маккарэна, активно препятствует введению законодательства о гражданских правах для негров, воспрепятствовала осуществлению даже урезанных и куцых программ в области здравоохранения, жилищного строительства и образования, особенно активно требует повысить налоги на трудящихся, оголтело ратует за бремя колоссальных вооружений. Ясно, что крупный капитал заинтересован и в дальнейшем существовании этого блока и не хочет подрывать политическое влияние южных плантаторов.

О степени этого влияния говорит тот факт, что многие ключевые посты в конгрессе находились в последние годы и находятся сейчас в руках реакционных представителей Юга. Посты председателей всех главных комиссий конгресса держат в своих руках правые представители Юга. Сюда относятся комиссии, ведающие вопросами трудового законодательства, налогов, гражданских прав и др. Особенно одиозным является пребывание на посту председателя важнейшей юридической комиссии сената виднейшего лидера американских расистов, сподвижника и ближайшего единомышленника Маккарти сенатора от штата Миссисипи Джеймса Истлэнда.

Во главе комиссии конгресса, в компетенцию которой входит рассмотрение вопроса о гражданских правах негров, стоит человек, являющийся одним из самых крупных плантаторов Миссисипи. О взглядах Истлэнда достаточно красноречиво говорит такое его заявление: «Негритянская раса — низшая раса... Я горжусь тем, что в моих жилах течет чистейшая кровь белого человека. Я знаю, что белая раса — высшая раса. Она правит миром»¹⁰⁴.

Не удивительно, что этот расист, невзирая на официальный пост, который он занимает, после решения Верховного суда США о запрещении расовой сегрегации в школах, призвал местные власти южных штатов ис-

---

¹⁰⁴ «New York Post», Febr. 24, 1956.

пользовать все средства, вплоть до применения оружия, для того чтобы не допустить проведения этого решения в жизнь.

Погромную антинегритянскую деятельность на Юге США вдохновляют так называемые «советы белых граждан». Эти советы американская общественность считает организацией, приходящей на смену «Ку-клукс-клану».

Впервые «советы белых граждан» возникли в графстве Санфлауэр (штат Миссисипи). 11 июля 1954 г. группа расистов во главе с плантатором Петерсоном в ответ на решение Верховного суда о запрещении сегрегации в школах приняла «торжественное обещание» бороться «за права белого человека». Организаторы «советов белых граждан» не скрывали, что они поставили перед собой задачу «удержать черных в невежестве для эксплуатации». Либеральный еженедельник «Нэйшн» писал, что «советы белых граждан» в отличие от «Ку-клукс-клана» не прячут свое лицо под капюшоном, но под маской легальности инспирируют и организуют все действия, могущие помешать неграм бороться за их права. «Советы белых граждан» — это «Ку-клукс-клан» без формы», — признавала газета «Нью-Йорк таймс».

«Советы белых граждан» обладают мощной экономической и политической властью в штатах и пользуются покровительством со стороны высших органов власти США. Членский состав «советов белых граждан» достигает примерно 500 тыс. человек, из них 300 тыс. проживает в 9 южных штатах. Фонды «советов белых граждан» оцениваются в 2 млн. долл. и образованы главным образом за счет вкладов плантаторов и промышленников.

В декабре 1955 года представители «советов белых граждан» от 12 штатов собрались на конференцию в городе Мемфисе (штат Теннесси) для создания объединенной организации в масштабе всей страны. В руководство этой организации, получившей название Федерация конституционного правительства, были избраны сенаторы Истлэнд и Турмонд, губернатор штата Джорджия Гриффин, а также шесть конгрессменов и четыре бывших губернатора. Возглавил организацию Джон Барр, промышленник из Нового Орлеана, который ранее был одним из директоров Национальной ассоциации промышленников. Помимо Барра руководящую роль в «советах белых граждан» играют и другие промышленники, пред-

ставляющие NAАI на местах, например Д. Дженкинс во Флориде или Джон Кларк в Гринсберге. Следует также отметить, что деятельность «советов белых граждан» находит поддержку 127 членов конгресса США от южных штатов (22 сенаторов и 105 членов палаты представителей).

На упомянутой выше конференции расисты поставили своей целью объединить все реакционные силы страны для борьбы с прогрессивным движением негритянского народа. Главный оратор на конференции — сенатор Истлэнд — заявил: «Мы собираемся начать крестовый поход против всех попыток подорвать американизм (т. е. превосходство белых над неграми. — В. З.), мы будем бороться против всех групп и организаций, пытающихся подорвать свободное предпринимательство и социализировать промышленность».

Пользуясь большой экономической и политической поддержкой, располагая широко разветвленным пропагандистским аппаратом, «советы белых граждан» наводняют книжный рынок страны расистскими брошюрами и листовками. С целью разжигания расовой вражды «советы белых граждан» используют и специальных агентов, разъезжающих по различным районам страны. В последнее время они особенно активно стремятся распространить свою деятельность на Север и Запад США вообще и на крупные промышленные центры в особенности. В настоящее время это движение охватывает 25 штатов страны.

Будучи орудием в руках монополистического капитала, новые расистские организации ставят своей главной задачей расколоть рабочее и профсоюзное движение. Они призывают белых членов профсоюзов противодействовать десегрегации, предлагают им подавать заявления о выходе из профсоюзов, членами которых состоят негры. «Советы белых граждан» активно содействуют принятию в штатах антирабочего законодательства, в частности так называемых законов о праве на работу.

Появление этих организаций весьма симптоматично и говорит о новых процессах, происходящих на юге США. «Советы белых граждан» отличаются от «Ку-клукс-клана» тем, что в них входит не разношерстная публика из самых различных слоев общества, отравленная расистской идеологией, а так называемые «сливки

общества» — владельцы плантаций, предприятий, землевладельцы, банкиры, промышленники, чиновники. В новых условиях расисты не могут полагаться на широкие массы. Они берут в свои руки лозунг «превосходства белых».

«Советы белых граждан» ведут свое наступление не только против негров но и против организованного рабочего движения вообще.

Прибегает реакция и к более тонким приемам борьбы против движения негров за равноправие. Так, некоторые деятели Юга, рядящиеся в тогу либералов, но по сути дела нисколько не отличающиеся по своим взглядам от самых махровых расистов, выдвигают теорию «постепенности» в предоставлении неграм гражданских прав.

Признавая на словах необходимость искоренения расовой дискриминации, они утверждают, что на это потребуются десятки лет, и призывают «не спешить» в этом деле. Однако негры прекрасно отдают себе отчет в том, что подобные теории носят такой же расистский характер, как и открытые антинегритянские призывы. «Нам надоело пресмыкаться и слушать, как некоторые люди говорят нам, что мы «идем слишком быстро». Нам надоело слушать, когда они говорят нам, чтобы мы ждали, в то время как они разрешают другим поступать с нами так, как им заблагорассудится»¹⁰⁵, — заявил один из руководителей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Рой Уилкинс.

В этих условиях администрации как республиканцев, так и в последние годы демократов предприняли усиленное маневрирование, основной целью которого было создание видимости действий, попытки подменить действительное улучшение положения бесправных негритянских масс политическими спекуляциями.

Несмотря на многочисленные обещания, данные негритянскому населению политиками-республиканцами, так же как и их коллегами из демократической партии, обещания, рассчитанные на привлечение голосов избирателей-негров, — положение негритянского народа ныне не лучше, чем в 1952 году. Ни одно из обещаний выполнено не было. Как откровенно признал один из руководи-

---

¹⁰⁵ «New York Times», 3. July, 1956.

телей демократической партии Джек Реддинг, в 1947—1948 годах возглавлявший Национальный комитет этой партии, «и ныне негры продолжают оставаться пешкой в политической игре»¹⁰⁶.

Это признание особенно существенно потому, что Вашингтон, исходя из ряда соображений, о которых будет сказано дальше, упорно пытался создать впечатление, будто он предпринимает далеко идущие шаги, направленные на улучшение политического положения американских негров. Именно такой смысл имело, в частности, чрезвычайно широко разрекламированное американской пропагандой решение Верховного суда США от 17 мая 1954 г. о запрещении сегрегации в школах. Принимая это решение, правящие круги Вашингтона преследовали прежде всего пропагандистские цели и явно не рассчитывали на то, что это решение окажется острым оружием в руках негров в их борьбе против расистов. Однако, опираясь на это решение, негры одной из форм своей борьбы сделали судебные иски против расистов.

О том, что правящие круги не собирались по-настоящему проводить это решение в жизнь, свидетельствует тот факт, что после его принятия не было предпринято каких-либо реальных шагов для того, чтобы сделать положения закона жизненными. Это решение осталось в основном на бумаге. Через несколько лет после его принятия положение в школах США мало отличается от того положения, которое имело место раньше.

Руководство демократической партии в связи с нарастающей борьбой негров оказалось вынужденным предпринять особенно энергичное маневрирование. Летом 1963 года президент Кеннеди направил в конгресс послание о гражданских правах, осуществление которых должно было, по его мнению, привести к прекращению расовой дискриминации в США. Президент предупредил конгресс, что «результатом дальнейшего бездействия федеральных законодательных властей будет продолжение, если только не усиление, расовой борьбы». В то же время президент признал, что даже принятие рекомендованного им законопроекта «не решит всех проблем расовых отношений» в Соединенных Штатах Америки.

---

¹⁰⁶ J. Redding, Inside the Democratic Party, Indianapolis, 1958, p. 141.

Говоря о законопроекте, следует отметить, что внесение такого законопроекта отнюдь не свидетельствует о далеко идущих изменениях намерений правящих кругов Вашингтона. Скорее это попытка откупиться от нарастающей борьбы негритянского народа второстепенными уступками. Ведь целью борьбы негров на нынешнем этапе является ликвидация всей системы расовой дискриминации, существующей в США. Не случайно даже наиболее трезвые политические обозреватели США оценивают действия правительства как запоздалые и недостаточные.

Совершенно очевидно, что на пути политического маневрирования, на который, судя по всему, вступило правительство демократической партии, нельзя решить негритянскую проблему, нельзя найти выход из нынешнего положения. Нужны не маневры, не подачки, не жесты, рассчитанные на внешний эффект, а кардинальные решения одной из наиболее острых проблем современных США.

Что же касается «уступок» правящих кругов и их стремления утихомирить бурю при помощи подачек, то не следует заблуждаться по поводу мотивов этих действий. У. Липпман в связи с этой деятельностью правительства писал в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Не следует забывать, что правительство было вынуждено вступить на этот правильный путь, подталкиваемое к этому насильем и страхом перед еще большим насильем. К сожалению, истина заключается в том, что правильная национальная политика принята не потому, что она является правильной, не потому, что нужно проявлять справедливость, не потому, что люди, стоящие у власти, и ответственные лидеры общественного мнения поняли растущее отчаяние негритянской молодежи, а потому, что негры вышли на улицу, где были встречены пожарными шлангами, собаками и дубинками»¹⁰⁷. Далее этот многоопытный публицист объясняет, что его заставляет говорить эти горькие для власть имущих в США слова. «Это плохой прецедент, — пишет Липпман. — Нельзя дать массам прийти к выводу, что улучшить свое положение они могут лишь в борьбе, нельзя допустить, чтобы народ потерял веру в «добрые намерения» власть иму-

---

¹⁰⁷ «New York Herald Tribune», June 3, 1963.

щих, в противном случае массы выйдут из-под контроля»¹⁰⁸.

В этих рассуждениях важны содержащиеся в них признания. Во-первых, признание о вынужденности шагов, предпринятых администрацией демократической партии после того, как движение негров приняло чрезвычайно острый характер и общенациональный размах. И, во-вторых, нескрываемый страх перед тем, что движение негров может повлечь за собой расширение масштабов борьбы, втягивание в нее широких народных масс не только негритянских, которые на опыте убеждаются в том, что уговорами и призывами не добиться от буржуазии удовлетворения своих справедливых требований.

«Негры сейчас требуют,— пишет Липпман в следующей статье,— более хороших школ, лучших жилищ и работы. А это делает негритянскую проблему частью общенациональной проблемы. С помощью закона сегрегацию можно ликвидировать в закулочных, в кинотеатрах, в общественных парках. Но невозможно удовлетворить все требования негров в области получения работы, образования, жилищ, потому что этого не хватает не только неграм, но и миллионам белых тружеников. Основной факт таков, что пирог, который должен быть поровну разделен, слишком мал»¹⁰⁹.

А из этого следует вывод, что надлежит опасаться не только активизации борьбы негритянского народа самой по себе, но и как фактора, который может активизировать, и притом самым быстрым и решительным образом, борьбу всех трудящихся США за улучшение своего положения. Именно так следует понимать слова, что «негритянская проблема — это часть общенациональной проблемы».

Чем же вызвано желание Вашингтона, по возможности не делая ничего или почти ничего по существу, создавать тем не менее видимость прогресса в негритянском вопросе США? Это вызвано целым рядом обстоятельств, прежде всего интересами экспансионистской политики американских монополий за пределами США.

Разработав широкую программу проникновения американского капитала в экономически слаборазвитые

---

¹⁰⁸ «New York Herald Tribune», June 3, 1963.

¹⁰⁹ «New York Herald Tribune», June 10, 1963.

страны и всячески стремясь усилить среди народов Азии и Африки престиж США, американские правящие круги испытывают совершенно очевидное неудобство в связи с положением негров в самих США, показывающим истинное лицо «американской демократии».

«Положение американских негров, — указывает Коммунистическая партия США, — превратилось в международную проблему гораздо большего значения, чем когда бы то ни было, с тех пор как американский империализм превратился в мировую державу. Это повлекло за собой по крайней мере два важных обстоятельства: во-первых, это вынудило даже самую могущественную капиталистическую державу мира стать более осторожной, во-вторых, это дало негритянскому народу и его сторонникам среди рабочего и демократического движения внутри страны союзников за океаном, которые многим способствовали борьбе за права негров. Все демократически настроенные люди как в США, так и за границей стоят на стороне негритянского народа и оказывают все большее влияние»¹¹⁰.

Возмущение мирового общественного мнения встревожило Вашингтон. Так, например, Роберт Кеннеди признал, что «события в Алабаме нанесли большой ущерб международному престижу США, что в данном случае грань между внутренними и внешними проблемами быстро исчезает»¹¹¹.

Не скрывает своего беспокойства потерей международного престижа США в результате диких репрессий, осуществляемых в США расистами в отношении негров, и глава государственного департамента Дин Риск. «Я думаю, что все мы должны признать, что сейчас наша страна сталкивается с одной из серьезнейших проблем за весь период с 1865 года и что эта проблема глубоко затрагивает наши отношения с иностранными государствами, — заявил он. — Я говорю, конечно, о проблеме дискриминации в нашей стране, в любой части нашей страны, основанной на расе, или религии, или национальном происхождении»¹¹².

Печать договаривает то, о чем умалчивают министры. Влиятельная американская газета «Кэпитл таймс» с не-

¹¹⁰ «Коммунист», 1957 г., № 3, стр. 95.

¹¹¹ «New York Times», May 17, 1963.

¹¹² *Ibid.*

скрываемой тревогой писала: «Соединенные Штаты тратят миллионы долларов на пропаганду среди народов Азии и Африки о превосходстве „американского образа жизни"... Но разве могут эти миллионы цветных людей думать о нас иначе, как о лицемерных людях, когда они видят, как мы обращаемся с цветным народом здесь, в Соединенных Штатах?»¹¹³.

О том же, и достаточно откровенно, говорит в уже цитированной работе видный политик, бывший сенатор и генеральный прокурор штата Нью-Йорк Джекоб Джавитс. «Наибольшая опасность расовой дискриминации заключается в том, что 1,5 млрд. цветных, проживающих на земном шаре, придут к выводу о лживости американских лозунгов равенства и справедливости и изберут для себя коммунистический строй. При таком повороте мировых событий будет поставлена на карту судьба США. Следовательно, борьба, ведущаяся в США по вопросу о гражданских правах и дискриминации, кровно связана с этими глобальными перспективами. События в Литтл-Роке обошлись нам дороже, чем даже все запущенные Россией спутники и исследования Луны»¹¹⁴.

Правящие круги США отдают себе отчет в том, какую опасность для их планов проникновения в страны Азии и Африки представляет положение американских негров. Не случайно влиятельный американский журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» констатировал: «Самая большая опасность, пожалуй, заключается в том, что неудачи в области расовых взаимоотношений... могут настолько обострить антизападные настроения в Азии, что никакая политика, пусть самая щедрая, не сможет устранить чувство возмущения и нежелания иметь ничего общего с белыми людьми»¹¹⁵. При этом журнал дает понять, что под «белыми людьми» имеются в виду западные колонизаторы. Он пишет: «Две главные мировые коммунистические державы не знают расового вопроса. Китай — это «цветная» страна... В России живут крупные азиатские народности, с которыми русские свободно общаются. Поэтому в своей пропаганде и дипломатической деятельности они могут использовать скрытое недоволь-

---

¹¹³ Цит. по «Коммунист», 1957 г., № 3, стр. 95.

¹¹⁴ J. Javits, Discrimination — USA, N. Y., 1960, pp. 14—15.

¹¹⁵ «New York Times Magazine», 1956, Nov. 11.

ство азиатов и африканцев белыми, их многовековым владычеством»¹¹⁶.

Один из влиятельных и наиболее ловких деятелей Вашингтона бывший посол в Индии Ч. Боулс в связи с расистскими бесчинствами 1963 года писал: «В тот момент развития истории, когда все внимание заострено на идеологическом соревновании с коммунизмом, мы столкнулись с кризисом в подходе к собственным идеалам. Моральные нормы, в которые мы якобы верим, запятнаны... Мы создали зияющую пропасть между моральными принципами, которые мы провозглашаем, и нашей повседневной деятельностью. Эта пропасть будет становиться все более опасной для нашего дальнейшего существования...»¹¹⁷.

Сказано в достаточной степени откровенно. Наиболее дальновидные американские политики и идеологи отдают себе отчет в том, что на карту сейчас поставлено нечто большее, чем преходящие политические интересы,— под угрозой краха находятся как важнейшие направления американской внешней политики, так и идеологическая база американского проникновения во многие районы земного шара. Вырисовывается явственная перспектива огромного идеологического и морально-политического поражения американского империализма в битве за умы людей.

Все эти высказывания вольно или невольно выбалтывают сокровенные мысли правителей США, опасющихся того влияния, которое оказывает на народы ленинская национальная политика, проводящаяся в социалистических странах. Уж очень непрезентабельно выглядят на этом фоне добрые американские дядюшки с их «цивилизаторской миссией»!

«Приходится поставить под сомнение нашу способность вести за собой народы нейтральных стран, Южной и Юго-Восточной Азии, Тихого океана, Среднего Востока, Африки»¹¹⁸, — бьет тревогу Джавитс.

Учитывая тот международный резонанс, который имеют преследования негров в США, и трудности, на которые в связи с этим наталкивается американская внешняя политика, правящие круги США оказались вынужден-

¹¹⁶ «New York Times Magazine», 1956, Nov. 11.

¹¹⁷ «Saturday Review», 1963, Apr. 16.

¹¹⁸ J. Javits, Discrimination — USA, p. 253.

ными предпринимать некоторые шаги для того, чтобы создать видимость прогресса в негритянском вопросе.

Следует подчеркнуть также, что некоторые круги американской буржуазии не склонны поддерживать в полной мере систему дискриминации негров, поскольку она становится в известных случаях помехой извлечению максимальных прибылей. В тех случаях, когда расовая дискриминация создает помехи на пути получения этих прибылей, капиталисты не прочь выступить за известное ослабление дискриминации. Об этом свидетельствует хотя бы факт перебазирования многих предприятий в южные штаты.

Совершенно очевидно, что монополисты не могли не отдавать себе отчета в том, что широкое использование негров совместно с белыми в промышленности нанесет удар плантационной системе Юга, на протяжении десятков лет являвшейся основой системы угнетения негров в США, подорвет сегрегацию негров. Однако стремление использовать дешевую рабочую силу негров заставило их пойти на этот шаг. В данном случае, когда идеологические взгляды и политические симпатии к южным расистам пришли в столкновение с интересами кармана, верх взяли соображения прибыли, непосредственная материальная заинтересованность предпринимателей.

Как подчеркивал один из руководителей коммунистической партии США Бэнджамин Дэвис в работе «Негритянский народ в наступлении»: «Монополистам нужно шире эксплуатировать негритянский потенциал, приведя его в столкновение с отсталой плантационной экономикой на Юге, потенциал, который они используют в своих интересах... Такое совпадение интересов негритянского народа и определенных промышленных кругов, конечно, может и должно быть использовано, сколь временным ни было бы это явление».

Это обстоятельство также играет известную роль в тех маневрах, которые осуществляют в последние годы американские власти в негритянском вопросе.

Мощный подъем освободительной борьбы негритянского народа США накладывает самый существенный отпечаток на политическую ситуацию в стране. В этой борьбе негры опираются на сочувствие и поддержку всех честных и прогрессивных американцев, видящих в ней

свое собственное, кровное дело. Движение негритянского народа не могло бы принять его нынешнего размаха и идти столь успешно, если бы оно не опиралось на широкое демократическое, антимонополистическое и антивоенное движение американских трудящихся, если бы оно не пользовалось помощью и поддержкой лучших сынов и дочерей американского рабочего класса.

Среди наиболее последовательных и стойких борцов за права негритянского народа находятся американские коммунисты. Коммунистическая партия США ведет упорную и систематическую борьбу с расизмом, что, по словам У. Фостера, является «одним из главных выражений ее марксистско-ленинской основы»¹¹⁹. Американские коммунисты поднимают свой голос протеста против расистских бесчинств в США.

Коммунистическая партия провозгласила лозунг: «Добиться экономического, политического и социального равноправия для негритянского народа»¹²⁰, отвечающий насущным интересам негров. Коммунисты выдвигают конкретные политические требования, направленные на достижение неграми равноправия. Это — требования равной оплаты за равный труд, отмены существующего в южных штатах избирательного налога, лишаящего широкие негритянские массы права голоса, прекращения дискриминации при найме на работу, принятия федеральных законов о гражданских правах, запрещающих линчевание, сегрегацию и дискриминацию негров. Эти справедливые требования встречают растущее одобрение и поддержку трудящихся США.

Большое внимание борьбе негров уделил и состоявшийся в конце 1959 года XVII съезд Коммунистической партии США. «Задача Коммунистической партии, — говорится в резолюции XVII съезда по негритянскому вопросу, — заключается в том, чтобы оказывать всемерную поддержку борьбе негритянского народа. Задача коммунистов — сплотить рабочий класс и американский народ для поддержки справедливых требований негритянского народа. Долг коммунистов состоит в особенности в том, чтобы довести до сознания белых демократических сил, что осуществление стремлений негри-

---

¹¹⁹ «Political Affairs», 1955, May.

¹²⁰ «Коммунист», 1957 г., № 3, стр. 97—98.

тянского народа к свободе отвечает их собственным интересам»¹²¹.

Резолюция подчеркивает важность борьбы за равные политические права негров, единство действий негров и белых в профсоюзных организациях.

Будучи неразрывно связанным с борьбой всех трудящихся США и в значительной степени являясь ее результатом, подъем негритянского движения в США оказывает в свою очередь значительное влияние на эту борьбу. «При правильной его оценке,— отмечает журнал «Политикл афферс»,— этот сильный подъем среди негритянского народа на Юге предоставляет белым рабочим самую большую возможность в течение ряда поколений, чтобы добиться успехов. Ибо негритянский народ выступает с героическим самопожертвованием против тех самых преград, которые не дают возможности всем южным рабочим объединиться в профсоюзы, обеспечить себе приличную заработную плату, лучшие условия здравоохранения, просвещения, жилья, пользоваться политической свободой»¹²².

Реакция прекрасно понимает, какую опасность представляет для нее объединенная борьба белых и негритянских рабочих. Использование национальной розни, натравливание белых на негров давало реакции мощное оружие борьбы против трудящихся. И лишиться этого оружия реакционеры никак не хотят. Именно поэтому они особенно упорно ведут разнузданную расистскую пропаганду, всячески стремятся отравить трудящихся ядом шовинистической пропаганды, натравить белых рабочих на рабочих-негров. Однако делать это становится все труднее. Все более широкие массы трудящихся отдают себе отчет в том, кому на руку национальная рознь в рядах рабочего класса. Выступая на съезде американских профсоюзов, видный профсоюзный деятель Макмэт разоблачил нефтяные компании, которые «выступают за спасение белого человека от негров, сея разногласия и раздоры». Он заявил: «Сегодня их наступление направлено против негров. Завтра оно будет направлено против членов профсоюзов. Затем они поведут наступление на евреев и католиков. Наконец, они выступят про-

---

¹²¹ «Political Affairs», 1956, Febr.

¹²² «Political Affairs», 1956, Aug.

тив всякого, кто думает иначе, чем они,— такова печальная история подобных программ»¹²³.

Весь ход событий в Соединенных Штатах ведет к установлению единства трудящихся негров и белых. Этому прежде всего способствуют индустриализация Юга, совместный труд рабочих негров с рабочими белыми. Все большее число трудящихся начинает сознавать, что борьба за права негров — это кровное дело всех рабочих. Каждый рабочий видит, что предприниматели используют дешевый труд негров для снижения заработной платы всему американскому рабочему классу. И, наоборот, там, где рабочие добиваются уничтожения в разнице оплаты белых и негров, им удается повысить уровень заработной платы всем рабочим. Примером этому может служить угольная и сталелитейная промышленность США. Угольщики и металлурги добились осуществления единства белых и негров. В результате в этих отраслях оказалась фактически уничтоженной разница между уровнем заработной платы на Севере и на Юге, разница, весьма существенно дающая себя знать во всех других отраслях промышленности.

Важнейшим фактором последнего времени в совместной борьбе трудящихся негров и белых является движение за объединение в единые профсоюзы на юге США. Этот район страны, в котором до недавнего периода профсоюзы были крайне слабыми и объединяли в своих рядах ничтожно малый процент рабочих, притом почти исключительно белых, охвачен сейчас активным движением за организацию профсоюзов, которые должны включать в себя рабочих независимо от цвета их кожи. Следует отметить, что стремление к созданию таких профсоюзов настолько сильно, что пойти ему навстречу оказалась вынужденной даже реакционная верхушка АФТ—КПП. Для того чтобы не оказаться в хвосте событий и не потерять влияние среди трудящихся масс Юга, профсоюзным боссам пришлось объявить в качестве одной из основных целей АФТ—КПП на современном этапе проведение широкой кампании по организации единых профсоюзов в южных штатах страны.

Не дожидаясь указаний профсоюзной верхушки, рабочие все чаще сами начинают предпринимать шаги для

---

¹²³ «Коммунист». 1957 г., № 3, стр. 59.

установления единства между белыми и неграми. Так, например, объединенный профсоюз горняков, выдвинув лозунг: «В шахте вы не можете отличить негра от белого», осуществляет этот принцип во всей своей деятельности.

Расовый кризис невиданных размеров — не только острейшая внутривнутриполитическая проблема США, он превратился в важную проблему международного характера. Но уже сейчас можно констатировать, что независимо от того, сможет или не сможет Вашингтон найти способ урегулирования конфликтов в отдельных городах страны, протащит или не протащит правительство через конгресс какой-либо законопроект, направленный на ослабление дискриминационных порядков и насколько куц он будет, главное состоит в том, что освободительная борьба негритянского народа США приняла массовый и необратимый характер. Как нельзя остановить горный обвал плотной из камешков, так и американской буржуазии не удастся, как выражается буржуазная печать, «нормализовать положение» различного рода маневрами и мелкими уступками.

Подъем борьбы негритянского народа США, поддерживаемого широкими слоями американских трудящихся, вновь показывает несостоятельность позиции тех горе-теоретиков, которые поспешили сбросить со счетов борьбу народов развитых капиталистических стран, противопоставляя ей национально-освободительное движение народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Борьба американских трудящихся — белых и негров — показывает, какие огромные потенции имеются у рабочего класса развитых капиталистических стран. А то обстоятельство, что ударным отрядом трудящихся США являются в настоящее время негры, показывает неразрывную связь между борьбой международного рабочего класса и национально-освободительным движением народов Азии, Африки и Латинской Америки, говорит о недопустимости отрыва этих тесно связанных между собой частей единого революционного потока.

Негритянская проблема будет оказывать огромное и все возрастающее влияние не только на внутривнутриполитическую обстановку в стране, но и на позиции США на международной арене, прежде всего в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Негритянскому народу,

всем прогрессивным американцам, стоящим на стороне негров, на стороне справедливости, предстоит долгая и упорная борьба, которая потребует немалых жертв и огромных усилий. В этой борьбе будут и успехи, и временные неудачи, приливы и отливы. Но борьба будет нарастать, расширяться и кончиться крахом всей позорной системы расовой дискриминации и угнетения людей.

Борьба негритянского народа США, активно поддерживаемая всей прогрессивной Америкой, является важнейшим фактором борьбы трудящихся масс против монополий, против антинародного курса их политических прислужников. Беспрецедентные масштабы этой нарастающей борьбы убедительно говорят о больших революционных потенциях трудящихся США, служат провозвестником будущих еще более мощных битв.

ВЫБОРЫ 1960 ГОДА И ПОРАЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ

Одним из наиболее ярких и убедительных показателей того, что политический курс, взятый правительством республиканской партии США, отвергается американскими народными массами, было то, что республиканцы за период с 1953 по 1958 год проиграли все избирательные кампании по выборам в конгресс. Несмотря на все усилия, которые предпринимали республиканцы, несмотря на использование, в целях выигрыша избирательных кампаний, государственного аппарата, несмотря, наконец, на значительно большую по сравнению с демократической партией поддержку, которую оказывали республиканской партии монополии, и, следовательно, наличие значительных сумм на ведение предвыборной агитации, республиканцы начиная с первых же после 1952 года выборов стали терпеть серьезные поражения. Избиратели явно отказывали в доверии партии, осуществлявшей открыто промонополистическую политику.

И только глубоко антидемократическая система, существующая в США, хотя и вознесенная до небес американской пропагандистской машиной, давала возможность правительству республиканской партии, несмотря на явное неодобрение избирателями ее политического курса, продолжать осуществление этой политики.

Уже первые общенациональные выборы, состоявшиеся через два года после начала хозяйничанья республиканцев, принесли им серьезную неудачу.

В выборах 2 ноября 1954 г. приняло участие менее половины избирателей. «Политическое недовольство в национальных масштабах является отличительной чертой выборов 1954 года,— писала по этому поводу вашингтонская газета «Стар».— Никогда до этого, по крайней мере в последние годы, столь большое число американцев не проявляло такого безразличия к кандидатурам, баллотирующимся на выборах... Правильно это или нет, но народ не имеет иного пути высказать свое недовольство, как только воздержаться от участия в голосовании»¹.

Нельзя рассматривать как внушительную победу республиканской партии и исход президентских выборов 1956 года. Несмотря на то что республиканцам удалось в ходе этих выборов удержать за собой Белый дом, результаты голосования недвусмысленно свидетельствовали о том, что избиратели отворачиваются от этой партии.

Даже в ходе промежуточных выборов, когда президент не избирается, а переизбирается состав палаты представителей и треть состава сената, не часты случаи, когда партия, чей представитель занимает пост президента, оказывается не в состоянии добиться большинства в конгрессе. Что же касается президентских выборов, то такая ситуация почти беспрецедентна.

Тем не менее в ноябре 1956 года республиканцы не только не сумели вернуть себе контроль над конгрессом, потерянный ими в 1954 году, но, наоборот, еще больше ослабили свои позиции в Капитолии. Избиратели забаллотировали значительное количество кандидатов этой партии.

Не случайно многие американские политические деятели расценили результаты выборов 1956 года как личный успех Эйзенхауэра, но отнюдь не как победу возглавлявшейся им партии. Анализируя исход выборов, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Сравнение результатов голосования за президента показывает, что имела место личная победа Эйзенхауэра. Эйзенхауэр получил на 7,4 млн. голосов больше, чем

---

¹ «Star», Nov. 5, 1954.

было подано в общей сложности за всех кандидатов республиканской партии, баллотировавшихся в палату представителей... Несмотря на энергичную кампанию президента Эйзенхауэра, республиканские кандидаты оказывались в затруднительном положении в одном штате за другим. На будущих выборах им нельзя будет хватиться за фалды Эйзенхауэра»².

Так, единственным капиталом, на который рассчитывали в ходе выборов силы, стоящие за республиканской партией, была всячески раздуваемая популярность личности Эйзенхауэра. Помимо ореола «героя войны» пропаганда приписывала Эйзенхауэру в качестве его личных заслуг такие шаги, как вынужденное прекращение войны в Корее, участие президента в Женевском совещании глав правительств великих держав и некоторые другие. Американская пропаганда всячески стремилась создать впечатление, что президент не несет ответственности за агрессивную политику Вашингтона, связывая ее исключительно с Даллесом, которому не нужно было представлять перед избирателями.

То же самое делалось и в отношении различных непопулярных шагов в области внутренней политики. Здесь в ход шли имена политиков, чье положение не зависит от голосования избирателей. Что же касается Эйзенхауэра, то в течение всего срока его президентства пропагандистская машина монополий всячески оберегала его имя, которое нужно было для того, чтобы использовать его в ходе предвыборных кампаний. Такая ловкая тактика давала свои результаты, и, несомненно, исход президентских выборов 1956 года был с ней связан в немалой степени.

Именно поэтому, несмотря на то обстоятельство, что Эйзенхауэр перенес два тяжелых заболевания и его физические силы оказались подорванными, несмотря на то, что он дал понять, что не стремится к выдвижению своей кандидатуры на второй срок, круги, заинтересованные в сохранении у власти республиканской партии, настояли на выдвижении его кандидатуры вторично.

То, что престиж республиканской партии в связи с ее нахождением у кормила власти оказался подорванным самым существенным образом, с особой наглядностью

---

² «U. S. News and World Report», 1956, Dec. 14.

показали выборы 1958 года. На сей раз республиканцы потерпели особенно жестокое поражение. Они не только не сумели вернуть себе контроль над обеими палатами конгресса, но вообще оказались в нем партией меньшинства, и притом значительного.

Таблица 6

**Распределение мест в конгрессе США
в период пребывания у власти республиканской партии**

Годы	Созыв конгресса	Сенат			Палата представителей		
		демократическая партия	республиканская партия	другие партии	демократическая партия	республиканская партия	другие партии
1953—1954	83	47	48	1	213	221	1
1955—1956	84	48	47	1	232	203	0
1957—1958	85	49	47	0	235	200	0
1959—1960*	86	64	34	0	283	153	0

* В связи с получением Аляской статуса штата число мест в сенате увеличилось до 98, а в палате представителей — до 436.

Источник: «U. S. News and World Report», 1956, Dec. 14.

Выборы губернаторов штатов в 1958 году также дали весьма значительный перевес кандидатам демократической партии. Ее представители заняли губернаторские посты в 35 штатах, а губернаторы-республиканцы возглавили местную администрацию в 14 штатах.

Выборы 1958 года, дав демократической партии серьезное большинство в конгрессе, поставили ее перед сложной проблемой. Фактически после выборов 1958 года демократическая партия, взяв в свои руки прочный контроль над конгрессом и получив возможность самым существенным образом влиять на политику Вашингтона, перестала быть оппозиционной партией и по сути дела стала второй правящей партией. Действительное положение дел таково, что в ходе выборов 1960 года американские избиратели высказывались не по поводу политики одной партии, а по поводу двухпартийной линии республиканцев и демократов.

«Стратегическая цель борьбы за демократию,— подчеркнул Ю. Деннис в докладе на пленуме Национального комитета Коммунистической партии США,— при данной ситуации в нашей стране состоит в ограничении власти монополий.

Обостряющийся конституционный кризис на Юге, глубокий кризис во внешней политике Соединенных Штатов, острый кризис в области просвещения и неуверенность молодого поколения в будущем, а также усугубляющийся кризис безработицы и автоматизации — все это служит свидетельством того факта, что нашему народу и нашей стране срочно нужна народно-демократическая коалиция под здоровым руководством рабочего класса, чтобы обуздать монополии, организовать максимально широкий политический союз и массовые движения, дабы сорвать планы атомных маньяков, расистов и сторонников открытого цеха»³.

Такова была обстановка, когда в повестку дня американской политической жизни встала подготовка к очередным президентским выборам. Подошло к концу восьмилетнее пребывание у власти республиканской партии. Политический баланс этого периода был явно отрицательным для заправил главной партии американского монополистического капитала.

Республиканцам предстояло идти на выборы без своего главного политического козыря — безмерно раздутого авторитета Эйзенхауэра. События последних месяцев его пребывания у власти, злополучный полет американского разведывательного самолета «Локхид У-2» над Советским Союзом, срыв Вашингтоном паришского совещания на высшем уровне, обструкция, устроенная трудящимися Японии по отношению к американскому президенту, пытавшемуся навязать свой визит японскому народу, — все это изрядно подмочило этот авторитет.

К этому следует добавить и то, что при всем желании республиканцы не могли уже повторить «операцию фалды», так как, согласно поправке к конституции, Эйзенхауэр не мог баллотироваться на третий срок.

Имея в своем политическом багаже лишь провалы и поражения, лишившись и популярности лидера, и самого

---

³ «Political Affairs», 1959, Jan.

лидера, республиканская партия бесславно приближалась к предвыборной кампании 1960 года.

В ходе предыдущих предвыборных кампаний проблемы внешней политики публично не обсуждались, а тем более не ставились на суд избирателей. Но в 1960 году именно эти проблемы стали основными в политической жизни США.

Это, конечно, не означало, что миллионы американцев, бьющихся над вопросом, как свести концы с концами, склонны были недооценивать свои внутренние трудности. Не значило это и то, что 4 млн. безработных вместе со своими семьями, которые были в США в 1960 году, были довольны своим положением. Отнюдь нет. Но это значило, что большинству американцев стало понятно, что проблема сохранения мира — это проблема номер один.

Не в состоянии были отмахнуться от этой проблемы и политические деятели США. Успехи СССР, приведшие к кардинальному изменению в соотношении сил на международной арене, разрушили мир иллюзий, в котором обретались иные из них. «Выборы 1960 года,— писал видный американский политический обозреватель Чалмерс Робертс,— от всех остальных отличает большое изменение в соотношении сил мировых держав в последние годы. Главной датой, ознаменовавшей это изменение, было 4 октября 1957 года — день появления в космосе первого русского спутника»⁴.

Для американского избирателя стали очевидными две истины: во-первых, с могучим социалистическим государством надо жить в мире; во-вторых, с этим государством можно жить в мире, ибо Советский Союз никаким образом не угрожает Соединенным Штатам, искренне стремится к сотрудничеству и мирному сосуществованию с ними.

На первом этапе кампании видную роль играл Н. Рокфеллер. Однако затем он предпочел заблаговременно «выйти из игры». Важной причиной такого решения было несоответствие агрессивной платформы Н. Рокфеллера настроениям избирателей.

Необходимо подчеркнуть, что в решении, принятом Н. Рокфеллером, отказаться от борьбы за пост прези-

---

⁴ «Washington Post and Times Herald», Nov. 8, 1959.

дента в избирательной кампании 1960 года сыграло роль и еще одно обстоятельство. Речь идет о тайном, но весьма значительном противодействии выдвижению его кандидатуры со стороны могущественных финансовых групп страны. Совершенно очевидно, что соперничающие с Рокфеллерами группировки, и в первую очередь такие из них, как Морганы и Дюпоны, не могли не быть обеспокоены тем, что их конкуренты получают в свои руки пост президента, что откроет перед ними большие возможности для расширения влияния «империи» Рокфеллеров.

Во всяком случае бюллетень «Морган гаранти траст» выступил с заявлением, в котором критиковал рокфеллеровские взгляды по вопросам внешней политики. Почти одновременно один из могущественнейших финансовых институтов США, «Ферст нэшнел сити бэнк оф Нью-Йорк», подверг критике высказывания Н. Рокфеллера по вопросам американской экономики. Активное противодействие выдвижению Рокфеллера со стороны могущественных финансовых сил, безусловно, ухудшало его шансы в республиканской партии и, очевидно, также сказалось на принятом им решении. Это следует обязательно иметь в виду и в связи с нынешними, а также возможными будущими политическими планами и притязаниями Н. Рокфеллера. В ходе кампании 1964 года многие американские обозреватели говорят о том, что главным препятствием Рокфеллера на пути в Белый дом явились скандальные подробности его развода с женой, с которой он прожил много лет, и женитьбы на разведенной женщине, оставившей своих детей. Однако несомненно, что рокфеллеровские миллиарды в состоянии преодолеть это препятствие. Главным же в 1964 году оставался и, очевидно, будет оставаться страх могущественных групп перед возможностью прихода на пост президента одного из руководителей группировки-конкурента.

Судя по всему, этот деятель надеется дождаться лучших для себя времен.

«Выход из игры» Н. Рокфеллера облегчил положение Р. Никсона, сделав его основным кандидатом республиканской партии в 1960 году.

Пребывание на посту вице-президента дало возможность Никсону в значительной степени прибрать к своим рукам аппарат республиканской партии. Это существен-

ным образом облегчило выдвижение его кандидатуры партийным съездом. Потенциальными претендентами на выдвижение от республиканской партии считались также такие ее деятели, как бывший губернатор Калифорнии, председатель Верховного суда Эрл Уоррен и неоднократно выступавший в этой роли Гарольд Стассен.

Но что касается Уоррена, то он предпочел не ввязываться в борьбу с Никсоном, выжидая более удобного для себя момента. Позиции же Стассена, этого моргановского ставленника, были в тот момент ослаблены в связи с тем, что в ноябре 1959 года, выдвинув свою кандидатуру на пост мэра Филадельфии, Стассен потерпел поражение от демократа Дилуорта.

«Слабым местом» Никсона в качестве претендента на президентское кресло считались его чересчур тесные связи с калифорнийской финансовой группировкой. Политические наблюдатели указывали, что могущественные корпорации Уолл-стрита не захотят видеть на посту президента человека, тесно связанного не с ними, а с их конкурентами.

Однако в 1959 году в этом вопросе наметились важные изменения. Никсону, судя по всему, удалось наладить отношения с влиятельными деловыми кругами восточных штатов. Факты говорят о том, что, например, группировка Морганов отдала явное предпочтение калифорнийцу Ричарду Никсону перед одним из «китов» Уолл-стрита Нельсоном Рокфеллером. Знаменательным в этом отношении фактом было то, что в конце 1959 года группа крупных финансистов и предпринимателей Нью-Йорка объявила о создании специального «клуба за Никсона на посту президента». В поддержку Никсона выступили и руководители одной из ведущих моргановских компаний — «Дженерал электрик».

Весьма любопытной деталью, характеризующей круги, поддерживавшие в кампании 1960 года кандидатуру Никсона, являются результаты опроса, проведенного журналом «Форчун», связанным с крупнокапиталистическими кругами США. Этот журнал обратился к 1700, как он выразился, «высшим администраторам американской промышленности» с вопросом, кого из кандидатов они поддерживают. Значительное большинство из опрошенных бизнесменов — 76% — высказалось в пользу Никсо-

на. В поддержку Стивенсона в этой аудитории раздалось 2% голосов, за Кеннеди — 0,8% ⁵.

О поддержке, которую оказывала своему фавориту группа Джаннини из «Бэнк оф Америка», говорить не приходится.

Все это в значительной степени укрепило позиции Никсона. Правда, что касается избирателей, то здесь дело обстояло для Никсона не так благополучно. «Будучи превосходным торговцем политикой, — констатировали авторы книги «Кандидаты 1960 года», вышедшей накануне предвыборной кампании, Никсон нуждается в хорошем товаре для продажи. В 1952 и 1956 годах он имел Эйзенхауэра. В 1960 году он имеет лишь самого себя» ⁶.

В ходе избирательной кампании 1960 года на политической авансцене США оказался целый ряд деятелей, которые, очевидно, будут играть значительную роль в политической жизни США в предстоящие годы. Можно констатировать, что особенностью предвыборной кампании 1960 года является то, что заметную роль в ней стали играть деятели, которые до этого не рассматривались на американской политической арене как фигуры первостепенные. Если основным кандидатом республиканской партии на пост президента с самого начала предвыборной кампании, а особенно после отказа Рокфеллера, был Р. Никсон, то в демократической партии за пост президента борьбу вели ряд деятелей, представлявших интересы различных монополистических групп и политических группировок.

Джон Кеннеди в качестве лидера демократической партии на выборах 1960 года был одной из самых больших и неожиданных политических сенсаций в политической послевоенной жизни США. В момент предвыборной кампании этому сенатору от штата Массачусетс было 42 года.

Кеннеди, сын крупного бостонского банкира и предпринимателя Джозефа Патрика Кеннеди, свою политическую карьеру начал в качестве сотрудника своего отца, бывшего накануне второй мировой войны послом США в Лондоне. Во время войны находился на тихоокеанском

⁵ «Fortune», 1959, Nov.

⁶ «Candidates 1960, Behind the Headlines in the Presidential Race», N. Y., 1960, p. 200.

театре военных действий. В качестве морского офицера принимал участие в боях с японским флотом. В 1946 году избирается в конгресс, переизбираясь с тех пор систематически. Каждая предвыборная кампания стоила семейству Кеннеди немалых денег. Так, например, в 1952 году она обошлась, по свидетельству американских газет, в 350 тыс. долл. В ходе предвыборной кампании 1960 года, как сообщает печать, Дж. Кеннеди израсходовал на свою кампанию только из собственного кармана свыше миллиона долларов — роскошь, доступная представителю лишь состоятельного семейства. Впервые в качестве политика, привлекающего к себе внимание, Дж. Кеннеди появился в 1956 году, когда Эдлай Стивенсон выразил намерение сделать его своим партнером по избирательному списку в качестве вице-президента. Затем Стивенсон отдал предпочтение сенатору Кефверу. Но начиная со съезда демократической партии 1956 года Кеннеди стал считаться на партийном небосклоне человеком перспективным. Правда, имя его в США было малоизвестным, его знали только в узких кругах верхушки демократической партии.

О семействе Кеннеди, принадлежащем к числу богатейших в США, говорилось выше. О деятельности Дж. Кеннеди на посту президента пойдет речь в следующей главе. А сейчас следует сказать несколько слов о биографии и личных данных человека, стремительно взлетевшего на американском политическом небосклоне и внезапно и столь трагически его покинувшем.

Остановиться на этом сейчас, когда Дж. Кеннеди нет уже в живых, стоит прежде всего потому, что его личность наложила определенный отпечаток на политику Вашингтона в важное трехлетие, в течение которого он возглавлял правительство США. Это представит интерес также и потому, что политическая фигура Джона Кеннеди в известной степени типична для определенного круга американских деятелей начала 60-х годов, о чем еще будет речь. И, наконец, нельзя считать, что то, что именуется в американской политической литературе «кланом Кеннеди», сказало уже свое последнее слово. Говоря об этом клане, его официальный биограф Джо Маккарти в книге «Удивительное семейство Кеннеди» пишет: «Дети Джо Кеннеди выросли на редкость сплоченным кланом. Одна из сестер Джона заметила как-то, что долго каза-

лось, будто никто из детей Джо не заинтересуется никогда кем-нибудь вне семейного круга настолько серьезно, чтобы жениться. Знакомые, менее склонные к восхищению, подозревают, что замкнутость и солидарность семейства Кеннеди сделала их эгоистами. Некоторые наблюдатели отмечали, что одобрение внутри семейного круга, кажется, значит для них больше, чем похвалы в обществе. Один из них добавляет: „Когда кто-нибудь со стороны грозит помешать намерениям любого из них, все семейство смыкается в тесный круг, опустив рога, как стадо бизонов, осажденное волками”⁷.

«Клан Кеннеди» и сегодня, после гибели Дж. Кеннеди, остается на политической арене США влиятельной группой. Не случайно сам Дж. Кеннеди как-то заметил: «Я занялся политикой, потому что погиб Джо (старший брат Джона Кеннеди, убитый в годы второй мировой войны. — В. З.). И точно так же, если бы завтра что-нибудь случилось со мной, Бобби выставил бы свою кандидатуру на мое место в сенате. А если бы умер Бобби, на его место встал бы наш младший брат, Тедди»⁸.

Во всяком случае оба младших брата покойного президента играют сейчас в американской политике заметную роль: Роберт в ходе предвыборной кампании 1964 года котирировался в качестве возможного кандидата на пост вице-президента и во всяком случае как один из претендентов на Белый дом в 1968 году, Эдвард — сенатор от штата Массачусетс, несмотря на свой возраст, пользуется в сенате большим влиянием.

Итак, о Джоне Кеннеди. Он учился в аристократических учебных заведениях. По окончании Гарвардского университета некоторое время, как уже сказано, Кеннеди работал секретарем отца. В этот период он занимался у видного экономиста, одного из крупнейших теоретиков современного английского лейборизма небезызвестного профессора Гарольда Ласки. Эта малоприметная, казалось бы, деталь биографии Дж. Кеннеди имеет тем не менее большое значение, ибо до некоторой степени объясняет, на первый взгляд, не вполне понятное пристрастие отпрыска одной из богатейших семей к кейнсианским

---

⁷ J. McCarthy, *The Remarkable Kennedys*, N. Y., 1960, p. 64.

⁸ *Ibid*

теориям и его стремление опираться на реформистскую верхушку профсоюзов.

Люди, близко знавшие Дж. Кеннеди, утверждали, что это был чрезвычайно честолюбивый и властный человек, сочетавший стремление подчинить всех окружающих своей воле с большой осторожностью.

Первой политической публикацией Дж. Кеннеди была его дипломная работа в Гарвардском университете, опубликованная под названием «Почему не погибла Англия». 40 тыс. экземпляров этой работы продано в США и почти столько же в Англии. «Критика,— пишет американский журналист Дж. Гандольфо,— отнеслась благосклонно к работе, усмотрев в едва достигшем 23-летнего возраста авторе и зрелую уравновешенность, и значительную степень освоения материала»⁹.

Следующий этап в жизни Джона Кеннеди связан со второй мировой войной. По состоянию здоровья (последствия травмы, полученной во время занятия спортом еще в университете, и перенесенной желтухи) Кеннеди не подлежал призыву в армию. Но в результате проявленной им настойчивости он все же был зачислен в армию. Кеннеди принимал участие в боевых операциях на тихоокеанском театре войны в качестве командира торпедного катера, был тяжело ранен и удостоен военных наград. В начале 1945 года Дж. Кеннеди был уволен из армии по состоянию здоровья и уже в феврале этого же года написал трактат «Продедаем мирный эксперимент». В нем он предлагал заключить между США, Англией и СССР соглашение об ограничении вооружений после окончания войны. Необходимость ограничения вооружений для США он мотивировал тем, что экономика страны не вынесла бы тягот новых усилий, если не отказаться от политики полной занятости и не поступиться частной инициативой. Дж. Кеннеди нравилась журналистская работа, но, как отмечает Гандольфо, и для молодого Кеннеди пришел момент решить вопрос, что делать дальше, как применить тот талант, который выявился у него в университете и который его привилегированное экономическое положение позволяло направить туда, куда его больше влекло. Он решил начать политическую карьеру, выставив свою кандидатуру в депутаты пала-

---

⁹ G. Gandolfo, John F. Kennedy, Roma, 1961, p. 21.

ты представителей. Некоторые, подчеркивает Гандольфо, считали, что с этим «бедняжкой богачом» можно будет легко справиться. Но в ходе избирательной кампании все поняли, что этот молодой человек полон решимости и воли и все делает очень серьезно. На выборах Дж. Кеннеди получил 42% голосов, почти вдвое больше, чем его ближайший конкурент, и стал членом палаты представителей. Американские журналисты связывали все с «решимостью и волей» начинающего политика. Спору нет, Дж. Кеннеди этими качествами обладал, но они присущи и многим другим американцам, однако их оказывается недостаточно для столь блестящей карьеры. Профессор-социолог Джеймс Бэрнс, автор интересной книги о Дж. Кеннеди, говорит еще об одном, едва ли не решающем обстоятельстве, определившем успех молодого бостонца.

В 1946 году Дж. Кеннеди был избран в палату представителей.

В 1952 году Кеннеди выставил свою кандидатуру в сенат. Для проведения пропагандистской кампании был создан сильный аппарат, руководимый Робертом Кеннеди. Обычные методы пропаганды были дополнены «избирательными чаепитиями». Чай устраивали в честь «госпожи Розы Кеннеди и ее сына, депутата Джона Кеннеди», и на него приглашались только женщины. Во время чая гостям представляли Дж. Кеннеди не как политического деятеля, а просто как человека с изысканными манерами и обаятельной улыбкой. Разговоры о политике были сведены до минимума. Подсчитано, что в таких «чаепитиях» участвовало 15 тыс. женщин, которые после этого рассказывали своим знакомым о приятном впечатлении, произведенном на них «столь симпатичным и важным человеком»¹⁰.

В сенате Дж. Кеннеди развил бурную деятельность, проявил себя исключительным тактиком, умеющим лавировать между отдельными соперничающими группами, мастером компромисса; вместе с тем он поддерживал самый тесный контакт с избирателями. Все это он осуществлял при помощи личного бюро, укомплектованного хорошими экспертами и советниками, расходуя на его содержание помимо получаемого депутатского вознаграждения

---

¹⁰ G. Gandolfo, John F. Kennedy, p. 43.

граждания 37 тыс. долл. в год и свои собственные деньги. Отныне Дж. Кеннеди был уже известен во всех штатах, и его популярность росла в результате не только парламентской деятельности, но также выступлений в различных частях страны, приглашения на которые он охотно принимал; он также охотно выступал в газетах и журналах, а последние все больше и больше писали о самом Дж. Кеннеди и его выступлениях. О его возросшей известности свидетельствовали результаты следующих выборов в сенат в 1958 году, когда Кеннеди получил 1363 тыс. голосов, на 875 тыс. больше, чем его ближайший конкурент¹¹. Летом следующего года условия борьбы за место в Белом доме стали такими, что Дж. Кеннеди вынужден был купить самолет, чтобы иметь возможность свободно передвигаться по стране, не будучи связанным с расписанием воздушного и наземного транспорта.

Появление на авансцене избирательной кампании Дж. Кеннеди вначале было встречено опытными наблюдателями со значительной долей скепсиса. В качестве его слабых мест как знаменосца партии назывались следующие обстоятельства: его сравнительно малая известность до 1960 года; его принадлежность к семье миллиардеров, что усугублялось тем, что, будучи сенатором, он неоднократно голосовал за антирабочие законы, а это настораживало профсоюзы, являющиеся источником большого количества голосов, собираемых демократической партией, и, наконец, слабым местом Кеннеди являлось также и то, что он католик. В ходе 44 президентских выборов за 170 лет существования США на пост президента страны не избирался ни один католик, что связано с давними американскими политическими традициями. Все эти обстоятельства ослабляли позиции Дж. Кеннеди.

Однако Дж. Кеннеди решил противопоставить всем этим невыгодным для себя факторам необычайную энергию, крупные денежные суммы и самые щедрые обещания, помноженные на искусное использование настроений американских избирателей, имевших место в 1960 году. Деятельность Джона Кеннеди — небольшая по срокам, но, безусловно, примечательная, свидетельствует о незаурядных качествах этого политика. Будучи

---

¹¹ G. G a n d o l f o, John F. Kennedy, p. 83.

плоть от плоти своего класса, оставаясь до конца на позициях защиты интересов американского монополистического капитала, Дж. Кеннеди обладал широким политическим кругозором, умением видеть реальные факты такими, как они есть, и делать из этого практические выводы, умением подняться над узкопрактическими расчетами. В наш век, когда буржуазия, теряя под ногами почву, склонна к авантюристическим метаниям и политическим безумствам, такие качества у буржуазного политика — вещь в достаточной степени редкая, что превратило Дж. Кеннеди в деятеля незаурядного. Именно это и привело к тому, что в течение короткого времени (немного более десяти лет) он из малоизвестного начинающего политика-любителя превратился в крупного государственного деятеля мирового масштаба.

Остановимся на других фигурах кампании 1960 года. О них следует сказать потому, что и в настоящее время все эти деятели остаются на политической авансцене и играют заметную роль в политической жизни США. Одним из соперников Дж. Кеннеди в демократической партии в ходе предвыборной кампании был Эдлай Стивенсон. Стивенсон возглавлял список партии на выборах 1952 и 1956 годов. Он родился в Лос-Анжелосе в 1900 году в состоятельной семье. О его деловых интересах говорилось выше. Он получил юридическое образование. В правительстве Франклина Рузвельта Стивенсон занимал пост помощника морского министра. Затем был помощником государственного секретаря. В 1948 году стал губернатором одного из наиболее промышленных штатов страны — Иллинойса. Будучи начиная с 1952 года лидером демократической партии, группирует вокруг себя политиков, высказывающихся за так называемую «умеренную» политику. «Между скептической позицией Кеннеди и более воинственной позицией Саймингтона,— констатировал журнал «Нэйшн»,— Эдлай Стивенсон разработал следующий подход: „Давайте нащупаем для себя путь вперед”»¹².

Другим из «новых лидеров», игравших большую роль в кампании 1960 года, был сенатор Г. Хэмфри. Он родился в 1911 году в семье аптекаря. Получил фармацевтическое образование, но затем занялся политической дея-

---

¹² «Nation», 1959, Oct.

тельностью. Работал в различных учреждениях правительства Рузвельта. В 1945 году стал мэром Миннеаполиса и с тех пор играет заметную роль в демократической партии. Будучи избранным в 1948 году в сенат, примкнул к так называемому «либеральному крылу» партии, сотрудничал с верхушкой американских профсоюзов. Хэмфри выступил против ряда антирабочих законов, внесенных на рассмотрение конгресса. В области внешней политики высказывался за известное ослабление международной напряженности. После гибели Кеннеди роль Хэмфри в демократической партии возросла. Американские наблюдатели связывают это с тем, что Джонсон, отношения которого с профсоюзами и негритянскими организациями не являлись особенно близкими, нуждается в поддержке Хэмфри, рассматривая его в качестве связующего звена с этой частью избирателей. Именно поэтому имя Хэмфри в 1964 году было названо в качестве претендента на пост вице-президента.

Значительную роль в демократической партии играет 64-летний сенатор от штата Миссури Стюарт Саймингтон. На первом плане он оказался также в ходе предвыборной кампании 1960 года. До этого, правда, он занимал видные посты, в частности был министром авиации правительства Трумэна. Однако в качестве самостоятельного политического лидера не котируется. Саймингтон — крупный предприниматель, миллионер, тесно связанный с кругами военных промышленников. «Своим продвижением он обязан близким отношениям с бывшим президентом Трумэном, играющим большую роль в руководстве демократической партии»¹³.

Возросшая роль Саймингтона в руководстве демократической партии, та роль, которую он сыграл в предвыборной кампании 1960 года и в последующие годы, заставила американских исследователей внимательнее заняться биографией этого деятеля. Вышла, в частности, книга американского социолога П. Уэллмэна «Стюарт Саймингтон (Рассказ о человеке и его призвании)». Автор рисует, независимо от своего желания, портрет беззащитного карьериста и беспринципного дельца.

«Проработав несколько лет газетным репортером,—

---

¹³ «Candidates 1960, Behind the Headlines in the Presidential Race», p. 245.

пишет Уэллмэн,— Саймингтон в 1924 году женился на дочери очень богатого и влиятельного сенатора-республиканца Джеймса Уордсуорта. Женитьба явилась «переломным пунктом» в карьере Саймингтона»¹⁴. Занявшись предпринимательской деятельностью, Саймингтон, как отмечает Уэллмэн, проявляет «исключительную напористость и конкурентоспособность» и после ряда весьма прибыльных операций, связанных с организацией и перепродажей промышленных предприятий, становится довольно крупным промышленником и состоятельным человеком.

Когда началась вторая мировая война, Саймингтон немедленно реорганизовал свои предприятия в Сан-Луисе, приспособив их для производства авиационного вооружения. «Военный бизнес, — отмечает автор, — оказался наиболее выгодным для Саймингтона — его среднегодовая прибыль в годы войны превышала 100 млн. долл.»¹⁵.

И, наконец, в ходе предвыборной кампании 1960 года значительно возросла роль лидера партии в сенате Линдона Джонсона (родился в 1908 г.). Представляя в сенате штат Техас, Джонсон пользовался прежде всего поддержкой консервативных элементов демократической партии.

Выступая в течение той части предвыборной кампании, которая предшествовала съезду, Джонсон маневрировал, выясняя, насколько серьезную поддержку он может получить в партии в качестве претендента на пост президента. За этот высший государственный пост он вел борьбу до последнего момента. Активно действовавшие за кулисами съезда сторонники Джонсона, в том числе его земляк, председатель палаты представителей Сэм Рейборн, в качестве главного довода в пользу Джонсона выдвинули довод о том, что только Джонсон может предотвратить раскол между представителями Юга и остальной частью партии.

Этот довод оказался настолько серьезным для партийных лидеров, что, несмотря на отсутствие близости между Кеннеди и Джонсоном и острое политическое соперничество между ними в предшествующий период,

---

¹⁴ P. Wellman, Stuart Symington (Portrait of a Man with a Mission), N. Y., 1960, p. 39.

¹⁵ Ibid., p. 115.

несмотря на сильные позиции в партии у Стивенсона и Хэмфри, летом 1960 года на съезде демократической партии именно кандидатура Линдона Джонсона была выдвинута на пост вице-президента.

Впоследствии политические комментаторы США, подводя итоги выборов 1960 года и анализируя их, утверждали, что политический маневр Дж. Кеннеди был важным обстоятельством, помогшим ему прийти в Белый дом. Впервые за последние годы значительная часть голосов Юга была отдана за официального кандидата демократической партии.

В течение многих десятилетий считалось, что ни один политический деятель с Юга не может занимать высших государственных постов. Корни этой политической традиции уходят во времена гражданской войны между Севером и Югом. Линдон Джонсон — первый из южан, сумевший сломать эту традицию. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что в последние годы неизмеримо выросла роль южных штатов в экономике и политике страны. Группировка техасских миллиардеров вышла на авансцену экономической и политической жизни США и, естественно, потребовала государственных постов, соответствующих ее влиянию. То, что Джонсон сумел сломать столетнюю политическую традицию, став в 1960 году вице-президентом США, не в последнюю очередь связано с ростом влияния этой группировки.

Непредвиденный поворот событий, приведший осенью 1963 года Л. Джонсона в Белый дом, привлек к этому деятелю большое внимание; о нем будет говориться подробнее в следующей главе.

В ходе предвыборной кампании 1960 года демократы не ощущали особого недостатка в средствах, во-первых, потому, что кандидат на пост президента в качестве резерва использовал средства своей семьи (недаром организаторами его предвыборной кампании являлись его младший брат Роберт Кеннеди и их отец, глава «клана Кеннеди» Джозеф Кеннеди), и, во-вторых, потому, что на сей раз монополии по сравнению с предыдущими предвыборными кампаниями увеличили свои взносы в фонд демократической партии.

Система учета расходов на избирательную кампанию в Соединенных Штатах сложна и запутана. Законы, требующие предоставления отчетности о расходах кандида-

тов, дают возможность показывать лишь часть произведенных ими расходов.

Не учитываются, например, расходы в период борьбы за право быть выдвинутым кандидатом от данной партии на пост президента или в члены конгресса. А на этом этапе предвыборной кампании, как известно, претенденты расходуют миллионы долларов.

Официальные данные о расходах на избирательную кампанию в США дают поэтому лишь частичное представление о финансовой стороне избирательного бизнеса. Журнал «Конгрешнел куотерли», ссылаясь на наиболее авторитетных специалистов в области расходов на избирательную кампанию, заявляет, что во время избирательной кампании 1960 года было израсходовано по меньшей мере 175 млн. долл.

Многие крупные корпорации, желая обезопасить себя при любом исходе выборов, делают одновременно взносы в фонды демократической и республиканской партий. Кто бы ни пришел к власти, в любом случае такие корпорации могут рассчитывать на благосклонное отношение к своим интересам.

Миллиардеры, как всегда, щедро финансировали республиканцев. Но и демократы в 1960 году получили в свое распоряжение большие суммы. Факты, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что с точки зрения финансирования избирательная кампания 1960 года была одной из самых благополучных для демократов за все последние годы. Причины этого немаловажного обстоятельства кроются в том, что заправили важнейших монополистических групп и объединений понимали, что у республиканцев, обанкротившихся со своей внутренней и внешней политикой, мало шансов удержаться у власти.

Оберегая миф о том, что демократическая партия «представляет интересы простого американца», миф, созданный буржуазной пропагандой и используемый американскими монополиями с большой для себя пользой с целью обмана масс, крупная буржуазия США не хотела возлагать на демократическую партию задачу проявления инициативы в осуществлении большой серии монополистических мероприятий. Эта задача была возложена на партию республиканцев, которая, как было показано в предыдущих главах, делала все от нее

зависящее, чтобы с наибольшим рвением выполнить ее в течение восьмилетнего президентства Эйзенхауэра.

Но когда основы этой новой промонополистической программы были заложены и приступили к ее осуществлению, когда задача заключалась в том, чтобы продолжить и закрепить начатое, можно было снова пойти на то, чтобы отодвинуть республиканцев в тень, выведя на авансцену демократическую партию.

Учитывая нараставшее недовольство трудящихся непопулярной политикой правительства республиканской партии и стремясь ослабить это недовольство, считаясь с тем, что в политической атмосфере, сложившейся в США в 1959 году, отстоять позиции республиканской партии и сохранить ее у власти будет трудно, воротилы большого бизнеса решили не препятствовать тому, чтобы двухпартийный маятник американской политической жизни качнулся в сторону демократов, в результате чего им была обеспечена более щедрая, чем когда-либо в прошлом финансовая поддержка со стороны крупного капитала.

Все эти решения принимались, разумеется, вдали от глаз широкой общественности, в тиши деловых кабинетов уолл-стритских банков, компаний Среднего Запада и предпринимателей Калифорнии и Техаса. Однако от глаз политических наблюдателей не ускользнул целый ряд обстоятельств, которые указывали именно на такие настроения среди ведущих деятелей американских монополий.

Одним из таких обстоятельств было, в частности, то, что в ходе предвыборной кампании 1960 года демократическую партию и ее кандидатов поддерживало значительно большее число органов печати, радио- и телевизионных компаний, чем в ходе всех предыдущих избирательных баталлий. Другим показателем изменения политического климата были настроения, царившие в среде руководящих деятелей республиканской партии в период предвыборной кампании 1960 года.

Выше отмечалось, что еще в самом начале предвыборной кампании 1952 года, задолго до голосования, в кругах руководства демократической партии был распространен сугубый пессимизм. Там ожидали поражения. В 1960 году, восемь лет спустя, история повторилась, но в обратном порядке. На сей раз пессимизм охватил еще задолго до выборов республиканцев. Но если до выборов эти пораженческие настроения тщательно скрывались, то

уже через несколько дней после выборов руководители республиканской партии в этом признались публично. Уже 12 ноября 1960 г., спустя пять дней после выборов, агентство ЮПИ распространило сообщение, гласившее, что «лидеры республиканской партии дали понять, что они ожидали победы сенатора Джона Кеннеди над вице-президентом Никсоном»¹⁶.

Заявление, несомненно, знаменательное и проливающее свет на закулисную сторону дела в избирательной кампании 1960 года. В свою решающую стадию эта кампания вступила летом 1960 года, когда состоялись национальные съезды республиканской и демократической партий.

С 11 по 15 июля 1960 г. в Лос-Анжелесе проходил национальный съезд демократической партии.

Принятая съездом платформа традиционно состояла из общих фраз и обещаний, рассчитанных на привлечение избирателей. Особенно много благ обещалось избирателям во внутривыборном разделе программы.

В этом разделе программы особо подчеркивалась необходимость усиления экономического роста и отмечалось, что «американская экономика может и должна расти в среднем на 5% в год»¹⁷. Практически единственным средством для достижения роста экономики программа демократов предлагала отказ от так называемой «политики жестких денег» (ограничения кредитов путем повышения процентной ставки, проводившегося республиканским правительством в качестве средства борьбы с инфляцией).

Основную часть внутривыборного раздела представлял «экономический билль о правах», состоявший из обещаний целого ряда мероприятий (ликвидация безработицы, повышение минимального уровня почасовой оплаты с 1 долл. до 1 долл. 25 центов, повышение доходов фермеров и защита интересов мелкого и среднего фермерства, поддержка мелких предпринимателей, расширение программы жилищного строительства, программа медицинского обслуживания для престарелых, расширение программы в области образования и т. д.).

---

¹⁶ «New York Times», Nov. 12, 1960.

¹⁷ «New York Herald Tribune», July 13, 1960.

Весьма знаменательным фактом явилось то обстоятельство, что на первое место в программе демократов был поставлен внешнеполитический раздел, который представлял собой сочетание положений политики «с позиции силы» и заявлений в пользу сохранения мира и уменьшения международной напряженности. Так, признавая, что «общей опасностью для человечества является война и угроза войны», составители программы вместе с тем заявляли, что для обеспечения мира США должны «восстановить» свою «национальную силу», прежде всего военную.

В программе был выдвинут тезис об отставании США в военной области от Советского Союза.

Наиболее полно это было сформулировано в заявлениях Дж. Кеннеди в период последнего этапа предвыборной кампании. В частности, в программном внешнеполитическом выступлении в сенате Дж. Кеннеди заявлял: «Поскольку в последние восемь лет мы не сумели создать позиции длительной силы, мы должны сделать неуязвимой нашу способность нанесения ответного ядерного удара, которая никому бы не уступала по своей силе, сделать это, обеспечив сейчас возможность введения для временной ликвидации нашего отставания воздушной вахты и программы рассредоточения баз, а также совершенствуя и увеличивая производство абсолютного ракетного оружия, которое сможет ликвидировать отставание и не будет уничтожено в случае внезапного нападения»¹⁸.

Съезд республиканской партии проходил в Чикаго с 25 по 28 июля 1960 г. Кандидатами на пост президента и вице-президента были выдвинуты соответственно Р. Никсон и Г. Лодж.

Принятая съездом республиканцев предвыборная программа, несмотря на преднамеренную расплывчатость и завуалированный характер формулировок, со всей очевидностью свидетельствовала о намерении республиканцев продолжать политику «с позиции силы» и гонки вооружений.

Восхваляя мнимые «достоинства» правительства Эйзенхауэра — Никсона, программа по существу оправдывала агрессивный внешнеполитический курс Соединенных

---

¹⁸ «Congressional Records», Oct. 25, 1960, v. 34, part 1, p. 343.

Штатов. Она заявляла о намерении республиканцев придерживаться такой политики и в будущем.

Заявляя о своей открытой поддержке в дальнейшем политики создания агрессивных блоков и военных баз, руководители республиканской партии вместе с тем демагогически призывали ООН выступить «с предложением составить кодекс законов, касающихся использования космоса в мирных целях»¹⁹.

Оценивая результаты съезда республиканской партии, следует особо подчеркнуть факт выдвижения бывшего представителя США в ООН Лоджа кандидатом на пост вице-президента. Выдвижение Лоджа явилось отнюдь не случайным. Его кандидатуру упорно называли на протяжении последних месяцев избирательной кампании 1960 года. Помимо того, что Лоджа поддерживали Эйзенхауэр, Никсон и Рокфеллер, избрание его кандидатом являлось еще одним свидетельством намерения республиканцев занять «жесткий» курс в области внешней политики, и в первую очередь в отношениях с Советским Союзом. После того как Лодж узнал о своем выдвижении кандидатом, он заявил, что, по его мнению, «основным вопросом предвыборной кампании будет подготовка и умение вести борьбу с коммунизмом». А несколько позднее, выступая на пресс-конференции республиканской партии, Никсон сообщил лидерам своей партии, что «в случае его избрания президентом он поручит Лоджу как вице-президенту всю невоенную сторону ведения „холодной войны“»²⁰.

Характерной чертой работы съездов обеих партий было признание, выраженное в той или иной форме, роста сил и могущества Советского Союза и его решающего влияния на развитие международной обстановки. Практически все вопросы рассматривались на съездах под углом зрения отношений США с социалистическими странами, соотношения сил между капиталистической и социалистической системами.

При единстве демократов и республиканцев в главном — в признании серьезности «вызова», бросаемого Соединенным Штатам Советским Союзом, и серьезности

---

¹⁹ «New York Times», July 29, 1960.

²⁰ «Nation», 1960, July 30.

предстоящей борьбы — в характере обсуждения этих вопросов на съездах были и известные различия.

На съезде демократической партии были сделаны некоторые попытки найти пути решения вопросов, которые стояли в то время перед Соединенными Штатами, как-то: попытаться обосновать необходимость изменений в методах и способах проведения американской политики.

Анализ принятых на съездах избирательных платформ показывает, что в области внешней политики, в отличие от формулировок «твердой» политики республиканцев, подход демократов к внешнеполитическим проблемам характеризовался большей гибкостью.

У республиканцев главной темой была политика «твердости» в их борьбе с коммунизмом. Отсюда прославление качества «твердости» у Никсона, который якобы проявил ее во время своей поездки в Советский Союз в 1959 году.

Демократы в своей платформе несколько шире, хотя и с оговорками, рассматривали вопрос о переговорах с СССР. В отличие от республиканцев они делали больший упор на необходимость достижения соглашения по разоружению и испытаниям ядерного оружия. Демократы более гибко ставили вопросы своих отношений с социалистическими странами.

Руководству Национального комитета демократической партии удалось склонить на свою сторону руководителей наиболее видных и крупных профсоюзов страны. Дж. Кеннеди сумел договориться с руководителями профсоюзов рабочих автомобильной промышленности Рейтером, сталелитейной — Макдональдом, профсоюзом дамских портных — Дубинским. По опубликованным данным, за Кеннеди проголосовало 60—70% членов профсоюзов²¹. Остальные высказались в поддержку Никсона.

В поддержку Кеннеди выступал также Ватикан. Вместе с тем католицизм Кеннеди оставался очень уязвимым местом для кандидата от демократической партии в ряде протестантских штатов Юга и Среднего Запада. Это могло ему помешать. Однако при активном участии Национальной ассоциации промышленников была разработана специальная программа деятельности церковной ор-

---

²¹ «New Frontiers of the Kennedy Administration», Wash., 1961, p. 17.

ганизации в целях обработки народных масс в угодном для монополистического капитала направлении. В результате этот подводный камень был обойден.

Учитывая общие настроения большинства избирателей в пользу нормализации советско-американских отношений путем переговоров, Кеннеди заявил избирателям, что он «готов вести их с Советским Союзом». Еще задолго до этого в книге «Стратегия мира» Кеннеди писал, что «можно найти определенные основные цели или интересы, общие для наших стран». «Нам надо сосредоточить свои усилия, — писал Дж. Кеннеди, — на этих потенциальных сферах согласия»²², к которым, по его мнению, относились: а) заинтересованность обеих стран в разоружении; б) незаинтересованность в возникновении ядерной войны; в) желание запретить испытания ядерного оружия; г) заинтересованность во взаимном обмене товарами, идеями и техническим опытом»²³.

Накануне выборов ни один из кандидатов не имел какою-либо явного преимущества.

Все это чрезвычайно обостряло характер предвыборной борьбы и практически делало невозможным предсказать исход выборов.

8 ноября 1960 г. состоялись выборы. Республиканская партия, попытавшаяся совершенно игнорировать новые веяния и настроения избирателей, потерпела поражение. Новым президентом США был избран Джон Фитцджеральд Кеннеди.

Расхождение между числом голосов, полученных обоими кандидатами, было наименьшим за 76 лет. Кеннеди победил в 23 штатах, получив большинство по всей стране в 113 тыс. голосов. Никсон победил в 26 штатах. В штате Миссисипи победу одержали выборщики, не давшие обязательства голосовать за определенного кандидата.

В соответствии с полными официальными данными о результатах президентских выборов 8 ноября 1960 г. кандидат демократической партии Джон Фитцджеральд Кеннеди получил 34 221 355 голосов, а кандидат от республиканской партии Ричард М. Никсон — 34 109 398 голосов. Иными словами, перевес был весьма незначите-

---

²² J. Kennedy, *The Strategy of Peace*, N. Y., 1960, p. 11.

²³ *Ibid.*

лен — в 113 928 голосов. Это самое незначительное большинство за период после выборов 1884 года.

В голосовании приняло участие свыше 68 млн. избирателей. Если учесть, что в США к тому времени насчитывалось 108 млн. граждан избирательного возраста, то сразу станет ясным, что многие американцы не принимали участия в выборах.

Тот факт, что Кеннеди победил Никсона с очень небольшим перевесом голосов, вызвал попытки республиканцев как-то изменить итоги голосования в ряде штатов. Так, они пытались провести новый подсчет голосов в штатах Иллинойс и Техас, а в министерство юстиции были направлены протесты, требовавшие расследований ввиду ущемлений прав негров в ряде мест Юга, желавших якобы голосовать за республиканскую партию. Республиканцы пытались также оказать давление на поддержавших Кеннеди выборщиков в штатах Джорджия и Алабама, с тем чтобы сократить общее число выборщиков за Кеннеди. Однако усилия республиканцев не увенчались успехом, и Никсон признал свое поражение.

Исход выборов в пользу демократической партии определила борьба главным образом за крупные промышленные штаты. Из 11 штатов Юга Кеннеди победил в семи, что дало ему 81 выборщика, уступив Никсону только 33 выборщиков из штатов Вирджиния, Флорида и Теннесси.

Добившись избрания своего кандидата, демократы сохранили свой контроль в конгрессе США.

На выборах губернаторов демократы победили в 15 штатах, республиканцы — в 12 штатах. Из общего числа штатов демократы имели 34 губернатора (было 33), республиканцы 16 (было 17) ²⁴.

19 декабря 1960 г., выполняя конституционную формальность, 537 выборщиков, избранных в ходе голосования 8 ноября, собрались в 50 штатах, чтобы проголосовать за фактическое избрание президента. Выборщики проголосовали в столицах своих штатов. Официальный подсчет их голосов был произведен на совместном заседании обеих палат конгресса 3 января 1961 г. Выборы завершились. Республиканская партия США, приведенная к власти в ноябре 1952 года и руководившая аме-

---

²⁴ «New York Herald Tribune», Nov. 16, 1960.

риканской государственной машиной в течение восьми лет, потерпела поражение и, будучи отвергнутой избирателями, покидала вашингтонские департаменты.

Пытаясь объяснить поражение республиканской партии, лидеры партий, политические комментаторы и печать приводили различные объяснения. Так, штаб-квартира Никсона официально трактовала поражение своего кандидата как следствие «силы организаций демократической партии в больших городах; влиянием профсоюзов и того, что кандидатура Линдона Джонсона в качестве партнера Кеннеди по избирательному списку обеспечила поддержку этому списку среди консерваторов Юга»²⁵.

В то же время, вскоре после выборов, анализируя исход голосования, «Нью-Йорк таймс» поместила обзор, озаглавленный в достаточной степени красноречиво: «Голоса негров оказались весьма существенными для победы Кеннеди». Статья констатировала: «В новых анализах результатов выборов, только что сделанных партийными специалистами, подчеркивается важное значение голосов негров для победы только что избранного президента Джона Кеннеди. Однако значение голосов негров для сенатора Кеннеди не ограничивается крупными городами Севера... Переход избирателей-негров на сторону демократической партии за период между 1956 и 1959 годами был особенно важным для него»²⁶.

Приведя еще некоторое количество данных по различным районам страны, свидетельствовавших о росте числа голосов негров, отданных кандидату демократической партии, газета писала: «В связи с этими цифрами возникает вопрос: каким образом сенатор Кеннеди добился этого? Почему негритянские избиратели перешли на его сторону?»

Большинство людей, занимавшихся анализом, дают разные ответы. Они считают, что одна из причин носит экономический характер. Негры сильнее всего страдали от безработицы, и со времени политики нового курса они голосовали за демократическую партию, так как эта партия выступает в поддержку менее состоятельных экономических групп.

Однако большинство наблюдателей соглашается, что

---

²⁵ «New York Times», Nov. 12, 1960.

²⁶ «New York Times», Nov. 27, 1960.

гражданские права также играли важную роль. Считают, что вице-президент Никсон почти ничего не сделал для того, чтобы солидаризироваться с делом негров в предвыборной кампании, и что сенатор Кеннеди сделал в этом отношении очень много»²⁷.

Еще одной причиной поражения республиканцев на выборах 1960 года, по словам американских политических комментаторов, было отсутствие популярного кандидата, невозможность осуществить, подобно тому как это имело место в 1952 и 1956 годах, пресловутую «операцию фалды».

Все эти объяснения поражения, которое потерпела республиканская партия в ходе выборов 1960 года, в большей или меньшей степени отражают отдельные стороны избирательной кампании, объясняют некоторые частности. Но они не объясняют главного. Больше того, буржуазная пропаганда, раздувая всевозможные второстепенные обстоятельства, тщательно обходит это главное, стремится скрыть его от общественности.

А между тем главное, основное и решающее в результатах выборов 1960 года заключалось в том, что отвергнутыми оказались не те или иные кандидаты, а в том, что американские избиратели высказались против того курса, который в течение восьмилетнего периода — с 1953 по 1960 год — осуществляло правительство республиканской партии США. Поражение республиканцев было прямым следствием той антинародной и антинациональной политики, которая осуществлялась правительством Эйзенхауэра.

Американская двухпартийная система, усиленно рекламируемая буржуазной пропагандой и выдаваемая за верх демократии, в действительности не дает подлинных возможностей народного волеизъявления. Вынужденные «выбирать» между двух зол, между кандидатами двух партий американских монополий, избиратели являются в значительной мере статистами в избирательном фарсе, разыгрываемом по режиссерскому плану монополий.

Вместе с тем одной из немногих форм протеста против политики Вашингтона является в США голосование против кандидатов правящей партии, что и имело место

---

²⁷ «New York Times», Nov. 27, 1960.

в ходе выборов 8 ноября 1960 г. Говоря об итогах выборов 1960 года, следует говорить о поражении правящей республиканской партии, о явно и недвусмысленно выраженном большинстве избирателей требовании изменения политического курса Вашингтона, осуществлявшегося в предшествующее восьмилетие.

МОНОПОЛИИ И ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Замена в Вашингтоне республиканской партии демократической, происшедшая в результате выборов 1960 года, не была просто результатом того, что американский политический «маятник» качнулся в другую сторону.

Как международная обстановка, так и ситуация внутри страны подсказывали необходимость изменения методов государственного руководства. Для решения новых задач, вставших перед Соединенными Штатами, перед монополиями США в начале 60-х годов, требовались иные методы, нежели те, при помощи которых действовали республиканцы в 50-х годах.

Если попытаться сформулировать эти задачи в самом кратком виде, то надо констатировать следующее.

На международной арене период пребывания у власти республиканцев ознаменовался существенным изменением положения Соединенных Штатов в мире. Решающее значение, определяющее все остальное, имели те изменения, которые произошли в соотношении сил между капитализмом и социализмом. Говоря об относительном уменьшении экономической роли и политического влияния США внутри капиталистического мира, ставшем реальностью к началу 60-х годов, прежде всего следует

подчеркнуть абсолютное уменьшение политической, экономической и военной роли стран капитализма и превращение социалистических стран в решающий фактор мирового развития.

«Расчеты американского империализма на монополию в области атомного оружия провалились, — подчеркивается в Программе КПСС. — США не смогли сохранить достигнутый удельный вес в экономике капиталистического мира, хотя они и остаются его главной экономической, финансовой и военной силой. США — самая сильная капиталистическая держава — прошли точку своего зенита и вступили в полосу заката»¹. Именно под знаком такого явственно обозначившегося заката империализма США идет в последние годы исторический процесс, этот закат накладывает неизгладимый след на все действия американской буржуазии, политику ее слуг в Вашингтоне.

Теряют свою прежнюю роль США и в капиталистическом мире. Если в конце 40 — начале 50-х годов США не имели себе равных как по экономической мощи, так и по политическому весу, занимая положение лидера капиталистического мира, то к концу 50 — началу 60-х годов положение изменилось. Оставаясь по-прежнему самой сильной капиталистической державой, Соединенные Штаты Америки потеряли свое исключительное положение среди капиталистических держав.

Действие закона неравномерности развития капитализма привело к тому, что в этот период темпы экономического развития таких капиталистических держав, как Федеративная Республика Германии, Япония, Италия, а также в известной степени Франция, оказались более высокими, чем темпы развития США. Существенным образом изменилось соотношение экономических сил между Западной Европой и Соединенными Штатами. Возникновение на европейском континенте «общего рынка» поставило руководителей американской промышленности и финансов перед вполне реальной перспективой появления грозного конкурента.

Экономическому восстановлению западноевропейских стран и Японии содействовало и увеличение их полити-

---

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 31.

ческих претензий. Теперь уже ни Париж, ни Рим, ни Лондон, ни Бонн, ни Токио не склонны безоговорочно выполнять все указания Вашингтона, безропотно следуя политической линии, выработанной за океаном. Международная ситуация, явившаяся непосредственным следствием второй мировой войны, осталась позади.

Нельзя, конечно, считать причиной неблагоприятного для американского империализма хода событий деятельность правительства Эйзенхауэра, как это делали в пылу предвыборной полемики руководители демократической партии. Слов нет, близорукая и топорная политика Эйзенхауэра — Даллеса еще больше ослабила позиции США на международной арене. Однако коренной причиной ослабления роли США в современном мире являлись не те или иные ошибки отдельных руководителей, а неумолимый ход объективного исторического процесса.

В течение долгого времени в Вашингтоне и в правлениях ведущих банков и концернов США не замечали или пытались не замечать происходящих изменений. Однако рано или поздно инстинкт самосохранения, в достаточно большой степени присущий современным монополистам, подсказал им, что политика страуса, прячущего голову в песок, чревата для них еще большими неприятностями. Стало очевидно, что высокомерная и негибкая политика руководства республиканцев не только не эффективна, но и в конечном итоге представляет для американских монополий прямую угрозу.

Во весь рост встала задача приспособить внешнюю политику США к новой международной ситуации, основывать ее на новой, иначе, чем в 1945 году, сложившейся расстановке сил, задача, которую Джон Фостер Даллес, в последние годы своей жизни начавший понимать всю нереалистичность своей политической линии, называл необходимостью «мучительной переоценки». Время для такой «мучительной переоценки» наступило. Для ее осуществления нужны были иные методы, иные люди.

Внутри США в эти годы также происходили существенные изменения. И хотя они не носили столь глубокого, столь кардинального характера, как то, о чем говорилось выше, но тоже были в достаточной степени ощутимыми, для того чтобы навести руководителей американской правящей элиты на серьезные размышления. Ход экономического развития США ни в какой степени не удовлет-

ворял ведущих финансистов и промышленников страны. Экономические темпы разительно отставали от темпов Советского Союза и других социалистических стран. Больше того, непосильными для США оказались и темпы развития их основных империалистических конкурентов. В течение послевоенного периода американская экономика ковыляла от одного кризисного спада к другому. Четыре послевоенных кризиса (хотя и не очень глубоких, но вполне ощутимых), ставший хроническим сельскохозяйственный кризис и ни одного периода сколько-нибудь существенного подъема не могли не внушать беспокойства руководителям американского бизнеса.

Главным и практически единственным способом, при помощи которого правительство республиканцев пыталось стимулировать промышленную машину, было превращение гонки вооружений в постоянный экономический фактор, в главную подпорку хромавшей экономики. Не имея ничего против такого рода стимулирования экономики, воротилы большого бизнеса тем не менее не могли не видеть, что на практике методы, которые применяло правительство республиканской партии, оказались недостаточно действенными и с течением времени все менее эффективными.

Серьезную тревогу среди тех, кто делает в США большую политику, вызывало и выявившееся к концу правления республиканцев очевидное военно-техническое отставание США. Выше уже говорилось о той роли, которую сыграла в этом отставании борьба, развернувшаяся между рядом крупнейших фирм и концернов, сцепившихся между собой в борьбе за выгодные правительственные заказы. Руководящий принцип республиканцев — предоставлять компаниям и концернам максимальную свободу действий, что называется, «вышел боком». Интересы отдельных корпораций и концернов оказались в явном несоответствии с интересами монополистического капитала в целом. Не будучи в состоянии понять главные причины отставания США от СССР, заключающиеся в глубоких преимуществах плановой социалистической системы над системой капиталистической, американские влиятельные круги были склонны всю вину за это возложить на ошибки отдельных лиц и правительственных учреждений. Ряд высказываний в печати свидетельствовал, что многие в США были убеждены в том, что деятельность капи-

талистического государства, использование методов и институтов государственного капитализма вполне в состоянии преодолеть капиталистическую анархию и дать возможность соревноваться с плановой стройной организацией социалистической системы. Все громче стали раздаваться голоса, что методы республиканцев несостоятельны и несвоевременны, все чаще американские политики и публицисты стали вспоминать времена Рузвельта, его твердую руку, осуществлявшую линию на защиту не отдельных трестов или банков, а всего монополистического капитала США в целом.

Одним словом, к исходу второго четырехлетия пребывания у власти республиканской партии США ее правление вызывало глубокое недовольство не только среди широких масс американского населения, но и в кругах американских монополий, желавших видеть у государственного руля более гибкую, более ловкую администрацию, которая должна была приспособиться к новой ситуации, обеспечить выполнение новых задач как на международной арене, так и внутри страны.

Таким образом, перед вновь избранным президентом и его администрацией монополии поставили серьезные и сложные задачи.

Двадцатого января 1961 года ровно в полдень в Белый дом прибыл новый президент Соединенных Штатов Америки, возглавивший правительство демократической партии. Уже в самом составе правительства, которое после длительных переговоров сформировал Кеннеди, нашли свое отражение эти задачи.

1. СОСТАВ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕННЕДИ

Что же представляла собой руководящая верхушка, взявшая в январе 1961 года в свои руки бразды правления в США?

О главе нового правительства Дж. Кеннеди говорилось выше. Рассмотрим состав правительства, сформированного Кеннеди в начале 1961 года.

Характеризуя состав правительства, сформированного в январе 1961 года Джоном Кеннеди, У. Лиллман писал, что состав кабинета министров «представляет собой широкую коалицию, суть которой нельзя определить

точно». И действительно, на первый взгляд, состав правительства Кеннеди может показаться весьма пестрым. В него были включены миллионеры и профсоюзный деятель, профессиональный политик и биржевой воротила, демократы и республиканцы, люди, чьи имена мало что говорили американской общественности, и деятели, давно уже кочующие в Вашингтоне с одного высокого поста на другой, генерал и мормонский проповедник.

Однако за всей этой кажущейся пестротой стоял тонкий расчет, произведенный почти с аптекарской точностью.

В правительство оказались включенными видные представители республиканской партии, сотрудники бывшего президента Эйзенхауэра. По мнению американских обозревателей, это было связано с тем, что Кеннеди выиграл выборы с минимальным преимуществом в голосах, а также нежеланием нового правительства отказаться от поддержки тех сил, которые делали на выборах ставку на республиканцев.

В состав правительства демократической партии вошли люди, которых американская печать именует либералами, так или иначе связанные с верхушкой профсоюзов, слышущие сторонниками некоторого улучшения положения негров. С другой стороны, в правительство вошли деятели, известные своими антирабочими и антинегритянскими настроениями.

Среди министров администрации демократов оказались люди, которые подвергали острой критике внутреннюю и внешнюю политику Эйзенхауэра, а рядом с ними были деятели, которые несли прямую ответственность за эту политику, ибо они занимали руководящие посты в республиканском правительстве.

Одним словом, правительство было составлено избрательно и с явной целью удовлетворить самые различные политические и экономические группы.

Что бросалось в глаза при ознакомлении с составом правительства Соединенных Штатов Америки, сформированного Джоном Кеннеди, прежде всего? Пожалуй, то обстоятельство, что важнейшие, ключевые посты в нем вновь оказались в руках непосредственных представителей большого бизнеса, причем ставленников не просто тех или иных монополистических объединений, а лишь самых могущественных и влиятельных из них.

На пост государственного секретаря в правительстве Кеннеди был поставлен Дин Раск — человек, в момент своего назначения сравнительно мало известный широким кругам американской и международной общественности. Политическая карьера Раска довольно стремительна. Он родился в 1909 году в семье пресвитерианского священника. В 1933 году в Англии окончил Оксфордский университет и затем в различных колледжах США преподавал государственное право, будучи адъюнкт-профессором. В 1946 году поступил на службу в государственный департамент; в 1950 году он стал помощником государственного секретаря Ачесона, специализируясь по проблемам Дальнего Востока.

По приходе к власти правительства Эйзенхауэра Раск ушел из государственного департамента и ему по протекции Дж. Даллеса братья Рокфеллеры предложили место руководителя «Фбиды Рокфеллера», которое он и занимал вплоть до назначения его государственным секретарем. Выбор Раска был воспринят многими американскими наблюдателями как большая неожиданность. Наиболее вероятными претендентами на пост государственного секретаря до этого считались один из ведущих лидеров демократической партии Эдлай Стивенсон, Честер Боулс, слышущий ведущим экспертом партии по вопросам внешней политики, и председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Фулбрайт.

То обстоятельство, что новый президент остановил свой выбор на Раске, вызвало в США многочисленные толки, суть которых сводилась к следующему: и Стивенсон, и Боулс, и Фулбрайт известны как люди, более или менее остро критиковавшие внешнюю политику правительства Эйзенхауэра. «Дин Раск, — писала газета «Кэпитал таймс», — был избран на пост государственного секретаря потому, что его имя не ассоциировалось со спорными проблемами внешней политики».

Говоря о карьере Раска, нельзя не отметить то обстоятельство, что до своего назначения он, занимая пост президента «Фонда Рокфеллера», был заметной фигурой в одной из могущественнейших группировок американского монополистического капитала. Следует напомнить, что Джон Фостер Даллес, возглавлявший внешнеполитическое ведомство США большую часть правления Эйзенхауэра, также был связан именно с этой монополистической

группировкой, будучи одним из директоров крупнейшей рокфеллеровской компании «Стандард ойл компани (Нью Джерси)». Таким образом, рокфеллеровская группа сохранила в сфере своего влияния этот важнейший ключевой пост в Вашингтоне.

Видная роль в формировании американской внешней политики была отведена Стивенсону и Боулсу, а также крупному нью-йоркскому банкиру Авереллу Гарриману. В Вашингтоне говорили, что Стивенсон был крайне разочарован, когда Кеннеди предложил ему вместо поста государственного секретаря место постоянного представителя США в ООН. Он не сразу принял это предложение. Только после того, как президент заверил его в том, что он будет играть важную роль в определении внешнеполитического курса страны, Стивенсон согласился занять пост в ООН. Его ближайший друг и политический единомышленник Боулс получил пост заместителя государственного секретаря. Впоследствии, не придясь ко двору нового руководства государственного департамента и не сработавшись с президентом, он был отодвинут на задний план. В 1963 году он вернулся в Дели на пост посла США, с которого несколько лет назад начиналось его политическое восхождение.

Что касается Гарримана, то его влияние в правительстве Кеннеди, наоборот, с течением времени возрастало. Получив вначале не совсем обычное назначение — пост «посла по особым поручениям» при президенте, он довольно быстро превратился в одного из основных руководителей внешнеполитического ведомства США. Характерно, что именно ему Кеннеди считал целесообразным поручить ведение одних из наиболее важных за все время его пребывания в Белом доме переговоров, предшествовавших заключению Московского договора.

Министром обороны в правительстве Кеннеди стал молодой предприниматель, «промышленный гений», как рекламирует его буржуазная печать, президент компании Форда и второй по значению человек в этой компании Роберт Макнамара. До вхождения в правительство Кеннеди Макнамара считался республиканцем. Родился он в 1916 году в Сан-Франциско в семье крупного торговца обувью. Во время второй мировой войны служил в группе статистического контроля командования военно-воздушных сил США. После войны, в 1946 году, вся эта груп-

на в составе десяти человек перешла на работу в автомобильный концерн Форда. Вскоре группа Макнамары, получившая название «ловкие ребята», заняла видное место в администрации фордовской компании. В 1949 году Макнамара был назначен инспектором компании, в 1957 году — он уже ее вице-президент, в 1960 году — президент компании. За годы службы у Форда Макнамара нажил миллионное состояние.

По сообщению журнала «Тайм», кандидатуру Макнамары на пост министра обороны предложил его главный патрон Генри Форд-второй. Характеризуя Макнамару, этого «человека — электронно-счетную машину», как его иногда называют, орган предпринимателей журнал «Бизнес уик» писал: «Одна из причин головокружительной карьеры Макнамары заключается в том, что он неизменно проявляет готовность принимать решения и твердо их придерживаться. Он наделен способностью к аналитическому мышлению и решительным действиям. Он не останавливается из-за каких-то мелочей и боязни совершить ошибку. Чьи-нибудь оговорки не мешают ему принимать решение. Он резок, признает только факты и цифры»².

Выше уже отмечалась своеобразная традиция, сложившаяся в последние годы в Вашингтоне: на посту министра обороны всегда в послевоенный период оказывается, во-первых, крупный предприниматель и, во-вторых, человек, так или иначе связанный с Морганями. Судя по всему, эту традицию не захотел нарушать и Кеннеди. Сохранив по примеру своих предшественников внешнеполитическое ведомство за Рокфеллерами, он оставил министерство обороны под эгидой моргановской группировки, с которой связана компания Фордов.

Пост министра финансов в правительстве Кеннеди получил один из крупных банкиров Уолл-стрита Дуглас Диллон, который в правительстве Эйзенхауэра занимал пост заместителя государственного секретаря. Диллон родился в 1909 году в Женеве в семье крупного банкира. Его отец — основатель известной банковской фирмы «Диллон, Рид энд компани», одной из заметных компаний на Уолл-стрите, занимающейся размещением ценных бумаг. После второй мировой войны Дуглас Диллон воз-

---

² «Business Week», 1960, Febr. 11.

главлял финансовые корпорации «Юнайтед Стейтс энд форин секьюритиз» и «Юнайтед Стейтс энд интернэшнел секьюритиз». До 1953 года — председатель совета директоров фирмы «Диллон, Рид энд компани».

В 1948 году во время избирательной кампании Диллон составлял тексты выступлений для Дьюи — кандидата в президенты от республиканской партии, политического фаворита Рокфеллеров. В 1952 году принимал активное участие в избирательной кампании Эйзенхауэра, за что был назначен на пост посла в Париже. В 1957 году государственный секретарь Джон Фостер Даллес назначил Диллона своим помощником по вопросам экономического планирования, поручив ему контроль над так называемой «помощью» другим странам. Диллон проводил чрезвычайно твердую политику, имевшую целью усилить внешнеторговую экспансию США. Его речь в Токио в октябре 1959 года впервые содержала публичные угрозы со стороны США «предпринять решительные шаги, если преуспевающие нации свободного мира не снимут устаревшие ограничения в торговле».

За два дня до того, как Кеннеди назначил его министром финансов, Диллон встретился в Париже с дипломатами 19 других стран, чтобы подписать хартию новой международной организации, названной Организацией экономического сотрудничества и развития. Цели этой хартии в значительной степени отражают политику дальнего прицела, проводившуюся самим Диллоном. Идея заключается в том, чтобы создать «прочную международную экономическую организацию, делая упор на свободную торговлю и объединенные усилия Запада».

Журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» отмечал, что назначение Диллона — «вклад Уолл-стрита в правительство Кеннеди». Газета Коммунистической партии США «Уоркер» следующим образом оценивала назначение Диллона: «Рокфеллеры будут связаны с министерством финансов через Дугласа Диллона. Диллон, министр финансов,— активный союзник Рокфеллеров по Уолл-стриту и заморским финансовым операциям. Семейству Диллонов принадлежит контрольный пакет акций крупного международного банка «Диллон, Рид энд компани». Этот банк контролирует «Амерада петролеум корпорейшн», которая вместе с рокфеллеровской фирмой «Огайо ойл компани» и еще одной нефтяной компанией владеет концессиями в

Северной и Восточной Африке, занимающими площадь в 181 тыс. квадратных миль. Диллоны и Рокфеллеры сотрудничают также и в других частях земного шара, в частности в Южно-Африканском Союзе, где «Диллон, Рид энд компани» выступает в качестве банкира правительства Фервурда»³.

С первых же шагов деятельности нового правительства Диллон стал играть в нем весьма большую роль. Это подчеркивал и журнал «Харперс мэгэзин»: «Президент и министр финансов, оба располагающие огромным личным состоянием, тесно связаны друг с другом. То, что Диллон оказался в состоянии так быстро перенести свою лояльность с Эйзенхауэра на Кеннеди, говорит о его гибкости. Это также дает ключ к пониманию некоторых скрытых взглядов Кеннеди. Кеннеди как-то заявил: „Господин Диллон не принял бы этого назначения, если бы между нами не было общности взглядов по основным вопросам, а я не попросил бы его занять этот пост, если бы у нас с ним не было такой общности взглядов“»⁴.

То же самое отмечал и Диллон: «Если говорить о путях оздоровления финансового положения США, то я не думаю, что существует большая разница между точкой зрения нынешнего правительства и взглядами предыдущего. Во всяком случае, эта разница не столь велика, как думают»⁵. Признание — столь же важное, сколь и авторитетное. Известие о назначении Диллона на пост министра финансов было с радостью встречено на биржах и в правлениях крупнейших банков США. Печать монополий также с полным удовлетворением встретила это назначение.

Пост министра торговли получил представитель Юга, крупный текстильный фабрикант из могущественной компании «Маршалл филд энд компани» Лютер Ходжес. С 1954 по 1960 год он был губернатором штата С. Каролина. Касаясь назначения министра торговли, газеты писали, что, хотя профсоюзные лидеры «будут недовольны назначением Ходжеса, многие республиканцы примут это решение с удовлетворением. Экономические и политические

---

³ «Worker», Jan. 8, 1961.

⁴ «Harper's Magazine», 1961, Sept.

⁵ Ibid.

взгляды Ходжеса должны успокоить тех, кто опасается, что правительство Кеннеди будет враждебным в отношении деловых и промышленных кругов».

Министром земледелия в правительстве Кеннеди стал сливущий либералом Орвил Фримэн. Будучи сравнительно молодым (родился в 1918 г.), он уже трижды избирался губернатором штата Миннесота. Именно Фримэн был человеком, который в июле 1960 года на съезде демократической партии выдвинул кандидатуру Кеннеди. Свою политическую карьеру он начал помощником одного из нынешних лидеров демократической партии Губерта Хэмфри, который был тогда мэром Миннеаполиса. На посту губернатора штата, основную часть населения которого составляют фермеры, Фримэн создал себе репутацию знатока фермерских проблем, и именно ему президент поручил заняться одной из труднейших проблем — проблемой хронического кризиса сельского хозяйства. «Его назначение, — отмечала газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм энд сан», — рассматривается как победа Национального фермерского союза в закулисной борьбе между фермерскими организациями за этот пост». В то же время «Нью-Йорк таймс» в связи с этим назначением заявила, что «Кеннеди зашел далеко в глубь левой крепости Национального фермерского союза, чтобы найти нового министра земледелия».

Либералом считается и Стюарт Юдолл, который был назначен министром внутренних дел. Он слыл одним из наиболее энергичных руководителей группы молодых членов конгресса от демократической партии. Юдолл — видный член секты мормонов, которые являются влиятельной политической силой в штате Аризона, откуда происходит министр. Он родился в 1920 году. В 1948 году окончил юридический факультет университета в штате Аризона. Является сторонником вмешательства государства в дела бизнеса. Позиции либерала, как мы увидим дальше, не мешали ему последовательно осуществлять политику своих предшественников по передаче государственной собственности в руки частных предпринимателей.

Неодобрение органов крупнокапиталистической печати вызвал на первых порах и факт назначения на пост министра труда адвоката, юрисконсульта ряда профсоюзов Артура Гольдберга.

Два года пребывания Гольдберга на посту министра труда окончательно рассеяли все сомнения монополий, если таковые действительно существовали, а не были простым лицемерием. Активная антирабочая деятельность, вплоть до неоднократного применения закона Тафта — Хартли против забастовок, показала, что Кеннеди и в этом случае действовал наверняка. И как признание заслуг Гольдберга последовало назначение его в 1962 году членом Верховного суда США. Этот несменяемый пожизненно пост давал в руки Кеннеди важную позицию во влиятельном органе, и то обстоятельство, что для замещения открывшейся в Верховном суде вакансии президентом был избран именно Гольдберг, убедительно говорит о том, что его деятельность вполне устраивала вашингтонских руководителей.

Гольдберг родился в Чикаго в 1908 году. Младший из восьми детей семьи иммигрантов из России. Во время второй мировой войны служил в стратегической разведке, связан с ЦРУ, является преуспевающим адвокатом, его годовой доход превышает 100 тыс. долл. Одновременно с адвокатской практикой владеет многочисленными дорогими отелями на побережье Карибского моря. Особенно близко связан с Робертом Кеннеди.

После назначения Гольдберга в Верховный суд его место занял Уиллард Уритц. Он родился в 1912 году; в 1937 году окончил юридический факультет Гарвардского университета. До и после второй мировой войны преподавал право в Северо-Западном университете. Во время войны — помощник генерального советника Военного управления экономики. В 1946 году — председатель Национального управления по стабилизации заработной платы. Неоднократно выступал в качестве арбитра в трудовых конфликтах в различных отраслях промышленности.

Уритц занимался юридической практикой вместе с Э. Стивенсоном и с тех пор сохраняет с ним дружеские связи, был его ближайшим помощником в предвыборных кампаниях, в которых Стивенсон выставлял свою кандидатуру на пост президента.

В министерстве труда, будучи заместителем министра, являлся правой рукой Гольдберга, разделяет его взгляды, горячий сторонник «нозых рубежей».

Руководство АФТ—КПП одобрило назначение его на

пост министра, заявив, что организованные рабочие относятся к нему с большим уважением. Предприниматели также относятся к нему с симпатией.

Министром здравоохранения и социального обеспечения вначале был назначен А. Рибиков, но после того, как он в 1962 году предпочел выставить свою кандидатуру в сенат от штата Коннектикут, на этот пост был назначен Селебрезе, занимавший до того пост мэра города Кливленда, тесно связанный с промышленниками и финансистами Среднего Запада.

Наибольший, пожалуй, шум в Вашингтоне вызвало назначение министра юстиции, пост которого занял младший брат президента, Роберт Кеннеди (родился в 1926 году). «Господин Роберт Кеннеди, несомненно, не был бы назначен министром юстиции, если бы он не был братом президента», — раздраженно заявила газета «Нью-Йорк таймс». Этот и многие другие органы американской печати подчеркивали, что «35-летний Роберт Кеннеди слишком неопытен для такого важного поста». Имела место и критика другого рода. Так, орган американских трудящихся газета «Уоркер» напомнила, что новый министр юстиции был некоторое время сотрудником комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, возглавлявшейся пресловутым Маккарти. «Это назначение, — заявила газета, — вызывает серьезные опасения в профсоюзных кругах и среди тех людей, которые считают необходимым положить конец дальнейшим нарушениям билля о правах».

Причины, побудившие Джона Кеннеди пренебречь политическими приличиями, столь неприкрытым образом продемонстрировать семейственность, связаны с далеко идущими планами «клана Кеннеди» по удержанию в руках высшего поста в государстве, которые вынашивал Кеннеди при жизни. Во всяком случае, весь период, когда правительство возглавлял Дж. Кеннеди, Роберт Кеннеди являлся одним из наиболее влиятельных членов кабинета. А после гибели брата он, как дальше будет показано, оказался одной из заметных фигур предвыборной кампании 1964 года. Что же касается шумихи, поднятой в прессе в момент назначения, то она продолжалась недолго, носила не слишком серьезный характер, а своим возникновением обязана была не столько праведному негоднованию в связи с проявлением политического фаво-

ритизма, сколько опасениям конкурирующих монополистических групп.

Интересы калифорнийской финансовой группировки в правительстве Кеннеди представляло несколько человек, занимавших более или менее второстепенные посты. Наиболее видным из них стал министр почт Эдвар Дэй (родился в 1914 году).

Надо сказать, что заправили калифорнийской финансово-промышленной группировки, являющейся одним из основных конкурентов банкиров Уолл-стрита, претендовали на более важные позиции в правительстве. Газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд» в период формирования правительства Кеннеди в статье под заголовком «Банкиры Калифорнии добиваются постов» писала о том, что губернатор штата Калифорния Браун и сенатор из Калифорнии Энгл специально посетили Кеннеди с целью попытаться изменить положение таким образом, чтобы уолл-стритские банкиры не захватили в свои руки всех ключевых правительственных постов. Представители Калифорнии предложили Кеннеди назначить на пост министра финансов Джорджа Киллона из Сан-Франциско, главу паровой компании «Америкен президент лайнз», или Джесса Тэппа из Сан-Франциско, который занимает второе по важности положение в «Бэнк оф Америка».

Однако эти претензии удовлетворены не были. Болезненность удара, нанесенного надеждам калифорнийских воротил, станет особенно очевидной, если учесть то обстоятельство, что главный ставленник калифорнийцев Р. Никсон, с помощью которого они пытались овладеть Белым домом и были, надо признать, очень к этому близки, оказался вынужденным бесславно покинуть Вашингтон и вернуться в Сан-Франциско. Все это, конечно, нельзя расценить иначе, как успех наиболее могущественной группировки американского финансового капитала — уолл-стритского регионального объединения, сумевшего на сей раз потеснить своих опасных конкурентов.

Кстати говоря, с назначением на пост министра почт связан такой показательный эпизод. Первоначально возглавить министерство почт было предложено негру Уильяму Доусону. Американская печать указывает, что заранее было известно, что Доусон по ряду личных соображений не примет этого предложения. Злые языки

утверждают, что, собственно, именно поэтому такой жест и был сделан. Нью-Йоркская газета «Амстердам ньюс» в связи с этим случаем писала: «Циники скажут, что сделать такое предложение — это все равно, что пригласить вашу бабушку на танец, зная, что это понравится ее друзьям, но что старая дама откажется, и, значит, все будут довольны».

Что касается тexasской группировки, то помимо вице-президента и министра торговли в правительстве Кеннеди в первый период его существования ее интересы представлял Дж. Коннэлли-младший (родился в 1918 году), назначенный на пост министра военно-морского флота. Характерно, что и в правительстве Эйзенхауэра министром военно-морского флота являлся представитель той же самой тexasской группировки. Это отнюдь не случайно. Военно-морской флот является одним из основных потребителей нефти. А нефть является основой богатства тexasских миллионеров. Поэтому они особенно заинтересованы в том, чтобы держать в своих руках пост военно-морского министра.

Наряду с братьями Мэрчисонами Коннэлли является одним из наиболее могущественных представителей второго поколения тexasских миллиардеров. Если братья Мэрчисоны, о которых говорилось в разделе, посвященном тexasской группе, являются наследниками Клинта Мэрчисона, одного из «большой четверки» тexasских миллиардеров, то Коннэлли — наследник бездетного Сида Ричардсона. В настоящее время Коннэлли является управляющим огромного состояния Ричардсона, размеры которого определяются примерно в 1 млрд. долл.

Коннэлли получил юридическое образование. Тесно связан с Л. Джонсоном, у которого в течение ряда лет работал в качестве секретаря. В конце 1961 года Коннэлли ушел в отставку с поста министра, объявив, что намеревается в ноябре 1962 года добиваться избрания на пост губернатора штата Техас. Громкую всеамериканскую известность Коннэлли получил как одно из главных действующих лиц далласской трагедии. Находясь в одной машине с Дж. Кеннеди, он был тяжело ранен, но после месячного лечения вновь вернулся во дворец губернатора Техаса. Место губернатора Техаса, а также отмеченные выше обстоятельства делают Дж. Коннэлли одним из влиятельных деятелей демократической партии,

которому американская печать предрекает еще более видные роли. Во всяком случае на него в последнее время обращено повышенное внимание печати и политиков, а это сам по себе факт симптоматичный.

Уход Коннэлли с поста военно-морского министра не лишил техасских нефтепромышленников тех позиций, которые они имели. Морским министром был назначен техасский банкир Фрэд Корт, президент «Континентэл нэшнел бэнк оф Форт-Уэрт» в штате Техас. Однако карьера Корта оказалась недолговечной. В результате скандала, разразившегося летом 1963 года, во время которого наружу выплыли некрасивые подробности того, как Корт использовал официальные бланки морского министерства для того, чтобы обделывать дела своей фирмы, ему пришлось бесславно покинуть министерство. На сей раз морским министром был назначен не техасец, а видный представитель Уолл-стрита Поль Нитце, до того являвшийся помощником министра обороны. Но, поскольку это назначение произошло в конце ноября 1963 года, когда в Белом доме в качестве его хозяина уже находился техасец Л. Джонсон, об ущемлении техасской группировки говорить не приходится.

Таковы были основные министерские назначения, проведенные Кеннеди по приходе в Белый дом. Эти назначения свидетельствовали о том, что новое правительство США осталось под контролем тех же сил, которые руководили и правительством республиканской партии. Вместе с тем нельзя не отметить, что новому президенту, учитывая обстановку как на международной арене, так и внутри страны, пришлось действовать более осторожно, что, в частности, нашло свое отражение и в более хитром умном распределении министерских портфелей. Характеризуя новое правительство, Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл подчеркивал: «Было бы серьезной ошибкой недооценивать опасность, которую новое правительство представляет для мира и демократии. Было бы не менее серьезной ошибкой недооценивать возможности оказания на него нажима в обратном направлении»⁶.

---

⁶ «Worker», July 16, 1961.

Сформировав новый кабинет, Кеннеди во многом изменил формы его работы по сравнению с порядками, существовавшими прежде. Суть этих изменений в значительной степени сводилась к тому, что Кеннеди, возложив на министров обязанности разрабатывать политику, взял на себя вынесение окончательных решений. Характерным для деятельности его правительства явилась резко усилившаяся роль самого президента, при котором министры выступали в роли хотя и высокопоставленных, но консультантов. Так, журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» подчеркивал: «Кеннеди считает, что в силу конституции США президентские функции должны осуществляться не комитетом, а одним человеком, в лице которого власть и ответственность получают наивысшее единство. Поэтому Кеннеди собирается во всех важнейших вопросах выполнять роль министра всех министерств. Кеннеди сам подобрал членов кабинета и многих их непосредственных помощников и будет с должным уважением прислушиваться к их советам, но всю ответственность за решение важнейших вопросов возьмет на себя»⁷.

О том же говорил и влиятельный журнал «Харпер мэгэзин»: «Кеннеди крепче держит в своих руках федеральные правительственные учреждения, чем другие президенты... После избрания на пост президента Кеннеди отказался от классического партийного правительства в пользу кабинета администраторов и, заполняя другие посты в своем правительстве, оказал необычное предпочтение специалистам в ущерб политическим деятелям. Руководители пяти департаментов — Раск, Диллон, Макнамара, Дэй и Гольдберг — технические исполнители и «администраторы». Руководители пяти других департаментов — Роберт Кеннеди, Юдолл, Фримэн, Ходжес и Рибиков — политические деятели. Однако никто из них до 1961 года не был политической фигурой в национальном масштабе. Все они обязаны возвышением исключительно назначению президента. Таким образом, окруженный скорее спутниками, чем политическими коллегами или соперниками, Кеннеди с момента своего избрания в сущности монополизировал авансцену»⁸.

Эти изменения нашли свое отражение и в самом ме-

---

⁷ «New York Times Magazine», 1961, March 5.

⁸ «Harper's Magazine», 1961, Dec.

ханизме функционирования правительственной администрации. Хорошо знающий закулисную кухню Вашингтона журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» следующим образом описывал эти изменения: «Кеннеди отказался от еженедельных заседаний, практиковавшихся в прошлом. Он отказался также от практики принятия президентом решений на заседаниях кабинета. При Эйзенхауэре кабинет собирался каждую неделю. Комнату, где он заседал, заполняли не только руководители министерств, но также их помощники, советники и сотрудники аппарата. Тщательно разработанная повестка дня нередко требовала для подготовки целой недели. Все, что говорилось и решалось на заседании кабинета, протоколировалось. Как правило, обсуждались специальные вопросы. Всем присутствовавшим приходилось выслушивать предложение, относившееся к какому-нибудь одному министерству. Государственный секретарь должен был присутствовать при обсуждении проблем министерства внутренних дел, министр сельского хозяйства — выслушивать предложения министерства юстиции и т. д. Кеннеди изменил это. Он созывает заседания кабинета по мере необходимости. Повестку дня он назначает сам»⁹. Выслушав высказанные в ходе обсуждения мнения, Кеннеди принимал решение практически единолично в соответствии со своим толкованием конституции и президентских функций.

Не следует недооценивать эти нововведения, толкуя их, как это делает большая часть американской печати, как новшества не политического, а скорее «технического» порядка. Дело отнюдь не в «технике», да и не просто в индивидуальных качествах Кеннеди, как это изображает другая часть американских обозревателей. Речь идет о политических процессах, связанных со стремлением верхушки американской монополистической буржуазии преодолеть трудности, ее обступающие, при помощи «сильной руки», при помощи дальнейшей централизации власти. О том, что это именно так, свидетельствуют как обстоятельства, обнаружившие себя еще до появления Кеннеди в Белом доме, так и способ действий, примененный Л. Джонсоном после того, как он сменил Кеннеди. Выше уже было показано, что при Эйзенхауэре в Вашингтоне

---

⁹ «U. S. News and World Report», 1961, Febr. 27.

быстрыми темпами создавался внеконституционный управляющий аппарат, действующий вдали от глаз общественности в качестве негласного, но могущественного комитета при президенте. Кеннеди далеко ушел в этом направлении. Придя в Белый дом, Джонсон сохранил в неприкосновенности весь этот порядок и аппарат. Таким образом, дело не столько в личных качествах Кеннеди (хотя они, судя по характеристике большинства людей, близко его знавших, действительно имели место), сколько прежде всего в объективных процессах, происходящих в недрах политической жизни США.

2. ВАШИНГТОНСКИЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ. НЕГЛАСНЫЙ АППАРАТ ПРЕЗИДЕНТА

Говоря об администрации демократов, необходимо остановиться не только на составе самого правительства и методах руководства его главы, но и рассмотреть назначения, произведенные в руководстве важнейших министерств и ведомств Вашингтона, а также рассмотреть состав группы людей, вошедших в так называемое «окружение Кеннеди», которое в американской столице именовали «мозговым трестом» президента.

Что касается министерств и ведомств, то приход правительства Кеннеди ознаменовался довольно серьезным обновлением их руководящего состава, а, говоря об окружении Кеннеди, следует иметь в виду, что группа людей, вошедших в это окружение, оказывала влияние на политику правительства значительно большее, чем многие министерства и ведомства. Такое положение дел сохраняется и поныне.

Как выше было показано, и при Эйзенхауэре существовало окружение («гольфовский клуб Огасты»), которое пользовалось немалым влиянием. Однако то, что получило известность в качестве «окружения Кеннеди», представляло собой нечто новое в политической жизни американской столицы. Если окружения предшествовавших президентов составлялись преимущественно из старых друзей и сподвижников, а их влияние было в значительной степени косвенным и оказывалось преимущественно в приятельском плане в виде неофициальных бесед, то Кеннеди заложил основу совсем иной организа-

ций деятельности правительственного аппарата. Его окружение, как будет показано дальше, представляло собой не «кружок друзей», а тщательно и с заранее продуманным намерением и распределением ролей подобранный своего рода «теневой кабинет» советников президента, состоящий исключительно из специалистов разного рода, а формы его работы — не столько застольные беседы, сколько различные доклады, меморандумы, расследования и всяческие «неофициальные миссии».

Начнем с рассмотрения состава лиц, занявших в начале 60-х годов в Вашингтоне официальные посты.

Среди людей, занявших видные места в вашингтонских департаментах и ведомствах при демократах, было также много представителей большого бизнеса, как это имело место при республиканцах.

Видную роль в администрации демократической партии играет Джон Макклой, получивший пост директора управления по разоружению. В марте 1962 года Макклой занял должность председателя консультативного комитета Агентства по разоружению и контролю над вооружениями. Макклой (родился в 1895 г.) — крупный банкир, теснейшим образом связанный с Рокфеллерами, президент «Чейз Манхэттэн бэнк», личный друг Эйзенхауэра. Вместе с тем Макклой поддерживает весьма действенные контакты также и с Фордами. Он, в частности, в течение некоторого времени являлся председателем правления «Фонда Форда».

Другой крупнейший уолл-стритский банкир — Авелл Гарриман — представитель одного из могущественных американских семейств, как уже отмечалось, занял ключевую позицию в области определения внешней политики, став личным представителем президента, выполняющим особые поручения. Большую роль в государственном департаменте играет и ставленник предпринимателей Юга техасский нефтепромышленник Дж. Макги. Журнал «Тайм» писал о нем: «Макги — нефтяник-миллионер. Одно время был послом США в Турции, заместителем государственного секретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, а с 1958 года — консультант Национального совета безопасности. Поскольку Макги возглавляет орган по планированию политики, его обязанностью является информировать Раска о новых идеях в области внешней политики по мере их возникно-

вения в соответствующих учреждениях всей страны и помогать в разработке перспективной политики»¹⁰.

На пост постоянного представителя США в НАТО Кеннеди назначил крупного банкира из Филадельфии Т. Финлеттера. Ряд видных бизнесменов получил руководящие посты в министерстве финансов. Среди них связанный с Морганами нью-йоркский банкир Р. Руза (родился в 1918 г.), занявший пост заместителя министра финансов. Заместителем министра обороны, причем чрезвычайно влиятельным, стал тесно связанный с Рокфеллерами делец Р. Гилпатрик (родился в 1906 г.). Газета «Уоркер» в связи с назначением Гилпатрика писала: «История карьеры Гилпатрика уходит своими корнями в 1959 год, когда Нельсон Рокфеллер выставил свою кандидатуру на пост губернатора штата Нью-Йорк против Аверелла Гарримана. В самый разгар избирательной кампании Рокфеллер вырвался вперед в результате раскола в рядах демократической партии. Раскол был организован влиятельным членом той самой партии, кандидатом которой был Гарриман, — Росуэллом Гилпатриком, компаньоном одной из крупнейших юридических фирм Уолл-стрита «Кравет, Суэйн энд Мур».

Эта фирма представляет банкирский дом «Кун, Леб энд компани», который оперирует акциями и денежными обязательствами крупнейших железнодорожных и промышленных гигантов типа «Вестингауз» и «Бетлехем стил». Клиенты Гилпатрика продолжительное время были тесно связаны с интересами Рокфеллеров. А сам Гилпатрик в 1958 году выступал в поддержку Нельсона Рокфеллера. Он организовал комитет «Демократы за Рокфеллера». «Политический представитель самого могущественного уолл-стритского семейства стал губернатором Нью-Йорка при поддержке «демократа», изменившего своей партии»¹¹.

Другой ключевой пост в министерстве обороны был предоставлен Полю Нитце (родился в 1907 г.), также одному из крупнейших бизнесменов Уолл-стрита, представляющему интересы прежде всего Рокфеллеров, а также связанному с Морганами и Дюпонами. Нитце занимал посты вице-президента «Диллон, Рид энд компани», а

---

¹⁰ «Time», 1961, Febr. 6.

¹¹ «Worker», Febr. 6, 1961.

затем возглавил собственный банк «П. Г. Нитце энд компани». В связи с назначением Нитце газета «Уоркер» писала: «Первым помощником министра обороны назначен Поль Нитце, муж Филлис Прагг, наследницы одного из владельцев «Стандард ойл компани (Нью Джерси)». На него возложены важные функции. Он будет руководить оказанием военной помощи иностранным государствам, в частности франкистской Испании. Через него будет осуществляться официальная связь министерства со всемогущим Советом национальной безопасности. В его же обязанности входит разработка правительственных планов разоружения. Последнее обстоятельство вызывает особенно сильное беспокойство. Не так давно Нитце по поручению сенатской комиссии по иностранным делам подготовил доклад, направленный против разоружения»¹². Как отмечалось, в 1963 году Нитце стал морским министром, а его место занял бывший его заместитель — богатый предприниматель У. Банди.

Имеющий большое значение пост председателя Федеральной комиссии по делам гражданской авиации был предоставлен тexasскому банкиру Н. Хэлэби (родился в 1917 г.). Примечательно, что наряду с морским флотом авиация является крупным потребителем нефтепродуктов и поэтому ключевая позиция в этой области также была передана в руки представителя тexasских нефтепромышленников.

Заместитель морского министра П. Б. Фей-младший (родился в 1912 г.) — вице-президент крупной строительной фирмы «Фей импрувмент компани». Министр авиации Ю. Цуккерт (родился в 1911 г.) — директор «Американ мэшин энд фаундри компани». Заместитель министра торговли Э. Гудмен (родился в 1906 г.) — крупный банкир и предприниматель из Чикаго. С 1952 по 1959 год он занимал пост вице-президента компании «Сиэрс, Робек энд компани», компаньон банка «Лимэн бразерз».

Военный министр С. Вэнс (родился в 1917 г.) — партнер крупной нью-йоркской юридической фирмы, обслуживающей ряд уолл-стритских компаний. В политическом отношении тесно связан с Л. Джонсоном.

Большой шум в американской столице вызвало назначение на чрезвычайно важный пост руководителя

---

¹² «Worker», Febr. 6, 1961.

центрального разведывательного управления крупного промышленного и финансового воротилы Джона Маккоуна. После того как Вашингтону в поисках козла отпущения за провал кубинской авантюры пришлось убрать с этого поста Аллена Даллеса, одного из важнейших ставленников Рокфеллеров в правительственном аппарате, его место было предоставлено Маккоуну, в связи с чем пришли в смущение даже выдавшие виды вашингтонские завсегдатаи. Маккоун — деятель, весьма тесно связанный прежде всего с группой Джаннини, а также и с Рокфеллерами.

Назначение Маккоуна в известной степени компенсировало калифорнийских предпринимателей за потерю некоторых их позиций в Вашингтоне. То, что спустя некоторое время после формирования кабинета Кеннеди избрал на один из наиболее ответственных постов в правительстве именно деятеля, наиболее тесно связанного с калифорнийской группировкой, конечно, не обусловлено лишь личными качествами Маккоуна, а говорит о том, что никто сегодня не может в американской столице абстрагироваться от реального соотношения сил внутри американского монополистического капитала.

Кроме того, важными капиталовложениями Маккоуна являются его акции в «Стандард ойл компани оф Калифорния» и «Стандард ойл компани (Нью Джерси)». Он был директором «Стандард ойл компани оф Калифорния», и в отчете правления этой компании акционерам от 1 августа 1961 г. указывается, что ему принадлежало 18 318 акций, сверх чего он получил в качестве дивиденда еще 915 акций.

В результате этого он занимает второе место среди акционеров этой компании, на прибыли и будущие перспективы которой в значительной степени оказывает влияние ЦРУ.

Когда обсуждались назначения Маккоуна на предыдущие посты, занимавшиеся им в правительстве, он отказался продать свои акции в этих нефтяных компаниях и вместо этого отдал их в управление доверенным лицам.

«Между прочим, компании «Стандард ойл оф Калифорния» и «Стандард ойл (Нью Джерси)» контролируют нефтяную компанию «Арабиен-американ ойл» (АРАМКО), которая эксплуатирует, вероятно, самую баснословно богатую нефтяную концессию в мире, где

имеется столько нефти, что, по подсчетам, ее хватит еще на сто лет»¹³.

Это обстоятельство, попав на страницы печати, привлекло большое внимание американской общественности, вызвав немало толков. Под вопрос была поставлена целесообразность назначения Маккоуна, которое стало предметом специального разбирательства сенатской комиссии. В январе 1962 года «Нью-Йорк дейли миррор» писала, что Маккоун в ходе его опросов в конгрессе на заседании объединенной комиссии по вопросам атомной энергии 2 июля 1958 г. вынужден был признать, что еще в те времена, когда он занимал пост заместителя министра авиации Соединенных Штатов, он предоставил компании «Кайзер-фрэзер», одному из китов группы Джаннини, контракт на производство грузового транспортного самолета «Флаинг бокскар» по цене, в три раза превышавшей цену, выплачивавшуюся правительством другой компании. Республиканец, член палаты представителей Элвин О'Конски, обвинил своего коллегу, республиканца Маккоуна, в том, что он «лишь на время оставил свой пост президента „Бечтел-Маккоун корпорейшн“... и, став заместителем министра авиации, устроил великолепный дорогостоящий подарок компании „Кайзер-фрэзер“»¹⁴.

Маккоун опроверг это заявление. Тем не менее он не мог опровергнуть, что семейство Бетчел располагает 4200 акциями компании «Кайзер-фрэзер». Ему также пришлось немало потрудиться, чтобы выставить в благоприятном свете весьма необычную цепь фактов, которые сенатор Бриджес представил на рассмотрение подкомиссии сенатской комиссии по делам вооруженных сил в связи с предоставлением компании «Кайзер-фрэзер» контракта на строительство «Флаинг бокскара».

Согласно показаниям, представленным сенатором Бриджесом, представляющим интересы компаний, конкурирующих с Кайзером и Джаннини (чем и объясняется его рвение и «благородное негодование»), один из близких партнеров Кайзера, с которым он совместно занимался судостроением на западном побережье, Джон Маккоун спас его (Кайзера) от неминуемого разорения. «Мак-

---

¹³ «Washington Post and Times Herald», Jan. 22, 1962.

¹⁴ «New York Daily Mirror», Jan. 10, 1962.

коун раздобыл контракт на строительство самолетов «С-119» или «Флаинг боксар». Контракт был заключен в рекордно короткие сроки; на это потребовалось всего десять дней. Сделка была фактически заключена уже за четыре дня до того, как Кайзер представил свои соображения относительно стоимости этих самолетов.

Стоимость каждого самолета, построенного Кайзером, должна была составить 688 тыс. долл. по сравнению с 260 тыс. долл. за каждый самолет, строившийся на заводах компании «Фэйрчайлд» в городе Хейджерстаун в штате Мэриленд»¹⁵.

Список представителей большого бизнеса, занявших важные позиции в администрации демократической партии, можно было бы продолжить. Но и приведенных имен и фактов достаточно, чтобы убедиться в том, что в Вашингтоне демократов бизнес представлен более чем достаточно и не отстает от уровня, достигнутого во времена правления республиканцев.

Чрезвычайно большую роль в Вашингтоне 60-х годов, как уже отмечено выше, играет группа людей, либо не занимающих высоких официальных постов, либо имеющих полуофициальный статус. И при Эйзенхауэре были люди типа Шермана Адамса, игравшие за кулисами большую роль. Но их было немного и они не являлись особым звеном в деятельности правительственного механизма.

Кеннеди окружил себя большой группой людей, которые, не располагая официально властью, а являясь по сути дела личными советниками президента, играли большую роль в выработке политического курса, причем роль эта нередко превышала ту, которая отводилась министрам и другим официальным лицам.

Показательна в этом отношении статья одного из наиболее близких Кеннеди вашингтонских журналистов Стюарта Олсопа, опубликованная им летом 1961 года в журнале «Сатердей ивнинг пост». Хорошо зная закулисный механизм и порядки Белого дома, Олсоп привел в этой статье сведения, не известные широким кругам американской общественности. «Самой интересной группой людей в Вашингтоне наших дней, — писал Олсоп, — являются те 10 или около того мужчин 30 и 40 с неболь-

¹⁵ «New York Daily Mirror», Jan. 10, 1962.

шим лет, которых можно назвать «своими людьми» в Белом доме. Это те люди, которые работают в Белом доме для президента Кеннеди, люди, которых он видит чаще других. Это глаза и уши президента во всех его взаимоотношениях с государственной машиной Соединенных Штатов — громадным непокорным левиафаном, которого молодой президент хочет приручить и подчинить своей власти... Они уже, по-видимому, стали одним из важнейших центров средоточия власти в Вашингтоне, а в Вашингтоне власть уважают еще больше, чем деньги»¹⁶.

И после гибели Кеннеди есть смысл подробно остановиться на составе, деятельности и структуре этой неофициальной группы, фактически вершившей дела в Вашингтоне в начале 60-х годов. Это необходимо, во-первых, потому, что речь идет не о личных прихотях или индивидуальном стиле работы Кеннеди, а о важном и в значительной степени необратимом процессе, происходящем в американской столице, процессе, продолжающемся и после Кеннеди, и, во-вторых, потому, что, придя к власти, Л. Джонсон сохранил в неприкосновенности как весь этот аппарат, так и его значение, а также, во, всяком случае на первых порах, и персональный состав этой группы, лишь добавив в нее несколько близких к себе людей.

Итак, о неофициальном штабе Кеннеди. «Два самых видных представителя этой группы, — отмечал Олсоп, — смуглый ирландец 37-летний Кенни О'Доннел и 44-летний рыжий ирландец Ларри О'Брайе. О'Доннел — это упрямый, красивый, довольно суровый бывший капитан футбольной команды и товарищ брата президента Роберта Кеннеди по комнате в Гарвардском университете. Он занимает должность секретаря и ведает встречами Кеннеди, но на деле его работа значительно важнее. Он видит президента чаще, чем кто-либо другой, — до 40 раз в день, и он тот человек, которому поручено смотреть за тем, чтобы машина работала, что он и делает с 1952 года. Он следит за тем, чтобы расписание не нарушалось, чтобы нужные люди являлись в нужное время, чтобы все происходило именно тогда, когда следует»¹⁷. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает, что

---

¹⁶ «Saturday Evening Post», 1961, June 10.

¹⁷ Ibid.

О'Доннел по существу руководил канцелярией президента. «В его функции входит планирование рабочего времени президента, допуск посетителей к президенту, выполнение различных его личных поручений»¹⁸.

Лоуренс О'Брайен (родился в 1917 г.) был политическим советником Кеннеди еще тогда, когда тот был сенатором. О'Брайен являлся руководителем успешной предвыборной кампании за избрание Кеннеди сенатором в 1952 году, когда его противником выступал Генри Кэбот Лодж. О'Брайен также руководил кампанией за переизбрание Кеннеди в сенат в 1958 году. Он был назначен на должность руководителя Национального комитета демократической партии, когда Кеннеди был выдвинут кандидатом в президенты от демократической партии. В январе 1961 года подал в отставку с этой должности.

Журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» отмечал, что О'Брайен ведал в правительстве Кеннеди вопросами назначения на государственные должности и связями с конгрессом и, очевидно, являлся одним из главных советников президента в политических вопросах.

Большую роль в окружении Кеннеди играл специальный помощник президента по проблеме национальной безопасности Макджордж Банди (родился в 1919 г.). В 1962 году Банди перешел на руководящую работу в государственный департамент, однако остался в непосредственном окружении президента. Говоря о Банди, Олсон пишет: «Он уже стал одним из полдюжину тех, кого можно назвать главными двигателями и пружинами Вашингтонской машины. Как специальный помощник по делам национальной безопасности, Банди занимается главным образом проблемами обороны и внешней политики. По рекомендации обозревателя Уолтера Липпмана, Кеннеди не долго, но серьезно подумывал о том, чтобы сделать Банди, которого он едва знал, своим государственным секретарем. После того как он выбрал вместо него Дина Раска, он предложил сделать Банди заместителем государственного секретаря по политическим делам, но Раск отверг кандидатуру Банди. За это время, которое можно назвать периодом стягивания сил, живой ум Банди и спокойная уверенность в своей компетентности произвели большое впечатление на Кеннеди, и, когда

---

¹⁸ «U. S. News and World Report», 1961, March 6.

Раск отверг его кандидатуру, Кеннеди забрал Банди в Белый дом»¹⁹.

Неплохо ориентирующийся в вашингтонской обстановке корреспондент французской газеты «Монд» в американской столице Андрэ Фонтэн так говорит о Банди: «В двух шагах от большого овального кабинета, где президент, спокойно покачиваясь в обтянутом светлой льняной тканью шезлонге, принимает посетителей, работает Макджордж Банди, бывший декан факультета литературы и науки, специальный помощник президента по делам национальной безопасности. Внимательное лицо с небольшим носом и очками, надетыми на европейский манер, обрамляют вьющиеся волосы. Он прекрасно говорит по-французски и слывет за человека, задающего тон в столице. Часто говорят, что именно он является настоящим министром иностранных дел, а не Дин Раск»²⁰.

Журнал «Тайм» характеризует Банди как «либерального республиканца» и сообщает, что он находится в родственных отношениях с Ачесоном (Ачесон — тесть его старшего брата). Впоследствии Кеннеди сосредоточил в руках Банди реальную власть в области внешней политики, направив его в государственный департамент. С первых же шагов Джонсона в качестве президента Банди стал одним из его ближайших сотрудников и внешнеполитических советников.

Весьма влиятелен и ближайший сотрудник Банди Уолт Росту — сын русского эмигранта (родился в 1916 г.). В ходе избирательной кампании 1960 года он был одним из ближайших советников Кеннеди. Олсоп пишет: «Хотя с виду кажется, что Банди и Росту — конкуренты, на деле они поделили мир между собой: Банди занимается, например, Кубой, Лаосом или разоружением, а Росту — Южным Вьетнамом, проблемой помощи Германии и необходимостью создания сил для противопартизанских операций. Кеннеди часто видит каждого из них в отдельности»²¹. Росту занимал профессорские посты в Кембриджском университете и Массачусетском технологическом институте. Он является автором ряда работ по международным отношениям и экономическим проблемам (в том числе «Американская дипломатическая

¹⁹ «Saturday Evening Post», 1961, June 10.

²⁰ «Le Monde», June 25, 1963.

²¹ «Saturday Evening Post», 1961, June 10.

революция» — 1947 г.; «Процесс экономического роста» — 1952 г.; «Американская политика в Азии» — 1955 г.; «Ключ к эффективной внешней политике» — 1957 г.; «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» — 1960 г.; «Соединенные Штаты на мировой арене» — 1960 г. и др.). В 1962 году Кеннеди направил У. Росту в государственный департамент, где он ведал «долгосрочным планированием политики».

Особое место в окружении Кеннеди занял специальный советник Белого дома Теодор С. Соренсен (родился в 1928 г.). Журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» (и не без основания) так отозвался о нем: «Маловыразительное название должности скрывает наиболее влиятельного в Белом доме человека после самого Кеннеди. Давнишнее доверенное лицо, мыслящий человек, писатель и «второе я» Кеннеди, Соренсен, следуя традициям полковника Хауза, Гарри Гопкинса и Шермана Адамса, является ближайшим и самоотверженным другом человека, пост которого обрекает его на одиночество»²².

Летом 1960 года «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» писал: «Этот молодой человек будет, очевидно, „начальником штаба“ или „помощником президента“ в Белом доме при Кеннеди... Соренсен, действуя за кулисами, помогает Джону Кеннеди во многих областях. Он занимается исследованиями, помогает ему писать статьи и речи, осуществляет связь с „мозговым трестом“ Кеннеди, состоящим из профессоров колледжей»²³.

Олсеп в той же статье, посвященной окружению Кеннеди, так характеризовал роль Соренсена: «На протяжении многих лет Соренсен был главным автором всех речей Кеннеди. И даже самый наметанный глаз не заметит в речи Кеннеди, где кончается Соренсен и где начинается Кеннеди... Но роль Соренсена, конечно, не ограничивается только написанием речей. Как сказал Кеннеди, «все внутренние дела проходят через него». Три или четыре раза в неделю Кеннеди возвращается в свой кабинет примерно в 10 час. 30 мин. вечера. Вместе с ним почти всегда приходит и Соренсен, и они спокойно работают вместе, иногда за полночь, справляясь с накопившимися за день делами с методичной легкостью людей, хоро-

---

²² «New York Times Magazine», 1961, Jan. 22.

²³ «U. S. News and World Report», 1960, July 20.

шо сработавшихся за много лет. Помимо работы Соренсен и Кеннеди видятся мало. Отношения между ними — это в основном отношения между хозяином и верным слугой. Но в этих рамках отношение Соренсена к Кеннеди можно назвать исключительным. Он более, чем кто-нибудь другой, является «вторым я» президента»²⁴.

Давая подобную характеристику, Олсоп не одинок. Большинство американских политических наблюдателей отмечало чрезвычайно большую роль Соренсена в Белом доме и сравнивает ее с ролью Ш. Адамса при Эйзенхауэре. Хотя, надо думать, это сравнение страдает преувеличением — роль Соренсена во внутреннем штабе Кеннеди была действительно велика: он ведал организационной работой Белого дома и располагал в связи с этим значительной властью. Его младший брат занимает пост заместителя руководителя американского информационного агентства.

Соренсен был одним из очень немногих сотрудников Кеннеди, которые после прихода в Белый дом Л. Джонсона покинули свои посты. В январе 1964 года Соренсен ушел в отставку, мотивируя ее желанием «написать книгу о Кеннеди».

Близко к президенту находился и оказывал большое влияние на политический курс США специальный помощник президента Артур Шлезингер (родился в 1917 г.). С 1946 года Шлезингер являлся профессором истории Гарвардского университета. Он считается теоретиком «эры Кеннеди»; автор ряда книг, среди которых — «Эра Джонсона», «Эра Рузвельта». Помимо истории занимается философией и экономикой, имеет степень доктора философии. По словам журнала «Тайм», был одним из ближайших помощников Э. Стивенсона, но, как только убедился в том, что Кеннеди более перспективен и имеет больше шансов стать президентом, не раздумывая, бросил своего патрона и примкнул к Кеннеди, сыграв в предвыборной кампании 1960 года заметную роль. Слышет либералом²⁵.

Иной репутацией пользовался советник Кеннеди по проблемам национальной безопасности Генри А. Киссинджер. Он родился в Германии в 1923 году. В 1938 году

---

²⁴ «Saturday Evening Post», 1961, June 10.

²⁵ В январе 1964 года вышел в отставку.

с родителями эмигрировал из Германии в США. По окончании Гарвардского университета быстро выдвинулся в качестве одного из идеологов «холодной войны». С 1952 года работал по совместительству консультантом Управления по вопросам психологической войны. В 1954—1956 годах—консультант группы оценки систем вооружения министерства обороны. С 1958 года—руководитель программы по изучению проблем обороны при Гарвардском университете.

В получивших большое распространение в Вашингтоне и ставших чрезвычайно модными книгах «Ядерное оружие и внешняя политика» (1957 г.) и «Необходимость выбора» (1961 г.) Киссингер выступает в роли теоретика и идеолога наиболее агрессивных кругов американского империализма. Тот факт, что человек такого плана вошел в ближайшее окружение президента Кеннеди и играл в нем большую роль, в достаточной степени симптоматичен. Правда, в конце концов пути Кеннеди и Киссингера разошлись, и в начале 1963 года последний перешел к Н. Рокфеллеру как человеку, более ему близкому, став его внешнеполитическим советником и автором его речей по внешней политике.

Советником президента по вопросам науки был Джером Визнер (родился в 1915 г.). В период создания атомной бомбы был одним из руководителей группы, работавшей над этим в Лос-Аламосе. С 1950 года — профессор электротехники. С 1946 года Визнер — консультант концерна «Рейтион мэнюфэкчуринг компани». Он входил в состав научного консультативного комитета при президенте Эйзенхауэре. Визнер был также членом комитета, подготовившего доклад Гейтера, требовавший многолетней гонки вооружений.

Газета «Вашингтон пост» пишет, что Визнер «стоит за контроль над вооружением (и за запрещение испытаний ядерного оружия) и не считает технические проблемы непреодолимыми»²⁶.

Говоря о влиятельности людей из окружения президента, следует отметить особую роль узкой группы его личных советников, именовавшуюся в политических кулуарах Вашингтона «советом пяти». По утверждению людей, хорошо знающих закулисный Вашингтон, «совет

²⁶ «Washington Post», Jan. 25, 1961.

пяти» — это своего рода узкий кабинет, влияние которого по многим вопросам превосходило влияние официального кабинета. Возглавлял «совет пяти» сам президент. Помимо него в этот неофициальный совет входили Роберт Кеннеди, Теодор Соренсен, Кеннет О'Доннел, Лоуренс О'Брайен.

Каждый из этих людей выполнял строго определенные функции, курируя ряд министерств и руководя определенными участками работы. Так, Роберт Кеннеди занимался военными вопросами, разведкой, руководством различными политическими кампаниями, в том числе и избирательными. Соренсен выполнял в «совете пяти» роль главного идеолога, являлся автором значительной части законопроектов, которые правительство вносило в конгресс, а также составлял большинство посланий и речей президента. О'Доннел руководил работой всех звеньев демократической партии сверху донизу. О'Брайен осуществлял связь с конгрессом, что является чрезвычайно важной и деликатной миссией.

Непосредственно к «совету пяти» примыкал и Макджордж Банди. Ему была поручена в этой группе проверка исполнения важнейших решений и приказов правительства. Эта особая функция связана с тем, что оба предшественника Кеннеди — и Трумэн, и Эйзенхауэр — жаловались на то, что значительная часть решений правительства застревала в недрах бюрократического аппарата американской столицы и никогда не проводилась в жизнь. При помощи энергичного и педантичного Банди и его помощников Кеннеди пытался с этим бороться.

Придя в Белый дом после гибели Кеннеди, Л. Джонсон сохранил значение и роль личного аппарата президента. «Джонсон считает также, как считал в свое время Кеннеди, что с кабинетом, как с группой, следует консультироваться лишь в отдельных случаях. За шесть месяцев своего пребывания в Белом доме Джонсон провел всего пять очередных заседаний кабинета. В период правления Эйзенхауэра кабинет как орган, состоящий из людей, принимающих решения, был влиятельным орудием по выработке политики страны. Не так обстояло дело при Кеннеди и не так обстоит оно при Джонсоне»²⁷.

«Президент Кеннеди, — заявил один из высокопостав-

---

²⁷ «U. S. News and World Report», 1964, May 18.

ленных сотрудников персонала Белого дома, — никогда не считал кабинет органом, принимающим решения, а потому он по существу ликвидировал его в том, что касается этой функции. Президент Джонсон придерживается такой же точки зрения в отношении кабинета в целом, хотя к отдельным членам кабинета он относится совершенно по-иному»²⁸.

Журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» после нескольких месяцев деятельности администрации Джонсона констатировал, что Джонсон решил сохранить в неприкосновенности структуру аппарата президента, созданную его предшественником, а также многих его деятелей. «Джонсон, — писал журнал, — не признает большой разницы — не считая разницы в людях — между организацией, существовавшей при Кеннеди, и его нынешней организацией. Джонсон подчеркивает, что все ветви, существовавшие при Кеннеди, сохранены, и все, за исключением отдела печати, возглавляются людьми, назначенными Кеннеди»²⁹.

Так, в «главном деле», как он выражается, то есть в вопросах внешней политики и национальной безопасности, Джонсону помогает та же самая небольшая группа специалистов, возглавляемая Макджорджем Банди. В отношениях с конгрессом президент, так же как в свое время Кеннеди, в значительной мере опирается на Лоуренса О'Брайена и его помощников Генри Уилсона, Майка Манатоса и Чарльза Дэя. Отдел специального советника, некогда возглавлявшийся Соренсеном, теперь в руках Майера Фельдмана, который был первым помощником Соренсена. Помощники Фельдмана — это Ли Уайт, который тоже был в группе Соренсена, и Хогарт Тэйлор-младший — новичок в Белом доме. Функция отдела специального советника изменилась главным образом в том, что он больше не составляет речей для президента.

Отдел секретаря по встречам, как Джонсон его называет, по-прежнему возглавляет Кеннет О'Доннел из штаба Кеннеди, помощником которого теперь является Билл Мойерс. Президент признает, однако, что О'Доннел («моя политическая антенна») сейчас больше занят организацией политических встреч и выступлений, в то время

---

²⁸ «U. S. News and World Report», 1964, May 18.

²⁹ «New York Times Magazine», 1964, May 3.

как Мойерс («он знает мои отношения с людьми; ему известно, с кем я знаком и кто знает меня») — приглашениями нужных людей³⁰.

Информированный вашингтонский журналист следующим образом описывает действие внутреннего штаба Джонсона. «Главные директивы устанавливаются на длительном еженедельном совещании, которое обычно происходит за завтраком. На этих совещаниях всегда присутствуют государственный секретарь Дин Раск, министр обороны Роберт Макнамара и начальник внешнеполитического штаба в Белом доме Макджордж Банди. Чаще всего присутствует также директор центрального разведывательного управления Джон Маккоун. Если где-то не возникает какой-то кризис, то это еженедельное совещание поглощает наибольший отрезок времени, который выделяется президентом для внешней политики в служебные часы. За исключением периодов кризиса, он не любит, чтобы его работу в кабинете прерывали доставкой только что полученных телеграмм от послов и т. п. Для того чтобы этого не было, М. Банди заканчивает каждый рабочий день приготовлением краткой памятной записки о потоке документов, поступивших за день. Эта записка передается президенту вместе со всеми более значительными документами, о которых в ней говорится, когда он покидает свой кабинет вечером. На следующее утро грома этих документов, как правило, довольно большая, возвращается с пометками президента»³¹.

Большой интерес представляет статья под многозначительным заголовком «Люди, на которых будет опираться Джонсон», опубликованная сразу же за появлением нового президента в Белом доме в таком информированном органе, каким является еженедельник «Бизнес уик». «Президент Линдон Джонсон, — писал журнал, — учится у людей, а не у книг. Этот факт придает особую значимость людям, окружающим Джонсона, который сейчас привлекает так много внимания. Прежде всего пользоваться вниманием президента кроме тех, кто достался ему по наследству от Кеннеди, будут члены его личного аппарата, сколоченного во время его пребывания в палате представителей и в сенате и довольно хорошо сохранив-

---

³⁰ «New York Times Magazine», 1963, May 3.

³¹ «New York Herald Tribune», March 4, 1964.

шегося во время его вице-президентства. Кроме его личного аппарата доверием Джонсона будут пользоваться его бывшие сотрудники, главным образом из конгресса, которые избрали себе другую карьеру. Наконец, в список регулярных посетителей Белого дома будут внесены некоторые лица, чьи советы Джонсон будет постоянно пользоваться при разработке политики»³².

Последовавшие назначения подтвердили многие предсказания, сделанные журналом. Другие, не исключено, подтвердятся со временем. Поэтому есть смысл привести здесь как список лиц, составленный «Бизнес уик», так и его характеристики, хотя и не вполне объективные. К характеристикам журнала для полноты следует добавить факты, сообщенные о ближайших помощниках Джонсона журналом «Нью-Йорк таймс мэгэзин»³³.

Уолтер Дженкинс (родился в 1919 г.) — старший по стажу работы и ближайший к президенту человек в его аппарате. Человек он сладкоречивый, любезный и энергичный, работает с Джонсоном с 1939 года и служил ему, когда он был сенатором и вице-президентом, в качестве помощника по административным делам. Сейчас на него возложен целый ряд административных функций. Он нанимает служащих, устанавливает жалованье, производит назначения на должности, просматривает корреспонденцию. Иногда он определяет, у кого какие обязанности.

Дженкинс обладает некоторым правом «отбора» материала для президента, то есть он может отбирать некоторые письма и заявления, обычно не первостепенного значения, и представлять их Джонсону на подпись. Через него проходят еженедельные отчеты членов кабинета Джонсону, и он фиксирует все, что происходит на заседаниях кабинета и других правительственных совещаниях на высоком уровне. В октябре 1964 года, за две недели до президентских выборов, Дженкинс был арестован в одном из ночных клубов Вашингтона за «аморальное поведение». Республиканцы рассчитывали при помощи «дела Дженкинса» скомпрометировать Л. Джонсона и изменить ход избирательной кампании. Однако этот расчет не оправдался и дело закончилось увольнением Дженкинса в отставку.

³² «Business Week», 1963, Nov. 30.

³³ «New York Times Magazine», 1964, May 3.

Билл Мойерс (родился в 1935 г.) — техасец, бывший баптистский священник, работал на остинской радиостанции Джонсона, одновременно сочетал функции камердинера и советника. Мойерс участвовал в разработке программы «Корпуса мира» и теперь является заместителем директора «Корпуса мира».

Он один из немногих, кто своей энергией не уступает Джонсону. Один из его коллег сказал о нем: «Он может жонглировать множеством шаров одновременно». Его обязанности заключаются в назначении встреч и в подготовке поездок и выступлений, но этим он не ограничивается. Его прежний опыт работы в правительстве делает его полезным для президента в ряде важных вопросов, таких, например, как помощь иностранным государствам.

Мойерс также пишет некоторые речи. Он, по-видимому, более, чем кто-либо из «джонсоновцев», может говорить от имени президента. Он пользуется всеобщим доверием в Белом доме и служит полезным связующим звеном между людьми Кеннеди и людьми Джонсона. Его способности общепризнаны, и он весьма предан интересам Джонсона. «В то время как другие уходят домой в шесть часов, — сказал президент, — Билл остается до девяти, потому что я остаюсь до девяти».

Гарри Макферсон (родился в 1930 г.) еще при жизни Кеннеди получил пост заместителя военного министра, до этого он занимал ключевой законодательный пост генерального советника политического комитета демократической партии в сенате. Красивый, обходительный, опытный Макферсон служит связующим звеном между Джонсоном и либералами Техаса. Он является одним из немногих интеллектуалов в окружении Джонсона, и благодаря его опыту в области законодательства Джонсон вполне может использовать его в качестве своего помощника по связи с конгрессом.

Джордж Риди (родился в 1918 г.) — единственный нетехасец среди «джонсоновцев», бывший журналист, служит Джонсону с 1951 года. Он начал в качестве пресс-секретаря, затем стал советником по политическим и профсоюзным вопросам, а также по вопросам национальных меньшинств. Обычно речи Джонсона проходят через пишущую машинку Риди. Его обязанности не нуждаются в подробном описании, так как, по крайней мере на первый взгляд, они ничем не отличаются от обязанностей

всякого пресс-секретаря. Риди — крупный взъерошенный человек, за физической тяжеловесностью которого скрывается критический и активный ум, сам по себе, вероятно, будет менее значительной фигурой, чем его предшественники Пьер Сэлинджер или Джеймс Хэгerti. Интересы президента для него, как и для других «джонсоновцев», по-видимому, превыше всего.

Пресс-конференции Риди проходят не так живо, как пресс-конференции Сэлинджера. («Если вы спросите у него, что это там за дерево, — сказал как-то Джонсон, — он скажет вам сначала, кто привез его в нашу страну и поговорит еще полчаса, прежде чем ответит на ваш вопрос. Но он знает, что говорит».)

Хорес Басби (родился в 1924 г.) — техасец, журналист, работает с президентом с 1948 года. Он оказывает большую помощь группе, которая пишет речи для президента, хотя Риди утверждает, что это не будет его главной функцией. Басби, который служил Джонсону в бытность его сенатором, хорошо знаком с проблемой национальной безопасности и с космическими делами. Он писал знаменитую речь о гражданских правах, с которой вице-президент выступил 4 июля 1963 г. в Геттисберге, и ездил с Джонсоном во все заграничные поездки последних лет. Басби давно уже доверенное лицо президента, и тот внимательно прислушивается к его советам.

Джек Валенти (родился в 1917 г.) — бывший хьюстонский специалист по рекламе, не имеющий опыта работы в правительстве. Тем не менее он самый загадочный и самый вездесущий из «джонсоновцев», он тоже совершенно новый человек в Вашингтоне. Его официальная служба президенту фактически началась только 22 ноября 1963 г. в Далласе. С того времени его называют кем угодно — от камердинера до «нового Шермана Адамса»; сейчас почти нет сомнений в том, что он гораздо ближе к последнему, чем к первому.

Валенти обычно первый видит Джонсона утром и последний вечером, а в Вашингтоне все знают цену этой привилегии. Насколько известно, он не пропустил ни одного дня работы в Белом доме (включая воскресенья), ни одной поездки и ни одной речи президента со времени вступления Джонсона в должность. Его можно видеть передающим записки Джонсону на пресс-конференциях, и его можно видеть рядом с президентом при выходе из

вертолета. Он написал многие важнейшие высказывания Джонсона.

«Он — режиссер», — сказал один из сотрудников Белого дома, характеризуя одну из сторон деятельности Валенти. «Он планирует все мероприятия, в которых участвует президент — намерен ли президент выступить с речью на собрании или по телевидению или же он просто собирается зайти и поздороваться».

Не столь глубоко знающий сущность проблем, как те «джонсоновцы», которые пробыли многие годы в Вашингтоне, Валенти быстро осваивается. Он очень трудолюбив и легко схватывает все на лету. Он как будто не отходит от Джонсона, и президент в частных разговорах откровенно гордится своим «гарвардцем».

«Этот человек отказался от дохода в 100 тыс. долл. в год и приехал в Вашингтон, не задав ни одного вопроса и даже не имея при себе чистой рубашки, — сказал как-то Джонсон. — Он просто пришел сюда так, словно он был здесь всю жизнь».

Президент, придающий большое значение практической сметке, однажды дал следующую характеристику Джеку Валенти: «Он поразительно энергичен, прекрасно ладит с людьми, и он знает все телевизионные передачи наперечет». Для президента, внимательно следящего за всеми новостями и всеми специальными передачами телевидения, это немалая помощь.

Среди людей, сотрудничавших с Джонсоном, которые теперь могут сыграть важную роль, есть такие, как Дональд Кук (родился в 1920 г.), опытный бизнесмен. В начале 50-х годов Кук в значительной степени способствовал успеху подкомиссии Джонсона по вопросам военной готовности, а Джонсон помог ему получить назначение в комиссии по контролю над операциями с ценными бумагами. Позднее Кук работал в комиссии по обеспечению равных возможностей в области занятости, которую возглавлял Джонсон. Он является президентом «Американ электрик пауэр компани».

Эдвин Л. Вейсл (родился в 1897 г.) — советник подкомиссии по вопросам военной готовности и комиссии по авионавтике и исследованию космического пространства. Преданный сторонник выдвижения Джонсона на пост президента, Вейсл занимается в Нью-Йорке обширной юридической практикой.

Джеймс Роу-младший (родился в 1910 г.) — постоянный сотрудник правительства начиная с самого зарождения «нового курса». Был доверенным лицом Реконструктивной финансовой корпорации, а также работал в министерстве труда и в министерстве юстиции, в Управлении общественных работ, в комиссии по контролю над операциями с ценными бумагами, был административным помощником президента Ф. Д. Рузвельта. Он был ведущей фигурой в кампании по выдвижению Джонсона на пост президента в 1960 году.

Доктор Эдвард Уэлш — директор Национального совета по авиации и исследованию космического пространства, который Джонсон возглавлял, будучи вице-президентом.

Леонард Маркс — вашингтонский юрист и директор «Коммьюникейшнз сэтелайт корпорейшн». Он представлял интересы семьи Джонсон в области радиовещания в Федеральной комиссии по связи. Л. Маркс останется человеком, близким к президенту, в особенности в вопросах, касающихся деятельности и персонала разного рода регулирующих управлений.

Джордж Макги — посол США в Германии. Макги был заместителем государственного секретаря по политическим делам до тех пор, пока его не перебросили в Бонн в качестве посла. С этого времени его акции повысились. У него имеются нефтяные промыслы в Техасе.

Джеймс Уэбб — руководитель Управления по авиации и исследованию космического пространства. Он тесно сотрудничал с Джонсоном на почве общих интересов к космической программе.

В числе людей, которые, по словам «Бизнес уик», вряд ли согласятся занять высокие посты, но к советам которых Джонсон будет склонен прислушиваться, можно отметить следующих: Дин Ачесон, бывший государственный секретарь. Он не стремится к активной деятельности, но будет одним из главных советников Джонсона по вопросам внешней политики; Кларк Клиффорд, богатый вашингтонский юрист, который выполняет своеобразную роль важного моста, соединяющего нынешнее правительство с предыдущими; член Верховного суда США Артур Гольдберг, который, будучи министром труда, близко сошелся с Джонсоном и теперь будет осуществлять важную связь между Джонсоном и некогда враждебно на-

строенными к нему профсоюзными лидерами; Томас Дж. Коркорэн—горячий сторонник «нового курса», в обществе которого любит бывать Джонсон, и Фрэнк Айкэрд — президент Американского института нефти, бывший конгрессмен от штата Техас и близкий друг Джонсона.

К этому довольно большому списку, опираясь на высказывания информированных органов американской прессы, можно добавить Артура Перри, работающего в Вашингтоне около сорока лет и хорошо знающего его политическую кухню, и Клифтона Картера, который в течение долгого времени был помощником Джонсона, на котором лежала обязанность поддерживать контакты с представителями делового мира.

Таким образом, начатая во времена Эйзенхауэра практика создания внеконституционной группы, облеченной большими полномочиями и подчиненной лично президенту, своего рода «теневой кабинет», приобрела постоянный характер, являясь характерной чертой Вашингтона наших дней.

Возвращаясь к правительству демократической партии, сформированному после победы списка Кеннеди — Джонсона на выборах 1960 года, следует прежде всего констатировать сохранение позиций крупных монополий в руководстве государством при правительстве Кеннеди — Джонсона, так же как это имело место при правительстве Эйзенхауэра.

В этом смысле правительство демократической партии 1960 года значительно ближе к правительству республиканцев 1953—1960 годов, нежели, скажем, к администрации демократической же партии времен Ф. Рузвельта и даже Г. Трумэна. В этом нашел свое отражение процесс усиления государственно-монополистических тенденций, характерный для третьего этапа общего кризиса капитализма.

Следует констатировать некоторое усиление влияния уолл-стритского финансово-промышленного регионального объединения за счет частичного ослабления политического представительства отдельных «молодых» объединений, прежде всего среднезападного и юго-западного. Новым группировкам пришлось несколько потесниться под напором наиболее могущественных групп.

Самые важные, ключевые позиции в администрации демократической партии, как видно из вышеприведенных

данных, оказались в руках Уолл-стрита. Это, разумеется, прежде всего относится к президентскому посту, в период, когда на нем находится Дж. Кеннеди. Если в предыдущей администрации президентское кресло было занято человеком, непосредственно не связанным с какой-либо одной из конкурирующих финансово-промышленных групп, то на сей раз в Белом доме появился человек, не только принадлежащий к одной из богатейших семей США, но и тесно связанный с интересами самого могущественного из монополистических региональных объединений — уолл-стритского. Как выше уже отмечалось, семья Кеннеди — одна из влиятельнейших в бостонской группировке, примыкающей к уолл-стритским объединениям. Говорилось также о связях Дж. Кеннеди (через жену) с моргановскими банками.

В руках Уолл-стрита оказались также посты государственного секретаря, министра обороны, министра финансов и некоторые другие ключевые позиции в государственном аппарате. При этом следует особо отметить рост политического представительства Рокфеллеров, с которыми теснейшим образом связаны Раск, Диллон, Макклой, Гилпатрик, Нитце, Маккоун и некоторые другие руководящие деятели администрации Кеннеди — Джонсона.

Явно усилилось влияние и одного из молодых объединений финансово-промышленного капитала — техасского. Если в правительстве Эйзенхауэра это объединение в начале располагало лишь двумя постами сравнительно второстепенного характера (морской министр и министр здравоохранения и социального обеспечения), а затем одним (хотя и значительно более важным — постом министра финансов, то в правительстве Кеннеди влияние техасцев заметно возросло. Они были представлены в Вашингтоне прежде всего вице-президентом Линдоном Джонсоном, возглавившим затем весь государственный аппарат. Появление деятеля, связанного с одной из новых групп американского капитала, на посту президента было, конечно, делом не запланированным — никто не ожидал, что молодой и полный сил руководитель будет хозяином Белого дома всего три года, — но считать получение техасцами такой позиции делом абсолютно случайным нельзя — так или иначе это отражает рост как экономического, так и политического влияния новых групп в последние годы. Помимо этого техасцы получили

такой важнейший пост, как место министра торговли, занятое крупным техасским предпринимателем миллионером Ходжесом. Помимо этого они получили пост морского министра — одну из ключевых позиций в государственном департаменте, которую занял Макги, и пост руководителя департамента гражданской авиации.

Отражением усиливающегося влияния предпринимателей так называемой «группы горных штатов» является то, что впервые эта группа получила в Вашингтоне министерский пост, причем немаловажный, — Юдол стал министром внутренних дел. В правительстве Эйзенхауэра группа горных штатов представлена не была.

Однако если техасцы и группа горных штатов улучшили свое положение, то двум основным конкурентам Уолл-стрита — финансово-промышленным магнатам Среднего Запада и Калифорнии — пришлось потесниться. Наиболее чувствительным ударом для группы Джаннини был крах надежд заполучить президентское кресло. Поражение Никсона на выборах в 1960 году явилось серьезным разочарованием для «Бэнк оф Америка».

Лишившись поста вице-президента и не проведя своего человека в Белый дом, банкиры Калифорнии претендовали в качестве компенсации на пост министра финансов, на который, как указывалось выше, метил один из вице-президентов «Бэнк оф Америка». Однако усилиями Уолл-стрита и эти претензии удовлетворены не были. Бизнесмены Калифорнии получили в свое распоряжение министерство почт (Эдвард Дэй), министерство авиации (Юджин Цуккерт). Правда, затем положение несколько изменилось, когда, как выше отмечалось, на такой ключевой позиции, какой является ЦРУ, оказался Д. Маккун. Представителем Юго-Запада в Вашингтоне следует считать и бывшего губернатора штата Калифорния Эрла Уоррена, занимающего весьма важный пост председателя Верховного суда США и являющегося виднейшим лидером республиканцев.

Можно констатировать и некоторое ослабление позиций бизнесменов Среднего Запада. В правительстве Эйзенхауэра в течение долгого времени они располагали ключевым постом министра финансов. В новой администрации им были предоставлены посты министра здравоохранения, министра сельского хозяйства и заместителя министра торговли.

Говоря о некотором ослаблении позиций в руководстве государственным аппаратом воротил Среднего Запада и Юго-Запада, не следует, однако, спешить с далеко идущими выводами. Уолл-стрит оказался не в состоянии подорвать политические позиции своих основных конкурентов, свидетельством чего являются и сенсационные достижения техасцев, и усиление группы горных штатов, и то, что деятели Уолл-стрита не смогли полностью вытеснить из Вашингтона представителей Среднего Запада и Юго-Запада.

Анализ состава администрации Кеннеди — Джонсона лишь подтверждает тот вывод, который мы сделали на основе анализа состава правительства республиканской партии, вывод о том, что прошли времена, когда группа уолл-стритских финансовых монополий безраздельно царила не только в экономической, но и в политической жизни страны. В настоящее время роль «молодых» объединений американского капитала существенно возрастает. Она превратилась в постоянный экономический и политический фактор, оказывающий непреходящее влияние на политический курс Вашингтона. Рассмотрение этого влияния в его конкретных проявлениях необходимо для понимания многих зигзагов политического курса Вашингтона.

Следующим обстоятельством, связанным с администрацией демократов, обстоятельством, которое может показаться на первый взгляд второстепенным, а в действительности имеющим немалое значение и чрезвычайно показательным, является возрастной состав этой администрации.

В самом деле, возраст членов кабинета Кеннеди, а также руководителей министерств и ведомств, которые были им назначены, говорил о значительном омоложении руководящего состава вашингтонской администрации. При этом речь шла не о постепенном омоложении и не об отдельных назначениях. Речь шла об операции, проведенной в очень широких масштабах одновременно и организовано, что свидетельствует не о случайном, а о преднамеренном, продуманном и тщательно организованном мероприятии, преследующем определенные политические цели.

Беспрецедентно молод был сам глава правительства. В Белый дом еще ни разу не попадал деятель моложе со-

рока пяти лет. Необычайно для политических столиц Запада были молоды и большинство министров и советников президента. А возраст таких ближайших к президенту и имевших чрезвычайно большое влияние его советников, как Теодор Соренсен, Роберт Кеннеди, Генри Киссинджер, Кеннет О'Доннел и некоторых других, не достигших и сорока лет, был воспринят многими деятелями Вашингтона, Лондона и Парижа как вызов.

Политические наблюдатели на Западе высказывали немало соображений в связи со столь решительно произведенным омоложением значительной группы вашингтонских руководителей. Большинство такого рода рассуждений сводились к объяснениям, носящим чисто личный характер: дескать, сам президент Кеннеди был молод и потому предпочел окружить себя сверстниками, с которыми ему легче найти общий язык и которые с большей легкостью готовы признать его авторитет и руководство.

Думается, что такого рода «объяснения» весьма поверхностны и субъективны. Вряд ли личные вкусы и склонности даже человека, облеченного столь широкими полномочиями, как президент Соединенных Штатов, сами по себе были в состоянии обеспечить серьезную ломку, какая имела место сразу после прихода к власти Кеннеди и которая продолжалась и в последующий период. Приход к власти Л. Джонсона, человека много старше Дж. Кеннеди, не изменил этой тенденции. Среди близких ему деятелей есть также совсем молодые люди. Это подтверждает, что эта ломка не носила субъективного характера и не была следствием только личных склонностей Дж. Кеннеди.

Имеется немало оснований считать, что в этом нашли свое отражение серьезные факторы и обстоятельства объективного порядка. Ставшие очевидными к концу 50-х годов кардинальное изменение соотношения сил на международной арене, безвозвратная утрата Соединенными Штатами своего преобладающего положения в мире поставили перед американскими монополиями задачу приспособляться к новой обстановке, строить государственную политику, исходя из совершенно нового, непривычного для государственных деятелей США старой закваски положения США в современном мире.

Не сразу и не вдруг пришло понимание этой горькой для руководящих кругов США истины. Но слишком дорого стоили для американских правящих кругов, для всего американского монополистического капитала в целом попытки не считаться с новым положением вещей, стремление не считаться с реальностью. Ряд тяжелых поражений на международной арене, усиление противоречий со своими собственными союзниками, потеря американскими монополиями ряда важнейших позиций, которые они считали незыблемыми, — все это хотя и с запозданием, но все же заставило ведущих деятелей американской буржуазии задуматься.

В этот период на американском книжном рынке появляются книги недавно вышедших на арену и молодых по возрасту идеологов американского империализма Киссингера, Ростоу, Шлезингера и некоторых других, которые пытаются приспособить агрессивную программу американских монополий к новой обстановке в мире. Они не считают нужным и не могут отказаться от агрессивных целей империализма. Но, понимая, что прежние теории Ванденберга, Баруха, Даллеса, Ачесона уже неприменимы, они выдвигают более «скромные» цели, не считают возможными, реалистичными, соответствующими новым условиям «глобальные» аппетиты американских монополий. Так, вместо проповеди «глобальной войны», «отбрасывания», «массированного удара», появляются вполне агрессивные, но с меньшим размахом теории «ограниченной войны», «гибкого реагирования» и т. д.

Жизнь заставила идеологов американских монополий отступить от того, что их предшественники провозглашали американской целью еще несколько лет назад. Это отступление было вынужденным, оно являлось отнюдь не результатом отказа от империалистической идеологии и программы, не результатом «прозрения», а результатом кардинального изменения соотношения сил на международной арене в ущерб империализму, но это было отступление.

Некоторые деятели старшего поколения в Вашингтоне в той или иной степени подходили к мысли о необходимости приведения политики США в соответствие с реальной обстановкой. Опасность попыток не считаться с этими изменениями становилась очевидной даже для не

слишком изощренных политических умов. Однако политики, чье мировоззрение сформировалось, чьи методы сложились в предыдущий период, не в состоянии были выполнять задачи в новой обстановке.

Задачи, поставленные монополистическим капиталом США перед новым правительством, связанные с необходимостью выработки новых методов в достижении политических целей американского империализма, требовали новых людей. При этом для осуществления такого рода деятельности нужна была замена не одного и не нескольких деятелей, чьи взгляды устарели, а методы окостенели, а значительное омоложение руководящей верхушки государственного аппарата США, что и нашло свое отражение как в том, что новую администрацию возглавил сравнительно молодой человек, не работавший до того ни в одном из государственных учреждений Соединенных Штатов, так и в том, что в течение первых двух лет пребывания в Белом доме президента Кеннеди было осуществлено решительное и широкое омоложение в руководящих ведомствах американской столицы, о чем свидетельствуют данные о возрасте членов администрации Кеннеди.

В этой связи обращает на себя внимание и еще одна характерная для окружения Кеннеди особенность. Если во времена Эйзенхауэра в Вашингтоне демонстративно подчеркивалась некая «антиинтеллектуальная» обстановка, если с легкой руки Маккарти слово «интеллигент» в столице США стало чуть ли не бранным, то с приходом в Белый дом Кеннеди ситуация заметно изменилась.

Президент Эйзенхауэр, не учившийся нигде, кроме военной школы Вест-Пойнта, по собственному признанию, в течение многих лет не читал ничего, кроме небольшого количества детективной литературы, и большую часть свободного времени проводил за игрой в гольф. Кеннеди, получивший образование в самых известных университетах Запада, много времени отдавал литературе по экономике и политике, сам являлся автором хотя не очень глубоких, эклектических, но все же собственных книг и статей по вопросам истории и политики. Но, что еще более важно и показательно, в свое непосредственное окружение Кеннеди ввел большую группу молодой профессуры. Профессора Киссингер, Росту, Шлезингер, Визнер

и некоторые другие наряду с бизнесменами и военными вошли в ближайшее окружение президента (их называли в Вашингтоне «мозговым трестом» или «яйцеголовами») и играли заметную роль в разработке ряда правительственных мероприятий.

Очевидно, что и в данном случае речь идет не о прихоти, не об игре случая, а об отражении определенных закономерностей. Президентства Трумэна и Эйзенхауэра пришлось в значительной части на период, когда в Вашингтоне безраздельно царил культ грубой силы. Вся внешняя политика США строилась на имевшей некоторое время место монополии США на атомное оружие, на мысли об экономическом и военном превосходстве США над всем миром.

Политика «с позиции силы» породила и определенный тип деятелей, ее осуществлявших. Не нужно много ума, чтобы размахивать атомной бомбой. Поэтому в послевоенный период в Вашингтоне в особом почете представлятели военщины и нахрапистые дельцы-бизнесмены. Такова в немалой степени почва, на которой осуществлялся в 50-е годы маккартистский поход против интеллигенции.

Но вот положение изменилось. Величественные успехи СССР и других социалистических стран развеяли иллюзии о превосходящей силе и непобедимости США. Американская буржуазия стремится мобилизовать все имеющиеся в ее распоряжении средства. Политическое маневрирование на международной арене и внутри страны, борьба за умы людей, стремление приукрасить отвратительное лицо заживо гниющей социальной системы требуют изощренной ловкости использования всех методов и аргументов буржуазной науки.

Таким образом, серьезные факторы объективного порядка привели к тому, что во времена Кеннеди — Джонсона в Вашингтоне делаются попытки реабилитировать слово «интеллигент». Вряд ли следует доказывать всю бесперспективность усилий «интеллектуализировать» политическую жизнь Вашингтона, ибо никакие, даже одаренные, люди, служа исторически обреченному делу, во-первых, не в состоянии полностью раскрыть и выявить свои возможности, а во-вторых, спасти то, что спасено быть не может, что обречено на гибель самим ходом исторического процесса.

3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС АДМИНИСТРАЦИИ КЕННЕДИ—ДЖОНСОНА

Анализируя внешнеполитический курс правительства демократической партии в период с 1961 по 1964 год, необходимо отметить, что в этом курсе отразились противоречивые тенденции, на него наложили отпечаток самые различные факторы. С одной стороны, правительство демократов пыталось продолжать ту линию внешней политики, которой следовал Вашингтон в течение всего послевоенного периода. Экспансионистский и подчас прямо агрессивный курс американских монополий нашел свое отражение во многих шагах Вашингтона в этот период.

Гонка вооружений, авантюра в заливе Кочинос, когда за спиной кубинских контрреволюционеров открыто стояли Пентагон и государственный департамент, опаснейший кризис, спровоцированный Вашингтоном осенью 1962 года в районе Карибского моря, продолжение «грязной войны» в Южном Вьетнаме, поддержка антинародных сил в Лаосе, Южной Корее и ряде других районов, подрывная деятельность в странах Африки и Латинской Америки и, наконец, многие мероприятия, которые нельзя расценить иначе, как продолжение «холодной войны» против стран социалистического лагеря,— вот далеко не полный список действий Вашингтона, явившихся «вкладом» руководства демократической партии в послевоенный курс внешней политики американских монополий.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на деятельность правительства Кеннеди — Джонсона наложили существенный отпечаток те кардинальные изменения, которые произошли на международной арене в последние годы.

Правящим кругам США, как отмечалось выше, пришлось независимо от их желаний так или иначе приступить к решению весьма сложной задачи приспособления американского внешнеполитического курса к новой международной ситуации, исходить из принципиальных изменений в расстановке сил на международной арене, приведшей к ситуации, когда мощь и влияние США и всего империалистического лагеря в целом уменьшились, а мощь и влияние мировой социалистической системы значительно возросли. Было бы преувеличением сказать, что руководители американской внешней политики вы-

бросили за борт показавшую свою полную несостоятельность, нереалистичность и невыполнимость программу мировой экспансии, выдвинутую американскими монополиями после окончания второй мировой войны. Правительство демократов, так же как и их предшественник — администрация Эйзенхауэра, оказалось не в состоянии реально оценить обстановку, круто повернуть руль государственного корабля.

Но если Вашингтон времен Эйзенхауэра пытался вообще, игнорируя принципиально новое положение в мире, продолжать осуществление политики «с позиции силы», то администрация демократической партии пыталась, с одной стороны, не порывать с основами послевоенной внешней политики США, но, с другой стороны, внести в нее ряд корректив, иногда даже существенных, целью которых было каким-то образом ликвидировать разрыв между реально существующим мировым соотношением сил и внешнеполитической деятельностью Вашингтона. Отсюда та противоречивость и непоследовательность, которые характерны для внешней политики администрации демократической партии в последние годы.

Самое существенное влияние на внешнеполитический курс Вашингтона в эти годы оказывало то обстоятельство, что он осуществлялся на фоне новой лихорадки гонки вооружений, не только не уменьшенной по сравнению с предыдущими годами, но, наоборот, в период 1961—1963 годов активно наращиваемой, а в 1964 году замороженной на невиданно высоком уровне, достигнутом за этот период. Речь шла не о продолжении тех или иных мероприятий предыдущего правительства, а о собственном вкладе правительства демократической партии в дело всемерного расширения гонки вооружений. Правда, последний период ознаменовался некоторыми новыми веяниями в этой области, о чем будет идти речь в разделе, посвященном экономической политике демократов. Но эти веяния были еще не настолько ощутимыми, чтобы привести к серьезным переменам во внешней политике.

Как отмечалось выше, сформулированная в середине 1960 года предвыборная «платформа» демократической партии прямо требовала пересмотра военного потенциала США в сторону его решительного увеличения, а Кеннеди в своих предвыборных выступлениях наряду с за-

верениями насчет стремления к миру выдвигал странный, наводивший на размышления лозунг: «Разоружение через вооружение». Поэтому вовсе не случайно, что одним из самых первых мероприятий нового президента было создание под председательством сенатора и крупного военного промышленника Стюарта Саймингтона комиссии для разработки рекомендаций по укреплению и увеличению военной мощи США.

Сразу же после своего избрания президент в послании конгрессу «О положении страны» заявил, что им приняты меры «для того, чтобы сделать контроль над вооружениями главной целью нашей национальной политики под моим личным руководством»³⁴.

Контроль над вооружениями, а отнюдь не контролируемое разоружение, был провозглашен новым правительством. Суть программы подтверждает и тот факт, что главой вновь созданного управления по разоружению при государственном департаменте назначен Джон Макклой — недавний глава рокфеллеровского банка «Чейз Манхэттэн бэнк», бывший верховный комиссар США в Западной Германии, связанный еще до войны с германскими монополиями. После войны Макклой способствовал быстрому подъему военно-промышленного потенциала Западной Германии.

С первых шагов администрации демократической партии в сейфы монополий хлынули новые золотые потоки в оплату военных заказов. По данным, опубликованным в печати США, военные заказы в начале 1961 года были увеличены на 4 млрд. долл., и в закончившемся 30 июня 1960/61 финансовом году их общая сумма достигла самого высокого за последние восемь лет уровня — 26,5 млрд. долл.

В марте Кеннеди обратился к конгрессу с посланием по вопросам «обороны», в котором потребовал, чтобы смета военных расходов на 1961/62 год, рекомендованная правительством Эйзенхауэра и внесенная в конгресс 16 января, была увеличена примерно в 2,3 млрд. долл.³⁵ В мае президент потребовал увеличить ассигнования на военные цели более чем на 1,5 млрд. долл. Он предупредил к тому же, что намечаемый им «новый курс дейст-

---

³⁴ «Congressional Records», 1961, vol. 107, pp. 1289—1303.

³⁵ «U. S. News and World Report», 1961, Apr. 10.

вий», рассчитанный на несколько лет, потребует еще дополнительного расходования от 7 млрд. до 9 млрд. долл.³⁶

Но не успел еще конгресс определить свое отношение к мартовским и майским требованиям Кеннеди, как 26 июля президент направил ему новую, дополнительную программу, предусматривающую увеличение расходного бюджета министерства обороны еще на 3,4 млрд. долл. и доводящую общую сумму расходов министерства обороны на так называемые «основные военные программы» в 1961/62 году до 47,5 млрд. долл., что более чем на 6 млрд. долл. превысило соответствующие ассигнования на предшествовавший год³⁷.

В следующем, 1962/63 году и эти огромные военные расходы оказались превзойденными. Военный бюджет второго года пребывания у власти правительства демократической партии был самым большим во всей истории Соединенных Штатов Америки мирного времени, превысив 52,5 млрд. долл.

Очевидно, что такие темпы гонки вооружений не могли не накладывать весьма ощутимого отпечатка на внешнеполитический курс США, способствуя поддержанию в мире обстановки недоверия и напряженности.

Непрерывный и сильный нажим в эти годы, так же как и в предыдущий период, на политику Вашингтона осуществляли те могущественные в США силы, благополучие которых всецело и исключительно зависит от котировки военных акций, от уровня военных прибылей. Многие из предпринятого администрацией демократической партии объясняется интересами именно этих кругов, их влиянием и нажимом.

Вместе с тем, как было отмечено выше, в действиях Вашингтона на международной арене появились и новые элементы.

Начнем с некоторых факторов, действующих в самих США. Об изменениях настроений миллионов американцев выше уже говорилось. Но в последние годы стали сказываться и новые важные обстоятельства. Начав свою деятельность со стремительного и резкого наращивания темпов гонки вооружений, руководители администрации демократов затем заколебались. Бюджет на 1964/65 год

---

³⁶ «New York Times», May 26, 1961.

³⁷ «New York Times», July 27, 1961.

был примечателен тем, что впервые за ряд лет заморозил военные статьи этого бюджета на одном уровне и даже несколько сократил их. И дело здесь было не в благих намерениях или пожеланиях кого-либо, а в существенных процессах, происходящих в недрах американской экономики.

Дело в том, что в последнее время наиболее проницательные специалисты из числа буржуазных ученых, а также наиболее опытные и трезво мыслящие представители делового мира реально увидели перспективу того, что увеличение государственных военных расходов и наращивание темпов гонки вооружений, служившие основным средством активизации экономики США в течение более чем десяти лет, перестают давать эффект. Причиной этого являются как серьезные диспропорции в промышленности, получившей однобокий крен в сторону развития военных отраслей, так и существенные изменения, связанные с новым характером военной продукции.

Что касается первого обстоятельства, то все возрастающая концентрация материальных и людских ресурсов в узкоспециализированных областях ракетно-ядерного производства, омертвление колоссальных ценностей на складах вооружений — все это привело к резко отрицательным последствиям для экономики США в последнее десятилетие.

Промышленные товары США в силу ряда обстоятельств стали неконкурентоспособными не только на мировых рынках, но и внутри страны, где их стали теснить западноевропейские и японские изделия. Нечего и говорить о том, как отрицательно сказалась гонка вооружений в таких областях жизни США, как народное образование и здравоохранение.

Гонка вооружений тяжело отразилась и на состоянии государственных финансов США. Это выразилось в хронических бюджетных дефицитах и как результат в огромном росте государственного долга. В связи с уменьшением доли США в мировой экспортной торговле, а также с высокими военными расходами за границей острый и хронический характер приобрел и дефицит американского платежного баланса, вызвавший в свою очередь резкое сокращение золотых запасов страны.

Подводя итоги влияния гонки вооружений на американскую экономику, сенатор Макговерн в своем вы-

ступлении в конгрессе имел все основания отметить следующее: «Нынешний уровень военных расходов и военной помощи иностранным государствам разрушает нашу экономику, ведет к разбазариванию человеческих ресурсов, ограничивает наше лидерство в мире... Многие отрасли промышленности США теряют свою способность конкурировать не только в мировой торговле, но и в Соединенных Штатах. Концентрация капитала и технических специалистов в области производства оружия является главной причиной снижения конкурентоспособности наших товаров... Время, которое испытывают наши золотые запасы в результате наших больших военных обязательств за границей и чрезмерных военных расходов, составляет угрозу для наших международных позиций»³⁸.

Этим, кстати сказать, объясняется и тот факт, что правительственные круги США в последнее время с известным сомнением относятся к требованиям тех сторонников гонки вооружений, которые настаивают на продолжении и даже форсировании ее хотя бы в надежде на то, что необходимость участвовать в такой гонке вызовет серьезные экономические затруднения в Советском Союзе. Характерный в этом отношении обмен репликами произошел при обсуждении Московского договора в сенатской комиссии по иностранным делам между сенатором Хикенлупером и государственным секретарем Раском.

Хикенлупер пытался утверждать, что «если речь идет о расходах и экономической угрозе, то мы можем превзойти их (то есть СССР.— В. З.) в расходах, мы можем продолжать делать это и действительно загнать их в бедственное положение». Раск счел необходимым возразить, что с 1948 года США уже выбросили на гонку вооружений сотни миллиардов долларов и что это вызвало отставание в школьном и городском строительстве, в системе образования и во многих других областях американской жизни. «Я уверен, что никто другой не заинтересован в этом больше, чем вы, сенатор. Я не ставлю это под сомнение»,— не без колкости бросил Раск Хикенлуперу. «У меня нет желания каким-либо образом спорить

---

³⁸ «Congressional Records», Aug. 2, 1963, pp. 13199, 13202.

с вами по этому вопросу»³⁹, — единственно, что нашелся ответить тот.

Что касается нового характера военного производства и следствий этого, то здесь следует сказать, что если раньше, в течение многих десятилетий и даже столетий, основную роль в военном производстве играл фактор количественный — произвести как можно больше винтовок, патронов, пулеметов, танков, пушек, самолетов и т. д., — то научно-техническая революция, ныне происходящая, кардинальным образом изменила и изменяет как вооружение современных армий, так, следовательно, и характер военного производства.

Военное производство настоящего и в еще большей степени военное производство ближайшего будущего имеет тенденцию терять характер массового производства. В самом деле, по подсчету крупнейшего американского ученого Л. Полинга, разрушительная сила всех бомб и снарядов, примененных в ходе второй мировой войны всеми воюющими сторонами, вместе взятыми, составляла примерно 6 мегатонн. Сила одной современной термоядерной бомбы средней величины — 10—15 мегатонн. Последствия этого очевидны. Массовое производство миллионов снарядов и бомб заменяется значительно менее массовым производством атомного и термоядерного оружия. На смену десяткам и сотням миллионов единиц различных средств ведения войны приходит неизмеримо меньшее количество более сложных современных средств — ракет, электронных систем и т. д.

Речь идет о том, что в руках Кеннеди — Джонсона военные расходы — уже не такой действенный инструмент взбадривания производства, каким он был при Трумэне или Эйзенхауэре. Быстро изменяющаяся технология военного производства, решительный поворот от массового производства самолетов, танков, артиллерии к специализированному производству ракет и атомных боеголовок — все это означает, что каждый доллар прироста военного бюджета приводит в движение меньше производственных мощностей и меньше рабочей силы, оказывает меньшее воздействие на экономику, чем прежде.

---

³⁹ «Nuclear Test Ban Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senat. 88 Congress», Wash., 1963, p. 30.

Следовательно, встает реальная перспектива того, что массовое военное производство, типичное для последних десятилетий, производство, в котором были заняты тысячи предприятий и миллионы людей, постепенно отходит в прошлое. На смену этому приходят ограниченное число специализированных предприятий, обладающих более или менее ограниченным числом специалистов высокой квалификации, на смену массовому производству — создание сравнительно небольших серий сложных и дорогостоящих систем современного оружия. Физическая масса оружия сокращается за счет многократного увеличения его силы и мощи.

Последствия этого процесса для массового промышленного производства очевидны. Если в 40-х и 50-х годах значительная часть производственных мощностей американской промышленности, миллионы рабочих рук были заняты в военной промышленности, то в качестве перспективы предстоящих лет вырисовывается значительное сокращение как производственных мощностей, так и рабочих рук, занятых в военном производстве, что отнюдь не означает само по себе разоружения и уменьшения опасности войны, а как раз наоборот. Однако военная промышленность США в начале 60-х годов в свете вышеизложенных обстоятельств оказалась подобной насыщенному соляному раствору, который не в состоянии более поглощать то, что в него вкладывается.

Это становится очевидным даже некоторым представителям большого бизнеса. Мы уже говорили о характерной позиции моргановской группы и некоторых причинах, лежащих в основе такой позиции. О том, что она не является случайной, свидетельствует и то обстоятельство, что летом 1963 года руководители одного из наиболее влиятельных на Уолл-стрите банков «Морган гаранти траст» высказались за сокращение военных расходов. Бюллетень банка писал, что «в настоящее время кажется более разумным, чем когда-либо раньше, во время холодной войны начать искать поворот с дороги все растущих и растущих военных расходов»⁴⁰.

Таким образом, на изменении позиции Вашингтона сказываются весьма серьезные факторы объективного характера, действующие внутри страны. Еще большее зна-

---

⁴⁰ «Morgan guaranty survey», 1963, Aug.

чение имеют кардинальные изменения в пользу лагеря мира и социализма, определяющие политическую погоду в мире в 60-х годах.

Совершенно очевидно, что оставить без изменений внешнеполитический курс США, или, точнее, методы проведения внешней политики, в условиях изменившейся обстановки на международной арене было невозможно.

Говоря об изменениях и коррективах внешнеполитического курса США в направлении приспособления его к реально существующей обстановке на международной арене, следует прежде всего подчеркнуть, что речь шла не об уменьшении агрессивности американского империализма, изменении его природы, не о «добрых намерениях» тех или иных вашингтонских руководителей. Природа американского империализма осталась неизменной. Не изменилась и идеология людей, которым монополистический капитал доверил руководство своей государственной машиной. Изменились условия, в которых американский империализм осуществляет свои внешнеполитические программы, уменьшились его возможности. Даже самым твердолобым его представителям становится очевидной та простая истина, что цель завоевания мирового господства, создание «американского мира», оказалась им не по зубам.

Факт изменения в ситуации на международной арене получает признание все большего числа людей в руководящих кругах США. В этой связи весьма симптоматично высказывание одного из ведущих политических комментаторов Уолтера Липпмана: «Мне кажется, можно сказать, что генерал Эйзенхауэр был последним из президентов военного и послевоенного периода. Кеннеди — это первый президент эпохи, наступившей вслед за послевоенным периодом. Ему приходится иметь дело с противником, равным по военной мощи, и с партнерами, равными по экономической силе. Это — нечто совершенно новое для нашей страны. В течение 100 лет мы были изолированы от войн, происходивших в остальной части света. Затем в течение примерно сорока лет мы занимались созданием такой мощи, которая позволяла одерживать полные победы и требовать безоговорочной капитуляции от наших противников. Как сперва, в условиях изоляции, так и потом, в условиях победы, нам не приходилось сталкиваться со старой человеческой проблемой, заклю-

чающейся в том, чтобы научиться жить в таком свете, в котором наша воля — это не единственный закон»⁴¹.

Другой ведущий американский обозреватель, Джозеф Олсоп, вторя Липпману, писал: «Президент Кеннеди имел несчастье вступить на президентский пост в момент, когда американская монополия приближалась к своему концу — атомная монополия, фактическая монополия в экономической и финансовой областях и, следовательно, монополия руководства Западным союзом»⁴².

Ясно отдают себе отчет в изменении положения и в столицах стран — союзниц США по агрессивным блокам, до недавнего времени беспрекословно следовавших американскому курсу. «Сомнения нет, — не скрывая злорадства, пишет обозреватель французского журнала «Карфур» Морис Негра, — наступило время общего пересмотра политики. Встречая сопротивление со стороны своих союзников, которые уже не соглашаются подчиняться приказам и хотят сами участвовать в принятии тех или иных решений, Соединенные Штаты вынуждены отходить от своей изолированной позиции, с которой они претендовали на руководство миром. Отныне они вынуждены считаться с то и дело меняющейся действительностью, которую они уже не могут ни направлять, ни контролировать согласно традиционным правилам своей политики»⁴³.

О том же заговорили не только политические обозреватели, но и ученые консультанты Вашингтона. Так, один из крупных специалистов США профессор Филипп Мосли, оценивая новую ситуацию, в статье, помещенной в сборнике под заголовком «Американская дипломатия. Новая эра», призывает правительство исходить из реального положения дел.

Оценивая военный потенциал Советского Союза, Мосли приходит к заключению, что «СССР, по-видимому, занимает ведущее положение по количеству и мощности выпускаемых им межконтинентальных ракет»⁴⁴. А отсюда — требование большего политического реализма.

С еще большей откровенностью выступил видный

---

⁴¹ «New York Herald Tribune», Jan. 9, 1962.

⁴² «New York Herald Tribune», July 20, 1962.

⁴³ «Carrefour», June 27, 1962.

⁴⁴ «American Diplomacy in a new Era», Notre Dame, 1961, p. 553.

военный теоретик Запада Лиддел-Гарт, который прямо заявил, что опора НАТО на ядерную мощь стала «бессмысленной ввиду изменившихся условий, созданных тем, что Россия достигла такой же ядерной мощи и фактически опередила Запад в ракетных средствах доставки»⁴⁵.

Весьма примечательным фактом в связи с этим была состоявшаяся в сентябре 1961 года в Сан-Франциско международная встреча предпринимателей, где главную роль играли воротилы американского большого бизнеса. Материалы работ этой конференции собраны в книге «Лидерство бизнеса в изменяющемся мире». О чем же говорилось на конференции, где собирались капитаны монополистического капитала?

Для общего направления конференции наиболее характерно выступление ее председателя, бывшего министра обороны США, директора компаний «Дженерал электрик» и «Крайслер» Макэлроя. Ратуя за укрепление военной мощи капиталистических стран, он в то же время считает, что к экономическому соревнованию с социалистической системой необходимо относиться серьезно. Касаясь вопроса о помощи экономически слаборазвитым странам, он призывает не ограничиваться критикой в адрес коммунизма, а на деле помочь народам этих стран повысить свой жизненный уровень, что якобы «совместимо с основной целью бизнеса», состоящей в получении прибыли⁴⁶.

Председатель правления одного из крупнейших в мире банков «Ллойдс бэнк лимитед», бывший английский посол в США С. Фрэнкс, выражает серьезное опасение по поводу того, какой путь развития — капиталистический или социалистический — изберут народы стран, завоевавших политическую независимость. Говоря о «коммунистической системе как методе экономического развития», он заявляет: «Мы не можем сказать, что в ней нет ничего. Это неверно, и не так думают многие миллионы людей, которые живут вне коммунистического блока, но смотрят на русские достижения в области экономического развития с изумлением и восхищением»⁴⁷. Люди, по его словам, не хотят терпеть лишения, происходит «революция растущих ожиданий» в экономически слабо-

⁴⁵ B. L i d d e l - H a r t, *Deterrent of Defence*, L., 1960, p. 143.

⁴⁶ «*Business Leadership in a changing world*», N. Y., 1962, p. 7.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 42.

развитых странах и «революция в мышлении» в развитых капиталистических странах. Фрэнкс призывает проявлять осторожность в выражении политических условий при предоставлении экономической помощи экономически слаборазвитым странам, ибо «это не окупается»⁴⁸.

Многое должно было измениться, чтобы так заговорили промышленные и финансовые тузы. Мог ли Вашингтон оставаться к этому глухим?

Таким образом, задача, вставшая перед Вашингтоном и красноречиво сформулированная Липпманом как задача научиться жить в таком свете, в котором воля США — это не единственный закон, была не порождением чьих-либо домыслов, а навязывалась американским правящим кругам всем ходом международного развития, объективной обстановкой. Это начало накладывать известный отпечаток на политику Кеннеди уже с первых его шагов. Направляя конгрессу послание «О положении страны» в январе 1962 года, Кеннеди заявил: «Мы отказались от установки «все или ничего», которая не оставила бы никакого выбора, кроме бесславного отступления или неограниченных военных действий»⁴⁹. Иными словами, Кеннеди признал, что доктрина, лежавшая в основе деятельности правительства республиканской партии, является ныне устаревшей. Правительство демократической партии независимо от своей воли оказалось вынужденным так или иначе пересматривать устаревшие взгляды и концепции. В Вашингтоне 60-х годов на смену доктринам всеобщей ядерной войны, «массированного удара» начинают приходиться более скромные по своим целям «стратегия гибкого реагирования», теории «ограниченной войны» и т. д., и т. п.

Нет, не добрая воля, а горькая для империалистов необходимость лежит в основе такого поворота. Именно в этом причина того, что руководящей военной доктриной США в 1962 году стала так называемая «гибкая стратегия». Родоначальником этой доктрины является генерал М. Тэйлор, занимавший во времена Эйзенхауэра пост начальника штаба армии. Основные ее принципы были изложены Тэйлором в книге «Ненадежная стратегия», вышедшей в 1960 году и содержавшей острую критику

---

⁴⁸ «Business Leadership in a changing world», p. 49.

⁴⁹ «Congressional Records», 1962, vol. 108, p. 51.

господствовавшей в тот период пресловутой даллесовской доктрины «массированного удара», или «массированного возмездия». Несогласие руководящих деятелей правительства Эйзенхауэра со взглядами Тэйлора привело тогда к отставке последнего.

Что же проповедовал Максуэлл Тэйлор? В своих прогнозах о характере будущей войны большинство военных деятелей США исходило из несостоятельных расчетов на воображаемое превосходство США в ядерном оружии и в стратегической авиации, которая, по их мнению, должна была на длительное время остаться основным средством доставки ядерного оружия к цели. Столь же необоснованно они исходили из предпосылки неуязвимости территории США для нанесения ядерного удара, при этом стратегия «массированного возмездия» имела еще одну особенность: она «могла предоставить нашим руководителям, — как писал Тэйлор, — лишь два варианта на выбор: либо развязывание всеобщей ядерной войны, либо компромисс и отступление»⁵⁰.

Великие научные и технические достижения СССР опрокинули все расчеты, положенные в основу военных планов США вообще и доктрины «массированного возмездия» в частности. В военно-стратегических планах США появилась зияющая брешь, которую и вознамерился заполнить генерал Тэйлор.

Вот как сформулировал он суть своей новой стратегии: «Стратегическая доктрина, которую я мог бы предложить взамен массированного возмездия, называется стратегией «гибкого реагирования». Это название указывает на то, что мы должны быть способны реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации»⁵¹.

Генерал Тэйлор считает, что Соединенные Штаты Америки вовсе не должны ставить перед собой цель, для них недостижимую. Он делает упор на малые, или «ограниченные», войны, имея в виду, в частности, борьбу против национально-освободительного движения; считает необходимым отказаться от чрезмерного упора на всеобщую ядерную войну, предпочитая ставить перед американским империализмом более ограниченные цели.

⁵⁰ Maxwell D. Taylor, *The Uncertain Trumpet*, N. Y., 1960, p. 37.

⁵¹ *Ibid.*, p. 38.

Легко увидеть в стратегии «гибкого реагирования» ее агрессивную империалистическую сущность. Американский империализм вынужден отбросить бывшие некогда модными в политических кругах Вашингтона теории «сдерживания» и «отбрасывания коммунизма». Тэйлор по существу признает своей доктриной, что это не по силам США. В то же время, будучи выразителем интересов агрессивных кругов американского империализма, он не может отказаться от агрессивных авантур вообще и по сути дела рекомендует правящим кругам США ставить перед собой не цели всеобщего «отбрасывания коммунизма», а более ограниченные задачи, связанные с поддержанием прогнивших антинародных режимов в различных районах мира, с удержанием при помощи вооруженной силы позиций, захваченных американскими монополиями во многих странах с приобретением того, что оказываются не в состоянии удерживать за собой менее сильные империалистические хищники.

Все это маскируется разговорами о «гибком реагировании», что должно означать — Соединенные Штаты не будут сами предпринимать агрессивных авантур, а будут лишь «реагировать» в ответ на какие-то события. Камуфляж в достаточной степени нехитрый.

Агрессивный характер и империалистическая сущность новейших теорий Тэйлора очевидна. Однако не менее очевидно и то обстоятельство, что сам факт появления этих теорий — результат падения американского могущества и осознание этого идеологами американского империализма.

Именно это обстоятельство обрушило на голову генерала Тэйлора гнев вашингтонских руководителей в 1960 году. Но то же самое обстоятельство привело к тому, что взгляды, считавшиеся в 1960 году в американской столице крамольными, в 1962 году стали официальной доктриной правительства Кеннеди, а ее автор был возвращен из опалы, назначен личным помощником президента, а летом 1962 года получил высшее в американской армии назначение, став начальником объединенной группы начальников штабов⁵².

⁵² В июле 1964 года в связи с провалами Вашингтона в Южном Вьетнаме Тэйлор был назначен послом США в Сайгоне с заданием найти выход из тупика.

Но дело не только в назначении генерала Тэйлора на высший военный пост в стране. Дело и в конкретных мероприятиях, осуществляемых в Вашингтоне. Если логическим выводом из стратегии «массированного удара» был основной упор на ядерное оружие, то для претворения в жизнь стратегии «гибкого реагирования» необходима подготовка к различного рода «ограниченным войнам». С этой целью правительство Кеннеди, не уменьшая, а, наоборот, расширяя ассигнования на ядерное и ракетное оружие, стало одновременно вновь наращивать темпы производства обычных вооружений. Одновременно Вашингтон приступил к широкой подготовке частей особого назначения для выполнения особо важных миссий, являющихся частью так называемой «большой стратегии Кеннеди».

Речь идет о необъявленных «партизанских» и контрпартизанских войнах. Необъявленная война — это засылка в другие государства диверсантов и провокаторов, убийства неугодных Соединенным Штатам руководителей, различные формы саботажа. В то же время это зачастую фактическое участие американских вооруженных сил в военных акциях против государства, с которыми США формально не находятся в состоянии войны. «Мысль о том, что США должны полагаться на партизанские методы ведения войны как на единственный способ остановить и обратить вспять наступление коммунистов, — констатирует газета «Уолл-стрит джорнэл», — пустила ныне прочные корни в национальной политике... Сейчас вполне почтенные высокопоставленные люди спокойно обсуждают такие вещи, как методические убийства коммунистических руководителей за границей»⁵³.

Американские империалисты приступили к реализации своих планов развязывания необъявленных войн во всех частях света. Официальная военная печать не скрывает, что в США готовятся «специальные войска», предназначенные для глубокого проникновения на территорию других стран для нанесения удара по противнику. Созданы и постоянно усиливаются четыре группы таких войск: на острове Окинава — группа, ориентированная на страны Дальнего Востока; в Западной Германии — группа, предназначенная для действий в Ев-

---

⁵³ «Wall Street Journal», May 16, 1961.

ропе, на Среднем Востоке и в Северной Африке и две группы в США, в Форт-Брагге (Северная Каролина) — одна для Африки, другая для Латинской Америки. В Форт-Брагге и в зоне Панамского канала созданы училища, где обучают «особым методам войны», включающим шпионаж, диверсии, убийства.

Агрессивный характер всех этих концепций виден и невооруженным глазом. Однако если взглянуть на все это несколько глубже, то мы вместе с тем увидим, что все новейшие военно-политические доктрины Вашингтона отражают не что иное, как ослабление позиций американского империализма и являются попытками правящих кругов США приспособиться к сложившемуся положению вещей. Американская буржуазия не хочет отказаться от своих замыслов. Однако характерной особенностью деятельности правительства Кеннеди — Джонсона являются попытки привести в соответствие эти замыслы и те реальные средства, которыми располагают США для их удовлетворения.

Следует отметить также, что внешнеполитические взгляды руководителей администрации демократической партии под воздействием неумолимых фактов действительности претерпевали явные изменения на протяжении последних лет уже в ходе их деятельности. Опыт осуществления различных экспансионистских программ и тяжелые поражения, с которыми Вашингтону приходится сталкиваться в тех случаях, когда он стремится «рассудку вопреки, наперекор стихиям» действовать так, будто бы в последнее десятилетие в мире ничего не произошло, заставил такого трезвого политика, каким являлся Дж. Кеннеди, менять многие свои взгляды уже в процессе его деятельности на посту президента. Не случайно его излюбленным выражением была бисмарковская формула о том, что «политика — это искусство возможного». Во всяком случае легко обнаружить разницу между, скажем, тем, как формулировал свою внешнеполитическую программу президент Кеннеди в первых выступлениях в качестве нового президента, и в ставшем знаменитым и приобретшем фактически смысл политического завещания Кеннеди его выступлении по вопросам внешней политики 10 июня 1963 г. в Американском университете. «Я говорю о мире,— говорил тогда Кеннеди,— потому, что у войны новое лицо. Тотальная война

не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдаться без того, чтобы прибегнуть к применению этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу почти в десять раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара и к еще не родившимся поколениям»⁵⁴.

Нетрудно заметить разницу между высокомерными разглагольствованиями американских руководителей в 50-х годах и этим заявлением американского президента, за которым видно отчетливое сознание могущества социалистических стран, мощи Советского Союза и вызванное этим трезвое понимание расстановки сил.

Именно это сознание могущества Советского Союза руководило действиями правительства Кеннеди, когда оно, доведя до крайней степени остроты грозивший мировой катастрофой кризис в районе Карибского моря, сочло возможным принять советское предложение и пойти на мирное урегулирование этого кризиса. Этим, возможно, объясняются и такие действия президента Кеннеди, как согласие на заключение Московского договора о прекращении ядерных испытаний в трех сферах, соглашение о невыводе на орбиту космических объектов с ядерным оружием на борту, некоторые шаги, направленные на расширение советско-американской торговли.

Будучи представителем своего класса, убежденным и последовательным защитником и проводником политики крупнейших американских монополий, президент Кеннеди в то же время обладал не столь уж распространенными в среде нынешних буржуазных политиков широким кругозором, умением мыслить реалистически. Те из своих внешнеполитических шагов, которые были направлены на осуществление политики сосуществования, он не «придумывал», не «изобретал» в соответствии с некими «гуманистическими» принципами, как о том говорит

---

⁵⁴ «New York Times», June 10, 1963.

буржуазная пропаганда, а выдвигал как политическую необходимость, как неизбежность, с которой невозможно не считаться.

Таким образом, внешнеполитический курс правительства Кеннеди, который обязался продолжать пришедший после его гибели в Белый дом осенью 1963 года президент Джонсон, являлся результатом, с одной стороны, концепций, лежавших в основе американской внешней политики в послевоенный период, а, с другой стороны, некоторыми, хотя и не всегда последовательными, но ответственными, попытками приспособить этот курс к новой международной политической ситуации, к новой расстановке сил.

О внешней политике правительства Кеннеди — Джонсона можно сказать так: если в предыдущие годы стратегической задачей американской внешней политики было всемерное расширение позиций американского империализма с конечной целью достижения мирового господства и установления «американского мира», то в новых условиях руководители Вашингтона поставили задачей удержание своих нынешних позиций, трещащих под напором неумолимого хода истории.

Отражением этих изменений являются практические доктрины, которыми руководствуется ныне Вашингтон. Эти доктрины нельзя квалифицировать ни как чисто военные, ни как чисто политические. Явившись плодом совместного творчества военных теоретиков и профессиональных политиков, они представляют эклектическую смесь стратегических концепций и политических фантазий. Тем не менее они сыграли заметную роль в формулировании американской внешней политики начала 60-х годов. О концепциях М. Тэйлора уже говорилось. Их своеобразным развитием и конкретизацией явилась всячески рекламируемая и превозносимая в США доктрина, выдвинутая министром обороны Робертом Макнамарой.

Доктрина Макнамары состоит из трех частей: первую часть этой триединой доктрины американского империализма можно бы назвать доктриной тотального удара. Пентагон и его глава Роберт Макнамара требуют не жалеть никаких усилий и затрат для того, чтобы иметь возможность нанести противнику термоядерный удар. В то же время они надеются, что, закопавшись под зем-

лю, спрятав в подземных убежищах ракеты с ядерными боеголовками и командные пункты, они смогут избежать уничтожения своего ракетно-ядерного потенциала при ответном ударе. Иными словами, для «новейшей» доктрины характерен все тот же упор на ядерную мощь, который присущ всей американской послевоенной стратегии и который завел в тупик американскую внешнюю политику.

Вторая часть доктрины Макнамары была сформулирована им самим, когда он летом 1962 года выступил перед профессорами и преподавателями Мичиганского университета в Анн-Арбор. «Наша ядерная мощь...», — говорил Макнамара, — делает возможным проведение стратегии, целью которой является сохранение структуры наших обществ в случае, если бы возникла война. Соединенные Штаты пришли к выводу, что, поскольку это возможно... основной военной целью в случае возникновения ядерной войны... должно быть уничтожение вооруженных сил противника, а не его гражданского населения».

Если перевести эти наукообразные рассуждения американского министра на общепонятный язык, то окажется, что речь идет о попытке выработать некие «правила ведения» современной термоядерной войны. При этом министр исходит из того, что атомные и водородные бомбы — оружие, вполне приемлемое, только взрывать их надо по «джентльменским правилам» — не над городами, а над военными объектами.

Не правда ли, умилительно! Только вот беда: как будет отделять г-н Макнамара объекты военные от невоенных? Как распорядится он смертоносными радиоактивными осадками, которые, возникнув, скажем, от взрыва над военным объектом, обречут на мучительную смерть все живое на сотни километров вокруг? Американские специалисты подсчитали, что даже если ядерные бомбы будут обрушены только на военные объекты США, а города останутся нетронутыми, то из 180 миллионов американского населения 70 миллионов погибнут от смертоносных радиоактивных излучений. Какие «правила» будут регулировать эту трагедию миллионов?

Третья доктрина Макнамары именуется в Пентагоне «правом неядерного выбора». Суть этой премудрости заключена в следующем: поскольку времена, когда в Вашингтоне тешили себя иллюзиями об американском ядер-

ном превосходстве, безвозвратно прошли, а преимущество Советского Союза в ракетах парализует американскую систему баз, Соединенные Штаты должны спешно развивать так называемые «обычные вооруженные силы».

По-видимому, ядерная война в условиях изменившегося не в пользу США соотношения сил теряет для американских монополистов свою прежнюю привлекательность и они ищут новых, запасных путей осуществления империалистической политики. Отсюда и теории «неядерного выбора в периферийных районах», как выражаются американские стратеги. Эта часть концепций Макнамары — не что иное, как вариант теорий «ограниченной войны».

Следует отметить, что теории «ограниченной войны» больше не принадлежат в США кабинетным ученым; они приняты на вооружение и осуществляются на практике правящими кругами Вашингтона. Примером может служить, в частности, «грязная война» американских колонизаторов против патриотов Южного Вьетнама. Вот во имя какого «неядерного выбора» значительно увеличены в последние годы средства, отпускаемые американским бюджетом на так называемые обычные вооружения. Увеличивая свой ядерный потенциал, лихорадочно пытаясь сократить ракетное отставание от Советского Союза, Пентагон возобновил гонку производства обычного оружия; он спешно создает специальные части, предназначенные в первую очередь для ведения «партизанской» и контрпартизанской войны.

Таковы в общих чертах составные части стратегической доктрины, которая превозносилась в Вашингтоне в последние годы как «новейшее достижение».

В доктрине Макнамары нашли свое яркое воплощение все те же двойственность и противоречивость, которые свойственны внешнеполитическому курсу США в последние годы.

С одной стороны, эта доктрина исходит из возможности и допустимости термоядерной войны. Но в то же время авторы этой доктрины считают необходимым дополнить традиционную политику ядерной мощи рассуждениями о необходимости «сохранения городов», о «правилах ведения атомной войны» и о «неядерном выборе».

Еще недавно заокеанские стратеги не заботились о

таких оговорках. Они целиком полагались на термоядерный кулак, охотно рассуждали о «глобальной войне» и «массированном возмездии». Ныне же, как видим, в американском лексиконе появились более осторожные выражения: «гибкое реагирование», «неядерный выбор», «ограниченная война». Дело здесь не в терминологических тонкостях, а в значительно более глубоких и важных процессах. По-видимому, речь идет о медленном (значительно более медленном, чем это диктуется жизнью), непоследовательном, в немалой степени стихийном, но тем не менее безусловно происходящем приспособлении политико-стратегических концепций Вашингтона к изменившейся не в пользу империализма расстановке сил на международной арене.

Заокеанским политикам и стратегам не удастся больше совершенно абстрагироваться от реального положения вещей. Они вынуждены, независимо от своего желания, или, вернее, нежелания, как-то приспособливаться к новому, невыгодному для империализма соотношению сил. И хотя методы такого «приспособления», изобретение всевозможных доктрин о «правилах атомной войны» и т. д. не выдерживают никакой критики, свидетельствуя о бесплодии политической мысли идеологов современной буржуазии, сам факт этого «приспособления» весьма симптоматичен.

Нельзя пройти мимо того факта, что Л. Джонсон, став у руководства правительством, неоднократно подчеркивал, что твердо намеревается продолжать внешнеполитический курс своего предшественника. Таким образом, была доказана несостоятельность аргументации тех, кто объяснял новые тенденции внешней политики США личностью и «либерализмом» Дж. Кеннеди. Сменилась личность у государственного руля, у руководства оказался деятель, считавшийся представителем более консервативного крыла демократической партии, но и он полагает необходимым заявлять о продолжении курса Кеннеди.

Очевидно, что в основе таких тенденций лежат не личности, а объективные обстоятельства. Конечно, та или иная личность накладывает отпечаток на характер политики. Приспособление к новой мировой ситуации может быть более быстрым или более медленным, более или менее последовательным. Но в основе политики лежат

факторы объективные, а не субъективные, и факторы эти таковы, что империалистам приходится поубавить прыть.

В целом, говоря о внешнеполитических концепциях, которыми руководствуется Вашингтон в начале 60-х годов, следует подчеркнуть, что они явились отражением глубоких изменений, происходящих в мире. При всей их непоследовательности и двойственности появились факторы, которые прогрессивная общественность может и должна использовать для навязывания мира империалистам. Обстановка такова, что в Вашингтоне оказались вынужденными прислушиваться к доводам разума. Ни в коем случае не переоценивая этого, отдавая отчет в том, что силы войны оказывают по-прежнему огромное влияние на формирование политики США, необходимо в то же время внимательно следить за новыми тенденциями, во-первых, потому, что они возникли не на пустом месте, отражая должное уважение, которое внушает монополистам рост могущества социалистического лагеря, и, во-вторых, потому, что речь идет о вопросах, имеющих для человечества жизненно важное значение.

4. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Основное направление внутренней политики Вашингтона, заключающееся во всемерном подчинении всего внутривнутриполитического курса интересам ведущих монополистических объединений США, осталось в годы деятельности администрации демократов по своим целям неизменным, являясь продолжением системы мероприятий, осуществлявшихся в предшествующие годы. Изменились в основном лишь методы.

Ознакомление с главными направлениями внутривнутриполитической деятельности администрации демократической партии позволяет констатировать, что эта администрация оставила в неприкосновенности основные направления внутривнутриполитического курса правительства Эйзенхауэра, которые подробно рассматривались в предыдущих главах. Если, говоря о деятельности правительства республиканской партии в области внутренней политики в период с 1953 по 1960 год, мы констатировали, что эта деятельность являлась новой ступенью в постановке

государственного аппарата на службу ведущим, наиболее могущественным монополистическим объединениям страны, то, подводя итоги четырехлетней деятельности у кормила власти демократической партии, мы можем сказать, что основные идеи, которыми руководствовалось правительство Эйзенхауэра, остались неизменными, а изменения коснулись прежде всего тактики правительственных органов, их методов и лишь в незначительной степени политического курса, да и то только в тех случаях, когда такие изменения были крайне необходимы для сохранения позиций ведущей группы монополий и носили, таким образом, вынужденный характер, как это имело место, например, в попытках уменьшить остроту негринской проблемы.

Несмотря на широко поставленную кампанию социальной демагогии, несмотря на все попытки правительственной пропаганды представить деятельность демократической партии как деятельность в защиту интересов простого человека и даже антимонополистическую, суть политики Вашингтона оставалась прежней, и, разумеется, ничто, кроме пустопорожних деклараций, не подкрепляет такого рода утверждений.

А между тем поверхностный читатель ежедневных американских газет, начитавшись различного рода передовиц и редакционных статей, особенно опубликованных в первый период деятельности демократов, когда подоплеку ряда их мероприятий некоторые еще не раскусили, мог бы сделать вывод о том, что острие внутренней политики правительства направлено против интересов предпринимателей и поэтому деловой мир якобы настроен против правительства.

Знаменательная в этом смысле статья была опубликована влиятельным органом американских монополий журналом «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» летом 1962 года. Характерно уже само заглавие этой редакционной статьи — «Деловой мир против Джона Кеннеди». Статья начиналась с утверждения того, что «среди предпринимателей растет озабоченность политической, позицией и действиями правительства. Белый дом, со своей стороны, озабочен недоверием, которое проявляют представители делового мира»⁵⁵. Перечислив проб-

---

⁵⁵ «U. S. News and World Report», 1962, June 25.

лемы, по которым будто бы расходились правительство и бизнесмены, журнал заканчивал свою статью прямо-таки сенсационным выводом: «Предприниматели видят, что правительство во многих случаях относится к ним с недоверием. Со своей стороны, они подозревают, что правительство отдает предпочтение рабочим перед предпринимателями. Отсюда разлад между правительством и американской промышленностью, который озадачивает Белый дом» (?!!) ⁵⁶.

В чем же причины этого и что за этим кроется? Сам Кеннеди недвусмысленно сформулировал свое отношение к большому бизнесу и к предпринимателям. Выступив 30 апреля 1962 г. в Американской торговой палате, он, обращаясь к собравшимся в зале воротилам большого бизнеса, заявил: «Как деловые люди вы заинтересованы в прибылях, в сохранении достаточной нормы дохода с ваших капиталовложений. В той мере, в какой вы хотите защитить свои нормы прибыли, наши интересы идентичны, поскольку в конечном счете мы в национальном правительстве делаем главную ставку на ваши прибыли» ⁵⁷.

Сказано недвусмысленно и четко. В том, что это были не просто слова, можно убедиться, рассмотрев официальные данные о прибылях американских корпораций в период деятельности правительства демократической партии. Согласно опубликованным министерством торговли США данным, прибыли корпораций США в 1961 году составили 46,1 млрд. долл., превысив на 1,1 млрд. долл. прибыли корпораций в предыдущем, 1960 году, последнем году пребывания у власти правительства Эйзенхауэра ⁵⁸.

Но, быть может, речь идет о своего рода инерции, а рост прибылей монополий, показанный в данных министерства торговли, явился следствием мероприятий, осуществленных еще при Эйзенхауэре? Изучение официальных данных отрицательно отвечает на этот вопрос.

Уже в четвертом квартале 1961 года, когда деловой мир мог судить о планах правительства не по предвыборным заявлениям, а по реальным делам, прибыли корпораций резко подскочили и находились на годовом

⁵⁶ «U. S. News and World Report», 1962, June 25.

⁵⁷ «New York Times», May 1, 1962.

⁵⁸ См. «New York Times», Apr. 19, 1961.

уровне 52,4 млрд. долл., почти достигнув уровня 1959 года, в котором прибыли предпринимателей были наивысшими за всю историю Соединенных Штатов⁵⁹.

1962 год окончательно внес ясность в положение. Несмотря на более чем скромное положение дел в экономике, кривая прибылей крупнейших корпораций пошла вверх. В феврале 1963 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сообщил, что, как показало обследование положения более 250 крупных корпораций, общая сумма прибылей этих компаний увеличилась с 7,5 млрд. долл. в 1961 году до 8,8 млрд. долл. в 1962 году, то есть выросла на 16,4%.

«Дженерал моторз» сообщила, что ею получены такие колоссальные прибыли, о каких еще никогда не сообщала ни одна компания в истории Соединенных Штатов. В 1962 году ее прибыли составили 1459 млн. долл. против менее чем 893 млн. долл. в 1961 году, то есть прибыли выросли на 63,4%.

Фирма Дюпона, занимающаяся производством химикатов, пластмасс, взрывчатых веществ и многих других товаров, также сообщила о том, что в 1962 году ее прибыли составили 452 млн. долл. против 418 млн. долл. в 1961 году.

Рокфеллеры, Морганы и другие видные крупные финансовые магнаты не могут не быть удовлетворены своими прибылями за 1962 год.

Рокфеллеровская «Стандард ойл компани (Нью Джерси)» сообщила, что в 1962 году ее прибыли исчислялись в 840 млн. долл., то есть увеличились на 10,8% по сравнению с 1961 годом.

«Сокони мобил ойл компани», также контролируемая Рокфеллерами, получила в 1962 году 242 млн. долл. прибылей, то есть на 14,6% больше, чем в предшествующем году.

Моргановская «Америкен телефон энд телеграф компани» объявила, что в 1962 году ее прибыли составили в общей сложности 1384 млн. долл. против 1271 млн. долл. в 1961 году.

Опубликованные весной 1963 года официальные итоговые данные о прибылях всех корпораций в 1962 году свидетельствовали о том, что общие доходы корпораций

---

⁵⁹ «New York Times», Apr. 19, 1961.

достигли в этом году невиданного уровня, составив гигантскую сумму — 54 млрд. долл. Рост доходов предпринимателей по сравнению с предыдущим годом составил 6 млрд. долл.⁶⁰ В 1963 году прибыли корпораций продолжали возрастать. Подводя итоги первого полугодия, пресса монополий, не скрывая восторга, писала: «Согласно обследованию, опубликованному 3 августа, прибыли корпораций в США в этом году оправдали самые радужные надежды. Во главе идут автомобильные компании, прибыли которых повысились как за второй квартал текущего года, так и за первое полугодие. Но рекордный денежный дождь затопил также предприятия нефтяной, химической, электрической, авиатранспортной и ряда других отраслей промышленности»⁶¹.

Примечательно, что во всех этих сообщениях и речи нет о промышленном подъеме, а говорится лишь о росте прибылей. Действительно, бурным экономическим подъемом американская промышленность в этот период похвастать не могла. Что же касается роста прибылей, то это далеко не в последней степени было связано с деятельностью администрации.

Таким образом, декларация президента, сделанная им перед крупными бизнесменами на заседании Американской торговой палаты, являлась не просто словесным заявлением, а была подкреплена вполне реальными делами.

Тем не менее в печати США нередко появлялись высказывания вроде тех, которые содержатся в вышеприведенной статье из журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». В чем же здесь дело? Как совместить не опровержимые данные, свидетельствующие о неуклонном росте прибылей ведущих корпораций страны, с заявлениями печатных органов монополий, жалующихся на «притеснения» со стороны правительства?

Безусловно, определенную роль в этом явном несоответствии играют демагогия, пропагандистские соображения, заставляющие как Вашингтон, так и предпринимателей маскировать истинный характер промонополистической деятельности правительства. Имеет место своеобразное разделение, когда трудящимся достаются обе-

---

⁶⁰ «New York Times», Apr. 20, 1963.

⁶¹ «New York Times», Aug. 3, 1963.

щения и широкие жесты, совершаемые публично, а предпринимателям — вполне реальные миллионы долларов, предоставляемые вдали от взоров общественности. Заявляя о «притеснениях», предприниматели преспокойно кладут в карманы все новые и новые миллионы, предоставляя трудящимся довольствоваться мыслью о том, что правительство либо осуществляет, либо собирается осуществить какую-то программу ограничения деятельности монополий.

Здесь как раз мы и имеем дело с той разницей в методах, которыми пользуются республиканская и демократическая партии. Если республиканцы залезают в карман трудящихся открыто, то демократы, запуская руку в карманы американских трудящихся, заявляют при этом о своей решимости защищать интересы простого американца.

В обстановке растущего недовольства широких масс трудящихся ухудшением своего положения такая тактика имеет определенный смысл и в условиях отставания рабочего движения, в условиях, когда среди рабочих еще живучи иллюзии относительно характера демократической партии, распространяемые реакционной верхушкой профсоюзов, приносит известные плоды. Поэтому не следует придавать чрезмерного значения шумной кампании, которая ведется на страницах многих органов буржуазной печати США. Уже сама по себе эта нарочитая шумливость, а также широкий размах и тщательная организованность выдают явную инспирированность этой пропагандистской кампании, свидетельствуют о ее заранее спланированном и продуманном характере.

Однако это лишь одна сторона дела. Имеется и другая, не менее, а, быть может, более важная и характерная именно для администрации демократической партии и ее методов.

В связи с этим следует специально остановиться на истории, связанной с попыткой ряда сталелитейных компаний США осуществить повышение цен на сталь, принятой весной 1962 года, и действиями правительства в этом вопросе. Значение этой истории не только и не столько в том, что она приняла характер острого внутриполитического столкновения, но главным образом в том, что внимательное изучение действий правительства в этом случае дает нам представление о его позиции в от-

ношении большого бизнеса и методах осуществления его политики. Кстати сказать, особенно широкий характер кампания по обвинению правительства Кеннеди в «анти-предпринимательской позиции» приобрела как раз в связи с конфликтом между правительством и сталелитейными компаниями.

Значительная часть американской буржуазной прессы представила действия правительства в этом случае как действия, направленные против предпринимателей и в защиту интересов широких масс.

Как известно, дело началось с того, что ряд крупных сталелитейных компаний объявили о том, что они повышают цены на сталь. Это повышение должно было механически повести к повышению цен в стране на множество товаров, в том числе и предметы народного потребления. Правительство немедленно вмешалось в это дело и с возможно более широкой оглаской и политической помпой объявило о том, что оно возражает против повышения цен на сталь, ибо это ударит по потребителю.

Не ограничившись словесными возражениями — и в этом действительно заключалось нарушение обычной практики, — правительство прибегло к весьма действенным мерам. В Белый дом были приглашены Роджер Блоу, президент «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», и другие руководители сталелитейных компаний, и им было заявлено, что в случае, если они приведут в исполнение свой план повышения цен, правительство поставит вопрос о лишении их компаний правительственных военных заказов.

Угроза оказалась более чем действенной. Первыми отреагировали среднезападные предприниматели, и их компания «Бетлехем стил корпорейшн» объявила об отказе от плана повышения цен. Единый фронт предпринимателей оказался прорванным, и через несколько часов руководители всех остальных сталелитейных фирм пошли на публичное унижение, также заявив о том, что цены на сталь останутся неизменными.

На первый взгляд действительно имело место выступление правительства на стороне широких масс населения и против предпринимателей. Однако это только на первый взгляд. Вскоре на страницы некоторых органов американской печати, преимущественно выходящих небольшими тиражами и распространяемых среди узкого

круга представителей деловых кругов («Форчун», «Джорнэл оф коммерс»), проникли сообщения, пролившие свет на суть дела.

Выяснилось, что в день, когда сталелитейные компании объявили о своем намерении повысить цены на сталь, президента посетили министр финансов Диллон и министр обороны Макнамара (заметим, что оба они являются в правительстве непосредственными представителями наиболее могущественных монополистических объединений страны и, следовательно, не могут быть заподозрены в «антипредпринимательских настроениях») с категорическим протестом против плана сталелитейных компаний. Президенту было заявлено, что в случае, если цены на сталь будут действительно повышены, это повлечет за собой удорожание военной программы почти на миллиард долларов в год, о чем свидетельствовали подсчеты, сделанные экспертами министерства обороны.

Министр финансов подчеркнул при этом, что напряженный характер бюджета полностью исключает такую возможность и потому существует альтернатива: либо цены на сталь будут повышены, и тогда необходимо провести соответствующее сокращение военной программы, отказавшись от значительного количества военных заказов, размещенных среди крупнейших концернов, либо в случае, если сокращение военных программ будет сочтено недопустимым, необходимо предотвратить повышение цен на сталь. Так был поставлен вопрос.

Иными словами, правительство Соединенных Штатов и его руководители в лице президента встали перед выбором: пойти на увеличение прибылей сталелитейных компаний на миллиард долларов в год за счет военных концернов или не допустить падения прибылей военных концернов, ограничив разыгравшиеся аппетиты руководителей сталелитейных фирм.

Правительство Кеннеди встало на сторону военно-промышленных монополий. И дело здесь не только в нежелании сократить размеры военных программ. Цены, которые платит правительство за многие виды военной продукции, установлены совершенно произвольно, сплошь и рядом не соответствуя действительным затратам компаний. Многие американские экономисты утверждают, что правительство без особого труда имеет возможность, пересмотрев расценки на военную продукцию, уменьшить

военные расходы без сокращения объема военных программ.

Следовательно, дело было не в стремлении любыми средствами сохранить намеченный уровень военного производства — это можно было бы сделать, изменив явно завышенные цены,— дело было в другом. Вашингтон руководствовался прежде всего интересами тех промышленных кругов, которые держат в своих руках военные заказы. Они не желают и слышать ни о снижении расценок, ни о сокращении числа заказов.

О причинах, по которым взяли верх интересы именно военно-промышленных концернов, а не сталелитейных компаний, догадаться нетрудно. Военные заказы — этот наиболее прибыльный для монополистов из всех возможных бизнес — находятся в руках не просто крупнейших, а самых крупных из крупнейших корпораций США. Урвать наиболее выгоднейшие правительственные военные заказы, вокруг которых идут бешеная грызня и ожесточенное соперничество, удастся лишь самым могущественным из всех монополистических объединений страны.

Вот характерная цифра: в списке крупнейших корпораций США, по положению дел в которых выводятся данные о деловой активности в стране, числятся 500 промышленных компаний США. Эти 500 компаний — наиболее могущественные и влиятельные корпорации страны. Однако доступ к военным заказам правительства сумела получить лишь $\frac{1}{10}$ этих корпораций — сколько-нибудь существенный портфель военных заказов находится в руках лишь 50 из этих 500 компаний. Эти 50 компаний — высшая элита американского бизнеса.

И если сталелитейные компании, которые намеревались весной 1962 года осуществить повышение цен на сталь, входят в число 500 крупнейших корпораций страны, то лишь одна из них («Юнайтед Стейтс стил корпорейшн») находится в числе 50, расположившихся на самой вершине американского делового Олимпа.

Следовательно, конфликт, вызванный решением сталелитейных компаний, был не только конфликтом между интересами предпринимателей и интересами населения США, но и конфликтом, если можно так выразиться, между бизнесом крупным и крупнейшим. Интересы наиболее могущественных корпораций страны, держащих в своих руках военный бизнес, и были тем обстоятельством,

которое определило позицию правительства демократической партии в этом конфликте. Кстати сказать, и сталелитейные компании мало-помалу взяли свое, без шума, хотя и в размерах несколько меньше запланированных первоначально, осуществив повышение цен.

Надо сказать, что руководители демократической партии очень ловко извлекли из всего этого политические выгоды, тщательно затушевав истинные причины своей позиции в этом вопросе, развернув вокруг этой истории беспрецедентную пропагандистскую шумиху, целью которой было представить правительство в качестве защитника интересов трудящихся. Однако суть дела от этого не меняется.

Действия правительства в случае со сталелитейными компаниями весьма показательны и выходят далеко за рамки самого этого дела. В конфликте со сталелитейными компаниями обнаружилось важнейшее обстоятельство, которое характерно для ряда политических акций Вашингтона в последние годы. Такой характерной отличительной особенностью деятельности правящих кругов США в последние годы, особенностью, отражающей объективные изменения, происходящие в американском монополистическом капитале, является то, что ныне Вашингтон руководствуется интересами не просто монополий и даже не крупных монополий, а целиком подчиняет всю свою деятельность интересам очень узкой группы сверхгигантских монополистических объединений страны.

В условиях, когда американским предпринимателям становится все труднее сохранять свои позиции и свои прибыли, правящие круги США осуществляют серию мероприятий по защите интересов ведущих монополистических объединений не только за счет трудящихся, но и за счет средней буржуазии и даже крупных монополий, не входящих в круг особо избранных.

Безусловно, эксплуатация трудящихся как внутри страны, так и за ее пределами остается главным и важнейшим источником обогащения монополий. И, следовательно, мероприятия, направленные на обеспечение этой эксплуатации, являются основой политической деятельности правящих кругов США. Но в условиях становящейся все более ожесточенной конкурентной борьбы, в поисках дополнительных резервов для укрепления своих позиций крупнейшие монополистические объединения

ведут безжалостное наступление на своих менее могущественных партнеров, используя в качестве одного из важнейших рычагов для этого и государственный механизм.

Подобного рода тенденции прослеживаются и в деятельности правительства Эйзенхауэра. Яркой иллюстрацией этому является «план Вильсона», о котором говорилось выше. Но правительство демократической партии предприняло новые шаги в этом направлении.

Пример со сталелитейными компаниями — это не единственный случай. Ту же самую тенденцию, например, легко проследить и в позиции правительства Кеннеди — Джонсона в отношении «общего рынка». Выше уже говорилось о том, что установление тесных связей с «общим рынком» весьма невыгодно, а подчас и просто опасно для многих групп американских предпринимателей. Несмотря на это, вашингтонские руководители взяли твердый курс на максимально быстрое установление самых тесных связей с «общим рынком», на беспрецедентное снижение таможенных тарифов и т. д.

При этом правительство демократов руководствуется интересами не каждой и не всех монополистических групп, а лишь интересами наиболее могущественных из них, интересами тех, чье влияние в достаточной степени велико, чьи позиции достаточно прочны, чтобы не опасаться последствий конкуренции европейских промышленников и рассчитывать на то, что в этой конкурентной борьбе победа останется за ними.

Таким образом, можно констатировать дальнейшее усиление в США государственно-монополистических тенденций, когда монополии для удержания своих позиций все больше используют рычаги государственного аппарата. Это не имеет ничего общего со сказочками буржуазных идеологов о «новой роли государства», о том, что ныне американское государство стоит на страже интересов всего общества.

Кеннеди любил ссылаться на Франклина Рузвельта и часто говорил, что следует его примеру. То же самое делает и Джонсон.

Есть сторона дела, которая действительно связывает деятельность администрации Кеннеди — Джонсона с тем, что делалось при Рузвельте. «Новый курс» имел своей главной целью в конце концов за счет вмешательства государства в дела частного предпринимательства, за счет

усиления государственно-монополистических тенденций укрепить позиции американского империализма в целом, хотя бы и ценой ущемления интересов отдельных его представителей. «Новый курс» был сильнодействующим средством, которое американская буржуазия оказалась вынужденной применить в условиях весьма опасно сложившейся для нее ситуации, а вовсе не борьбой одиночки-президента против бизнеса, как это изображают буржуазные социологи.

В настоящее время заправила американских монополий считают нужным вновь усилить вмешательство государства в частное предпринимательство.

Конечно, речь идет не о «войне правительства против бизнеса», как это пытаются по различным соображениям представить некоторые американские ученые и пропагандисты, а о мероприятиях государственно-капиталистического порядка, направленных на укрепление позиций американского империализма в целом и его наиболее могущественных представителей в частности. Правда, надо сказать, что и во времена Ф. Рузвельта, и в нынешние времена отдельные, наиболее узколобые, не видящие дальше собственного носа предприниматели (их особенно много среди «нуворишей» «молодых» групп), не будучи в состоянии уразуметь необходимость государственно-капиталистических мероприятий, во имя укрепления пошатнувшихся позиций американского империализма в целом объявляют это «вползанием в социализм».

Однако не эти настроения делают погоду в кругах большого бизнеса. Вот характерный вывод, сделанный органом деловых кругов газетой «Уолл-стрит джорнэл» в статье, в которой газета подводила итоги деятельности правительства Кеннеди за первый период его пребывания у власти: «Ожидания тех, кто надеялся, и опасения тех, кто боялся, что новый президент возглавит крестовый поход за коренные изменения в экономическом и социальном укладе жизни Америки, не оправдались. Хотя приглашение в Вашингтон многих ученых советников и воскресило в памяти начало «нового курса», в остальном упования либералов не оправдались»⁶².

А тот же журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», который в 1962 году заявил, что «деловой мир

---

⁶² «Wall Street Journal», Nov. 14, 1961.

против Кеннеди», год спустя расточал президенту комплименты, с удовольствием констатируя, что «дружественные жесты президента по отношению к бизнесменам становятся все более многочисленными и все более значительными»⁶³.

Совершенно очевидно, что надеждам, которые возлагают ведущие монополии на мероприятия государственно-капиталистического характера администрации демократов, сбыться не суждено. «Попытки государственного регулирования капиталистического хозяйства,— теоретически, с марксистско-ленинских позиций обобщает огромный опыт ряда десятилетий Программа КПСС,— не способны устранить конкуренцию и анархию производства, не могут обеспечить планомерного развития хозяйства в масштабе общества, ибо основой производства остаются капиталистическая собственность и эксплуатация наемного труда. Буржуазные теории о «бескризисном» и «планируемом» капитализме развеяны в прах всем ходом развития современной капиталистической экономики. Диалектика государственно-монополистического капитализма такова, что вместо укрепления капиталистической системы, на что рассчитывает буржуазия, он еще больше обостряет противоречия капитализма, расшатывает его до основания»⁶⁴.

Рассмотрим некоторые мероприятия, осуществленные администрацией демократической партии в области внутренней политики в первое трехлетие пребывания у власти.

Как было показано выше, важнейшей программой деятельности правительства Эйзенхауэра был окончательный перевод американской экономики на военные рельсы, превращение гигантских военных программ из чрезвычайного в постоянно действующий фактор экономики США. Правительство Кеннеди — Джонсона еще больше увеличило ассигнования на войну, доведя их до невиданных в истории США мирного времени размеров.

Макнамара и Вильсон. Важная сторона деятельности республиканской администрации нашла свое отражение в рассмотренном выше так называемом «плане Вильсона», суть которого сводилась к резкому сужению круга

⁶³ «U. S. News and World Report», 1963, June 3.

⁶⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 27.

избранных компаний, которым правительство предоставило крайне выгодные военные контракты.

Министр обороны в правительстве Кеннеди — Джонсона, бывший президент концерна Форда Р. Макнамара, действовал на своем посту не менее решительно, чем его предшественник в правительстве Эйзенхауэра, пришедший в Пентагон из кабинета президента «Дженерал моторз». Значение его деятельности для монополий еще больше возросло.

В начале 60-х годов военный бизнес являл собой для предпринимателей поистине «золотое дно». К лету 1963 года военная промышленность США «делала бизнес» на сумму 55 млрд. долл. в год, что составляло 10% всего «бизнеса» в США. В частности, только на производство вооружения и военного снаряжения — ракет, самолетов, кораблей, электронного оборудования и т. д. — уходит 17 млрд. долл.

«Оборона» предоставляет работу 8 млн. человек, как военным, так и гражданским, то есть $\frac{1}{10}$ всей рабочей силы страны; выполнением военных заказов заняты 9 из каждых 10 человек в промышленности, связанной с космическими исследованиями, 6 из 10 — в судостроительной промышленности, 4 из 10 — в промышленности по производству средств коммуникаций; из расходов на оборону выделяется ежегодно 8 млрд. долл. на научно-исследовательские работы и работы по усовершенствованию, что составляет половину всех таких расходов в стране; собственность министерства обороны, разбросанная по всему земному шару, оценивается в 165 млрд. долл.; находящееся в пользовании Пентагона оборудование — 87 млрд. долл.; только складские расходы составляют 1,6 млрд. долл. в год.

Не удивительно, что борьба за выгодные военные заказы правительства не только не ослабла, но, наоборот, приобрела невиданную остроту. В каком направлении в этих условиях действовала администрация демократической партии? Она продолжала осуществлять мероприятия «плана Вильсона», причем в масштабах, не известных даже его автору. Корпорации-сверхгиганты оттесняли от жирного пирога военных прибылей всех своих менее могущественных конкурентов. Сужение «круга избранных» приобрело крайний характер. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует такая цифра: на середину

1962 года 15 (даже не 50, а уже 15!) крупнейших корпораций держали в своих руках 40% всех военных заказов⁶⁵.

В условиях острой борьбы за военные заказы Вашингтон неизменно действует в интересах ведущих корпораций. Эта сторона деятельности правительства мало видна, что понятно, ибо речь идет о том, что тщательно прячется от посторонних глаз. Однако время от времени на поверхность просачиваются сообщения, проливающие свет на все это. В этой связи представляет интерес статья, опубликованная журналом «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт» летом 1962 года. Статья эта начиналась с признания в том, что «сегодня на долю крупнейших компаний в США приходится 68% оборонных контрактов, причем этот процент продолжает расти. Нынешняя тенденция благоприятствует крупным компаниям, имеющим опыт в новых областях деятельности, располагающим необходимой технической базой и техническими навыками, позволяющими им братья за крупные и сложные проекты. Число контрактов уменьшается, но сами контракты становятся крупнее. Фирмы в некоторых районах страны стоят перед перспективой упадка»⁶⁶.

Статья, о которой идет речь, в целях маскировки рассматривает проблему распределения правительственных военных заказов под весьма своеобразным углом зрения. Не рискуя множить признания вроде вышеприведенного, журнал предпочитает говорить эзоповским языком, рассчитывая, что посвященные из среды его читатели-бизнесмены и так поймут, в чем дело. Поэтому он рассматривает проблему под географическим углом зрения. В статье ставится вопрос о том, что львиную долю военных контрактов правительство предоставляет лишь небольшому количеству экономических районов страны.

Однако для того, кто знает, что Калифорния — это не просто Калифорния, а вотчина джанниниевской группировки, что Техас — не просто Техас, а район, где царит одно из могущественнейших монополистических объединений США и т. д., географическая маскировка журнала не мешала увидеть, что речь идет не столько о тех или

---

⁶⁵ «U. S. News and World Report», 1963, March 11.

⁶⁶ «U. S. News World Report», 1962, July 2.

иных районах, сколько о тех или иных монополистических группах.

Вернемся к вышеупомянутой статье. Журнал констатирует: «На долю одной лишь Калифорнии приходится по стоимости столько же военных контрактов, сколько приходится на долю 37 других штатов, вместе взятых. Можно ожидать, что в ближайшее десятилетие большая часть средств, ассигнуемых на оборону и космические исследования, будет направляться в штаты, расположенные на побережье Атлантического и Тихого океанов, а также на побережье Мексиканского залива. Большинство же внутренних штатов будет отставать»⁶⁷.

«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» подчеркивает, что «наблюдается резкий отлив военных заказов из среднезападных штатов. Больше всего пострадали Мичиган, Иллинойс, Огайо и Висконсин»⁶⁸. На долю группы горных штатов, по данным журнала, приходится менее 0,1 % общей суммы военных контрактов.

То же самое относится и к крупным военным ассигнованиям, связанным с производством ракет и работами в области освоения космического пространства. «Шесть штатов, — пишет журнал, — получают от правительства более чем по 100 млн. долл., и опять-таки в этом списке фигурируют штаты Нью-Йорк и Техас. А десять штатов, главным образом на Среднем Западе, вообще не получают никаких денег из правительственных ассигнований на космические программы»⁶⁹.

Статья, появившаяся в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», является отражением ожесточенной грызни, ведущейся между крупнейшими монополистическими объединениями за прибыльные военные контракты. Недовольные и обделенные, интересы которых защищает автор данной статьи, пытаются осуществить нажим на правительство. Нас в данном случае интересует другое. В пылу конкурентной схватки один из ведущих журналов американских монополий выбалтывает то, о чем обычно подобные органы предпочитают умалчивать. И мы видим проявление той ожесточенной борьбы между монополистическими группами за правительственные

---

⁶⁷ «U. S. News and World Report», 1962, July 2.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

военные заказы, а также и то, каким из этих групп оказывается сегодня в Вашингтоне предпочтение.

Что означает сопоставление данных, приведенных журналом и говорящих о том, что калифорнийские предприниматели получили военных контрактов столько же, сколько приходится на долю 37 других штатов, вместе взятых, а предприниматели группы горных штатов имеют 0,1% общей суммы военных контрактов?

Это значит, что, продолжая сужать круг избранных, администрация демократической партии, создавая режим наибольшего благоприятствования для бизнесменов, входящих в сферу деятельности «Бэнк оф Америка», лишает прибыльных военных контрактов не только мелкую сошку, но даже и такую относительно крупную группу предпринимателей, которая контролируется братьями Эклесами.

Что это, как не продолжение курса, взятого Вашингтоном во времена Эйзенхауэра, не продолжение осуществления демократами все того же «плана Вильсона»?

Но администрация демократов не ограничилась только лишь продолжением линии республиканцев. К этому вопросу она подошла «творчески», внося в дело субсидирования монополий свою посильную лепту. Речь идет об одном важном мероприятии, осуществленном летом 1963 года и прошедшем почти незамеченным (во всяком случае большой прессой монополий), несмотря на важное его значение для наиболее привилегированной группы военных концернов.

Летом 1963 года по личной инициативе Р. Макнамары была издана специальная директива, предусматривавшая повышение прибылей части компаний, выполняющих военные заказы. В течение ряда лет в Вашингтоне существовал порядок, при котором военные контракты правительства ставились на торги, в которых могли принимать участие все компании. Контракт передавался той из них, которая предлагала правительству лучшие условия. В последнее время такой порядок все чаще стал нарушаться, и крупнейшие фирмы получили возможность заключать контракты без всяких торгов, навязывая правительству за счет налогоплательщиков любые удобные предпринимателям условия. Это — одно из наиболее наглядных проявлений фаворитизма при распределении военных заказов, от которого выигрывает все та же уз-

кая группа крупнейших концернов. О том, какой масштаб приняло это нарушение обычного порядка, можно судить по такой цифре: из 30 млрд. долл., затрачиваемых правительством на военные заказы, 10—15 млрд. приходится на долю так называемых «неконкурентных подрядов»⁷⁰.

Прибыли, которые могли получать компании по неконкурентным подрядам, по существовавшим правилам не должны были превышать 3% общей стоимости заказа. Вот это-то правило и было ликвидировано директивой Макнамары. Эта директива разрешала поднять уровень прибылей до 20%⁷¹, при этом такая льгота применена только по отношению «неконкурентных контрактов», то есть только наиболее могущественных корпораций, которые имеют возможности такие контракты получать.

В качестве аргументации для принятия подобной директивы было использовано заявление о необходимости «улучшить использование мотива прибыли как стимула для выполнения военных заказов». В заявлении Пентагона по этому вопросу говорилось: «Нельзя оправдать переговоры, направленные исключительно на сокращение расходов путем уменьшения прибылей, без учета функций прибыли. При заключении каждого контракта, в котором прибыль оговаривается как отдельный элемент стоимости контракта, цель переговоров должна заключаться в том, чтобы использовать мотив прибыли как стимул для наилучшего выполнения подряда»⁷².

Характерно, что, за исключением сообщения в «Уолл-стрит джорнэл», директива Пентагона была обойдена молчанием. А между тем речь идет о крупнейшем, многомиллиардном подарке военным концернам, подарке, убедительнее всяких слов говорящем об истинном направлении деятельности администрации демократической партии, о том, чьими интересами она руководствуется в своей повседневной деятельности.

Такое направление этой деятельности руководители администрации демократической партии, судя по всему, предполагают сохранять и впредь. Именно об этом говорит провозглашенное в начале 1964 года намерение Пентагона согласовать свои дальнейшие действия и планы с

⁷⁰ «Wall Street Journal», Aug. 9, 1963.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

руководителями корпораций. Как сообщила печать, министерство обороны США решило пригласить видных промышленников страны принять участие в серии секретных совещаний, которые продолжались в течение всего 1964 года и на которых обсуждались предполагаемые потребности американских вооруженных сил в ближайшие пять лет.

Заместитель министра обороны Гилпатрик заявил, что совещания будут секретными, с тем чтобы иметь возможность «полностью и откровенно обсудить главные факторы, влияющие на наши военные задачи».

Гилпатрик сказал, что основная мысль состоит в том, чтобы поставить промышленников в известность об изменении планов в области обороны и сообщить им список закупок Пентагона в период с 1965 по 1970 год⁷³.

Снова реформы. Как отмечалось выше; важнейшей задачей правительства внутри страны президент Кеннеди считал обеспечение повышения темпов экономического роста. Эта задача рассматривалась не только как чисто экономическая, но и как важнейшая политическая программа. Правящие круги США самым серьезным образом обеспокоены тем огромным эффектом, какой производят на сознание народов, в частности народов развивающихся стран, ощутимые преимущества социалистической системы хозяйства над системой капиталистической. В той борьбе, которая ведется ныне за умы людей, в условиях, когда сотни миллионов, населяющих молодые государства, только еще вступающие на путь самостоятельного развития, стоят перед проблемой, каким путем идти, наглядная и убедительная демонстрация неисчерпаемых возможностей социалистической системы является одним из самых мощных факторов, подрывающих позиции капитализма.

Именно поэтому и в предвыборной кампании, и в последующей деятельности руководители демократической партии придавали столь большое значение проблеме увеличения темпов развития экономики. Кеннеди обещал избирателям добиться ежегодного прироста промышленного производства не менее 5%, что дало бы, по его словам, США возможность выдержать экономическое соревнование с СССР.

⁷³ «New York Times», Jan. 19, 1964.

Американские политические деятели и экономисты стараются доказать, что темпы роста производства в США могут быть увеличены.

Как же обстоит дело в действительности? Если мы возьмем темпы роста экономики США за три последних 30-летних периода, то увидим, что в первый из этих периодов (1870—1900 гг.) среднегодовые темпы роста составляли 4,5%, во второй (1900—1929 гг.) — 4,6% и в последний 30-летний период — 3,4%. Однако анализ последнего периода показывает, что темпы были высокими только в период 1939—1943 годов. Если же взять период 1945—1960 годов, то темпы роста составят всего 1,7%. После корейской войны они равнялись 2,4%⁷⁴. Еще более катастрофично выглядит падение темпов роста производства в США при его сопоставлении с темпами роста населения. В расчете на душу населения прирост производства в США составляет всего 0,6%.

Все усилия администрации демократов покончить с наследием республиканцев в этом вопросе окончились ничем. Как выше отмечалось, в течение 1961—1962 годов более 2,5% прироста производства администрации Кеннеди — Джонсона добиться не удалось. И если судить не по словам, а по фактам, то никакой разницы между деятельностью республиканцев и демократов в этом направлении нет.

В результате, если, говоря о доходах предпринимателей, мы констатировали их дальнейший рост в период деятельности правительства Кеннеди, то положение трудящихся не только не улучшилось, вопреки предвыборным посулам демократов, но продолжало ухудшаться. Безработица колебалась в пределах 4—5 млн. человек, реальная заработная плата в связи с инфляцией падала, повысилась квартирная плата и т. д. Иначе, конечно, и быть не могло. Проблема увеличения экономических темпов для демократической партии оказалась столь же фатальной, как и для республиканцев. Ставя задачу увеличения темпов экономического развития, правительство демократической партии преследовало не только далеко идущие экономические цели. Буржуазные экономисты из окружения Кеннеди, к голосу которых он внимательно

⁷⁴ «Historical Statistics of the United States. From Colonial Times to 1957», Wash., 1960, p. 139; «Statistical Abstract of the U. S. 1961», Wash., 1962, p. 778.

прислушивался, не отказываясь от гонки вооружений как стимулятора экономического роста, изыскивали и новые стимуляторы. Таким стимулятором, по их замыслу, должна была стать новая реформа налоговой системы в направлении, уже намеченном в 50-е годы.

С самого начала функционирования правительства Кеннеди было заявлено, что в Вашингтоне будут разработаны дальнейшие налоговые реформы. В течение первых месяцев пребывания у власти нового правительства на страницы печати не проникало сведений о конкретных мероприятиях, хотя можно было предполагать, в каком направлении идет работа, учитывая то обстоятельство, что во главе этого дела был поставлен новый министр финансов — крупнейший нью-йоркский банкир Дуглас Диллон. Уже сам тот факт, что Диллон — не только крупный банкир с Уолл-стрита, но и видный деятель республиканской партии, член правительства Эйзенхауэра, говорил о том, что разрабатываемые им проекты налоговых реформ обеспечат преемственность политики, проводившейся республиканской администрацией.

5 июня 1962 г. Диллон, наконец, приоткрыл завесу над готовящимися налоговыми реформами. Характерно, что сделал он это, выступая на собрании нью-йоркских финансистов. Диллон заявил, что правительство готовит новый законопроект о налоговой реформе, который оно представит к январю 1963 года. Этот законопроект, заявил Диллон, будет предусматривать сокращение ставок подоходного налога и должен «стимулировать рост американской экономики». При этом Диллон отметил, что «для того, чтобы компенсировать потерю доходов в результате снижения налоговых ставок, необходимо будет расширить основу нашей налоговой структуры»⁷⁵. Эта фраза обычно употребляется, когда речь идет об обложении налогами наиболее низкооплачиваемых слоев населения.

Заставить колеса американской экономической машины крутиться быстрее — такую задачу с невероятной рекламной шумихой провозгласила администрация демократов. Рычагом, при помощи которого они вознамерились свершить свое «экономическое чудо», обеспечить резкое увеличение темпов роста американской экономи-

---

⁷⁵ «New York Times», June 6, 1962.

ки, была программа сокращения налогов, и прежде всего налогов на корпорации. «Наиболее важным финансовым средством, имеющимся в нашем распоряжении для укрепления национальной экономики, является федеральная налоговая политика,— говорил президент Дж. Кеннеди, выступая в конгрессе 13 августа 1962 г.—Правильный вид налогового сокращения, осуществляемый в нужное время, оказывается наиболее эффективной мерой, которую наше правительство может предпринять, чтобы ускорить экономическое развитие»⁷⁶.

Важнейшая цель, на которую направлено острие налоговой политики,— это поощрение капиталовложений, замедленный рост которых рассматривается представителями монополистического капитала и государственными деятелями как опасный симптом болезненного состояния экономики. Достаточно характерное в этом отношении признание сделал, например, заместитель министра финансов США Стэнли Сэррей. «Мы знаем, — заявил он, — что расходы предпринимателей на сооружение заводов и оборудование являются слишком низкими по отношению к нашим экономическим целям и что уровень модернизации нашей промышленной машины должен возрастать, если мы собираемся успешно конкурировать с иностранными производителями как внутри страны, так и за границей»⁷⁷.

Таким образом, расчеты правительства строились на том, что суммы, сэкономленные предпринимателями за счет уменьшения налогов, они направят в качестве новых капиталовложений в различные отрасли промышленности, что приведет к новому экономическому подъему. Совершенно очевидно, что уменьшение налогов на корпорации, расширяя возможности роста капиталовложений, отнюдь не дает гарантии того, что такой рост будет иметь место в действительности. Капиталовложения в промышленность увеличиваются не только, когда имеется излишек свободного денежного капитала, а когда существует действительная нужда в таких вложениях. Известно, что в течение всех последних лет в американской промышленности существует ощутимый избыток производственных мощностей, которые в течение длительного

---

⁷⁶ «Congressional Records», Aug. 14, 1962, p. 15479.

⁷⁷ «The Commercial and Financial Chronicle», 1961, Nov. 3.

времени оказываются незагруженными. Где гарантии того, что в таких условиях предприниматели сочтут целесообразным еще больше увеличивать производственные мощности, хотя бы и за счет средств, сэкономленных в результате налоговых льгот? Разве не является фактом то, что в период с 1957 по 1961 год нераспределенная прибыль корпораций США увеличилась на 15%, капиталовложения в основной капитал за этот же период заметно сократились? Совершенно очевидно, что мероприятия, приносящие односторонние выгоды бизнесу и не затрагивающие покупательной способности населения, могут только углубить разрыв между производственными возможностями и платежеспособным спросом. Предоставление односторонних стимулов предпринимателям «еще сильнее увеличивает несоответствие между потребительским спросом и потенциальными производственными возможностями»⁷⁸. Это писал профессор Л. Кайзерлинг, на протяжении семи лет консультировавший правительство Трумэна. Это понимают экономические консультанты.

Вот, например, точка зрения Р. Солоу, профессора Массачусетского технологического института: «Из того факта, что слабость выздоровления объясняется недостаточными капиталовложениями, вовсе не следует, что выход состоит в прямом стимулировании капиталовложений... Бессмысленно и в конечном счете невозможно навязать быстрый рост производственных мощностей экономике, которая не в силах привести в действие имеющийся потенциал. Всякий, кто с чувством ответственности выступает за повышение темпов накопления, должен в то же время иметь в виду такого рода бюджетную и кредитную политику, которая увеличивала бы спрос на товары и услуги параллельно с их предложением»⁷⁹.

Тем не менее, несмотря на серьезные сомнения, высказываемые даже влиятельными буржуазными экономистами, Кеннеди и его советники продолжали уповать на налоговую реформу, осуществляя ее подготовку самым энергичным образом.

Обстоятельства сложились так, что правительству пришлось приступить к осуществлению налоговой рефор-

---

⁷⁸ «New York Times». Febr. 6, 1962.

⁷⁹ «New Republic», 1962, Oct.

мы раньше, чем предполагал Диллон. Это произошло летом 1962 года и было связано с неожиданно для правящих кругов США ухудшившимся экономическим положением страны. После беспрецедентных по своему масштабу и продолжительности падений биржевых курсов в мае—июле, в результате которых общая сумма убытков превысила 137 млрд. долл., в американской экономике обнаружилось очевидные тенденции к спаду.

В конце августа 1962 года был принят закон, предоставивший предпринимателям 7-процентную налоговую скидку на вложения в основной капитал.

По официальным исчислениям, выгоды предпринимателей, делающих вложения в основной капитал, составят, исходя из существующего их объема, 1,3 млрд. долл. налоговых сбережений в пересчете на годовой уровень. Такое снижение налоговых обязательств равнозначно уменьшению нормы налогового обложения прибылей корпораций с 52 до 50% от суммы прибылей, не превышающей 25 тыс. долл.

Еще при обсуждении законопроекта преимущества этой льготы широко рекламировались в сравнении с применявшимися ранее мерами, в частности системой ускоренной амортизации, также весьма выгодной для монополистического капитала. «Налоговая скидка на инвестиции, которую мы рекомендуем принять,—говорил министр финансов США Д. Диллон,—имеет такое же влияние на прибыльность капиталовложений, как списание 40% стоимости в первый год по ускоренной амортизации. Потери налоговых поступлений в бюджет составят лишь 1,35 млрд. долл. в год по сравнению с 5,3 млрд. долл. по ускоренной амортизации»⁸⁰. Таким образом, принятие закона о налоговых скидках на инвестиции является одной из наиболее выгодных привилегий, предоставленных монополиям правительством США.

Характерно, что в мероприятиях, предпринятых Вашингтоном летом 1962 года, не было и намека на уменьшение налогового бремени трудящихся, хотя некоторые американские экономисты утверждают, что наилучшим путем было бы сокращение налогов на широкие массы потребителей, что привело бы к увеличению спроса, а также организация общественных работ. Об этом, в част-

---

⁸⁰ «The Commercial and Financial Chronicle», 1961, Nov. 30.

ности, заявлял тот же Кайзерлинг, писавший в апреле 1962 года, что налоговые льготы бизнесу являются золотым дном для предпринимателей и удорожают кредит. «Правительству следовало бы пустить в ход расширенную и долговременную программу общественных работ, урезать налоги лиц с низким доходом и отказаться от традиции иметь сбалансированный бюджет»⁸¹.

Правительство пошло иным путем. Оно ввело новые скидки налоговых ставок на доходы тех предпринимателей, которые готовы осуществить новые капиталовложения. Речь, естественно, шла лишь о самых крупных компаниях, ибо совершенно ясно, что в условиях, когда экономический горизонт затягивается тучами, никто, кроме самых могущественных корпораций, не в состоянии рисковать, осуществляя новые капиталовложения. Крупные монополии получили дополнительно от мероприятий правительства Кеннеди около 1,5 млрд. долл. в год.

О том, как восприняли монополисты этот подарок правительства, можно судить по переписке между президентом Кеннеди и ведущим уолл-стритским банкиром, одним из пяти братьев Рокфеллеров — Дэвидом Рокфеллером, президентом «Чейз Манхэттэн бэнк», опубликованной в августе 1962 года в журнале «Лайф». «Лично я, — высокомерно и снисходительно писал миллиардер президенту, — считаю, что ваши усилия стимулировать капиталовложения путем налоговых льгот и пересмотра денежных отчислений на амортизацию оборудования — это шаги в нужном направлении. Однако это только первые шаги. Необходимо сделать гораздо больше и по возможности быстрее»⁸². И дальше: «Я уверен, что наша налоговая система нуждается в срочном и радикальном пересмотре. Сегодня налоговое бремя слишком тяжело давит на капиталовложения... По моему мнению, налоговое бремя необходимо ослабить, и возможно скорее, причем желательно сделать это за счет значительного снижения налогов на доходы корпораций»⁸³.

Как реагировало правительство на эти указания, сделанные публично и притом в весьма категорическом тоне? В ответном письме к Д. Рокфеллеру президент

⁸¹ «Newsweek», 1962, Apr. 16.

⁸² «Life», 1962, Aug.

⁸³ Ibid.

заявил: «Отдавая себе полный отчет в необходимости увеличения капиталовложений, о чем вы говорите, мы предложили новые налоговые льготы... Я ценю ваше одобрение мер, которые мы до сих пор принимали»⁸⁴. А далее следовало важнейшее обещание в полном соответствии с требованием Рокфеллера о том, чтобы не ограничиваться «первыми шагами» и осуществить «срочный и радикальный» пересмотр налоговой системы. «В будущем году,— писал Кеннеди,— планируется „срочный и радикальный пересмотр национальной налоговой системы“, о котором вы говорите и который уменьшит налоги на доходы корпораций и на личные доходы»⁸⁵.

Наряду с чрезвычайными мероприятиями, направленными на преодоление опасных экономических тенденций, были предприняты шаги по изменению порядка начисления амортизационных фондов. В предыдущих главах было показано, как правительство Эйзенхауэра использовало этот рычаг для создания лучших условий предпринимателям ряда отраслей промышленности. Администрация демократической партии продолжила и расширила эту практику. На протяжении послевоенного периода представители большого бизнеса вели активную кампанию за пересмотр так называемого «бюллетеня „Ф“», которым регулировался порядок списания в амортизационный фонд и который с точки зрения бизнесменов являлся тормозом к обновлению основного капитала. Вашингтон, обычно чуткий до чрезвычайности, когда речь идет о нуждах большого бизнеса, в данном случае долго сопротивлялся этим требованиям, обоснованно опасаясь, что это приведет к значительному уменьшению налоговых поступлений. Правительство демократической партии решилось на этот шаг. В июле 1962 года служба внутренних доходов США отменила «бюллетень „Ф“» и провела пересмотр сроков амортизации оборудования. Новый порядок сократил средний срок действия активов примерно на 32% по сравнению с прежним бюллетенем.

Уже в течение первого года амортизационные отчисления увеличились на 3,4 млрд. долл., а налоговые поступления сократились на 1,5 млрд. долл. Новый порядок предусматривает также право предпринимателей требо-

---

⁸⁴ «Life», 1962, Aug.

⁸⁵ Ibid.

вать увеличения амортизации, если закупки нового оборудования превышают размеры списания старого.

Наконец, после многих месяцев подготовки администрация демократической партии обнародовала свой главный налоговый проект, на который возлагались большие надежды. Основные мероприятия администрации демократической партии в области дальнейшего реформирования налоговой системы США в пользу монополий были изложены в предложении правительства, официально представленном конгрессу 24 января 1963 г. Им предусматривалось проведение в течение трех лет постепенного сокращения налоговых ставок и аннулирование ряда мелких исключений из налогового законодательства. Сокращение проводится в три этапа.

На первом этапе в 1963 году планировались ставки индивидуального подоходного налога, особенно на низкие категории доходов, что дает налогоплательщикам примерно 6 млрд. долл. Налог на прибыль компаний с доходом не выше 25 тыс. долл. сокращается с 30 до 22%. На втором этапе в 1964 году общая ставка налога на прибыль корпораций (включая налог на сверхприбыль) сокращается с 52 до 47%, что увеличивает прибыли корпораций на 2,5 млрд. долл. Происходит также дальнейшее снижение ставок подоходного налога. На третьем этапе в 1965 году завершается сокращение ставок подоходного налога с ударением на высшие категории доходов. По прошествии всех трех этапов действующие ставки индивидуального подоходного налога с минимумом в 20% и максимумом в 91% сокращаются до 14—65%, а бюджетные налоговые поступления уменьшаются на 14,3 млрд. долл. Примерно 4,2 млрд. долл. возвращается за счет отмены ряда «лазеек», и чистый убыток для казны составляет 10,1 млрд. долл.⁸⁶

Необходимо отметить, что, хотя американская пропаганда попыталась создать впечатление, что от налоговой реформы, предложенной правительством демократов, выигрывают все слои населения, на самом деле это далеко не так. Что касается корпораций, то их выигрыш весьма реален и ощутим. Но если говорить о широких слоях населения, то здесь дело обстоит далеко не так радужно, как это изображает пропаганда. По подсчетам

---

⁸⁶ «New York Times», Jan. 22—25, 1963.

американских экономистов, в 1963 году увеличение общей покупательной способности должно было составить 6 млрд. долл., но одновременно, в связи с действием сложного механизма налоговой системы, по другим каналам эта покупательная способность сократилась на 5,5 млрд. долл. Таким образом, общий выигрыш населения столь незначителен, что вряд ли можно говорить всерьез о том, что налоговая реформа сулит расширение платежеспособного спроса населения, несет выгоды не только монополиям, но и трудящимся, да правительство и не преследовало такой цели; разговоры о том, что реформы «выгодны всем», нужны ему были для того, чтобы замаскировать щедрый подарок, преподнесенный монополистам.

В сентябре 1963 года налоговая реформа с рядом поправок, которые носили явно промонополистический характер, была принята палатой представителей. Однако Кеннеди не суждено было довести до конца эту реформу. В момент его гибели она находилась еще в недрах сената. Президент Джонсон, придя в Белый дом, приложил много усилий для того, чтобы довести до конца проекты, разработанные его предшественником.

К числу налоговых мероприятий администрации Кеннеди — Джонсона относятся и попытки получить у конгресса полномочия на использование чрезвычайных налоговых мер в качестве регуляторов, при помощи которых государство может принимать чрезвычайные меры в моменты кризисных спадов. Со времен «нового курса» Рузвельта в налоговую систему и бюджетную политику правительства введены так называемые «автоматические стабилизаторы». Эти стабилизаторы сводятся к тому, что в период подъема рост доходов автоматически повышает размер налога и ведет к изъятию прогрессивно возрастающего процента этих доходов в пользу государства; уменьшение доходов в результате падения деловой активности также автоматически снижает налоговые изъятия, чтобы не допустить слишком уж большого падения покупательной способности населения.

В своем первом годовом отчете конгрессу Совет экономических консультантов подготовил специальный раздел об «экономической стабилизации». В нем указывается: «Когда силы, вызывающие спад, глубоки и основательны, автоматические стабилизаторы могут оказаться

недостаточными для предотвращения серьезного и продолжительного спада... Правительство должно быть в состоянии быстро изменять ставки налогов или программы расходов, а также принимать меры обратного действия по мере изменения обстановки»⁸⁷. На смену или в дополнение к популярному термину пришли новые — «гибкая налоговая политика» и «гибкие государственные расходы». В области налоговой политики принцип «налоги — источник доходов» окончательно уступил место принципу «налоги — средство регулирования».

Новый подход к проблеме защиты от спадов выразился в двух рекомендациях Кеннеди конгрессу. Во-первых, президент запросил полномочия по временному сокращению ставок индивидуального подоходного налога в случае угрозы спада. Ставки сокращаются не более чем на 5%, и, если конгресс не принимает мер в течение 30 дней, решение президента автоматически вступает в действие на 6 месяцев. Это мероприятие имеет в виду оперативное оживление потребительского спроса в обход обычных процедурных преград, установленных законодательным процессом. При существующем уровне доходов оно рассчитано на сокращение налоговых поступлений на 2 млрд. долл. на каждый процент, то есть на 5 млрд. за 6 месяцев. Во-вторых, Кеннеди просил полномочий по ускорению проектов и увеличению ассигнований на капитальное строительство в размере 2 млрд. долл. сроком на 12 месяцев. Сигналом для осуществления программы может явиться уровень безработицы по отношению к численности рабочей силы, обнаруживающий рост в течение 3 из последних 4 месяцев или в течение 4 из последних 6 месяцев. Конгресс отклонил обе рекомендации в 1962 году.

Однако правительство демократической партии не отказалось от этого плана. В последующий период Кеннеди осуществлял усилия с целью провести свою программу через конгресс. Президент Джонсон продолжил эти попытки.

Таким образом, администрация демократов в качестве одной из важнейших мер своего внутриэкономического

---

⁸⁷ «Economic Report of the President, January, 1962», Wash., 1962, pp. 71—72.

курса сделала проведение налоговой реформы. Уже после гибели Дж. Кеннеди, в конце февраля 1964 года, был принят конгрессом и подписан Джонсоном закон об изменении налогообложения. В соответствии с законом налоги на корпорации сокращены на 9%, подоходный налог — на 4%. Анализ этой реформы приводит к тому же выводу, к которому мы приходили, рассматривая другие аспекты деятельности администрации демократической партии, выводу о курсе, осуществляемом в интересах ведущих монополистических группировок американского капитала.

Сельскохозяйственная программа на холостом ходу. Правительство Кеннеди неоднократно подчеркивало, что оно серьезно озабочено фермерской проблемой. Президент за короткое время успел созвать две конференции фермерских лидеров, которые должны были выработать рекомендации в области сельскохозяйственной политики. Однако ни первая конференция, состоявшаяся в Нью-Йорке 5 января 1961 г., ни вторая, созванная в Вашингтоне 26 января 1962 г., не дали результатов.

Позиции фермерских организаций, представляющих несовместимые интересы разных группировок, как и можно было ожидать, не удалось примирить. Не удалось и найти пути для того, чтобы вывести сельское хозяйство США из того хронического кризиса перепроизводства, в котором оно находилось уже долгие годы.

Каким же путем пошли руководители демократической партии, так остро критиковавшие Эйзенхауэра за провалы в этой области?

Главным средством, при помощи которого администрация демократической партии пытается выйти из ставшего хроническим сельскохозяйственным кризиса, является энергичное государственное вмешательство, жесткий, широкий контроль над производством и сбытом, повышение уровня поддерживаемых цен. Уже сам выбор человека на пост министра земледелия в правительстве говорил о том, что администрация Кеннеди — Джонсона будет стремиться самым энергичным образом вмешаться и попытаться регулировать сельскохозяйственное производство. Еще на посту губернатора штата Миннесота Орвил Фримэн стяжал себе репутацию очень энергичного, крайне напористого и чрезвычайно цепкого деятеля. Передав в его руки руководство министерством земледелия

лия, Кеннеди рассчитывал на осуществление программы энергичного государственного вмешательства.

Поскольку положение дел в американском сельском хозяйстве было настолько острым и требовало неотложных мер, администрация демократической партии впредь до выработки долгосрочной программы решила осуществить некоторые чрезвычайные меры, целью которых было приостановить угрожающее «перепроизводство» зерновых, непрекращающийся рост правительственных запасов и падение цен. Эта программа чрезвычайных мер должна была, по идее ее инициаторов, осуществляться на «добровольных» началах. Правда, добровольность эта была с изрядной долей принуждения. Уклонение от участия в правительственной программе лишало фермера права на сдачу своей продукции правительственной товарно-кредитной корпорации и гарантии твердых цен со стороны правительства.

Те из фермеров, которые изъявляли согласие принять участие в правительственной программе, продавали свои товары по более высоким ценам за счет правительственных расходов (на кукурузу в размере 13%, на сорго — 27%, на пшеницу — 15%). Но такое субсидирование фермеров предполагало соблюдение ими определенных жестких условий. Фермер должен был дать обязательство сократить посевы зерновых минимум на 20%. За несобранный урожай фермер получал от правительства компенсацию, равную 50% возможного урожая. Если же фермер соглашался еще на 20-процентное сокращение посевных площадей, получаемая им компенсация возрастала до 60%. В этой программе правительства приняло участие менее половины американских фермеров — 45%⁸⁸.

Известный эффект эти мероприятия дали. Впервые за долгие годы правительству удалось несколько сократить производство, приостановить рост «излишков» зерна и даже добиться незначительного сокращения запасов. Комментируя это, орган деловых кругов газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Сокращение производства, достигнутое под руководством сельскохозяйственного босса Орвила Фримэна, обошлось стране недешево. Можно уточнить эту сумму: операция по сокращению площадей

---

⁸⁸ «Cargill Crop Bulletin», 1962, Sept. 20.

под кормовым зерном и пшеницей стоила американским налогоплательщикам более 2 млрд. долл. Однако результаты двухлетних усилий путем резкого сокращения площадей добиться радикального разрешения проблемы перепроизводства и «излишков» зерна оказались весьма скромными». «Если мы будем двигаться такими темпами, — замечает та же «Уолл-стрит джорнэл», — то проблема излишков будет сопутствовать нам до конца века». Одновременно наблюдались серьезное перепроизводство и рост «излишков» молочных продуктов, птицы, хлопка. Размер правительственных закупок «излишков» молочных продуктов в 1962 году вырос вдвое: с 300 млн. долл. в 1961 году до 600 млн. долл.⁸⁹

Кто выиграл от осуществления программы Фримэна? Ответ ясен. Крупные и крупнейшие фермеры. Именно они смогли без ущерба для себя законсервировать значительную часть земель (консервации подвергались наименее плодородные участки), а деньги, полученные за это от правительства, употребить на значительную интенсификацию производства на оставшихся площадях за счет увеличения нормы удобрений, повышения нормы высева и т. д. В результате крупные хозяйства сумели получить почти такой же, а в некоторых случаях и более высокий урожай на сокращенных площадях.

Что же касается мелкого фермерства, то очевидно, что ему было непосильно как 20-процентное сокращение посевных площадей, так и интенсификация хозяйства на небольших клочках пашни.

Весной 1962 года в конгресс была представлена долгосрочная программа действий в области сельскохозяйственного производства, которой правительство намеревалось заменить чрезвычайные меры.

Прежде всего законопроект предлагал заменить добровольное участие фермеров в программе сокращения производства и поддержания цен принудительным. Помимо уже существующих ограничений (квот) посевных площадей под пшеницей и кормовым зерном (кукурузой, сорго, ячменем), намечалось также ввести и рыночные квоты, то есть ограничить то количество зерна, которое фермер имеет право продавать на рынке. План получил название «программа управления предложе-

---

⁸⁹ «Wall Street Journal», Oct, 8, 1962.

нием». Предлагалось резко сократить площади под кормовыми культурами: со 127 млн. акров до 89 млн. акров в течение одного года, а ежегодным сокращением на 10% переходящих запасов кормового зерна довести их к 1966 году до 48 млн. бушелей вместо 84 млн. бушелей в 1962 году. Запасы пшеницы также должны были сократиться на 10% в год.

Принятие программы принудительного регулирования, по уверениям ее авторов, должно было вызвать рост рыночных цен и доходов фермеров. Главным аргументом в пользу законопроекта, с помощью которого рассчитывали привлечь на свою сторону «городских» конгрессменов, было обещание сократить на 5 млрд. долл. в течение шести лет расходы на поддержание цен.

Законопроект встретил оппозицию с двух сторон. С одной стороны, против него возражали представители тех штатов, где сельское хозяйство не приобрело еще характера крупного капиталистического производства. Так, в частности, представители южных штатов, где еще господствует плантационная система, объявили правительственный план «попыткой социализировать» американское сельское хозяйство. С другой стороны, против него возражали представители среднего и мелкого фермерства. Оппозиция южных штатов, имеющих в конгрессе влиятельное представительство, привела к тому, что первоначальный план правительства был в конгрессе отвергнут и после длительной борьбы был принят компромиссный закон.

На сезон 1962/63 года этот закон в основном сохранял почти все характерные черты «чрезвычайных программ» по кормовому зерну и пшенице. Как и прежде, право сдать в залог свою продукцию и получать гарантированную цену имели лишь те производители зерна, которые согласились добровольно сократить свои площади на 20—50% по сравнению со средней площадью 1959/60 года. Одновременно поддерживаемые цены на пшеницу упали с 2 до 1,82 долл. за бушель и на кукурузу — с 1,20 до 1,02 долл. за бушель. Соответственно снизились и гарантированные цены на сорго, ячмень и овес⁹⁰. Общий размер ассигнований правительству на про-

---

⁹⁰ «Wall Street Journal», Sept. 23, 1962.

ведение мероприятий по поддержанию цен устанавливался в размере 3 млрд. долл.

В законе 1960 года содержался и долговременный план регулирования и постепенного сокращения производства, площадей и запасов зерна на 1964 и 1965 годы, в том числе программа по пшенице. Для урожая 1964 года, в частности, эта программа включала в себя следующую систему мер: 1) сокращение всей площади под пшеницей в стране до 49,5 млн. акров, то есть на 5,5 млн. акров по сравнению с предыдущим годом; 2) обязательное сокращение на 10% квоты посевов каждым фермером с выплатой компенсаций фермеру в размере 30% незасеянного урожая, то есть около 15 долл. за акр забрасываемой земли; 3) введение — впервые за все время — квоты сбыта пшеницы как в общенациональном масштабе, так и для каждого фермера в отдельности (раньше фермеры имели право сдать под залог весь урожай, собранный с площади, не превышающий их квоту); 4) установление гарантированной цены на уровне 2 долл. за бушель, из которых 1 долл. 30 центов фермер мог бы получить наличными и 70 центов в виде сертификатов, подлежащих в конечном счете выкупу оптовыми торговцами зерном, мукомолами и экспортерами пшеницы⁹¹.

Для того чтобы программа по пшенице могла войти в силу, требовалось ее одобрение на референдуме производителей пшеницы при условии, что за эту программу проголосуют $\frac{2}{3}$ участвующих в голосовании фермеров. Но тут-то и вступила в действие оппозиция законодательству демократической партии. Будучи выгодной для крупных капиталистических предприятий в сельском хозяйстве и невыгодной для старых хозяйств плантационного типа, программа Фримэна больше всего, как уже говорилось, ударяет по миллионам мелких фермеров. Американские монополии видят выход из положения в вытеснении из сельского хозяйства миллионов мелких производителей.

Столь упорно не поддающаяся разрешению фермерская проблема в понимании правящих кругов США — это не только и не столько накопление «излишков» сельскохозяйственной продукции, сколько проблема избытка самих фермеров. К решению именно этой проблемы своди-

---

⁹¹ «Wall Street Journal», May 8, 1963.

лись основные усилия республиканского министра земледелия Э. Бенсона. Но если тот, действуя таким образом, не считал нужным это особенно скрывать, то администрация демократов, верная себе, проводя по существу ту же линию, окружает непроницаемым туманом высокопарных слов и успокоительных фраз тему о защите интересов всех фермеров. Однако информированный и близкий к руководству демократической партии У. Липпман расставил все точки над «и». «Суть дела, — писал он после выдвижения программы Фримэна, — сводится к тому, что доходами от земли пытаются прокормиться больше фермеров, чем это требуется для нашего современного сельского хозяйства. Наряду с излишками фермерской продукции существует излишек фермеров... Мы сталкиваемся с тем жестким фактом, что у нас слишком много фермеров. Их почти вдвое больше, чем нужно... А в предстоящие годы, в связи с тем что в сельском хозяйстве будет применяться все больше научных методов, число необходимых фермеров станет еще меньше»⁹².

Избавиться от этого людского «излишка» — давнишняя мечта американского капитала. Прошрое и настоящее знает немало проектов подобного «прямого решения» фермерской проблемы. Правда, публично официальные деятели сейчас с опаской затрагивают эту политически непопулярную тему, но в документах министерства сельского хозяйства подобные планы детально разработаны. Представители же крупнейших монополий действуют совсем открыто.

Весной 1962 года Национальная ассоциация по вопросам планирования, частная организация крупного бизнеса, опубликовала доклад, в котором призывала правительство принять программу сгона с земли 2 млн. фермеров в течение ближайших пяти лет и свести к нулю систему поддержки фермерских цен. «Ни одна нынешняя сельскохозяйственная программа, — писали авторы доклада, — не в состоянии предотвратить накопление излишков в будущем»⁹³. Под документом подписались руководители наиболее крупных американских монополий — «Форд мотор компани» и др.

Этот циничный план вызвал негодование широких

---

⁹² «New York Herald Tribune», Febr. 22, 1962.

⁹³ «Economist», 1962, Sept. 15.

слоев фермерства, особенно на Среднем Западе. Перед компаниями, крупнейшими поставщиками средств сельскохозяйственного производства, выросла реальная угроза организованного бойкота со стороны фермеров. Недовольствие фермеров было настолько велико, что компания Форда и «Сиэрс Робёк энд компани» официально отмежевались от своих высокопоставленных руководителей, объявив, что последние выступили как частные лица, а не как выразители точки зрения руководства компаний.

Возмущение зловещими планами крупного бизнеса, а также полной неспособностью правительственных программ предотвратить систематическое падение цен на сельскохозяйственные продукты вылилось в энергичную забастовочную кампанию фермеров Среднего Запада, длившуюся осенью 1962 года около двух месяцев. Движение фермеров возглавила относительно молодая, но влиятельная среди фермеров Национальная фермерская организация (НФО). В 1958 году она была создана при содействии профсоюза автомобильных рабочих и теперь насчитывает более 150 тыс. членов. Объединяя фермеров в 16 наиболее важных сельскохозяйственных штатах, НФО пользуется особо большим влиянием в штатах Айова, Висконсин, Миссури, Канзас, Небраска. В организацию входят в основном мелкие и средние фермеры, однако ее поддерживают и многие крупные фермеры. В целом руководство НФО предполагает, что ее члены производят в своих штатах около 25% объема тех товаров, вокруг которых разгорелось забастовочное движение фермеров.

Организация призвала задержать доставку скота на рынки и бойни, с тем чтобы вызвать повышение цен и, главное, принудить крупнейших скупщиков фермерской продукции заключить с фермерами долгосрочные контракты о ценах и объеме закупок фермерской продукции. «Члены организации понимают, — писала «Уолл-стрит джорнэл», — что нормальный рыночный механизм не в состоянии гарантировать им возможность выжить; они понимают также, что, какая бы партия ни стояла у власти, и конгресс, и правительство предадут их интересы». Признание очень важное, особенно если учесть, что сделано оно органом крупных монополий. Не часто из таких уст можно услышать заявление о предательстве обеими партиями интересов фермеров.

Бастовавшие фермеры пикетировали дороги, ведущие к крупнейшим бойням, препятствуя перевозке скота, срывали открытие мясных аукционов и т. п. В ходе забастовки сложилось боевое организаторское ядро Национальной фермерской организации.

Несколько раз для расправы с бастующими фермерами власти прибегали к помощи полиции.

Протест американских фермеров наиболее выразительно характеризует итоги «новой» сельскохозяйственной политики, связанной с администрацией Кеннеди — Джонсона. «Сейчас, как и 29 лет назад, — писал в ноябре 1962 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — проблемы все те же, что и раньше. Цены продолжают далеко отставать от уровня, который мог бы удовлетворить фермеров. Все говорит о том, что разочарование самих фермеров политикой Вашингтона непрерывно растет».

Результаты такого разочарования сказались, в частности, на итогах референдума, состоявшегося в мае 1963 года, несмотря на запугивающие заявления властей о том, что отклонение от программы, предложенной правительством, может вызвать резкое падение цен и хаос на рынке пшеницы. Программе Фримэна было нанесено сокрушительное поражение. В поддержку этой программы не высказалось и половины опрошенных фермеров, и это при том условии, что для ее утверждения было необходимо минимум $\frac{2}{3}$ голосов.

Однако администрация демократической партии по-прежнему предпринимает усилия для того, чтобы осуществить свои планы. В конгресс внесен новый законопроект, автор которого, сенатор Джордж Макговерн (демократ от штата Южная Дакота), воспроизвел все основные элементы плана Фримэна. Уже будучи президентом, Л. Джонсон предпринял энергичные усилия для того, чтобы добиться принятия конгрессом правительственной программы. «Как стало известно из источников, близких к Белому дому, — писала газета «Нью-Йорк таймс», — в связи с сельскохозяйственным законопроектом президент Джонсон уже лично беседовал по телефону с некоторыми сельскохозяйственными руководителями в конгрессе. Он взялся убедить председателя сенатской комиссии по вопросам сельского хозяйства Эллендера в ближайшее время начать обсуждение законопроекта о

пшенице и хлопке, с тем чтобы провести его через сенат»⁹⁴.

Говоря о сельскохозяйственной политике правительства демократической партии в начале 60-х годов, следует отметить, что в основе этой политики лежит защита интересов сельскохозяйственных капиталистических компаний и крупного фермерства, так же как это было во времена правления администрации республиканцев. Государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства, лежащее в основе деятельности Вашингтона, руководимого демократами, с одной стороны, стимулирует рост и концентрацию капитала и производства в руках крупнокапиталистической верхушки фермерства, а с другой — ускоряет процесс экспроприации и вытеснения из сельского хозяйства трудящихся мелких и средних фермеров.

Специфической особенностью деятельности администрации демократов, в отличие от их предшественников, являются отдельные, частичные, вынужденные уступки мелкому и среднему фермерству, что оказывается необходимым в условиях нарастающей борьбы трудящихся масс, а также активная пропагандистская кампания, цель которой — затушевать антинародную направленность этой политики.

Разбазаривание продолжается. Виднейшее место в системе политических мероприятий правительства республиканской партии, как об этом подробно говорилось выше, занимала программа передачи естественных ресурсов, предприятий и отраслей промышленности, принадлежащих государству, в руки частного капитала. Правительство демократической партии не только не изменило этой программе, но, наоборот, уже в первый период своего пребывания у власти предприняло дальнейшие шаги в том же направлении. При этом объектом для такого рода деятельности администрация Кеннеди — Джонсона избрала не какие-либо второстепенные отрасли промышленности, а участки экономики, имеющие для нации жизненное значение. Если республиканцы положили начало передаче в руки монополий

---

⁹⁴ «New York Times», Dec. 12, 1963.

государственных предприятий атомной промышленности, то демократы предприняли решительный шаг в области освоения космоса.

В период, когда работы, направленные на освоение космического пространства, не сулили монополистам близких барышей, все расходы по финансированию такого рода они с готовностью возложили на государство. Специалисты подсчитали, что начиная с 1957 года, со дня запуска первого советского искусственного спутника Земли, на работы в области исследования космического пространства и создания аппаратов и приборов для исследований правительство США истратило 25 млрд. долл., изъятых из карманов американских налогоплательщиков.

Но вот постепенно стали вырисовываться перспективы извлечения прибылей, и притом немалых, из работ, связанных с освоением космоса. В частности, монополисты стали проявлять интерес к возможностям использования спутников связи для организации сверхдальних радио- и телепередач, телефонной и иной связи, что сулит значительные преимущества и прибыли компаниям, которые сумели бы заполучить в свои руки систему искусственных спутников Земли. Поскольку первоначальные капиталовложения были сделаны государством (в частности, затраты правительства Соединенных Штатов на работы, связанные со спутниками связи, превысили к 1962 году 0,5 млрд. долл.), получение системы спутников было для монополистов делом исключительно выгодным.

Именно это и послужило причиной того, что моргановская «Америкен телефон энд телеграф компани» решила добиться передачи работ в области искусственных спутников связи и их эксплуатации из рук правительства в руки частного капитала. Весной 1962 года в конгресс Соединенных Штатов был внесен соответствующий законопроект.

Член конгресса Розенталь (демократ от штата Нью-Йорк) заявил, что этот законопроект «передает систему связи при помощи космических спутников — один из величайших активов США, создание которого было оплачено деньгами налогоплательщиков, — под контроль частной монополии, в которой доминирует несколько крупных корпораций... В результате этого законопроекта мы отда-

дим на откуп величайший источник природных богатств, который предстоит разрабатывать нашей стране»⁹⁵.

Однако, невзирая на очевидный и неприкрытый характер этой махинации, палата представителей подавляющим большинством голосов одобрила законопроект после исключительно краткого обсуждения. Комиссия законодательных предположений палаты представителей, которая целые месяцы и годы не может принять решения, когда дело идет о законопроектах, касающихся гражданских прав, направила данный законопроект в палату с необычайной быстротой. Лидеры демократической и республиканской партий оказали на членов палаты представителей, чтобы добиться скорейшего одобрения этого «подарка» Уолл-стриту.

Несмотря на сильное недовольство широких кругов общественности США, законопроект, по которому в руки Морганов будут переданы первые важные позиции в деле освоения космоса, активно продвигался администрацией демократической партии.

«Распродажа космоса» — не единственный вид «подарков» монополиям, уже сделанных правительством демократов. В свое время демократическая партия чрезвычайно гордилась созданием системы государственных электростанций и линий электропередач, возникших во времена Ф. Рузвельта. Даже правительство Эйзенхауэра не осмелилось открыто посягать на эти станции и линии. Одним из первых мероприятий правительства демократической партии было разрешение частным энергетическим компаниям строительства высоковольтных линий электропередач в бассейне реки Колорадо. «Мы имели единственную победу, — заявил главный управляющий Национальной ассоциацией сельских электрических кооперативов США Клайд Эллис, — и министр внутренних дел правительства Кеннеди лишает нас ее. Он передает ее электрическим компаниям, которые пытаются уничтожить мелких предпринимателей и взвинтить цены на электроэнергию»⁹⁶.

Таким образом, уже первые шаги администрации Кеннеди — Джонсона показали, что она намеревается продолжить и эту важнейшую линию деятельности своего

---

⁹⁵ «New York Times», May 18, 1962.

⁹⁶ «Newsweek», 1962, Apr. 16.

предшественника — правительства республиканской партии, при этом объектом такой деятельности демократы избрали ключевые отрасли экономики страны.

5. КОГДА РАССЕИВАЕТСЯ ТУМАН

До сих пор в этой главе шла речь об экономической политике правительства демократической партии в период 1961—1964 годов. А каковы были ее шаги в области внутривластной, каков был политический курс деятелей, пришедших к власти в значительной степени благодаря поддержке профсоюзов и негритянских организаций, политиков, не жалевших усилий по части напуска пропагандистского тумана о защите интересов большинства против меньшинства?

Действительно, проблема регулирования отношений между трудящимися и предпринимателями заняла немало места в деятельности администрации демократической партии. Были произведены изменения в методах по сравнению с временами Эйзенхауэра. Но как решалась эта проблема, какие изменения имели место? Как отмечалось выше, в предшествующие годы, когда у власти находилось правительство Эйзенхауэра, эти проблемы решались Вашингтоном крайне просто: дубина — вот был главный способ действий, использовавшийся республиканскими правителями. Открытое подавление борьбы трудящихся, осуществление широкой и неприкрытой антирабочей системы законодательства, прямое и грубое вмешательство правительства в трудовые конфликты — таковы были методы действия республиканской администрации.

Однако неудачи такой политики, выразившиеся в росте стачечного движения, в ударах, нанесенных трудящимися по маккартизму — передовому отряду реакции, в нарастании демократического движения в стране, заставили американские монополии и в этой области перейти к более изощренной политике, к более тонким методам, хотя суть политического курса Вашингтона осталась неизменной — всемерная дезорганизация борьбы трудящихся, обеспечение «режима наибольшего благоприятствования» для крупного капитала.

Главным рычагом в такого рода деятельности адми-

нистрации демократической партии явилось правое руководство американских профсоюзов. Именно здесь сказались одна из характерных особенностей демократической партии США, делающей ее важнейшим политическим инструментом монополий.

Ввиду отсутствия в США соглашательской социал-демократической партии, помогающей, как это имеет место во многих странах Западной Европы, монополистической буржуазии обманывать, раскалывать и дезорганизовывать массы, такая задача в США возлагается на насквозь прогнившую, коррумпированную, оторвавшуюся от трудящихся масс профсоюзную верхушку. Более или менее тесные связи демократической партии с реакционными профсоюзными лидерами являются одним из главных ее политических козырей.

Вот этот-то козырь и был пущен в ход правительством демократов. Еще в ходе избирательной кампании 1960 года Дж. Кеннеди неоднократно встречался с Д. Мини и У. Рейтером, а также другими видными профсоюзными боссами. В ходе этих бесед будущий президент обсудил с лидерами профсоюзов не только свою программу действий в вопросах отношений между рабочими и предпринимателями, но и постарался заручиться поддержкой в отношении главных пунктов своей политической программы, на что никогда бы не решился ни один деятель республиканского правительства, не говоря уже о президенте.

По сведениям, просочившимся в печать, во время длительной беседы, состоявшейся с Мини и Рейтером за несколько недель до выборов, в октябре 1960 года, Кеннеди изложил профсоюзным лидерам свою программу, включавшую усиление мощи США в целях предотвращения «угрозы коммунизма свободному миру»; ликвидацию недостатков экономики и обеспечение необходимых темпов ее роста; облегчение проблемы безработицы; обеспечение минимума заработной платы и расширение сферы распространения этого минимума. Кеннеди высказался за отмену некоторых статей действующего антирабочего законодательства и против принятия новых антирабочих законов.

Много ли нужно людям типа Мини и Рейтера! Несколько ничего не значащих жестов, ряд малостоящих обещаний, создание видимости их собственной поли-

тической значимости — и они уже готовы на полную и безоговорочную политическую поддержку. Перед выборами 1960 года Мини заявил: «Избрание Дж. Кеннеди президентом США является важнейшим делом профсоюзов, которому мы должны посвятить и подчинить всю нашу деятельность»⁹⁷.

Придя к власти, демократы применили значительно более гибкую тактику, нежели республиканцы. Характерным для методов, примененных правительством демократической партии, является то, что Кеннеди пошел на создание так называемой «специальной ассамблеи советников при президенте» для координации политики в отношениях между предпринимателями и профсоюзами. Уже давно профсоюзные лидеры носились с этой идеей. Мини тщетно уговаривал Эйзенхауэра создать такой орган, но получил высокомерный отказ. То, что консервативному республиканцу показалось неприемлемым, вполне устроило более гибких руководителей демократической партии. Такая ассамблея советников была создана. В нее был включен 21 член, представлявший промышленников, профсоюзы и так называемых «нейтральных» специалистов в области трудовых отношений.

Такие малостоящие жесты правительства привели в восторг профсоюзных лидеров, и они, преисполненные благодарности, сделали все для того, чтобы ассамблея советников не мешала правительству, прикрываясь ее авторитетом, осуществлять политический курс, выгодный предпринимателям и невыгодный широким трудящимся массам.

Примером такого рода деятельности ассамблеи является составленный ею летом 1962 года и направленный президенту специальный доклад, рекомендовавший программу, названную «свободные ответственные соглашения и промышленный мир». Суть этого документа заключалась в предложении расширить права правительственных органов вмешиваться в трудовые споры, не прибегая к формальному законодательству. Так ассамблея рекомендовала наделить директора Федерального бюро посредников по трудовым соглашениям правом давать рекомендации правительству о назначении чрезвычайных комиссий для вмешательства в любые виды тру-

---

⁹⁷ «New York Times», Aug. 28, 1960.

довых споров, «угрожающих национальным интересам». При этом стержень такого метода заключается в том, что комиссия имеет право предписывать спорящим сторонам обязательные условия решения споров. Нужно ли говорить о том, что в сегодняшних Соединенных Штатах такие условия будут всегда сформулированы в пользу предпринимателей.

Именно так и обстоит дело в действительности. Правительство Кеннеди — Джонсона, с готовностью используя процедуру, созданную при участии профсоюзных лидеров и, следовательно, прикрываемую их авторитетом, неоднократно срывало забастовки. Так, в 1962 году закончился сделкой предпринимателей с профсоюзными лидерами конфликт между объединенным профсоюзом рабочих автомобильной и авиационной промышленности и авиационными компаниями, причем сделкой, от которой в основном выиграли компании. Забастовка рабочих была сорвана. Значение этого случая выходит далеко за пределы данного конфликта. Был создан важный прецедент для открытого вмешательства правительственных органов с целью срыва забастовок и решения конфликтов на условиях, при которых выигрыш в основном достается предпринимателям.

О том, что монополии не имеют ничего против подобных методов, свидетельствует орган деловых кругов журнал «Юнайтед Стейтс ньюс Уорлд рипорт», который вскоре после того, как стала применяться такая процедура, писал, не скрывая злорадства: «Давление Белого дома, личное вмешательство президента и министра труда в забастовочную борьбу, создание специальных комиссий и изучение фактов в трудовых конфликтах — это основные методы правительства при опоре на основные законы. Они могут нанести большой ущерб забастовочной борьбе»⁹⁸.

Прибегая к отвлекающим маневрам, всячески используя демагогическую аргументацию на тему о том, что правительство, дескать, не является органом предпринимателей, а представляет собой некоего «арбитра», беспристрастно принимающего решения при конфликтах между предпринимателями и трудящимися, ловко используя продажную верхушку американских профсоюзов,

---

⁹⁸ «U. S. News and World Report», 1961, March 6.

администрация демократической партии тщательно маскирует антирабочий характер своей политики, хотя существо этой политики мало отличается от политики республиканцев. Надо сказать, что отсталость американского рабочего движения, помноженная на гнусную роль, которую играют предатели рабочего класса, заседавшие в руководстве американского профсоюзного движения, обусловили то, что некоторая часть трудящихся оказалась обманутой изощренными методами, примененными руководством демократической партии.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что политический капитал, заработанный на политических спекуляциях, используется демократической партией и для того, чтобы в крайних случаях осуществлять прямой неприкрытый нажим на трудящихся. Так произошло, например, в первый же год деятельности администрации демократической партии во время крупной забастовки моряков. Пренебрегая неоднократно дававшимися в ходе предвыборной кампании обещаниями пересмотреть закон Тафта — Хартли, правительство, не стесняясь, применило этот закон в ущерб забастовщикам.

Когда же существующего антирабочего законодательства недостаточно, правительство демократов продолжает деятельность своих предшественников — республиканцев, осуществляя новое антирабочее законодательство. Именно так произошло в конце августа 1963 года, когда по требованию правительства в самом срочном порядке конгресс США принял закон о принудительном арбитраже на транспорте. Этот закон понадобился правительству для того, чтобы не допустить всеобщей забастовки железнодорожников, назначенной на 29 августа 1963 г.

Конфликт железнодорожников и железнодорожных компаний длился в течение двух лет в связи со стремлением компаний осуществить массовые увольнения. Стремясь предотвратить конфликт, правительство потребовало, чтобы рабочие согласились безоговорочно принять посредничество правительства, заранее дав обещание, что они примут любое решение, которое вынесет правительство. Однако на сей раз даже «карманные» профсоюзные лидеры, учитывая настроение масс, не посмели согласиться с таким требованием. Состоялось решение о всеобщей забастовке, и тогда администрация демократи-

ческой партии настояла на принятии закона о принудительном арбитраже.

Знаменательно, что этот закон, имеющий далеко идущие и опасные последствия для американского рабочего класса, был внесен в сенат не кем иным, как лидером крайне правого крыла республиканцев Голдуотером. Сотрудничество крайне правого республиканца, лидера «бешеных», с руководством демократической партии, твердящим о том, что оно стоит на страже интересов трудящихся, их совместное наступление на важнейшие права американского рабочего класса — это ли не свидетельство всей фальши обещаний демократической партии США, всей глубины предательства реакционных профсоюзных лидеров, без сотрудничества с которыми руководители демократической партии не смогли бы успешно осуществлять ни свою деятельность, ни вести пропаганду.

Следует отметить, что поток реакционных, антирабочих законопроектов, столь характерный для периода правления республиканцев, отнюдь не иссяк и в последние годы, при этом авторами этих законопроектов выступают как республиканцы, так и высокопоставленные деятели демократической партии.

Помимо закона о принудительном арбитраже на рассмотрение сената сенатором Джоном Макклеланом (демократ от штата Арканзас) был внесен законопроект, объявляющий незаконными забастовки на тех предприятиях, которые Макклелан называет «оборонными заводами», а также на ракетных полигонах. Поскольку большая часть американской промышленности сейчас прямо или косвенно связана с производством вооружения, этот законопроект лишит элементарного права на забастовку многие миллионы рабочих.

Еще один законопроект, внесенный сенатором Голдуотером, откровенно характеризуется им как ставящий цель урезать «силу профсоюзов». Этот законопроект предусматривает, что правительство будет проводить среди рабочих голосование по вопросу о забастовке в соответствии с законом Тафта — Хартли. Кроме того, этот законопроект объявляет вне закона прием на работу только членов профсоюзов, за исключением тех штатов, в которых это особо разрешено.

Законопроект, внесенный сенатором Дирксоном (республиканец от штата Иллинойс), объявляет незаконными

забастовки всех моряков океанских судов. По этому законопроекту трудовые конфликты моряков будут произвольно регулироваться правительственными учреждениями. Американская реакция продолжает ковать законодательную цепь, при помощи которой надеется удержать трудящихся от борьбы. В этом смысле Вашингтон 60-х годов мало отличается от Вашингтона 50-х годов. Реакция упорно пытается не замечать хода жизни.

В главе, посвященной жизни и борьбе негритянского населения Америки, мы говорили о том, какова политика лидеров демократической партии в этом, едва ли не наиболее остром вопросе внутривнутриполитической жизни США 60-х годов. Нельзя сказать, что они не предприняли в этом вопросе никаких шагов. Бешеная злоба, которую вызывал у расистов Кеннеди, была следствием таких шагов. Но следует сказать совершенно ясно, что все, что предприняли и предпринимают лидеры демократической партии в этой области, является вынужденным, неизбежным, а вовсе не проявлением доброй воли. Без этого невозможно сохранить в стране политическую стабильность, предотвратить сползание к гражданской войне; понимание этого и отличало Кеннеди от Голдуотера и иже с ними.

Однако, если поставить вопрос не о том, что сделано, а о том, что не сделано и не делается, мы увидим, что баланс у демократов не менее пассивен, чем у республиканцев. (Ведь и Эйзенхауэр, когда у него не было другого выхода, посылал войска в Литтл-Рок). Самым важным и существенным для ответа на этот вопрос является то обстоятельство, что, несмотря на многочисленные обещания, данные негритянскому населению руководителями республиканской и демократической партий, обещания, рассчитанные на привлечение голосов избирателей-негров, положение негритянского народа в 1964 году ненамного лучше, чем два-три десятилетия назад.

Совершенно очевидно, что на пути политического маневрирования, на который вступило правительство Кеннеди — Джонсона, нельзя решить негритянскую проблему, нельзя найти выход из создавшегося положения. Нужны не маневры, не подачки, не жесты, рассчитанные на внешний эффект, а кардинальные решения одной из наиболее больших проблем современной Америки.

Особенно наглядно антинародная направленность

деятельности демократической партии проявилась в том продолжении глубоко антидемократической кампании преследования передового отряда американского рабочего класса — Коммунистической партии США. При этом лидеры демократов проявляют не меньшую прыть, чем их коллеги из республиканской партии. Правительство осуществило неприкрытое давление на Верховный суд, добиваясь утверждения с его стороны положения закона Смита и Маккарэна о «преступном членстве» в Коммунистической партии, обязывающего компартию, ее членов и «организации коммунистического фронта» регистрироваться в управлении по контролю над подрывной деятельностью.

В 1962 году в США было организовано позорное судилище над Коммунистической партией за ее отказ зарегистрироваться в качестве «подрывной организации». Таким образом, правительство демократической партии осуществило то, чего много лет открыто добивалось и что готовило правительство республиканцев.

Разве не очевидно, что преследование коммунистов создает базу для преследования всех демократов. Не случайно орган Коммунистической партии США — газета «Уоркер» — в начале 1964 года опубликовал красноречивое высказывание немецкого пастора Мартина Нимеллера, брошенного в тюрьму нацистами. Говоря об уроках, которые должны извлечь трудящиеся США из печального опыта гитлеровской Германии, газета привела следующие слова Нимеллера, сказанные им во время пребывания в США: «В Германии они сначала взялись за коммунистов, и я не поднял голоса протеста, так как не был коммунистом; затем они взялись за профсоюзных деятелей, и я опять не поднял голоса протеста, так как не был профсоюзным деятелем. Потом наступила очередь католиков, но я сперва молчал, так как был протестантом. И, наконец, наступила моя очередь, но к этому времени уже не осталось никого, кто мог бы поднять голос в мою защиту»⁹⁹.

Антирабочая, антидемократическая направленность деятельности демократической партии рассеивает демагогический туман, напускаемый ее пропагандой. Политические последствия этого трудно переоценить. Как гово-

---

⁹⁹ «Worker», Jan. 3, 1964.

рил Авраам Линкольн, «можно долго обманывать одного человека, можно некоторое время обманывать весь народ, но нельзя весь народ обманывать всегда».

6. ВЫСТРЕЛ В ДАЛЛАСЕ

Выше говорилось о тех изменениях, которые администрация Кеннеди была вынуждена осуществить как во внешнеполитическом курсе, так и внутри страны. В основе этих изменений лежала не добрая воля, а горькая для монополистов необходимость, диктовавшаяся ухудшением положения американского империализма, настоятельной нуждой хоть как-то к этим изменениям приспособиться. Кто-то метко назвал линию Кеннеди «стратегией выживания».

Однако неотъемлемым качеством капиталистов является неизбежно присущая им узость мышления, неумение видеть что-либо дальше непосредственных интересов своего бизнеса. Сколько добропорядочных бизнесменов с ужасом проклинали Ф. Рузвельта, объявив его провозвестником социализма в Белом доме! А между тем рузвельтовские мероприятия были единственным спасением для американского капитализма, позиции которого оказались подорванными великим кризисом.

Такая историческая судьба оказалась уготованной и Дж. Кеннеди. Будучи представителем весьма немногочисленных для сегодняшней буржуазии деятелей, обладающих известной широтой кругозора и умением реалистически мыслить, Дж. Кеннеди предпринял шаги, не укладывавшиеся в голове людей, мозговые извилины которым заменяют линии в бухгалтерских отчетах их компаний и фирм.

Как опытный крестьянин под удивленными взглядами своих менее опытных соседей при, казалось бы, ясном небе принимается сгребать разложенное для просушки сено, угадав по известным ему признакам приближение бури, Кеннеди пытался приспособить государственный курс к новой ситуации, новизна и опасность которой для американского империализма не понята еще большинством его представителей. Личная трагедия Кеннеди заключалась в том, что он забежал вперед, уви-

дев и оценив то, что до его многих собратьев по классу еще не дошло. Джон Кеннеди это стоило жизни.

Выстрелы, раздавшиеся солнечным ноябрьским утром в столице Техаса, громовым эхом отозвались в американских политических сферах.

Первые три года ушли у Кеннеди во многом на нащупывание новых тропок, на обновление аппарата, при помощи которого президент, видимо не рассчитывая на окостеневшие, негибкие кадры бюрократической машины Вашингтона, собирался проталкивать мероприятия своей программы, на подготовку общественного мнения прежде всего среди наиболее влиятельных кругов делового мира, поддержка которых была ему необходима.

Кеннеди стремился доказать воротилам большого бизнеса, в большинстве своем узкомыслящим и заскользящим, что без осуществления его программы позиций всего американского монополистического капитала в целом грозят самые серьезные беды, что система предлагаемых им мероприятий приспособления нужд и методов американской политики к реально складывающейся обстановке отнюдь не представляет собой «социализации экономики» и «вползания в социализм», как утверждают бэрчисты и Голдуотер, а является попыткой еще большего приспособления государственной машины к нуждам крупного капитала. Он убеждал их в том, что вмешательство государства в экономику помогает преодолеть те нарастающие трудности, которые в середине XX века обступают американский капитализм со всех сторон.

Не случайно Кеннеди назвал свою программу «новые рубежи», явно рассчитывая на ассоциацию с «новым курсом» президента Ф. Рузвельта. Этим он как бы хотел напомнить руководителям американского делового мира, что Ф. Рузвельта тоже обвиняли во «вползании в социализм», однако его мероприятия оказались необходимыми для американских монополий и привели в конце концов к упрочению в тот период позиций американского империализма в целом, позиций, заметно ослабленных кризисом начала 30-х годов.

К исходу третьего года пребывания у власти стали постепенно вырисовываться основные черты политической программы, которую предполагал осуществить Кеннеди. Такие его шаги, как заключение Московского договора о прекращении ядерных испытаний в трех сферах,

осуществление политического диалога между Вашингтоном и Москвой и некоторые другие, свидетельствовали о понимании невозможности действовать на международной арене прежними методами, стремлении в какой-то степени приспособиться к реальным политическим фактам, найти какой-то модус-вивенди с социалистическими странами.

В области внутренней политики помимо мер, которые предпринимались в порядке текущей деятельности, чаще всего являясь продолжением основных линий предыдущей администрации, он вынашивал и кое-какие новые программы. О некоторых его планах можно судить как по отдельным законопроектам, внесенным на рассмотрение конгресса, так и по отдельным высказываниям Кеннеди и людей из его окружения. Эта программа включала в себя меры по некоторому улучшению социального обеспечения, образования, предусматривала расширение общественных работ для уменьшения опасностей, связанных с хронической массовой безработицей, осуществление частичных уступок негритянскому населению США.

Все это было рассчитано на ослабление остроты внутренних социальных конфликтов в стране, уменьшение опасности активизации борьбы широких масс трудящихся. «Важнейшей чертой правительства Кеннеди, — отмечает руководитель Коммунистической партии США Гэс Холл, — было то, что оно учитывало это изменение общей обстановки, судя по направленности его политической линии. В противоположность Голдуотеру, Рокфеллеру, Никсону или диксикратам правительство Кеннеди более здраво смотрело на соотношение сил на мировой арене. Кроме того, его политика отражала подъем движения за гражданские права непосредственно в Соединенных Штатах»¹⁰⁰.

К активному осуществлению своей программы Кеннеди, судя по всему, собирался приступить во время второго срока своего президентства, рассчитывая в ходе выборов 1964 года укрепить политическое положение, получить свободу рук на период до 1968 года.

Убийство Кеннеди, таким образом, выходит за рамки отдельного преступления, носит характер серьезного и

---

¹⁰⁰ «Worker», Jan. 3, 1964.

глубокого политического конфликта, противоборства различных сил на американской политической арене.

Вывод, который можно сделать, заключается в том, что устранение с политической арены президента Кеннеди было действием, порожденным и ставшим возможным в определенной обстановке разгула истерии, совершенным в интересах определенных сил, которые были не согласны с курсом и действиями президента, опасались дальнейших его шагов и не видели иного способа им воспрепятствовать. Речь идет не о тех или иных исполнителях преступления — доклад специальной комиссии Уоррена дал версию об одном, ни с кем не связанном убийце, ряд видных представителей мировой общественности, таких как лорд Бертран Рассел, с этим не согласны, — а о силах, так или иначе стоявших за этим убийством, создавшим обстановку, сделавшую это преступление возможным. Устранение Кеннеди было выгодно тем, кто был не согласен с тем новым, что он пытался внести в политический курс Вашингтона, не согласен с шагами в направлении разрядки международной напряженности, кто не может и не хочет видеть ничего, кроме своих военных прибылей, — узколобым предпринимателям, считающим любое вмешательство государства в сферу бизнеса «социализмом», неистовым расистам, приравнивающим совместное обучение белых и черных едва ли не к концу света.

В первые месяцы, последовавшие за убийством Кеннеди, в американской печати нередко можно было встретить аналогию между годом 1945, когда на смену внезапно умершему Франклину Рузвельту пришел Трумэн, повернувший руль государственного корабля на 180° в сторону от рузвельтовского курса, и годом 1963, когда Джонсон сменил в Белом доме Кеннеди. Любители аналогий рассуждали о том, что, так же как Рузвельт, Кеннеди олицетворял «либерализм» Севера, а Джонсон, подобно Трумэну, — политику из консервативного южного штата Миссури, — в течение многих лет представлял в сенате еще более консервативный южный Техас.

Однако, если вдуматься глубже, то аналогия между 1945 и 1963 годом представится в значительной степени беспочвенной. Не говоря уже о том, что Линдон Джонсон, начинавший свою деятельность в качестве деятельного сторонника рузвельтовского «нового курса», принимал

активное участие в осуществлении программы «новых рубежей» Кеннеди, нельзя уходить так же от того факта, что нынешняя ситуация имеет совершенно другой характер, нежели имевшая место в 1945 году. Подчеркивая это, Гэс Холл пишет: «Когда Трумэн занимал пост президента, капитализм Соединенных Штатов был у самой вершины своей власти и влияния. Тогда капитализм был господствующим фактором в мире, а капитализм Соединенных Штатов занимал в свою очередь место бесспорного лидера капиталистического мира. Соединенные Штаты располагали монополией на разрушительную мощь ядерного оружия. Капитализм Соединенных Штатов был на подъеме и быстро разрастался, наживаясь на необходимости перестройки промышленного потенциала, разрушенного второй мировой войной. Такова была та обстановка, в которой действовало правительство Трумэна. Все его действия в этот период в какой-то степени определялись характером этой обстановки... Правительство Джонсона пускается в плавание в условиях совершенно иной обстановки в мире. Соотношение сил на мировой арене изменилось. Сейчас уже не мир капитализма, а мировая система социалистических государств стала наиболее влиятельным фактором в развитии мировых тенденций. Со времен президентства Трумэна около пятидесяти стран завоевало свою независимость, сбросив оковы империалистического рабства. Ограничены сама территория, влияние и статус мировой капиталистической системы... Правительство Джонсона приходит к власти в момент, когда поднялись 20 млн. американских негров, опирающихся на поддержку все новых и новых миллионов других американцев. Оно приходит к власти в момент, когда последствия новой технической революции становятся все более очевидными и вызывают все большее беспокойство»¹⁰¹.

Таким образом, констатируя, что силы, заинтересованные в устранении Кеннеди с политической арены, рассчитывали таким путем затормозить неизбежную эволюцию политического курса Вашингтона, вернув его целиком на рельсы политики второй половины 40—50-х годов, следует вместе с тем подчеркнуть, что эти расчеты в своей основе являются нереалистичными и близо-

---

¹⁰¹ «Worker», Jan. 3, 1964.

руками. Не потому проходят изменения в политическом курсе, что их «придумал» тот или иной деятель, а потому, что они диктуются всем ходом событий. И любой руководящий деятель Вашингтона не может, оставаясь на почве реальных фактов, это игнорировать. Бесспорно, что личные качества того или иного политика могут несколько ускорить или, наоборот, несколько замедлить этот процесс, сделать его более прямым или более зигзагообразным, но повернуть ход исторического процесса не дано никому.

И еще одно обстоятельство следует подчеркнуть в связи с убийством президента Кеннеди. Методы политического террора, применяемые определенными кругами США во многих районах земного шара в целях сохранения позиций американского империализма, подобно бумерангу, обратились против Вашингтона.

Нельзя безнаказанно превращать террор в метод осуществления политики, как это делает теряющая под ногами почву американская империалистическая буржуазия. Нельзя безнаказанно культивировать грубую силу и насилие. А именно на такой ядовитой почве и взросло преступление, стоившее жизни президенту Соединенных Штатов. Вряд ли можно более наглядно продемонстрировать всю гнилость и реакционность американской политической системы, всю фальшь демократии, методом которой являются пули убийц, стреляющих из-за угла в качестве способа ведения политической дискуссии.

Разве можно считать случайным то обстоятельство, что Кеннеди был убит не где-нибудь, а в цитадели американского расизма и неофашизма, каким является штат Техас и его столица Даллас? Разве можно уйти от того факта, что Кеннеди был убит в городе, виднейшие граждане которого, такие, например, как Г. Хант, являются главным источником финансирования маккартистов и неомаккартистов?

Достаточно привести лишь одну деталь, о которой сообщила американская печать на следующий день после убийства, чтобы стало ясно, что выстрелы в Далласе не были случайностью, а были порождены всей обстановкой и настроениями, царившими в этом оплоте расистов и реакционеров. Директор одной из далласских школ Джозеф Пархэм рассказал в печати: «Я был свидетелем сцены, настолько ужасной, настолько садистской и на-

столько трагической, что известие о смерти президента, о котором я узнал всего за несколько минут до этой сцены, на минуту утратило остроту. Я сообщил группе школьников 6-х и 7-х классов об этом убийстве. Это вызвало немедленные бурные аплодисменты!» Далласские школьники, аплодирующие сообщению об убийстве Кеннеди, — может ли быть более разительное доказательство моральной причастности к этому убийству промышленных и финансовых тузов Далласа!

Весьма красноречиво об обстановке в Далласе, обстановке, типичной для гнезд американской реакции, рассказали специальные корреспонденты французского журнала «Экспресс», прилетевшие в Даллас в первые после убийства дни: «Ни в одном городе мира страшная сила денег не выступает так явно, как в этом городе, население которого едва насчитывает миллион человек. Такой общественный порядок можно было наблюдать разве только в Венеции времен дождей. Этот порядок определяется просто: группа граждан, объединившихся в клуб, на первый взгляд весьма безобидный, именуемый „Советом белых граждан“, за последние 25 лет безраздельно и бесконтрольно вершит судьбами города Даллас. Сейчас такой клуб объединяет 238 человек. У них есть одна общая черта — они миллиардеры, и каждый в своей области является хозяином крупного предприятия. „Совет белых граждан“, рассказывает нам один из его членов Стэнли Маркус, возник в 1937 году, он объединил всех, кто может немедленно сказать „да“, не отчитываясь ни перед кем, когда попросят 100 тыс. долл. Давлением или убеждением — даже не скрывая этого ни на минуту — они правят городом из-за кулис... Большие состояния в восточных штатах, состояния Рокфеллеров, Меллонов, Морганов, сегодня стабилизировались. Консерватор Далласа ни на минуту не помышляет о том, чтобы только сохранить свой капитал. Он хочет увеличивать его до бесконечности. Он хочет прогрессировать, как он выражается. Отсюда его борьба не на жизнь, а на смерть, борьба, неизбежная, присущая его натуре и его концепциям XIX века, борьба с центральной властью XX века, которая, по его мнению, ведет к социализму. Его ненависть, его страх перед „новыми рубежами“ — это та же самая ненависть, тот же самый страх, который он проявлял перед „новым курсом“ Франклина Рузвельта. Джон Фитцджеральд

Кеннеди был в его глазах предвестником коммунизма... При таких непримиримых взглядах и не менее неистовом провинциализме борьба против „красных” неизбежно должна была приобрести здесь характер крестового похода»¹⁰².

Даже буржуазная печать США вынуждена была после убийства Кеннеди заговорить о кризисе американской демократии. Правда, высказывания такого рода быстро исчезли со страниц большой прессы монополий. Однако далласская трагедия раскрыла глаза многим американцам. И результаты этого будут сказываться на протяжении длительного периода, способствуя нарастанию борьбы против поднимающих голову сил крайней реакции и фашизма, представляющих в сегодняшней Америке реальную силу и растущую опасность, вовлечению в эту борьбу новых слоев американского населения, в течение долгого времени обманываемого и оглушенного пропагандой, превозносящей американскую демократию как «высшее достижение человеческой цивилизации».

Весьма важным и характерным в связи с событиями в Далласе является то обстоятельство, что американский народ в своей массе не поддался на провокационную удочку правых, пытавшихся в связи с убийством президента организовать антисоветскую и антикоммунистическую кампанию. Минувшие годы не прошли даром, американцы многое поняли, во многом научились разбираться, что наглядно было продемонстрировано в эти трагические дни. Руководитель Коммунистической партии США Гэс Холл в связи с этим писал: «Продуманный ответ на вопрос о том, почему народ, пораженный, возмущенный и убитый горем, все-таки не впал в истерику и панику, несмотря на попытки «накалить атмосферу», — это самое важное, чем мы должны заняться. Эта реакция подводит к более высокой оценке политической сознательности народных масс, Она вызывает новое чувство уверенности»¹⁰³.

Трезвость, проявленная миллионами американцев, сорвала провокационные замыслы американской реакции. Это убедительно и с большой степенью наглядности свидетельствовало о глубоких сдвигах, происходящих в политической обстановке в США, изменениях, которые

---

¹⁰² «L'Express», 1963, Dec. 12.

¹⁰³ «Worker», Dec. 27, 1963.

будут оказывать серьезное влияние на ход событий, в будущем настолько существенное, что с ними придется в предстоящие годы считаться всем.

Версия об убийстве в Далласе как акте фанатика-одиночки стала официально одобренной. Принятие подобной версии имеет, очевидно, целью затушевать состояние кризиса хваленой «американской демократии», придав трагическому повороту событий характер «случайности». Однако никакие пухлые тома докладов не в состоянии скрыть от общественности главного — полной прозрачности и фальши общественной системы, пытающейся формальными процедурами «демократии» и «выборов» замаскировать политические джунгли, где царит грубая сила.

7. ЛИНДОН ДЖОНСОН В БЕЛОМ ДОМЕ

22 ноября 1963 года, через несколько часов после гибели Дж. Кеннеди, в самолете, в котором находился бронзовый гроб с телом убитого президента, направлявшемся из Далласа в Вашингтон, в присутствии убитой горем вдовы Кеннеди Линдон Бейнс Джонсон принял присягу, став 36-м в истории США президентом страны. Взгляды всего мира сосредоточились на этом, до того сравнительно мало известном за пределами США деятеле.

В первые же месяцы после его появления в роли хозяина Белого дома американскую печать буквально наводнил поток статей и материалов о новом президенте. Попробуем, отобрав высказывания наиболее информированных источников, составить представление о преемнике Дж. Кеннеди.

Джонсон родился в семье, связанной с политикой. Его дед с отцовской стороны, сражавшийся на стороне конфедератов против сторонников Союза и Линкольна, и его отец были членами законодательного органа Техаса.

Предки со стороны матери были баптистскими проповедниками и учителями, что весьма характерно для первых поселенцев с умеренными средствами, из среды которых консервативный Юг любит выбирать своих лидеров.

Будущий президент родился в Стонуолле (штат Те-

хас) 27 августа 1908 года. В 1930 году он закончил государственный педагогический колледж Юго-Западного Техаса, получив звание бакалавра наук. Как сообщает биограф Джонсона Роберт Риггс в очерке, вошедшем в книгу «Кандидаты 1960 года», после года преподавания в школах он в 1932 году уехал в Вашингтон в качестве секретаря члена палаты представителей Ричарда Клеберга. Он проучился год на юридическом факультете Джорджтаунского университета в Вашингтоне, затем вернулся в Техас как деятель «нового курса» — уполномоченным Национальной администрации молодежи по штату Техас¹⁰⁴.

В 1937 году он вступил на политическое поприще, выдвинув в родном штате свою кандидатуру в конгресс. В своей предвыборной кампании он выступал как сторонник «нового курса», что привлекло внимание и обеспечило ему поддержку президента Ф. Рузвельта, который случайно отдыхал в это время в Техасе, занимаясь рыбной ловлей. Джонсону было всего 27 лет, когда он, будучи уже членом конгресса, прибыл в Вашингтон в специальном поезде Ф. Рузвельта.

Единственное крупное политическое поражение он потерпел в 1941 году, когда пытался занять место в сенате, освободившееся в связи со смертью сенатора Морриса Шеппарда. «За годы, прошедшие со времени этого поражения, до успешной кампании, приведшей его в сенат в 1948 году, Джонсон приобрел военный опыт, который сослужил ему хорошую службу в период работы в сенатской комиссии по делам вооруженных сил и в специальных комиссиях. Через три дня после нападения Японии на Пирл-Харбор в 1941 году он ушел во флот, получив звание капитана третьего ранга. Он служил наблюдателем на бомбардировщиках, совершавших полеты из Австралии и Новой Зеландии через острова Южного океана. До того как президент Рузвельт приказал всем членам конгресса вернуться в Вашингтон к исполнению своих обязанностей, Джонсон успел получить „Серебряную звезду”¹⁰⁵. С самого начала, хотя он был более горячим сторонником „нового курса”, чем большинство конгрес-

¹⁰⁴ «Candidates 1960. Behind the Headlines in the Presidential Race», p. 283.

¹⁰⁵ «Candidate 1960. Behind the Headlines in the Presidential Race», p. 285.

сменов-южан, „он завоевал дружбу и расположение более старых политических деятелей благодаря своим личным качествам реалистического политика”»¹⁰⁶.

В 1948 году Джонсон добился избрания в сенат, получив большинство в 87 голосов.

Через два года после избрания, делая необычно быструю карьеру, Джонсон стал членом официального руководства сената и в 1953 году, пробыв всего пять лет в сенате, стал лидером демократической партии в сенате — самым молодым в истории лидером любой из двух партий в сенате. Два года спустя, в 1955 году, демократы завоевали большинство в сенате, и Джонсон стал лидером большинства.

В июле 1955 года у него случился сердечный приступ. Серьезное заболевание, по словам биографа Джонсона, замедлило его карьеру. Когда вернувшегося в сенат Л. Джонсона спросили, не мешает ли его заболевание активной деятельности, он адресовал спрашивающих к своему официальному врачу д-ру Сэмюэлю Кларку, который сообщил, что по прошествии шести месяцев после серьезного сердечного приступа Джонсон чувствует себя нормально. Пульс у него нормальный, размеры сердца нормальные, общий вес нормальный. Остается рубец, но доктор считает, что нет причин, которые мешали бы Джонсону вести нормальную жизнь¹⁰⁷.

Джонсон энергично взялся за продолжение своей карьеры. Большой политической битвой ознаменовалась для него избирательная кампания 1960 года, когда он, как отмечалось выше, открыто вступил в бой за президентский пост, являясь одним из основных конкурентов Дж. Кеннеди в демократической партии.

«Какова бы ни была причина, — констатирует газета «Обсервер», — то ли потому, что не удалось убедить партию в способности Джонсона получить достаточно голосов северян для того, чтобы быть избранным, то ли просто потому, что организация Кеннеди начала действовать очень рано и очень быстро, Джонсон потерпел поражение на съезде в Лос-Анжелесе после борьбы, носившей отпечаток личной ожесточенности»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁶ «Observer», Nov. 24, 1963.

¹⁰⁷ «New York Journal American», Nov. 27, 1963.

¹⁰⁸ «Observer», Nov. 24, 1963.

Автор книги «Как делают президента» Теодор Уайт, рассказывая о том, что происходило за закрытой дверью «Балтимор отеля», где в 1960 году вдали от посторонних глаз решался вопрос о том, кто будет выдвинут во главе списка демократической партии, пишет: «Большинство считало, что кандидатом на пост вице-президента будет или сенатор Генри М. Джексон от штата Вашингтон, или сенатор Стюарт Саймингтон от штата Миссури. Ни для кого не было секретом, что борьба за выдвижение кандидатом в президенты вызвала взаимное ожесточение между Кеннеди и Джонсоном». Между тем, по словам Уайта, мысль о выдвижении Джонсона кандидатом в вице-президенты первоначально зародилась именно у Кеннеди. И он сам позвонил в номер Джонсона в «Балтимор отеле» в 8 часов утра, чтобы обсудить эту идею. Когда эта новость распространилась, лидеры демократов из больших городов пришли к выводу, что это — подходящая кандидатура как для страны, так и с точки зрения списка кандидатов демократической партии. Однако профсоюзные лидеры, в том числе Уолтер Рейтер, «яростно и категорически» выступили против Джонсона. Они считали, что он отпугнет негров, голоса которых имели важное значение на Севере. Даже южане в партии разошлись во мнениях, когда Джонсон лично проконсультировался с их лидерами. Один деятель изложил свое мнение с чисто техасской непосредственностью. «Скажу вам, Линдон, — заявил он, — пост вице-президента не стоит выеденного яйца». Говорят, что причиной, окончательно побудившей Джонсона согласиться на выдвижение его кандидатуры на пост вице-президента, от чего он ранее, как полагали, отказался бы, была уверенность в том, что Кеннеди действительно хочет этого. И большинство теперь полагает, что решение Кеннеди было основано на простом политическом расчете: он был убежден, что список кандидатов, в котором будет фигурировать Джонсон, соберет наибольшее количество голосов¹⁰⁹.

Западная печать, перебирая личные качества Л. Джонсона, стремится предугадать, как эти качества отразятся на его деятельности на посту президента. Разнойой в этом вопросе немалый, но есть то, на чем сходится большинство знающих Джонсона. Вот характеристи-

---

¹⁰⁹ «Observer», Nov. 24, 1963.

ка журналиста Бэйкера, много лет прошедшего в Вашингтоне в качестве обозревателя столичного отделения «Нью-Йорк таймс мэгэзин»: «„Прагматик“ — не то слово, которое предпочел бы Линдон Джонсон; он скорее скажет, что руководство страной — это „искусство возможного“». Однако, независимо от терминологии, и он, и Дж. Кеннеди руководствовались в этом смысле одними и теми же соображениями. И именно поэтому, несмотря на то, что стиль Дж. Кеннеди отличался блеском, очень скоро стало очевидно, что правительство Кеннеди будет придерживаться принципиально той же философии, которую проводило бы и правительство Джонсона, одержи он верх в их борьбе в 1960 году. В самом деле, в своем подходе к внутривластным проблемам Кеннеди, очевидно, лишь использовал опыт, который он приобрел на последней скамье в сенате, когда Джонсон, будучи его лидером, демонстрировал там „искусство возможного“.

Характеризуя качества, продемонстрированные Джонсоном на посту лидера демократической партии в сенате, газета «Обсервер» писала: «Талант Джонсона состоял в умении молниеносно производить сложные выкладки относительно того, в чем заинтересован каждый, в мельчайших подробностях знать привычки, взгляды и даже местопребывание каждого. Были случаи, когда он рассылал своих посланцев на юг и на запад, чтобы доставить свое войско на полицейских машинах и на реактивных самолетах на какое-нибудь решающее голосование»¹¹⁰. Но за обаянием неторопливого человека, за приветливостью хорошего товарища и шутками, отпускаемыми с типично тexasским акцентом, скрывался не только острый и проницательный ум политика. Он способен был допоздна сидеть над бумагами, изучать законопроекты, поправки и списки для голосования. Джонсон любит работать втихомолку¹¹¹.

---

¹¹⁰ «Observer», Nov. 24, 1963.

¹¹¹ Вот как описывал обстановку, в которой работал Л. Джонсон, будучи лидером демократов в сенате, его биограф Риггс: «В огромных комнатах с высокими потолками работают Джонсон и три или четыре секретаря. Уже первая комната поражает своей величиной; если исходить из обычных норм, то это всего лишь место, где трое секретарей принимают лиц, желающих повидаться с тexasцем. К ней примыкает вторая комната, которую иначе, как необозримой, не назовешь. Посетитель, войдя, видит Джонсона на расстоянии многих ярдов от себя, восседающим за огромным письменным сто-

«Его напористость в политике и руководящей деятельности в парламенте объясняется тем, что его интересует не процесс борьбы, а только победа. Он просто не считает возможным потерпеть поражение, как бы искусно ни велась борьба. Из этого, естественно, вытекает, что он предпочитает не вступать в борьбу, если не видит надежных шансов на победу. Он скорее пойдет на компромисс, чтобы кое-что выиграть, нежели действовать по принципу «все или ничего». Все же, обладая такими свойствами, Линдон Джонсон, бесспорно, создал себе за время пребывания на посту лидера демократов в сенате репутацию самого влиятельного и компетентного парламентского руководителя, какого когда-либо имел Вашингтон»¹¹².

Официальный биограф Джонсона считает характернейшим его качеством как политика умение достигать соглашения, политическую осторожность. Джонсон, по его словам, любит цитировать слова из пророка Исайи, которые очень нравились его отцу: «Тогда придите — и рассудим». Любимые прилагательные Джонсона — это «осторожный», «разумный» и «ответственный», а его доктрина заключается в том, что разумные люди, желающие проявить ответственность, могут посредством осторожных действий достигнуть положительных результатов, не разрывая друг друга.

О распорядке работы Джонсона в Белом доме рассказывает Джозеф Олсоп, журналист, входящий в резиденцию американских президентов и хорошо знающий ее закулисную жизнь: «Президент все еще сохранил приобретенную в дни его юности в Техасе привычку проводить время на лоне природы, и поэтому наиболее значительную часть своего рабочего дня он проводит вне своего кабинета в Белом доме. Президент встает в 6 часов 30 минут утра. Его помощник и друг техасец Джек Валенти будит его по утрам для утреннего чая и подает ему утренние газеты, список дел на данный день и различные бумаги и документы. Целых два часа — с 6. 30 до 8. 30 —

лом. Пастельно-зеленая обивка стен обеих комнат глушит треск пишущих машинок и телефонных звонков. Шторы цвета «грязного золота» закрывают высокие окна. Телефоны зеленые. Царственная обстановка настраивает посетителя на соответствующий лад («Candidates 1960. Behind the Headlines in the Presidential Race».)

¹¹² «Sunday Times», Nov. 24, 1963.

отведены для чтения: четвертая часть этого времени — для чтения газет, а остальное время — для ознакомления со списком дел на данный день и размышлений над краткими заметками о том, что предстоит сделать завтра. У президента давно выработалась привычка записывать это для себя. Лишь после этих двух спокойно проведенных часов начинается бурный темп, который сохраняется, пока президент остается в служебных помещениях Белого дома. В конце дня, однако, этот темп замедляется, когда наступает время поплавать по настоянию врачей 20—30 минут в бассейне Белого дома. Ближайших сотрудников приглашают, так сказать, на берег, и в то время, как президент купается в бассейне, в неофициальной обстановке обсуждаются текущие дела и проблемы. Обед, на котором часто присутствуют несколько друзей, заканчивается в 10 часов вечера, и, таким образом, остается еще час или более для спокойного чтения перед сном. Такой распорядок дня представляет интерес лишь потому, что он показывает, что для размышлений и раздумий остается гораздо больше времени, чем это можно было предположить, судя по бурному темпу более официальной части дня Джонсона, но именно в силу этой причины такой распорядок, несомненно, представляет большой интерес»¹¹³.

Говоря о личном состоянии Л. Джонсона, печать приводит различные данные, но все обозреватели сходятся на том, что оно составляет несколько миллионов долларов. Хорошо информированная в делах бизнеса «Уолл-стрит джорнэл» пишет: «Близкие друзья Джонсона обычно отмечают интерес его к бизнесу, основываясь на том, как он ведет свои дела на принадлежащих ему ранчо и ферме».

О том, как Джонсон действует в качестве владельца большого ранчо в Техасе, рассказал один из ведущих американских обозревателей Д. Рестон, наблюдавший за ним, когда Джонсон, будучи уже президентом, проводил в Техасе рождественские праздники. «В прошлое воскресенье, — писал Рестон 8 января 1964 г. в «Нью-Йорк таймс», — он проезжал в автомобиле по техасской автомагистрали мимо фермы, расположенной через дорогу от его собственной. Держа одну руку на руле, он поднял труб-

---

¹¹³ «New York Herald Tribune», Dec. 13, 1964.

ку своего радио-телефона, вызвал управляющего своего ранчо и предложил ему прозондировать возможность покупки этой фермы. Однако это не все. Он захотел узнать, где сейчас находится управляющий, сколько минут ему потребуется, чтобы добраться до фермы, и сколько, чтобы вернуться назад. Он потребовал и получил доклад в 2 час. 45 мин. пополудни — за 15 минут до того, как вылетел в Остин, чтобы встретиться с губернатором штата».

Джонсон активно участвует в деловых предприятиях. «Линдон Джонсон знает цену денег, потому что именно ради них он упорно трудился всю свою жизнь», — утверждает вице-президент «Америкен нэшнел бэнк» Миллер. «Вы не можете одержать верх над ним в какой-либо деловой сделке, — говорит он, вспоминая, как его отец в начале 40-х годов покупал шерсть у Джонсона. — Линдон так торговался из-за цены, что отец как-то сказал ему: „Линдон, продавая шерсть, вы тратите больше времени, чем выращивая своих овец“».

С тех пор, как Джонсон стал президентом, он и его жена доверили большую часть своей собственности опеке различных юридических фирм. Сюда относится «ЛБД компани», во владении которой находятся единственная телевизионная и радиовещательные станции; 5 тыс. акров нетронутых земель и скот, принадлежавший Джонсону. Президенту лично принадлежат облигации, выпущенные муниципалитетом, дом на его ранчо близ Джонсон-сити и 40 акров земли.

В частности, опеке были доверены 28 акров земли в жилом квартале Остина. Один из коллег Джонсона по предпринимательской деятельности рассказывает, что президент купил эту землю в конце 30-х годов, заплатив почти по 300 долл. за акр. По его мнению, в настоящее время эта земля стоит 20 тыс. долл. за акр. Госпоже Джонсон принадлежит в Алабаме свыше 3 тыс. акров земли под строевым лесом и хлопком, доставшихся ей в наследство.

Будучи вице-президентом, Джонсон уделял большое внимание своему ранчо. Один из его близких знакомых вспоминает, как он увидел Джонсона в декабре 1960 года на аукционе быков в Сан-Антонио. «Линдон стоял спиной, он был в широкополой шляпе, надвинутой на лоб, и очках, не похожих на те, которые он обычно носит.

Я подошел к нему, хлопнул его по спине и сказал: „Эй, Линдон”. Он сердито взглянул на меня, отпрянул назад. „Тихо, — сказал он, — я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я здесь“»¹⁴.

Значительная часть имущества Джонсонов принадлежит его жене. «Ее дед был одним из крупнейших землевладельцев Алабамы. Благодаря наследству, оставленному четырмя членами ее семьи, и собственной проницательности, с которой она распоряжается этими дарами, г-жа Джонсон обладает состоянием, исчисляющимся примерно в 1 млн. долл. Она владеет лесными угодьями и хлопковыми плантациями площадью около 4 тыс. акров, которые оцениваются в 100 тыс. долл. Она владеет радио- и телевизионными станциями в Остине, Уэйко и Рио Гранде Вэлли. В 1942 году она заплатила 19 тыс. долл. за дом Джонсонов в Вашингтоне. Любой торговец недвижимостью в округе Колумбия посмеялся бы над человеком, который бы ныне предложил за этот дом только вдвое больше»¹⁵.

Следует отметить, что г-жа Джонсон играет активную роль в деятельности своего мужа. В ходе избирательной кампании 1964 года совершает поездки по стране и выступает с речами. В частности, в начале 1964 года, еще до того как Л. Джонсон начал официальную кампанию, она посетила Пенсильванию, где выступила на ряде предвыборных собраний. Агентство ЮПИ, сообщая об этом, подчеркивало: «Г-жа Джонсон показала себя преданным соратником своего мужа в его предвыборной кампании: она широко общалась с массами, целовала младенцев и посылала воздушные поцелуи их родителям. Ее поездка в Пенсильванию свидетельствует о том, что в осуществлении обязанностей „первой дамы государства“ она намерена перенять некоторые из методов покойной Элеоноры Рузвельт. Г-жа Рузвельт часто предпринимала специальные поездки в различные города США для того, чтобы укрепить популярность своего мужа»¹⁶.

Выстрелы в Далласе вызвали замешательство не только на политической арене, но и в деловых кругах.

¹⁴ «Wall Street Journal», Dec. 11, 1963.

¹⁵ «Candidates 1960. Behind the Headlines in the Presidential Race», p. 281.

¹⁶ «New York Times», Jan. 11, 1964.

Однако положение быстро стабилизировалось. И далеко не последнюю роль в этой стабилизации сыграло отношение деловых кругов к переменам в правительстве и, в частности, к Л. Джонсону. Как известно, сообщение об убийстве Кеннеди привело к настолько резкому падению курса акций, что нью-йоркская биржа была закрыта. Но спустя три дня, когда Л. Джонсон был уже в Белом доме, зарегистрирован самый большой подъем курса акций за три последних десятилетия. То, что акции поднялись на 11 пунктов выше точки, с которой после известия о смерти Кеннеди началось падение, свидетельствовало о доверии деловых кругов к новому президенту.

Виднейшие лидеры большого бизнеса не замедлили выступить с прямой поддержкой нового президента. Так, Генри Форд-второй в просторном интервью выразил уверенность, что правительство Джонсона будет дружественным к бизнесу. Обычно поддерживавший на выборах республиканцев, Форд дал понять, что на этот раз он, по всей вероятности, будет поддерживать Джонсона ¹¹⁷.

Председатель Американской торговой палаты Эдвин Нейлен, известный как республиканец, выступая по телевидению, также сказал, что на сей раз будет поддерживать Джонсона. Он заявил, что «многие предприниматели одобрили то, как Джонсон приступил к выполнению своих обязанностей в Белом доме» ¹¹⁸.

Стремясь заручиться поддержкой деловых кругов, Л. Джонсон первые же свои шаги, в частности представленный им конгрессу проект бюджета на 1964/65 год, а также налоговую реформу, разработанную еще Кеннеди, обсудил на совещании с 90 крупнейшими промышленниками и финансистами, которые были с этой целью приглашены им в начале января 1964 года на обед в Белый дом. В числе приглашенных на эту встречу были председатель «Гаранти траст компани» Генри Александер, председатель правления компании «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Роджер Блоу, президент нью-йоркской фондовой биржи Кейт Фанстон, президент компании «Дюпон Е. И. де Немур» Кроуфорд Гринуолт, председатель «Америкен телефон энд телеграф компани» Фре-

---

¹¹⁷ «Detroit News», Dec. 15, 1963.

¹¹⁸ «New York Times», Dec. 13, 1963.

дерик Каппел, который возглавляет Консультативный совет промышленников.

Агентство ЮПИ, сообщившее об этой встрече, писало, что на беседах присутствовали государственный секретарь Дин Раск, который рассказал о международном положении, министр обороны Роберт Макнамара, который остановился на бюджете Пентагона, министр финансов Дуглас Диллон, который доложил о предстоящем снижении налогов и его влиянии на экономику. Министр торговли Лютер Ходжес и министр труда Уритц остановились на экономических проблемах, так же как и Уолтер Хеллер — председатель Экономического совета при президенте.

Подобный образ действий, а главное содержание правительственных программ не замедлили сказаться усилением поддержки деловых кругов. Сразу же после того, как в начале января Джонсон обратился к конгрессу со своим первым посланием «О положении страны», содержащем, в частности, его налоговую программу, руководители делового мира объявили о своей поддержке правительственной программы. О том, как расценивалась эта программа в деловых сферах, можно судить, в частности, по заявлению, сделанному одним из руководителей НАП Стюартом Сандерсом: «Послание президента знаменует собой поворотный пункт в нашей истории. Его решительное выступление за сокращение расходов правительства наряду со снижением налогов ясно показывает, что будет сделан новый упор на частный сектор нашей экономики. Это как раз то, чего длительное время добивались предпринимательские круги. На деловых людях Соединенных Штатов лежит сейчас обязанность показать, что этот подход даст большую и лучшую экономику»¹¹⁹.

О поддержке программы Джонсона заявили руководитель моргановской «империи» Александер, вице-президент Ассоциации американских банкиров Уокер, председатель «Инлэнд стил компани» Блок и ряд других виднейших представителей деловых кругов.

И, наконец, несколько слов о взглядах и позициях Л. Джонсона по различным проблемам и вопросам. В статье «Моя политическая философия», написанной

---

¹¹⁹ «New York Times», Jan. 9, 1964.

Джонсоном в 1958 году и воспроизведенной «Нью-Йорк таймс» после того, как он стал президентом, Джонсон писал: «Я либерал, консерватор, техасец, налогоплательщик, фермер, предприниматель, потребитель, отец семейства, избиратель, человек, уже не столь молодой, как когда-то, но и не такой старый, каким, очевидно, еще буду»¹²⁰. Вслед за этим ироническим вступлением Джонсон формулирует то, что он называет «основами моих собственных убеждений», «конкретными основаниями моей собственной философии». Он пишет: «Во-первых, я считаю, что каждый американец может сказать что-то свое и, согласно нашей системе, имеет право на то, чтобы его выслушали. Во-вторых, я считаю, что всегда имеется национальный ответ на каждую национальную проблему, и, исходя из этого, я не думаю, что у каждого вопроса имеется неизбежно две стороны. В-третьих, я считаю, что полное использование всех наших ресурсов — материальных, людских и других — является высшей целью правительственной политики после защиты тех прав, которые мы считаем неотъемлемыми. В-четвертых, я считаю расточительство постоянным врагом нашего общества и предотвращение расточительства, то есть разбазаривание ресурсов, людей или возможностей, — наиболее неотложной задачей нашего правительства. Согласен, что эти основы очень просты. Конечно, они сугубо индивидуальны. Я ни у кого их не заимствовал и не перенял. За 50 лет я сам выработал эти убеждения на основе собственного жизненного опыта»¹²¹. Таково несколько расплывчато и туманно изложенное кредо Л. Джонсона, кредо, предоставляющее возможности для толкований самых расширительных и мало связывающее его автора. Чтобы покончить с самохарактеристикой Л. Джонсона, приведем еще одно высказывание: «Я — прогрессист, но сторонник осторожной, не революционной прогрессивности. С другой стороны, я — консерватор, но не реакционер»¹²². Характеристика, действительно отличающаяся большой осторожностью и способная удовлетворить представителей взглядов, весьма далеких друг от друга.

Комментируя первое послание президента конгрессу, «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «В своем послании

¹²⁰ «New York Times», Dec. 1, 1963.

¹²¹ I b i d.

¹²² «L'Aurore», Nov. 26, 1963.

конгрессу «О положении страны» президент Джонсон снова проявил себя законченным мастером балансирования на туго натянутом политическом канате.

Консерваторам он предложил современное чудо — бюджет, уровень которого будет ниже, чем уровень бюджета текущего года; либералам — не только все прежние программы Кеннеди, но и провозглашение «безоговорочной войны бедности в Америке». Он отвечивал поклоны в сторону предпринимателей и в сторону профсоюзов; в сторону молодежи и в сторону престарелых; в сторону Севера и в сторону Юга; в сторону республиканцев и в сторону демократов; в сторону союзников и в сторону противников»¹²³.

Все вышесказанное дает лишь ограниченное представление о личности и позициях Л. Джонсона. Прежде всего вряд ли можно ожидать от буржуазной печати полного и объективного освещения таких позиций, а кроме того — и это чрезвычайно существенно — одно дело в американских условиях партийный политик, в роли которого Джонсон провел большую часть своей политической карьеры, и совсем другое — глава государства и правительства, на котором лежит большой груз ответственности и который должен считаться не столько со своими личными желаниями, сколько с реальным положением вещей, с политической ситуацией, в которой ему придется действовать. Но так или иначе, Линдон Бейнс Джонсон занял центральное место на американской политической арене.

8. ЛЮДИ И ПОЛИТИКА. ВЫБОРЫ 1964 ГОДА

Предвыборная кампания 1964 года чрезвычайно важна и показательна. Ее значение выходит далеко за пределы рядовых избирательных баталлий, ибо знаменует собой выход на поверхность важных политических процессов, развивавшихся до того подспудно и потому не всегда заметных.

Речь идет прежде всего о том, что в отличие от многих предшествовавших предвыборных кампаний, когда лишь очень внимательное изучение могло обнаружить пункты

---

¹²³ «New York Herald Tribune», Jan, 10, 1964.

расхождений главных буржуазных политических партий США по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики, в кампании 1964 года обнаружило себя острое столкновение двух политических течений американской буржуазии — тех ее представителей, которые в той или иной степени осознают необходимость модернизации политического курса Вашингтона, приспособлявая его к реальному положению вещей и соотношению сил, и тех «бешеных» политиков, которые наперекор всему стремятся во что бы то ни стало продолжать обанкротившуюся политику 50-х годов.

Другим важнейшим аспектом кампании 1964 года явилась ощутимая передвижка и перегруппировка сил на политической арене США, выразившаяся прежде всего в серьезных и далеко идущих изменениях внутри одной из двух ведущих буржуазных партий — республиканской.

И, наконец, третьей характерной чертой политических битв на американскую арену 1964 года является выдвижение на политическую авансцену страны ряда либо совсем новых деятелей, либо политиков, игравших до того второстепенные роли. Не все из этих новых деятелей сохранили к концу предвыборной кампании ключевые позиции в своих партиях — в конце концов основная борьба развертывалась вокруг кандидатур на посты президента и вице-президента от обеих буржуазных партий, и, следовательно, на финише предвыборной кампании внимание сосредоточилось вокруг четырех человек, по два от каждой партии. Однако это отнюдь не значит, что можно сбросить со счетов тех деятелей, имена которых назывались на различных стадиях предвыборной кампании. Как показывает опыт, именно из числа таких деятелей рекрутируются политики, которые в будущем будут играть видную роль (достаточно вспомнить карьеру Кеннеди, фигурировавшего в качестве возможного претендента на пост вице-президента в 1956 году, но отодвинутого в запас еще до съезда партии). Поэтому имеет особый смысл остановить внимание не только на официальных кандидатах обеих партий, но и на деятелях, игравших заметную роль на тех или иных этапах избирательной кампании 1964 года.

Остановимся кратко на всех трех примечательных сторонах предвыборной кампании 1964 года.

Говоря о деятельности администрации демократичес-

кой партии в период 1961—1964 годов, следует отметить, что этот период характеризовался известной незавершенностью политических программ правительства. Такое положение дел объясняется двумя обстоятельствами. Прежде всего, как выше уже отмечалось, приход к власти правительства Кеннеди совпал со сложными политическими процессами, происходящими в недрах Вашингтона и связанными с необходимостью пересмотра многих аспектов как внешней, так и внутренней политики правящих кругов США. Американский империализм оказался перед необходимостью приспособливаться к новому положению в мире, к новому уровню борьбы трудящихся США.

К концу 50-х годов все яснее стала обнаруживать себя истина, что политический курс, которому следовал Вашингтон, становился все менее и менее пригодным. В этом смысле перед администрацией Кеннеди встали задачи, незнакомые его предшественнику. Если в течение всего послевоенного периода политика правящих кругов катилась по рельсам, проложенным в первые послевоенные годы, то теперь стало очевидным, что рельсы эти ведут в тупик и поэтому американским руководителям необходимо перевести стрелки.

Очевидно, что пересмотр многих аспектов политического курса государства — процесс сложный, требующий много времени и усилий. Можно констатировать, что деятельность правительства Кеннеди пришлось как раз на такого рода переходный период, когда в недрах политического Вашингтона переоценивались и пересматривались многие концепции под углом зрения их соответствия новой обстановке, когда руководители правительства искали новые пути преодоления трудностей, со всех сторон обступивших американские монополии.

Следует отметить, что этот переходный период оказался беспрецедентно затянувшимся. Важнейшей причиной этого являются политическое влияние и экономический вес той части американской буржуазии, которая не желает считаться с духом времени, отстаивая самую авантюристическую, полностью обанкротившуюся политику «с позиции силы». Захват Голдуотером контроля над республиканской партией достаточно красноречиво говорит о силе этого наиболее реакционного крыла американской буржуазии.

Другим уже упоминавшимся обстоятельством, приведшим к тому, что у правительства демократической партии не было единой и четкой долгосрочной программы, является то, что, судя по всему, Кеннеди первый срок своего президентства рассматривал как своего рода подготовительный период. Он исходил из того, что пробудет у власти по крайней мере в течение восьми лет—два президентских срока. Поэтому едва ли не главным в своей деятельности он считал упрочение личных политических позиций и позиций партии и подготовку долгосрочной политической программы, модернизацию политического курса Вашингтона, с расчетом на то, чтобы приступить к дальнейшему осуществлению такой программы в период второго президентства, после победы на выборах 1964 года.

Политические обозреватели, близкие к Кеннеди, подчеркивали, что для осуществления программ, которые вынашивались президентом, ему были нужны прочные позиции. А между тем в начале своей деятельности Кеннеди не считал, что у него такие позиции имеются. Над ним неумолимо висело то обстоятельство, что он пришел к власти поистине микроскопическим большинством голосов.

Бывший президент Эйзенхауэр назвал свои мемуары, первый том которых вышел в конце 1963 года, весьма претенциозно — «Мандат на перемены». Как известно, особых перемен он не осуществил, но таким названием мемуарист с очевидным самодовольством пожелал подчеркнуть, что он пользовался такой поддержкой, которая давала ему мандат на перемены. Вот такого мандата, если исходить из итогов выборов 1960 года, по мнению Кеннеди, у него не было, и многие из демагогических мероприятий демократической партии были направлены к обеспечению более внушительной победы на выборах 1964 года, что дало бы большую свободу для политического маневрирования руководителям демократической партии.

Однако намерения сторонников более гибкого подхода к проблемам современности, в частности более реалистического внешнеполитического курса, натолкнулись на бешеное сопротивление тех групп американской буржуазии и ее политических ставленников, которые, слишком тесно привязав себя к военному бизнесу, завися от него

целиком и полностью, не желают и оказываются не в состоянии увидеть ничего, кроме перспективы сокращения своих барышей в случае ослабления международной напряженности, находятся в плену узколобого национализма и великодержавной спеси.

Гибель Кеннеди в конечном итоге была эпизодом той внутренней борьбы, которая раздирает американское общество и его монополистическую верхушку. Оказавшееся неожиданностью для многих выдвижение крайне правого политика Голдуотера на роль лидера республиканской партии явилось другим звеном все той же цепи. Весьма показательным то обстоятельством, что борьба этих двух тенденций явилась фактически основным содержанием избирательной кампании 1964 года, придав этой кампании беспрецедентную остроту и менее показное, чем обычная битва двух партий на картонных мечах, значение. В ходе этой кампании наглядно выявились тенденции, которые в той или иной степени будут оказывать заметное влияние на политическую жизнь США в предстоящие годы.

Далеко идущие последствия имеют и развернувшиеся в ходе кампании 1964 года события внутри республиканской партии. Выдвижение кандидатуры признанного лидера американских правых, руководителя «неандертальского» крыла партии сенатора Голдуотера в качестве ее кандидата на пост президента было расценено многими американскими политическими обозревателями либо как «сенсационная неожиданность», либо как результат интриг небольшой группы партийных политиков, сумевших обмануть большинство руководителей партии и при помощи всяческих махинаций подобрать проголдуотерское большинство партийного съезда, проходившего в середине июля 1964 года в Сан-Франциско.

Такие оценки страдают субъективизмом и нежеланием серьезно проанализировать важные процессы, происходящие в последние годы на американской политической арене. Безусловно, закулисные интриги и махинации имели место в данном случае, также, впрочем, как в ходе любой американской предвыборной кампании. Но никакими махинациями, никакими даже самыми ловкими трюками невозможно объяснить отказ от «нового республиканизма» как основополагающей партийной платформы, столь помпезно рекламировавшейся эйзенхауэров-

ской администрацией, а именно об этом в действительности и шла речь.

Результаты сан-францисского съезда республиканской партии заключались прежде всего в переходе контроля над партией в руки лидеров ее крайне правого крыла. Вряд ли достаточно искушенные политики из правого крыла республиканцев всерьез рассчитывали на победу на выборах 1964 года. Расстановка политических сил в стране не создавала для них иллюзий. Ставка делалась на другое. Речь шла о захвате руководства республиканской партии крайне правыми, о легализации деятельности «ультра», о консолидации ими своих сил в рамках одной из двух главных буржуазных партий. Если в предыдущие годы они сосредоточивали свою деятельность в нелегальных и полулегальных организациях типа «общества Джона Бэрча», «Ку-клукс-клана» и т. п., то теперь деятельность правых получила респектабельное оформление, соответствующую трибуну и позиции в Вашингтоне.

Совершенно очевидно, что это нельзя объяснить случайным оборотом дела, что речь идет о результатах серьезных процессов, происходящих в глубинах экономической и политической жизни страны. Выше уже подробно говорилось о таких факторах, оказывающих самое существенное влияние на политическую жизнь США, как рост в последние годы реакционной волны, выразившийся, в частности, в возникновении многочисленных фашистских организаций. Говорилось и о жестокой войне, которую ведут между собой старые и новые группы американского капитала. Оба эти фактора и лежат прежде всего в основе захвата руководства республиканской партии самыми правыми, наиболее реакционными элементами. Как отмечает Гэс Холл, союз реакционных сил, возглавленный Голдуотером, не следует считать просто предвыборной коалицией, «его следует считать подъемом реакционной волны фашистского типа. Его цель — не что иное, как государственная власть»¹²⁴.

Не впадая в преувеличение непосредственной опасности фашистской угрозы США на нынешнем этапе, не следует вместе с тем и недооценивать ее. Массовое разорение фермеров и мелкой буржуазии города, происходя-

¹²⁴ «Worker», July 13, 1964.

щее в условиях стремительной монополизации как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, пополняет армию отчаявшихся мелких буржуа, из среды которых фашизм всегда рекрутировал свою массовую базу. В последние годы темпы такого разорения приняли поистине огромные размеры. Об этом достаточно красноречиво говорят следующие данные: в 1952 году в США имелось 5,4 млн. ферм, в 1963 году их число сократилось до 3,58 млн. В 1952 году фермерское население страны насчитывало 21 млн. 700 тыс. человек, к 1962 году эта цифра сократилась до 14 млн. 300 тыс. человек, то есть из сельского хозяйства за одно десятилетие оказались выброшенными 7 млн. 400 тыс. человек¹²⁵. Какова их судьба, об этом, естественно, американская статистика умалчивает. К этому следует добавить сотни тысяч разоряющихся мелких и средних буржуа города. О размерах этих банкротств можно судить по следующим официальным данным. В 1962 году в США обанкротились и прекратили существование 15 тыс. 782 фирмы; в следующем году число вылетевших в трубу составило 14 тыс. 374¹²⁶. Отчаяние мелких буржуа, теряющих почву под ногами и оказывающихся не в состоянии увидеть истинные причины своих бед, является той питательной средой, той массовой базой, на которой выросли в США в последние годы сотни организаций фашистского и полуфашистского типа. А крупнейшие монополии, связавшие свою судьбу с гонкой вооружений и авантюристическим курсом «холодной войны», искусно играют на отчаянии «люмпен-буржуазии», пестуя реакционные организации, используя их для изменения политики традиционных буржуазных партий.

Нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что на сан-францисском съезде республиканцев за спиной Голдуотера оказались прежде всего заправилы монополистических объединений Дальнего Запада, Техаса и Среднего Запада. Какими соображениями политического порядка можно объяснить тот факт, что один из столпов «нового республиканизма», бывший министр финансов правительства Эйзенхауэра Джордж Хэмфри — однофамилец одного из лидеров демократов — оказывал актив-

¹²⁵ «Agricultural Statistics», 1962; «Agricultural Outlook Chart-book», 1963.

¹²⁶ «Dun's Review», 1964, Febr.

нейшую поддержку Голдуотеру? Это можно понять, лишь учитывая то, что Хэмфри является одним из основных лидеров монополистов Среднего Запада и интересы возглавляемой им группы легко взяли верх над политическими концепциями «нового республиканизма».

«Молодые» монополистические группы, сконцентрировавшие в последние полтора-два десятилетия в своих руках огромные богатства, не желают мириться с тем, что все решающие политические позиции находятся в руках их конкурентов — «старых» групп Уолл-стрита. Их первая попытка прорваться к высотам власти, когда в 1952 году на съезде республиканской партии за выдвижение на пост президента боролся ставленник монополий Среднего Запада Роберт Тафт, закончилась неудачей, хотя уже тогда уолл-стритским воротилам пришлось потесниться, предоставив пост вице-президента ставленнику калифорнийских банкиров Никсону. Прошло 12 лет, и молодые группы финансового капитала, объединив свои усилия, вырвали контроль над одной из двух главных буржуазных партий страны из рук руководителей уолл-стритской группы.

Достаточно посмотреть на список людей, стоявших за спиной Голдуотера, с одной стороны, и Скрэнтон — с другой, чтобы убедиться в том, что борьба на сан-францисском съезде республиканской партии шла именно между ставленником новых монополистических групп и фаворитом Уолл-стрита. Среди деятелей, открыто объявивших о поддержке Голдуотера, были уже упоминавшийся кливлендский миллиардер Хэмфри, тexasский нефтяной магнат Хант, руководители сан-францисского «Бэнк оф Америка». В поддержку Скрэнтон выступили Джордж Мур — президент моргановского «Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)», Нельсон Рокфеллер — один из руководителей «империи Рокфеллеров», а также и ряд других финансовых и промышленных воротил, связанных с Морганами, Рокфеллерами, Дюпонами, Меллонами и др.

В этой связи большой интерес представляет собой статья хорошо осведомленного в закулисных пружинах американской политической кухни журналиста Дрю Пирсона, опубликованная им после сан-францисского съезда. Поскольку в печати монополий не часто можно встретить высказывания, столь откровенно касающиеся

«святая святых» американской политики — взаимодействия монополий и партий, приведем выдержки из этой статьи: «Из того, как сенатор Барри Голдуотер сокрушил умеренное крыло республиканской партии в Сан-Франциско, можно сделать один важнейший вывод, — пишет Пирсон: — контроль над этой партией перешел от дома Моргана и Рокфеллера и от привилегированной аристократической интеллигенции к нетерпимым разбогатевшим выскочкам. Несмотря на разговоры прогрессивных республиканцев о том, как организовать, чтобы вновь захватить контроль над этой партией, потребуется длительное время, чтобы добиться этого. 12 лет назад консервативное крыло этой партии под руководством сенатора Роберта Тафта, либерала по сравнению с сенатором Голдуотером, вырвалось вперед, обеспечив контроль над голосами делегатов, и пришло к съезду в Чикаго в 1952 году с явным большинством. Но генерал Дуайт Эйзенхауэр, у которого не было никакого представления, о чем идет речь, вновь изменил соотношение сил в пользу либералов. Однако человеком, которому действительно удалось это сделать, был Томас Дьюи, который использовал силу «Чейз Манхэттэн бэнк» и его рокфеллеровских владельцев, влияние американских стальных магнатов, компании «Форд мотор» и других промышленников, чтобы отнять контроль у консервативного изоляционистского Запада и отдать его вновь более либеральному интернационально настроенному Востоку. Но это произошло 12 лет назад. За 12 лет в экономике страны произошли изменения, и вместе с этим произошли изменения в политической власти. Сегодня Калифорния, а не Нью-Йорк является самым большим штатом союза. Сегодня «Бэнк оф Америка» в Калифорнии, а не «Чейз Манхэттэн бэнк» в Нью-Йорке является величайшим банком в мире. Сегодня компания «Кайзер алюминум» со штаб-квартирой в Сан-Франциско является второй по величине алюминиевой компанией Соединенных Штатов, а компания «Пэсифик гэс энд электрик» — примерно в десять раз больше, чем любая другая компания коммунального обслуживания в Соединенных Штатах. Подобно этому Техас с его ракетной и электронной промышленностью, которой он частично обязан бывшему техасскому сенатору, находящемуся сейчас в Белом доме, имеет огромный экономический

вес. Новые банки, новые предприятия появились повсюду на Западе и Юго-Западе. Они больше не нуждаются в восточном капитале. Представитель уолл-стритского банка больше не может позвонить в западный банк и пригрозить замораживанием депозитов, если делегаты республиканской партии на съезде не переключаются с Голдуотера на Скрэнтона. Это можно было сделать — и это было сделано — в отношении генерала Эйзенхауэра 12 лет назад. Но больше этого делать нельзя»¹²⁷.

Свидетельство Пирсона, безусловно, авторитетно. Но есть и еще более авторитетное свидетельство. Принадлежит оно никому иному, как самому Б. Голдуотеру. Со свойственной этому деятелю прямолинейностью он в интервью с корреспондентом западногерманского журнала «Шпигель» летом 1964 года, нарушая многолетние традиции американских политиков, отрицающих какую-либо взаимосвязь между их деятельностью и интересами отдельных монополистических групп, по-салдофонски выложил все начистоту. В ответ на вопрос корреспондента, чем вызвана ожесточенная борьба внутри республиканской партии вокруг кандидатуры на пост президента, Голдуотер заявил буквально следующее: «Широко распространено мнение — и я еще ни разу не слышал, чтобы кто-либо оспаривал его, — что крупные банки, финансовая аристократия Восточного побережья почти всегда могли манипулировать при выборе республиканского кандидата. Они хотят оказывать влияние на внешнюю политику, причем не на внешнюю политику, занимающуюся проблемами войны и мира, как понимаем ее вы и я, а на внешнюю политику США в смысле процентных ставок, золотого запаса, ценных бумаг и так далее. Поскольку эти круги знают, что они не смогут меня контролировать, они стараются вытеснить меня»¹²⁸. Вряд ли можно высказаться яснее!

Таким образом, важнейшим аспектом появления Голдуотера на посту руководителя республиканской партии является то, что отныне экономическое могущество соперников Уолл-стрита «молодых» монополистических групп дополняется существенным увеличением их политического влияния.

¹²⁷ «Washington Post», July 18, 1964.

¹²⁸ «Der Spiegel», 1964, Juli 8.

Следует, конечно, иметь в виду, что переход руководства республиканской партии в руки группы Голдуотера не является завершением процесса перестановки сил внутри республиканской партии. У. Липпман, комментируя сан-францисский съезд, писал: «Борьба по главному вопросу, стоящему перед республиканской партией, развернется после ноябрьских выборов, и этот вопрос будет заключаться в том, будет ли захват Голдуотером и в этом году влияния, в смысле выдвижения его кандидатуры на пост президента от республиканской партии, подтвержден передачей партийной машины под постоянный контроль группировки Голдуотера. Нет возможности предсказать, каков будет исход этой борьбы. Но можно быть уверенным в том, что если только группировка Голдуотера не достигнет по какой-то не предвиденной сейчас причине огромных размеров, то она составляет немногим более 25% общего числа американских избирателей. Республиканизм в варианте Голдуотера, если он добьется постоянного господства над партийным аппаратом, приведет к тому, что партия значительно сократится и возрождение подлинно двухпартийной системы в этой стране будет зависеть от развития событий в демократической партии, которые сейчас нельзя предвидеть»¹²⁹.

За витиеватыми фразами старейшего политического обозревателя США, в течение десятилетий связанного с уолл-стритскими банками, и в частности с группой Морганов, нетрудно разглядеть твердое намерение Уолл-стрита не сдавать без боя ключевые позиции в республиканской партии и сохранить безраздельный контроль в демократической. Главная борьба еще впереди. Не случайно Уильям Скрантон отверг идею выставить свою кандидатуру на пост вице-президента по списку Голдуотера. Он явно намеревается стать одним из деятелей, под руководством которых уолл-стритская группа будет бороться за сохранение руководящего положения в республиканской партии.

Поражение Уолл-стрита на сан-францисском съезде не носит окончательного характера и предвещает острую политическую борьбу внутри республиканской партии в предстоящие годы. Можно с уверенностью сказать, что ареной этой борьбы будет и демократическая партия,

---

¹²⁹ «New York Herald Tribune», July 16, 1964.

где группировка диксикратов явно и определенно тяготеет к «молодым» монополистическим группам, и прежде всего к миллиардерам Юга. Таково одно из важнейших обстоятельств, связанных с избирательной кампанией 1964 года.

И, наконец, в связи с третьим из упомянутых выше обстоятельств здесь целесообразно несколько подробнее остановиться на политических фигурах, сыгравших ведущую роль в ходе этой предвыборной кампании. До гибели Дж. Кеннеди положение дел в демократической партии не вызывало каких-либо сомнений. Было ясно, что он будет фигурировать во главе списков демократов на осенних выборах. Выстрелы в Далласе привели к серьезным политическим и персональным передвижкам не только в демократической, но и в республиканской партии.

Что касается демократической партии, то кандидатура на пост президента не вызвала в ней особой борьбы. Ее бесспорным кандидатом стал Л. Джонсон. Это связано с рядом обстоятельств. Прежде всего такова политическая традиция. Обычно вице-президент, заступивший на пост президента ввиду его смерти, на очередных выборах выдвигается партией на пост президента. Человек, уже находящийся в Белом доме, имеет преимущество перед человеком, только еще стремящимся туда попасть. В руках президента политическая машина правящей партии, что отдает в его руки национальный конвент партии, выдвигающий за несколько месяцев до выборов кандидатуру на пост президента. Политические стратеги демократов, решая вопрос о кандидатуре на пост президента, помимо всего прочего, руководствовались американской пословицей, гласящей, что «во время переправы лошадей не меняют». К этому следует добавить, что Л. Джонсон очень быстро взял в свои руки партийный аппарат. Уже вскоре после его прихода в Белый дом «Нью-Йорк таймс» констатировала: «Энергичная хватка, которую Линдон Джонсон продемонстрировал, практически исключила возможность обсуждения в его партии других кандидатур на пост президента. Призом для честолюбивых демократов в 1964 году будет пост вице-президента»¹³⁰.

И действительно, основная борьба в демократической

---

¹³⁰ «New York Times», Dec. 29, 1963.

партии развернулась вокруг поста вице-президента. После гибели Кеннеди появились дополнительные психологические факторы, сделавшие борьбу за пост вице-президента особенно острой, тем более что американская печать в ходе предвыборной кампании, как бы подогревая претендентов, всячески муссировала разговоры об уже не первой молодости Джонсона, о тяжелом сердечном приступе 1955 года.

Накануне съезда демократической партии в списке претендентов на пост вице-президента находились следующие имена: брат покойного президента, министр юстиции в его правительстве Роберт Кеннеди; постоянный представитель США в ООН Эдлай Стивенсон, дважды возглавлявший список партии на выборах; сенатор Губерт Хэмфри — один из лидеров так называемого «либерального» крыла демократической партии, один из главных соперников Дж. Кеннеди в ходе предвыборной кампании 1960 года; директор «Корпуса мира» Серджент Шрайвер — зять покойного президента Кеннеди, женатый на его сестре; министр обороны Роберт Макнамара; заместитель министра торговли Франклин Д. Рузвельт-младший — сын президента Ф. Рузвельта, один из деятелей «либерального» крыла демократической партии; губернатор Калифорнии Эдмунд Браун; сенатор от штата Миннесота Юджин Маккарти; сенатор от штата Коннектикут Абрахам Рибиков; сенатор от штата Миссури Стюарт Саймингтон; мэр Нью-Йорка Роберт Вагнер. Это, так сказать, основные кандидатуры. Назывались также имена государственного секретаря Дина Раска, заместителя государственного секретаря Аверелла Гарримана, сенатора от штата Огайо Фрэнка Лауше, сенатора от штата Вашингтон Генри Джексона. Свой выбор Джонсон остановил на Губерте Хэмфри.

Такова основная «обойма» политических лидеров демократической партии. И независимо от того, кто из них в тот или иной момент силой различных обстоятельств выдвигается на первый план, каждый из этих деятелей в первой половине 60-х годов играет в демократической партии заметную роль и в любую минуту может оказаться в фокусе политического внимания.

Многие из числа вошедших в список претендентов на пост вице-президента из демократической партии уже упоминались на страницах этой книги.

Говорилось и о сенаторе Губерте Хэмфри, впервые открыто высказавшем свои претензии на высший государственный пост в стране и на руководство демократической партией в ходе предвыборной кампании 1960 года. Уже в тот период этот один из наиболее гибких и искусных политиков демократической партии рассматривался как видная политическая фигура. Его главными преимуществами считаются тесные отношения с профсоюзной верхушкой, репутация сторонника либеральных программ социального обеспечения, медицинского обслуживания престарелых и т. д. Известно, что именно Хэмфри, тогда еще начинающий политик, в 1948 году был автором внесенного, вопреки сопротивлению Трумэна, в предвыборную платформу партии пункта о гражданских правах негров. Все это дало основания политическим наблюдателям рассматривать Г. Хэмфри как политика, считающего целесообразным защищать позиции крупной буржуазии при помощи гибких методов, тщательно дозированных уступок трудящимся массам во имя главного — упрочения экономических и политических позиций монополий.

Именно это и привлекло в ходе кампании 1964 года к Хэмфри внимание южанина Джонсона, стремившегося получить поддержку профсоюзов и либеральных кругов Севера.

Говорилось выше и о Роберте Кеннеди. Избрание Роберта Кеннеди в 1964 году сенатором от штата Нью-Йорк связывают с его далеко идущими политическими планами в кампаниях 1968 и 1972 годов. Однако в этом списке есть несколько новых имен деятелей, вышедших в партии на первый план лишь в последние годы. К их числу относятся прежде всего приобретший большое влияние С. Шрайвер, а также губернатор Калифорнии Э. Браун, о которых следует сказать несколько подробнее.

Серджент Шрайвер родился 9 ноября 1915 г. в Уэстминстере, штат Мэриленд, в семье банкира (вице-президента одного балтиморского банка). Шрайверы — старинная семья, обосновавшаяся в Мэриленде еще в XVII веке и разбогатевшая здесь на мукомольном промысле и производстве жестяной тары. Серджент Шрайвер окончил в 1938 году Иэльский университет, получив диплом бакалавра искусств и права. Занявшись жур-

налистикой, стал помощником редактора влиятельного еженедельника «Ньюсуик».

В 1946 году Шрайвер познакомился с бывшим послом США в Англии и бывшим председателем комиссии по вопросам ценных бумаг и биржи Джозефом Кеннеди — отцом будущего президента. С этого времени он тесно связан с деловыми и политическими предприятиями семейства Кеннеди. В 1948 году Джозеф Кеннеди сделал его помощником генерального управляющего Торгового рынка в Чикаго (центра, принадлежащего семейству Кеннеди); Шрайвер занимал этот пост в течение 12 лет, принимая самое активное участие в городских делах Чикаго и политической жизни штата Иллинойс. Как видный деятель штата, он был одним из возможных кандидатов на пост губернатора Иллинойса от демократической партии. В 1953 году он женился на дочери своего босса Юнис Кеннеди — сестре Джона, войдя, таким образом, в «клан Кеннеди»¹³¹.

В 1960 году Серджент Шрайвер включился в предвыборную кампанию своего шурина, сенатора Джона Ф. Кеннеди, добивавшегося поста президента США. Шрайвер занимался в процессе этой кампании вопросами межрасовых отношений; наблюдатели отмечали, что Дж. Кеннеди был обязан ему большим числом поданных за него голосов негров.

После того как Дж. Кеннеди в январе 1961 года вступил на пост президента США, Шрайверу было поручено разработать план создания так называемого «Корпуса мира» — организации, члены которой направляются на работу в экономически слаборазвитые страны под предлогом оказания «помощи» населению этих стран, а фактически с целью осуществления неокOLONиалистской политики американского империализма. На основании представленного Шрайвером доклада президент Кеннеди указом от 1 марта 1961 г. учредил «Корпус мира», а

---

¹³¹ Юнис Кеннеди-Шрайвер активно участвует в политической жизни страны. В 1957 году она вместе с мужем была одним из организаторов проходившей в Вашингтоне национальной конференции по вопросам детской преступности. Участвовала во всех предвыборных кампаниях своего брата Джона Кеннеди, когда он баллотировался в палату представителей, в сенат и, наконец, на пост президента. Летом 1963 года она сопровождала президента Кеннеди в его поездке по европейским странам.

4 марта того же года назначил своего зятя Шрайвера директором корпуса. Корпус является полуавтономным органом при государственном департаменте, и пост Шрайвера приблизительно соответствует посту помощника государственного секретаря. Став президентом, Джонсон активно использует Шрайвера для выполнения важных миссий. В январе 1964 года, совершая свою очередную инспекционную поездку по странам, входящим в сферу деятельности «Корпуса мира», Шрайвер выступал в роли личного представителя президента Джонсона перед главами некоторых государств, которые он посетил. Шрайвер, в частности, передал послание президента папе римскому Павлу VI, совершавшему паломничество в Палестину.

Имя Брауна приобрело известность в последние годы. Эдмунд Джералд Браун родился в городе Сан-Франциско (штат Калифорния) в 1905 году. В 1927 году Э. Браун окончил юридический факультет университета в Сан-Франциско и начал заниматься частной юридической практикой.

В 1954 году он с большим успехом был вторично избран прокурором штата Калифорния, а в 1958 году был избран губернатором штата. В XX веке это лишь второй случай, когда на посту губернатора Калифорнии оказался демократ. Своими успехами Браун обязан ораторским данным, большой политической ловкости, умению подлаживаться под настроения масс, что сделало его одним из деятелей так называемого «либерального крыла» демократической партии.

Политическая звезда Э. Брауна засветилась на небосклоне демократической партии как звезда первой величины, после того как в 1962 году в борьбе за пост губернатора штата Калифорния он сумел нанести поражение такому могущественному противнику, как бывший вице-президент США Р. Никсон.

Говоря об отношении к Джонсону со стороны профсоюзов и буржуазной либеральной интеллигенции, следует сказать, что на протяжении предыдущих лет эти отношения не были особенно дружественными. В 1960 году, когда Джонсон стремился к выдвижению своей кандидатуры на пост президента, буржуазно-либеральная организация «Американцы — сторонники демократических действий», проведя анализ различных

голосований, в которых Джонсон принимал участие в годы пребывания в сенате, пришла к выводу, что он «меньше либерал, чем некоторые другие сенаторы». Сообщалось, что в 1957 году он занимал «либеральную позицию» 54 раза из 100, в 1958 — 67 раз и в 1959 году — 58 раз из 100. По мнению лоббистов — профсоюзных деятелей, в течение 12-летнего периода он занимал такую позицию 46 раз из 100¹³². Профсоюзы не забывают, что Джонсон был среди тех сенаторов, которые голосовали за закон Тафта—Хартли. Правда, Джонсон установил в последние годы хорошие отношения с таким влиятельным профсоюзным лидером, как Д. Дубинский, что, по заявлению печати, стало для Джонсона «большим политическим авуаром» в ходе избирательной кампании¹³³. Тем не менее деятели типа Брауна, Стивенсона, Хэмфри, а также Франклина Д. Рузвельта-младшего или мэра Нью-Йорка Вагнера, входящие в руководство «либерального крыла» партии, будут в предстоящие годы играть при Джонсоне видную «балансирующую» роль.

О Барри Голдуотере, оказавшемся во главе списка республиканской партии в ходе предвыборной кампании 1964 года, а также о причинах, приведших к такому положению, выше уже говорилось. В качестве партнера по избирательному списку он выбрал доселе почти неизвестного 50-летнего члена палаты представителей Уильяма Миллера, своего политического близнеца.

Причин, по которым Голдуотер остановил свой выбор на малоизвестном в США и совсем неизвестном за пределами страны деятеле, несколько. Главная из них в том, что с 1961 года Миллер занимает пост председателя Национального комитета республиканской партии, и, хотя этот пост не имеет большого влияния на широкой политической арене, его значение в деятельности партийного аппарата довольно большое. Судя по всему, Миллер сыграл важную роль в привлечении партийных функционеров на местах на сторону сенатора от Аризоны. Но, делая этого чисто партийного политика своим партнером по избирательному списку, Голдуотер не только платил долги. Он готовился к дальнейшей деятельности, ибо независимо от результатов выборов 1964 года своей

---

¹³² «New York Herald Tribune», Dec. 2, 1963.

¹³³ «New York Times», Dec. 30, 1963.

важнейшей задачей в предстоящий период он считает окончательный захват руководства республиканской партии, и Миллер, используя свой пост руководителя партийного аппарата, может оказать в этом немалую помощь.

Имело значение и то, что Миллер католик и коренной житель Нью-Йорка. Первое могло, по мысли партийных заправил, дать списку республиканцев дополнительные голоса избирателей-католиков¹³⁴, а второе было на местный патриотизм жителей самого крупного штата страны, учитывая то обстоятельство, что Голдуотер происходит из небольшого штата Аризона.

В политическом отношении Уильям Эдвард Миллер — двойник Голдуотера. Родился он в 1914 году в семье нью-йоркского служащего, по образованию — юрист. Хотя в качестве одного из клерков американской группы он участвовал в работах Нюрнбергского процесса, по признанию американской печати, «на юридическом поприще он мало чем себя проявил»¹³⁵. В 1950 году был избран членом палаты представителей, где обосновался на крайне правом фланге. Взгляды, высказываемые Миллером, носили настолько реакционный характер и столь явно расходились с настроениями избирателей, за него голосовавших, что на пороге предвыборной кампании 1964 года, понимая, что он не может рассчитывать на их поддержку, Миллер объявил, что намерен закончить свою карьеру парламентария и вернуться к юридической практике. Как отмечал журнал «Тайм», «принятое в Сан-Франциско решение Голдуотера уберегло Миллера от этой судьбы»¹³⁶. В одном из первых же своих выступлений в качестве кандидата на пост вице-президента Миллер обескуражил даже консерваторов вызвавшим скандал заявлением о том, что Голдуотер и он с благодарностью примут поддержку «общества Джона Бэрча» и «Ку-клукс-клана»¹³⁷.

Заслуживают, чтобы сказать о них подробнее, и ряд других деятелей республиканской партии, хотя и не сумевших оказаться во главе партийного списка, но вы-

---

¹³⁴ Б. Голдуотер принадлежит к евангелической церкви.

¹³⁵ «Time», 1964, July 24.

¹³⁶ *Jbid.*

¹³⁷ «New York Times», Aug. 2, 1964.

шедших на авансцену в ходе предвыборной кампании, претендующих в предстоящие годы на самостоятельную роль.

К числу таких деятелей относится в первую очередь Уильям Уоррен Скрэнтон, впервые приобретший широкую известность в ходе этой предвыборной кампании и претендующий на то, чтобы возглавить в партии проуолл-стритское крыло, бросая вызов голдуотерскому руководству.

Среди ряда кризисов, переживаемых республиканцами — крупнейшей партией американского большого бизнеса, едва ли не наиболее острый — это кризис руководства. Некоторые американские обозреватели склонны связывать провал республиканцев в 1960 году с тем, что демократическая партия сумела обновить и омолодить свое руководство, выдвинуть на первый план «команду Кеннеди», а республиканцы этого не сделали. В послевыборный период один за другим сошли со сцены ведущие республиканцы, на протяжении десятилетий игравшие первые роли в партийной машине: Гувер, Тафт, Ванденберг, Уилки, братья Даллесы, Дьюи и замыкающий этот ряд Эйзенхауэр. А между тем в минувшие годы в дряхлеющей партии не выдвинулось крупных деятелей общенационального масштаба. Проблема лидеров стала в республиканской партии актуальнейшей. Под знаком поиска новых людей, способных пустить в ход заржавевший партийный механизм, и развивалась предвыборная кампания республиканской партии в 1964 году.

И если «неандертальское» крыло партии в качестве нового своего лидера назвало Голдуотера, то так называемые «умеренные республиканцы» решили сделать свою ставку тоже на совершенно новую в партийной верхушке фигуру Скрэнтона. Связанные с Уолл-стритом органы печати дали Скрэнтону титул «Кеннеди республиканской партии». Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал в ноябре 1962 года в этой связи: «Человек, избранный губернатором Пенсильвании, и президент сходны в трех своих качествах: оба молоды, оба, несомненно, богаты и оба взлетели вверх на политическом поприще со скоростью метеора».

Очевидные параллели между Скрэнтоном и Кеннеди действительно неизбежны. Как сообщает американская печать, их жизненные пути соприкасались достаточно

часто, чтобы между ними были отношения, более близкие, чем шапочное знакомство¹³⁸.

Одногодок Кеннеди, Скрэнтон происходит из семьи потомственных предпринимателей штата Пенсильвания. Его отец владел десятком металлургических и машиностроительных компаний и банков. О могуществе этой семьи можно судить хотя бы по тому, что город, разросшийся вокруг принадлежащих ей заводов, значится на американских географических картах (по образцу родовых имений средневековой аристократии) городом Скрэнтон.

Уже после гибели Кеннеди, говоря о шансах Скрэнтонна, «Нью-Йорк таймс» писала: «Пенсильванский губернатор в некотором смысле напоминает покойного президента Кеннеди. Молодой, красивый, интеллигент из высшего общества с большим личным обаянием, это такой тип кандидата, который может успешно выступать против старого, несколько консервативного профессионального политика с Юга»¹³⁹. Скрэнтон родился 19 июля 1917 г. в Мэдисоне (штат Коннектикут). Учиться он был послан в Новую Англию, а потом он поступил на факультет права Йелского университета. Вторая мировая война прервала его учебу, и он стал пилотом транспортного самолета, некоторое время возил высокопоставленных лиц по стране, после чего командовал отрядом, перебрасывавшим все необходимое через Атлантику в Африку.

После войны Скрэнтон вернулся на Йелский факультет права. Окончив университет в 1946 году, он появился в Нью-Йорке, чтобы выяснить, может ли он подобно своим однокашникам получить предложение занять ответственную должность в большом городе (и он получил

---

¹³⁸ «Они знали друг друга еще до второй мировой войны, когда Скрэнтон ухаживал за покойной сестрой Кеннеди Кэтлин; они знали друг друга после войны настолько хорошо, что Кеннеди сделал теплую надпись на портрете, подаренном Скрэнтону перед тем, как молодой сенатор из приморского штата выставил свою кандидатуру на пост президента, а пенсильванец мечтал принять участие в политической жизни, и они уважали друг друга настолько, что стратеги Белого дома считали Скрэнтонна республиканцем, вызывающим наибольшие опасения в промежуточных выборах 1962 года, а Скрэнтон объявил в то же время за год до убийства, что сам Кеннеди непобедим» («Life», 1964, Apr. 6).

¹³⁹ «New York Times», Nov. 24, 1963.

такое предложение от компании «Дж. П. Морган энд компани»), но отказался от этой должности и вернулся домой, в Скрэнтон, чтобы принять участие в предпринимательской деятельности отца.

Семейство Скрэнтонов уже больше ста лет входит в элиту американской промышленно-финансовой аристократии. Около 1840 года Скрэнтонны, сколотив скромный капитал, отправились в Лакаванна-Вэлли в Пенсильвании, где запасы угля и железа, казалось, обещали богатство. Они открыли первую железоплавильню в деревне под названием «Слокум Холлоу»; плавильня превратилась в «Лакаванна айрон энд стил компани», которая является вехой в истории американской промышленности, а деревня превратилась в Скрэнтон.

«Кое-что из этого прошлого предстает перед взором при посещении нынешнего фамильного имения «Мэруорт», в десяти милях на север от города Скрэнтон. «Мэруорт» — одно из примечательных американских имений. Дом из 22 комнат посреди имения в 240 акров. Библиотека. Сады. Просеки. Огромный внутренний плавательный бассейн. Камин»¹⁴⁰. Так живописует жизнь скрэнтонского семейства связанный с Морганами журнал «Лайф», поместивший весной 1964 года большую статью, знакомившую американскую публику с этим моргановским протеем.

«Из окон особняка, который Скрэнтонны из Скрэнтон построили в 1870 году, были хорошо видны домны сталелитейной компании семьи. Недалеко была расположена огромная закопченная станция железной дороги «Делавер — Лакаванна энд Уэстерн», построенной Скрэнтонами. В центре города находилась одна из двух ведущих газет «Рипабликен», принадлежащая семейству. Там же, в центре города, помещался «Ферст нэшнел бэнк» — банк, которым тоже владели Скрэнтонны. Среди холмов, куда Уортингтон Скрэнтон выезжал на пикники, раскинулось прекрасное озеро Скрэнтон, созданное семьей для местной компании по водоснабжению, которой владеют Скрэнтонны»¹⁴¹.

Личные капиталы Уильяма Скрэнтонна оцениваются в 8—9 млн. долл. Размеры капиталов, контролируемых

---

¹⁴⁰ «Life», 1964, Apr. 6.

¹⁴¹ *Ibid.*

этой семьей, неизвестны. К политике У. Скрэнтон был приобщен в раннем возрасте своей матерью Мэрджери Скрэнтон — видной деятельницей республиканской партии, с 1928 года являвшейся членом национального комитета партии, ставшей в 1936 году вице-председателем национального комитета республиканской партии, что, по словам американской печати, является «самым высоким постом, занимавшимся женщиной в американской политической истории»¹⁴².

«В доме своей матери,— пишет «Лайф»,— Скрэнтон учился политике. В девять лет он получал по телефону сведения с избирательных участков ночью после дня выборов; в 10 лет его брали в Белый дом, чтобы позвать руку Кальвину Кулиджу; однажды на летних сборах национальной гвардии Пенсильвании он получил почетные орденские планки офицера, которые ему прикололи за то, что он был сыном своей матери»¹⁴³.

Говоря о начале политической карьеры молодого аристократа-миллионера, тот же «Лайф» писал: «Весной 1959 года к нему обратился из Вашингтона, сначала из государственного департамента, потом лично, Джон Фостер Даллес. Республиканцы рыскали по стране в поисках талантливых молодых администраторов, желающих работать в Вашингтоне в последние месяцы правления Эйзенхауэра. Посол Филипп К. Кроу обнаружил имя Скрэнтона, и его шеф, государственный секретарь Даллес, следуя этому предложению, настаивал, чтобы молодой бизнесмен явился в Вашингтон и служил его личным консультантом на высшем уровне»¹⁴⁴. Затем Скрэнтон становится специальным помощником государственного секретаря Гертера. В 1960 году по предложению Эйзенхауэра он выставил свою кандидатуру в палату представителей от Пенсильвании и был избран.

Лидеры республиканской партии в поисках новых людей для руководства не прошли мимо заманчивой перспективы повторения столь удачно закончившегося для демократической партии эксперимента с быстрым выдвижением молодого миллионера. В ходе избирательной кампании 1962 года кандидатура Скрэнтона была выдвинута на пост губернатора штата Пенсильвания.

¹⁴² «Life», 1964, Apr. 6.

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ Ibid.

Комментируя далеко идущие планы республиканцев в связи с избранием Скрэнтон на пост губернатора, журнал «Тайм» писал: «Губернатор Пенсильвании — это, вероятно, самый могущественный губернатор США. Он распределяет не менее 50 тыс. должностей. Результатом является непревзойденная система однопартийной администрации победителей. Армия правительственных служащих штата знает, на кого она работает, и это превращает ее в слаженную политическую машину. В годы президентских выборов эта машина может быть использована как для того, чтобы бросить решающие голоса на чашу весов на съезде партии, так и для того, чтобы с помощью избирательных голосов определить победу того или иного кандидата»¹⁴⁵.

Выйдя на политическую авансцену, Скрэнтон показал себя довольно искусным политиком. Если Голдуотер в своей программе ориентировался не на широкие массы, а на наиболее твердолобых руководителей республиканской партии, рассчитывая, что поддержка этой клики оторванных от народа людей, политические взгляды которых достаточно красноречиво определяются кличкой «троглодиты», данной им американской печатью, окажется решающим фактором в его политической карьере, то Скрэнтон действовал более тонко. Учитывая нынешние настроения большинства американских избирателей, он стремился отмежеваться от крайних высказываний Голдуотера и откровенно авантюристических внешнеполитических программ Рокфеллера. Будучи одним из виднейших деятелей республиканской партии, Скрэнтон сплошь и рядом высказывался в поддержку мероприятий Кеннеди, зарабатывая себе репутацию «либерального республиканца».

«В конгрессе, будучи новичком в республиканской фракции, он начал с того, что голосовал вместе с Кеннеди против своей партии за расширение Комиссии законодательных предположений, а потом опять вместе с Кеннеди, против своей партии за билль о консервации ресурсов»¹⁴⁶.

Правда, Скрэнтон не забывает и о боссах своей партии, выступая время от времени с заявлениями, выдер-

---

¹⁴⁵ «Time», 1962, Oct. 18.

¹⁴⁶ «Life», 1964, Apr. 6.

жанными в духе высказываний Н. Рокфеллера и компании. Так, выступая в ходе предвыборной кампании 1964 года, он заявил, что «внешняя политика США, основанная на «балансировании на грани», является «единственной политикой, которую коммунисты, видимо, понимают». Он обратился с призывом использовать вооруженную силу «в случае необходимости», чтобы остановить распространение коммунизма в Латинской Америке. Он ратовал также за «увеличение военной и экономической помощи Южному Вьетнаму и за укрепление Атлантического союза»¹⁴⁷.

Помимо Голдуотера и Скэрнтона в ходе кампании 1964 года, так же как и в предыдущую кампанию, активную роль играл Н. Рокфеллер. Он положил на чашу предвыборной борьбы такой бесспорно весомый аргумент, как огромные капиталы своей семьи. Именно неограниченные средства позволили ему создать обширнейший личный предвыборный аппарат. Отделения этого аппарата функционировали во всех 50 штатах.

Когда после ряда неудач Рокфеллеру пришлось отступить, перейдя в лагерь сторонников Скэрнтона, американская печать попыталась объяснить его трудности некоторыми обстоятельствами его личной жизни. Речь идет о том, что не так давно на все Соединенные Штаты прогремел скандальный бракоразводный процесс Н. Рокфеллера. А затем миллионы экземпляров американских газет вновь были заполнены сообщениями о личной жизни Рокфеллера. На все лады смаковались пикантные подробности того, как губернатор Нью-Йорка «увел» жену, мать четырех детей, от мужа и сделал ее «миссис Рокфеллер № 2».

Весьма далекие от соблюдения элементарных морально-этических норм, американские политики, как и их западноевропейские коллеги, становятся ханжески-пуританскими, когда дело доходит до публичной огласки. «Если политический деятель не в состоянии обеспечить порядок в собственной семье, ему нельзя доверять управление государством»,— таково непреложное правило американской политической жизни. Само по себе оно, конечно, неплохо, но речь идет отнюдь не о действительной чистоте нравов, а лишь о соблюдении внешних при-

---

¹⁴⁷ «New York Times», Dec. 24, 1963.

личий. Н. Рокфеллер нарушил эти приличия, что, по мнению американских политических наблюдателей, серьезно снизило его шансы.

Какое-то значение эти обстоятельства действительно имели. Но решающей причиной затруднений, которые встретил Н. Рокфеллер в своем безудержном стремлении в Белый дом, явилась серьезная оппозиция этому стремлению со стороны влиятельнейших монополистических групп. Это обстоятельство сыграло значительную роль в избирательной кампании 1960 года. Оно лежало в основе перипетий избирательной борьбы 1964 года. Оно будет сказываться и в будущем, поскольку имеются все основания думать, что Н. Рокфеллер не так легко откажется от своих честолюбивых устремлений. Очевидно, однако, что ему будет нелегко, если это вообще окажется возможным, преодолеть тайное, но ошутимое противодействие Морганов и Дюпонов, Джаннини и Мэрчисонов, вовсе не приветствующих перспективу того, что их могущественный конкурент к своим огромным богатствам добавит еще и выгоды и возможности, которые представляет обладание высшим государственным постом.

Гибель Кеннеди возродила политические надежды Никсона. До этого его шансы принять участие в предвыборной кампании рассматривались весьма невысоко. Он несет на себе печать двух подряд поражений на выборах — одного в 1960 году, а другого осенью 1962 года, когда он пытался добиться поста губернатора Калифорнии. Как азартный, но нерасчетливый игрок, Никсон поставил все на карту губернаторского поста в своем родном штате. Он считал, что руководство партийной машиной одного из крупнейших штатов страны облегчит ему ведение предвыборной кампании в 1964 году и даст возможность взять реванш за поражение 1960 года. Однако эта карта оказалась битой. Откровенно реакционные политические позиции Никсона, и в частности то, что он возглавил «бешеных» во время карибского кризиса, а также то обстоятельство, что Кеннеди приложил максимум усилий для того, чтобы избавиться от опасного конкурента задолго до 1964 года, привели к тому, что отставной вице-президент тогда снова провалился.

Во всяком случае действия Никсона в 1964 году свидетельствовали о том, что этот политик все еще вынаши-

вает честолюбивые замыслы, надеясь рано или поздно возвратиться на политическую авансцену. Нет сомнения в том, что такие надежды подогреваются калифорнийскими банками, которые считают, что если их тexasским конкурентам удалось дождаться появления в Белом доме деятеля из Техаса, то почему бы им в свою очередь не попытаться достичь того же.

Среди деятелей, сыгравших на определенном этапе кампании 1964 года известную роль, следует особо остановиться на новой для республиканской партии фигуре Джорджа Ромни. Хотя он играл на сан-францисском съезде роль «темной лошадки», заготовленной на случай, если возникнет тупик в борьбе между основными претендентами, и при голосовании собрал лишь несколько десятков голосов, это деятель, который может в предстоящие годы претендовать на видную роль в партии. До 1964 года этот человек был мало известен широким кругам американцев. Зато его отлично знают в узком кругу воротил большого бизнеса. Этот худощавый человек с массивным подбородком и аккуратным пробором в послевоенные годы стяжал себе славу одного из наиболее предприимчивых и напористых бизнесменов на Среднем Западе. Происходя из религиозной мормонской семьи, Ромни с начала 30-х годов активно действует в сфере бизнеса. Начав карьеру в крупнейшей компании Мэллонов «Алюминум компани оф Америка» (АЛКОА), Ромни затем избрал в качестве поприща своей деятельности автомобильную промышленность. В 1954 году он стал председателем правления и президентом крупной автомобильной компании «Америкен моторз». В тот период компания вела трудную борьбу за существование против таких конкурентов, как компания Форда, «Дженерал моторз» и «Крайслер корпорейшн». Ромни решил обеспечить себе успех, внедрив на американском рынке не имевший до того хождения малогабаритный автомобиль. Эта операция увенчалась успехом, небольшая машина марки «Рэмблер» стала одной из наиболее распространенных в США, а прибыли компании, руководимой Ромни,—одними из наиболее крупных среди всех промышленных корпораций США.

Имя Ромни стало называться наряду с именем Макнамары, которому приписывают успехи в деятельности компании Фордов в послевоенный период и которого

Генри Форд-второй рекомендовал Кеннеди в качестве министра обороны (кстати, Ромни и Макнамара тесно связаны между собой).

Деловые связи, богатство и напористость Ромни обратили на себя внимание руководителей республиканской партии. Ему было предложено выставить свою кандидатуру на пост губернатора одного из крупнейших штатов страны — Мичигана. Победа в ноябре 1962 года в этой избирательной кампании, первой в политической карьере Ромни, превратила его в одну из крупнейших фигур республиканской партии. Его объявили восходящей звездой и одним из возможных кандидатов партии на пост президента (или вице-президента) в предвыборных кампаниях 1964—1968 годов. Своей программы как в области внешней политики, так и в области политики внутренней этот бизнесмен от политики пока не сформулировал. Однако нетрудно представить себе систему взглядов человека, пришедшего в губернаторский дворец из кабинета президента одной из крупнейших автомобильных компаний мира.

Активную роль в ходе избирательной кампании играли старые деятели партии Генри Кэбот Лодж и Гарольд Стассен. Однако, так же как и влиятельный Томас Дьюи, они в предстоящие годы будут скорее играть важную роль за кулисами, чем окажутся в состоянии претендовать на положение официальных лидеров партии.

Таковы основные действующие лица политических баталий, происходивших между двумя ведущими партиями американской буржуазии на рубеже 1964 года.

* * *

Общенациональные выборы, состоявшиеся в Соединенных Штатах 3 ноября 1964 г., завершились крупнейшим поражением голдуотеровского руководства республиканской партии. (Сам Голдуотер, погнавшись за президентским журавлем в небе, упустил и сенатскую синицу, бывшую у него в руках, — срок его полномочий в качестве сенатора истек в 1964 г.). За демократов проголосовало более 42,0 млн. избирателей, или 60,3% голосовавших, за республиканцев — свыше 26 млн. Разрыв более чем в 15 млн. голосов, а именно столько отделяло список Голдуотера — Миллера от победивших Джонсона — Хэмфри, — беспрецедентен для американской поли-

тической истории нового времени. Основной причиной столь тяжелого поражения, нанесенного избирателями голдуотеровцам, явилось то, что всю предвыборную кампанию верхушка республиканцев провела под откровенно милитаристскими и расистскими лозунгами. Даже консервативные круги, обычно поддерживающие республиканцев, на сей раз отшатнулись от Голдуотера, напуганные его безответственными высказываниями о термоядерной войне, проповедью политического экстремизма.

Можно определенно сказать, что главной причиной поражения Голдуотера и его сторонников были антивоенные настроения широких масс избирателей и их опасения, что голдуотеровцы могут втянуть США в термоядерный конфликт. Руководство демократической партии правильно уловило эти настроения и сделало основным элементом своей предвыборной стратегии лозунг сохранения мира. Завершая предвыборные выступления, за несколько часов до начала голосования Линдон Джонсон, выступая в Техасе, счел необходимым подчеркнуть: «Прежде всего я даю твердое обязательство добиваться сохранения мира, и я хочу уменьшить угрозу ядерной войны...»¹. Такая позиция и оказалась решающим фактором предвыборной кампании, которая началась выстрелами в Далласе и закончилась крупнейшим поражением тех сил на американской политической арене, которые не хотят замечать изменений, происшедших и происходящих в современном мире.

Исход выборов 1964 года будет, без сомнений, иметь далеко идущие политические последствия. Прежде всего налицо недвусмысленно выраженная воля подавляющего большинства избирателей, сплотившихся для отпора силам войны и крайней реакции. И если в предвыборной кампании демократическая партия стремилась использовать настроения избирателей для достижения конкретных политических целей, в частности победы на выборах, то после выборов результаты голосования против сил крайней реакции стали самостоятельным политическим фактором первостепенного значения, который придется учитывать администрации демократической партии в своей повседневной деятельности.

---

¹ «New York Times», 3 Nov., 1964.

В то же время нельзя пройти и мимо того факта, что за список Голдуотера — Миллера проголосовало более 25 млн. американцев. Было бы неправильно проводить знак равенства между числом голосовавших за республиканскую партию и теми, кто поддержал голдуотеровскую программу. Следует учитывать целый ряд обстоятельств, в том числе специфически американские условия, когда сотни тысяч людей голосуют за ту или иную партию просто по традиции — от деда и отца к сыну, а также недостаточностью информации, особенно в провинции, политическую неискренность целых слоев избирателей и т. д.

Однако остается фактом, что немалое число американцев сознательно проголосовало за Голдуотера и его программу, что связано с глубокими процессами, происходящими в США, с определенной поляризацией сил, происходящей на американской политической арене в последние годы. Ни в коем случае не следует недооценивать того серьезного факта, что движение американских «ультра» имеет не только мощную поддержку наиболее агрессивных группировок американского монополистического капитала, но и опирается на массовую базу и целую сеть полуфашистских и фашистских организаций.

В этой связи примечательной является та борьба, которая разгорелась внутри республиканской партии после поражения Голдуотера—Миллера на выборах. Речь идет о том, удастся голдуотеровцам удержать в руках командные позиции в партии или они будут оттеснены «умеренными республиканцами». Но даже если сторонники Голдуотера не удержат в руках руководство аппаратом республиканской партии и после сан-францисского торжества у них наступит горькое похмелье, ни в коем случае не следует недооценивать растущей в США правой опасности, о чем, в частности, и свидетельствуют выборы 1964 года.

С Голдуотером или без него — а политические обозреватели не исключают возможности того, что неудачливый претендент на Белый дом будет сделан козлом отпущения и убран с авансцены — правые являются в США первой половины шестидесятых годов реальной опасностью, недооценка которой недопустима.

Нынешние политические битвы в США, ведутся на фоне растущей политической активности широких масс.

Коммунистическая партия США, определяя свои цели и стратегию в этой борьбе, сформулировала их следующим образом: «Независимые предвыборные усилия народа в 1964 году должны строиться на четырех основных опорах — на четырех течениях борьбы и массовых движений. Первое и наиболее бурное движение — борьба за гражданские права. Второе — растущее беспокойство профсоюзов, оказавшихся перед дилеммой автоматизации. Третье — никогда не прекращающаяся борьба за мир. Наконец, четвертое — растущая борьба против «ультра», являющаяся основной чертой всех форм массовой борьбы. Борьба против крайне правых имеет решающее значение для будущего самой избирательной системы. Хотя каждое из этих движений имеет собственные корни, хотя каждое из них возникло в связи с особой, конкретной потребностью, они не могут существовать в изоляции одно от другого. Тот факт, что они направлены против общего противника, неизбежно ведет их к их соединению»¹⁴⁸.

Четыре течения борьбы и массовых движений, о которых американские коммунисты говорили в связи с главной политической кампанией 1964 года, само собой разумеется, выходят далеко за пределы одной только этой кампании, являясь важнейшими направлениями борьбы широких масс трудящихся американцев в 60-х годах. Совершенно очевидно, что значение политических битв, разворачивающихся на американской политической арене, масштабнее той или иной предвыборной кампании, избрания того или иного деятеля на ответственный пост. Значение этих битв прежде всего в том, что они служат отражением глубоких процессов, происходящих в недрах американской политической жизни. Такие события, как убийство Кеннеди или выдвижение на роль руководителя одной из главных буржуазных партий крайнего реакционера, являются показателем всей остроты конфликтов, происходящих ныне на политической арене США, конфликтов, порожденных как усугубляющимися трудностями американского империализма, так и попытками части буржуазии как-то приспособиться к меняющемуся миру, отдалить час своего ухода с арены мировой истории.

---

¹⁴⁸ «Worker», Jan. 3, 1964.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итоги всему вышеизложенному, можно констатировать следующее: последнее десятилетие на политической арене США характеризовалось двояким процессом. С одной стороны, монополии США самым открытым и непосредственным образом, в еще невиданной в политической истории США степени осуществляли руководство государственным аппаратом страны в нужном для себя направлении. Как внешняя, так и внутренняя политика правительства определялась интересами небольшой группы наиболее могущественных монополистических объединений страны и осуществлялась под руководством и при прямом участии виднейших магнатов американского капитала.

С другой стороны, весь ход исторического развития, ставшее очевидным в этот период кардинальное изменение в соотношении сил на международной арене, развитие третьего этапа общего кризиса капитализма, невиданные успехи социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, огромный рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, ослабление позиций США в мире оказали и не могли не оказать самое существенное влияние на весь курс и деятельность правящих кругов этого главного государства нынешнего империализма, его цитадели.

«Современная эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму,— подчеркивает Программа КПСС,— есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониаль-

ной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. В центре современной эпохи стоят международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма»¹.

Провозгласив после прихода к власти в начале 50-х годов авантюристический курс «отбрасывания» коммунизма, правительство Эйзенхауэра встретилось вскоре с абсолютной невозможностью осуществить на практике этот вздорный лозунг. Проводя в жизнь широко задуманную систему мероприятий, направленных на всемерное увеличение прибылей кучки миллиардеров за счет подавляющего большинства народа, ставленники монополий в правительстве республиканской партии натолклись на растущее противодействие трудящихся.

Администрация демократической партии, сменившая у кормила власти республиканцев, сохраняя содержание империалистической политики, делает попытки несколько видоизменить методы, приспособить их к новым условиям, сложившимся как в мире, так и внутри США, что наталкивается на бешеное сопротивление наиболее реакционной и авантюристически настроенной части американской буржуазии.

Чем более невыгодный и опасный для монополий оборот принимает развитие событий, тем яростнее они ведут наступление на жизненный уровень и права трудящихся, тем активнее действуют в сфере политической и идеологической, тем сильнее пытаются использовать в своих классовых интересах весь механизм современного государственного аппарата и буржуазных политических партий.

По мере обострения общего кризиса капитализма, развертывания его третьего этапа, государственный аппарат используется монополиями во все большей степени в качестве органа защиты интересов класса капиталистов в целом, и прежде всего его монополистической верхушки. Отсюда невиданная прежде в истории США степень использования государственного аппарата монополиями, проникновения непосредственных представителей монополий во все звенья этого аппарата, разработ-

---

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 5.

ка и руководство целой системой мероприятий правительства, направленных на сохранение и приумножение огромных барышей крупнейших монополий.

Монополистический капитал США, запутавшись в своих противоречиях, столкнувшись с серьезными поражениями в области внешней политики, стремясь переложить тяготы экономических неурядиц на плечи трудящихся, страшась перспектив развертывания анимонополистической борьбы американского народа, активизирует наступление на народные массы, усиленно маневрирует на международной арене. В то же время массы американского народа, и в первую очередь рабочий класс, начинают освобождаться от парализующего влияния антикоммунистической пропаганды, оказывают растущее сопротивление посягательствам на свои права и развертывают активную борьбу против политики реакции, гонки вооружения, «холодной войны».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аберкромби 74
Абрамс Фрэнк 167, 231
Адамс Уолтер 223, 252
Адамс Шерман 189, 194, 195,
197, 205, 456, 460, 461
Айкэрд Фрэнк 470
Александр Генри Клей 13,
193, 565
Аллен Джордж 82, 175
Фон Амеронген Отто Вольф
169, 171
Андерсон Джек 175, 196, 198,
205, 240, 249, 270, 328
Андерсон Диллон 202
Андерсон Роберт 201, 202
Апджоны 74
Армстронг Д.-младший 292
Астор Дэвид 169
Ачесон Дин 179, 188, 318, 437,
459, 470, 476

Б

Бак Ф. 166
Бакалары 74
Бакли У. 272
Банди Макджордж 458, 459,
463—465
Банди У. 453
Барджес Рандольф 192
Барр Джон 292, 387
Барт Аллен 272
Барух Бернард 172, 476
Басби Хорес 468
Батлер Блуфорд 289
Баумгартнер Вильфрид 172

Бейз С. Кларк 57, 58
Бэк Дэйв 362
Белграно Ф. Н. 58
Белл Эллиот 220
Беннет Генри 79, 80
Бенсон Эзра 258, 259, 263
Бентинк Виктор Кавендиш
171
Берг Фриц 169, 171
Берль А. 155
Бернхэм Д. 316
Бечтел Стефан 64, 74
Бирнс Джеймс 142, 188
Блаустейн 74
Блейсделл Д. 162
Блэк Д. 124
Блоу Роджер 506, 565
Блэкли 74
Бозел Б. 272
Болл Джордж 171
Боноски Ф. 363
Боулс Честер 179, 288, 395,
437, 438
Брандэйдж Перси 191
Браун Г. 74
Браун Дж. 74
Браун Эдмунд 445, 580, 581,
583, 584
Браунелл Герберт 190, 191,
203, 299, 304
Бриджес Гарри 149, 367
Бриджес Стайлс 455
Бринилдсен 239
Броган Д. 159
Брэдли Омар 210
Бувье Ж. 43
Бэйнер Дж. 124
Бэн Дэвид 310
Бэрд 142

Бэри 166
Бэрнс Джеймс 414
Бэррон У. 303
Бэрч Джон 234, 282, 284, 287

В

Вагнер Роберт 580, 584
Вайнерг Сидней 205
Валенти Джек 468, 469, 561
Валленберг Маркус 172
Ванденберг 476, 586
Вандербильд Корнелий 36
Ведемейер А. 297
Вейсл Эдвин Л. 469
Визнер Джэром 462, 477
Вильсон Вудро 18, 56, 57
Вильсон К. 121
Вильсон Чарльз Эрвин (Дженерал Моторз) 91, 109, 116, 173, 178, 191, 192, 238, 239, 240, 242, 248, 512.
Вильсон Чарльз (Дженерал Электрик) 173, 184
Вуд Роберт 277
Вудрафф Роберт 206
Вурхис Джерри 199
Вэнс С. 453

Г

Гандольфо Дж. 413, 414
Гардинг 30
Гарриман-старший 36
Гарриман Аверелл 36, 37, 139, 184, 438, 451, 452, 580
Гаррис 294
Гаррисон Гордон 364
Гарт Лиддел 489
Гейнц Генри Дж. 169, 171
Гейтер Х. 218
Гейтс Томас 193
Гертер Кристиан 589
Гетти Поль 74
Гилпатрик Р. 119, 212, 452, 472, 518
Гитлоу 284
Гловер З. 4
Голбрейт Дж. 17
Голдуотер Барри 123, 149, 150, 166, 276, 286, 288, 289, 294—296, 302, 312, 545, 546,

550, 570, 572—577, 578, 584—586, 590
Голдуотер Барри-младший 295
Голдуотер Бэррон 294
Голдуотер Жозефина 294
Голдуотер Майкл 295
Голдуотер Роберт 294
Гольдберг Артур 442, 443, 448, 470
Гопкинс Гарри 460
Гофман Поль 108
Гофман Клэр (Джаннини) 55, 58
Грабер Д. 319
Гребнер Н. 148
Грей Хоурейс 223, 252
Грейс Питер 111
Грид Уильям Дж. 291
Гринуолт Кроуфорд 26, 342, 344, 565
Гриффин 387
Грэй Гордон 200
Грюнтер Альфред 206, 342
Гувер Герберт 89, 149, 359, 586
Гувер Герберт-младший 58, 63
Гудман Уильям 133, 136, 140
Гудмен Э. 453

Д

Дайал Морзе 167
Дайс Эдвард 82
Даллес Аллен 79, 166, 189, 190, 454, 586
Даллес Джон Фостер 79, 108, 109, 166, 170, 186, 188, 189, 194, 195, 278, 279, 316, 318—321, 328, 404, 433, 437, 440, 476, 586, 589
Даллес Элеонора 190
Даркин Мартин 359
Деннис Юджин 125, 300, 406
Депью 283
Джавитс Джекоб 147, 150, 394, 395
Джаннини Амадео 55—57, 60, 62, 148
Джаннини Лоуренс Марио 55, 58
Джесон Генри 119, 580
Джесон Уильям 191
Дженкинс Уолтер 466
Дженкинс Д. 388

Дженнер 275
Джонс Олтон 206
Джонсон Линдон 70, 102, 107,
115, 139, 179, 200, 207, 260,
418, 419, 428, 446—450, 453,
457, 459, 461—475, 478, 479,
496, 499, 510, 512, 527—529,
536, 551, 556—560, 563, 566,
567, 579, 581, 583, 584
Джонсон Клаудия («Леди
Бэрд») 564
Джонсон Луис 38, 191
Джонстон У. 124
Джонстон Эрик 58, 60, 98, 99,
200
Джоунс А. 291
Диллон Дуглас 38, 74, 439,
440, 441, 448, 472, 507, 520,
523, 566
Дилуорт Ричардсон 23
Димок 300
Дин Артур 169
Дин Гордон 34
Дирксен 545
Додж Джозеф 216
Доновэн У. 211
Доусон Уильям 445
Дрейфус Пьер 172
Дрэйпер 210
Дубинский Дэвид 143, 364,
425, 584
Дуглас 63
Дуглас Льюис 206
Дуглас Эллен 199
Дэвис Бэнджамин 379, 396
Дэвис Элмер 271, 273
Дэй Чарльз 464
Дэй Эдвард 445, 448, 473
Дюбуа Уильям 374
Дюпон Алексис Феликс 26
Дюпон Генри Б. 26, 28
Дюпон Генри Фрэнсис 26
Дюпон Ирене 25, 235
Дюпон Ламот 25, 165, 308, 344
Дюпон Луиза д'Анбела 27
Дюпон Ламот Коупленд 26
Дюпон Маргарет Ламот 26
Дюпон Пьер Самуэль 26, 171
Дюпон Уильям 26
Дюпон Фрэнсис В. 26
Дюпон Эдмунд 26
Дюпон Эмиль Фрэнсис 26
Дюрант Вильям 15

Дьюи Томас 146, 169, 175, 178,
440, 586, 594

И

Исчсл 51
Ислэнд Джеймс 142, 275,
380, 387, 388
Итон Сайрус 51—53, 67, 74,
83, 84, 86, 122, 123

К

Кайзер Генри 58, 60—74, 82,
113, 198, 455, 456
Кайзер Эдгар 61, 74
Кайзерлинг Л. 522, 524
Каллен Хью Рой 70, 74, 273,
290
Каппел Фредерик 565
Картер Клифтон 471
Катлер Роберт 206
Кейпхарт 296
Кек У. 74
Кеннан Джордж 320, 322
Кеннеди Джозеф Патрик 40—
42, 74, 410, 414, 582.
Кеннеди Джон Фитцджеральд
39, 40, 74, 93, 102, 104, 105,
115, 128, 130, 131, 139, 159,
190, 191, 200, 204, 207, 245,
247, 287, 291, 371, 380, 390,
410—420, 422—428, 435—444,
446, 448—450, 452, 454, 456—
465, 471—475, 477—479, 481,
482, 487, 488, 490, 493, 494,
495, 499, 502, 510, 512, 518,
521, 522, 525, 527, 528, 541,
542, 546, 548, 549, 571, 572,
582, 586, 587, 590, 592, 594,
595.
Кеннеди Жаклин 43
Кеннеди-Кавендиш Кэтлин 42
Кеннеди Роберт 40, 42, 74,
139, 310, 311, 393, 414, 419,
443, 444, 448, 463, 475, 580,
581
Кеннеди Роза Фитцджеральд
42
Кеннеди Эдвард 39, 42
Кеннеди-Шрайвер Юнис 42
Кенон 142

Керр 253
Кертис 242
Кеттеринг 74
Кефовер И. 301, 411
Киллон Джордж 445
Кинг Мартин Лютер 369, 370,
379, 380, 381
Кирк Алан 211
Киссингер Генри 169, 324, 461,
462, 475, 476, 477
Кинтнер В. 104
Кларк Дж. 144, 388
Клей Л. 121, 185, 210
Клейтон 124
Клиффорд Кларк 470
Коллорадо Эмилио 111, 171
Коннор М. 292
Коннэлл Джон 70, 446
Корей Л. 14
Корднер Ральф 91, 158, 206
Коркорэн Томас Дж. 470
Корригэн Л. 74
Корт Фрэд 447
Кортин К. 285
Костелло У. 199
Кофлин 274
Кох Фрэд С. 291
Краун Г. 34, 48, 49, 74
Крейг Клео 167
Кроу Филипп 589
Кук Дональд 469
Кун 35, 36
Кэбот Луис 74, 171
Кэйс Роджер 192
Кэмпбелл П. 297
Кэнхэм Э. Д. 342
Кэрби Алан П. 84, 85
Кэртис Харлоу 167

Л

Ларсен А. 145
Лаудон Джон Х. 172
Лауше Фрэнк 580
Лафолет 157
Леб 35, 36
Лейн 300
Лемнитцер 171
Ленд 74
Ленин В. И. 3, 7, 45, 73, 131,
154—156, 266, 351, 373, 558
Ленхарт Р. 164
Лернер М. 154

Ли Лоуренс 251
Лиленаль Дэвид 154
Лимэн 33, 143, 255
Линн Конрад 381
Липпман Уолтер 8, 100, 322,
327, 368, 381, 391, 392, 435,
458, 487, 488, 534, 578
Ловет Роберт А. 184, 192, 218
Ловстон 361
Лодж Кэбот Генри 39, 147,
195, 200, 423, 424, 458, 594
Лодж Кэбот Генри-младший
39
Лонг Хью 274
Людвиг Д. 74
Льюис Д. 364

М

Магнусон Уоррен 119
Майерс Густав 13
Макаду Г. 15
Макартур Дуглас 89, 149, 210
Маковерн Джордж 158, 484,
536
Магги Дж. 451, 470, 473
Макками Джеймс 213
Маккарни Джозеф 210
Маккарти Джон 386, 444, 477
Маккарти Джозеф 40, 236,
268—272, 274, 275—285, 290,
296, 411
Маккарти Юджин 580
Маккарэн 265, 386
Маккей Дуглас 192
Маккей Т. Б. 121
Макклеллан Джон 244, 310,
311, 545
Макклой Джон 168, 170, 206,
208, 451, 472, 481
Маккормик Роберт 149, 276,
277
Маккоун Джон Алекс 58, 64,
201, 454, 455, 465, 472, 473
Маккэфри Джон 168
Макнайт 74
Макнамара Роберт 239, 438,
439, 448, 465, 496, 497, 498,
507, 512, 513, 516, 566, 580,
593, 594
Макмэт 398
Макэлрой Нейл 173, 193
Макферсон Гарри 467

Манатос Майк 464
Маркс Карл 289, 332, 362
Маркс Леонард 470
Маршалл Джордж 188, 191
Маски Ф. 143
Матер Сэмюэль 49
Матусоу Х. 300
Медоуз 74
Мезерик А. Г. 81
Мейнер 143
Мейтаг Фрэд 237
Меком Дж. 74
Меллон Поль 29, 231
Меллон Ричард Кинг 29, 168
Меллон Томас 29
Меллон Эндрю 29, 197
Менне Александр 169
Мерсон Мартин 278, 279
Миллер Уильям Эдвард 563,
584, 585
Миллз Райт 213, 284
Мини Джордж 308, 342, 361,
363—365, 366, 541, 542
Мойерс Билл 464—467
Моннэ Жан 100
Морган Аллен 12
Морган Генри Старгис 12
Морган Джон Пирпонт-стар-
ший 12—16, 37, 56
Морган Джон Пирпонт-млад-
ший 12
Морган Джон Пирпонт-тре-
тий 12
Морган Джуниус Спенсер 12
Морган Томас Альфред 12
Морган Уильям Артур-млад-
ший 12
Морган Юний С. 13, 14
Моргентау Генри 183
Морзе У. 143, 255
Моррис Джо Алекс 23
Мосли Филипп 488
Муди 74
Мундт К. 244
Мур Джордж 575
Мэй Р. 270
Мэнсфилд М. 114, 139
Мэррей Ф. 364
Мэрчисон Джон 72—74, 84, 85,
86, 273, 290
Мэрчисон Клинтон Уильям
70—74
Мэрчисон Клинтон Уильям-

младший 72, 74, 84—86, 273,
290
Мэхони Д. 245
Мюрдок 307

Н

Невинз Аллан 13
Нейбергер Ричард 144
Никсон Ричард 63, 87, 123, 147,
149, 178, 194, 197—199, 200,
275, 408, 409, 410, 422—429,
455, 473, 550, 575, 583, 592
Нитце Поль 171, 184, 447, 452,
453, 472,
Нокс 183
Норстэд Л. 211
Ноулэнд Уильям 148, 149, 197,
275, 312
Нэш 169

О

О'Брайен Лоуренс 457, 458,
463, 464
Одлэм Флойд 64, 82
О'Доннел Кеннет 457, 463, 464,
475
О'Коннор Харвей 72
О'Конски Элвин 455
Олбрайт 233
Олдрич Уинтроп 23, 24, 146,
178, 185
Олсоп Джозеф 270, 488, 561
Олсоп Стюарт 23, 270, 456,
458, 459, 460
О'Нейл Мэк 67

П

Пайк Отис 119
Патерсон 169
Перло Виктор 10, 29, 90, 116,
229, 371
Перри Артур 471
Перри Герман 198
Пибоди Джордж 13, 14
Пинз 171
Пирсон Дрю 175, 196, 198, 205,
240, 242, 243, 249, 327, 575,
576

Плевен 171
Полинг Дж. 24
Полинг Лайус 485
Поргер Сильвия 222
Поссони С. 104
Прайск Дон 169
Прэтт 74
Птипьер Макс 172
Пэйс Фрэнк 34, 219, 342
Пью 291

Р

Райкенс Пауль 169
Раск Дин 108, 169, 188, 393,
437, 448, 451, 458, 459, 465,
472, 484, 566, 580
Реддинг Джек 390
Рейборн Сэм 418
Рейтер Уолтер 143, 196, 361—
366, 425, 541
Реус Генри 161
Рибиков Абрахам 143, 444, 448,
580
Риган Рональд 289
Риггс Роберт 557
Рид Филипп 231
Риджуэй М. 211
Риди Джордж 469
Ристон Уолтер 111, 171
Ричардсон С. 70, 74, 83, 142,
446
Ричберг Д. 308, 309
Робертс Клиффорд 206
Робертс Ч. 281, 298, 299, 407
Робинсон Уильям 206
Роджерс Уильям Пирс 191
Розенталь 538
Рокуэлл Джордж 283
Рокфеллер Джон Д.-старший
20, 23, 26, 231
Рокфеллер Джон Д.-младший
21, 23
Рокфеллер Джон Д.-третий 23
Рокфеллер Джеймс Стилмэн
79
Рокфеллер Дэвид 23, 110, 111,
169, 171, 524
Рокфеллер Лоуренс 23, 121,
188
Рокфеллер Нельсон 23, 24, 103,
121, 146, 147, 150, 151, 185—
187, 200, 202, 324, 343, 407—

410, 424, 437, 439—441, 452,
462, 550, 575, 590, 591, 592
Рокфеллер Перси 79
Рокфеллер Уильям 79
Рокфеллер Уинтроп 23
Рокфеллер Эвери 79
Ромни Джордж 130, 147, 200,
593, 594
Роселлини 144
Росситер Клинтон 131—133,
141
Ростоу Уолт 459, 460, 476, 477
Роу Джеймс 469
Роувер Р. 280
Роудс Д. 302
Руза Р. 452
Рузвельт Франклин Делано
42, 139, 416, 417, 435, 470,
471, 510
Рузвельт Франклин Делано-
младший 143, 580, 584
Рузвельт Теодор 18, 145
Рузвельт Элеонора 143
Руссело 284
Руффин Х. 161
Рэдфорд А. 210
Рестон Д. 562

С

Саймингтон Стюарт 139, 184,
245, 416, 417, 418, 481, 559
580
Саммерфилд Артур 192
Сандерс Стюарт 566
Сарнов Д. 121
Селебресе 444
Селлер Э. 5, 6
Скрэнтон Уильям 147, 200, 575,
578, 586—589, 590
Скотт 234
Слоун А. П. 74, 185
Смит Беделл 206
Смит Джеральд 74, 274
Смит Луиза 372, 373
Смит У. Б. 211
Солоу Р. 522
Соренсен Теодор 460, 461, 463,
464, 475
Спрейг 218
Стассен Гарольд 108, 147, 177,
195, 198, 200, 409, 594
Стейнкаус Г. 124

Стеттиниус Эдвард 183, 188
Стефан Роджер 203
Стивенс Джон 172, 192
Стивенсон Эдлай 130, 142, 143,
178—180, 410, 411, 416, 418,
437, 438, 443, 461, 580, 584
Стилл Дж. 169
Стимсон 183
Стоун Ч. 297
Страус Льюис 52, 191, 201
Страус-Хюпе Р. 104, 325, 326
Сэлинджер Пьер 468
Сэррей Стенли 521
Сьюэл И. 282, 291

Т

Тарбелл Ида 21
Тафт Роберт 89, 148, 149, 174,
176—178, 197, 302, 575, 576,
586
Толмедж 142
Томас Ч. 201
Трудо 166
Трумэн Гарри 139, 179, 217,
303, 417, 463, 471, 478, 551,
552, 581
Трэвис М. 166
Тул О 165
Турмонд 141, 142, 387
Тэйлор Хогарт 464
Тэйлор Макссуэлл 490—493, 496
Тэлбот 192
Тэпп Джесс У. 57, 58, 445

У

Уайт Ли 464
Уайт У. 143
Уайт Теодор 559
Уикс Синклер 195
Уилки У. 18, 586
Уилкинс Рой 389
Уиллер Чарльз 172
Уиллоуби А. 297
Уилсон Генри 464
Уильям 143
Уитни А. 364
Уитни Джордж 185
Уокер 287
Уолес 142

Уордсуорт Джеймс 418
Уоррен Эрл 147, 177, 197, 200,
409, 473
Уотсон Томас Дж. 74, 167, 176
Уритц Уиллард 443, 566
Ускер Э. 298
Уэбб Джеймс 470
Уэлкер 275
Уэллмэн 417, 418
Уэлш Эдвард 470
Уэлч Р. 282, 283, 285, 287
Уэссон Гордон 231

Ф

Фанстон Кейт 565
Фей П. Б. 453
Фейрлесс Бэнджамин 167, 206
Фейрчайлд Ш. 74
Феллер Уиллоби 284
Фельман Майер 464
Фернисс Е. 208
Финлеттер Т. 452
Флеминг Артур 197
Флинн Элизабет Г. 300
Фобус 142
Фонтэн Андрэ 459
Фор Морис 171
Форд Бенсон 32, 33, 231
Форд Вильям 32
Форд Генри-старший 32, 56,
79, 80, 228, 229
Форд Генри-младший 32, 79,
80, 103, 116, 167, 177, 229,
231, 337, 343, 363, 439, 451,
565, 594
Форд Эдзел 32, 79, 228, 229
Форрестол Джеймс 38, 183,
184, 191
Фостер Уильям 351, 352, 369,
377, 397
Фостер Уильям Чепмен 218
Франклин Дж. 192
Фридрих Дж. 133
Фримэн Орвил 143, 442, 448,
529, 530
Фрэнкс С. 489, 490
Фукс В. 46
Фулбрайт Уильям 139, 267, 437
Фуркало 143
Фэклер Уолтер 341

Х

Ханна Марк А. 50, 86, 247
 Хант Гарольдсон Лафайет 70,
 74, 142, 234, 273, 274, 287,
 290, 291, 553, 575
 Хантер Флойд 129, 130, 153,
 203
 Харгис Дж. 283, 284
 Хауз 460
 Хафтстэд Лоуренс 169
 Хейнсон А. Г. 291
 Хеккер Луис 13
 Хеллер Уолтер 566
 Херст 149
 Хикенлупер 484
 Хнт 171
 Хобби О. 201
 Ходжес Лютер 441, 442, 448,
 472, 566
 Холл Гэс 382, 447, 550, 552,
 555, 573
 Холлэнд 275
 Холмен Юджин 206
 Хэгерти Джейм 468
 Хэйз В. 195
 Хэлэби Н. 453
 Хэмфри Губерт 144, 416, 417,
 419, 442
 Хэмфри Джильберт 246, 248
 Хэмфри Джордж 50, 107, 116,
 143, 173, 196, 197, 201, 216,
 246, 247, 248, 574, 575
 Хэнкок 275
 Хьюз Говард 64, 74
 Хьюз Эммет 186

Ц

Цанк Х. 159
 Цуккерт Юджин 453, 473

Ч

Чанс Ф. Гано 291
 Чемберлен 41
 Чендлер 198
 Чодороф Ф. 288

Ш

Шахт Ялмар 176
 Шварц Фрэд 283, 292
 Шенли Бернард Мичел 195
 Шиверс 142
 Шилдс А. 202
 Шлезингер Артур 461, 476, 477
 Шрайвер Сердгент 42, 580,
 581, 582
 Шрифтигиссер К. 164

Э

Эванс Р. 60
 Эдисон 183
 Эйзенхауэр Дуайт 136, 141,
 145, 146, 167, 174—182, 186,
 189, 192, 196, 197, 203—206,
 213, 215, 216, 227, 242, 243,
 255, 257, 259, 261—263, 276,
 285, 291, 317, 321, 322, 328,
 329, 331, 335, 337, 342, 359,
 360, 403, 404, 406, 410, 421,
 423, 424, 433, 436—441, 446,
 449, 450, 455, 456, 461, 463,
 471—473, 477, 478, 487, 512,
 571, 576, 586
 Эйзенхауэр Мильтон 206
 Эйзинг Пауль 338
 Экклес Джордж Стодарт 65,
 67
 Экклес Маринер Стодарт 65,
 67, 68, 74, 123, 124
 Эллендер 536
 Эллиот О. 173, 214
 Эллис Клайд 539
 Элсуорт 294
 Эмануил Виктор 82, 175
 Энгл 445
 Эндрюс К. 286

Ю

Юдол Стюарт 113, 114, 442,
 448, 473

Я

Янг Роберт 53, 82, 83

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I. Элита американских монополий</i>	3
1. Воротины Уолл-стрита	11
2. Чикаго и Кливленд против Уолл-стрита	45
3. «Империя Джаннини»	54
4. Техасские миллиардеры	69
<i>Глава II. Конкуренция и политика</i>	76
1. Каждый против каждого	76
2. Борьба монополий и внешняя политика	86
3. Вашингтон — арена схватки монополистов	107
<i>Глава III. Основные партии американского капитала</i>	129
1. Партии или не партии?	129
2. Эволюция двухпартийной системы	138
<i>Глава IV. Государственный аппарат на службе монополий</i>	152
1. Монополии и концентрация политической власти	152
2. Организации американских предпринимателей и их влияние на Вашингтон	157
<i>Глава V. Республиканцы в Вашингтоне</i>	174
1. Монополии наступают	174
2. Миллиардеры в министерских креслах	183
3. Ключевые посты в Вашингтоне в руках монополий	202
4. Вашингтон и новая роль военщины	207
<i>Глава VI. Политика миллиардеров и для миллиардеров</i>	215
1. Гонка вооружений и республиканская администрация	215
2. Налоговые реформы правительства Эйзенхауэра	221
3. Монополии и «план Вильсона»	237
4. Программа разбазаривания естественных ресурсов	249
5. Республиканское правительство и фермеры	257

<i>Глава VII.</i>	Наступление на политические права трудящихся	265
1.	Маккартизм	265
2.	Неомаккартизм. «Ультра» 60-х годов	280
3.	Республиканская администрация и наступление реакции	299
<i>Глава VIII.</i>	Провалы политического курса правительства республиканцев и усиление борьбы трудящихся США	315
1.	Внешнеполитические провалы республиканской партии	315
2.	Некоторые итоги деятельности администрации Эйзенхауэра	329
3.	Трудящиеся США усиливают сопротивление реакции	347
4.	Негритянский народ в наступлении	367
<i>Глава IX.</i>	Выборы 1960 года и поражение республиканской партии	402
<i>Глава X.</i>	Монополии и политика правительства демократической партии	431
1.	Состав правительства Кеннеди	435
2.	Вашингтонские департаменты. Негласный аппарат президента	450
3.	Внешнеполитический курс администрации Кеннеди — Джонсона	479
4.	Внутренняя политика администрации демократической партии	500
5.	Когда рассеивается туман	540
6.	Выстрел в Далласе	548
7.	Линдон Джонсон в Белом доме	556
8.	Люди и политика. Выборы 1964 года	568
Заключение	. . . . .	599
Указатель имен	. . . . .	602

Валентин Сергеевич Зорин

Доллары и политика Вашингтона

Редактор *А. Е. Могилевчик*. Художественный редактор *Л. М. Воронцова*.
Технический редактор *М. Г. Чацкая*. Корректор *Л. Ф. Крылова*

A10825. Сдано в набор 15/VIII 1964 г. Подписано в печать 11/XI 1964 г. Формат 84×108/32. Физ. печ. л. 19,125. Усл. печ. л. 31,365. Уч.-изд. л. 82,23. Тираж 6000 экз. Т. П. 1964 г. № 6. Зак. 589. Цена 2 руб. 15 коп.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

2-р. ТБ 1015

ВАЛ ЗОРҮН **ДОЛЛАРЫ И ПОЛИТИКА** **ВАШИНГТОНА**

Washington from Eisenhower to Johnson — is the subject of this book. The reader will have the opportunity to look behind the scenes of political life in the U. S. capital. He will become aware of the inner springs of American power politics and the personalities, both in the forefront of politics and out of public view, who — in the quiet of the largest corporations' Board of Directors' offices, elite clubs, or luxurious villas — determine the policies of the leading power of present-day capitalism.

2 р. 15 к.

Вал. Зорин
—
ДОЛЛАРЫ
И ПОЛИТИКА
ВАШИНГТОНА

